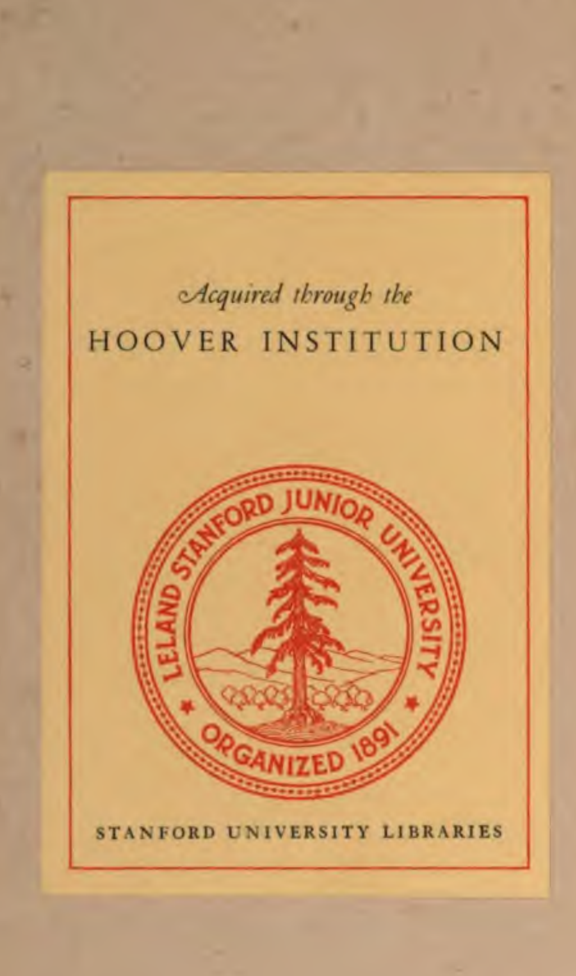

Acquired through the
HOOVER INSTITUTION
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

С. Ѳ. Платоновъ.

ОЧЕРКИ
по
ИСТОРІИ СМУТЫ
ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ
XVI—XVII вв.

(Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное время).

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Скороходова. (Надеждинская, 43).
1901.

Предисловіе къ первому изданію.

Тема предлагаемыхъ «Очерковъ» опредѣляется ихъ заглавіемъ. Авторъ желалъ изучить тѣ вопросы въ исторіи Смутной эпохи, которые обыкновенно стоятъ на второмъ планѣ не только у прежнихъ, но и у новыхъ повѣствователей. Богатая литература о Смутѣ позволила автору совершенно обойти много разъ описанныя, всѣмъ извѣстныя внѣшнія подробности событій и сосредоточить все свое вниманіе на изображеніи дѣятельности руководившихъ общественною жизнью кружковъ и на характеристикѣ массовыхъ движеній въ Смутное время. Своевременно ли была поставлена такая задача и удачно ли исполнена, пусть судитъ ученая критика.

Авторъ раздѣлилъ свои «Очерки» на двѣ неравныя части. Первая изъ нихъ имѣетъ служебное значеніе и представляетъ собою подготовительный этюдъ; цѣль его— показать историческую обстановку, въ которой совершалось дѣйствіе Смуты, изображенной во второй, главной части. Если автору дозволено будетъ назвать свой трудъ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, то онъ не отнесетъ такого опредѣленія, въ его точномъ смыслѣ, къ первой части «Очерковъ». Многообразіе сюжетовъ и изобиліе матеріаловъ, входящихъ въ тему этой части, требовало бы не сжатаго очерка, а многосторонняго спеціальнаго изслѣдованія. Авторъ не имѣлъ времени для такого изслѣдованія и не чувствовалъ въ немъ надобности. Ученая литература давала ему возможность собрать достаточный для

*

его цѣли матеріалъ изъ монографій и общеизвѣстныхъ сборниковъ историческихъ документовъ.

Пять отрывковъ изъ этой книги были напечатаны предварительно въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», именно: 1) «Къ исторіи городовъ и путей на южной окраинѣ Московскаго государства въ XVI вѣкѣ» (мартъ 1898 г.; въ этой книгѣ стр. 76—103); 2) «Къ исторіи опричнины XVI вѣка» (октябрь 1897 г.; въ этой книгѣ стр. 139—157); 3) «Первые политическіе шаги Бориса Годунова. 1584—1594» (іюнь 1898 г.; въ этой книгѣ стр. 192—210); 4) «Борьба за московскій престолъ въ 1598 году» (октябрь 1898 г.; въ этой книгѣ стр. 224—249), и 5) «Царь В. Шуйскій и бояре въ 1606 году» (декабрь 1898 г.; въ этой книгѣ стр. 298—312) [1]).

Окончаніе многолѣтняго труда неизбѣжно обращаетъ мысль къ тѣмъ, кто зналъ объ этомъ трудѣ, ему сочувствовалъ и помогалъ. Авторъ благодарно вспоминаетъ своихъ, уже покойныхъ, учителей и особенно почившаго на этихъ дняхъ любимѣйшаго учителя и старшаго товарища В. Г. Васильевскаго. Своимъ близкимъ и друзьямъ авторъ обязанъ самою глубокою признательностью за неизмѣнное ихъ сочувствіе и содѣйствіе. Наконецъ, авторъ благодаритъ своихъ дорогихъ учениковъ Н. П. Павлова-Сильванскаго и П. Г. Васенка, помогавшихъ ему своимъ трудомъ при печатаніи этой книги.

15-го мая 1899.
Спб.

---

[1]) Во второмъ изданіи указанныя цифры страницъ надобно измѣнить, а именно: 1) 58—78; 2) 105—119; 3) 147—161; 4) 171—191 и 5) 228—239.

Предисловіе ко второму изданію.

Первое изданіе этой книги разошлось менѣе, чѣмъ въ годъ. Рѣшаясь вторично печатать свой трудъ, авторъ не внесъ въ его текстъ никакихъ перемѣнъ. Это не значитъ, что онъ пренебрегаетъ отзывами и указаніями критиковъ, почтившихъ его книгу своимъ вниманіемъ. Но онъ чувствуетъ, что для него самого еще не пришло время пересмотра работы, столь недавно законченной и еще не вполнѣ имъ пережитой.

Второе изданіе исполнено, по порученію автора, типографіей И. Н. Скороходова, за что авторъ приноситъ живѣйшую благодарность администраціи этой типографіи. Карта, приложенная къ книгѣ, составлена уважаемымъ преподавателемъ VI-й С.-Петербургской гимназіи Г. С. Лыткинымъ, а составленіе указателя къ книгѣ принялъ на себя П. Г. Васенко, который трудился надъ указателемъ и къ первому изданію. Ихъ обоихъ авторъ благодаритъ отъ души за дорогое ему сочувствіе и помощь.

12-го октября 1900.
Спб.

Часть вторая. Смута въ Московскомъ государствѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Московское государство передъ Смутою.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Области Московскаго государства.

Земли, входившія въ составъ Московскаго государства въ исходѣ XVI вѣка, отличались значительнымъ разнообразіемъ географическихъ свойствъ и бытовыхъ особенностей. На пространствѣ отъ студеной тундры и горнаго «Камня» до богатаго чернозема «дикаго поля»,—нынѣшней средней Россіи,—подъ вліяніемъ политическихъ причинъ, природныхъ условій и хода колонизаціи, создалось нѣсколько значительныхъ областей, особенности которыхъ, сознаваемыя московскою властію, были ею положены въ основаніе офиціальнаго дѣленія страны. Извѣстно, что въ административномъ отношеніи Московское государство дѣлилось на уѣзды и волости. Общепринятое мнѣніе о томъ, что такое дѣленіе было единственнымъ, уже не разъ подвергалось должному ограниченію. Указывали на то, что московское правительство, хотя и не дошло до учрежденія такихъ постоянныхъ и опредѣленныхъ округовъ, какими были губерніи XVIII столѣтія, однако весьма часто соединяло, для цѣлей финансовыхъ и военныхъ, по нѣскольку уѣздовъ въ одинъ округъ, которымъ и управляло какъ административнымъ цѣлымъ. Замѣчено было и то, что подобная административная группировка сообразовалась съ естественною, житейскою группировкою городовъ, обращая въ военный или финансовый округъ такой районъ, который имѣлъ уже единство или въ историческомъ воспоминаніи, или въ реальныхъ условіяхъ жизни. Можно сказать болѣе: даже и тогда, когда не было нужды на дѣлѣ объединять одною властью города и мѣстности извѣстнаго района, ихъ объединяли общимъ названіемъ: считали за особую часть государства всѣ тѣ мѣста, которыя въ какомъ-либо отношеніи были обособлены исторіей или природою. Такимъ образомъ, по офиціальнымъ понятіямъ, государство имѣло сложный составъ, и обычныя слова того времени «всѣ государства Россійскаго царствія» очень точно соотвѣтствовали дѣйствительнымъ представленіямъ московскихъ людей. Надобно только замѣтить, что свѣжесть историческихъ воспоминаній блекла отъ времени, а житейскія особенности того или

другого края выяснялись чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе; поэтому къ XVII вѣку вмѣсто «государствъ» удѣльной поры въ составѣ Московскаго государства привыкли различать иного рода районы. Старую территорію Московскихъ удѣловъ и великаго княженія Владимірскаго отличали, какъ одно цѣлое, отъ прочихъ областей и не различали въ ней старыхъ удѣльныхъ дѣленій подъ новымъ общимъ названіемъ Замосковныхъ городовъ. «Замосковными» они были со стороны южнаго и юго-западнаго рубежей Московскаго государства, отъ которыхъ Москва была ихъ военнымъ прикрытіемъ. Этимъ городамъ, представлявшимъ собою стариннѣйшій центръ государства, противополагали позднѣе покоренныя земли Великаго Новгорода, «волости всее Новгородскіе земли». Собственно Новгородъ съ пригородами и пятинами и Псковъ съ его пригородами считали за особый районъ, называя эти мѣста «городами отъ Нѣмецкой украйны». Сѣверныя Новгородскія земли, лежавшія по берегамъ Бѣлаго моря, Онегѣ, С. Двинѣ и далѣе до Урала, называли общимъ именемъ Поморья или Поморскихъ городовъ. Къ нимъ часто причисляли Вятку, затѣмъ Пермь Великую, значеніе которой стало значительно рости съ открытіемъ новыхъ путей за «Камень», въ завоеванное Сибирское царство. Это были главнѣйшія части Московскаго сѣвера, собственно великое княжество Московское и земли Великаго Новагорода. На югъ отъ центральныхъ городовъ различали также нѣсколько особыхъ округовъ. Царства Казанское и Астраханское въ среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ слыли подъ общимъ названіемъ Низа или Понизовыхъ городовъ. Рязанское княжество сохранило свою особность, и его старые города вмѣстѣ съ новыми пограничными поселками такъ и назывались Рязанскими городами. На западѣ они соприкасались съ городами Украинными и «Польскими», стоявшими на границахъ «дикаго поля», на «польской украйнѣ». Еще далѣе на западъ, за Окою въ ея верхнемъ теченіи, лежала группа городовъ Заоцкихъ, въ которую входили мелкіе удѣльные центры, бывшіе когда-то предметомъ спора между Москвою и Литвою. Другія части этой спорной территоріи, лежавшія по верховьямъ Днѣпра и З. Двины, назывались «городами отъ Литовской украйны». Эти группы городовъ составляли первый южный поясъ, окружавшій Москву. За нимъ къ концу XVI вѣка образовался второй поясъ, состоявшій изъ давно пріобрѣтенныхъ Сѣверскихъ городовъ, далѣе на востокъ—изъ вновь занятаго Поля, на которомъ строились городъ за городомъ именно въ концѣ XVI вѣка, и, наконецъ, донскихъ казачьихъ городковъ; основаніе послѣднимъ полагала свободная предпріимчивость казаковъ, а не усмотрѣніе московскихъ воеводъ, и потому съ московской точки

зрѣнія эти городки были уже за предѣлами государства. По этой причинѣ сношенія съ ними вело тогдашнее вѣдомство иностранныхъ дѣлъ—Посольскій приказъ.

Всѣ названныя области постоянно упоминаются въ разрядныхъ росписяхъ и иныхъ документахъ XVI—XVII вв., какъ общепринятое дѣленіе страны. Было бы, разумѣется, большою ошибкою придавать этому дѣленію опредѣленность и устойчивость существующихъ въ наше время административныхъ разграниченій; однако этимъ дѣленіемъ можно пользоваться съ большимъ удобствомъ для того, чтобы дать нѣкоторое понятіе объ особенностяхъ общественнаго устройства и быта въ разныхъ частяхъ Московскаго государства. Сколь ни мало совершенна предлагаемая здѣсь читателю попытка характеристики выше названныхъ земель, составлявшихъ территорію Московскаго государства, она все-таки казалась автору необходимою для цѣлей его дальнѣйшаго изложенія.

I.

Въ Поморьѣ, кромѣ земель Вятской и Пермской, мы можемъ различить слѣдующія части: 1) «Двину» или, точнѣе, Двинскій уѣздъ, 2) Корѣльскій берегъ и Обонежскіе погосты, 3) Каргопольскій край, 4) Важскую землю, 5) земли Великаго Устюга и Вычегодскія и 6) сѣверо-восточный край по рр. Пинегѣ, Мезени и Печорѣ. Три первыя области прилегали къ морю, остальныя опредѣляли свои границы системою той или другой рѣки. Мало можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что на берега Бѣлаго моря русскіе поселенцы первоначально вышли по рѣкамъ Выгу, Сумѣ, Онегѣ и С. Двинѣ и что устья этихъ рѣкъ послужили исходными пунктами для дальнѣйшаго движенія поселенцевъ по берегамъ Студенаго и Мурманскаго морей. Въ этихъ мѣстахъ не земля, а вода по преимуществу давала заработокъ и обезпеченіе. Рыбный ловъ въ морѣ и «морскихъ рѣкахъ», охота за морскимъ звѣремъ, морской торгъ съ своими и чужими—вотъ главныя занятія поморовъ XVI вѣка. На землѣ же нельзя было жить пахотою, потому что земля была неродима; можно было вываривать соль и для того сводить лѣсъ; можно было охотиться за пушнымъ звѣремъ, водить оленей. При этихъ условіяхъ населеніе должно было жаться къ морю и рѣкамъ, оставляя наиболѣе далекія отъ моря глухія мѣста въ пользованіе аборигеновъ страны—кореловъ и лопарей. Вотъ почему русскія поселенія въ этомъ краю—всегда при морѣ или близко отъ него—на рѣкѣ. Поселенецъ идетъ съ моря въ устье рѣки и засѣдаетъ въ немъ, устраивая поселки, слагающіеся затѣмъ въ цѣлую «волость». Эти волости выдѣляютъ изъ себя новые поселки на новыхъ прибрежныхъ заимкахъ, и вся группа вновь возникшихъ поселеній тянетъ

судомъ и данью къ тому пункту, откуда пошли поселенцы. Въ новгородское время эти поселки тянули къ господину Великому Новгороду; съ паденіемъ Новгорода и съ отдѣленіемъ въ опричнину Обонежской пятины они стали тянуть къ «Двинѣ», то-есть къ Холмогорамъ, или же непосредственно къ Москвѣ. Въ то же время, въ XVI вѣкѣ, очень быстрые успѣхи на Бѣломъ морѣ стали дѣлать монастыри Соловецкій, Кирилловъ, Корѣльскій и др., получая отъ доброхотныхъ дателей и отъ государя земли за землями, волости за волостями по морскому берегу и становясь чрезъ это между населеніемъ и властью въ качествѣ привилегированныхъ землевладѣльцевъ. Въ исходѣ XVI вѣка, въ интересующій насъ періодъ, по берегамъ Бѣлаго моря, на западъ отъ С. Двины, было уже много волостей съ постояннымъ населеніемъ и развитыми промыслами: по Лѣтнему берегу чаще упоминаются Ненокса, Уна; на Онегѣ Порогъ, на Корѣльскомъ берегу волости: Унежма, Нюхча, Колежма, Сумская, Шуйская, Кемская; въ Дикой Лопи—Кереть, Черная рѣка, Ковда, Княжая губа; на Терскомъ берегу—Кандалакша, Порья губа, Умба, Варзуга и далекій Поной; на Мурманскомъ берегу—Кола и Печенга. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, рядомъ съ крестьянскими общинами, видимъ монастырскія владѣнія и чѣмъ далѣе, тѣмъ въ бóльшемъ числѣ. По справедливому наблюденію А. Я. Ефименко, въ ту пору на сѣверѣ «почти нельзя натолкнуться ни на одно сколько-нибудь значительное промысловое угодье, тоню, варницу, гдѣ бы львиная доля не принадлежала монастырямъ мѣстнымъ и центральнымъ». Особенное же значеніе принадлежало въ сѣверномъ Поморьѣ Соловецкому монастырю. Его владѣнія къ XVII вѣку охватывали Бѣлое море и съ юга, и съ запада, и съ сѣвера. Имѣя въ своихъ стѣнахъ 270 человѣкъ братіи и больше 1.000 человѣкъ работныхъ людей въ монастырѣ и на промыслахъ, изъ которыхъ главнымъ была добыча соли, этотъ монастырь представлялъ собою крупнѣйшій центръ и наибольшую экономическую силу въ Поморьѣ. Его вліяніе въ краѣ обусловливалось еще тѣмъ, что и самъ монастырь принадлежалъ этому краю, тогда какъ другой крупный собственникъ и промышленникъ Бѣломорья, Кирилловъ монастырь, находился далеко отъ своихъ поморскихъ владѣній и отвлекался отъ нихъ другими интересами. Вотъ почему Соловецкому монастырю пришлось, кромѣ частновладѣльческихъ правъ и обязанностей, принять на свой страхъ и коштъ долю чисто правительственныхъ функцій.

Хозяйственныя условія жизни въ Бѣломорьѣ, исключавшія возможность сколько-нибудь значительнаго землепашества, выдвигали на первый планъ промыслы рыбный и соляной. И рыба, и особенно соль, конечно, не сполна потреблялись на мѣстѣ, но доставлялись на внутренніе рынки государства, вызывая торговое дви-

женіе въ краѣ. Соловецкіе старцы считали соляной торгъ основаніемъ своего монастырскаго хозяйства, говоря въ своихъ грамотахъ, что «монастырь мѣсто не вотчинное, пашенныхъ земель нѣтъ, развѣ что соль продадутъ, тѣмъ и запасъ всякой на монастырь купятъ и тѣмъ питаются». Доставка соли и рыбы въ Каргополь и Вологду была въ XVI вѣкѣ уже вполнѣ организованнымъ дѣломъ. Съ этими товарами поморы ходятъ въ лодкахъ по Онегѣ и Двинѣ, вывозя обратно въ поморскія волости все, въ чемъ нуждаются, главнымъ же образомъ хлѣбъ. Въ свою очередь, изъ Каргополя и съ Двины, изъ Новгородскаго края и Заонежскихъ погостовъ въ Поморье пріѣзжаютъ «всякіе торговые люди» со всякими товарами «и тѣми товары торгуютъ и соль и рыбу и всякой товаръ покупаютъ». Такимъ образомъ, въ краѣ было нѣкоторое торгово-промышленное оживленіе, были промысловые и торговые пункты, существовали торговые пути. Все это нуждалось въ правительственной охранѣ, особенно потому, что со стороны шведскаго и датскаго (норвежскаго) рубежей во второй половинѣ XVI вѣка почти всегда грозила опасность, болѣе же всего со стороны такъ называемыхъ «каянскихъ нѣмцевъ» (изъ Каяны въ Финляндіи). Пользуясь удобными «судовыми путями» по рѣкамъ Кеми и Ковдѣ, они проникали къ Бѣлому и морю грабили поморовъ. Московское же правительство, занятое болѣе важными дѣлами на своихъ западныхъ и юго-западныхъ рубежахъ, не всегда могло со своими войсками во-время приходить на помощь далекому сѣверу. Такое положеніе дѣлъ неизбѣжно приводило къ мысли о необходимости постоянныхъ укрѣпленій для защиты сѣвернаго населенія; и вотъ въ 1579 году Соловецкій монастырь превращается въ крѣпость, устроенную на средства монастыря подъ надзоромъ присланнаго изъ Москвы воеводы. Деревянныя стѣны этой крѣпости, поставленныя наскоро, тотчасъ же исподволь начинаютъ замѣняться каменными; гарнизонъ крѣпости—стрѣльцы—набирается на мѣстѣ, въ поморскихъ волостяхъ, и содержится на монастырскія средства. Около того же времени монастырь устраиваетъ острогъ въ своей Сумской волости «монастырскою казною и крестьяны» и держитъ въ немъ гарнизонъ изъ двухсотъ монастырскихъ людей. Немногимъ позже такой же острогъ сдѣланъ былъ и въ Кеми, и въ немъ «устроены были ратные люди изъ монастыря». Сверхъ того, по Кеми и въ другихъ мѣстахъ были поставлены заставы и сторожевые посты. Такимъ образомъ, наше Бѣломорье было прикрыто со стороны Финляндіи рядомъ укрѣпленій, возникшихъ на монастырской землѣ и содержимыхъ монастырскими средствами. Общегосударственное значеніе этихъ укрѣпленій нашло себѣ полное признаніе со стороны правительства. Возлагая на Соловецкій монастырь заботы объ устройствѣ и содержаніи крѣпостей, правительство въ этомъ случаѣ пользовалось сильнѣй-

шею изъ существовавшихъ въ краѣ общественныхъ организацій, такъ какъ собственныя силы его тамъ были слабы: но въ этой передачѣ своихъ дѣлъ на чужую отвѣтственность оно не видѣло своего безусловнаго права. За то, что монастырь несъ особые военные повинности и расходы, правительство воздавало ему льготами, освобождало его отъ оброковъ и пошлинъ, обращало въ монастырскую собственность земли, прикрываемыя монастырскими крѣпостями. Тамъ же, гдѣ монастырь Соловецкій не могъ съ удобствомъ дѣйствовать своими силами за отдаленностью мѣста, правительство ставило своихъ людей. Въ 1585 году въ далекой Колѣ былъ построенъ острогъ, а въ немъ посаженъ воевода изъ Москвы съ обязанностью не только защищать границу отъ «мурмановъ», но и охранять порядокъ на всемъ Кольскомъ полуостровѣ.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, общественный строй этой части Бѣломорья. Рядъ крестьянскихъ волостей, осѣвшихъ и промышлявшихъ на морскомъ берегу, на земляхъ, когда-то составлявшихъ вотчины (своего рода latifundia) новгородскихъ бояръ, въ XVI вѣкѣ мало-по-малу подпалъ вотчинной власти монастырей. Монастыри какъ бы возстановили эти боярскія вотчины, а одинъ изъ нихъ, именно Соловецкій монастырь, вѣдалъ даже и военную защиту края, обезпечивая своими кормами и жалованьемъ какъ постоянную военную силу въ краѣ, стрѣльцовъ, такъ и временныя ополченія даточныхъ людей. Въ этихъ мѣстахъ Бѣломорья господствовалъ монахъ— землевладѣлецъ, промышленникъ и торговецъ [1].

Морской берегъ на востокъ отъ С. Двины не отличался ни населенностью, ни промышленнымъ оживленіемъ. Между Двиною и Мезенью по рр. Пинегѣ и Кулою было нѣсколько крестьянскихъ волостей съ установившимся хозяйствомъ и съ постоянными центрами въ Пинежскомъ волокѣ и Кулойскомъ посадѣ. Едва ли не главнымъ занятіемъ живущихъ ближе къ морю пинежанъ былъ моржовый промыселъ: они сами въ 1603 году писали о себѣ въ Москву, что «ходятъ де они на море промышлять рыбью зубу, чѣмъ имъ дань и оброкъ и всякія подати платить». Нѣтъ сомнѣнія, что и рыбные, и лѣсные промыслы имѣли большое значеніе для этого края, гдѣ земледѣліе и теперь очень ненадежно. Былъ въ этомъ краѣ и торгъ, привлекавшій къ себѣ издалека русскихъ купцовъ: это — ярмарка на Лампожнѣ, на Мезени, перешедшая около 1600 г. въ такъ называемую Окладникову слободку, на мѣстѣ которой нынѣ городъ Мезень. На этой ярмаркѣ, бывавшей дважды въ годъ, совершалась мѣна товаровъ съ самоѣдами, кочевавшими за Мезенью и Печорою и привозившими оттуда пушной товаръ и «рыбій зубъ». За Мезенью начиналась самоѣдская тундра, куда русская колонизація едва проникала. Русскія поселенія, однако, были уже тогда на Печорѣ, представляя собою пристани для морскихъ и рѣчныхъ про-

мышленниковъ и купцовъ. Англичане, попавшіе на Печору въ первые годы XVII вѣка, даютъ намъ хорошія свѣдѣнія о Пустозерскѣ и Усть-Цыльмѣ. Пустозерскъ, по ихъ показанію, большое селеніе: до пожара, его опустошившаго, въ немъ было до 200 домовъ и три церкви; въ Усть-Цыльмѣ они считали до 40 домовъ. Зимою въ Пустозерскъ приходитъ до 2—3 тысячъ самоѣдовъ отчасти для торга, отчасти—по дорогѣ на Лампожню. Значеніе Пустозерска было въ томъ, во-первыхъ, что онъ служилъ пунктомъ, отъ котораго шли въ море промышленники не только мѣстные, но и двинскіе, мезенскіе и кулойскіе, забиравшіеся въ океанъ; во-вторыхъ, Пустозерскъ былъ на пути сообщенія съ Обью, куда, по извѣстіямъ англичанъ, русскіе ходили ежегодно, и, по выраженію одной грамоты XVII в., представлялъ собою «мѣсто пустое поставлено для опочиву Московскаго государства торговыхъ людей, которые ходятъ изъ Московскаго государства въ Сибирь торговать»; и, въ-третьихъ, Пустозерскъ имѣлъ административное значеніе: тамъ собиралась тамга и дань. Значеніе Усть-Цыльмы опредѣлялось тѣмъ рѣчнымъ путемъ, на которомъ она лежала, путемъ, шедшимъ отъ С. Двины Пинегою въ Кулой, Мезень, Пезу, Цыльму, Печору, Уссу (или Шугуръ) и, наконецъ, Обь. Другихъ сколько-нибудь замѣтныхъ пунктовъ русской осѣдлости въ этомъ краѣ въ изучаемое время незамѣтно; сношеній, завязавшихся позднѣе, Печорскаго края съ Пермскимъ еще не было. Такимъ образомъ, это были еще дикія мѣста, къ которымъ Москва имѣла одинъ только путь—чрезъ «Двину», то-есть чрезъ Холмогоры. Этимъ и объяснялось большое значеніе Холмогоръ: они были узломъ всѣхъ, или почти всѣхъ торговыхъ путей въ сѣверныхъ окраинахъ государства. Кромѣ дороги по Выгу въ Обонежье и въ Приладожье и дороги по Онегѣ въ Каргополь, изо всего Поморья не было иначе пути на югъ, какъ чрезъ Двинское устье. Сюда сходились всѣ товары, какими промышлялъ русскій сѣверъ: соль, рыба, мѣха, кожи, ворвань, моржовая кость, ловчія птицы, всякаго рода дичь, перья и пухъ. Отсюда уже эти товары распредѣлялись по разнымъ внутреннимъ рынкамъ, а взамѣнъ ихъ въ Холмогоры стекалось все, въ чемъ нуждался сѣверъ, отъ хлѣба до металловъ. Появленіе европейскихъ кораблей въ Двинскомъ устьѣ и образованіе Архангельскаго порта усложнило и увеличило торговый оборотъ въ краѣ во вторую половину XVI вѣка, но не лишило Холмогоры ихъ значенія для края. Архангельскій городъ былъ мѣстомъ торговаго обмѣна съ иностранцами и стягивалъ къ себѣ населеніе лишь на время ярмарки, на лѣтнее время. Осѣдлаго посадскаго населенія считалось въ немъ не болѣе 130 дворовъ при основаніи города въ 1584 году, и немногимъ болѣе сотни въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія. Остальное населеніе составляли стрѣльцы (200 дворовъ) и пріѣзжіе торговцы, наполнявшіе своими товарами два большихъ

«гостиныхъ двора». Въ Холмогорахъ же и въ XVII вѣкѣ (1622 г.), послѣ того, какъ часть его населенія отвлечена была въ новый городъ, число однихъ посадскихъ дворовъ доходило до 500, да столько же было дворовъ стрѣлецкихъ. Мы знаемъ, что на англичанъ въ XVI вѣкѣ Холмогоры производили впечатлѣніе «большого города». Такимъ же большимъ городомъ были они и въ Смутное время, и послѣ него. О томъ, что новый Архангельскій городъ не отнялъ у Холмогоръ ихъ роли въ мѣстномъ торгово-промышленномъ движеніи, лучше всего свидѣтельствуетъ грамота двинскимъ таможеннымъ цѣловальникамъ 1588 года [2].

Сѣверные промыслы—соляной, рыболовный и охотничьи—оказывали свое вліяніе на торговый оборотъ не только бѣломорской окраины, но и всего вообще московскаго сѣвера. Движеніе добытыхъ на сѣверѣ товаровъ на внутренніе рынки совершалось по опредѣленнымъ путямъ, на которыхъ выросли крупные торгово-промышленные поселки, служившіе мѣстами склада и мѣны. Какъ уже сказано, главный путь отъ моря на югъ шелъ по С. Двинѣ; по рѣкамъ Сухонѣ и Вологдѣ онъ доходилъ до города Вологды, отъ котораго начиналось сухопутье. Отъ этой главной дороги въ обѣ стороны отдѣлялись боковые пути. Первый шелъ на востокъ, въ зырянскую область рѣкъ Вычегды, Сысолы и Выма, откуда были выходы черезъ водораздѣлъ Парму въ Печорскій край, въ Великую Пермь и далѣе въ Сибирь. Второй путь отъ Устюга шелъ также на востокъ по р. Югу и далѣе сухопутьемъ на Каму и за Уралъ. Третій путь представляла собою рѣка Вага, бывшая въ центрѣ Важской земли. На перекресткахъ, въ узловыхъ и конечныхъ пунктахъ этихъ путей и располагались важнѣйшія поселенія края. При отдѣленіи Вычегодскаго пути стоялъ Сольвычегодскъ, при впаденіи Яренги въ Вычегду—Яренскъ, при устьѣ Выма—Устьвымъ, при устьѣ Сысолы—Устьсысольскъ. При слабой населенности края, въ которомъ и теперь населеніе не отходитъ отъ рѣкъ въ лѣсную глубь, всѣ эти мѣста не отличались ни населенностію, ни оживленіемъ. Исключеніемъ былъ одинъ Сольвычегодскъ, въ которомъ писцовыя книги второй половины XVI вѣка насчитывали около 600 тяглыхъ дворовъ и въ которомъ процвѣтала въ XVI вѣкѣ торговля мѣхами, кожами и солью. Съ утвержденіемъ московской власти въ Сибири гораздо большее значеніе получилъ городъ Устюгъ Великій, отъ котораго пошла главная въ XVI—XVII вѣкахъ дорога въ Сибирское царство. Она шла по рр. Югу и Лузѣ чрезъ Лальскій городокъ на Каму въ Пермскую землю, въ Кайгородъ, Соликамскъ и Чердынь. Дорогой этой пользовалось и московское правительство, и частные люди. Служилые люди ѣхали въ Сибирь черезъ Вологду и Устюгъ, такъ же везли туда и казенные запасы. Въ началѣ XVII вѣка въ Устюгѣ были купцы, занятые исключительно сибирскимъ торгомъ,

о которыхъ писцовая книга прямо говоритъ, что они «торгуютъ отъѣзжими товары въ Сибирь», «отпущаютъ со всякими товары въ Сибирь». Такимъ образомъ Устюгъ былъ въ узлѣ двухъ особенно оживленныхъ въ исходѣ XVI вѣка путей, шедшихъ изъ центра страны въ ея единственный портъ и въ ея новую провинцію. Благодаря этому городъ выросъ до первенствующаго значенія въ краѣ и въ началѣ XVII вѣка былъ даже больше Холмогоръ, уступая только Вологдѣ, которую, впрочемъ, мы помѣщаемъ за предѣлами Поморья. Писцовая книга 1630 года насчитываетъ въ двухъ Устюжскихъ крѣпостяхъ («старой осыпи» и новомъ «большомъ острогѣ») и на посадѣ до 700 тяглыхъ дворовъ и около 100 нетяглыхъ, не считая стрѣлецкихъ дворовъ, стоявшихъ до второй четверти XVII вѣка не въ особой слободѣ, а въ перемежку съ посадскими дворами. Въ торговыхъ рядахъ въ Устюгѣ было болѣе 200 лавокъ и амбаровъ; кромѣ того былъ гостиный дворъ и нѣсколько площадокъ для торга съ возовъ «изъ уѣзду всякихъ людей», «волостныхъ крестьянъ». Въ составѣ населенія Устюга, по писцовой книгѣ 1630 года, видимъ большое число ремесленниковъ и судовыхъ рабочихъ. Городъ принималъ участіе въ торговомъ движеніи по Двинѣ, служилъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, идущихъ въ Сибирь и изъ Сибири, и наконецъ, былъ центромъ мѣстной торговли мѣхами, которые шли отъ инородцевъ и русскихъ промышленниковъ въ обмѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты. Третій путь отъ низовьевъ С. Двины шелъ по р. Вагѣ на югъ и былъ особенно важенъ тѣмъ, что зимою представлялъ удобнѣйшее сообщеніе Двинскаго края съ Москвою черезъ Вологду. Онъ прорѣзывалъ обширный и сравнительно очень оживленный край, такъ называемую Важскую землю, состоявшую изъ нѣсколькихъ становъ и волостей по Вагѣ и ея притокамъ. Важская земля торговала съ Холмогорами хлѣбомъ, масломъ, сукнами, мѣхами, овчинами, смолою, сплавляя свои продукты по очень удобному рѣчному пути на сѣверъ. Степень торгово-промышленнаго оживленія этого края измѣряется не только суммою правительственныхъ сборовъ съ Важскаго уѣзда, достигавшихъ при Борисѣ Годуновѣ 8.138 рублей, но и тѣмъ усердіемъ, съ какимъ сильные люди Смутнаго времени домогались получить Вагу въ свое частное обладаніе. Смотря по тому, кто былъ въ силѣ, Важская земля поступала въ распоряженіе то Годуновыхъ, то Шуйскихъ, то Салтыковыхъ, то Заруцкаго съ Трубецкимъ. Съ центромъ государства Вага сносилась чрезъ Вологду и Тотьму, чѣмъ отчасти и объясняется значеніе этого послѣдняго городка, въ которомъ существовала большая добыча соли и торгъ какъ солью, такъ и другими не только мѣстными, но и привозными товарами. Какъ рѣчная пристань, Тотьма остановила на себѣ вниманіе англичанина Дженкинсона еще и тѣмъ, что «около этого города вода очень мелка, дно каменисто», и большіе насады и дощаники шли здѣсь съ трудомъ и, вѣроятно, наузились.

Таковы были пути, связанные съ С. Двиною. Движеніе по этимъ путямъ питало собою нѣсколько городовъ, поддерживая въ нихъ торгъ и промыселъ; оно ставило ихъ во взаимную зависимость, вызывая между ними обмѣнъ товаровъ и людей. Всѣ эти города находились между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ; въ обычное время ихъ сношенія были только торговыми, въ Смутное же время они получали иной характеръ и, какъ увидимъ ниже, могли даже становиться основаніемъ военно-политической организаціи. Замѣтимъ теперь же, что въ той мѣрѣ, въ какой движеніе по изученнымъ нами рѣчнымъ путямъ направлялось къ центру государства, оно всегда шло черезъ Вологду: понятно очень большое значеніе Вологды, разъ ее нельзя было миновать на пути изъ Москвы въ область С. Двины [3].

Другой путь отъ Бѣлаго моря на югъ шелъ по р. Онегѣ на Турчасово и Каргополь. Съ С. Двиною онъ связывался путемъ по рѣкѣ Емцѣ, притоку С. Двины, а отъ Каргополя развѣтвлялся въ двухъ направленіяхъ: южномъ и западномъ. На югъ шли дороги на Чаронду (озеро Воже), Бѣлоозеро и на Вологду и приводили на Москву; на западъ шла дорога на р. Вытегру и Онежское озеро и приводила въ Неву и Волховъ. Такимъ образомъ Каргополь лежалъ въ узлѣ нѣсколькихъ дорогъ и потому былъ важнымъ торговымъ городомъ. Костомарову онъ даже представлялся «важнѣйшимъ мѣстомъ вывоза въ Россію произведеній Сѣвернаго моря». Можно, пожалуй, согласиться съ такимъ мнѣніемъ, если подъ словами «Сѣверное море» разумѣть однѣ западныя части Бѣлаго моря, главнымъ же образомъ Онежскую губу. Изъ этихъ мѣстъ соль и рыба дѣйствительно направлялись на Каргополь и составляли предметъ оживленнаго торга въ Турчасовѣ и Каргополѣ. О значительныхъ размѣрахъ и порядкѣ здѣшняго торговаго оборота мы получаемъ отчетливое представленіе изъ таможенной грамоты, данной на Онегу въ концѣ XVI вѣка. Къ сожалѣнію, нѣтъ полныхъ свѣдѣній о самомъ городѣ Каргополѣ за XVI вѣкъ; знаемъ только, что по сотной 1561—1564 гг. въ Каргополѣ числилось 476 тяглыхъ дворовъ, и потому можемъ сказать, что Каргополь принадлежалъ къ числу крупныхъ поселеній московскаго сѣвера.

Что касается до сообщеній Бѣломорскаго побережья съ Обонежскими и Приладожскими мѣстами, то, безъ сомнѣнія, и здѣсь, въ такъ называемыхъ «Заонежскихъ погостахъ», были проторены постоянныя дороги и были намѣчены пункты торговаго обмѣна; но о нихъ сохранилось вообще мало свѣдѣній. Всѣ пути, шедшіе съ сѣвера, сходились здѣсь къ рѣкѣ Свири, или же къ городу Корѣлѣ; къ послѣднему тянула «дикая лопь» и «лопскіе погосты», то-есть некрещеные и крещеные лопари, раньше чѣмъ городъ Корѣла отошелъ къ Швеціи. Такъ какъ торговое движеніе въ этомъ краѣ

было слабо, то оно и не могло создать крупныхъ поселеній городского склада. Страна вообще была дика: «лѣса, и мхи, и болота негожіе». Пути сообщенія хотя и существовали, но только, по выраженію XVII вѣка,—«съ нужею: зашли мхи и озера и перевозы черезъ озера многія»; можно было ѣздить верхомъ, былъ «судовой ходъ Онегомъ озеромъ на обѣ стороны по погостамъ», но не было «телѣжныхъ дорогъ». Населеніе живетъ здѣсь разсѣянными поселками, «погосты сидятъ въ розни»; не мудрено, что изслѣдователь новгородскихъ городскихъ поселеній въ XVI вѣкѣ А. Г. Ильинскій могъ отмѣтить въ Обонежьѣ, кромѣ города Корѣлы, лишь нѣсколько мелкихъ рынковъ, «рядковъ», по берегамъ Онежскаго озера. Всѣ погосты, окружавшіе это озеро и расположенные между Онегомъ и Ладожскимъ озеромъ сѣвернѣе рѣки Ояти, составляли особый административный округъ, тянувшій къ Новгороду. Въ него входило до 16-ти погостовъ, кромѣ семи лопскихъ, расположенныхъ далеко на сѣверѣ. Съ утвержденіемъ шведовъ на западномъ берегу Ладожскаго озера и съ потерею Корѣлы, въ концѣ царствованія Грознаго, этотъ округъ получилъ значеніе пограничнаго и вызывалъ особыя заботы правительства. Здѣсь насчитывали послѣ Смуты крестьянъ дворцовыхъ до 6.000 дворовъ и монастырскихъ до 3.000; это населеніе надо было охранить отъ возможнаго нападенія шведовъ, и для его защиты посылался воевода съ войсками, а въ серединѣ XVII вѣка построена была Олонецкая крѣпость. Это былъ первый «городъ въ Заонежскихъ погостахъ на Олонцѣ» и возникъ онъ, какъ видимъ, очень поздно [1].

Для полноты обзора Поморскихъ городовъ и мѣстъ намъ осталось сказать о земляхъ Вятской и Пермской, исторія которыхъ въ послѣднее время достаточно освѣщена трудами мѣстныхъ изслѣдователей. Подъ старинною «Вяткою», «Вятскою землею» разумѣли уѣзды четырехъ городовъ: Хлынова, Слободскаго, Орлова и Котельнича, расположенные по среднему теченію р. Вятки и нижнему— р. Чепцы. Къ Вяткѣ же тянулъ и лежавшій по верховьямъ р. Чепцы вотяцкій округъ, въ которомъ льготными землевладѣльцами были казанскіе выходцы, извѣстные подъ названіемъ «арскихъ князей» или «каринскихъ татаръ», по мѣсту новой ихъ осѣдлости въ Каринскомъ станѣ. Насколько можемъ судить по скуднымъ извѣстіямъ XVI и начала XVII вѣка, Вятка не была богата русскимъ населеніемъ: въ самомъ крупномъ ея городѣ Хлыновѣ въ 1615 году было дозоромъ сосчитано около 600 дворовъ тяглыхъ и нетяглыхъ, съ отмѣткою, что сравнительно съ прежнимъ дозоромъ конца XVI вѣка въ городѣ прибыло до 200 дворовъ. Значитъ, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича Хлыновъ состоялъ всего изъ 400, приблизительно, дворовъ. Прочіе города были значительно менѣе. Въ пору большей своей населенности, въ серединѣ и исходѣ XVII вѣка, Вятская земля

заключала въ себѣ 10—12 тысячъ дворовъ, русскихъ и инородческихъ. Въ XVI в. было, конечно, менѣе. Бурный періодъ въ жизни Вятскаго края миновалъ съ замиреніемъ Казани и черемисы, и земледѣльческій трудъ, служившій основою вятскаго быта, казалось, былъ избавленъ отъ внезапныхъ потрясеній. Но въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка на вятчанъ легли новыя тяготы. Расположенная между центромъ государства и только что пріобрѣтенной инородческою окраиною Сибирью, Вятка должна была принять свою долю, и притомъ большую долю, въ усиліяхъ Москвы укрѣпить за собою Сибирское царство. Въ послѣднюю четверть XVI вѣка въ Сибирь, гдѣ только что было построено нѣсколько крѣпостей, въ большомъ числѣ посылались чиновные и ратные люди; вербовалось и передвигалось населеніе для этихъ новоустроенныхъ въ Сибири чисто военныхъ городовъ; отправлялись туда всякаго рода запасы и оружіе. Такое напряженное движеніе на востокъ отзывалось на Вятскомъ краѣ чувствительнымъ образомъ. Кромѣ того пути въ Сибирь, который шелъ сѣвернѣе Вятки, отъ Устюга на Кайгородъ и Соликамскъ, вошелъ въ употребленіе и новый путь отъ Нижняго-Новгорода черезъ Яранскъ и Вятскую землю, Котельничъ и Хлыновъ, на тотъ же Кайгородъ и далѣе. Вятское населеніе необходимо должно было содѣйствовать сообщенію съ Сибирью на обоихъ путяхъ, не только содержа «ямы» въ своей землѣ, но высылая ямщиковъ и давая средства для содержанія ямской гоньбы и въ Пермской землѣ. Это была тяжелая повинность, вызывавшая жалобы вятчанъ и на ея размѣры, и на недостатки въ ея организаціи. Дѣло стало для Вятки лучше, когда въ 1607 г. личную ямскую повинность въ Соликамскѣ замѣнили для вятчанъ денежнымъ сборомъ въ пользу пермскихъ ямовъ. Размѣры этого сбора доходили до 500 рублей ежегодно. Съ другой стороны, Вятка служила Сибири своимъ хлѣбомъ: уже въ 80-хъ годахъ XVI вѣка начали на Вяткѣ, какъ и въ другихъ Поморскихъ мѣстахъ, сбирать «сибирскій хлѣбъ» на кормъ государевымъ людямъ въ Сибирскихъ городахъ; при этомъ не только надо было собрать хлѣбъ, но требовалось еще и доставить его въ сохранности до Лозвы или до Верхотурья подъ присмотромъ земскихъ цѣловальниковъ и рабочихъ «плотниковъ», на обязанности которыхъ лежала постройка судовъ для хлѣба на главныхъ сибирскихъ рѣкахъ. О размѣрахъ хлѣбнаго сбора можемъ судить по примѣру 1596 года, когда вятскіе цѣловальники свезли на Лозву всего 3.260 четвертей муки и зерна. Наконецъ, на Вяткѣ, какъ и вообще въ Поморьѣ, шелъ «приборъ» людей на службу въ Сибирь; а рядомъ съ этою вербовкою охотниковъ производилось иногда и принудительное переселеніе въ Сибирь. Такимъ-то образомъ сибирскія дѣла въ концѣ XVI вѣка стали тяготѣть надъ вятскимъ населеніемъ и опредѣлять собою направленіе его общественныхъ интересовъ, за-

мѣнивъ въ этомъ отношеніи прежній страхъ татарскаго набѣга и «черемисской войны».

Еще въ большей степени сибирскія дѣла вліяли на Пермскій край, который прикрывалъ съ востока Вятскія мѣста и все Поморье отъ татаръ, вогуличей и остяковъ. Военное значеніе Пермскаго края чувствовалось и послѣ утвержденія Москвы въ Сибирскомъ царствѣ: еще въ 1609 году пермичи писали про свой край, что у нихъ «мѣсто порубежное», требующее осторожности и особой охраны. Въ сущности походъ за Камень, приведшій къ покоренію царства Кучума, былъ однимъ изъ военно-пограничныхъ предпріятій, къ которымъ Пермь издавна привыкла; онъ составилъ рѣшительный шагъ въ томъ дѣлѣ замиренія сѣверо-восточной окраины государства, которое считалось прямою задачею пермской администраціи и пермскаго населенія. Вспомнимъ, что самое пожалованіе Строгановымъ земель по рр. Камѣ и Чусовой было обусловлено обязанностью устроить военную защиту пожалованныхъ мѣстъ и что въ 1572 году Строгановы приглашались съ ихъ ратными людьми усмирять измѣнившую царю черемису и другихъ инородцевъ. Обращеніе окраинныхъ земель въ частную собственность богатой средствами и силами семьи Строгановыхъ мы считаемъ такимъ же правительственнымъ пріемомъ, какъ и тотъ, который мы указали въ Бѣломорьѣ въ отношеніи Соловецкаго монастыря. И здѣсь, и тамъ не хватало у правительства собственныхъ средствъ; оно пользовалось бывшими на лицо частными силами, передавая имъ свои функціи и взамѣнъ создавая широкія льготы и исключительныя права своимъ помощникамъ. Такъ на Пермской окраинѣ возникъ въ XVI вѣкѣ рядъ крѣпостей, правительственныхъ и частныхъ, обращенныхъ на востокъ и послужившихъ операціоннымъ базисомъ не только при завоеваніи Сибирскаго царства, но и при его заселеніи и переустройствѣ на московскій ладъ.

Изъ правительственныхъ городовъ первое мѣсто въ Пермскомъ краѣ безраздѣльно принадлежало Чердыни до самаго исхода XVI вѣка, до тѣхъ поръ, пока старый путь въ Сибирь, шедшій черезъ Чердынь, не былъ замѣненъ болѣе короткою дорогою, прошедшею отъ Соликамска прямо на Верхотурье, минуя Чердынь. Съ этою замѣною роль передаточнаго пункта между Москвою и Сибирью перешла къ Соликамску, а Чердынь осталась при старомъ своемъ значеніи—административнаго центра инородческой окраины. Оба эти городка были невелики. Въ Чердыни было около 300 тяглыхъ дворовъ въ 1579 году и число это нѣсколько уменьшилось (до 276) къ 1623—1624 году; въ Соликамскѣ считали 352 тяглыхъ двора въ 1579 году и 333 въ 1623—1624 году. Оба города имѣли цитадели—деревянные «города» небольшого размѣра—и у обоихъ посады были защищены вторыми, внѣшними стѣнами—«острогами».

заключала въ себѣ 10—12 тысячъ дворовъ, русскихъ и инородческихъ. Въ XVI в. было, конечно, менѣе. Бурный періодъ въ жизни Вятскаго края миновалъ съ замиреніемъ Казани и черемисы, и земледѣльческій трудъ, служившій основою вятскаго быта, казалось, былъ избавленъ отъ внезапныхъ потрясеній. Но въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка на вятчанъ легли новыя тяготы. Расположенная между центромъ государства и только что пріобрѣтенной инородческою окраиною Сибирью, Вятка должна была принять свою долю, и притомъ большую долю, въ усиліяхъ Москвы укрѣпить за собою Сибирское царство. Въ послѣднюю четверть XVI вѣка въ Сибирь, гдѣ только что было построено нѣсколько крѣпостей, въ большомъ числѣ посылались чиновные и ратные люди; вербовалось и передвигалось населеніе для этихъ новоустроенныхъ въ Сибири чисто военныхъ городовъ; отправлялись туда всякаго рода запасы и оружіе. Такое напряженное движеніе на востокъ отзывалось на Вятскомъ краѣ чувствительнымъ образомъ. Кромѣ того пути въ Сибирь, который шелъ сѣвернѣе Вятки, отъ Устюга на Кайгородъ и Соликамскъ, вошелъ въ употребленіе и новый путь отъ Нижняго-Новгорода черезъ Яранскъ и Вятскую землю, Котельничъ и Хлыновъ, на тотъ же Кайгородъ и далѣе. Вятское населеніе необходимо должно было содѣйствовать сообщенію съ Сибирью на обоихъ путяхъ, не только содержа «ямы» въ своей землѣ, но высылая ямщиковъ и давая средства для содержанія ямской гоньбы и въ Пермской землѣ. Это была тяжелая повинность, вызывавшая жалобы вятчанъ и на ея размѣры, и на недостатки въ ея организаціи. Дѣло стало для Вятки лучше, когда въ 1607 г. личную ямскую повинность въ Соликамскѣ замѣнили для вятчанъ денежнымъ сборомъ въ пользу пермскихъ ямовъ. Размѣры этого сбора доходили до 500 рублей ежегодно. Съ другой стороны, Вятка служила Сибири своимъ хлѣбомъ: уже въ 80-хъ годахъ XVI вѣка начали на Вяткѣ, какъ и въ другихъ Поморскихъ мѣстахъ, сбирать «сибирскій хлѣбъ» на кормъ государевымъ людямъ въ Сибирскихъ городахъ; при этомъ не только надо было собрать хлѣбъ, но требовалось еще и доставить его въ сохранности до Лозвы или до Верхотурья подъ присмотромъ земскихъ цѣловальниковъ и рабочихъ «плотниковъ», на обязанности которыхъ лежала постройка судовъ для хлѣба на главныхъ сибирскихъ рѣкахъ. О размѣрахъ хлѣбнаго сбора можемъ судить по примѣру 1596 года, когда вятскіе цѣловальники свезли на Лозву всего 3.260 четвертей муки и зерна. Наконецъ, на Вяткѣ, какъ и вообще въ Поморьѣ, шелъ «приборъ» людей на службу въ Сибирь; а рядомъ съ этою вербовкою охотниковъ производилось иногда и принудительное переселеніе въ Сибирь. Такимъ-то образомъ сибирскія дѣла въ концѣ XVI вѣка стали тяготѣть надъ вятскимъ населеніемъ и опредѣлять собою направленіе его общественныхъ интересовъ, за-

мѣнивъ въ этомъ отношеніи прежній страхъ татарскаго набѣга и «черемисской войны».

Еще въ большей степени сибирскія дѣла вліяли на Пермскій край, который прикрывалъ съ востока Вятскія мѣста и все Поморье отъ татаръ, вогуличей и остяковъ. Военное значеніе Пермскаго края чувствовалось и послѣ утвержденія Москвы въ Сибирскомъ царствѣ: еще въ 1609 году пермичи писали про свой край, что у нихъ «мѣсто порубежное», требующее осторожности и особой охраны. Въ сущности походъ за Камень, приведшій къ покоренію царства Кучума, былъ однимъ изъ военно-пограничныхъ предпріятій, къ которымъ Пермь издавна привыкла; онъ составилъ рѣшительный шагъ въ томъ дѣлѣ замиренія сѣверо-восточной окраины государства, которое считалось прямою задачею пермской администраціи и пермскаго населенія. Вспомнимъ, что самое пожалованіе Строгановымъ земель по рр. Камѣ и Чусовой было обусловлено обязанностью устроить военную защиту пожалованныхъ мѣстъ и что въ 1572 году Строгановы приглашались съ ихъ ратными людьми усмирять измѣнившую царю черемису и другихъ инородцевъ. Обращеніе окраинныхъ земель въ частную собственность богатой средствами и силами семьи Строгановыхъ мы считаемъ такимъ же правительственнымъ пріемомъ, какъ и тотъ, который мы указали въ Бѣломорьѣ въ отношеніи Соловецкаго монастыря. И здѣсь, и тамъ не хватало у правительства собственныхъ средствъ; оно пользовалось бывшими на лицо частными силами, передавая имъ свои функціи и взамѣнъ создавая широкія льготы и исключительныя права своимъ помощникамъ. Такъ на Пермской окраинѣ возникъ въ XVI вѣкѣ рядъ крѣпостей, правительственныхъ и частныхъ, обращенныхъ на востокъ и послужившихъ операціоннымъ базисомъ не только при завоеваніи Сибирскаго царства, но и при его заселеніи и переустройствѣ на московскій ладъ.

Изъ правительственныхъ городовъ первое мѣсто въ Пермскомъ краѣ безраздѣльно принадлежало Чердыни до самаго исхода XVI вѣка, до тѣхъ поръ, пока старый путь въ Сибирь, шедшій черезъ Чердынь, не былъ замѣненъ болѣе короткою дорогою, прошедшею отъ Соликамска прямо на Верхотурье, минуя Чердынь. Съ этою замѣною роль передаточнаго пункта между Москвою и Сибирью перешла къ Соликамску, а Чердынь осталась при старомъ своемъ значеніи—административнаго центра инородческой окраины. Оба эти городка были невелики. Въ Чердыни было около 300 тяглыхъ дворовъ въ 1579 году и число это нѣсколько уменьшилось (до 276) къ 1623—1624 году; въ Соликамскѣ считали 352 тяглыхъ двора въ 1579 году и 333 въ 1623—1624 году. Оба города имѣли цитадели—деревянные «города» небольшого размѣра—и у обоихъ посады были защищены вторыми, внѣшними стѣнами—«острогами».

Третій городъ Пермской земли Кай былъ еще меньше: въ немъ число дворовъ не превышало 150 даже въ исходѣ XVII вѣка. Значеніе этого городка состояло въ томъ, что онъ находился на распутьи дорогъ, шедшихъ изъ Перми Великой на Двину и Москву, и былъ самымъ западнымъ пунктомъ Пермской земли, чрезъ который она сообщалась съ остальнымъ государствомъ. Во владѣньяхъ Строгановыхъ въ XVI вѣкѣ выстроено было три городка, слывшихъ подъ названіемъ «слободъ»: Канкоръ на Камѣ, уступленный владѣльцами Пыскорскому Спасскому монастырю, Орелъ (или Кергеданъ) на Камѣ же и Чусовая слобода на р. Чусовой. Если не ошибаемся, ни въ одномъ изъ этихъ городковъ не было и сотни дворовъ. Трудно, конечно, опредѣлить степень населенности Пермскаго края въ XVI вѣкѣ, въ то время, когда русское населеніе въ немъ едва осѣдало, но нельзя сомнѣваться, что населенія тамъ не было много. Въ 1579 году въ Чердынскомъ уѣздѣ переписано было 1.218 дворовъ, въ Соликамскомъ всего 144 двора. Что было за Строгановыми въ 1579 году, точно сказать нельзя, но въ 1623—1624 году за ними считалось 933 двора во всемъ Пермскомъ краѣ; для времени на сорокъ лѣтъ ранѣе это число надобно уменьшить. Какъ бы ни были преуменьшены, сравнительно съ дѣйствительностью, всѣ эти цифры фискальныхъ вѣдомостей, онѣ говорятъ намъ все-таки очень краснорѣчиво о слабой населенности Перми Великой. Ни особенныхъ богатствъ, ни торговаго оживленія, ни развитой производительности намъ нечего искать на этой окраинѣ. Солевареніе, выдѣлка кожъ, охота, кое-гдѣ землепашество, торговля съ инородцами камскими, вычегодскими, печорскими—вотъ занятія пермскаго населенія. Если въ этомъ краю Строгановымъ удалось такъ скоро и прочно поставить сложное и богатое хозяйство, то причины этого не въ сказочномъ богатствѣ захваченныхъ ими въ Великой Перми земель, а въ старыхъ источникахъ ихъ экономической мощи, вообще еще мало изслѣдованныхъ. Дружина Ермака врядъ ли бы выросла до 850 человѣкъ, еслибы ее вербовали силами однихъ пермскихъ Строгановскихъ вотчинъ. Она создана была на тѣ же ранѣе скопленныя средства, на которыя содержалась и 1.000 «казаковъ съ пищалми», посланныхъ Строгановыми въ 1572 году на царскую службу противъ крымцевъ [5].

До сихъ поръ мы изучали въ Поморьѣ главнѣйшія мѣста торга и промысла и пути, соединявшіе эти мѣста между собою и съ центромъ государства. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что, за исключеніемъ развѣ Архангельскаго порта, всѣ торгово-промышленные пункты въ краѣ держались на мѣстныхъ промыслахъ и питали свой торгъ продуктами мѣстной производительности. Эти продукты отличались значительнымъ разнообразіемъ и находили хорошій сбытъ и на внутренніе рынки и за границу. Между ними главное

мѣсто занимали мѣха, рыба и соль, и далеко не главное—хлѣбъ. По условіямъ климата и почвы, пашня и покосъ на сѣверѣ не вездѣ были возможны и почти нигдѣ не были исключительнымъ видомъ хозяйственнаго труда. Вотъ почему, какъ ни малолюденъ былъ московскій сѣверъ, какъ ни мало было на немъ крупныхъ торгово-промышленныхъ поселеній, онъ все-таки имѣлъ характеръ торгово-промышленнаго района сравнительно съ московскимъ земледѣльческимъ югомъ. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что въ Поморьѣ не было земледѣльческихъ хозяйствъ. Напротивъ, можно даже удивляться той настойчивости, съ какой житель сѣвернаго края держался за соху при самыхъ дурныхъ условіяхъ земледѣльческаго труда. Надобно только помнить, что этотъ земледѣльческій трудъ былъ для него, въ большинствѣ случаевъ, хозяйственнымъ подспорьемъ, а не основаніемъ его хозяйства. При постоянныхъ недородахъ и малоурожайности земледѣліе на сѣверѣ оправдывалось только необходимостью: разобщенные между собою, удаленные отъ крупныхъ рынковъ, сѣверные поселки не могли расчитывать на правильный подвозъ хлѣба съ юга, на возможность скорой и удобной мѣны на хлѣбъ того товара, которымъ они бывали богаты. Такъ обстоятельства создавали жителю Поморья двойственную физіономію—промышленника и земледѣльца, пахаря и въ то же время солевара, рыболова, звѣролова и т. п. Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ замѣтнѣе становился элементъ промышленный; чѣмъ гуще было инородческое населеніе, тѣмъ слабѣе была способность и наклонность къ землепашеству.

Въ такой обстановкѣ жизни и труда какая общественная организація господствовала въ краѣ? Давно замѣчено, что на сѣверѣ Московскаго государства не было того служилаго землевладѣнія, которое такъ характерно для западныхъ, центральныхъ и южныхъ частей страны. Служилый вотчинникъ или помѣщикъ не былъ надобенъ на сѣверѣ съ его дорого обходившеюся службою. Слишкомъ много стоило бы правительству содержаніе помѣщика и его конной дворни въ сторонѣ, гдѣ изъ 10 лѣтъ только 4 было урожайныхъ, и гдѣ къ тому же полевая конница не была пригодна, потому что врагъ или приходилъ на ладьяхъ по морю и рѣкамъ, какъ «свейскіе» и «каянскіе нѣмцы», или держался въ лѣсахъ и топяхъ, пустоша страну «изгономъ», какъ дѣлали инородцы на востокѣ. Противъ этихъ враговъ нужна была крѣпостная ограда и пограничный сторожевой постъ на укрѣпленной границѣ; а за укрѣпленіями хорошо служилъ и пѣшій стрѣлецъ или пушкарь, содержаніе котораго стоило немного, который получалъ весьма малый земельный надѣлъ, и то не всегда, и умѣлъ совмѣщать службу съ промысломъ и торгомъ. Стрѣльцы же дѣйствовали и въ открытомъ полѣ, вмѣстѣ съ казаками и даточными «посошными» или «подымными» людьми, ко-

торые нанимались и набирались на случай, въ трудное время, когда ждали войны. Правительство ничего не тратило на этихъ послѣднихъ: казаковъ и даточныхъ людей содержали тѣ, кто ихъ нанималъ или кто ихъ выбиралъ, то-есть города или землевладѣльцы. Соловецкій монастырь содержалъ даже и стрѣлецкія войска, бывшія въ его владѣніяхъ. Итакъ, на сѣверѣ были только гарнизонныя войска, и не было землевладѣльческаго служилаго класса; но это не значитъ, что тамъ не было частнаго землевладѣнія вообще. Во-первыхъ, монастыри, какъ упоминалось выше, съ большимъ успѣхомъ копили земли, получая ихъ отъ государя или пріобрѣтая изъ частныхъ, крестьянскихъ рукъ. Въ монастырскихъ вотчинахъ, какъ извѣстно, существовалъ порядокъ, совершенно подобный порядку въ крупныхъ земельныхъ хозяйствахъ привилегированныхъ свѣтскихъ владѣльцевъ: дѣло велось руками монастырскихъ крестьянъ и половниковъ, надъ которыми тяготѣло уже прикрѣпленіе, имѣвшее опору если не въ прямомъ государевомъ указѣ, то въ укоренившемся юридическомъ обычаѣ. Во-вторыхъ, на правѣ личномъ владѣли землями и свѣтскіе люди: или послѣдніе потомки новгородскаго и двинскаго боярства, удержавшіеся на обломкахъ конфискованныхъ Москвою боярщинъ, или «своеземцы» изъ крестьянской среды, разбогатѣвшіе отъ счастливаго торга и промысла. Въ-третьихъ, землевладѣльцемъ Поморскаго края можно считать и самого великаго государя московскаго, если помнить, что въ Поморьѣ были «дворцовыя» земли, и если признавать, что право собственности на «черныя» земли принадлежало не ихъ дѣйствительнымъ владѣльцамъ, а великому государю. Принимая эту точку зрѣнія, мы можемъ не вводить въ нашъ перечень владѣльческихъ элементовъ въ краѣ— крестьянъ, «владѣвшихъ своими деревнями», сидѣвшихъ «на государевой землѣ», но на своихъ «ржахъ и роспашахъ». Въ-четвертыхъ, наконецъ, правами землевладѣльческими пользовались церкви. Онѣ въ сѣверномъ краю имѣли своеобразное общественное значеніе, служа не для одной только молитвы. Церковная трапеза была мѣстомъ для мірского схода и суда; при церкви призрѣвались убогіе и бѣдные. Отсюда—та заботливость, съ какою сѣверное крестьянство относилось къ благосостоянію своихъ церквей.

Такое распредѣленіе права собственности на землю придавало московскому сѣверу оттѣнокъ демократичности. Высшій слой московскаго общества—боярство и московское дворянство — отсутствовалъ въ этомъ краѣ. Изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ не могло составиться такого круга привилегированныхъ лицъ, который могъ бы усвоить себѣ политическія притязанія на почвѣ аграрнаго господства и могъ бы увлекать за собою населеніе къ достиженію мѣстныхъ и частныхъ цѣлей. Владѣльцы старыхъ «боярщинъ» и вновь разжившіяся семьи, въ родѣ вычегодскихъ Строгановыхъ, чердын-

скихъ Могильниковыхъ, двинскихъ Бажениныхъ и др., были рѣдкими исключеніями, жили и дѣйствовали въ одиночку и не всегда успѣвали даже обѣлять свое тяглое богатство. Монастыри же въ сферѣ земельнаго хозяйства искали только хозяйственнаго дохода и не обращали своихъ силъ и средствъ на стороннія цѣли. На монастырскихъ земляхъ, какъ бы ни была велика зависимость земледѣльца отъ монастыря, крестьянинъ чувствовалъ государево тягло, которое падало на его крестьянскій «міръ» и давало этому міру извѣстное устройство. Тотъ же «міръ» — крестьянскій или посадскій — дѣйствовалъ уже съ полною свободою отъ частныхъ воздѣйствій на черныхъ и дворцовыхъ земляхъ—«въ государевой вотчинѣ, а въ своемъ поселье». «Міръ»—это и есть та общественная форма, которою преимущественно жилъ сѣверъ; она смотритъ на насъ отовсюду: и съ государевой земли, и изъ-за монастырскаго тархана, и изъ-за Строгановскихъ льготъ.

Какъ извѣстно, старыя представленія объ этомъ «мірѣ», то-есть тяглой сѣверно-русской общинѣ, потерпѣли крушеніе послѣ наблюденій А. Я. Ефименко и послѣдующихъ изслѣдованій. Теперь врядъ ли кто рѣшится представлять себѣ «волость» XVI вѣка съ тѣми чертами крестьянской общины, какія, по указанію позднѣйшей практики, получили опредѣленіе въ 113-й статьѣ Положенія 19-го февраля 1861 года. Осторожнѣе не настаивать на существованіи въ волостяхъ не только общиннаго хозяйства съ земельными передѣлами, но и вообще однообразнаго порядка землевладѣнія и землепользованія. Объединенная податнымъ окладомъ и организованная въ цѣляхъ правительственно-финансовыхъ, «волость» (и всякое аналогичное ей дѣленіе) прикрывала своею внѣшнею податной, а мѣстами и судебно-полицейской организацiей весьма различный хозяйственный строй—отъ патріархально-родовой общины до простой совокупности частныхъ хозяйствъ, принадлежащихъ владѣльцамъ разнаго общественнаго положенія. Но это разнообразіе внутренняго строенія тяглыхъ общинъ не мѣшало имъ выработать твердый и однообразный порядокъ въ разверсткѣ и отбываніи государева тягла и въ устройствѣ общиннаго управленія, отданнаго властью въ руки самихъ тяглыхъ общинъ. Какъ совокупность плательщиковъ, организующихъ порядокъ своего платежа и наблюдающихъ за исправностью податныхъ хозяйствъ, волостной «міръ» представляетъ собою нѣчто опредѣленное и однообразное, такую дѣйствительную силу, которой правительство не колеблется ввѣрить не одинъ сборъ подати, но и охрану полицейскаго порядка и вообще администрацію и судъ въ губныхъ и земскихъ учрежденіяхъ. Особенно интересно, что губное право распространяется въ XVI вѣкѣ не въ однихъ государевыхъ черныхъ земляхъ, но и среди крестьянскихъ «міровъ», живущихъ въ монастырскихъ вотчинахъ. Въ смутную пору, какъ

*

увидимъ въ своемъ мѣстѣ, тяглые «міры» Поморья явили большую способность къ самодѣятельности и нашли въ себѣ и средства и людей какъ для устройства своихъ внутреннихъ дѣлъ, такъ для борьбы за то, что они считали законнымъ и правымъ.

Такимъ представляется намъ московское Поморье.

II.

Переходя къ старинному московскому центру, носившему своеобразное названіе «Замосковныхъ городовъ», попытаемся прежде всего указать границы этого центра. Ихъ можно опредѣлить только приблизительно. На сѣверѣ границею служилъ водораздѣлъ между сѣверными рѣками и водами Волжскаго бассейна, кончая Ветлугою. За этою рѣкою на востокъ начинались поселенія инородцевъ; они-то, спускаясь къ югу, и образовывали собою восточную границу Замосковныхъ городовъ. Она шла по Ветлугѣ, пересѣкала Волгу западнѣе Васильсурска и, направляясь между Окою и Сурою на Арзамасъ, отъ него поворачивала къ Мурому на Оку. Тамъ, гдѣ давно осилѣлъ въ населеніи русскій элементъ, была «Замосковная» волость; тамъ, гдѣ начинались инородческіе поселки черемисы, мордвы, чувашей, татаръ, начинался «Низъ», «Понизовые города». Этнографическій рубежъ, всегда отличающійся неопредѣленностью, и здѣсь намѣчался приблизительно: московскіе люди ставили Нижній-Новгородъ, Арзамасъ и Муромъ иногда въ число Понизовыхъ, иногда же въ число Замосковныхъ городовъ. Дойдя до Оки у Мурома, граница шла по прямой линіи на Коломну, оставляя города, стоящіе на самой Окѣ, внѣ Замосковнаго района, въ разрядѣ «Рязанскихъ». Отъ Коломны чрезъ Серпуховъ и Можайскъ (по р. Поротвѣ) она выходила далѣе на верховья Волги и на водораздѣлъ между этою рѣкою и рѣками Ильменя и Ладожскаго озера; слѣдуя по водораздѣлу, она доходила до Бѣлозерскихъ мѣстъ, гдѣ уже начиналось Поморье. Въ указанныхъ предѣлахъ лежали земли старыхъ великихъ княженій Владимірскаго, Московскаго, Суздальско-Нижегородскаго и Тверского, составлявшія коренное Великорусье, обладавшія издавна плотнымъ населеніемъ, сравнительно высокою хозяйственною культурою, промышленнымъ и торговымъ оживленіемъ. Кромѣ Москвы, въ этомъ пространствѣ было нѣсколько первостепенныхъ по торговому и промышленному значенію городовъ. Вологда, Ярославль и Нижній-Новгородъ были крупнѣйшими во всемъ государствѣ городскими поселеніями, съ которыми могли равняться, кромѣ столицы, только Великій Новгородъ и Псковъ. Торговое движеніе совершалось по многимъ, давно протореннымъ и налаженнымъ путямъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣли большое значеніе для страны и пользовались извѣстностью въ XVI—XVII вѣкахъ. Та-

ковъ прежде всего путь изъ Москвы на сѣверъ черезъ Троице-Сергіеву лавру, Александрову слободу, Переяславль Залѣсскій, Ростовъ и Ярославль. Отъ Ярославля далѣе этотъ путь развѣтвлялся. Прямо онъ шелъ на Вологду и связывалъ Москву съ Поморьемъ. Лѣвѣе, по Волгѣ и Мологѣ, онъ велъ въ старую Бѣжецкую пятину, а по Волгѣ и Шекснѣ онъ шелъ на Бѣлоозеро и связывалъ Москву съ Каргопольскимъ уѣздомъ, Обонежьемъ и Приладожьемъ. Такъ было лѣтомъ; зимою съ устьевъ Мологи и съ Шексны ѣздили на Москву черезъ Угличъ. Вправо отъ Ярославля шелъ путь на Кострому и Нижній-Новгородъ, въ среднее Поволжье, и соединялъ это послѣднее черезъ Вологду съ С. Двиною. Черезъ Кострому отъ Ярославля ѣхали на Галичъ и Вятку; этотъ путь зналъ уже Герберштейнъ, но въ его время на Галицкой дорогѣ грабили еще не замиренные черемисы; позднѣе эта «Галицкая дорога» стала вѣтвью Сибирской дороги, пошедшей отъ Нижняго на Яранскъ и далѣе.

Въ этой сѣти путей важнѣйшее значеніе имѣла Вологда съ Ярославлемъ. Вологда по своему положенію была неизбѣжною станціей для всякаго товара, шедшаго съ Поволжья на сѣверъ и съ сѣвера въ центръ государства, и притомъ такою станціей, гдѣ товаръ долженъ былъ перегружаться съ телѣгъ и саней на суда, или обратно, и иногда выжидать полой воды или зимняго пути. Когда устроился въ устьяхъ С. Двины торгъ съ иноземцами, весь средне-русскій отпускъ въ Архангельскій портъ сосредоточивался весною въ Вологдѣ и передъ погрузкою на суда подвергался таможенному досмотру. Иноземцы, главнымъ образомъ англичане, сами являлись въ Вологду для закупки товаровъ по болѣе сходной цѣнѣ, минуя лишнихъ посредниковъ, и сами везли съ моря товары по Двинѣ до Вологды, устроивъ здѣсь для нихъ свои дворы. Такимъ образомъ, Вологда стала играть важную роль во внѣшней торговлѣ государства, не утративъ и прежняго значенія посредницы между Поморьемъ и центральными московскими областями. Этимъ объясняется большой ростъ Вологды въ XVI вѣкѣ и вниманіе, которымъ дарилъ ее Іоаннъ Грозный. При самомъ началѣ своихъ сношеній съ Москвою англичане уже развѣдали, что Вологда лучшее мѣсто для склада англійскихъ товаровъ, потому что она отлично расположена и торгуетъ со всѣми городами Московскаго государства,—и они построили тамъ свой домъ, «обширный, какъ замокъ», по выраженію Исаака Массы. Заграничный торгъ такъ оживилъ и безъ того процвѣтавшій городъ, что самъ царь пріѣхалъ въ Вологду и выстроилъ въ ней каменный большой кремль. Съ тѣхъ поръ, съ 60-хъ годовъ XVI вѣка, Вологда заняла одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ государствѣ. Особенно оживая въ извѣстные періоды—предъ открытіемъ Архангельскаго торга, при началѣ навигаціи по Сухонѣ и Двинѣ, и послѣ окончанія этого торга, когда заморскіе товары шли

въ глубь страны черезъ Вологду,—Вологда и въ остальное время года не замирала. Городъ славился культурой льна, прядильнымъ и ткацкимъ дѣломъ, кожевеннымъ производствомъ и велъ самый разнообразный торгъ. Къ сожалѣнію, отъ XVI вѣка не сохранилось точныхъ свѣдѣній о величинѣ города и о составѣ его населенія, и мы должны довольствоваться самыми общими отзывами иностранцевъ, которымъ Вологда представлялась большимъ городомъ съ развитою торговлей. Офиціальныя свѣдѣнія получаемъ отъ XVII вѣка; самыя раннія относятся къ 1627 году, къ тому времени, когда Вологда еще не оправилась отъ потрясеній Смутнаго времени. Писцовая книга 7135 (1627) года, по изложенію А. Е. Мерцалова, насчитываетъ около 1.000 жилыхъ дворовъ въ городѣ (423) и на посадѣ (518), да сверхъ того 155 пустыхъ дворовъ и до 400 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ. Уже одно это количество пустыхъ дворовъ и мѣстъ склоняетъ къ мысли, что «вологодское разоренье» было велико; совсѣмъ же утверждаютъ въ ней слѣдующія данныя: изо всего числа жилыхъ дворовъ въ Вологдѣ только 302 жилыхъ двора принадлежало собственно тяглому торгово-промышленному населенію, и въ ихъ числѣ всего одинъ дворъ былъ сосчитанъ «лучшимъ», три—«средними» и 112—«молодшими»; остальное была бѣднота, «не пригодившаяся въ тягло». Изъ этого ужаснаго состоянія вологжане, однако, скоро вышли: въ 1678 году по переписной книгѣ въ Вологдѣ «на посадѣ» было уже 975 дворовъ, а всего съ дворами въ городѣ считалось 1.420 дворовъ. Это для конца XVII вѣка очень высокая цифра. Не считая Великаго Новгорода и Пскова, о которыхъ будетъ особая рѣчь, Вологда числомъ дворовъ уступала по переписи 1678 года только Москвѣ (4.845 дворовъ) и Ярославлю (2.236 дворовъ) [6].

Если Вологда была конечнымъ узломъ сѣверныхъ путей, шедшихъ въ центръ государства, узломъ, въ которомъ они соединялись въ одинъ общій путь, то Ярославль былъ перекресткомъ, въ которомъ пересѣкались пути, соединявшіе востокъ и западъ, сѣверъ и югъ Московскаго государства. Мы видѣли, сколько дорогъ расходилось изъ Ярославля на Нижній-Новгородъ, Галичъ, Вологду, Бѣлоозеро и въ Новгородскій край, не считая дорогъ на Москву и Угличъ, соединявшихъ Ярославль съ московскимъ югомъ. Одна только стольная Москва могла поспорить въ этомъ отношеніи съ Ярославлемъ, представляя собою такое же скрещеніе путей, уже давно и столь хорошо описанное С. М. Соловьевымъ. Немудрено, что Ярославль былъ такъ многолюденъ и оживленъ и слылъ однимъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ. «Строеніемъ церковнымъ вельми украшенъ и посадами великъ», говоритъ о немъ даже сухая «Книга Большему Чертежу»; англичане Ченслеръ, Флетчеръ и Томасъ Смитъ называютъ Ярославль большимъ, красивымъ и богатымъ городомъ.

Только укрѣпленія Ярославля, къ его несчастью, не содержались въ должномъ порядкѣ ни до Смуты, ни послѣ нея. Красота ярославскихъ церквей извѣстна современнымъ намъ археологамъ; величина посадовъ ярославскихъ опредѣляется приведеннымъ выше числомъ посадскихъ дворовъ, которыхъ въ 1678 году занесли въ переписную книгу 2.236; по смѣтнымъ же книгамъ Ярославля дворовъ «посадскихъ, жилецкихъ и бѣломѣстцевъ всякихъ людей» считалось въ городѣ, на посадѣ и по слободамъ въ 1669 году 2.803, а въ 1678 году—2.861; а во дворахъ было переписано однихъ только способныхъ носить оружіе людей въ 1669 году 3.468 человѣкъ, въ 1678 году—3.720 человѣкъ. Конечно, для конца XVI вѣка эти цифры слѣдуетъ измѣнить, вѣроятно, уменьшивъ ихъ; но онѣ все-таки могутъ дать понятіе о томъ, насколько Ярославль превосходилъ, въ отношеніи населенности, другіе города Московскаго государства. Трудно перечислить всѣ промыслы и торги, которыми кормились ярославскіе жители: городъ принималъ дѣятельное участіе какъ въ мѣстномъ торговомъ движеніи Поволжья, такъ и въ торгѣ съ иноземцами, и на его рынкахъ и пристаняхъ обращалось рѣшительно все, что поступало въ торговый обмѣнъ и промысловый оборотъ; въ уѣздѣ же Ярославскомъ было развито ткацкое дѣло, а на Волгѣ рыбные промыслы.

На дорогѣ между Вологдою и Ярославлемъ не было сколько-нибудь важныхъ поселковъ, хотя страна была, по отзывамъ англичанъ середины XVI вѣка, очень населена. Между Ярославлемъ и Москвою были старые города Ростовъ и Переславль и знаменитый Троице-Сергіевъ монастырь, получившій въ серединѣ XVI вѣка надежныя каменныя стѣны. Насколько можно судить по дозорной книгѣ Ростова 1619 года о состояніи города до Смутнаго времени, Ростовъ не процвѣталъ и держался былою славою и митрополичьимъ дворомъ. Томасъ Смитъ, видѣвшій Ростовъ въ 1604—1605 годахъ, говоритъ о немъ, что это «старинный, но полуразрушенный большой городъ»; описи города въ XVII вѣкѣ свидѣтельствуютъ уже о полномъ разрушеніи его укрѣпленій: опись 1664 года описываетъ только валъ со «многими порчами», а по описи 1678 года укрѣпленій и вовсе не оказывается. Если собрать указанія дозора 1619 года о прежнемъ составѣ городского населенія до погромовъ, разорившихъ городъ въ Смуту, то увидимъ, что въ городѣ было около 120 дворовъ, принадлежавшихъ митрополичьему штату, до 60 дворовъ, принадлежавшихъ церковнымъ причтамъ и монастырямъ, 23 «боярскихъ княженецкихъ и боярскихъ (по другому списку: монастырскихъ) бѣлыхъ» двора, до 50 дворовъ каменщиковъ, розсыльщиковъ и ямщиковъ и до 200 тяглыхъ хозяйствъ (дворовъ, полудворовъ и т. д.). Цифры эти приблизительны, но во всякомъ случаѣ пригодны для того, чтобы предостеречь насъ отъ возможности преувеличить раз-

мѣры «великаго» Ростова. И въ XVII вѣкѣ, по упомянутымъ описямъ, число посадскихъ, годныхъ къ бою, не превышало въ Ростовѣ 700—800 человѣкъ; въ XVI вѣкѣ ихъ было, конечно, меньше. Въ томъ же родѣ былъ и Переяславль-Залѣсскій. Т. Смитъ замѣчаетъ объ этомъ городѣ, что онъ въ упадкѣ. Такой отзывъ находитъ нѣкоторое подтвержденіе и разъясненіе въ словахъ «смѣтной росписи» Переяславля 1655 года. Тамъ говорится, что «городъ деревяной, опроче башенъ весь валится, а на башняхъ кровли погнили», «ровъ заросъ и во многихъ мѣстѣхъ заплылъ»,—разрушеніе давнее и полное. Населенность Переяславля въ XVI вѣкѣ трудно опредѣлить; но отъ середины XVII вѣка сохранилось цѣнное указаніе, что все вообще населеніе Переяславля исчисляли въ 4.566 человѣкъ: въ моръ 1654—1655 года здѣсь умерло 3.627 чел., а осталось въ живыхъ 939 человѣкъ. По книгамъ же 1678 года въ Переяславлѣ насчитывали 946 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, при чемъ въ это число введены были и 242 рыбныхъ ловца изъ извѣстной рыболовной слободы въ Переяславлѣ [7].

На тѣхъ дорогахъ, которыя отдѣлялись въ Ярославлѣ вправо и влѣво отъ главнаго пути на Вологду, находилось нѣсколько примѣчательныхъ городовъ и поселковъ. Недалеко отъ Ярославля, на высокомъ лѣвомъ берегу Волги, лежалъ городокъ Романовъ, отданный при Іоаннѣ Грозномъ въ кормленье служилымъ татарамъ Ильмурзѣ Исупову съ дѣтьми; а противъ Романова была рыболовческая Борисоглѣбская слобода, нынѣ соединенная въ одинъ уѣздный городъ съ Романовымъ. Отдѣльно взятыя, оба поселенія не могли бы назваться крупными: въ 1631 году въ слободѣ было только 178 посадскихъ дворовъ; въ 1678 году въ Романовѣ было 381 дворъ, въ слободѣ 210 дворовъ. Но вмѣстѣ два поселка образовывали людную и бойкую торгово-промышленную пристань. На р. Мологѣ, у границъ Бѣжецкой пятины, лежала Устюжна Желѣзопольская, а ниже ея, по теченію Мологи, было торговое монастырское село Весь Егонская. Здѣсь происходили главные торги Моложскаго края послѣ того, какъ правительство въ 1563 году окончательно запретило торговать у Бориса и Глѣба на Старомъ Холопьѣ (верстъ 70 ниже Веси), гдѣ по преданію бывала въ старину огромная ярмарка. Можно не вѣрить баснословному описанію моложскихъ торговъ у Каменевича-Рвовскаго, но нужно признать, что Устюжна играла нѣкоторую роль въ торговомъ движеніи между Приладожьемъ и Поволжьемъ. Въ ней самой происходила, главнымъ образомъ, выдѣлка желѣза изъ болотной руды, чѣмъ занималась половина всѣхъ городскихъ ремесленниковъ (119 изъ 245); но по р. Мологѣ она получала волжскіе товары и передавала ихъ новгородскому Тихвину, а оттуда, въ свою очередь, получала заморскіе товары для передачи Москвѣ. Положеніе на торговой дорогѣ развило на Устюжнѣ значи-

тельный торгъ, дававшій казнѣ болѣе 130 рублей ежегодно таможенныхъ пошлинъ. Сохранился отъ 1642 года актъ, въ которомъ описана эта «дорога изъ-за рубежа къ Москвѣ старинная, прямая»: «отъ Орѣшка Ладоскимъ озеромъ на Сяское устье... и Сясью и Тихвиной рѣками пріѣзжаютъ на Тихвину, а съ Тихвины ѣздятъ къ Москвѣ и по городомъ на Устюжну, въ Кашинъ, въ Дмитровъ». Торговое движеніе на прямой, старинной дорогѣ, а также связь (черезъ волость Устрѣку) съ знаменитымъ Мстинскимъ путемъ, по которому, главнымъ образомъ, шли сношенія Великаго Новгорода съ Замосковьемъ,—вотъ что поддерживало Устюжну и дѣлало ее весьма замѣтнымъ центромъ Моложскаго края. Это былъ довольно большой, хотя и пустѣвшій городъ: въ исходѣ XVI вѣка въ немъ считали 275 жилыхъ дворовъ церковныхъ и тяглыхъ владѣльцевъ и 303 пустыхъ двора и дворовыхъ мѣста. Что же касается до числа населенія въ городѣ, то объ этомъ можемъ заключать только косвенно: когда въ 1609 году устюжанамъ пришлось обороняться отъ тушинцевъ, они собрали въ своей только средѣ 600 ратниковъ, кромѣ 27 дворянъ и дѣтей боярскихъ, бывшихъ въ городѣ. Что это были устюжане, а не случайно собравшаяся рать, заключаемъ, во-первыхъ, изъ словъ «сказанія», которымъ пользуемся: «прибылныхъ же людей на Устюжнѣ въ то время не бѣ ниоткуду ни единаго человѣка»; а во-вторыхъ, и по сотной выписи конца XVI вѣка насчитывается на Устюжнѣ не менѣе 500 взрослыхъ посадскихъ людей. Отъ нѣмецкаго рубежа Устюжна была закрыта болотами, уцѣлѣвшими и до нашего времени, и потому не была въ XVI вѣкѣ укрѣплена: «въ то время на Устюжнѣ острогу и никакія крѣпости не имѣли», говоритъ «сказаніе» о нашествіи тушинцевъ на Устюжну. Не крѣпче былъ и Бѣлозерскъ, въ которомъ «городъ» былъ худъ одинаково и въ 1565, и въ 1612 году; а между тѣмъ этотъ городъ былъ мѣстомъ ссылки, смежные же съ нимъ берега верхней Шексны, такъ называемыя «Горы», въ XV—XVI вв. считались не столько крѣпкимъ, сколько удаленнымъ отъ границъ убѣжищемъ, куда можно было укрыться отъ нашествія непріятеля. Мѣсто, на которомъ стоялъ городъ Бѣлозерскій и смежные съ нимъ монастыри,—и между ними главнѣйшій Кирилловъ,—было замѣчательно какъ «волокъ». Къ нему сошлись воды Волжскаго, Двинскаго и Онежскаго рѣчныхъ бассейновъ; недалеко было и озеро Онежское. На такомъ мѣстѣ не могло не быть торга; таможенныя грамоты 1497 и 1551 годовъ удостовѣряютъ, что онъ былъ и уже въ 1497 году давалъ правительству большой таможенный доходъ—120 рублей въ годъ. Главныя связи у Бѣлоозера были съ сѣверомъ, откуда бѣлозерцы получали соль и мѣха, отправляя туда хлѣбъ; но торговали они и съ Приладожьемъ чрезъ Устюжну и Вытегру. Мѣстнымъ промысломъ былъ рыбный; въ городѣ существовалъ особый «рыбный дворъ»,

вѣдавшій рыбные ловы на государя. Населенность Бѣлозерскаго города опредѣляется только для второй половины XVII вѣка: въ немъ было въ 1678 году 262 двора на посадѣ, а въ 1660 году насчитывалось около 600 посадскихъ людей, годныхъ къ бою. Значеніе второго центра въ Бѣлозерскомъ краѣ имѣлъ Кирилловъ монастырь, развившій на своихъ земляхъ громадное хозяйство. Отъ Бѣлаго моря и до Москвы разбросаны были эти земли и на нихъ заведены были, рядомъ съ пашнями, разнообразные промыслы. Въ Поморьѣ былъ у монастыря главный промыселъ—соляныя варницы, изъ которыхъ добычу «проводили водянымъ путемъ на Вологду», а оттуда, главнымъ образомъ по многоводной Шекснѣ, развозили по разнымъ рынкамъ: по словамъ монастырскихъ властей, онѣ «ту соль продаютъ на Двинѣ, и во Твери, и въ Торжку, и на Угличѣ, и на Кимрѣ, и въ Дмитровѣ, и въ Ростовѣ, и на Кинешмѣ, и на Вологдѣ и на Бѣлѣозерѣ съ пригороды и по инымъ мѣстамъ: гдѣ соль живетъ поцѣннѣе, и они тутъ и продаютъ». Избытокъ хозяйственныхъ силъ и средствъ позволялъ монастырю избирать лучшія мѣста сбыта, а вліяніе его «властей» въ столицѣ вело къ освобожденію прибыльного торга ото всякихъ пошлинныхъ сборовъ. Монастырь богатѣлъ и мало-по-малу собиралъ въ свои руки земли и воды по Шекснѣ, овладѣвая исподволь тѣмъ краемъ, въ которомъ самъ находился. На рубежѣ XVI и XVII столѣтій власти монастыря получили разрѣшеніе перевести ярмарочные торги изъ подъ самаго монастыря въ свою волость Словенскій волочекъ, верстъ за 50 отъ Бѣлозерскаго города, и тамъ устроили такой «великій торгъ», что сразу отвлекли отъ города всѣхъ пріѣзжихъ торговыхъ людей; казнѣ пришлось при этомъ охранять свои интересы, устроивая въ новомъ торгѣ новую таможню и ограничивая льготы, данныя монастырю. Такова была сила монастыря въ Бѣлозерскомъ краѣ.

Если перейдемъ на востокъ отъ линіи Ярославль—Вологда за рѣку Кострому, то между рѣками Костромою и Унжею встрѣтимъ старинныя поселенія удѣльнаго Галицкаго княженія—городъ Галичъ-Мерьскій съ его пригородами: Солигаличемъ, Чухломою, Унжею, Парфеньевымъ, Кологривомъ и др. Лѣса Костромскіе по Костромѣ, Унженскіе (или «Унежскіе») по Унжѣ съ двухъ сторонъ составляли естественную границу Галичскаго уѣзда, придавая ему характеръ обособленности; Галичъ былъ центромъ этого уѣзда; Кострома и Тотьма были какъ бы выходами изъ него на югъ и сѣверъ. Рыболовство, лѣсные промыслы, варка соли, землепашество составляли занятія жителей этого края. Давность поселеній и хозяйственной культуры въ краѣ сказывалась, съ одной стороны, въ очень значительной, сравнительно, населенности края, а съ другой стороны въ крѣпости внутреннихъ связей, сложившихся ко времени смутъ XVII вѣка. Въ 1608 году галицкіе тяглые люди собрали про-

тивъ «воровъ» посоху по сту человѣкъ съ сохи и держались, несмотря на измѣну галицкихъ служилыхъ людей. Такое большое число ратниковъ съ сохи возможно было собрать только при многолюдствѣ въ податныхъ сохахъ. Изъ росписи, составленной, правда, лѣтъ на 70 позднѣе, узнаемъ, что Галицкій уѣздъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ по населенію во всемъ государствѣ: заключая въ себѣ болѣе 31.000 тяглыхъ дворовъ, онъ по населенности занималъ пятое мѣсто въ ряду центральныхъ московскихъ уѣздовъ. Соотвѣтственно общей населенности, и главные города въ уѣздѣ были хорошо населены. Въ серединѣ XVII вѣка въ Галичѣ считали тяглыхъ 729 дворовъ, а въ нихъ 1.755 человѣкъ; въ это время, въ 40-хъ годахъ XVII вѣка, Галичъ уже успѣлъ оправиться отъ разгрома, постигшаго его въ Смуту, и снова наполнился народомъ. Но двадцать лѣтъ ранѣе, въ 1628 году, онъ еще пустовалъ: по письму кн. Никифора Мещерскаго, въ это время въ немъ было 211 пустыхъ тяглыхъ дворовъ, 47 пустыхъ же дворовыхъ мѣстъ и всего 361 жилой дворъ. Въ это послѣднее число входило 38 «молодчихъ» дворовъ, 172 двора «бобыльскихъ» и «худыхъ», «которые въ сошное письмо съ тяглыми людьми не погодятся, а имать съ нихъ оброкъ»; остальное же были нищіе, кормились «по наймамъ и межъ дворъ». Въ 1620 году пустоты было еще больше: при 263 жилыхъ, тяглыхъ и нетяглыхъ, дворахъ считали 258 пустыхъ дворовъ и мѣстъ, а на торгу на 34 лавки приходилась сотня пустыхъ лавочныхъ мѣстъ. Такихъ раннихъ извѣстій о пригородахъ Галича мы не имѣемъ. По книгамъ 1646—1648 гг. считали въ Солигаличѣ 339 дворовъ и 780 человѣкъ; Чухлома, Унжа, Парфеньевъ, второстепенные галицкіе городки, были малы: ни одинъ не имѣлъ даже сотни дворовъ. Укрѣпленія въ Галичѣ были невелики: деревянный городъ на осыпи, въ окружности всего 470 саженъ; а въ Соли Галицкой они сверхъ того были и плохи: «около посаду острогу нѣтъ, и городъ сгнилъ и развалялся, и наряду и зелья (орудій и пороху) нѣтъ, крѣпитися нечѣмъ», такъ говорили въ 1609 году жители Соли [8].

Нѣтъ надобности много говорить о значеніи Волги въ хозяйственной жизни Московскаго государства и о торговой дѣятельности приволжскаго населенія въ такъ называемыхъ «верховыхъ» городахъ, лежавшихъ выше Нижняго-Новгорода, между Нижнимъ и Ярославлемъ. Черезъ Ярославль сообщалось съ Волгою Поморье, черезъ Кострому — Галицкій уѣздъ, черезъ Плесо и Кинешму — Шуйскія мѣста, черезъ Юрьевецъ Поволжскій—берега рр. Унжи и Немды, черезъ Балахну—лѣсной районъ, по мѣстному названію «Чернораменье», по которому возвращался въ Москву Грозный послѣ Казанскаго взятья въ 1552 году. Всѣ названные города были пристанями, кормившими окружное населеніе, или принимая отъ

него излишки мѣстнаго производства, или снабжая его необходимыми продуктами, или давая ему заработки на рѣкѣ. Изъ всѣхъ этихъ пристаней, промежуточныхъ между Нижнимъ и Ярославлемъ, первое мѣсто принадлежало Костромѣ. Это былъ большой городъ. Въ 1628—1630 гг. въ немъ было 1.633 двора и 489 лавокъ и амбаровъ; въ 1678 году только на посадѣ насчитали въ немъ 1.407 дворовъ. Въ моръ 1654 года въ Костромѣ умерло, по отчету поповскаго старосты, 2.708 человѣкъ, да въ подгородныхъ слободахъ 557 человѣкъ. Все это очень высокія для того времени цифры: онѣ позволяютъ намъ считать Кострому въ числѣ самыхъ крупныхъ московскихъ городовъ. Англичане очень рано завели въ Костромѣ свое подворье; сами костромичи съ товарами своими бывали на С. Двинѣ у Архангельскаго порта и на Мологѣ по пути къ балтійскимъ рынкамъ; торговали они и съ Нижнимъ. По рѣкѣ Костромѣ на костромскія городскія пристани неизбѣжно попадали продукты Галицкаго края, въ большой мѣрѣ вліявшіе на развитіе костромской торгово-промышленной жизни. Другія пристани были значительно бѣднѣе населеніемъ: по переписнымъ книгамъ 1678 г., на Кинешмѣ считали 360 посадскихъ дворовъ; на Балахнѣ въ то же время было 788 посадскихъ дворовъ, а по дозору 1619 года въ ней въ тягло записали только 200 дворовъ; въ Юрьевцѣ Поволжскомъ по книгамъ 1646 года былъ 141 дворъ. Кромѣ лѣтняго рѣчного пути, приволжскіе города соединялись между собою береговыми дорогами, шедшими по обоимъ берегамъ рѣки; одною изъ такихъ дорогъ, правобережною, воспользовалось земское ополченіе 1611—1612 гг. для своего передвиженія въ Ярославль.

Длинный рядъ старыхъ приволжскихъ городовъ замыкалъ собою Нижній-Новгородъ. За нимъ, на востокѣ, начинался другой міръ—инородческій, въ которомъ русскій поселенецъ XVI вѣка, съ пищалью и сохою одинаково, чувствовалъ себя еще на новосельѣ и только налаживалъ свое хозяйство и русскій порядокъ вообще. Своимъ пограничнымъ положеніемъ Нижній напоминаетъ старый Кіевъ, какъ напоминаетъ онъ его своей красотою. И тотъ и другой стояли на краю своей земли, при сліяніи большихъ рѣкъ, защищая русскую землю отъ враговъ и въ то же время открывая границы для мирнаго торговаго обмѣна. Княжескіе караваны подъ Кіевомъ, готовые въ «греческій путь», живо вспоминаются намъ, когда читаемъ описаніе того, напримѣръ, каравана, съ которымъ Дженкинсонъ сплылъ отъ Нижняго въ Астрахань въ 1558 году. Нижняя Волга въ XVI вѣкѣ требовала вооруженнаго торга, такъ же какъ въ древнюю пору нижній Днѣпръ. Опорою этого торга въ Поволжьѣ и былъ Нижній. Онъ получалъ русскіе товары по Волгѣ и по Окѣ. Верхняя Волга несла ему произведенія московскаго сѣвера, Ока—произведенія центра и юга; и та и другая передавали ему замор-

скіе товары, полученные съ западныхъ рубежей. Нижній посылалъ эти товары далѣе по Волгѣ и Камѣ, получая взамѣнъ товары съ каспійскихъ и сибирскихъ рынковъ. Подъ защитою его каменныхъ стѣнъ, возникшихъ въ началѣ XVI вѣка, создался постоянный рѣчной портъ, удобства котораго стали менѣе чувствоваться съ покореніемъ Казани и съ успокоеніемъ края, но торговое значеніе не миновало и до нашихъ дней. Зная о такомъ значеніи Нижняго, мы догадываемся, что городъ долженъ былъ достигнуть сравнительно высокаго торгово-промышленнаго развитія. Писцовая книга 1621 года подтверждаетъ эту догадку. Она застала Нижній послѣ Смуты, когда городская дѣятельность и силы населенія пришли въ нѣкоторый упадокъ. Смута потрясла государство, со всѣми частями котораго Нижній имѣлъ торговыя дѣла, и нижегородцы должны были «охудать», даже не видавъ непріятеля въ своихъ стѣнахъ. Кромѣ того, Нижній несъ расходы во время ополченій 1611—1612 годовъ и посылалъ своихъ людей въ войска. Нельзя поэтому удивляться большому проценту захудалыхъ хозяйствъ; напротивъ, удивляетъ малое число запустѣлыхъ дворовъ. Писцовая книга даетъ такія свѣдѣнія о размѣрахъ Нижняго и его населенности: она насчитываетъ въ Нижнемъ около 700 нетяглыхъ дворовъ, 862 посадскихъ двора тяглыхъ (30 «лучшихъ», 72 «среднихъ», 378 «молодшихъ», 382 «худыхъ»), 204 двора и избы оброчныхъ, такихъ, владѣльцы которыхъ «обхудали» и вмѣсто непосильнаго для нихъ тягла посажены были на оброкъ, и, наконецъ, 141 «дворишковъ, и избенокъ и кѣльишковъ» вовсе нищихъ. Всего, стало быть, насчитано было круглымъ счетомъ 1.900 дворовъ и избъ, и на это большое число приходилось всего пустыхъ 7 дворишковъ и 34 дворовыхъ мѣста. Нижегородскіе рынки заключали въ себѣ около 480 торговыхъ помѣщеній всякаго рода, не считая кузницъ и харчевенъ. Изъ смутной эпохи Нижній вышелъ, сравнительно съ другими городами, въ очень хорошемъ состояніи, сохранивъ и свои стѣны, и свое населеніе со всѣми его разнообразными промыслами и торгами.

Отъ Волги перейдемъ въ область р. Клязьмы и ея лѣвыхъ притоковъ Луха, Тезы, Нерли и другихъ. Этотъ край—родина восточнаго Великорусья, стариннѣйшія мѣста русскихъ поселеній въ Мерянскомъ краѣ, откуда младшіе Мономаховичи начали свою вѣковую работу надъ созданіемъ восточно-русскаго государства. Уже въ XII—XIII вѣкахъ слышно здѣсь біеніе народной жизни, замѣтны быстрые успѣхи русской колонизаціи, быстрый ростъ княжескихъ и народныхъ силъ. И въ послѣдующее время, даже и тогда, когда политическое значеніе Суздаля и Владиміра перешло къ болѣе западной Москвѣ, Владимірскій край сохранилъ значеніе населеннѣйшаго промышленнаго центра съ самою разнородною производительностью; въ то самое время, когда обездоленные политическою судь-

бою города этого края глохли, сельское населенiе продолжало дѣятельную жизнь, славясь своими промыслами и торгами. Села въ родѣ Суздальскаго Холуя, селъ Иванова и Лежнева въ Опольскомъ стану, Коврова, Дунилова и др., имѣли извѣстность и въ московскую пору. Несоотвѣтствiемъ политическихъ и экономическихъ успѣховъ Владимiро-Суздальскаго края объясняется та его особенность, что населенiе и торги его когда-то славныхъ и стольныхъ городовъ очень незначительны сравнительно съ населенностью уѣздовъ, и городское затишье стоитъ какъ бы въ противорѣчiи съ сельскимъ оживленiемъ. По росписи 1678 года во Владимiрѣ считалось на посадѣ 400 дворовъ, а въ небольшомъ по размѣрамъ уѣздѣ— болѣе 18 тысячъ дворовъ; въ Суздалѣ считали 515 дворовъ. а въ небольшомъ его уѣздѣ—болѣе 32 тысячъ дворовъ; на посадахъ Шуи и Луха было 207 и 193 двора, въ уѣздахъ (вмѣстѣ съ посадами) 3.127 и 4.313 дворовъ; въ Юрьевѣ Польскомъ на посадѣ 198 дворовъ и въ уѣздѣ около 12 тысячъ; наконецъ, въ Гороховцѣ на посадѣ 231 дворъ, въ уѣздѣ около 1.400 дворовъ; всего на 1.744 посадскихъ двора приходилось около 70.000 уѣздныхъ. Какъ бы ни были приблизительны эти цифры и какъ бы значительна ни была необходимая для конца XVI вѣка поправка,—характеръ подмѣченнаго нами отношенiя, думаемъ, останется неизмѣннымъ. Впрочемъ, тамъ, гдѣ возможно сравненiе съ цифрами XVI и первой половины XVII вѣка, оно приводитъ къ небольшому измѣненiю данныхъ о величинѣ Суздальскаго посада. Мы знаемъ для Суздаля показанiя переписи 1573 г., насчитавшей въ Суздалѣ 414 дворовъ на посадѣ; знаемъ результаты дозора 1612 года, бывшаго послѣ разоренiя города и отмѣтившаго въ Суздалѣ 251 выморочное дворовое мѣсто, 60 мѣстъ дворовыхъ, владѣльцы коихъ пошли «по мiру», и только 97 обитаемыхъ дворовъ; знаемъ, наконецъ, итоги письма 1617 года, когда въ Суздалѣ, не считая нетяглыхъ 48 дворовъ, оказался уже 121 тяглый жилой дворъ, 128 пустыхъ дворовъ и 215 пустыхъ мѣстъ. Такъ, на пространствѣ столѣтiя (1573—1678) Суздаль не разъ пустѣлъ и наполнялся населенiемъ, но число усадебныхъ мѣстъ на посадѣ росло отъ 400 къ 500-мъ очень не быстро. Что касается до числа жителей въ Суздалѣ, то мы имѣемъ любопытныя указанiя, что въ моръ 1654—1655 года въ городѣ умерло 1.177 человѣкъ, а осталось 1.390 человѣкъ въ жилыхъ 477 дворахъ. Нѣкоторое сравненiе разновременныхъ цифръ возможно и для г. Шуи. Въ 1678 г. въ немъ считали 207 дворовъ, въ 1646—1648 гг.—203 двора, а въ 1629 году, по писцовой Аѳ. Вѣкова, въ Шуѣ было 154 тяглыхъ и бобыльскихъ двора, 22 двора нищихъ и 12 пустыхъ, всего—188 дворовъ. И здѣсь ростъ посада шелъ не быстро.

При развитiи промысловъ и торга во Владимiрскихъ и Суздальскихъ мѣстахъ должны были образоваться тамъ и пути сообщенiя,

годные для товарнаго движенія. Роль такихъ путей прежде всего играла рѣка Клязьма съ притоками. Въ настоящее время судоходство существуетъ только по Клязьмѣ, а притоки ея имѣютъ лишь сплавное значеніе; въ старину же и по нимъ ходили суда, и притомъ не только въ половодье, но и въ межень. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ іюлѣ мѣсяцѣ поднимали товаръ на стругѣ съ Макарьевской ярмарки до г. Шуи по Окѣ, Клязьмѣ и Тезѣ. Черезъ Кинешму, главнымъ образомъ, а также черезъ Плесъ и Юрьевецъ было сообщеніе съ Волгою. По старому выраженію, Кинешма лежала «противъ города Луха, на рѣкѣ на Волгѣ», и между ними считали всего 30 верстъ. На Москву шла отъ Шуи и Суздаля черезъ Юрьевъ Польскій сухопутная дорога, очень извѣстная и теперь, и въ старину подъ названіемъ «Стромынки». И Владиміръ черезъ Суздаль по этой же дорогѣ сносился съ Москвою; но былъ и прямой путь отъ Москвы къ Владиміру южнѣе Стромынки, вдоль лѣваго берега р. Клязьмы, извѣстный теперь въ Москвѣ подъ названіемъ «старой Владимірской дороги», или же просто «Владимірки». На востокъ и юго-востокъ отъ Владиміра и Суздаля вели дороги на Нижній-Новгородъ и Муромъ [9].

Въ числѣ дорогъ, расходившихся изъ Москвы въ различныя стороны, не малымъ значеніемъ пользовалась дорога на г. Дмитровъ. До Дмитрова добирались сухопутьемъ, а съ Дмитрова начинался, какъ въ старину говорили, «водяной ходъ». Онъ шелъ рѣками: Яхромою, Сестрою (или Сестрью) и Дубною въ Волгу. Этимъ путемъ ѣхалъ царь Иванъ Васильевичъ на богомолье въ Кирилловъ монастырь въ 1553 году. Этимъ же самымъ путемъ доставлялась съ Волги и Шексны живая рыба въ царскіе пруды въ Дмитровѣ и хранилась здѣсь на государевъ обиходъ. И объ этомъ же самомъ пути упоминали мы тогда, когда говорили о прямой дорогѣ со шведскаго рубежа черезъ Тихвинъ и Устюжну въ Дмитровъ и Москву. Такимъ образомъ, Дмитровъ былъ ближайшею къ Москвѣ рѣчною пристанью, чрезъ которую можно было выйти на верхнюю Волгу. Этимъ опредѣлялось значеніе городка, открывавшаго рѣчной путь, и его торговое оживленіе. Судя по «сотной» 1624 года, Дмитровъ очень потерпѣлъ въ Смутное время, а до Смуты онъ имѣлъ значительный посадъ (не менѣе 300 тяглыхъ и церковныхъ дворовъ). Въ области же верхней Волги, въ прямой связи черезъ Дмитровъ съ Москвою, находились города Угличъ, на дорогѣ въ Шексну и Моложское устье, и Кашинъ съ Бѣжецкомъ на дорогѣ въ Устюжну и верховья Мологи. Эти города были невелики: въ моровое повѣтріе 1654—1655 гг. населеніе Углича исчислялось въ 695 человѣкъ, изъ коихъ умерло 319. Мы думаемъ, что это очень неточный счетъ, но во всякомъ случаѣ онъ ближе къ дѣйствительности, чѣмъ показаніе углицкаго лѣтописца, что въ XVI вѣкѣ число жителей Углича дохо-

дило до 47 тысячъ человѣкъ и что въ Смутное время въ городѣ было убито литвою 40.000 человѣкъ. Врядъ ли городъ могъ вмѣстить въ себѣ такое населеніе, хотя бы и на время осады: послѣ многихъ лѣтъ мирной жизни, въ концѣ XVII вѣка, въ немъ былъ всего 431 тяглый дворъ съ мужскимъ населеніемъ въ 1.191 чел., а стало-быть все тяглое населеніе не превышало двухъ съ половиною тысячъ. Если примемъ во вниманіе, что дворовъ нетяглыхъ или маломочныхъ было въ Угличѣ всего около 200, то убѣдимся, что населеніе Углича было далеко отъ того, чтобы исчислять его десятками тысячъ. Замѣтимъ, однако, что въ Угличѣ былъ большой торгъ: въ его торговыхъ рядахъ считали болѣе 300 лавокъ; такимъ образомъ, положеніе на торговомъ пути отзывалось на хозяйственной жизни Углича. Кашинъ былъ не болѣе Углича: по книгамъ 1646—1648 годовъ въ немъ считали 306 тяглыхъ дворовъ, въ то самое время, когда на Угличѣ былъ 371 дворъ. Въ Бѣжецкѣ же (по старому, Городескѣ) въ 1627 году было всего 134 жилыхъ двора, да 186 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ. Всѣ названные города имѣли укрѣпленія, по общему правилу; но сравнительно съ ними, какъ кажется, большимъ значеніемъ пользовались укрѣпленія Калязина монастыря, близкаго къ этимъ городамъ и послужившаго опорнымъ пунктомъ для князя М. В. Скопина во время его дѣйствій на верхней Волгѣ.

Подвигаясь на западъ и юго-западъ отъ описанныхъ мѣстъ, мы переходимъ изъ области по преимуществу мирной, промышленной и торговой, въ область, гдѣ рядомъ съ мирнымъ трудомъ населенія становятся все болѣе и болѣе замѣтными военныя заботы правительства, гдѣ городъ дѣлался средоточіемъ не только хозяйственной дѣятельности своего округа, но и его военныхъ силъ. Такое впечатлѣніе производитъ уже Тверь съ ея пригородами Ржевомъ, Зубцовомъ и Старицею, обращенными на когда-то близкій литовскій рубежъ. Будучи расположены вблизи волоковъ между новгородскими рѣками и Волгою, тверскіе города, однако, не владѣли этими волоками: на волокахъ крѣпко сидѣли новгородскіе «ряды» или посады и держали въ своихъ рукахъ торговое движеніе, оставляя Твери малую роль въ торговыхъ оборотахъ между Новгородскимъ краемъ и Низовской землею. Вотъ почему тверскіе города не пріобрѣли особаго торговаго развитія, а въ то же время сохранили по близости къ рубежу военный характеръ. Дозорная книга г. Твери 1616 года открываетъ намъ любопытную картину: Тверь, по московскимъ масштабамъ, большой городъ, въ которомъ до тысячи (970) дворовъ. Изъ нихъ 507 находятся въ самомъ городѣ и только 463 на посадахъ. Изъ общаго числа дворовъ въ городѣ только 82 принадлежатъ посадскимъ людямъ; остальные дворы—кромѣ 47 пустыхъ—принадлежатъ служилымъ людямъ, духовенству и крестьянамъ частновладѣльческимъ и чернымъ. Изъ

общаго числа дворовъ на посадѣ посадскимъ принадлежитъ только 195 дворовъ; 123 двора брошены «въ пустѣ», а 145 принадлежатъ лицамъ другихъ сословій. Такимъ образомъ, во всей Твери городскому сословію принадлежитъ только 277 (а съ пустыми 447) дворовъ изъ 970; остальные распредѣляются между самыми разнородными владѣльцами, но такъ, что не менѣе 300 дворовъ мы должны счесть за служилыми людьми разныхъ наименованій. Такъ слабъ въ Твери посадъ и такъ силенъ въ городѣ служилый элементъ. Прибавимъ, что дозорная книга указываетъ всего только сотню торговыхъ помѣщеній въ городѣ. Въ другихъ городахъ тверскихъ видимъ ту же слабость посада: въ 1678 году въ Зубцовѣ всего 16 дворовъ на посадѣ; во Ржевѣ 194 двора на посадѣ, но тамъ же тогда же насчитано до 240 человѣкъ служилыхъ людей, что указываетъ на преобладаніе въ городѣ служилаго люда; въ Старицѣ, наконецъ, служилыхъ людей мало (45 чел.), но и посадъ не великъ—всего 111 дворовъ. О Старицѣ цѣнно литературное указаніе 1626 года, представляющее «высокій городокъ» Старицу малымъ и слабымъ: жители ея не возмогли «литовскаго множества подняти» и спасались бѣгствомъ, «зане мало ихъ во градѣ томъ бяше». Въ Смутное время, какъ увидимъ, эти Тверскіе города не разъ будутъ мѣстомъ ожесточенной борьбы. Какъ мѣстность населенная, прорѣзанная нѣсколькими рѣчными путями, лежавшая между Новгородскою землею и Замосковьемъ, эта Тверская область привлекала къ себѣ одинаковое вниманіе и военачальниковъ, и мародеровъ [10].

Наша рѣчь о Замосковныхъ городахъ привела насъ къ такимъ городамъ, которые, строго говоря, не были «за Москвою», а только лежали на границахъ Замосковья, прикрывая его отъ Литвы. Такую же роль крѣпостныхъ прикрытій играли города, расположенные на югъ отъ тверскихъ мѣстъ, въ верховьяхъ р. Москвы и по р. Окѣ— «отъ украйны», какъ выражались въ Москвѣ. Волокъ Ламскій, Можайскъ, Боровскъ, Малый Ярославецъ, Серпуховъ, Кашира, Коломна, Муромъ, Арзамасъ,—вотъ та линія, прорвавъ которую, непріятель оказывался въ сердцѣ государства. Центромъ этой линіи, сохранявшимъ и въ XVI вѣкѣ свое боевое значеніе, были старые города: Серпуховъ, Кашира и Коломна. Они охраняли переправы черезъ ту самую Оку, которую москвичи считали «непрелазною стѣною», положенною отъ Господа на защиту Москвы противъ татарскихъ набѣговъ съ «Поля». Было время, когда московская граница совпадала здѣсь съ теченіемъ Оки и потому получила названіе «берега»; это названіе сохранилось надолго, такъ что пограничная сторожевая служба даже и тогда, когда перешла за Оку, продолжала еще называться «береговою». Хотя за Окою на югѣ издавна были русскія поселенія (въ Тульскихъ мѣстахъ), но они плохо прикры-

вали доступы на Окѣ и потому «берегъ», съ точки зрѣнія московской стратегіи, имѣлъ всегда очень важное значеніе; о его укрѣпленіи и охранѣ очень заботились даже и въ то время, когда «береговые» города уже теряли пограничный характеръ и за ними на югѣ протянулась новая линія поселковъ и укрѣпленій. Составляя старые центры, военно-административные и культурные, Коломна, Кашира и Серпуховъ были значительными и по составу сложными поселеніями. Кромѣ собственно «городовъ», то-есть крѣпостей, и посадовъ съ тяглымъ населеніемъ, въ нихъ было много слободъ и слободокъ съ населеніемъ, несшимъ спеціальныя службы и повинности на государя или частныхъ владѣльцевъ. Въ этихъ военныхъ городахъ былъ и значительный торгъ. Особенно замѣтная и важная роль въ торговомъ отношеніи принадлежала Коломнѣ, чрезъ которую лежалъ водный путь изъ Москвы въ Оку и Волгу и которая снабжала Москву рязанскимъ хлѣбомъ и всякимъ довольствіемъ. Подобное же положеніе посредника—между Москвою и верховьями Оки—занималъ и Серпуховъ. Съ развитіемъ колонизаціоннаго движенія изъ центра государства за Оку значеніе этихъ окскихъ городовъ должно было, казалось бы, еще болѣе вырости. Во второй половинѣ XVI вѣка народныя массы съ особою энергіею переходили на правый берегъ Оки за новыми землицами; хозяйственныя заимки па «дикомъ полѣ» подвигались все южнѣе и южнѣе; за населеніемъ, а иногда даже и опережая его, шло на югъ со своими войсками и московское правительство. «Дикое поле» входило, такимъ образомъ, въ кругъ правительственной и народно-хозяйственной дѣятельности, и на долю окскихъ городовъ выпадала, казалось, новая роль. Изъ пограничныхъ пунктовъ съ преобладающимъ военнымъ значеніемъ они должны были превратиться въ мирные центры, чрезъ которые, по привычнымъ путямъ въ «поле», Москва могла сноситься съ ново-занятымъ краемъ. Но дѣло было не совсѣмъ такъ. Кашира, лежавшая на прямомъ пути отъ Москвы въ этотъ край, погибла въ 1571 году, до тла разоренная татарами, и долго не могла оправиться, пока городъ, уже при Михаилѣ Өедоровичѣ, не былъ перенесенъ съ лѣваго берега Оки, гдѣ Кашира находилась въ XVI вѣкѣ, на правый, гдѣ находится теперь. Изъ свѣдѣній, уцѣлѣвшихъ отъ 1578—1579 гг. о старой Каширѣ, узнаемъ, что до разоренія она имѣла около 400 посадскихъ дворовъ и значительный торгъ, заключавшій больше 100 лавокъ. Любопытно, что послѣ разрушенія Каширы, лѣтъ черезъ семь, когда въ ней почти не было людей, торгъ на ея пожарищѣ продолжалъ существовать: «торгуютъ на торгу въ недѣлѣ два дня изъ селъ съ хлѣбомъ и всякимъ мелкимъ товаромъ»,—знакъ, что Кашира стала въ XVI вѣкѣ уже привычнымъ пунктомъ торговаго обмѣна. Судьба Серпухова и Коломны была счастливѣе: они уцѣлѣли отъ татаръ, хотя татары, если имъ во

время своихъ набѣговъ удавалось добраться до Оки, направлялись именно къ этимъ городамъ. Въ первую половину XVI вѣка отряды татарскіе обыкновенно оставляли влѣво укрѣпленную Тулу и спѣшили къ Коломнѣ, почему и московскія войска, ожидавшія татаръ на «берегу», имѣли средоточіемъ Коломну; самый же городъ Коломна рано получилъ (въ 1525 г.) каменныя стѣны. Когда же дорога къ Коломнѣ съ «поля» была прикрыта въ половинѣ XVI вѣка городками Городенскомъ на Веневѣ и Епифанью, тогда татары, идя между Тулою и этими новыми укрѣпленіями, выходили уже къ Серпухову, а не къ Коломнѣ. Поэтому и московскій наблюдательный корпусъ сталъ сосредоточиваться около Серпухова, а самый Серпуховъ постарались укрѣпить каменными стѣнами, подобно Коломнѣ (1556 г.). Таково было къ концу XVI вѣка военное значеніе этихъ двухъ городовъ: они считались главными опорными пунктами въ первой отъ Москвы оборонительной линіи противъ крымцевъ. Но врядъ ли съ усиленіемъ боевого значенія Коломны и Серпухова росло ихъ внутреннее благосостояніе. Есть признаки, что народный потокъ, стремившійся къ югу отъ Москвы, уносилъ съ собою и населеніе этихъ городовъ, разстраивая ихъ общественное хозяйство и торгъ. Въ 1552 году, отъ котораго дошли до насъ свѣдѣнія о Серпуховскомъ посадѣ, въ Серпуховѣ было брошено «въ пустѣ» уже около пятой части тяглыхъ дворовъ: изъ 766 тяглыхъ дворовъ и мѣстъ жилыхъ было 623 двора, пустыхъ 143. Но Серпуховскій торгъ былъ еще не пустъ: на торгу было 250 лавокъ и другихъ торговыхъ помѣщеній, да 24 пустыхъ мѣста: изъ нихъ только 3 пустыхъ лавочныхъ мѣста были вовсе брошены хозяевами, а 21 мѣсто принадлежало опредѣленнымъ владѣльцамъ. Изъ общаго числа 274 лавокъ и мѣстъ, 246 принадлежало чернымъ тяглымъ людямъ; такимъ образомъ, въ Серпуховѣ въ серединѣ XVI вѣка еще существовало торгово-промышленное населеніе. Къ концу же вѣка, когда передвиженіе населенія изъ центра государства дошло до крайняго развитія, Серпуховъ, вѣроятно, опустѣлъ. Судимъ по аналогіи съ другими городами того же района: Коломною, Можайскомъ, Муромомъ. Поразительныя свѣдѣнія о Коломнѣ, интересующей насъ теперь, имѣемъ отъ 1578 года: въ ней въ это время было тяглыхъ $32\frac{1}{2}$ двора жилыхъ на 662 пустыхъ, стало быть въ пустѣ было $91\frac{1}{2}\%$ всего посада и слободъ. Въ Коломнѣ оставались одни церковные и монастырскіе люди, да водворены были служилые люди съ ихъ дворнею. Въ самой крѣпости Коломенской не было ни одного чернаго тяглаго двора: всѣ они «по государевымъ грамотамъ» были розданы дѣтямъ боярскимъ и сидѣли въ нихъ дворники, а не тяглые люди. И на посадѣ, среди посадскаго «пуста», жили все казенные люди: гарнизонъ, сторожа «гуляй-города» и различнаго казеннаго добра, ямщики, кузнецы, плотники, каменьщики,—весь тотъ

людъ, который работалъ на крѣпость и на войска, а въ досужное время кормился ремесломъ и мелкимъ торгомъ, овладѣвъ и лавками на посадскомъ торгу послѣ ухода посадскихъ людей. Благодаря этому, коломенскій торгъ не казался пустымъ, хотя въ Коломнѣ не было вовсе людей торговаго класса: на 600 приблизительно торговыхъ помѣщеній, всего треть, то-есть 200, пустовала. Подобныя наблюденія надъ положеніемъ города даютъ право сказать, что Коломна испытала въ XVI вѣкѣ крутой переворотъ, обратившись изъ города въ нашемъ смыслѣ этого слова въ цитадель съ военнымъ населеніемъ. Тѣ слои торгово-промышленнаго ея населенія, которые не были задержаны на мѣстахъ государевою службою, отстали отъ тягла и ушли въ частно-владѣльческую зависимость или же были развѣяны по разнымъ мѣстамъ въ переселенческомъ движеніи.

Ту же картину запустѣнія посада представляетъ намъ Можайскъ—крупнѣйшій городъ на правомъ флангѣ изучаемой нами линіи крѣпостей. Можайскъ сложился еще въ удѣльную пору и въ немъ, какъ въ Коломнѣ и Серпуховѣ, рядомъ съ укрѣпленіемъ стало нѣсколько слободъ, сохранившихъ до конца XVI вѣка свои старинныя названія и спеціальныя занятія. Писцовая книга 1595—1598 гг. сберегла намъ любопытнѣйшія данныя о Можайскѣ, по которымъ можно удобно прослѣдить исторію образованія и упадка Можайска. Изъ этой книги извлекаемъ прежде всего указаніе на то, что въ Можайскѣ, вопреки старому мнѣнію, былъ деревянный, а не каменный городъ, да и тотъ находился въ упадкѣ: «стѣна обвалялась, а кровля на городѣ сгнила». Далѣе огромный Можайскій посадъ, къ которому тянуло около 16-ти дворцовыхъ и иныхъ слободъ, уже запустѣлъ и заключалъ въ себѣ всего 205 жилыхъ тяглыхъ дворовъ на 127 пустыхъ дворовъ и 1.446 дворовыхъ мѣстъ; въ живущемъ, стало быть, было только 11%, въ пустѣ же 89% тяглыхъ хозяйствъ. И здѣсь, въ Можайскѣ, какъ въ Коломнѣ, населеніе города складывалось изъ людей служилыхъ (дворянъ и гарнизона), казенныхъ и дворцовыхъ работниковъ и церковныхъ людей, не считая прихожихъ изъ-за города для торга и промысла крестьянъ. Всего насчитываютъ, за эти годы 1595—1598, въ Можайскѣ не менѣе 570 взрослыхъ мужчинъ и до 2.000 человѣкъ населенія вообще. И Можайскъ, стало быть, почти потерялъ свою торгово-промышленную тяглую общину, замѣнивъ ее случайнымъ подборомъ служилыхъ и зависимыхъ людей, завладѣвшихъ и торговлею города. Тяглые люди въ Можайскѣ составляли лишь 36% населенія и имѣли на торгу изъ общаго числа 434 торговыхъ помѣщеній всего 126, то-есть только 30%. Прибавимъ, что изъ этихъ 434 торговыхъ помѣщеній пустовала почти четвертая часть—103 лавки и амбара.

Можайская крѣпость была запущена, конечно, потому, что въ ней уже не было постоянной надобности. Литовскій рубежъ ото-

шелъ въ XVI вѣкѣ далеко отъ Можайскихъ мѣстъ и охранялся сильнымъ Смоленскомъ. И другіе городки вокругъ Можайска по той же причинѣ потеряли свое прежнее значеніе и, обратившись изъ пограничныхъ укрѣпленій въ мирные пункты, представляли собою мало оживленія. Таковы были: Волокъ Ламскій, Руза, Верея, Боровскъ съ Пафнутьевымъ монастыремъ и Малый Ярославецъ. Во всѣхъ въ нихъ видимъ укрѣпленія, нѣкоторый гарнизонъ и посады очень малолюдные и слабые. Въ Боровскѣ, напримѣръ, на посадѣ въ 1621 году считали тяглыхъ 54 жилыхъ двора и 41 дворовое пустое мѣсто; а на торгу въ 1625 году было всего около 70 лавокъ, да 8 лавочныхъ мѣстъ. Крѣпость въ Боровскѣ была деревянная, слабая, гарнизонъ небольшой, и жители Боровска въ трудныя минуты спасались въ каменную ограду Боровскаго Пафнутіева монастыря, отстоявшаго всего на три версты отъ города. Въ Вереѣ, Рузѣ и Маломъ Ярославцѣ были небольшія укрѣпленія, отъ которыхъ къ серединѣ XVII вѣка оставались лишь «городища» да «осыпи»; а посадское населеніе этихъ городковъ, по городскимъ описямъ XVII вѣка, не превышало сотни или двухъ взрослыхъ людей. Съ разрушеніемъ крѣпостныхъ сооруженій въ этихъ мѣстахъ уменьшались и гарнизоны и, такимъ образомъ, эти городки глохли. Только Можайскъ не падалъ окончательно, благодаря своему положенію на большой дорогѣ отъ Москвы къ литовскому рубежу, да Волокъ былъ живѣе своихъ сосѣдей, благодаря связямъ съ верхней Волгою, впрочемъ, мало замѣтнымъ и незначительнымъ.

Переходя на восточный край изучаемой линіи, видимъ здѣсь сравнительно очень малое число городовъ, оберегающихъ подступы къ Замосковью со стороны нижней Оки. Отъ Коломны до Мурома, по прямому направленію, сѣвернѣе Рязанской стороны не было ни одного сколько-нибудь замѣтнаго укрѣпленія, которое оберегало бы Замосковье со стороны Рязани и Касимова. Да въ немъ не было и нужды: широкая полоса лѣсныхъ болотъ, залегшихъ между Клязьмою и Рязанскою стороною въ такъ называемой Мещерской сторонѣ, по теченію рѣкъ Пры и Гуся, служила наилучшимъ укрѣпленіемъ. А если бы врагъ задумалъ обогнуть эту болотную полосу, то слѣва встрѣчала его знакомая намъ Коломна, а справа Муромъ. И далѣе на востокъ за Муромомъ, уже по правому берегу Оки, по рѣкамъ Тешѣ и Сережѣ, продолжалась эта линія болотъ, охраняя нижнее теченіе Оки между Муромомъ и Нижнимъ отъ нападеній мордвы, нагай и татаръ. Столько же съ цѣлью охранить линію Оки, сколько съ цѣлью утвердиться въ мордовскихъ земляхъ, на сухопутной дорогѣ отъ Мурома въ новозавоеванный Казанскій край, былъ укрѣпленъ Арзамасъ, отъ котораго вверхъ по р. Тешѣ и далѣе по р. Алатырю до р. Суры шла линія засѣкъ, прикрывавшая

правый берегъ Волги отъ Нижняго до Васильсурска. За Арзамасомъ уже начиналось Понизовье. О состоянiи самого Арзамаса въ XVI вѣкѣ у насъ нѣтъ данныхъ: мы даже не знаемъ времени возникновенiя его укрѣпленiй. Кажется, во время казанскаго похода 1552 года, когда Грозный съ войскомъ шелъ отъ Мурома къ Свiяжску вдоль Теши, Арзамаса еще не существовало. Курбскiй, говоря объ этихъ мѣстахъ, считаетъ Муромъ «крайнимъ» городомъ, отъ котораго до Казани—«поле дикое»; а лѣтопись, перечисляя станы Грознаго на этомъ пути къ Казани, называетъ мѣста, очень близкiя къ Арзамасу, а Арзамаса не знаетъ. Что же касается до Мурома, то объ этомъ древнѣйшемъ городѣ у насъ есть нѣкоторыя свѣдѣнiя. По дошедшимъ до насъ отрывкамъ муромской сотной 1574 года видно, что тогда въ Муромѣ считалось черныхъ тяглыхъ дворовъ: жилыхъ 111, пустыхъ 107, да пустыхъ дворовыхъ мѣстъ 520. На торгу въ Муромѣ было 320 разныхъ торговыхъ помѣщенiй, и изъ нихъ 117, то-есть до 37%, запустѣло въ промежуткѣ отъ 1566 до 1574 года. Такимъ образомъ, запустѣнiе Муромскаго посада шло быстрыми шагами, какъ и другихъ приокскихъ городовъ. Существовавшая въ Муромѣ крѣпость, въ которой (по даннымъ 1637 года) было 124 осадныхъ двора и дворовыхъ мѣста, удерживала въ городѣ служилое населенiе съ тѣми общественными слоями, которые держались за служилый классъ: дворниками, крестьянами, дворовыми людьми; но посадъ Муромскiй неудержимо таялъ подъ напоромъ тѣхъ силъ, которымъ не могли противостоять стѣны и башни московскихъ городовъ [11].

Мы окончили обзоръ Замосковныхъ городовъ и можемъ свести къ одному наши наблюденiя и впечатлѣнiя.

Въ Поморьѣ, какъ мы видѣли, всѣ города имѣли одинаковый складъ и однородное значенiе: на сѣверѣ городъ являлся центромъ и руководителемъ хозяйственнаго труда въ своемъ районѣ и тѣсно связывалъ свою жизнь съ жизнью области. Онъ торговалъ тѣмъ, что производила и добывала область, и тѣмъ, въ чемъ она нуждалась и что городъ прiобрѣталъ для нея со стороннихъ рынковъ. Городъ игралъ роль посредника между своимъ уѣздомъ и остальнымъ мiромъ, и такое посредничество сохраняло свою силу совершенно независимо отъ того, сообщало или нѣтъ правительство сѣверному городу значенiе административнаго и военнаго центра. Связь города съ его областью основывалась не на правительственномъ значенiи города, а на мѣстныхъ отношенiяхъ, объединявшихъ городское и сельское населенiе въ одинъ торгово-промышленный классъ. Эта взаимная близость городского и сельскаго населенiя на сѣверѣ закрѣплялась и офицiально—единствомъ земскаго самоуправленiя, соединившаго городъ съ уѣздомъ въ одну областную единицу, и един[illegible]атного оклада, обращавшаго сѣверный городъ съ

уѣздомъ въ одну тяглую общину. Если однородность городского населенія и нарушалась введеніемъ въ городъ служилаго элемента, гарнизона, то этотъ гарнизонъ, обыкновенно, составлялся изъ «приборныхъ» людей, взятыхъ изъ той же тяглой среды; онъ быстро усвоивалъ себѣ формы хозяйственнаго быта, господствовавшія на посадѣ; входя въ городской торгъ, участвуя въ городскихъ промыслахъ, онъ несъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ повинности съ своей тяглой земли или лавки, совершенно равняясь съ тяглыми людьми. Тѣ же формы принимало на посадѣ и монастырское хозяйство въ монастырскихъ дворахъ, представлявшихъ собою или торговый складъ, или ремесленное заведеніе, въ которыхъ жили и работали монастырскіе слуги и крестьяне и тотъ же посадскій людъ, заложившійся за монастырь. И на этихъ церковныхъ людей городской «міръ» упорно стремился распространить государево тягло, правда, не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ.

Подобной однородности и цѣльности нѣтъ уже въ Замосковныхъ городахъ. Составъ Замосковнаго города сложнѣе въ зависимости отъ многихъ причинъ. Прежде всего, рядомъ съ собственно посадомъ, здѣсь видимъ много дворцовыхъ и частновладѣльческихъ, боярскихъ и монастырскихъ, слободокъ, большинство которыхъ еще не слилось съ посадомъ въ одну тяглую общину, а существуетъ отдѣльно отъ него, неся не общія повинности, а спеціальныя службы, и давая оброкъ государю, или же вовсе ничего не платя въ силу своего существованія на «бѣлой» землѣ. Помянутая нами выше писцовая книга Можайска больше, чѣмъ другія, даетъ намъ указаній на подобныя слободки на посадѣ и объясняетъ, что нѣкоторыя изъ дворцовыхъ слободъ уже вошли въ посадъ и стали «улицами», а другія еще «съ черными людьми тягла не тянутъ опричь городоваго дѣла». Такимъ образомъ, черный тяглый человѣкъ жилъ въ Замосковномъ городѣ рядомъ со слобожаниномъ, который, не неся обычнаго тягла, былъ совсѣмъ чуждъ посаду, если имѣлъ спеціальныя занятія и повинности, или же вызывалъ вражду со стороны посада, если, не неся тягла, конкурировалъ съ посадскими людьми въ общемъ торгѣ и промыслахъ. Извѣстно, что только въ серединѣ XVII вѣка посаду удалось сломить бѣломѣстную слободу и ввести ее въ общій тяглый распорядокъ, отписавъ на государя; но въ XVI вѣкѣ посадъ еще не мечталъ о такой побѣдѣ, и только государевы слободки обращались въ посады тамъ, гдѣ истощеніе природнаго богатства, отданнаго въ эксплоатацію слобожанамъ (бобровыхъ гоновъ, бортей, рыбныхъ ловель), колебало самое основаніе слободского хозяйства и переводило слобожанъ отъ упавшаго спеціальнаго промысла къ общимъ формамъ посадскаго хозяйства. Кромѣ слобожанъ, вмѣстѣ съ посадскими жили въ городахъ и служилые люди. Во-первыхъ,

это были тѣ же стрѣльцы и прочіе приборные люди, какихъ бывало много и въ Поморскихъ городахъ; и тамъ, и здѣсь они были близки къ посадскимъ по происхожденію и по занятіямъ; во-вторыхъ, это были дворяне и дѣти боярскія—помѣщики и вотчинники того уѣзда, который принадлежалъ городу. Служилые люди являлись лично въ городъ только по дѣламъ службы и въ «осадное время», для обороны города, и жили тогда на своихъ «осадныхъ дворахъ», которые устраивались для осады и «на пріѣздъ» хозяевъ въ самомъ «городѣ», а то и на посадѣ. Въ обыкновенное же время дворы ихъ стояли «пусты» и за ихъ цѣлостью и исправностью наблюдали «дворники»—лица, уполномоченныя на то дворохозяевами. Не вполнѣ еще ясна юридическая сущность отношеній дворниковъ къ хозяевамъ, да врядъ ли она и была однообразна. На дворничествѣ бывали и холопы, и крестьяне дворовладѣльца, и посадскіе люди даннаго города, и «приходцы» изъ другихъ городовъ, и служилые приборные люди, и монахи, и женщины. Въ однихъ случаяхъ дворники тянули государево тягло вмѣстѣ съ посадскими людьми, въ другихъ не тянули, и московскіе чиновники не всегда знали, какъ смотрѣть на дворниковъ: писать ли ихъ въ тягло, или нѣтъ, и спрашивали объ этомъ высшую власть: «впередъ тѣмъ людямъ какъ государь укажетъ?» Какъ ни будемъ смотрѣть на юридическое положеніе дворниковъ, мы должны признать, что въ XVI-мъ, по крайней мѣрѣ, столѣтіи дворничество мало еще подверглось правительственной регламентаціи и существовало во всей своей бытовой непосредственности. Оно вводило на постоянное жительство въ города массу посторонняго люда и оставляло его въ неопредѣленномъ отношеніи къ коренному посадскому населенію. Живя и трудясь въ городѣ, но принадлежа не городскому «міру», завися не отъ него, а отъ землевладѣльца-хозяина по своей холопьей крѣпости или «по крестьянству», дворникъ былъ одною изъ связей, соединявшихъ городъ съ уѣздомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и постороннею для посада силою, разрушавшею внутреннее единство и цѣльность посада, если только посадскій «міръ» не забиралъ его въ тягло. Торгуя на городской площади, живя на городской улицѣ, пришлый дворникъ, однако, считалъ себя по-прежнему крестьяниномъ или дворовымъ человѣкомъ и легко уходилъ въ уѣздъ, давая мѣсто новому пришлецу, присланному взамѣнъ его. Еще случайнѣе для посада была дѣятельность тѣхъ «уѣздныхъ людей», которые являлись въ посадъ какъ временные обыватели и торговцы, снимали на посадѣ лавку или продавали съ воза произведенія деревенскаго ремесла и продукты своего хозяйства, а затѣмъ исчезали съ посада и посадскаго торга такъ же легко, какъ легко туда приходили.

Въ такой обстановкѣ тяглый посадскій міръ Замосковнаго го-

рода часто не былъ хозяиномъ своего посада и торга. Служилые люди и церковные землевладѣльцы съ ихъ «людьми» и крестьянами составляли иногда большинство въ городѣ, чаще всего въ южныхъ и западныхъ городахъ Замосковья. Связь Поморскаго города съ его областью выражалась въ экономическомъ взаимодѣйствіи однородныхъ общественныхъ силъ—тяглыхъ торгово-промышленныхъ общинъ. Связь Замосковнаго города съ уѣзднымъ населеніемъ выражалась иначе: весьма разнородное въ своемъ составѣ уѣздное населеніе или само стремилось, или же вынуждалось къ участію въ городской жизни, высылало въ городъ своихъ представителей и чрезъ нихъ служило въ городѣ своимъ особымъ интересамъ. Служебныя обязанности заставляли служилыхъ людей имѣть въ городѣ осадные дворы, которыми они иногда владѣли даже не на частномъ, а на помѣстномъ правѣ. Какъ городской домовладѣлецъ, служилый человѣкъ былъ очень далекъ отъ посадской общины и холоденъ къ ея интересамъ; и его дворникъ, если не былъ въ тяглѣ, также былъ далекъ отъ дѣлъ и заботъ посадскаго міра. Но съ помѣстьемъ или вотчиною служилаго человѣка осадный дворъ былъ въ прямой связи и юридической, и хозяйственной. Такъ же чужды интересамъ посадскаго міра были обыватели частновладѣльческихъ слободокъ, обязанные платежами и повинностями не государству, а своимъ хозяевамъ и владѣльцамъ, и съ монастыремъ или боярскимъ дворомъ связанные крѣпче, чѣмъ съ государствомъ. И отдѣльныя лица, приходившія въ посадъ изъ уѣзда на время, сохраняли свои связи съ тѣми мѣстами, гдѣ они считались «во крестьянствѣ». Такимъ образомъ, нѣсколько нитей тянулось изъ города въ уѣздъ—къ служилому помѣстью, къ боярской вотчинѣ, къ монастырю, наконецъ, къ крестьянскому уѣздному міру; но эти нити не связывали между собою ни разныхъ общественныхъ элементовъ, сожительствовавшихъ въ городѣ, ни города, въ его цѣломъ, съ уѣздомъ; это были частныя соединенія, не разрѣшавшія общаго диссонанса. Тамъ, гдѣ тяглая городская община была многолюдна и экономически сильна, а пришлые элементы слабы, тамъ замосковный посадъ былъ близокъ къ поморскому и почти въ той же мѣрѣ имѣлъ характеръ внутренней однородности; такъ было на Клязьмѣ, средней Волгѣ и за Волгою въ значительныхъ торговыхъ городахъ. Тамъ же, гдѣ близость границы или иная причина вела къ усиленному водворенію въ городъ служилаго люда и людей частновладѣльческихъ, тамъ посадская община была слаба и гибла: посадъ лежалъ «въ пустѣ» и городъ превращался въ крѣпость съ очень разнороднымъ, но, по преимуществу, военнымъ населеніемъ. Такъ случилось въ городахъ на Окѣ и верхней Волгѣ къ концу XVI вѣка: здѣсь служилое населеніе завладѣвало и посадомъ и торгомъ, а

посадскіе люди или разошлись, или перешли въ гарнизоны—стали тѣми же служилыми людьми.

Уѣзды Замосковныхъ городовъ представляли собою уже въ XVI вѣкѣ картину полнаго развитія частнаго землевладѣнія, внѣ котораго оставалось лишь небольшое количество дворцовыхъ земель. На поприщѣ земельнаго стяжанія за успѣхъ и преобладаніе спорили, какъ извѣстно, два московскихъ общественныхъ класса: монастырская братія и служилые люди—бояре и московскіе дворяне. Ученымъ, изслѣдовавшимъ дѣло, представляется, что побѣда въ спорѣ оставалась за монахами, которые неутомимо собирали земли отовсюду и такими средствами, какихъ не было въ распоряженіи мірскихъ людей. Послѣдніе добывали себѣ вотчины куплею и выслугою; монастырь не только покупалъ ихъ, но и получалъ даромъ за свою молитву о душѣ владѣльца или его сродниковъ. Мірскіе люди не имѣли столько свободныхъ денежныхъ капиталовъ, сколько имѣли ихъ монастыри, а въ дѣлѣ земельнаго стяжанія свободный денежный капиталъ составлялъ главное оружіе монастыря. Монастырь обращалъ его не только на простую покупку земель, но и въ денежную ссуду тѣмъ же служилымъ людямъ подъ залогъ ихъ земли, имѣя въ виду оставить за собою залогъ при неуплатѣ въ срокъ. Не мудрено, что именно тамъ, гдѣ, казалось бы, должно было процвѣтать боярское землевладѣніе, именно въ центрѣ государства, процвѣтало въ сущности землевладѣніе монастырское. По счету пахотной земли въ Московскомъ уѣздѣ, произведенному при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ 1623—1624 годахъ, за монастырями оказалось до 44% всей пашни въ уѣздѣ, за вотчинниками до 17% и за помѣщиками около 22%; иначе говоря, монастыри имѣли больше пахотной земли, чѣмъ всѣ вообще служилые землевладѣльцы уѣзда. Это отношеніе пахотныхъ земель во владѣніяхъ церковныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ нельзя безъ измѣненій переносить въ XVI вѣкъ, ибо въ XVI вѣкѣ, о которомъ мы ведемъ рѣчь, монастыри еще не достигли такихъ успѣховъ въ борьбѣ за земли, а съ другой стороны, къ концу XVI вѣка и свѣтское землевладѣніе оказалось въ критическомъ положеніи. Если можно основываться на приблизительномъ подсчетѣ данныхъ писцовой книги 1585—1586 года по Московскому уѣзду и сравнивать его результаты съ результатами приказнаго счета 1623—1624 года, то придемъ къ такимъ заключеніямъ. Въ XVII вѣкѣ дьяки насчитали въ Московскомъ уѣздѣ (безъ дробей и круглымъ счетомъ) 140.000 четей въ полѣ пахотной земли; изъ нихъ порозжихъ земель было до 25.000 четей (18%), за помѣщиками до 31.500 четей (до 22%), за вотчинниками 23.500 четей (до 17%) и за монастырями 61.500 четей (44%). Книги 1585—1586 года насчитываютъ въ 13-ти станахъ Московскаго уѣзда до 100.000 четей пахотныхъ земель. Изъ

нихъ пустуетъ до 32.000 четей въ помѣстьяхъ и вотчинахъ и сверхъ того 7.500 четей за отсутствіемъ владѣльцевъ сдано изъ оброка; стало быть, до 40% пахотной земли вышло изъ нормальнаго хозяйственнаго оборота. А остальные 60% распредѣлены такъ: за помѣщиками 6% (6.227 четей), за вотчинниками 17% (17.272 чети) и за монастырями почти 37% (36.786 четей). Мы видимъ, что и здѣсь монастырь располагаетъ бо̀льшимъ количествомъ пашни, чѣмъ всѣ служилые люди уѣзда, но это главнымъ образомъ потому, что служилые люди въ Московскомъ уѣздѣ къ концу XVI вѣка оставили впустѣ почти двѣ трети общаго количества земель, которыми могли бы владѣть: сохранивъ за собою 23.500 четей, они забросили 39.500 четей. Нѣтъ сомнѣнія, что это были признаки и послѣдствія землевладѣльческаго кризиса, о причинахъ котораго мы еще скажемъ; нѣтъ сомнѣнія, что на «порозжихъ» земляхъ когда-то стояло служилое хозяйство и что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ цѣлиною, которая еще не знала плуга, а съ пустошами и перелогомъ. Въ тяжелую для землевладѣльцевъ пору у монастырей оказывалось больше умѣнья и средствъ перенести кризисъ, чѣмъ у служилыхъ людей: послѣдніе пустошили свои помѣстья и вотчины, монашество продолжало копить земли и поддерживало на нихъ свое хозяйство.

Такъ было не въ одномъ, конечно, Московскомъ уѣздѣ, но и въ другихъ центральныхъ. Широкое развитіе монастырскаго землевладѣнія во всемъ Замосковьѣ не требуетъ доказательствъ. Сошлемся для примѣра на изданныя писцовыя книги земель Троицкаго монастыря, описанныхъ въ исходѣ XVI вѣка въ уѣздахъ Бѣлозерскомъ, Владимірскомъ, Дмитровскомъ, Звенигородскомъ, Костромскомъ, Московскомъ, Муромскомъ, Переяславля-Залѣсскаго, Пошехонскомъ, Ростовскомъ, Рузскомъ, Солигалицкомъ, Старицкомъ, Суздальскомъ, Углицкомъ, Юрьева-Польскаго и Ярославскомъ. Тѣ же изданныя Н. В. Калачовымъ писцовыя книги даютъ хорошій матеріалъ для изученія землевладѣнія и другихъ монастырей въ центральныхъ мѣстахъ государства; не говоримъ уже о тѣхъ рукописныхъ сборникахъ монастырскихъ актовъ, которые получили широкую извѣстность, оставаясь въ хранилищахъ Троицкой лавры, духовныхъ академій и Публичной Библіотеки, не говоримъ и объ актахъ, составляющихъ извѣстное собраніе Коллегіи Экономіи.

Послѣ монашества первое мѣсто въ сферѣ льготнаго землевладѣнія занимало боярство, то-есть служилое потомство владѣтельныхъ удѣльныхъ князей и высшій слой старинныхъ слугъ московскихъ государей, издавна несшій придворныя службы и призываемый въ государеву думу. А рядомъ съ боярствомъ стояли «московскіе дворяне», составлявшіе вмѣстѣ съ низшими придвор-

ными чинами, стряпчими и жильцами, особый военный корпусъ, ближайшій къ государю и привилегированный. Составъ этой высшей служилой среды можемъ приблизительно опредѣлить по уцѣлѣвшимъ спискамъ 1577 и 1611 годовъ, а размѣры ея земельнаго владѣнія уясняются намъ, кромѣ случайныхъ указаній грамотъ и писцовыхъ книгъ, любопытнымъ документомъ 1613 года, въ которомъ особенно цѣнны указанія на «старыя вотчины» служилыхъ людей. Этихъ старыхъ вотчинъ къ концу XVI вѣка и началу XVII-го вообще было немного даже у очень родовитыхъ и сановныхъ людей, и всѣ они тянулись за помѣстьями наравнѣ съ людьми рядовыми и «обычными». Трудно, конечно, слѣдить за мобилизаціей служилыхъ вотчинъ въ XVI вѣкѣ, но общее направленіе ея, отливъ вотчинныхъ земель изъ служилыхъ рукъ въ монастыри и за государя, врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію послѣ мелочнаго изслѣдованія судебъ княженецкихъ вотчинъ въ Замосковьѣ. Естественно, чѣмъ меньше оставалось въ служилыхъ семьяхъ старыхъ наслѣдственныхъ земель, тѣмъ сильнѣе сказывалась нужда въ помѣстьяхъ и яснѣе выступала наклонность осваивать помѣстья въ качествѣ выслуженыхъ вотчинъ «государева данья». Недаромъ XVI вѣкъ считается временемъ развитія этихъ новыхъ видовъ земельнаго владѣнія въ Московскомъ государствѣ: можно сказать, что къ концу XVI-го столѣтія всѣ служилые землевладѣльцы даже высшихъ чиновъ были гораздо болѣе помѣщиками, чѣмъ вотчинниками. Что же касается до провинціальнаго служилаго люда, то онъ почти исключительно сидѣлъ на помѣстьяхъ, особенно въ городахъ къ югу отъ Москвы.

Служилое землевладѣніе было распространено по всѣмъ Замосковнымъ уѣздамъ: уцѣлѣвшія до нашего времени десятни содержатъ въ себѣ списки служилыхъ людей 30-ти Замосковныхъ городовъ отъ Галича и Пошехонья до Каширы и Коломны, отъ Старицы и Ржева до Мурома и Нижняго-Новгорода. По писцовымъ книгамъ также знакомимся съ общимъ распространеніемъ помѣстныхъ владѣній во всемъ Замосковьѣ. Не только черныя земли всею массою обращались въ пользованіе служилаго люда, но помѣстья давались и изъ дворцовыхъ земель великаго государя. За исключеніемъ волостей и селъ, оставшихся въ прямомъ управленіи государева «дворца», и за исключеніемъ черныхъ земель, приписанныхъ къ посадамъ, вся масса земли въ замосковномъ пространствѣ была къ концу XVI вѣка передана въ руки частныхъ владѣльцевъ и изъята такимъ образомъ изъ распоряженія тяглаго земледѣльца. Тяглая община, попадая подъ власть вновь водворяемаго государствомъ на ея землѣ привилегированнаго землевладѣльца, не всегда теряла свою общинно-податную организацію. Не только отъ XVI вѣка, но и отъ времени позднѣйшаго дошли

до насъ намеки на то, что сельскій «міръ» сохранялъ свое устройство и свои порядки въ крупныхъ государевыхъ и частныхъ вотчинахъ, хотя и здѣсь онъ подчинялся контролю и руководству приказчиковъ. Но тамъ, гдѣ вотчинные и помѣстные участки были мелки и землевладѣльцы сидѣли въ тѣсномъ сосѣдствѣ одни съ другими, тамъ межи ихъ владѣній разрѣзали старую податную волость на много кусковъ, и вотчинная власть разныхъ хозяевъ уничтожала единство мірского устройства, замѣняя податную общину частновладѣльческимъ хозяйствомъ и круговую поруку тяглецовъ передъ государствомъ личною отвѣтственностью ихъ передъ землевладѣльцемъ [12].

III.

Изъ центральной полосы Московскаго государства перенесемся въ западную его часть—въ города «отъ Нѣмецкой украйны»: такъ называли москвичи старыя области Великаго Новгорода и Пскова съ ихъ пригородами. Область Пскова называлась просто «уѣздомъ»; область Новгорода дѣлилась на «пятины», а пятины, въ свою очередь, на «половины», представлявшія собою самостоятельные «губные» округа. Къ тому періоду времени, который мы изучаемъ, ко второй половинѣ XVI вѣка, старая новгородская территорія пережила уже много общественныхъ перемѣнъ и потрясеній. Вѣковые порядки, сложившіеся въ пору самостоятельнаго существованія Новгорода, были сломлены во время московскаго завоеванія, во-первыхъ, рѣзкимъ ударомъ, который былъ направленъ на вершины новгородскаго общества и уничтожилъ крупное землевладѣніе въ краѣ и крупные капиталы на новгородскомъ рынкѣ, а во-вторыхъ, рядомъ длительныхъ мѣропріятій, исподволь передѣлавшихъ середину и низъ новгородскаго общества на московскій ладъ. Въ теченіе столѣтія, прошедшаго со времени присоединенія Новгорода къ Москвѣ, московскіе порядки въ Новгородѣ стали крѣпки настолько, что никому и никогда не приходило въ голову оправдывать «разгромъ» Новгорода Іоанномъ Грознымъ, какъ дѣйствительную политическую необходимость. Въ XVI вѣкѣ въ Новгородѣ уже не было вовсе тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые могли бы вести Новгородъ къ отпаденію отъ государства въ старую вольность: эти элементы были или истреблены, или «сведены» въ другіе государевы города; напротивъ, высшій слой новгородскаго населенія, служилые землевладѣльцы, во множествѣ замѣнившіе собою новгородскихъ землевладѣльцевъ-бояръ и «софіянъ», были опорою московской власти въ краѣ и въ значительной своей части даже происходили изъ Замосковья. Извѣстно, какъ московское правительство образовало этотъ военный

землевладѣльческій классъ, на который была возложена обязанность защищать край отъ внѣшнихъ враговъ и поддерживать въ немъ авторитетъ и силу правительства. Изъ взятыхъ на государя при покореніи Новгорода земель боярскихъ и церковныхъ образованъ былъ земельный фондъ, изъ котораго и были раздаваемы вотчины и помѣстья «дѣтямъ боярскимъ москвичамъ», переведеннымъ изъ московскаго центра на новгородскія окраины. Въ то же время на государеву службу верстались и мѣстные мелкіе землевладѣльцы «земцы»; превращаясь въ служилыхъ вотчинниковъ, «дѣтей боярскихъ земцевъ», этотъ людъ выигрывалъ въ томъ отношеніи, что мѣнялъ низшее общественное положеніе на высшее, становился на вершинѣ мѣстнаго общества. На этотъ-то смѣшанный изъ туземныхъ и пришлыхъ элементовъ служилый классъ и опиралась, главнымъ образомъ, московская власть, имѣя въ немъ и военную силу и административный штатъ для мѣстнаго управленія. Лишенный всякихъ политическихъ воспоминаній и аристократическихъ традицій новгородскихъ, привязанный къ Москвѣ происхожденіемъ или же обязанный ей карьерою, этотъ классъ сталъ надежнымъ слугою московской власти. Политическое торжество Москвы было, такимъ образомъ, полнымъ и безусловнымъ, и мы должны оставить всякую надежду отыскать въ Новгородскомъ краѣ второй половины XVI столѣтія сколько-нибудь вѣрные и опредѣленные признаки политическаго броженія и сепаратизма.

Но, уничтоживъ новгородскій политическій порядокъ и сломивъ соціальный строй, на который онъ опирался, Москва не могла, да врядъ ли и имѣла въ виду измѣнять общія основанія народнохозяйственной дѣятельности въ Новгородской землѣ. Завися отъ условій природныхъ и отъ географическаго положенія страны, хозяйственная жизнь Новгородскаго края отражала, конечно, на себѣ послѣдствія политическихъ перемѣнъ, но продолжала въ главномъ сохранять черты своего исконнаго склада. Подъ давленіемъ политики измѣнялась организація хозяйственнаго труда, но не мѣнялись его орудія; измѣнялись форма и размѣры торга, но не нарушалось значеніе для края торговаго движенія. Именно этимъ послѣднимъ опредѣлялось и въ XVI вѣкѣ, какъ раньше, расположеніе населенныхъ мѣстъ въ Новгородскомъ краѣ: всѣ крупнѣйшіе новгородскіе поселки распредѣлены по главнѣйшимъ торговымъ путямъ, въ мѣстахъ ихъ соединенія и скрещенія, и вообще населеніе жмется по берегамъ рѣкъ и по сухопутнымъ «горнимъ» дорогамъ. При передаточномъ характерѣ новгородской торговли и при слабомъ развитіи мѣстной промышленности во всемъ краѣ, кромѣ главнѣйшихъ городовъ, иначе не могло и быть. Новгородское населеніе, если не кормилось отъ рыбной ловли или же (что было рѣдко) отъ пашни, то жило на счетъ торговаго движенія, передававшаго заморскіе то-

вары на русскій востокъ и сѣверъ и русскіе товары на Балтійское поморье. Вотъ почему изученіе торговыхъ путей при знакомствѣ съ новгородскою жизнью должно всегда стоять на первомъ мѣстѣ. Эти пути естественно дѣлятся на двѣ группы: одни вели за рубежъ, другіе на востокъ—въ Поморье, на С. Двину и въ область верхней Волги. Изъ первыхъ главное значеніе имѣли рѣчные пути, и важнѣйшимъ былъ тотъ, который шелъ изъ Финскаго залива Невою, Ладожскимъ озеромъ въ Волховъ; на немъ находились города Орѣшекъ, Ладога и самъ Новгородъ. Другой путь отъ устья Наровы переходилъ въ низовья Луги и шелъ или прямо къ Новгороду, или же черезъ рѣчку Мшагу (Пшагу) въ Шелонь и Ильмень. Третій путь изъ Пскова по рр. Черехѣ и Узѣ выходилъ на Шелонь и по Шелони въ Ильмень. Наконецъ, четвертый велъ отъ Западной Двины по Ловати въ тотъ же Ильмень. Сухопутныя дороги шли отъ Новгорода на Нарву и Ревель, на Псковъ и Перновъ или на Псковъ и Ригу. Города Ивань и Ямъ лежали на путяхъ къ гаванямъ Нарвской и Ревельской, Псковъ—на пути къ Ригѣ и Пернову; Старая Руса—въ узлѣ дорогъ, соединявшихъ Псковъ съ Москвою и область З. Двины съ Новгородомъ. Вторая группа новгородскихъ путей намъ уже отчасти извѣстна: мы говорили выше о рѣчныхъ путяхъ, ведшихъ отъ Новгорода Волховомъ и Ладожскимъ озеромъ на сѣверъ и востокъ. По Свири отъ Ладожскаго озера выходили къ Бѣлуозеру, къ Каргополю и на С. Двину, по Сяси—на Мологу и верхнюю Волгу. Значеніе этихъ сѣверныхъ путей безспорно; однако, главная роль въ сношеніяхъ Новгорода съ восточною Русью принадлежала дорогамъ болѣе южнымъ, связаннымъ съ теченіемъ Мсты. Сама Мста представляла собою магистральный путь, на который можно было выйти съ разныхъ волоковъ. Главнымъ образомъ пользовались тѣмъ волокомъ, который получилъ имя Вышняго Волочка и соединялъ Мсту съ Тверцою черезъ р. Цну и оз. Мстино. Названіе «вышняго» дано волоку въ отличіе отъ «нижняго» или Держкова волока (вблизи г. Боровичей) на Мстѣ, по которому выходили на Мстинскій путь изъ Устюжны съ Мологи черезъ р. Кобожу и волость Устрѣку. Между этими волоками существовалъ и еще одинъ—у рядка Млево: онъ соединялъ Мсту съ верховьями Мологи и въ частности съ Бѣжецкомъ. Со Мстинскимъ путемъ въ Вышнемъ Волочкѣ соприкасалася и главная сухопутная дорога изъ Замосковья въ Новгородъ, шедшая на Тверь, Торжокъ, Валдай, Яжелбицы и Бронницы. Наконецъ, южнѣе существовала и еще одна дорога—съ верховьевъ Волги на озеро Селигеръ, городище Деманъ, Старую Русу и Новгородъ. На всѣхъ этихъ восточныхъ дорогахъ, особенно по Мстѣ и между Мстою и Мологою на волокахъ, жило сравнительно густое населеніе, состоявшее изъ торговыхъ и ремесленныхъ людей. Городовъ здѣсь было мало; можно даже ска-

зать, что ихъ не было здѣсь вовсе, если считать стоявшіе на границахъ Бѣжецкой пятины Торжокъ, Бѣжецкъ и Устюжну не новгородскими, а московскими городами. Въ пятинахъ Деревской и Бѣжецкой поселки городского типа, вообще не крупные по размѣрамъ, носили названіе «рядковъ» и «посадовъ». Населеніе ихъ, торгово-промышленное и мастеровое, по роду дѣятельности ничѣмъ не отличалось отъ московскихъ посадскихъ людей и даже звалось иногда посадскими людьми. Но отсутствіе въ рядкахъ «города» и «острога», «осадныхъ» дворовъ и служилыхъ людей, частновладѣльческихъ слободъ и частно-зависимыхъ лицъ не даетъ возможности отождествить рядокъ съ городомъ: рядокъ былъ, по остроумному опредѣленію И. Д. Бѣляева, «предшественникомъ, починкомъ города» и только при осложненіи внутренняго своего состава могъ превратиться въ городъ. Изъ общаго числа 40 торгово-промышленныхъ рядковъ-посадовъ, извѣстнаго въ четырехъ пятинахъ, на долю прилегавшихъ ко Мстѣ пятинъ Бѣжецкой и Деревской приходилось 27 рядковъ; такимъ образомъ, рядовская форма поселеній процвѣтала именно на восточныхъ путяхъ, тогда какъ всѣ новгородскіе города стали на путяхъ западныхъ и южныхъ.

Таково было распредѣленіе важнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ въ краѣ. Оживленіе замѣтно главнымъ образомъ на торговыхъ путяхъ и въ мѣстахъ торга; остальная же страна не представляется наблюдателю ни особенно населенною, ни промышленно-развитою. Даже города Новгородскіе, кромѣ самого Новгорода и Старой Русы, не отличались ни размѣрами, ни напряженностью торгово-промышленной дѣятельности. Всѣ руководящіе хозяйственною дѣятельностью края интересы и силы были сосредоточены въ немногихъ пунктахъ и прежде всего, конечно, въ самомъ Новгородѣ. По числу дворовъ до 70-хъ годовъ XVI вѣка Новгородъ превосходилъ всѣ Замосковные города, кромѣ развѣ самой Москвы: въ 1545 году въ немъ насчитывали 4.355 тяглыхъ черныхъ дворовъ, а общее число дворовъ (тяглыхъ, бѣлыхъ и церковныхъ) доходило до 5.300. Грозный въ 1570 году совершенно опустошилъ Новгородъ, уничтоживъ въ немъ болѣе 90% жилыхъ дворовъ. Но городъ сталъ быстро оправляться: въ 1605 году въ немъ уже считали полторы тысячи жилыхъ дворовъ. Оправлялся отъ погрома и торгъ новгородскій. О немъ есть данныя отъ того же 1605 года, когда на одной Торговой сторонѣ въ пожаръ выгорѣли «всѣ ряды»—700 лавокъ; ими, разумѣется, не ограничивалось число торговыхъ помѣщеній въ Новгородѣ съ его Софійскою стороною и гостиными дворами внѣ «рядовъ». Въ Старой Русѣ въ 1545 году насчитывали до 1.545 дворовъ, изъ коихъ 1.473 было тяглыхъ, а 63 принадлежали духовенству. И Старая Руса такимъ образомъ подходитъ по числу дворовъ къ крупнѣйшимъ московскимъ посадамъ; въ ней до самаго

конца XVI вѣка процвѣтало солевареніе и была обширная торговля. Тѣмъ разительнѣе цифры, относящіяся къ прочимъ новгородскимъ пригородамъ: изъ нихъ только Корѣла имѣла въ началѣ XVI столѣтія около 257 дворовъ, а въ 1568 году до 482 дворовъ; Ямъ, Иванъ и Орѣшекъ на всемъ пространствѣ XVI вѣка не имѣли болѣе 200 жилыхъ дворовъ, Ладога имѣла около сотни, Порховъ и Копорье не имѣли и ста. При этомъ ремесленно-торговая дѣятельность въ этихъ городкахъ развита была очень слабо и только во второй половинѣ XVI вѣка стала дѣлать нѣкоторые успѣхи; масса же «городчанъ» занималась или рыболовствомъ, или огородничествомъ и пашнею. Обращаясь отъ западныхъ городовъ къ болѣе восточнымъ рядкамъ, и здѣсь видимъ слабое развитіе поселковъ городского типа. Въ отличіе отъ «рядковъ» земледѣльческихъ и рыболовныхъ, составлявшихъ обычное явленіе въ Вотской и Шелонской пятинахъ, въ восточныхъ пятинахъ Бѣжецкой и Деревской рядки имѣютъ характеръ торговый. Но это очень мелкія поселенія сравнительно съ замосковными посадами; постоянное населеніе въ нихъ малочисленно, и рядки живутъ ярмарочнымъ торгомъ въ торговыхъ «рядахъ», отъ которыхъ произошло и самое ихъ названіе. Этотъ торгъ питается торговымъ движеніемъ, переносящимъ товары между Новгородомъ и Московскою Русью, и замираетъ съ прекращеніемъ или временнымъ ослабленіемъ этого движенія. Поэтому и состояніе рядковъ не отличается устойчивостью и постоянствомъ. Въ рядкѣ Млевскомъ, напримѣръ, въ первой половинѣ XVI вѣка считали 225 лавокъ, въ 1551 году «прибыло 107 лавокъ» и стало ихъ 332, а въ 1582 году осталось всего 96 лавокъ и 16 шалашей. Жилыхъ же дворовъ въ Млевѣ было всего 27, и тѣ, такъ же какъ лавки, то пустѣли, то вновь заселялись. Другіе замѣтные рядки даннаго района были немногимъ населеннѣе: въ Вышнемъ Волочкѣ, Боровичахъ, Тихвинѣ число дворовъ не превышало сотни на всемъ пространствѣ XVI вѣка и падало до 23 (въ Боровичахъ). И только «Новый Торгъ» или Торжокъ получилъ значеніе крупнѣйшей ярмарки, точные размѣры которой, къ сожалѣнію, не поддаются опредѣленію; но Торжокъ былъ оторванъ довольно рано отъ Новгорода тверскимъ и московскимъ вліяніемъ и принялъ физіономію замосковнаго города: въ немъ былъ срубленъ «городъ», и въ XVII вѣкѣ было до 500 посадскихъ дворовъ съ населеніемъ (приблизительно) въ 1.000 человѣкъ мужскаго пола.

Итакъ, Новгородская земля въ XVI вѣкѣ отличалась неравномѣрностью въ распредѣленіи населенія: торговля въ краѣ сосредоточивалась главнымъ образомъ въ самомъ Новгородѣ и въ ярмарочныхъ торжкахъ по главнѣйшимъ торговымъ дорогамъ. Обрабатывающая промышленность держалась въ тѣхъ же пунктахъ, гдѣ и торгъ, не выходя изъ зачаточнаго состоянія въ остальныхъ мѣ-

стахъ. Земледѣльческій трудъ и рыболовство лежали въ основаніи хозяйства не только въ волостяхъ, но даже и въ Новгородскихъ пригородахъ. Такое положеніе дѣла приводило къ тому, что главный городъ края—Новгородъ—какъ бы монополизировалъ руководство хозяйственною жизнью края; являясь единственнымъ центромъ, въ который стекались товары и съ ними населеніе, онъ какъ бы вбиралъ въ себя всѣ силы своей земли, оставляя очень мало пятинамъ и пригородамъ. Такая централизація была очень характерна для политической жизни господина Великаго Новгорода въ періодъ его независимости, и эту новгородскую особенность не успѣли искоренить московскіе порядки. Въ XVI вѣкѣ обстоятельства слагались такъ, что, кажется, еще болѣе увеличивали и безъ того рѣзкую разницу между Новгородомъ и окружающими его поселеніями. Отъ Ливонской и Польской войны, отъ опричнины и другихъ болѣе скрытыхъ причинъ, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVI вѣка новгородскія пятины, кромѣ развѣ Вотской, обезлюдѣли. По выраженію покойнаго Ильинскаго, «населеніе по рѣкѣ Мстѣ представляло въ это время картину полнаго запустѣнія». И въ другихъ менѣе бойкихъ мѣстахъ убыль населенныхъ дворовъ весьма замѣтна. А между тѣмъ самый Новгородъ, оправясь отъ погрома 1570 года, какъ и его пригороды, лежавшіе у Финскаго залива и Ладожскаго озера, сохранялъ относительную населенность, хотя транзитный торгъ, которымъ кормилось населеніе Новгорода, и упалъ къ концу царствованія Грознаго [13].

Совершенно подобную картину представлялъ и Псковъ съ пригородами въ концѣ XVI вѣка. Самъ Псковъ, несмотря на осаду Баторія, сохранилъ свое населеніе и свой торгъ и быстро оправился отъ бѣдствій войны. Какъ кажется, этому помогло одно обстоятельство, отмѣченное мимоходомъ въ описаніи Пскова у нѣмца Кихеля, видѣвшаго Псковъ въ 80-хъ годахъ XVI вѣка. Кихель говоритъ, что къ его времени во Псковъ перешла торговля изъ Нарвы. Упадокъ русскаго отпуска изъ Нарвской гавани отмѣченъ былъ Флетчеромъ, который совершенно правильно указалъ и причины упадка—въ Ливонской войнѣ. Извѣстно «чисто международное», по выраженію Г. В. Форстена, значеніе вопроса о нарвской торговлѣ во вторую половину XVI столѣтія: шведы и поляки требовали закрытія торга съ Москвою въ Нарвѣ, чрезъ которую шли русскіе товары въ Ревель; датчане и Любекъ желали торговать въ Нарвской гавани. Успѣхи шведовъ на Финскомъ побережьѣ помогли имъ настоять на своемъ, отрѣзать русскихъ отъ Нарвской гавани, и вотъ русскіе товары находятъ выходъ на Балтійское море черезъ Псковъ. Потерявъ Лужскій путь, новгородская торговля усиленно пользуется Шелонскимъ, и Псковъ, бывшій во всѣ времена посредникомъ между Новгородомъ и Рижскимъ заливомъ, только выигры-

ваетъ. Всякая перемѣна въ новгородскомъ рынкѣ должна была чувствительно отзываться на Псковѣ особенно потому, что всѣ торговыя сношенія Пскова съ Московскою стороною обязательно должны были производиться «не объѣзжая» Новгорода. Такъ, по крайней мѣрѣ, было при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, и эта связь псковскаго рынка съ новгородскимъ сослужила Пскову добрую службу въ изучаемую нами пору. Мы не знаемъ точно количества псковскаго населенія въ XVI вѣкѣ и не сможемъ заключить о немъ по той цифрѣ 6.500 дворовъ въ «старомъ Застѣньи», которую даетъ Псковская лѣтопись для 1500 года; но можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о населенности Пскова косвеннымъ путемъ — по состоянію псковскаго торга, о которомъ есть интересныя свѣдѣнія. Псковскій торгъ заключалъ въ себѣ, кромѣ гостиныхъ дворовъ, до 1.300 торговыхъ помѣщеній въ самомъ городѣ, не считая небольшого числа лавокъ въ Завеличьѣ; изъ этого числа 1.010 (80%) принадлежали чернымъ тяглымъ людямъ, до 200 лавокъ (15%)—церквамъ и духовенству и только 48 лавокъ—ратнымъ псковскимъ людямъ. Изъ общаго числа владѣльцевъ лавокъ было тяглыхъ людей 773 (81,8%), ратныхъ людей 42 (4,5%), духовныхъ—97 (10,6%) и, наконецъ, церквей 28. Эти данныя достаточно ярко рисуютъ размѣры псковской посадской общины и въ то же время указываютъ на ея цѣлость и крѣпость въ исходѣ XVI столѣтія. Въ то время, когда въ ближайшихъ къ Москвѣ городахъ тяглые люди уступали служилымъ и свои дворовыя мѣста и свой торгъ, во Псковѣ тяглый міръ былъ многочисленъ и крѣпокъ; онъ удерживалъ въ своихъ рукахъ псковскую торговлю и обладалъ достаточною силою, нравственною и хозяйственною, для того, чтобы стойко переносить не только военныя невзгоды, но и всѣ бѣды Смутнаго времени вплоть до междоусобій въ самихъ городскихъ стѣнахъ.

Иной видъ имѣли псковскіе пригороды предъ эпохою смутъ. Извѣстно, что эти пригороды не получили большого значенія въ Псковской области. Они были крѣпостными сооруженіями, обращенными противъ нѣмцевъ и Литвы, и имѣли сравнительно ничтожное населеніе. Изъ 14-ти пригородовъ, о которыхъ есть у насъ свѣдѣнія отъ середины XVI вѣка, только въ четырехъ образовались сколько-нибудь значительные посады: въ Опочкѣ было 180 черныхъ дворовъ, въ Островѣ—204, въ Гдовѣ — 290, въ Вороночѣ даже 371 дворъ, несмотря на то, что онъ, по словамъ Гейденштейна, былъ уже въ упадкѣ. Въ остальныхъ десяти (Вельѣ, Володимерцѣ, Вревѣ, Выборѣ, Вышгородѣ, Дубковѣ, Изборскѣ, Кобыльемъ, Красномъ и Себежѣ) было гораздо меньше тяглыхъ дворовъ. Населеніе этихъ городковъ жило по преимуществу земледѣльческимъ трудомъ, мало отличаясь отъ подгороднаго крестьянства. Ливонско-польская война губительно отозвалась на хозяйственномъ благополучіи этого

*

мелкаго люда, и онъ покинулъ свои мѣста, уступивъ свою землю вновь водвореннымъ въ пригородахъ московскимъ гарнизонамъ. По описи 1585—1588 гг., посадскихъ людей здѣсь уже нѣтъ почти совсѣмъ; больше всего ихъ, если не ошибаемся, въ Гдовѣ—14 человѣкъ. Ихъ смѣнили стрѣльцы (обыкновенно по сотнѣ въ городѣ), казаки (въ Себежѣ), пушкари и т. п.; весь этотъ народъ принялся за оставленные жителями огороды и вмѣстѣ съ крестьянами, приходящими въ городки, пахалъ ихъ изъ оброка. Но эти новые жильцы не наполнили старой «пустоты». Всего въ 1585—1588 гг. въ псковскихъ пригородахъ насчитывается 75 посадскихъ людей, 66 крестьянъ, 890 ратныхъ людей, 108 духовныхъ, всего же, съ лицами прочихъ состояній, до 1.250 человѣкъ; да сверхъ того, указано 1.686 пустыхъ дворовъ черныхъ посадскихъ и 108 дворовъ пустыхъ на церковной землѣ. Изъ прежде бывшаго числа 246 лавокъ осталось пустыми 160 и только въ 86-ти торговали. Таковы были здѣсь послѣдствія военныхъ бѣдствій. Не только имущественное разореніе, но и перемѣны въ самомъ составѣ городского населенія послѣдовали за войною. Сплошное мирное населеніе пригородовъ, лишенное всякаго вліянія на жизнь и торговлю Пскова по своей бѣдности и маломочности, смѣнилось здѣсь населеніемъ военнымъ; оно было столь же бѣдно, но обладало за то военною организаціею, которая помогла ему въ Смутную пору сыграть замѣтную роль въ псковскихъ междоусобіяхъ и даже на время взять въ свои руки руководительство Псковомъ въ союзѣ съ «мелкими» псковскими людьми [14].

IV.

Южные псковскіе пригороды, обращенные противъ Литовско-Польскаго государства, по военнымъ обстоятельствамъ второй половины XVI вѣка связаны были съ тою группою городовъ, которая на офиціальномъ языкѣ носила названіе «городовъ отъ Литовской украйны». Область этихъ городовъ (если включать въ нее южные псковскіе города) занимала верховья рѣкъ: Великой (Себежъ, Заволочье, Опочка), Ловати (Великія Луки, Торопецъ, Невель), Западной Двины (Велижъ, Бѣлая), Днѣпра (Красный, Смоленскъ, Дорогобужъ, Вязьма), Сожа и Десны (Рославль). За обладаніе этими верховьями шелъ споръ между Литвою и Москвою во весь XVI вѣкъ; поэтому города, возникшіе къ тому времени на спорной территоріи, пріобрѣтали значеніе крѣпостей и не разъ переходили изъ рукъ въ руки. Но въ то же время, несмотря на боевую обстановку жизни и на частую опасность военнаго погрома или же простого пограничнаго насилія, столь обычнаго въ ту пору, черезъ пограничныя мѣста совершался торговый обмѣнъ между Литвою, Пско-

вомъ, Новгородомъ и Москвою. Можно намѣтить и пути, которыми по преимуществу пользовались для этого обмѣна. Отъ З. Двины ко Пскову ѣздили, пользуясь теченіемъ рѣки Великой, черезъ Заволочье, Опочку и Островъ: здѣсь, по свидѣтельству Гейденштейна, шла «главная дорога» на Псковъ, и съ Двины выходили на нее отъ Дриссы и Десны. На этой дорогѣ около г. Острова, на Балабановскомъ лугу, былъ ежегодно очень большой ярмарочный торгъ, который давалъ одного «корчемнаго прикупа на намѣстника сто пятьдесятъ рублевъ». На тотъ «торгъ великой» съѣзжались «многіе люди московскихъ городовъ и Великаго Новгорода и Пскова и литовскіе и нѣмецкіе люди». Великія Луки открывали собою идущему отъ Полоцка два пути: на Великій Новгородъ по Ловати черезъ Холмъ и Старую Русу и на верхнюю Волгу и Москву черезъ Торопецъ: этимъ послѣднимъ путемъ воспользовался, напримѣръ, Дж. Тедальди для поѣздки въ Москву. Можно было отъ Полоцка подняться по З. Двинѣ до р. Межи, а по Межѣ до р. Обши, на которой лежалъ г. Бѣлый (или Бѣлая), и оттуда выйти къ Зубцову и Ржеву на Волгу. По словамъ того же Тедальди, на этомъ пути суда «можно было найти въ изобиліи»: стало быть, этимъ путемъ не избѣгали пользоваться. Именно по этому пути царь В. Шуйскій выслалъ изъ своего государства въ Польшу Марину Мнишекъ и тушинцы перехватили ее въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Наконецъ, существовала и прямая дорога сухопутьемъ изъ Литвы (отъ Орши) на Москву черезъ Красный, Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязьму. Существовала дорога и вдоль московско-литовской границы отъ Смоленска къ В. Лукамъ, имѣвшая преимущественно военное значеніе и описанная Гейденштейномъ именно съ этой стороны. Пограничныя мѣста, по которымъ проходила эта дорога, были покрыты густыми болотистыми лѣсами, составлявшими первое препятствіе для вторженія непріятеля въ Московское государство. У литовцевъ и поляковъ было мнѣніе, что москвичи нарочно развели эти лѣса съ цѣлями стратегическими; мы думаемъ, что русскіе люди только умѣли пользоваться этою естественною защитою, ища въ лѣсахъ убѣжища отъ врага и видя въ непроѣздномъ лѣсу первую линію укрѣпленій, которую можно было еще усилить засѣками. Но за этою линіей они созидали новые ряды искусственныхъ крѣпостей. Всѣ города, названные нами выше, были сильно укрѣплены именно въ виду войнъ съ Литвою. Лѣтописи наши отъ середины XVI вѣка сохранили извѣстія о систематическихъ работахъ по укрѣпленію литовскаго рубежа, о постройкѣ и обновленіи Себежа, Велижа, Заволочья, Холма на Ловати. Извѣстно, что этому рубежу существовалъ въ XVI столѣтіи спеціальный планъ — «чертежъ Лукамъ Великимъ и псковскимъ пригородкомъ съ литовскимъ городомъ съ Полотцкомъ». Сохранились до насъ и нѣкоторые акты, относящіеся къ постройкѣ

каменнаго города въ Смоленскѣ въ послѣдніе годы XVI вѣка; дѣлали Смоленскъ «всѣми городы», и придавали новой крѣпости большое значеніе: это видно какъ изъ лѣтописнаго повѣствованія о каменномъ Смоленскомъ городѣ, такъ и изъ анекдота объ остроумной выходкѣ князя Ѳед. Мих. Трубецкого, направленной противъ Бориса Годунова при томъ случаѣ, когда Борису вздумалось сравнить Смоленскъ съ цѣннымъ ожерельемъ. Къ сожалѣнію, Смоленскъ строили «наспѣхъ», и одинъ изъ «дворянъ честныхъ», бывшихъ на постройкѣ, А. И. Дѣдевшинъ объяснилъ полякамъ въ 1611 году, гдѣ «градъ былъ худо сдѣланъ, въ осень»; это помогло королю Сигизмунду овладѣть Смоленскомъ.

Изъ всѣхъ крѣпостей, расположенныхъ по литовской границѣ, наибольшее значеніе имѣли Смоленскъ и Великія Луки. Значеніе Смоленска общеизвѣстно. Въ XVII вѣкѣ его звали ключомъ Москвы (clavis Moscuae—у Таннера); съ равнымъ правомъ можно было назвать его и ключомъ Литвы, потому что тотъ, кто имъ владѣлъ, получалъ возможность распоряжаться и въ области З. Двины, и въ области верхняго Днѣпра, если цѣлью операцій была Литва. Если же Смоленскъ становился операціоннымъ базисомъ противъ Москвы, то изъ него можно было идти не только на самую Москву, но и на Тверь и на Сѣверскую Русь. Такое положеніе Смоленска въ центрѣ многихъ сообщеній придавало ему важность и въ торговомъ отношеніи. Черезъ Смоленскъ шли сухопутьемъ товары въ Москву изъ Литвы и странъ, лежавшихъ за нею, и въ Смоленскѣ былъ особый «гостинъ литовской дворъ» на посадѣ. Особенно выростало значеніе этого двора въ то время, когда стѣснялся доступъ литовскаго и польскаго купечества внутрь Московскаго государства. Такъ, въ концѣ 1590 года по государеву указу запрещено было пускать изъ Литвы далѣе Смоленска «съ невеликими товары» простыхъ «торговыхъ людей», а пропускались въ Москву лишь «именитые гости съ большими товары съ узорочными, съ каменіемъ съ дорогимъ и съ жемчугомъ и съ сукны скорлаты». Во время такихъ стѣсненій московскіе гости и купцы, если желали поддерживать торгъ съ Литвою, должны были ѣздить въ Смоленскъ, и Смоленскъ изъ передаточнаго пункта обращался въ торговый центръ. Мѣстные смоленскіе промыслы не отличались большимъ развитіемъ. Сплавъ лѣса по Днѣпру и З. Двинѣ составлялъ видное занятіе въ лѣсномъ Смоленскомъ краѣ; конопля и пенька, посуда глиняная и деревянная, сало, воскъ и медъ, пушные товары—вотъ предметы мѣстнаго отпуска. Пограничное положеніе края и первостепенное стратегическое значеніе Смоленска мѣшали правильному развитію хозяйственной жизни въ самомъ городѣ и вокругъ его: на первомъ мѣстѣ былъ здѣсь военно-политическій интересъ, и ему подчинились всѣ прочіе.

Подобное Смоленску положеніе занимали и Великія Луки. Очень

хорошо объяснено ихъ значеніе Гейденштейномъ и Гіуланомъ: они пишутъ, разсуждая съ литовско-польской точки зрѣнія и, какъ кажется, повторяя офиціально принятое мнѣніе, что область Великихъ Лукъ «открывала доступъ въ самое сердце Россіи». По словамъ Гейденштейна, «Луки находятся какъ бы въ предсердіи Московскаго княжества, представляя пунктъ, удобный для нападенія на другія области, на какія только угодно будетъ потомъ направиться... Отсюда открыта одинаково дорога къ Смоленску и ко Пскову». Черезъ Торопецъ открыта она была и на верхнюю Волгу, въ тверскія мѣста, и на самую Москву черезъ Волоколамскъ. И для московскихъ войскъ Луки имѣли большую важность и бывали сборнымъ пунктомъ: Гейденштейнъ знаетъ, что московскій «великій князь обыкновенно стягиваетъ сюда свои войска, потому что, при одинаковой близости окрестныхъ владѣній, онъ отсюда можетъ самымъ удобнымъ образомъ напасть на ту область, которая покажется ему всего болѣе подходящею». Для Литвы всего памятнѣе въ этомъ отношеніи былъ, конечно, знаменитый полоцкій походъ 1563 года, когда сборнымъ мѣстомъ московскихъ войскъ послужили именно Великія Луки: отсюда начался походъ къ берегамъ З. Двины и здѣсь же онъ былъ законченъ распущеніемъ служилыхъ людей «во-свояси». Такимъ образомъ, среди московскихъ крѣпостей, выходившихъ на литовскій рубежъ отъ Новгорода и Пскова, Луки занимали первое мѣсто. Завладѣвъ ими въ 1580 году, Стефанъ Баторій вполнѣ оцѣнилъ ихъ важность: по словамъ Гейденштейна, «видя, что никоимъ образомъ нельзя безъ этой крѣпости удержать въ своей власти взятую у непріятеля страну, король рѣшилъ употребить самое большое стараніе, чтобы возобновить и укрѣпить оную». Во время осады Баторіемъ Великія Луки представляли собою людный, богатый и хорошо укрѣпленный городъ. За крѣпостнымъ валомъ Великолуцкаго «города» не было видно даже верховъ многочисленныхъ церквей: такъ высокъ былъ этотъ валъ. Хорошая артиллерія Баторія не могла ни разрушить, ни зажечь на большомъ пространствѣ, достаточномъ для приступа, прочную крѣпостную стѣну, покрытую толстымъ слоемъ дерна. Нужны были особенныя хитрости и большое мужество со стороны врага, чтобы зажечь самый городъ и сломить сопротивленіе гарнизона. Во время приступа этотъ гарнизонъ почти весь погибъ въ рѣзнѣ, а остатки его ушли изъ города. Съ тѣхъ поръ Луки долго не могли оправиться: еще разъ разоренныя въ Смуту Просовецкимъ и Валуевымъ, онѣ въ XVII вѣкѣ, не потерявъ военнаго значенія, не возстановили хозяйственнаго. Хотя и пробовали при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ собирать луцкихъ посадскихъ изъ окрестныхъ городовъ въ старый посадъ «на вѣчное житье на Луки по старымъ печищамъ», однако во весь XVII вѣкъ въ Великихъ Лукахъ не насчитывали и двухсотъ тяглыхъ хозяйствъ.

Вокругъ обѣихъ крѣпостей, Смоленской и Великолуцкой, группировались второстепенные города. Себежъ, Заволочье, Невель, Усвятъ и Велижъ составляли первую боевую линію, прикрывавшую подступы къ В. Лукамъ; это были хорошо поставленные на естественныхъ твердыняхъ, но сравнительно небольшіе замки, которые въ Ливонскую войну не могли долго задерживать хорошо устроенное Баторіево войско. За ними Опочка и Островъ, уже извѣстные намъ, закрывали дорогу ко Пскову; Торопецъ и Холмъ, не считая самыхъ В. Лукъ, защищали переходъ съ верховьевъ З. Двины на Ловать къ Ильменю. Тотъ же Торопецъ, вмѣстѣ съ В. Луками, былъ защитою и Волжскихъ верховій отъ Полоцка и Вильны; этотъ городъ слылъ чрезвычайно сильною крѣпостью; по крайней мѣрѣ, такимъ считалъ его знатокъ дѣла Александръ Гонсѣвскій. Въ древнѣйшую пору Торопецъ имѣлъ большое торговое значеніе, находясь на пути отъ Новгорода къ Смоленску въ системѣ «великаго» воднаго пути. Въ изучаемое время, съ упадкомъ сношеній между Новгородской Русью и Днѣпровскою, Торопецкій посадъ имѣлъ средніе размѣры и не отличался процвѣтаніемъ торга. Въ 1540—1541 гг. въ немъ было всего 402 тяглыхъ двора и около 80 служилыхъ нетяглыхъ, а на торгу описано было 79 лавокъ; по вѣроятному счету, общее число жителей Торопца въ серединѣ XVI вѣка не превышало 2.400 человѣкъ. Область только что названныхъ городовъ отличалась, сравнительно, большою населенностью и высокою хозяйственною культурою. Объ этомъ положительно свидѣтельствуетъ не разъ упомянутый нами Гейденштейнъ, находившій, что послѣ лѣсныхъ болотъ, удручавшихъ войско Баторія на границѣ, плодородныя и населенныя мѣста Великолуцкой области доставили «не малое удовольствіе всѣмъ». Есть много и русскихъ извѣстій, рисующихъ юго-западную часть старой Новгородской земли и южную половину Псковской, какъ плодородный и воздѣланный край.

Уединенно стоявшій въ лѣсахъ и болотахъ городъ Бѣлый (или Бѣлая) поддерживалъ, вмѣстѣ съ Велижемъ, связь между Великолуцкими и Смоленскими мѣстами. Самъ онъ стоялъ при началѣ сплавного Двинскаго пути, о которомъ уже была рѣчь, и въ этомъ заключалось его хозяйственное значеніе; а съ точки зрѣнія стратегической Бѣлый былъ удобенъ для дѣйствій на линіи сообщеній Москвы съ Торопцемъ и В. Луками. По этой причинѣ, когда по Деулинскому перемирію Бѣлый остался за поляками, устроена была «новая» обходная дорога изъ Москвы на Торопецъ черезъ Селижарово длиною въ 547 верстъ, вмѣсто старой дороги на Бѣлый въ 440 верстъ. Другіе два города, близкіе къ Смоленску, Красный и Дорогобужъ, были весьма незначительны; Красный рисуется намъ простою деревнею, гдѣ едва размѣстилась свита Марины Мнишекъ въ 1606 году. Около того же времени ѣхавшій мимо Дорогобужа

Тентандеръ назвалъ его только «блокгаузомъ», а не городомъ или замкомъ. Большее значеніе и бо̀льшіе размѣры имѣла Вязьма. Въ 1594—1596 гг. въ ней насчитывали 500 тяглыхъ дворовъ, плативших въ казну около 234 рублей ежегодно. Черезъ Вязьму шелъ путь изъ Смоленска не только на Москву, но и на Оку, въ Калугу, и на верхнюю Волгу, въ Старицу и Тверь (этимъ послѣднимъ путемъ ѣхалъ въ Старицу Поссевинъ). Положеніе въ узлѣ дорогъ придавало Вязьмѣ стратегическую важность. Когда Смоленскъ бывалъ въ литовскихъ и польскихъ рукахъ, именно къ Вязьмѣ переходило отъ Смоленска значеніе центральной крѣпости въ этой части литовско-московскаго рубежа и Вязьма становилась главнымъ прикрытіемъ дорогъ, идущихъ въ Замосковье. Наконецъ, на пути отъ Смоленска къ Сѣверской землѣ, къ Брянску, лежалъ Рославль, съ деревянною крѣпостью, которая, по словамъ Маскѣвича, имѣла много пушекъ и немалый гарнизонъ. Прикрывая отъ Литвы такъ называемые Заоцкіе города, Рославль въ то же время защищалъ и Сѣверу отъ покушеній со стороны Смоленска. Въ лагерѣ Баторія существовало мнѣніе, что обладаніе Смоленскомъ отдаетъ въ руки короля и Сѣверскую землю; если признавали справедливымъ это мнѣніе, то должны были признать и важность Рославля, стоявшаго между Смоленскомъ и Сѣверскою землею. Въ 1610 году король Сигизмундъ, осадивъ Смоленскъ, захватываетъ и Рославль, воевода котораго Ив. Ив Безобразовъ сдалъ городъ полякамъ при первомъ ихъ натискѣ.

Итакъ, города отъ Литовской украйны имѣли два военныхъ центра: Великія Луки, къ которымъ тянули всѣ мѣста по верховьямъ р. Великой и Ильменскихъ рѣкъ, и Смоленскъ, около котораго группировалось населеніе верховій Днѣпра и З. Двины. Въ основаніи военнаго раздѣленія полосъ Великолуцкой и Смоленской лежали не только географическія условія, но и историческія традиціи. Великолуцкая полоса изъ старины была связана съ Великимъ Новгородомъ и Псковомъ; Смоленскъ давно былъ предметомъ спора между Москвою и Литвою. Плодородіе почвы и развитіе торговаго оборота, руководимаго новгородцами и псковичами, благотворно повліяло на успѣхи хозяйственной жизни въ первомъ изъ описанныхъ районовъ; второй районъ, занятый сплошь болотистыми лѣсами, не отличался оживленіемъ и населенностью. Военныя условія жизни на границѣ содѣйствовали распространенію въ краѣ служилаго землевладѣнія. Извѣстно, что Москва систематически водворяла своихъ помѣщиковъ въ пограничныхъ мѣстахъ подчиненной ею Новгородской земли, обращая въ помѣстныя дачи взятыя на государя новгородскія земли. Совершенно такое же систематическое водвореніе помѣщиковъ на взятыхъ отъ непріятеля земляхъ мы наблюдаемъ въ изучаемомъ нами теперь пограничномъ краѣ. Незадолго передъ нашествіемъ Ба-

торія на Великолуцкія мѣста, въ 1571—1572 гг., были розданы дѣтямъ боярскимъ Обонежской и Бѣжецкой пятинъ въ помѣстное пользованіе земли кругомъ Озерищъ и Усвята на мѣстахъ, взятыхъ у Литвы. Эти помѣстныя владѣнія оказались недолговѣчны, потому что отошли къ Литвѣ. Немногимъ пережили ихъ и владѣнія смоленскихъ, дорогобужскихъ и вяземскихъ помѣщиковъ. Въ Смуту они подверглись польской оккупаціи, а ихъ владѣльцы были выбиты вонъ и долго не могли устроиться, блуждая по всему Московскому государству. Подобныя указаннымъ условія не могли содѣйствовать успѣхамъ землевладѣнія и вообще хозяйства въ пограничныхъ мѣстахъ. Вотъ почему мы почти не видимъ здѣсь, рядомъ съ мелкимъ искусственно насажденнымъ помѣстнымъ владѣніемъ, ни крупной боярской, ни монастырской земельной собственности [15].

V.

Города «отъ Литовской украйны» Московскаго государства были расположены на верховьяхъ Днѣпра и Десны. Переходя съ этихъ рѣкъ на р. Угру, мы вступаемъ въ новую область—такъ-называемыхъ «Заоцкихъ» городовъ, бывшихъ стариннымъ достояніемъ южно-русскаго княжескаго рода, подпавшихъ затѣмъ литовской власти и перешедшихъ къ Москвѣ на рубежѣ XV и XVI вѣковъ. Вмѣстѣ съ городами «Украинными» и «Рязанскими», эти города въ XVI вѣкѣ обращаются уже не противъ Литвы, а противъ татаръ. Съ успѣхами Москвы на западной границѣ противъ литовскихъ князей въ XV-мъ и началѣ XVI вѣка, съ пріобрѣтеніемъ Москвою Смоленска, берега Угры и верхней Оки стали безопасны отъ нападеній со стороны Литвы, но въ то же время не были хорошо закрыты отъ нападеній татаръ. Здѣсь страхъ отъ литовцевъ смѣнился боязнью крымцевъ, и въ глазахъ московскаго правительства Заоцкіе города входили въ ту полосу земли, которую надо было укрывать съ юга. Поэтому и мы соединяемъ эту группу городовъ въ одномъ очеркѣ съ городами «отъ Поля». Какъ увидимъ ниже, есть для этого и нѣкоторыя другія основанія въ условіяхъ быта изучаемаго пространства.

Подъ именемъ Заоцкихъ городовъ разумѣлись города, расположенные между верхнимъ теченіемъ Оки и рѣками Лужею (притокъ Протвы), Угрою и Жиздрою; съ запада ихъ районъ ограничивался лѣвыми притоками верхней Десны (точнѣе, рѣкою Болвою). Въ этомъ неправильномъ пятиугольникѣ, кромѣ главнаго и крупнѣйшаго города Калуги, находились города: Воротынскъ, Козельскъ, Кременескъ, Лихвинъ, Медынь, Мещовскъ (Мезецкъ), Мосальскъ, Опаково городище (съ Юхновымъ монастыремъ), Перемышль, Серпейскъ. Все это были небольшіе городки, но они лежали въ краю

давно населенномъ, довольно плодородномъ и не лишенномъ торговаго оживленія. Черезъ Серпуховъ и Боровскъ было сухопутное сообщеніе съ Москвою; по Окѣ и притокамъ Десны возили товары и сплавляли лѣсъ въ Замосковье и на Сѣверу. О торговлѣ Калуги и о торговомъ рѣчномъ движеніи въ краѣ находимъ не одно извѣстіе отъ XVI—XVII вѣковъ. Въ военномъ же отношеніи большое число Заоцкихъ укрѣпленныхъ городовъ объясняется тѣмъ, что они прикрывали собою подступы къ рѣкѣ Угрѣ и переходъ на линію рѣки Поротвы (или Протвы). Значеніе р. Угры въ защитѣ московскаго центра безспорно было очень велико: стоитъ только вспомнить, что именно здѣсь рѣшился исходъ татарскихъ нашествій 1480 и 1571 годовъ: въ первомъ случаѣ татаръ успѣли отбить на Угрѣ, во второмъ—татары, перейдя Жиздру и Угру, дошли до самой Москвы. Не даромъ русскій писатель XVI вѣка, говоря объ Угрѣ, рѣшился «нарещи ту рѣку—поясъ самыя Пречистыя Богородицы, аки твердь отъ поганыхъ защищающу Русскую землю». При такихъ условіяхъ понятно, что Заоцкіе города сохраняли въ продолженіе всего XVI столѣтія свое военное значеніе; понятно затѣмъ, что тѣ изъ нихъ, которые были обращены на западъ, къ литовской границѣ, именно Медынь, Опаковъ и Кременескъ, скорѣе перестали быть «городами» и обратились въ «городища», чѣмъ крѣпости, обращенныя на югъ: съ запада уже не ждали вражеской грозы, съ юга она не затихала.

Берегами Оки и Жиздры ограничивалась съ востока область Заоцкихъ городовъ и начинались тульскія мѣста—область «Украинныхъ городовъ». Эта послѣдняя область лежала по самой Окѣ, выше впаденія р. Жиздры, и по р. Упѣ съ ея притоками. Она представляла собою узкую полосу земли, протянувшуюся съ сѣверо-востока на юго-западъ, отъ Серпухова и Каширы до Карачева и Кромъ, и прикрывавшую отъ Поля верхнее и среднее (до Каширы) теченіе Оки. Здѣсь были города: Алексинъ, Болховъ, Бѣлевъ, Дѣдиловъ, Карачевъ, Крапивна, Мценскъ, Новосиль, Одоевъ, Орелъ, Таруса, Тула и Чернь. Сюда же впослѣдствіи причислили и г. Кромы, выстроенный въ 1595 году на лѣвомъ берегу Оки, на рѣкѣ Кромѣ, на мѣстѣ стараго «Кромского городища». Какъ среди Заоцкихъ городовъ первое мѣсто принадлежало Калугѣ, такъ среди Украинныхъ главное значеніе имѣла Тула. Черезъ нее шла большая дорога отъ Москвы на Сѣверу и въ Кіевъ, черезъ Болховъ и Карачевъ; такъ называемая «Московская», иначе «Посольская» дорога направлялась отъ Тулы же на Мценскъ, Кромы и Курскъ; мимо Тулы на Оку проложенъ былъ и знаменитый Муравскій шляхъ, поднимавшійся отъ Ливенъ по водораздѣламъ къ Костомарову броду на рѣкѣ Упѣ. Находясь на линіи важныхъ сообщеній, Тула была торговымъ городомъ: значеніе ея рынка на московской украйнѣ было велико не для одного мѣстнаго населенія, но и для временно приходящихъ

[illegible] для обороны [illegible] въ [illegible] и концѣ XVI [illegible] устранялись: [illegible] въ [illegible] годахъ XVI [illegible] раззнія за эти [illegible] раздѣчены и [illegible] въ [illegible] татарскихъ нашествій [illegible] мѣры [illegible] въ центръ Московскаго [illegible] берегу Оки: [illegible] Крапивна и [illegible]

Тѣмъ же [illegible] города». Стариннымъ [illegible] пространство между рѣками [illegible] находились города: Переяславль [illegible] Михайловъ и Пронскъ. Съ запада [illegible] Гремячей и Печерники. На [illegible] сторону» смотрѣли Ряжскъ. [illegible] Рязани. по старой традиціи [illegible] въ XVI вѣкѣ были города Епифань и [illegible] обозначались общимъ именемъ Рязанскихъ [illegible] города служили оплотомъ отъ крымцевъ [illegible] на западъ отъ Дона, на «Крымской сторонѣ» такъ называемаго [illegible] Рязанскіе города охраняли Русь по преимуществу отъ «Ногайской стороны». противъ нашествій съ юго-востока ногайскихъ отрядовъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда предполагалось нападеніе крымцевъ черезъ Донскія верховья на Рязань и далѣе на Коломну или Владиміръ. Рязанскимъ городамъ выпадала главная роль и въ борьбѣ съ крымцами. По этой причинѣ въ продолженіе всего XVI вѣка Рязанскій край имѣлъ характеръ военнаго округа. Главный городъ края—Переяславль Рязанскій—представлялъ собою сильную крѣпость; Зарайскъ съ 1533 года имѣлъ каменныя стѣны. и всѣ прочіе города были укрѣплены. Черноземъ, доходящій съ верховьевъ Дона черезъ Проню почти до Оки, способствовалъ широкому развитію земледѣлія на Рязани, и украинныя рязанскія мѣста, несмотря на военныя опасности, слыли за обильный и богатый край. По Окѣ и Москвѣ-рѣкѣ черезъ Коломну къ столицѣ «добрѣ много» шелъ изъ Рязани хлѣбъ и другіе припасы; въ Смутное время на продовольствіе изъ Рязани расчитывали всѣ стороны, дѣйствовавшія подъ Москвою. Были у Рязанскаго края и торговыя сношенія съ южными мѣстами, причемъ, разумѣется, главное значеніе имѣлъ Донской путь. На Донъ ѣздили изъ рязанскихъ мѣстъ или по рѣкамъ Пронѣ. Ранову и Хуптѣ на Ряжскъ и Рясское поле въ рѣки Рясы и Воро-

нежъ, или же сухимъ путемъ на донскую пристань Донковъ. Отъ Донкова черезъ веневскія мѣста на Каширу существовалъ еще особый путь, которымъ могли пользоваться и жители Рязани [16].

Вотъ, въ краткомъ очеркѣ, составъ той части Московскаго государства, которая находилась на югъ отъ Оки и Угры и еще въ началѣ XVI вѣка считалась какъ бы за рубежами государства. Если на востокѣ и западѣ изучаемой нами теперь полосы подъ прикрытіемъ старинныхъ крѣпостей «верховскихъ» и рязанскихъ населеніе чувствовало себя болѣе или менѣе въ безопасности, то между верхнею Окою и верхнимъ Дономъ, на рѣкахъ Упѣ, Пронѣ и Осетрѣ, русскіе люди до послѣдней трети XVI вѣка были предоставлены собственному мужеству и счастью. Алексинъ, Одоевъ, Тула, Зарайскъ и Михайловъ не могли дать пріютъ и опору поселенцу, который стремился поставить свою соху на тульскомъ и пронскомъ черноземѣ. Не могли эти крѣпости и задерживать шайки татаръ въ ихъ быстромъ и скрытномъ движеніи къ берегамъ средней Оки. Надо было защитить надежнымъ образомъ и населеніе окраины и дороги внутрь страны, въ Замосковье. Московское правительство берется за эту задачу въ серединѣ XVI вѣка. Оно сначала укрѣпляетъ мѣста по верховьямъ Оки и Дона, затѣмъ укрѣпляетъ линію рѣки Быстрой Сосны, переходитъ на линію верхняго Сейма и, наконецъ, занимаетъ крѣпостями теченіе рѣки Оскола и верховье Сѣвернаго (или Сѣверскаго) Донца. Все это дѣлается въ теченіе всего четырехъ десятилѣтій, съ энергическою быстротою и по извѣстному плану, который легко открывается позднѣйшему наблюдателю, несмотря на скудость историческаго матеріала для изученія этого дѣла.

Очень извѣстенъ и не одинъ разъ излагался порядокъ обороны южной границы Московскаго государства. Для отраженія врага строились крѣпости и устраивалась укрѣпленная пограничная черта изъ валовъ и засѣкъ, а за укрѣпленіями ставились войска. Для наблюденія же за врагомъ и для предупрежденія его нечаянныхъ набѣговъ выдвигались въ Поле за линію укрѣпленій наблюдательные посты—«сторожи», и разъѣзды—«станицы». Вся эта сѣть укрѣпленій и наблюдательныхъ пунктовъ мало-по-малу спускалась съ сѣвера на югъ, слѣдуя по тѣмъ полевымъ дорогамъ, которыя служили и отрядамъ татаръ. Преграждая эти дороги засѣками и валами, затрудняли доступы къ бродамъ черезъ рѣки и ручьи и замыкали ту или иную дорогу крѣпостью, мѣсто для которой выбиралось съ большою осмотрительностью, иногда даже въ сторонѣ отъ татарской дороги, но такъ, чтобы крѣпость командовала надъ этою дорогою. Каждый шагъ на югъ, конечно, опирался на уже существовавшую цѣпь укрѣпленій; каждый городъ, возникавшій на Полѣ, строился трудами людей, взятыхъ изъ другихъ Украинныхъ и «Польскихъ»

городовъ, населялся ими же и становился по службѣ въ тѣсную связь со всею сѣтью прочихъ городовъ. Связь эта поддерживалась не одними военно-административными распоряженіями, но и всѣмъ складомъ боевой порубежной жизни. Между военными городами болѣе старыми, «Украинными», и новыми «Польскими» нельзя провести опредѣленной границы и очень трудно подмѣтить существенное различіе въ складѣ жизни. Это одинъ военный округъ; части его лучше изучаются въ ихъ совокупности и становятся понятнѣе тогда, когда будутъ поставлены изучающимъ въ связь съ направленіемъ полевыхъ дорогъ, по которымъ московскіе люди сознательно располагали группы укрѣпленныхъ городовъ, «помысля (по словамъ лѣтописи) поставить по сакмамъ татарскимъ городы».

Нельзя сказать, чтобы вся сѣть полевыхъ дорогъ была намъ одинаково хорошо извѣстна. Муравскій шляхъ и его восточныя вѣтви, Изюмская и Калміусская сакмы, соединявшіяся съ главнымъ шляхомъ недалеко отъ Ливенъ, изучены хорошо. Менѣе обращалось вниманія на западныя вѣтви, которыя отходили отъ Муравскаго шляха южнѣе рѣки Сейма и направлялись черезъ Сеймъ на верховья Оки, на ея лѣвый берегъ; это—дорога Пахнутцова (или Пахнуцкова) и Бакаевъ шляхъ, сѣвернѣе носившій названіе Свиной дороги. Не вполнѣ ясно и направленіе восточныхъ путей, которыми отъ Муравской и Калміусской дорогъ, черезъ рѣки Красивую Мечу и Вязовню, выходили къ Донкову по дорогамъ Турмышской, Дрысинской и др. Наконецъ, на востокѣ отъ верхняго Дона мы только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, для XVI вѣка, можемъ указать такъ называемую «Нагайскую» дорогу, которая шла съ юга на верховья Воронежа по верховьямъ рѣки Битюка и рѣки Цны. Она или пересѣкала рѣку Воронежъ на Торбѣевомъ бродѣ (у нынѣшняго Козлова) и шла на Ряжскія мѣста, или же оставляла рѣку Воронежъ влѣво и выходила на Шацкъ и Сапожокъ. Всѣ эти дороги, съ многочисленными ихъ развѣтвленіями, имѣло въ виду московское правительство, подвигаясь на югъ по «дикому полю».

Выше мы уже указали на важное значеніе р. Угры, къ берегамъ которой много разъ въ XVI вѣкѣ подходили татарскія войска. Въ 1571 году ханъ, идя Пахнутцовою дорогою, «перелѣзъ» Оку чрезъ Быстрый бродъ, верстъ на десять выше впаденія въ нее рѣки Цона (Оцона), и направился на Болховъ, а оттуда на Угру. Въ этотъ годъ хана просто не устерегли, хотя и знали о существованіи дороги, которою онъ шелъ, знали, что близко верховья Цона, на водораздѣлѣ между рѣками Цономъ и Навлею (притокомъ Десны), на Молодовой рѣчкѣ «сошлись съ Семи и изъ Рыльска всѣ дороги». Это были по опредѣленію Книги Большому Чертежу: «Свиная дорога отъ Рыльска до Болхова», «дорога Бакаевъ шляхъ», которая «на Свиную дорогу пришла изъ-за Семи рѣки», и «Пахнутцова до-

рога промежъ (рѣкъ) Лещина и Хону отъ рѣки Семи въ Мѣлевой бродъ». Насколько можно сообразить по бѣглымъ упоминаніямъ документовъ, Бакаевъ шляхъ, идя на востокъ между рѣками Сеймомъ и Псломъ, на ихъ верховьяхъ сплетался своими сакмами съ Муравскимъ шляхомъ. На ихъ соединеніи впослѣдствіи стояла сторожа, «а видѣть съ тое сторожи по Муравскому и по Бокаеву шляху въ поле верстъ съ семь и до рѣки до Псла». Но здѣсь же дороги и расходились, почему мѣсто ихъ соединенія и называлось «на Ростанехъ». Бакаевъ шляхъ отходилъ отъ Муравскаго на сѣверо-западъ, и его направленіе въ этой части опредѣлялось такъ: «сакма татарская лежитъ съ Изюмской и съ Муравской сакмы промежъ Думчей курганъ и рѣки Псла къ Семи Пузатой въ Курскіе мѣста». Приблизительно здѣсь же отдѣлялась отъ Муравской дороги и Пахнутцова дорога, а именно на верховьяхъ Донецкой Семицы, по лѣвому берегу которой она и уходила на сѣверъ къ рѣкѣ Сейму. Идя по Бакаеву шляху на Свиную дорогу, переходили черезъ р. Сеймъ «подъ Городенскимъ городищемъ ниже Курска верстъ съ 40», а идя Пахнутцовой дорогою, переходили Сеймъ выше Курска тоже верстахъ въ 40 отъ него. Располагая такими данными, московское правительство устраиваетъ надзоръ за всѣми этими дорогами изъ Мценска, Карачева, Рыльска и вновь устроеннаго въ 60-хъ годахъ XVI вѣка города Орла. Изъ Орла сторожи стерегутъ и узелъ дорогъ на Молодовой, и извѣстные намъ броды на Сеймѣ, и Быстрый бродъ на Окѣ. Не довольствуясь этимъ, къ концу XVI вѣка на дорогахъ ставятъ города Кромы, Курскъ и Бѣлгородъ. Кромы построены были между Свиной (Бакаевой) и Пахнутцовой дорогами впереди соединенія ихъ на Молодовой; новый городъ прикрывалъ собою и подступы къ Молодовой и дальнѣйшіе пути отъ Молодовой къ Карачеву и Болхову; въ этомъ было его военное значеніе. Задачею Курска, поставленнаго среди тѣхъ же татарскихъ дорогъ, было защищать переправу черезъ Сеймъ, а Сеймъ былъ главною естественною преградою на этихъ дорогахъ. Наконецъ, Бѣлгородъ былъ поставленъ вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ отходили отъ Муравскаго шляха дороги и Бакаева и Пахнутцова; закрывая Муравскую дорогу, онъ закрывалъ и переходы съ нея на двѣ прочія, служа такимъ образомъ ключомъ ко всѣмъ къ нимъ. Съ построеніемъ Бѣлгорода путь къ Заоцкимъ городамъ, можно сказать, былъ совсѣмъ запертъ: всѣ сакмы съ Поля къ верхней Окѣ перешли въ черту государства.

Главная полевая дорога, Муравскій шляхъ, пройдя съ юга между верховьями Ворсклы и Сѣвернаго Донца, а затѣмъ между верховьями Сейма и Оскола, направлялась къ рѣкѣ Быстрой Соснѣ, которую и переходила близъ впаденія въ нее рѣчки Ливны съ притокомъ Ливною же. Далѣе, идя между р. Зушею и р. Красивою Мечею,

[illegible] Муравская дорога [illegible] Ливенъ [illegible] вѣка. Въ послѣдней же четверти XVI столѣтія [illegible] въ сильную мѣру [illegible] Быстрой Сосны, представлявшей природную преграду [illegible] ніе привело, какъ кажется, [illegible] татарской сакмы, именно Калміусской, шедшей [illegible] р. Оскола, параллельно его теченію, и выходившей на Быструю Сосну въ тѣхъ приблизительно мѣстахъ, [illegible] Муравская дорога. Если бы, какъ принято думать, Калміусская дорога [illegible] съ Муравскою у Ливенъ на переправѣ черезъ Быструю Сосну, то она не имѣла бы никакого значенія для [illegible] мѣстностей за Сосною. Но дѣло, кажется, было не такъ. Книга Большому Чертежу дважды отмѣчаетъ направленіе Калміусской дороги въ сторонѣ отъ Ливенъ, на востокъ: она говоритъ: «на устьѣ рѣки Чернавы на (Быстрой) Соснѣ бродъ: Калміусская дорога»; и въ другомъ мѣстѣ: «на рѣкѣ Соснѣ на усть-рѣки Чернавы въ городкѣ стоятъ заставные головы, сотнями перемѣняясь на Калміусской дорогѣ». Изъ этого заключаемъ, что на Ливнахъ Калміусская дорога лишь однимъ своимъ отрогомъ связывалась съ Муравскою, другимъ же продолжала идти на сѣверъ восточнѣе Муравской дороги и особо отъ послѣдней переходила черезъ Быструю Сосну на усть-Чернавскомъ, Талицкомъ и другихъ бродахъ. Перейдя Быструю Сосну по Калміусской сакмѣ, непріятель могъ идти черезъ рѣчки Красивую Мечу и Вязовню, на которыхъ не было городовъ, а только сторожи, прямо на рязанскія мѣста, къ Донкову, Ряжску и Пронску. Но онъ могъ держаться западнѣе и выйти на Куликово поле, къ истокамъ Упы и Непрядвы, на «верхъ Непрядвы на большую дорогу», а отсюда были открыты пути и на Рязанскій край, и на Каширу черезъ Веневъ. Для того, чтобы оборонить всѣ эти мѣста со стороны новой дороги, надобно было защитить броды на Быстрой Соснѣ. Въ 1586 году и слѣдующихъ возникаютъ на Быстрой Соснѣ города Ливны и

Елецъ и «Чернавскій городокъ». Ливны стали на соединеніи старой Муравской и новой Калміусской дорогъ; Елецъ сталъ на восточныхъ бродахъ черезъ Быструю Сосну, прикрывая собою Красивую Мечу; въ Чернавскомъ городкѣ была промежуточная застава.

Занятіе Быстрой Сосны сопровождалось занятіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ и по среднему теченію Дона. Одинъ и тотъ же государевъ указъ предписалъ (въ 1586 году) построеніе Ливенъ и города Воронежа «на Дону на Воронежѣ». Назначеніе новаго донскаго города было стеречь не только «Нагайскую сторону» на востокъ отъ Дона, но и «Крымскую» на западъ отъ него. Воронежъ высылалъ сюда сторожи именно для наблюденія за новою Калміусскою дорогою, которая шла «межъ рѣкъ: правыя рѣчки впали въ Донъ, а лѣвыя въ Донецъ». Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ послѣднее десятилѣтіе XVI вѣка (въ 1593—1600 гг.), наблюденіе за новою дорогою было еще усилено. Московскіе гарнизоны перешли на р. Осколъ въ новые города: Осколъ, Валуйки и Царевъ-Борисовъ, поставленные на мѣстахъ прежнихъ сторожъ. Отсюда они могли дѣйствовать не только на Калміусской дорогѣ, но и на Изюмской, такъ какъ эти города стали между обѣихъ дорогъ. Въ то же время основанъ былъ южнѣе Ливенъ, на Муравскомъ шляхѣ, и Бѣлгородъ, упомянутый нами выше. Совершенно ясна цѣль, съ которою такъ быстро захватывалось теченіе р. Оскола. По этой судоходной рѣкѣ всего легче было дойти до Сѣвернаго Донца и на его бродахъ пересѣчь татарскіе пути Изюмскій и Калміусскій. Но обстоятельства показали, что тогда съ этимъ дѣломъ черезчуръ поспѣшили: Царевъ-Борисовъ, выдвинутый слишкомъ впередъ, не устоялъ и былъ въ Смутное время запустошенъ. Судьба Бѣлгорода была стастливѣе благодаря тому, что онъ не былъ такъ удаленъ отъ Сейма и Быстрой Сосны и былъ поставленъ на удачномъ мѣстѣ. Опираясь на города, защищавшіе теченіе Сейма и Быстрой Сосны, Бѣлгородъ былъ внѣ опасности отъ Поля; а въ то же время онъ стоялъ на Донцѣ на такомъ мѣстѣ, котораго татарамъ нельзя было миновать, идя по Муравской дорогѣ. Въ одномъ документѣ, современномъ основанію Бѣлгорода, говорится, что «опричь Муравской дороги межъ Донца и Ворскла обходу царю крымскому и большимъ людемъ (то-есть, значительному войску) иной дороги нѣтъ, опричь Изюмской и Калміюнской дороги». Уклониться на западъ за Ворсклу было нельзя, потому что по Ворсклѣ здѣсь «пришли лѣса большіе, и ржавцы и болота есть», а идти восточнѣе мѣшалъ Сѣверный Донецъ. Въ этомъ-то тѣсномъ мѣстѣ и построили Бѣлгородъ. Закрывая выходъ на сѣверъ изъ этого пространства между Донцомъ и Ворсклою, онъ, какъ мы уже указали, не позволялъ пользоваться ни Муравскою дорогою, ни дорогами, шедшими отъ нея на сѣверозападъ, съ верховьевъ Ворсклы и Псла черезъ Сеймъ.

Такъ къ исходу XVI столѣтія московское правительство овладѣло громаднымъ пространствомъ «дикаго поля» между Дономъ, верхнею Окою и лѣвыми притоками Днѣпра и Десны.

На Нагайской сторонѣ Поля, на востокъ отъ Дона, не было такой нужды въ крѣпостяхъ, какъ на Крымской сторонѣ: здѣсь были природныя «крѣпости». По рѣкамъ Цнѣ и нижней Мокшѣ залегали такіе лѣса, которые не имѣли нужды въ искусственныхъ укрѣпленіяхъ и отлично прикрывали съ востока шацкія и рязанскія мѣста; а доступъ сюда съ юга между Дономъ и Цною затруднялся теченіемъ рѣкъ Воронежа, Битюка и Вороны. По документамъ XVI вѣка можно прослѣдить, кажется, только одну «Нагайскую дорогу» на Рязанскій край. Она шла черезъ верховья Битюка къ водораздѣлу между Мотыремъ (или Матырою—притокъ Воронежа) и Липовицею (притокъ Цны) и отсюда или направлялась на Торбѣевъ бродъ на Воронежѣ (около г. Козлова) и далѣе на Донковъ и Ряжскъ, или же шла между р. Польнымъ Воронежемъ и Челновою (притокъ Цны) на Шацкъ. На этой дорогѣ въ XVI вѣкѣ не ставили городовъ, а ограничивались только сторожами, которыя либо стояли на самой дорогѣ, либо наблюдали за нею со стороны, съ береговъ Дона и Воронежа. На самой дорогѣ были сторожи на Битюкѣ у впаденія въ него Чамлыка, наблюдавшія «сакмы, которыми сакмами ходятъ заволжскіе нагаи изъ Казыева улуса и азовскіе люди на государевы украйны, на Рязанскія и на Ряжскія и на Шатцкія мѣста». Эти сакмы предполагались отъ верховья Цны черезъ Битюкъ до верховьевъ Гавы (или Хавы), впадающей въ Усмань. Вторыя сторожи были на р. Липовицѣ между Цною и Мотыремъ; третьи на Торбѣевомъ бродѣ и на востокъ отъ него до р. Челновой. Отъ Торбѣева брода Ногайская дорога круто поворачивала на западъ къ Дону, и здѣсь на ней стояли сторожи на р. Сквирнѣ (Скворнѣ) и р. Рясахъ, уже недалеко отъ Ряжска и Донкова.

Таковы были результаты работы московскаго правительства на «дикомъ полѣ». Можно удивляться тому, какъ много было здѣсь достигнуто въ такой короткій срокъ; но для объясненія дѣла слѣдуетъ помнить, что быстрое движеніе на югъ было возможно между верховьями Оки и среднимъ Дономъ лишь потому, что съ обѣихъ сторонъ фланги боевыхъ линій были надежно прикрыты. Слѣва самъ Донъ съ притоками и заросшія лѣсами Цна и Мокша служили такимъ прикрытіемъ; справа опорою была такъ называемая «Сѣвера»—старые города по рѣкамъ Деснѣ и нижнему Сейму. Эти города и составляли послѣдній районъ московскаго юга. Пріобрѣтенные въ началѣ XVI столѣтія отъ Литвы, не разъ бывшіе ареною борьбы, они носили опредѣленный отпечатокъ боевой жизни. Занимая теченіе двухъ крупныхъ рѣкъ, Десны и Сейма, они дѣ-

лились естественнымъ образомъ на двѣ группы: городовъ по Деснѣ и городовъ по Сейму. На Деснѣ стояли Брянскъ, Трубчевскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Черниговъ и Моравскъ. Всѣ они имѣли значеніе крѣпостей, обращенныхъ на Литву. Впереди ихъ, еще ближе къ литовскому рубежу, расположены были Мглинъ, Почепъ и Стародубъ, а также мелкіе острожки и замки въ родѣ Дрокова (Дракова) и Поповой горы. Это была одна группа городовъ. Другую составляли Путивль и Рыльскъ, расположенные на Сеймѣ и обращенные къ Полю, на которое они высылали сторожи противъ татаръ. На татаръ же былъ обращенъ и Сѣвскъ съ Комарицкою волостью, ему принадлежавшей; хотя онъ находился въ области Десны, а не Сейма, но онъ былъ укрытъ отъ Литвы лѣсами, шедшими по Деснѣ отъ Брянска, и смотрѣлъ на Свиную дорогу, которою пользовались татаре. Область Сѣверскихъ городовъ отдѣлялась отъ Смоленской большими лѣсами. Сообщеніе Сѣверы со Смоленскомъ было черезъ Брянскъ и Рославль; но тотъ же Брянскъ близокъ былъ къ Козельску, Карачеву и Бѣлеву и связывалъ Сѣверу съ Заоцкими городами. Въ этомъ заключалось его значеніе. Южнѣе первое мѣсто принадлежало Путивлю: въ XVI вѣкѣ онъ былъ одинаково близокъ и къ «дикому полю» и къ литовско-польскому рубежу. Почти у стѣнъ Путивля сходились московская и польско-литовская границы и между ними клиномъ къ Путивлю врѣзывалось Поле, еще не освоенное ни тѣмъ, ни другимъ государствомъ. Такое положеніе, лицомъ къ лицу съ двумя врагами, придавало Путивлю особенную военную важность: не даромъ онъ имѣлъ каменную крѣпость и считался главнымъ городомъ края. Изъ прочихъ городовъ крупнѣйшими были: Черниговъ, Стародубъ и Новгородъ-Сѣверскій. Черезъ Сѣверу пролегали дороги, соединявшія московскій центръ съ Кіевомъ и Польшею; Сѣвера имѣла нѣкоторое торговое оживленіе, такъ какъ была богата лѣсомъ и медомъ, торговала коноплею, имѣла каменоломни по рѣкамъ Нерусѣ, Усожѣ и Свапѣ, гдѣ добывался «жерновой камень» [17].

Мы закончили обзоръ южной части Московскаго государства XVI вѣка и представили перечень областей, на какія она дѣлилась. Не одинъ разъ мы называли все это пространство «военнымъ округомъ». Дѣйствительно, потребностями народной обороны обусловливались здѣсь всѣ правительственныя дѣйствія и опредѣлялся складъ общественной жизни и хозяйственной дѣятельности. Свойства врага, котораго надлежало здѣсь остерегаться и съ которымъ приходилось бороться, были своеобразны: это былъ степной хищникъ, подвижной и дерзкій, но въ то же время нестойкій и неуловимый. Онъ «искрадывалъ» русскую украйну, а не воевалъ ее открытою войною; онъ полонилъ, грабилъ и пустошилъ страну, но не завоевывалъ ея; онъ держалъ московскихъ людей въ постоянномъ

[illegible] А между тѣмъ, несмотря на опасности, на всемъ пространствѣ укрѣпленной границы живетъ и подвигается впередъ, все дальше, земледѣльческое и промышленное населеніе; оно не только безъ разрѣшенія, но и безъ вѣдома власти, осѣдаетъ на новыхъ земляхъ, въ своихъ «юртахъ», пашенныхъ заимкахъ и звѣропромышленныхъ угодьяхъ. Стремленіе московскаго населенія на югъ изъ центра государства было такъ энергично, что выбрасывало наиболѣе предпріимчивые элементы даже вовсе за границу крѣпостей, гдѣ защитою поселенца была уже не засѣка или городской валъ, а природныя «крѣпости»: лѣсная чаща и теченіе лѣсной же рѣчки. Недоступный конному степняку-грабителю, лѣсъ для русскаго поселенца былъ и убѣжищемъ и кормильцемъ. Рыболовство въ лѣсныхъ озерахъ и рѣкахъ, охота и бортничество привлекало поселенцевъ именно въ лѣса. Одинъ изъ изслѣдователей заселенія нашего Поля (И. Н. Миклашевскій), отмѣчая расположеніе поселковъ на украйнѣ по рѣкамъ и лѣсамъ, справедливо говоритъ, что «русскій человѣкъ, передвигавшійся изъ сѣверныхъ областей государства, не поселялся въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ; не лѣсъ, а степь останавливала его движеніе» Такимъ образомъ, рядомъ съ правительственною заимкою Поля происходила и частная. И та и другая, изучивъ свойства врага и средства борьбы съ нимъ, шли смѣло впередъ; и та и другая держались рѣкъ и пользовались лѣсными пространствами для обороны дорогъ и жилищъ; тѣмъ чаще должны были встрѣчаться и вліять другъ на друга оба колонизаторскихъ движенія. И дѣйствительно, правительство часто настигало поселенцевъ на ихъ юртахъ; оно налагало свою руку на частнозаимочныя земли, оставляло ихъ въ пользованіи владѣльцевъ уже на помѣстномъ правѣ и привлекало населеніе вновь занятыхъ мѣстъ

къ офиціальному участію въ оборонѣ границы. Оно въ данномъ случаѣ опиралось на ранѣе сложившуюся здѣсь хозяйственную дѣятельность и пользовалось уже существовавшими здѣсь общественными силами. Но вновь занимаемая правительствомъ позиція, въ свою очередь, становилась базисомъ дальнѣйшаго народнаго движенія въ Поле: отъ новыхъ крѣпостей шли далѣе новыя заимки. Подобнымъ взаимодѣйствіемъ всего лучше можно объяснить тотъ изумительно быстрый успѣхъ въ движеніи на югъ московскаго правительства, съ которымъ мы ознакомились на предшествующихъ страницахъ. Въ борьбѣ съ народнымъ врагомъ обѣ силы, и общество и правительство, какъ бы наперерывъ идутъ ему на встрѣчу и взаимною поддержкою умножаютъ свои силы и энергію.

Однако быстрота, съ какою правительство подвигало на югъ свои боевыя линіи, стала къ концу XVI вѣка такъ велика, что предупредила свободную колонизацію верховьевъ Сейма, Сѣвернаго Донца и Оскола. За Быстрою Сосною на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ еще не было сколько-нибудь замѣтнаго населенія внѣ новыхъ, только что возникшихъ крѣпостей; по крайней мѣрѣ Маржеретъ, одаренный хорошею наблюдательностью, отмѣтилъ, что въ сторону Поля Россія обитаема только до Ливенъ, а далѣе «жители осмѣливаются воздѣлывать землю только въ окрестностяхъ городовъ». Чѣмъ южнѣе уходили въ «дикое поле» московскія войска, тѣмъ менѣе, разумѣется, правительство могло расчитывать на поддержку вольныхъ колонистовъ, которые за нимъ уже не поспѣвали, и тѣмъ искусственнѣе создавались штаты городскихъ гарнизоновъ и пограничной стражи. Различіе не только въ степени населенности, но и въ самыхъ типахъ населенія очень замѣтно между городами, ставшими на изстари населенныхъ мѣстахъ, и городами, построенными на новозанятыхъ земляхъ. Болѣе сѣверные города изучаемой полосы приближаются, по составу своего населенія, къ военнымъ городамъ, стоявшимъ на самой Окѣ и на литовской границѣ. Въ массѣ ихъ жителей преобладаетъ служилый людъ со своими «дворниками»; но рядомъ есть посадъ и торгъ, есть люди, живущіе отъ промысла и торговли. Городъ окруженъ густою сѣтью помѣстныхъ владѣній, въ которыхъ видимъ обычную картину хозяйства, основаннаго на крестьянскомъ трудѣ и поверженнаго въ кризисъ его неустойчивостью. Помѣстья эти, судя по «окладамъ», принадлежатъ не мелкопомѣстному люду; въ его средѣ находимъ всѣ «статьи»: и «выборъ», и «дворовыхъ», и просто «городовыхъ» дѣтей боярскихъ. Словомъ, въ ближайшихъ къ центру государства городахъ мы попадаемъ въ обстановку, заставляющую насъ забывать, что мы уже на югѣ отъ Оки, въ украинныхъ мѣстахъ. Не то въ городахъ новыхъ, основанныхъ по стратегическимъ соображеніямъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ раньше не было прочныхъ по-

лугою въ 1618 и 1622 годахъ отъ враговъ и пожара, на Калужскомъ посадѣ считали 171 дворъ тяглый, да 102 обнищалыхъ двора; въ 1654 году въ моръ, по офиціальному счету, въ Калугѣ умерло 1.836 человѣкъ, а осталось 930. Такія цифры рисуютъ намъ Калугу съ значительнымъ населеніемъ въ XVII вѣкѣ и съ развитымъ посадомъ (не менѣе 250—300 дворовъ) въ XVI вѣкѣ. Отъ XVII вѣка сохранились указанія и на дѣятельность калужской таможни, намекающія на существованіе торговаго движенія и товарныхъ складовъ въ Калугѣ. Тула, уже съ начала XVI столѣтія имѣвшая каменный кремль, была очень сильною крѣпостью. Въ ней въ 1588—1589 годахъ насчитывается не менѣе 440 дворовладѣльцевъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, за которыми было записано до 300 дворовъ и дворовыхъ мѣстъ; на этихъ дворахъ жило не менѣе 325 дворниковъ. Сверхъ того, въ Тульскихъ слободахъ были помѣщены ратные люди низшихъ разрядовъ, числа которыхъ точно опредѣлить нельзя. Въ тульской книгѣ 1588 — 1589 годовъ находятся упоминанія приблизительно о 50 стрѣльцахъ, 50 затинщикахъ, 23 пушкаряхъ, 16 воротникахъ; но этимъ не ограничивалось число такихъ служилыхъ людей. Была въ Тулѣ и особая слобода «черкасъ», то-есть выходцевъ изъ польско-литовской украйны; московскій обычай обращалъ такихъ выходцевъ въ особый «чинъ» служилыхъ же людей. Размѣры Тульскаго посада въ XVI вѣкѣ неизвѣстны; для 1625 года имѣемъ цифры: 153 тяглыхъ двора, 62 бѣдныхъ дворишка и 33 пустыхъ двора. На небольшую торговую силу Тульскаго посада намекаютъ данныя о состояніи Тульскаго рынка: на немъ около 300 лавокъ и до 150 меньшихъ торговыхъ помѣщеній (скамеекъ, шалашей и т. д.); но изъ общаго числа 450 помѣщеній чернымъ посадскимъ людямъ принадлежитъ всего около ста: они владѣютъ только 24% изо всего числа лавокъ и шелашей. Остальная же масса принадлежитъ ратнымъ людямъ изъ слободъ и дворникамъ. Въ рукахъ дворниковъ, а не посадскихъ людей, находилась и ремесленная дѣятельность Тулы: дворники въ числѣ ремесленниковъ въ Тулѣ составляли двѣ трети, даже болѣе. Какъ ни приблизительны эти числовыя данныя, онѣ, однако, убѣждаютъ въ томъ, что Тульскій посадъ, безотносительно крупный, не былъ хозяиномъ въ торгово-промышленной жизни своего города. Онъ испытывалъ ту же участь, какъ и военные города на средней Окѣ, въ которыхъ военная слобода угнетала и медленно уничтожала посадъ. Таково же было положеніе дѣлъ и въ Переяславлѣ на Рязани. Здѣсь на торгу въ 1595—1597 годахъ было 150 лавокъ, болѣе 100 «полковъ» и около 80 иныхъ торговыхъ помѣщеній, а съ кузницами, харчевнями и т. п. всего до 400 торгово-промышленныхъ заведеній. Изъ нихъ только 65, то-есть 16%, принадлежало чернымъ посадскимъ людямъ. Остальное сосредоточилось

въ рукахъ или ратныхъ людей, или же людей, зависѣвшихъ отъ служилыхъ и церковныхъ землевладѣльцевъ: дворниковъ и крестьянъ. Обиліе ратныхъ людей наблюдаемъ и въ Переяславлѣ Рязанскомъ: здѣсь есть стрѣльцы, затинщики и пушкари; есть даже казаки. Словомъ, въ большихъ городахъ на московской украйнѣ мы видимъ то же, что въ Коломнѣ, Серпуховѣ и Можайскѣ: городъ служитъ одновременно цѣлямъ военно-административнымъ и культурно-хозяйственнымъ. Обращая его въ крѣпость, заботясь о ея усиленіи, правительство дѣлаетъ городъ средоточіемъ военнаго люда, который, обживаясь въ городѣ и входя въ условія городской жизни, принимаетъ участіе въ торгово-промышленной дѣятельности коренного посадскаго населенія. При этомъ посадская тяглая община или слабѣетъ и никнетъ, не выдерживая конкуренціи, или же играетъ въ городѣ послѣднюю роль въ ряду прочихъ существующихъ рядомъ съ ней организацій. Таковъ характеръ главнѣйшихъ украинныхъ городовъ. Въ ихъ число можно включить и Зарайскъ съ его каменнымъ кремлемъ и значительнымъ посадомъ. На этомъ посадѣ въ 1595 году было болѣе 200 тяглыхъ и бобыльскихъ дворовъ и нѣсколько дворовыхъ мѣстъ пустыхъ; въ двухъ монастырскихъ слободкахъ насчитывали 87 дворовъ; въ крѣпости и на посадѣ сверхъ того было 169 дворовъ помѣщиковъ рязанскихъ и «каширскихъ», очевидно, помѣщенныхъ здѣсь послѣ разоренія Каширы крымцами. Въ помѣщиковыхъ дворахъ записано было 198 человѣкъ «дворниковъ»: число это интересно потому, что оно почти равнялось числу тяглыхъ людей, которыхъ записали 208 (не считая бобылей: «бобыльскіе дворы въ сошное письмо не положены»). Къ сожалѣнію, нельзя точно опредѣлить, какъ распредѣлены были между городскими жителями 326 торговавшихъ лавокъ и скамей (изъ общаго числа 400 торговыхъ помѣщеній въ Зарайскѣ); но разумѣется, и здѣсь посадскіе тяглые люди не пользовались исключительнымъ правомъ на городской торгъ и промыселъ.

За этими сравнительно большими городами слѣдуютъ менѣе крупные, сохранившіе у себя остатки старыхъ посадовъ, или же образовавшіе вновь небольшія посадскія общины. Таковы Бѣлевъ, Веневъ, Воротынскъ, Дѣдиловъ, Епифань, Лихвинъ, Мещовскъ, Перемышль и Путивль. О Путивлѣ, къ сожалѣнію, имѣемъ свѣдѣнія не ранѣе 1626—1628 годовъ. Въ это время въ немъ было всего 60 тяглыхъ, да нѣсколько обнищавшихъ посадскихъ дворовъ. Изъ 150 слишкомъ торговыхъ помѣщеній на Путивльскомъ рынкѣ посадскимъ принадлежало всего около 25; въ остальныхъ торговали ратные люди. Посадъ Путивльскій былъ такимъ образомъ малъ и слабъ; но населенность Путивля была, несомнѣнно, велика. Подъ стѣнами Путивльской крѣпости, кромѣ значительнаго гарнизона въ служилыхъ слободахъ, жили монастырскіе люди въ своихъ сло-

бодкахъ, въ которыхъ число дворовъ считалось сотнями. Какъ старый военный городъ, Путивль, очевидно, испыталъ одну участь съ прочими подобными: господство на рынкѣ и въ промыслахъ перешло въ немъ отъ посадскихъ къ военнымъ и частно-зависимымъ людямъ. Изъ прочихъ названныхъ городовъ только въ Бѣлевѣ былъ, кажется, значительный посадъ, отъ котораго въ 1620 году осталось 24 жилыхъ посадскихъ двора, да 88 пустыхъ мѣстъ дворовыхъ. Новый городъ «Городенскъ на Веневѣ» или Веневъ въ 1572 году имѣлъ 77 дворовъ крестьянъ и иныхъ людей, «которые садилися на льготѣ ново» и должны были образовать посадъ. Почти столько же было жилыхъ дворовъ черныхъ людей и въ другомъ новомъ городкѣ—Епифани. Въ прочихъ число посадскихъ тяглыхъ дворовъ не превышало трехъ-четырехъ десятковъ. Нѣкоторые же старые города къ серединѣ XVII вѣка уже вовсе лишились посадовъ. По воеводскимъ отпискамъ 1651 года, въ Алексинѣ, Козельскѣ и Мценскѣ совсѣмъ не было посадскихъ людей; въ Пронскѣ ихъ не видно уже въ концѣ XVI вѣка. За то выросталъ въ нихъ служилый элементъ. Во всѣхъ этихъ городахъ были стрѣльцы и прочіе гарнизонные люди, а со времени переустройства сторожевой службы на Полѣ, съ 1571 года, въ эти города усиленно вербовали казаковъ. По Епифаньской писцовой книгѣ 1572 года и по Дѣдиловской 1588—1589 годовъ мы можемъ прослѣдить, какъ это дѣлалось: какъ образовывались казачьи слободы около крѣпостей и какъ дворы посадскихъ людей ради этого сносились съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были, въ «черную слободу». Приказная же справка 1577 года показываетъ намъ, что для каждаго города было даже опредѣлено необходимое число казаковъ: для Шацка 150, Ряжска 200, Епифани 700, Дѣдилова 500 и т. д. Такимъ образомъ происходило превращеніе стараго города въ постоянный лагерь пограничной милиціи подъ давленіемъ военныхъ мѣропріятій, направленныхъ на лучшее устройство народной обороны.

Что касается до уѣздовъ изучаемыхъ теперь городовъ, то мы можемъ судить о составѣ землевладѣнія и населенія въ нихъ по изданнымъ писцовымъ книгамъ XVI и отчасти XVII вѣка Бѣлевскимъ, Медынскимъ, Тульскимъ, Каширскимъ, Веневскимъ, Рязанскимъ. На всемъ пространствѣ отъ верхней Оки и до Прони наблюдаемъ развитіе помѣстнаго и вотчиннаго владѣнія какъ на земляхъ, давно занятыхъ, такъ и на новыхъ «займищахъ». На украинное хозяйство садятся здѣсь не одни мелкіе люди, привязанные службой къ южному городу, но и московская знать. Въ веневскихъ и епифаньскихъ мѣстахъ колонизаторомъ является князь И. Ѳ. Мстиславскій; въ Зарайскѣ помѣщиками сидѣли князья Волконскіе и Кропоткины: тѣхъ же Волконскихъ видимъ и въ Тульскомъ уѣздѣ; въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ была вотчина князей Голицыныхъ,

въ Ряжскомъ—вотчина князя Т. Р. Трубецкого. Вообще же вотчинная собственность здѣсь мало замѣтна при широкомъ распространеніи помѣстья. Въ Каширскомъ уѣздѣ, большая часть котораго лежала на правомъ берегу Оки, насчитывается 546 помѣщичьихъ дворовъ, въ Тульскомъ—521; вотчинныя же земли встрѣчаются въ этихъ уѣздахъ въ единичныхъ случаяхъ, и то болѣе за монастырями. Монастыри здѣсь вообще не обладаютъ такими пространствами земли, какъ въ центральныхъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ. Крестьянство, не зависящее отъ помѣщика и вотчинника, замѣтно только въ дворцовыхъ селахъ и деревняхъ около Венева, но эти села и деревни взяты на государя изъ-за князя Мстиславскаго, изъ частной вотчины. Такимъ образомъ, какъ украинный городъ, такъ и украинный уѣздъ были одинаково мѣстомъ развитія служилаго землевладѣнія и дворовладѣнія. Во второй половинѣ XVI столѣтія служилое землевладѣніе на украйнѣ несомнѣнно дѣлаетъ успѣхи: украинныя мѣста наполняются «приходцами» съ сѣвера и количество запашки возрастаетъ. Тульскія писцовыя книги даютъ намъ интереснѣйшія въ этомъ отношеніи показанія: въ Тульскомъ уѣздѣ съ 93 по 97 годъ (то-есть, съ 1585 по 1589-й) прибыло «изъ пуста въ живущее» 9.775 четей доброю землею. Значеніе этой цифры станетъ вполнѣ ясно тогда, когда мы скажемъ, что въ 1585 году было всего «пашни паханой» 7.969 четей, а въ 1589 году стало ея 17.744 чети. Въ этотъ счетъ не входитъ «посадская» пашня; монастырской земли кругомъ Тулы было мало; такимъ образомъ весь приростъ мы въ правѣ отнести на успѣхи служилаго и по преимуществу помѣстнаго землевладѣнія.

Въ названныхъ уѣздахъ земельныя дачи «приборныхъ» людей, именно «деревни казачьи», едва замѣтны. Напротивъ, въ городахъ на Полѣ господствующій видъ землевладѣнія, даже почти единственный, представляютъ собою помѣстья приборныхъ людей и ихъ свободныя заимки, «юрты», приравненные къ извѣстному помѣстному окладу. Трудами гг. Багалѣя и особенно Миклашевскаго достаточно разъясненъ порядокъ заселенія новыхъ мѣстъ на «польской» украйнѣ, и намъ остается только собрать ихъ указанія въ краткій очеркъ. Мы уже отмѣчали не разъ, что какъ движеніе правительственныхъ отрядовъ, такъ и свободная заимка земли въ Полѣ держались теченія рѣкъ. Новые города возникали обыкновенно при рѣкѣ, вблизи той же рѣки намѣчались и земли для служилыхъ городскихъ людей, такъ что область новаго уѣзда совпадала съ бассейномъ рѣки, на которой сталъ городъ. Московскіе воеводы съ отрядомъ служилыхъ людей являлись на мѣсто, гдѣ указано было ставить городъ, и начинали работы; въ то же время они собирали свѣдѣнія «по рѣчкамъ» о томъ, были ли здѣсь свободные заимщики земель. Узнавъ о существованіи вольнаго населенія, они приглашали

его къ себѣ, «велѣли со всѣхъ рѣкъ атаманомъ и казакомъ лучшимъ быти къ себѣ въ городъ»; государевымъ именемъ они «жаловали» имъ, то-есть укрѣпляли за ними, ихъ юрты; затѣмъ они составляли списокъ этихъ атамановъ и казаковъ и привлекали ихъ къ государевой службѣ по оборонѣ границъ и новаго города. Это и было первое зерно зарождавшагося здѣсь служилаго класса. Вторымъ былъ пришлый гарнизонъ новаго города. Мѣняясь въ извѣстные сроки въ своемъ составѣ, онъ служилъ какъ бы кадромъ, съ помощью котораго устраивались понемногу постоянныя группы городского населенія: стрѣльцы, казаки, ѣздоки, вожи, пушкари и т. п. Всѣ эти группы составлялись или путемъ перевода и перехода ратныхъ людей изъ другихъ городовъ на «вѣчное житье» въ новый городъ, или же путемъ «прибора» въ службу свободныхъ «гулящихъ» людей. Каждая группа устраивалась при крѣпости въ особыхъ «слободахъ»; слободы окружали первоначальную крѣпость, «городъ», и сами бывали обнесены валомъ и стѣною, «острогомъ». За предѣлами острога выростали впослѣдствіи такія же слободы, «новоприборныя» и иныя. Обезпечивался гарнизонъ новой крѣпости на первыхъ порахъ готовыми запасами, доставленными съ сѣвера, изъ другихъ городовъ, а затѣмъ—собственною пашнею на землѣ, которую ратные люди получали кругомъ своего города. Къ пашнямъ, отводимымъ въ очень небольшихъ количествахъ, присоединялись всякія угодья. Земли обыкновенно давались каждой группѣ служилыхъ людей отдѣльно отъ прочихъ группъ, въ общей межѣ, въ количествѣ равномъ для всѣхъ лицъ данной группы. По обстоятельствамъ пахотная земля этихъ горожанъ иногда бывала отводима не близко отъ города, и тогда ее обработывали «наѣздомъ», выѣзжая изъ города. Пользованіе угодьями, особенно же лѣсными пасѣками, также выводило служилыхъ людей изъ городскихъ стѣнъ. Городъ былъ устроенъ, словомъ, такъ, что его населеніе неизбѣжно должно было работать въ его уѣздѣ и поэтому колонизовало мѣста иногда очень далекія отъ городской черты. Въ свою очередь, насельники края съ своими юртами обращались въ помѣщиковъ, служившихъ съ своей земли и тянувшихъ службою и землею къ тому же городу. Наконецъ, высылаемые сюда изъ сѣверныхъ городовъ на сторожевую службу дѣти боярскіе обзаводились здѣсь помѣстьями и вотчинами и составляли малочисленную сравнительно группу высшихъ по «чину» и крупнѣйшихъ по количеству земли владѣльцевъ и собственниковъ. Такъ сплеталась въ уѣздѣ сѣть земельныхъ владѣній, или созданныхъ военно-административными мѣропріятіями правительства, или же пересозданныхъ изъ вольной заимки въ условную форму служилой собственности. Попадавшій въ эту сѣть крестьянинъ садился уже на частновладѣльческую землю, чаще же попадалъ въ ратную приборную службу. Крестьянскіе дворы въ нѣко-

торыхъ уѣздахъ почти отсутствовали; а въ Бѣлгородскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ, въ которыхъ наблюдалось въ началѣ XVII вѣка сравнительно большое число крестьянскихъ дворовъ, на одного помѣщика приходилось среднимъ числомъ не болѣе одного крестьянскаго двора и одного бобыльскаго, и едва ли не большинство помѣщиковъ обработывало землю личнымъ трудомъ. Врядъ ли такое отношеніе было благопріятнѣе для помѣщиковъ въ XVI вѣкѣ, когда на Полѣ только что возникали и устраивались города и шла усиленная вербовка въ ихъ гарнизоны ратныхъ людей. На помѣщичью пашню здѣсь едва ли охотно садились люди, приходившіе на украйну искать землицъ: имъ лучше было сѣсть на свою служилую землю, если не удавалось просто «погулять на полѣ» или «показаковать». Крупнаго монастырскаго или боярскаго землевладѣнія на Полѣ въ XVI вѣкѣ не видимъ; здѣсь господствуетъ мелкопомѣстчое хозяйство, и есть только одна крупная запашка—на «государевой десятинной пашнѣ», которую пахали по наряду, сверхъ своей собственной, всѣ мелкіе ратные люди изъ городовъ. Эта пашня была заведена для пополненія казенныхъ житницъ, изъ которыхъ хлѣбъ расходовался на разнообразныя нужды. Имъ довольствовали тѣхъ гарнизонныхъ людей, которые не имѣли своего хозяйства и состояли въ гарнизонѣ временно, «по годомъ». Казенный хлѣбъ посылали, далѣе, въ новые города, военное населеніе которыхъ еще не успѣло завести своей пашни; такъ Елецъ и Осколъ снабжали хлѣбомъ Царевъ-Борисовъ. Донскіе казаки, не пахавшіе земли, получали хлѣбъ, въ видѣ «государева жалованья», изъ тѣхъ же казенныхъ житницъ. Крупные размѣры запашки на государя, доходившіе въ нѣкоторыхъ городахъ до 200 десятинъ въ полѣ, должны были обременять населеніе, принудительно работавшее на десятинной пашнѣ, и возбуждать въ немъ недовольство условіями своего быта. Успѣхъ самозванческой агитаціи въ южныхъ городахъ въ началѣ XVII вѣка, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ поставить въ связь съ этимъ недовольствомъ.

Таковъ составъ южнаго московскаго уѣзда. Онъ такъ же однороденъ, какъ и составъ сѣвернаго уѣзда; только тамъ населеніе сплошь промышленное, а здѣсь исключительно служилое, военно-земледѣльческое. Южный уѣздъ такъ же, какъ и сѣверный, крѣпко связанъ съ своимъ городомъ, но на сѣверѣ эта связь основана на отношеніяхъ экономическаго порядка, а здѣсь на военно-административныхъ. На сѣверѣ преобладающее значеніе имѣютъ представители крупнаго земельнаго и торговаго капитала; на югѣ, на Полѣ,—мелкопомѣстный людъ, сильный военною организаціею. Трудно представить себѣ что-либо болѣе несоотвѣтственное одно другому, болѣе далекое одно отъ другого по условіямъ общественнымъ и хозяйственнымъ.

Точно опредѣлить границы только что характеризованной полосы довольно трудно. Выше было замѣчено, что съ 70-хъ годовъ XVI вѣка не только въ «Польскихъ», но и въ болѣе сѣверныхъ «Украинныхъ» городахъ, на ихъ посадахъ, образуются слободы приборныхъ людей и водворяется мелкопомѣстная форма служилаго землевладѣнія. Такимъ образомъ, признакъ, по которому всего удобнѣе можно было бы отличить новый военный городъ, именно, дѣленіе города на спеціальныя военныя слободы и отсутствіе посадской общины, — этотъ признакъ усваивается путемъ правительственныхъ мѣръ, и старымъ городамъ, въ уѣздахъ которыхъ поселены дѣти боярскіе «большихъ статей» и давно налажено традиціонное помѣстное хозяйство. Во всякомъ случаѣ къ городамъ новаго типа относятся Бѣлгородъ, Воронежъ, Осколъ, Валуйка, Елецъ, Ливны, Кромы, Сѣвскъ, также Сапожокъ, Печерники, Гремячей и другіе острожки и городки на Полѣ.

Къ городамъ этого типа близко стоятъ и нѣсколько другихъ городовъ, изъ числа старыхъ, въ которыхъ мы встрѣчаемъ формы служебной организаціи, такъ сказать, переходныя. Уцѣлѣвшія отъ XVI вѣка Ряжскія и Епифаньскія десятни лучше всего знакомятъ насъ съ этими формами. Въ Епифани, по-десятнѣ 1585 года, было поверстано изъ «казаковъ» въ «дѣти боярскіе» 300 человѣкъ на помѣстья въ 40 и 30 четвертей. Эти «дѣти боярскіе» дѣлились въ 1606 году на три сотни и служили съ пищальми подъ начальствомъ головъ, не принадлежащихъ къ епифаньской служилой средѣ, — порядокъ, напоминающій обычаи приборной службы. А рядомъ съ этими новопожалованными мелкопомѣстными служаками видимъ епифаньскихъ же дѣтей боярскихъ, получающихъ въ 1604 году новичные оклады въ 200 и 150 четей. Такимъ образомъ въ Епифани какъ бы два разныхъ слоя служилаго люда: старый и новый. Въ Ряжскѣ существуетъ то же самое. Среди ряжскихъ служилыхъ людей обычныхъ наименованій, окладовъ и службъ видимъ дѣтей боярскихъ «ряшанъ въ служивыхъ казацѣхъ», читаемъ, что одни изъ нихъ «на Полѣ казакуютъ», другіе «у казаковъ въ атаманѣхъ», третьи сошли «на Донъ безвѣстно». Мы готовы думать, что понимаемъ разницу между службою «въ служивыхъ казакахъ» и уходомъ на Поле и на Донъ въ вольные казаки. Но далѣе мы теряемся въ догадкахъ, что значитъ уйти «въ охочихъ казакѣхъ съ Ив. Кобяковымъ» или «сойти въ вольные казаки съ Вас. Биркинымъ», теряемся потому, что и Кобяковъ и Биркинъ — люди испытанные на государевой службѣ и не могутъ никого свести безвѣстно, тѣмъ болѣе, что и сами они и сшедшіе съ ними люди, по десятнямъ, не считаются въ бѣгахъ. Не вполнѣ понятенъ для насъ и тотъ служебный «чинъ», который называется «бѣломѣстными атаманами», служитъ «атаманскую службу», имѣетъ значительные оклады — до

200 четей. Если не согласиться съ указаніемъ одной Воронежской писцовой книги, что атаманы это тѣ, «которые взяты изъ дѣтей боярскихъ въ ѣздоки», то врядъ ли можно объяснить себѣ этотъ терминъ и самую службу.

Чтобы окончить нашу рѣчь о южной окраинѣ Московскаго государства, намъ остается сказать только объ одной отмѣченной современниками особенности этого края. Авр. Палицынъ говоритъ, что въ XVI вѣкѣ для того, чтобы «наполнить воинственнымъ чиномъ» окраины земли, правительство держалось обычая, «егда кто отъ злодѣйствующихъ осужденъ будетъ ко смерти и аще убѣжитъ въ тѣ городы Польскіе и Сѣверскіе, то тамо избудитъ смерти своея». Это сообщеніе похоже на правду. Хотя въ московскомъ законѣ мы и не находимъ выраженнаго такъ постановленія, но встрѣчаемъ за то указаніе, что правительству была не чужда мысль обратить украйну въ мѣсто ссылки для неблагонадежныхъ людей: въ 1582 году было указано ябедниковъ и клеветниковъ, уличенныхъ на судѣ, «казнити торговою казнію да написати въ казаки въ украйные городы Сѣвскъ и Курскъ». Если правительство находило, что на украйнѣ можно терпѣть тѣхъ, кто неудобенъ въ центрѣ, то и сами тѣ, кому становилось неудобно жить въ государствѣ, уходили на украйну, гдѣ былъ еще слабъ правительственный надзоръ и общественный порядокъ. Здѣсь была возможность или устроить свою жизнь по-новому, избѣгнувъ неудобныхъ сторонъ установившагося въ старомъ обществѣ режима, или же, если для этого не хватало силъ и умѣнья, можно было идти на государеву «приборную» службу и успокоиться на мелкомъ служиломъ помѣстьѣ и въ гарнизонѣ пограничнаго городка. Палицынъ говоритъ, что этимъ выходомъ пользовались холопи, страдавшіе въ тискахъ частной зависимости или прогнанные своими господами. Можно думать, что пользовались этимъ выходомъ и крестьяне, недовольные тѣми условіями, въ какія становился въ исходѣ XVI вѣка крестьянскій трудъ. Всегда и вездѣ украйна даетъ пріютъ обездоленному и недовольному люду; и въ Московскомъ государствѣ на украйнѣ ютились тѣ, для кого московскіе порядки XVI вѣка оказались бѣдственными и невыносимыми [18].

VI.

Подъ именемъ «Низа» или «Понизовыхъ городовъ» слыли, во-первыхъ, города, находившіеся на территоріи покореннаго въ 1552 году Казанскаго царства, на обоихъ берегахъ средней Волги и на правомъ берегу нижней Камы и Вятки, а во-вторыхъ, города, поставленные на нижней Волгѣ, начиная отъ Самары, и на Каспійскомъ побережьѣ. Насъ интересуетъ здѣсь собственно первая группа

городовъ съ ихъ «уѣздами». Она на самомъ дѣлѣ вошла въ составъ государства послѣ завоеванія Казани, тогда какъ города второй группы были скорѣе всего военными колоніями, основанными внѣ государственныхъ границъ правительственными силами и почином̆ъ по соображеніямъ политическаго порядка.

На среднемъ теченіи Волги, за исключеніемъ одного Васильсурска, основаннаго въ 1523 году, всѣ прочіе Понизовые города поставлены были въ эпоху покоренія Казани и Астрахани и замиренія вновь пріобрѣтеннаго края. И здѣсь, такимъ образомъ, мы находимся въ области новыхъ поселеній и въ обстановкѣ военной, на украйнѣ. Но здѣсь условія иныя, чѣмъ на «дикомъ полѣ». Московскія войска и московскіе колонисты, осѣдая въ казанскихъ мѣстахъ, по обоимъ берегамъ Волги, между нижнимъ теченіемъ Вятки и Камы, съ одной стороны, и Мокшею и нижнею Окою съ другой стороны, попадали не на пустыя угодья, а въ области, занятыя инородческимъ населеніемъ. Подъ властью татарскою въ Казанскомъ царствѣ было, по выраженію Курбскаго, «пять различныхъ языковъ»: мордва, черемиса, чуваши, вотяки и восточнѣе—башкиры. Сломивъ тяготѣвшую надъ ними татарскую орду, московское правительство должно было привести въ послушаніе и эти племена, не сразу признавшія для себя необходимость и неизбѣжность подчиненія Москвѣ. Рядъ походовъ въ разныя стороны отъ Казани по рѣкамъ, впадающимъ въ Волгу и нижнюю Каму, былъ предпринятъ въ 50-хъ годахъ XVI вѣка именно для подчиненія не желавшихъ московской власти «языковъ», въ особенности же черемисы. Во время этихъ походовъ и въ слѣдующія десятилѣтія возникла сѣть крѣпостей, назначеніемъ которыхъ было, съ одной стороны, держать въ повиновеніи окрестное инородческое населеніе, а съ другой—давать опору и защиту русскому населенію, приходившему сюда на новыя мѣста изъ центральныхъ и сѣверныхъ московскихъ областей. Такъ, по самой Волгѣ, между Нижнимъ-Новгородомъ и Казанью, кромѣ Васильсурска (или «Василя») и Свіяжска, были построены Козьмодемьянскъ, Чебоксары и Кокшага (Кокшайскъ). Будучи направлены, главнымъ образомъ, противъ черемисы, всѣ эти города, кромѣ Чебоксаръ, стерегли устья рѣкъ, по которымъ была расположена «луговая» и «горная» черемиса и были также поселенія другихъ инородцевъ, мордвы и чувашъ. Василь стоялъ на устьѣ Суры, Свіяжскъ — Свіяги, Козьмодемьянскъ—противъ устій Ветлуги и Рутки, Кокшага между устій Большой и Малой Кокшаги. Чебоксары же, стоящіе на устьѣ маленькой Чебоксарки, и Цивильскъ на р. Цивилѣ должны были наблюдать за «горними людьми», то-есть за тою же черемисою и за смирными сравнительно чувашами. Въ самой глубинѣ черемисскихъ и вотяцкихъ земель за Волгою, на рѣкахъ Кокшагахъ и Вяткѣ,

были поставлены города Царевококшайскъ, Царевосанчурскъ (Шанчуринъ), Яранскъ, Уржумъ и Малмыжъ. Два послѣднихъ городка вмѣстѣ съ Арскомъ были построены на старыхъ городищахъ, существовавшихъ еще въ татарскую пору. Мордовскія земли по рр. Мокшѣ и Сурѣ были также обставлены крѣпостями. На Мокшѣ стояли старинные города Кадомъ, Темниковъ, Норовчатое городище и новый Мокшанъ; на Сурѣ—Ядринъ, Курмышъ, Алатырь. Наконецъ, если мы назовемъ еще Лаишевъ на Камѣ и Тетюшевъ на Волгѣ, поставленные на нагайскихъ перелазахъ чрезъ эти рѣки, то закончимъ перечень «Понизовыхъ» городовъ, извѣстныхъ намъ во второй половинѣ XVI вѣка въ средневолжскомъ краю. Къ ихъ числу мы не рѣшаемся присоединить городки Касимовъ и Елатьму, лежавшіе уединенно на лѣвомъ берегу Оки въ Мещерской области, какъ бы на островкѣ между громадными лѣсами, раскинувшимися на болотистыхъ низовьяхъ окскихъ притоковъ Гуся, Мокши, Кокши и Теши: это была особая область, отграниченная отъ сосѣднихъ не только географически, но и административно; здѣсь было Касимовское ханство, на земляхъ котораго кормились обыкновенно знатные татарскіе выходцы. Не присоединяемъ къ Низовымъ городамъ и Арзамаса, который былъ построенъ на сѣверъ отъ линіи засѣкъ по р. Алатырю и уже упомянутъ нами вмѣстѣ съ Муромомъ и Нижнимъ.

Посредствомъ всѣхъ указанныхъ городовъ Москва быстро освоила инородческія земли бывшаго Казанскаго царства; не говоря уже о томъ, что политическое подчиненіе края совершилось скоро и прочно, и мирная колонизація въ этомъ краѣ дѣлала рѣшительные успѣхи. По изслѣдованію Г. И. Перетятковича о заселеніи Поволжья можно удобно слѣдить за тѣмъ, какъ наростало здѣсь земледѣльческое населеніе, стекавшееся изъ различныхъ мѣстностей Замосковья и Поморья и умѣвшее ужиться и хозяйничать въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ туземными элементами. По извѣстнымъ изысканіямъ И. Н. Смирнова можно ознакомиться съ тѣмъ, какъ измѣнялись условія инородческой жизни подъ вліяніемъ русской колонизаціи и московскаго управленія. Русскій поселенецъ въ этомъ краю былъ сравнительно безопаснѣе, чѣмъ на «дикомъ полѣ», а между тѣмъ по верхней Мокшѣ, по Сурѣ и Свіягѣ залегалъ черноземъ, отнюдь не хуже, чѣмъ на южной украйнѣ Московскаго государства. Понятно, что сюда должно было съ особенною силою потянуть не одно рабочее населеніе, но и представители землевладѣльческихъ слоевъ. Что касается до служилаго люда, то его здѣсь устраивало само правительство, сажая на помѣстья и вотчины «князей и дѣтей боярскихъ, которыхъ государь послалъ въ свою вотчину въ Казань на житье». Духовенство же по собственному почину испрашивало себѣ, преимущественно близъ самой Волги,

какъ пахотныя земли, такъ и разнообразныя угодья; оно быстро овладѣло здѣсь значительными пространствами земли и стало въ Поволжьѣ, какъ и въ центрѣ государства, едва ли не крупнѣйшимъ земельнымъ собственникомъ. Замѣтимъ, что послѣ покоренія Казани, при распредѣленіи конфискованныхъ казанскихъ земель между московскими свѣтскими и церковными владѣльцами, не всѣ татарскія «царевы села и всѣхъ князей казанскихъ» разошлись по частнымъ рукамъ; значительная ихъ часть была взята на государя и составила «дворцовыя земли великаго государя», сочтенныя и описанныя, кажется, раньше всѣхъ прочихъ земель, въ 1563 году. Словомъ, въ Казанскомъ Поволжьѣ на первыхъ же порахъ были водворены всѣ формы землевладѣнія, которыми характеризуется Замосковье XVI вѣка.

Но московскій земельный строй на средней Волгѣ встрѣтился съ мѣстными земельными порядками, установленными въ пору татарскаго господства въ краѣ. На мордовскихъ и черемисскихъ земляхъ при татарахъ сложился свой землевладѣльческій классъ изъ татарскихъ мурзъ и собственныхъ инородческихъ князьковъ, имѣвшихъ власть надъ «ясачнымъ» населеніемъ ихъ вотчинъ. Руководившія политическою жизнью страны вершины этого класса были уничтожены Москвою при замиреніи края, «всѣ извелися» по тогдашнему выраженію; а болѣе мелкіе замирившіеся мурзы и князьки были привлечены къ государевой службѣ и, ставъ служилыми инородцами, сохранили тѣ права на свои земли и ихъ населеніе, какими пользовались раньше. На государеву службу попадали и представители мелкаго землевладѣнія, такъ называемые «тарханы». Остальная же масса инородцевъ, обложенная ясакомъ, оставалась въ прежнихъ условіяхъ общественнаго и хозяйственнаго быта; она получила московское названіе «черныхъ людей», но не могла, конечно, скоро получить московскаго устройства. Подчинить эту массу русскому вліянію предоставлено было, во-первыхъ, московскому духовенству, просвѣщавшему край своею проповѣдью, а во-вторыхъ, московскимъ переселенцамъ, служилымъ и тяглымъ людямъ, которые разселялись на инородческихъ земляхъ и начинали здѣсь вести свое хозяйство въ сосѣдствѣ и при содѣйствіи туземнаго населенія. Разумѣется, сближеніе русскихъ съ инородцами и обрусѣніе послѣднихъ въ XVI вѣкѣ едва начиналось. Въ глубинѣ своихъ лѣсовъ, вдали отъ главныхъ рѣкъ, инородцы сидѣли сплошною массою, не зная и не видя московской власти; особенно вотяки, благодаря ихъ удаленности, долго сохраняли свою обособленность и дикость. Московская колонизація захватывала пока только рѣчные берега да окраины инородческихъ территорій, тамъ, гдѣ эти территоріи соприкасались съ исконными русскими заимками. Внутрь же страны московскіе люди еще не проникали, или прони-

кали очень мало. Такимъ образомъ инородческій міръ, перейдя отъ татаръ къ Москвѣ, не сразу почувствовалъ смѣну власти, и въ его тайникахъ, еще недоступныхъ московскому наблюденію и вмѣшательству, шла своя особая жизнь. Одна изъ самыхъ видныхъ и важныхъ частностей этой жизни заключалась въ томъ, что татары, потерявъ политическое господство въ своемъ царствѣ, не потеряли экономической силы. Подъ кровомъ русской власти они продолжали, въ качествѣ уже государевыхъ помѣщиковъ, захватъ и закрѣпленіе за собою инородческихъ земель и ихъ ясачнаго населенія. Успѣхъ ихъ былъ тѣмъ вѣрнѣе, что они еще сохраняли за собою престижъ старыхъ господъ края; а затѣмъ, они лучше русскихъ знали самый край и строй инородческихъ отношеній.

Такимъ-то образомъ въ Казанскомъ государствѣ во второй половинѣ XVI вѣка общественныя отношенія достигли значительной сложности. Надъ инородческими племенами тяготѣли двѣ силы, съ которыми инородцамъ, при ихъ разрозненности и слабости, невозможно было совладать. Какъ бы по инерціи, примѣнившись къ новому московскому порядку, продолжалъ свое дѣло въ краѣ татарскій элементъ: онъ захватывалъ въ свои руки землю и узаконялъ этотъ захватъ, или представляя захваченное московской власти, какъ татарскую вотчину, или же выпрашивая занятую землю, какъ помѣстье за службу великому государю. Съ другой стороны, сама московская власть передавала инородческія земли въ обладаніе русскимъ владѣльцамъ, и на этихъ земляхъ ихъ первоначальные собственники-инородцы становились «во крестьянъ мѣсто» и пахали землю на новаго владѣльца. И частные московскіе переселенцы—«верховцы», какъ ихъ называли писцовыя книги,—занимали инородческія же пустоши и угодья, оттѣсняя ихъ обладателей на другія мѣста или подчиняя ихъ своему вліянію. Земля уходила изъ рукъ коренного инородческаго населенія; съ потерею правъ на землю терялась и личная самостоятельность инородцевъ. Съ переходомъ Поволжья въ русскія руки процессъ обезземеленія усилился и ускорился, и это служило главною причиною того недовольства, съ какимъ мордва и черемисы, а за ними и чуваши и вотяки, относились къ московскому господству. У нихъ не было силъ для открытой борьбы за свою землю и не было центра, откуда бы исходилъ починъ возстанія и руководство дѣйствіями; но при удобномъ случаѣ то или другое племя готово было подняться на утѣснителей. Въ Смутное время, какъ и раньше, бывали такіе удобные случаи, и мы далѣе увидимъ значительныя инородческія движенія въ среднемъ Поволжьѣ.

Вотъ обстановка, въ которой приходилось дѣйствовать московскому правительству и жить русскому населенію въ Понизовьѣ. Если здѣсь не было такъ опасно, какъ на южной украйнѣ, за то не

было и спокойно. Укрѣпленный городъ здѣсь былъ безусловно необходимъ: на него опирается и московская власть, и мирный поселенецъ. «Достаточно взглянуть на карту Казанской и Вятской губерній,—говоритъ И. Н. Смирновъ,—чтобы оцѣнить значеніе, которое имѣли въ дѣлѣ русской колонизаціи ничтожные уѣздные городки: чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ больше вокругъ него мы встрѣчаемъ русскихъ селеній. Около Царевококшайска, Царевосанчурска, Яранска и Уржума мы на значительномъ разстояніи видимъ сплошное русское населеніе; отсюда оно двигается уже въ глубину черемисскихъ лѣсовъ». Но это русское населеніе не представляетъ собою сплошь вооруженной пограничной милиціи, какъ на югѣ; оно осѣдаетъ и на городскомъ посадѣ, и на рѣчномъ берегу, и на лѣсной росчисти для торга, промысла и пахоты, сохраняя ту мирную посадскую и крестьянскую физіономію, которая знакома намъ по Замосковью. Военнымъ дѣломъ занятъ здѣсь присланный на годовую службу въ городъ, или на житье въ помѣстье служилый людъ; прочее же населеніе не носитъ оружія и не «прибирается» на государеву службу. Такимъ образомъ общественный составъ здѣсь отличается отъ украиннаго. Каковъ онъ, всего лучше покажетъ намъ разборъ данныхъ о городахъ.

Сохранились писцовыя книги Казани, Свіяжска и Лаишева отъ 60-хъ годовъ XVI столѣтія (7074—7076 гг.); изъ нихъ мы узнаемъ много интересныхъ частностей, позволяющихъ поставить Казань и Свіяжскъ (о Лаишевѣ меньше данныхъ) въ особую своеобразную группу городскихъ поселеній Московскаго государства. Казань—прежде всего военный городъ: въ немъ каменный кремль и деревянный дубовый «острогъ» кругомъ посада. Ворота, стѣны и башни этихъ укрѣпленій, а также и самыя городскія улицы на посадѣ охраняются караулами и разъѣздами «всегда, въ день и въ ночь»; правильность и исправность сторожевой службы тщательно провѣряется воеводами и стрѣлецкими головами. Видно, что московская власть еще не считаетъ Казани замиренною и держитъ гарнизонъ города, такъ сказать, на военномъ положеніи. Этотъ гарнизонъ очень великъ: въ его составѣ было до 200 дѣтей боярскихъ, болѣе 600 человѣкъ стрѣльцовъ и до сотни людей спеціальныхъ крѣпостныхъ службъ. Въ составѣ дѣтей боярскихъ были дѣти боярскіе «жильцы», присланные въ Казань на постоянную службу, и «годовальщики», которые «изъ верховыхъ городовъ годуютъ въ Казани», то-есть присылаются на временное дежурство. Всѣ они живутъ въ самомъ городѣ, а не въ уѣздѣ, и дѣйствительно занимаютъ свои дворы, а не оставляютъ ихъ на попеченіи дворниковъ, какъ это обычно бывало въ другихъ городахъ въ мирное время. Казань такимъ образомъ была всегда готова въ полномъ составѣ своего гарнизона встрѣтить нечаянное нападеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Казань была

*

и мѣстомъ мирнаго торга и промысла. Она оставалась, какъ и раньше, привычнымъ культурно-хозяйственнымъ центромъ для обширной области ея прежнихъ подданныхъ. Перейдя въ московскія руки, она получила и новое значеніе: изъ Московскаго государства черезъ нее лежалъ путь на Каспійское море и на Каму съ ея лѣвыми притоками. Въ Казани образовался складочный пунктъ для астраханскихъ и камскихъ товаровъ— «на гостинѣ дворѣ» и на судовыхъ пристаняхъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, въ стѣнахъ Казанскаго «острога» сформировался большой торгово-промышленный посадъ, въ которомъ сосчитано было переписью около 600 дворовъ тяглыхъ, а «на Казанскомъ торгу»—365 лавокъ, да около 250 мелкихъ торговыхъ помѣщеній (скамей, полковъ и пр.). Въ этотъ счетъ не входила еще особая татарская слобода, находившаяся за городскою стѣною, внѣ «острога». Не сосчитаны были съ посадами и дворы архіепископа, монастырскіе и церковные, которые, числомъ болѣе 150-ти, были разбросаны на посадѣ и по особымъ слободамъ. Можно подивиться тому, что въ короткое время, менѣе чѣмъ въ 20 лѣтъ, на далекой окраинѣ выросъ такой крупный русскій городъ съ монастырями, десятками церквей, тысячною массою населенія и бойкимъ рынкомъ. Очевидно, что, укрѣпляя Казань, правительство опиралось здѣсь не на одинокіе «юрты» дикаго поля, а на обильный потокъ русскаго населенія, стремившійся на Волжское приволье изъ верховскихъ городовъ. Этою же народною тягою наполнялся и Свіяжскъ, поставленный всего однимъ-двумя годами ранѣе русской Казани и достигшій также значительныхъ размѣровъ. Въ немъ, какъ и въ Казани, былъ сильный гарнизонъ изъ 26 дѣтей боярскихъ, нѣсколькихъ сотенъ стрѣльцовъ (по итогамъ писцовой книги—584 стрѣльца) и около 50 человѣкъ иныхъ гарнизонныхъ служебъ. Посадскихъ людей въ Свіяжскѣ также довольно много: въ городѣ и на посадѣ за ними было около 300 дворовъ. Въ Свіяжскѣ на торгу считали 254 лавки и съ полсотни другихъ мелкихъ торговыхъ помѣщеній; а сверхъ того былъ и «дворъ гостинъ», поменьше, чѣмъ въ Казани. Словомъ, Свіяжскъ очень походилъ на Казань по общему складу жизни. Оба города, безспорно, относятся къ разряду военныхъ украинныхъ городовъ, оба только-что устроены и заселены и оба уже полны населеніемъ, помимо правительственныхъ гарнизоновъ. Здѣсь, стало быть, было удобно селиться и трудиться и не было той ежеминутно грозящей опасности вражескаго набѣга, которая на югѣ превращала каждаго поселенца въ вооруженнаго сторожа границы. Если мы посмотримъ на преобладающія въ этихъ городахъ занятія населенія, то увидимъ, что здѣсь мало пашутъ и огородничаютъ, много торгуютъ и еще больше занимаются ремеслами: изъ числа посадскихъ людей ремеслами занимаются въ Казани двѣ трети (318 че-

ловѣкъ), въ Свіяжскѣ чуть не половина (103 человѣка); а всего ремесленниковъ насчитано въ Казани 474 человѣка, въ Свіяжскѣ 226. Ремесленная дѣятельность направлена, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, на производство предметовъ первой необходимости, а въ составѣ ремесленниковъ подавляющее большинство — людей «молодшихъ», добывающихъ ремесленнымъ трудомъ свое пропитаніе. Не трудно, кажется, объяснить такое развитіе торгово-ремесленной дѣятельности въ разсматриваемыхъ нами городахъ. Съ одной стороны, въ этихъ городахъ почти всѣ «приходцы» (о которыхъ есть свѣдѣнія, откуда они пришли) происходятъ изъ промышленныхъ городовъ Поморскихъ и Замосковныхъ; оттуда принесли они привычку къ торгу и промыслу. Съ другой стороны, не вполнѣ еще была доступна инородческая земля, не сразу замиренная и успокоенная, для мелкой земледѣльческой заимки простого пахаря. Населеніе еще жмется къ городской стѣнѣ и садится на пашню лишь тамъ, гдѣ уже есть вооруженный помѣщикъ или благоустроенная вотчинно-монастырская администрація.

Если тяглые городскіе люди не имѣли здѣсь связи съ уѣздомъ, то служилые люди, состоявшіе въ Казани и Свіяжскѣ на «житьѣ», были устроены помѣстьями въ уѣздахъ именно этихъ городовъ. Въ Казанскомъ уѣздѣ сперва были поверстаны 155 старыхъ «жильцовъ» дѣтей боярскихъ, затѣмъ 44 человѣка новыхъ жильцовъ, и всѣмъ имъ было дано до 17.000 четвертей въ полѣ пашни доброю землею съ 575 крестьянскими дворами. Въ Свіяжскомъ уѣздѣ испомѣщено было 34 человѣка «жильцовъ» дѣтей боярскихъ съ 5.551 четью земли и 485 крестьянскими дворами. Для ратныхъ приборныхъ людей подъ городами были отведены обширные покосы. Эти-то служилыя земли и становились опорными точками для дальнѣйшей колонизаціи края такъ же, какъ и земли церковныя, щедро отводимыя здѣсь государствомъ духовенству и монастырямъ.

Скудныя данныя о Лаишевѣ, сохранившіяся отъ той же поры, переносятъ насъ въ нѣсколько иныя условія заселенія края. Лаишевъ былъ поставленъ на Камскомъ перелазѣ и представлялъ собою во время его описи, въ 1566—1568 гг., маленькую деревянную крѣпость еще въ періодѣ образованія. Въ Лаишевѣ нѣтъ воеводъ, а есть «головы», начальствующіе надъ стрѣльцами, которыхъ насчитано всего 25, и надъ «лаишевскими полоняниками», происхожденіе которыхъ довольно таки загадочно. Эти «лаишевскіе полоняники посадскіе жильцы» были устроены, въ числѣ 150-ти, на Лаишевскомъ «посадѣ» на маленькихъ «помѣстьяхъ» и, вѣроятно, зачислены въ гарнизонъ новаго городка. Какъ ни неопредѣленны эти указанія, они однако даютъ намъ право сказать, что рядомъ съ городами промышленно-торговаго склада въ Поволжьѣ существовали и чисто военные поселки. Къ числу такихъ принадлежали, вѣроятно, и всѣ новые городки въ инородческихъ мѣстахъ. Они оста-

вались военными до той поры, пока развитіе хозяйственной дѣятельности въ краѣ не превращало ихъ въ культурные центры, или не ставило ихъ на новыхъ путяхъ сообщеній. Такъ, напримѣръ, поставленные въ послѣдней четверти XVI вѣка Козьмодемьянскъ, Шанчуринъ и Яранскъ были основаны для наблюденія за черемисою, съ цѣлями военно-политическими; между тѣмъ очень скоро, уже съ самаго начала XVII вѣка, через нихъ пролегла дорога отъ Москвы и Нижняго на Хлыновъ и Соликамскъ и далѣе въ новозанятую Сибирь, и это обстоятельство, разумѣется, измѣнило значеніе и характеръ новыхъ городковъ. Они становятся, —какъ мы объ этомъ сказали выше словами И. Н. Смирнова,—центрами русскихъ селеній, отъ которыхъ русскіе люди двигались уже въ глубину черемисскихъ лѣсовъ. Къ сожалѣнію, отъ XVI вѣка не сохранилось точныхъ данныхъ о второстепенныхъ городахъ «Казанскаго государства», а позднѣйшія свѣдѣнія о нихъ не пригодны намъ потому, что здѣсь, въ среднемъ Поволжьѣ, при особой энергіи колонизаціоннаго движенія, городская жизнь измѣняла свои формы быстро и существенно.

Намъ нѣтъ нужды много останавливаться на характеристикѣ болѣе восточныхъ и болѣе южныхъ мѣстностей Понизовья. Въ XVI вѣкѣ на Волгѣ, ниже Тетюшева, была уже пустыня. Для того, чтобы облегчить сообщеніе съ Астраханью, на Волжскихъ берегахъ были основаны укрѣпленные сторожевые пункты: Самара, Саратовъ, Царицынъ. Для наблюденія за башкирами и нагаями построенъ былъ городокъ Уфа при сліяніи рр. Уфы и Бѣлой. Политическія отношенія, завязавшіяся у московскаго правительства съ Кавказомъ, въ исходѣ XVI вѣка, повели къ построенію городовъ на рр. Терекѣ и Койсу. Всѣ названные города, вмѣстѣ съ Астраханью, были военными постами, выдвинутыми далеко за черту народной русской осѣдлости. Эти посты имѣли гарнизоны, но, строго говоря, еще не имѣли русскаго населенія. Оно не могло держаться въ пустынныхъ мѣстахъ, которыя оживлялись лишь рѣдкими кочевьями татаръ, нагаевъ и башкиръ да временными «станами» и «кошами» полевыхъ казаковъ. Только подъ стѣнами Астрахани образовались рыбный промыселъ и соляная добыча и шелъ торгъ съ персидскими и средне-азіатскими купцами. Но торговыя сношенія Астрахани съ «верховьемъ» въ XVI вѣкѣ не были правильны и производились караваннымъ способомъ или по самой Волгѣ, или по ея пустыннымъ берегамъ: московскіе люди еще не чувствовали себя хозяевами нижняго Поволжья [12].

VII.

На среднемъ и нижнемъ теченіи Волги, Дона, Сѣвернаго Донца и на всѣхъ лѣвыхъ притокахъ Дона такъ же, какъ и на нижнемъ

Днѣпрѣ, хозяйничала иная среда—загадочная, хотя и очень извѣстная среда «польскихъ», то-есть полевыхъ казаковъ. Съ государственныхъ земель Москвы и Рѣчи Посполитой на югъ, къ Черноморью, черезъ линіи пограничныхъ укрѣпленій постоянно просачивалось населеніе, выжимаемое тисками того общественнаго порядка, который въ обоихъ государствахъ одинаково приводилъ къ закрѣпленію за льготнымъ землевладѣльцемъ земледѣльческаго класса. Попадая на Поле, выходцы изъ государства не бродили по одиночкѣ, а соединялись въ группы съ вожаками во главѣ. Эти соединенія совершались по извѣстнымъ, жизнью выработаннымъ обычаямъ и обращали выходцевъ въ военныя товарищества, или бродившія по Полю съ рѣки на рѣку и съ дороги на дорогу, или осѣдавшія гдѣ-нибудь въ безопасномъ и удобномъ мѣстѣ на постоянное житье. Польско-литовское правительство еще въ серединѣ XVI вѣка успѣло взять въ свои руки часть такихъ казачьихъ поселеній по Днѣпру; московское же правительство только къ концу столѣтія стало твердою ногою на верховьяхъ Дона и С. Донца въ области, гдѣ жили и дѣйствовали казаки. Но ни та, ни другая власть не были въ состояніи ни остановить отливъ населенія изъ государства, ни распоряжаться его размѣщеніемъ на новыхъ мѣстахъ, ни направлять, наконецъ, въ интересахъ государственныхъ дѣятельность казачества. Неуловимые въ необъятныхъ пространствахъ «дикаго поля», благодаря своей большой подвижности, казачьи отряды, «станицы», по тогдашнимъ выраженіямъ, «казаковали» или «гуляли», гдѣ и какъ хотѣли. Они искали себѣ пропитанія охотою, рыболовствомъ и бортничествомъ въ своихъ хозяйственныхъ заимкахъ, «юртахъ», или на временныхъ остановкахъ, «станахъ». Они держались на рѣчныхъ путяхъ и полевыхъ сакмахъ съ цѣлью простого разбоя и грабили не только торговые караваны, но и государевыхъ пословъ или пословъ иностранныхъ, ѣхавшихъ въ Москву. Они проникали на югъ и востокъ къ границамъ нагайскихъ, татарскихъ и турецкихъ поселеній и грабили «басурмановъ», уводя отъ нихъ полоняниковъ, за которыхъ потомъ брали выкупъ. Они, наконецъ, предлагали свою службу правительству и частнымъ лицамъ, составляя изъ себя особые отряды съ своими атаманами и есаулами, которыхъ они избирали сами изъ своей среды, или къ которымъ поступали подъ начальство по «прибору», то-есть, по вербовкѣ.

До половины XVI вѣка вся эта масса гулящаго люда на московскихъ окраинахъ пребываетъ въ состояніи полнаго броженія: у казачества не замѣтно ни внѣшнихъ центровъ, ни общей организаціи. Московское правительство хорошо не знаетъ, много ли «людей на Полѣ» и какіе это люди и можно ли безопасно ѣхать черезъ Поле. Въ серединѣ же XVI столѣтія на Полѣ происходитъ

нѣкоторый переломъ: выселеніе изъ украйнъ на дикое поле принимаетъ большіе размѣры и казачество начинаетъ скучиваться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ значительныя организованныя скопища. Въ 1546 году изъ Путивля доносятъ въ Москву: «нынѣ, государь, казаковъ на Полѣ много, и черкасцевъ, и кіянъ (то-есть малороссійскихъ), и твоихъ государевыхъ: вышли, государь, на Поле изо всѣхъ украинъ». Въ 1549 году обнаруживаются уже казачьи городки на Дону «въ трехъ и въ четырехъ мѣстахъ», изъ которыхъ казаки громятъ нагайцевъ. Въ то же время они у нагайцевъ, по словамъ послѣднихъ, «Волги оба берега отняли»; на Волгѣ,—по крайней мѣрѣ въ 60-хъ годахъ XVI вѣка,—дѣйствительно были казачьи городки. Въ 80-хъ годахъ казаки проникли и на Яикъ, гдѣ ихъ считали сотнями. На Дону же въ эти годы уже образовался постоянный центръ низоваго казачества—такъ называемые Раздоры, городокъ на сліяніи Дона съ Сѣв. Донцомъ. Выше Раздоръ на Дону были и другіе казачьи городки, но они не пользовались такимъ значеніемъ, какъ городокъ въ Раздорахъ. Они принадлежали «верховымъ» казакамъ, которые жили и бродили, такъ сказать, внутри Поля, питаясь мирнымъ промысломъ или случайными грабежами. Раздоры же были сборнымъ мѣстомъ «низоваго» казачества, которое дѣйствовало, главнымъ образомъ, противъ «басурманъ» и прежде всего противъ Азова. Въ сущности своей эти дѣйствія сводились къ пограничной войнѣ и къ разбойничьимъ набѣгамъ, цѣлью которыхъ было взять «полоняниковъ» и пограбить «животъ»; сами казаки говорили, что они живутъ выкупомъ, который получаютъ за плѣнныхъ: «и намъ впередъ какъ на Дону жить, что ужъ впередъ у насъ полоняниковъ окупать не станутъ?» Тѣмъ не менѣе низовые казаки считали себя защитниками государства и Русской земли отъ невѣрныхъ и гордились такою своею службою предъ верховыми казаками, говоря, что «верховые жъ казаки государевы службы и не знаютъ». Соблазняясь тѣми выгодами, какія получало государство отъ существованія на его границахъ даровой стражи отъ татаръ и нагаевъ, московское правительство поддерживало подобные взгляды низовыхъ казаковъ. Оно вступало съ ними въ сношенія, посылало имъ даже боевые припасы и давало служебныя порученія, напримѣръ, конвоировать государева посла отъ Азова «до Ряжскаго города межъ себя городъ отъ города». Говоря имъ: «холопи вы государевы и живете на государевой вотчинѣ», оно приглашало ихъ къ послушанію и порядку, требовало, чтобы они «жили въ миру» съ Азовомъ и чтобы «промышляли государевымъ дѣломъ»—охраняли украйну отъ татарскихъ и нагайскихъ набѣговъ. Въ 1592 году правительство даже пыталось взять низовыхъ казаковъ подъ постоянный надзоръ и послало въ «головы» къ «войску» въ Раздоры сына боярскаго Петра Хрущова, съ которымъ

казаки должны были «послужить». Но казаки дали отпоръ этимъ покушеніямъ на ихъ вольность и не приняли Хрущова, говоря, что «прежде сего мы служили государю, а головъ у насъ не бывало, а служивали своими головами». Когда же въ 1604 году тотъ же П. Хрущовъ вторично былъ присланъ царемъ Борисомъ отговаривать казаковъ отъ соединенія съ самозванцемъ, то казаки просто-на-просто отвезли его самого къ самозванцу, какъ своего плѣнника. И вообще низовые казаки мало повиновались московскимъ внушеніямъ, ибо Москва, еще не овладѣвшая «дикимъ полемъ», не была страшна его вольному населенію.

На привольѣ «дикаго поля» легко можно было укрыться отъ всякаго врага и избѣжать всякаго надзора. Если Москва не могла прибрать къ рукамъ казачества, то и вновь возникшіе казачьи городки съ ихъ выборными атаманами не могли привить дисциплину и порядокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать жилище и обезпеченіе толпамъ вольницы, бродившимъ вдали отъ этихъ городковъ. Нѣкоторое устройство получило сосредоточенное въ Раздорахъ низовое «войско»; верховые же казаки, раскинувшіеся на громадномъ пространствѣ отъ Путивля и Бѣлгорода до нижней Волги, жили и дѣйствовали въ полной разобщенности. Когда число ихъ увеличилось отъ болѣе энергичнаго выселенія изъ государства, ихъ «юрты» и «ухожаи» уже не могли кормить всего населенія, и оно частью обращается къ разбою, частью ищетъ болѣе пригляднаго промысла. Увеличивается число «воровскихъ» казаковъ, но растетъ число и тѣхъ, которые обращаются къ государству, или просто возвращаясь въ оставленную родную среду, или предлагая правительству свою казачью службу. Нерѣдко встрѣчается въ документахъ конца XVI и начала XVII вѣка указаніе на то, какъ выходятъ съ Поля въ государство бывшіе казаки: одинъ «погулялъ на Волгѣ въ казакѣхъ, а съ Волги пришедъ пожилъ въ монастырѣ»; другой «побылъ на Полѣ въ казакѣхъ у атамана у Ворона у Носа лѣтъ съ восемь, а съ Поля пришелъ въ Новгородъ провѣдывати родимцевъ»; третій родомъ изъ Великихъ Лукъ, попалъ въ полонъ въ Литву, изъ Литвы вышедши, «былъ на Дону», а затѣмъ пришелъ обратно въ новгородскія мѣста; четвертый, непрерывно бродя изъ мѣста въ мѣсто въ Поволжьѣ, много разъ мѣнялъ казачье состояніе на батрачество въ поволжскихъ городахъ и уходилъ обратно въ казачьи юрты. Такъ дѣйствовали гулящіе люди въ одиночку. Обращались они къ государству и цѣлыми отрядами. Во второй половинѣ XVI вѣка, какъ мы не разъ уже видѣли, правительство московское на «дикомъ полѣ» и въ Понизовыхъ городахъ дѣятельно устраивало оборону вновь завоеванныхъ и занятыхъ мѣстностей. Для крѣпостныхъ гарнизоновъ и пограничной милиціи оно нуждалось въ людяхъ и «прибирало» ихъ отовсюду, откуда могло. Охотно оно принимало и само

звало на свою службу и полевыхъ казаковъ. Еще въ XV вѣкѣ бывали казаки въ московскихъ войскахъ, а въ XVI-мъ они состояли на московской службѣ въ громадномъ количествѣ. Въ каждомъ южномъ городкѣ въ составѣ гарнизона были казаки, обезпеченные помѣстьями или кормовыми и денежными дачами. Тамъ, гдѣ «гулящихъ» людей прибирали въ казаки по одиночкѣ, они служили подъ начальствомъ головъ и сотниковъ, назначаемыхъ отъ правительства; тамъ же, гдѣ казаки взяты были на службу цѣлыми отрядами, у нихъ были свои атаманы. Этимъ атаманамъ правительство поручало и дальнѣйшій приборъ казаковъ. Таковъ былъ «атаманъ польскій» Михайло Черкашенинъ, имя котораго прославлено даже въ пѣснѣ *). Мы видимъ его съ казаками въ 1572 году на государевой службѣ въ Серпуховѣ въ большомъ полку; его же прибора помѣстные казаки провожаютъ пословъ на Полѣ, и мы узнаемъ, что испомѣщены они между прочимъ въ Рыльскомъ уѣздѣ. И тотъ же «Мишка Черкашенинъ» поднялъ донскихъ казаковъ на Азовъ за то, что крымскій ханъ казнилъ его сына Данила: «казаки донскіе (говорилъ ханъ) за Мишкина сына Азовъ съ отцомъ (то-есть съ самимъ Мишкою) взяли и лучшихъ людей у меня взяли изъ Азова 20 человѣкъ, да шурина моего»; и всѣхъ ихъ казаки хотѣли было отдать въ обмѣнъ за Мишкина сына. Такъ велико было вліяніе атамана, который дѣйствовалъ и на «берегу», и на Сѣверѣ, и на Дону. Съ помощью такихъ-то вожаковъ, выдвигаемыхъ степною жизнью, московское правительство и могло привлекать на свою службу бродячія станицы казаковъ. Когда въ 1591 году готовился походъ на Терекъ и Койсу, правительство расчитывало собрать въ Астрахани болѣе 1.500 вольныхъ казаковъ и для такого числа заранѣе готовило запасы и жалованье. Черезъ такихъ же атамановъ привлекали на свою службу казаковъ и частныя лица. Извѣстные Строгановы постоянно держали у себя казачьи станицы, и въ большомъ числѣ: въ 1572 году прислали они въ Серпуховъ на государеву службу 1.000 казаковъ съ пищалями; десять лѣтъ спустя нѣсколько сотенъ ихъ съ Ермакомъ послали они за Камень. Были казаки на службѣ и у бояръ въ вотчинахъ—у князя И. Ѳ. Мстиславскаго на Веневѣ, позднѣе у И. Н. Романова подъ Калугою.

Принимая на себя службу, казачьи станицы иногда должны были обращать свои силы на свою же братью, тѣхъ казаковъ, которые «воровали», то-есть жили грабежомъ на Полѣ и на рѣкахъ.

---

*) Пѣсня поетъ, что «за Зарайскомъ городомъ, за Рязанью за Старою, изъ далеча изъ чиста поля, изъ раздолья широкаго, какъ бы гнѣдаго тура привезли убитаго, привезли убитаго атамана польскаго, атамана польскаго, а по имени Михайла Черкашенина». Надъ нимъ плачетъ молодая жена, «причитаючи ко его бѣлу тѣлу: казачія вольная по-здорову пріѣхали, тебя, свѣта моего, привезли убитаго»... (Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ, ч. II, вып. 7, стр. 163—164).

Они ловили этихъ «воровскихъ» казаковъ и приводили ихъ въ города, но и сами иногда терпѣли отъ нихъ и становились жертвами служебнаго долга. Однако это не вліяло на чувство солидарности, которымъ связаны были всѣ казаки въ одно независимое отъ государственныхъ порядковъ товарищество. Съ государевой службы можно было отъѣхать или «сойти» на Поле и расчитывать на добрый пріемъ въ «польскихъ» станицахъ, снова «почать стояти съ ними вмѣстѣ». Когда изъ Серпухова въ 1593 году сбѣжалъ съ государевой службы казакъ и, пріѣхавъ «назадъ въ войско», сталъ разсказывать атаманамъ и казакамъ, что «на Москвѣ ихъ товарищемъ нужа великая; государева жалованья имъ не даютъ, а на Донъ не пускаютъ,... а иныхъ въ холопи отдаютъ»,—то этотъ разсказъ возбудилъ сочувствіе казачества и отвратилъ многихъ отъ службы Москвѣ.

Итакъ, выросшее численно къ концу XVI вѣка казачество еще не объединилось въ какой-нибудь правильной организаціи. Донская община, получившая въ XVII вѣкѣ опредѣленное устройство, въ XVI-мъ только еще зарождалась; она не захватывала въ свой составъ не только всѣхъ жившихъ на Полѣ казаковъ, но даже и всѣхъ собственно донскихъ. Верховые донскіе юрты и городки и казачество прочихъ рѣкъ и рѣчекъ жило въ розни, даже во взаимной враждѣ: московскіе казаки громили черкасъ, черкасы громили московскихъ, служилые сбивали съ рѣчныхъ и степныхъ путей «воровскихъ» казаковъ, воровскіе грабили и убивали служилыхъ. Масса казаческая въ хаотическомъ броженіи легко переходила отъ разбоя къ службѣ государству, отъ борьбы съ басурманами къ насилію надъ своимъ же братомъ казакомъ. Одно сознаніе личной независимости и свободы отъ тягла и принудительной службы, одна вражда къ привилегированнымъ землевладѣльческимъ классамъ, «лихимъ боярамъ», и отвращеніе отъ земледѣльческаго труда, который велъ тогда къ закабаленію работника,—объединяли казаческія толпы, противополагая ихъ служилому и тяглому люду, жившему въ государственномъ режимѣ. Съ точки зрѣнія современнаго общежитія мало понятно это броженіе народныхъ массъ на границахъ государства, и еще менѣе понятна та легкость, съ какою эти массы входятъ во временное общеніе съ тѣмъ самымъ государствомъ, изъ котораго онѣ только что вышли и которому повиноваться онѣ вовсе не расположены. Все это—своеобразныя явленія той эпохи, когда государство, рожденное порывами къ объединенію сознавшей себя народности, опредѣлило свой національный характеръ, но не успѣло еще опредѣлить территоріальнаго состава и соціальнаго склада [20].

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кризисъ второй половины XVI вѣка.

I.

Мы закончили обзоръ Московскаго государства и знаемъ, какъ сложенъ былъ его составъ и какъ разнообразны были по характеру его части. Торгово-промышленныя сѣверныя области съ значительнымъ развитіемъ независимаго отъ частныхъ владѣльцевъ крестьянскаго землевладѣнія, съ процвѣтаніемъ сильнаго не однимъ многолюдствомъ, но и достаткомъ, тяглаго посада, съ почти полнымъ отсутствіемъ служилаго люда на помѣстьяхъ,—мало походили на южныя окраинныя области, въ которыхъ все почти земледѣльческое населеніе было «прибрано» на государеву службу и пахало на собственномъ своемъ «помѣстьѣ» и на государевой пашнѣ, въ которыхъ на посадахъ почти не было тяглыхъ людей и сѣверный «міръ» замѣненъ былъ стрѣлецкою «сотнею» и казачьимъ «прибором». Западная часть государства, съ ея старинными торгово-промышленными городами Новгородомъ и Псковомъ, которые втянули въ себя всѣ силы и интересы, руководившіе хозяйственною жизнью края, и процвѣтали въ то время, когда окрестныя мѣста теряли исконное промышленное населеніе, мѣняя его на пришлое военное,—мало имѣла общаго съ восточными областями или Низомъ, гдѣ, наоборотъ, только что начиналась хозяйственная дѣятельность русскаго племени и рядомъ съ военными гарнизонами осѣдалъ мирный земледѣлецъ и промышленникъ, недавно пришедшій изъ «верховыхъ» городовъ. Наконецъ, центръ государства, въ которомъ крестьяне бросали свою пашню, посадскіе оставляли свой посадъ, служилые люди «пустошили» свои помѣстья и вотчины, а монастыри прибирали къ своимъ рукамъ брошенное и запустошенное,—представляетъ собою нѣкоторый хаосъ, образовавшійся на развалинахъ прошлаго порядка, и тѣмъ напоминаетъ намъ «дикое поле», на которомъ въ такомъ же хаотическомъ броженіи носились элементы этого прошлаго порядка, еще не улегшіеся, да врядъ ли и способные улечься въ какую-либо форму гражданственности и образовать собою новый порядокъ.

Теперь намъ предстоитъ познакомиться съ тѣми внутренними движеніями въ московскомъ обществѣ и государствѣ, которыя происходили въ XVI вѣкѣ и привели государство, изученное нами, къ серьезнѣйшему кризису и смутамъ.

Мы слѣдуемъ тѣмъ изъ нашихъ писателей, которые полагаютъ, что Смута начала XVII вѣка имѣла корни въ московской жизни, а не была сюрпризомъ, приготовленнымъ Московскому государству польскими «кознями» и папской «интригою». Разумѣется, мы назвали бы политику Рѣчи Посполитой и папской куріи недальновидною и неискусною, если бы она не умѣла вò-время понять и оцѣнить происходившія въ московской жизни замѣшательства и если бы она не пыталась извлечь изъ нихъ свою пользу. Но мы не думаемъ, что эта политика могла привить здоровому политическому тѣлу заразу междоусобія и могла поднять народныя массы другъ на друга безъ причинъ, лежавшихъ въ ихъ бытѣ. Думать такъ значитъ отказываться отъ всякой надежды понять дѣйствительное значеніе Смуты и правильно объяснить ея происхожденіе.

Московскіе люди, жившіе въ условіяхъ, въ которыхъ созрѣвала Смута, чувствовали ея приближеніе. Безъ привычки къ свободному и простому изложенію наблюденій и впечатлѣній, они въ своихъ писаніяхъ оставили намъ не ясно выраженныя опасенія и предчувствія бѣдъ, но намеки, смутные и тревожные, смыслъ которыхъ, однако, остается внѣ сомнѣній. Изъ памятниковъ письменности того времени всѣхъ яснѣе говоритъ о грядущихъ бѣдствіяхъ извѣстная «бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ», составленная во второй половинѣ XVI вѣка, въ тѣ годы, когда уже сталъ ясенъ разбродъ населенія и упадокъ хозяйствъ въ центральныхъ и западныхъ мѣстностяхъ государства. Обращая наблюдаемые въ дѣйствительности факты въ пророческое предсказаніе чудотворцевъ, «бесѣда» говоритъ, что «при послѣднемъ времени» запустѣютъ волости и села «никимъ гонимы», «люди начнутъ всяко убывати, и земля начнетъ пространнѣе быти, а людей будетъ менши, и тѣмъ досталнымъ людямъ будетъ на пространной земли жити негдѣ». Это, разумѣется, не предсказаніе; предсказаніе начинается тамъ, гдѣ авторъ говоритъ, что «царіе на своихъ степенѣхъ царскихъ не возмогутъ держатися и почасту премѣнятися начнутъ». Писавшій во времена Грознаго и призывавшій читателя молиться «за царя и великаго князя и за его царицу и великую княгиню и за ихъ благородныя чада», авторъ въ дѣйствительности не могъ видѣть частую смѣну царей и додумался до нея путемъ пессимистическихъ размышленій. Московская жизнь представлялась ему въ безотрадномъ свѣтѣ благодаря «царской простотѣ», «иноческимъ грѣхамъ» и «мірскому невоздержанію»; онъ понималъ, что дѣло идетъ къ общему потрясенію, и представлялъ себѣ его по своему. Та же мысль о близости потрясеній

была и у князя Курбскаго, когда онъ изъ Полоцка писалъ Грозному въ 1579 году, что тѣ «не пребудутъ долго предъ Богомъ, которые созидаютъ престолъ беззаконія», и грозилъ царю скорою погибелью «со всѣмъ домомъ» за то, что онъ «пустошитъ землю свою и губитъ подручныхъ всеродиѣ». Рядомъ съ подобными, не вполнѣ вразумительными литературными иносказаніями, въ одномъ офиціальномъ актѣ 1584 года находимъ совершенно ясное, хотя и короткое, указаніе на общественный кризисъ и «тощету». Этотъ актъ—приговорная о тарханахъ грамота, поводомъ къ которой было «многое запустѣніе за воинскими людьми въ вотчинахъ ихъ и въ помѣстьяхъ» и выходъ изъ-за служилыхъ людей крестьянъ, то-есть уже знакомый намъ упадокъ служилыхъ земельныхъ хозяйствъ. Такимъ образомъ, въ московскомъ обществѣ и правительственной средѣ существовало представленіе о томъ, что дѣла въ государствѣ идутъ неправильнымъ путемъ, не въ должномъ направленіи, и русскіе люди чувствовали близость той или другой развязки [21].

Конечно, изъ разговоровъ съ русскими же людьми,—непосредственно или черезъ другихъ своихъ соотечественниковъ, — узналъ извѣстный Джильсъ Флетчеръ обстоятельства московской жизни его времени. Онъ былъ въ Московскомъ государствѣ въ 1588—1589 гг., а въ 1591 году была уже издана въ Лондонѣ его книжка «Of the Russe Common Wealth». Въ V-й главѣ этого труда Флетчеръ сообщаетъ между прочимъ, что младшій братъ царя Θеодора Ивановича Димитрій живетъ далеко отъ Москвы, подъ надзоромъ и охраною матери и ея родныхъ, но, какъ слышно, жизнь его находится въ опасности отъ покушеній со стороны тѣхъ, которые простираютъ свои виды на обладаніе престоломъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя. Раньше смерти царевича Флетчеръ зналъ ея вѣроятность; ему былъ извѣстенъ даже слухъ о томъ, что царевича хотѣли извести ядомъ,—тотъ самый слухъ, который впослѣдствіи мелькаетъ въ различныхъ русскихъ сказаніяхъ. Заключая разсказъ о родѣ русскихъ царей, въ концѣ V-й главы, Флетчеръ замѣчаетъ, что, повидимому, царскій родъ «скоро пресѣчется со смертію особъ, нынѣ живущихъ», и это произведетъ переворотъ въ Русскомъ царствѣ. Въ глазахъ Флетчера ожидаемый переворотъ не долженъ былъ ограничиться простою смѣною владѣтельныхъ лицъ. Въ IX-й главѣ, при описаніи опричнины и опалъ Грознаго, онъ говоритъ, что политика Грознаго и его, съ точки зрѣнія Флетчера, «варварскіе» поступки, хотя и прекратившіеся съ воцареніемъ Θеодора, такъ потрясли все государство и до того возбудили всеобщій ропотъ и непримиримую ненависть, что, повидимому, это должно кончиться не иначе, какъ междоусобіемъ (a civill flame). Въ то же время Флетчеръ соображалъ, что въ этомъ междоусобіи или

возстанія, если оно произойдетъ, руководство и рѣшающая роль должна принадлежать войску (the militarie forces), а не народной массѣ и не знати (nobilitie); въ этомъ смыслѣ составилъ онъ заключеніе къ X-й главѣ. Итакъ, Флетчеръ, бывшій въ Московскомъ государствѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ, успѣлъ не только подмѣтить признаки критическаго положенія дѣлъ въ Москвѣ, но и предсказать возможный исходъ изъ этого положенія. Прекращеніе династіи ему казалось вѣроятнымъ болѣе, чѣмъ за восемь лѣтъ до кончины царя Θеодора; онъ предсказывалъ «всеобщее возстаніе» болѣе, чѣмъ за десять лѣтъ до самозванщины. Очевидно, что для самого Флетчера, или же для тѣхъ англичанъ, съ которыми онъ видался въ Россіи и которые знали хорошо русскія дѣла, русская жизнь представляла совершенно ясныя свидѣтельства переживаемаго ею тяжелаго перелома.

Въ чемъ же заключался этотъ переломъ?

Въ основаніи московскаго государственнаго и общественнаго порядка заложены были два внутреннихъ противорѣчія, которыя, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, давали себя чувствовать московскимъ людямъ. Первое изъ этихъ противорѣчій можно назвать политическимъ и опредѣлить словами В. О. Ключевскаго: «это противорѣчіе состояло въ томъ, что московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи». Такой порядокъ вещей привелъ къ открытому столкновенію московской власти съ родовитымъ боярствомъ во второй половинѣ XVI вѣка. Второе противорѣчіе было соціальнымъ и состояло въ томъ, что подъ давленіемъ военныхъ нуждъ государства, съ цѣлью лучшаго устройства государственной обороны, интересы промышленнаго и земледѣльческаго класса, трудъ котораго служилъ основаніемъ народнаго хозяйства, систематически приносились въ жертву интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, не участвовавшихъ непосредственно въ производительной дѣятельности страны. Послѣдствіемъ такого порядка вещей было недовольство тяглой массы и стремленіе ея къ выходу съ «тяглыхъ жеребьевъ» на черныхъ и частновладѣльческихъ земляхъ, а этотъ выходъ, въ свою очередь, вызвалъ рядъ другихъ осложненій общественной жизни. Оба противорѣчія въ своемъ раскрытіи, во вторую половину XVI вѣка, создали государственный кризисъ, послѣднимъ выраженіемъ котораго и было такъ называемое Смутное время. Нельзя, по нашему разумѣнію, приступить къ изложенію этого времени, не ознакомясь съ условіями, его создавшими, и не сдѣлавъ хотя краткаго отступленія въ эпоху сложенія московскаго государственнаго и общественнаго строя.

II.

Въ понятіе власти московскаго государя входили два признака, одинаково существенныхъ и характерныхъ для нея. Во-первыхъ, власть московскаго государя имѣла патримоніальный характеръ. Происходя изъ удѣльной старины, она была прямою преемницею вотчинныхъ правъ и понятій, отличавшихъ власть московскихъ князей XIV—XV вѣковъ. Какъ въ старое время всякій удѣлъ былъ наслѣдственною собственностью, вотчиною своего «государя» удѣльнаго князя, такъ и все Московское государство, ставшее на мѣстѣ старыхъ удѣловъ, признавалось «вотчиною» царя и великаго князя. Съ Московскаго государства это понятіе вотчины переносилось даже на всю Русскую землю, на тѣ ея части, которыми московскіе государи не владѣли, но надѣялись владѣть: «не то одно наша отчина», говорили московскіе князья литовскимъ, «кои городы и волости нынѣ за нами,—и вся Русская земля... изъ старины, отъ нашихъ прародителей, наша отчина». Вся полнота владѣльческихъ правъ князя на наслѣдственный удѣлъ была усвоена московскими государями и распространена на все государство. На почвѣ этой удѣльной преемственности и выросли тѣ понятія и привычки, которыя Грозный выражалъ словами: «жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя». И самъ Грозный считалъ себя собственникомъ своей земли, и люди его времени смотрѣли на государство какъ на «домъ» или хозяйство государя. Любопытно, что одинъ изъ самыхъ впечатлительныхъ и непосредственныхъ, несмотря на вычурность слога, писателей конца XVI и начала XVII вѣка, Иванъ Тимоѳеевъ, обсуждая послѣдствія прекращенія московской династіи, всегда прибѣгалъ къ сравненію государства съ «домомъ сильножителя»: очевидно, такая аналогія жила въ умахъ той эпохи. Во-вторыхъ, власть московскаго государя отличалась національнымъ характеромъ. Московскіе великіе князья, распространяя свои удѣльныя владѣнія и ставъ сильнѣйшими среди сѣверно-русскихъ владѣтелей, были призваны исторіею къ дѣятельности высшаго порядка, чѣмъ ихъ прославленное удѣльное «скопидомство». Имъ, какъ наиболѣе сильнымъ и вліятельнымъ, пришлось взять на себя задачу народнаго освобожденія отъ татаръ. Рано стали они копить силы для борьбы съ татарами и гадать о томъ, когда «Богъ перемѣнитъ Орду». Во второй половинѣ XIV вѣка борьба съ Ордою началась и на Куликовомъ полѣ, московскій князь впервые выступилъ борцомъ не только за свой удѣльный интересъ, но и за общее народное дѣло. Съ той поры значеніе московскихъ великихъ князей стало измѣняться: народное чувство превратило ихъ изъ удѣльныхъ владѣтелей въ народныхъ вождей, и уже Димитрій

Донской заслужилъ отъ книжниковъ эпитетъ «царя русскаго». Пріобрѣтеніе Москвою новыхъ земель перестало быть простымъ собираніемъ «примысловъ» и пріобрѣло характеръ объединенія великорусской земли подъ единою національною властью. Трудно рѣшить, что шло впереди: политическая ли прозорливость московскаго владѣтельнаго рода, или же самосознаніе народныхъ массъ; но только во второй половинѣ XV вѣка національное государство уже сложилось и вело сознательную политику; ко времени же Грознаго готовы были и всѣ тѣ политическія теоріи, которыя провозгласили Москву «новымъ израилемъ», а московскаго государя «царемъ православія». Обѣ указанныя черты—вотчинное происхожденіе и національный характеръ—самымъ рѣшительнымъ образомъ повліяли на положеніе царской власти въ XVI вѣкѣ. Если государь былъ вотчинникомъ своего царства, то ему оно принадлежало, какъ собственность, со всею безусловностью владѣльческихъ правъ. Это и выражалъ Грозный, говоря, что онъ «родителей своихъ благословеніемъ свое взялъ, а не чужое восхитилъ». Если власть государя опиралась на сознаніе народной массы, которая видѣла въ царѣ и великомъ князѣ всея Руси выразителя народнаго единства и символъ національной независимости, то очевиденъ демократическій складъ этой власти и очевидна ея независимость отъ какихъ бы то ни было частныхъ авторитетовъ и силъ въ странѣ. Такимъ образомъ, московская власть была властью абсолютною и демократическою [22].

Рядомъ же съ этою властью въ XV—XVI вѣкахъ, во главѣ административнаго и соціальнаго московскаго порядка, находилось московское боярство, исторія котораго съ такимъ интересомъ и успѣхомъ изучалась въ послѣднія десятилѣтія. Однако, это изученіе не привело еще изслѣдователей къ единомыслію. Не всѣ одинаково смотрятъ на положеніе боярства въ XVI вѣкѣ. Однимъ оно представляется слабою политически средою, которая, внѣ служебныхъ отношеній, не имѣла ни внѣшняго устройства, ни внутренняго согласія, ни вліянія на массы и, стало быть, не могла выступить на борьбу съ властью за какой-либо сословный интересъ. Съ этой точки зрѣнія, гоненіе Грознаго на бояръ объясняется проявленіемъ ничѣмъ не оправдываемаго тиранства. Другимъ наблюдателямъ, напротивъ, боярство представляется какъ олигархическій, организованный въ партіи кругъ знатнѣйшихъ фамилій, которыя стремятся къ господству въ государствѣ и готовы на явную и тайную борьбу за вліяніе и власть. Такая точка зрѣнія освѣщаетъ политику Грознаго относительно бояръ совершенно иначе. Грозный только оборонялся отъ направленныхъ на него козней, «за себя сталъ», по его собственному выраженію. Наконецъ, третьи не считаютъ возможнымъ ни отрицать политическихъ притязаній бояр-

ства, ни преувеличивать значеніе происходившихъ между властью и боярами столкновеній до размѣровъ правильной политической борьбы. Боярство, по этому послѣднему взгляду, было родовою аристократіею, которая притязала на первенствующее положеніе при дворѣ и въ государствѣ именно въ силу своего происхожденія. Но эти притязанія не имѣли въ виду ограничить державную власть или вообще измѣнить государственный порядокъ. Въ свою очередь, и власть до середины XVI вѣка не противопоставляла ничего опредѣленнаго боярскимъ притязаніямъ, не подавляла ихъ систематично и круто, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не считала для себя обязательнымъ ихъ удовлетворять или даже признавать. Неопредѣленность стремленій и взглядовъ вела къ отдѣльнымъ, иногда очень крупнымъ недоразумѣніямъ между государемъ и слугами; но принципіально вопросъ о взаимномъ отношеніи власти и боярства не поднимался ни разу, до того времени, пока дѣло не разрѣшилось опричниною и казнями Грознаго. Это послѣднее мнѣніе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ прочія.

Въ XVI вѣкѣ московское боярство состояло изъ двухъ слоевъ. Одинъ, болѣе древній, но не высшій, состоялъ изъ лучшихъ семей стариннаго класса «вольныхъ слугъ» московскаго княжескаго дома, издавна несшихъ придворную службу и призываемыхъ въ государеву думу. Другой слой, позднѣйшій и знатнѣйшій, образовался изъ служилаго потомства владѣтельныхъ удѣльныхъ князей, которое перешло на московскую службу съ удѣловъ сѣверо-восточной Руси и изъ-за литовскаго рубежа. Такую сложность состава высшаго служилаго класса въ Москвѣ получилъ съ середины XV вѣка, когда политическое торжество Москвы окончательно сломило удѣльные дворы и стянуло къ московскому дворцу не только самихъ подчиненныхъ князей, но и слугъ ихъ—боярство удѣльныхъ дворовъ. Понятно, что въ Москвѣ именно съ этого времени должно было пріобрѣсти особую силу и важность мѣстничество, такъ какъ оно одно могло поддержать извѣстный порядокъ и создать болѣе или менѣе опредѣленныя отношенія въ этой массѣ служилаго люда среди новой для него служебной обстановки. Мѣстничество и повело къ тому, что основаніемъ всѣхъ служебныхъ и житейскихъ отношеній при московскомъ дворѣ XVI вѣка стало «отечество» лицъ, составлявшихъ этотъ дворъ. Выше прочихъ по «отечеству», разумѣется, стали титулованныя семьи, вѣтви старыхъ удѣльныхъ династій, успѣвшія съ честью перейти съ своихъ удѣловъ въ Москву, сохранивъ за собою и свои удѣльныя вотчины. Это, безспорно, былъ высшій слой московскаго боярства; до него лишь въ исключительныхъ случаяхъ служебныхъ отличій или дворцоваго фавора поднимались отдѣльные представители старыхъ не-княжескихъ боярскихъ фамилій, которыя были «искони вѣчные государскіе, ни у кого не

служивали окромя своихъ государей» московскихъ князей. Эта-то избранная среда перворазрядныхъ слугъ московскаго государя занимала первыя мѣста вездѣ, гдѣ ей приходилось быть и дѣйствовать: во дворцѣ и на службѣ, на пирахъ и въ полкахъ. Такъ слѣдовало по «отечеству», потому что вообще, выражаясь словами царя В. Шуйскаго, «обыкли большая братья на большая мѣста сѣдати». Такъ «повелось», и такой обычай господствовалъ надъ умами настолько, что его признавали рѣшительно всѣ: и сами бояре, и государь, и все московское общество. Быть совѣтниками государя и его воеводами, руководить политическими отношеніями страны и управлять ея областями, окружать особу государя постояннымъ «синклитомъ царскимъ»—это считалось какъ бы прирожденнымъ правомъ княжеско-боярской среды. Она сплошь состояла изъ лицъ княжескаго происхожденія, о которыхъ справедливо замѣтилъ В. О. Ключевскій, что «то все старинныя привычныя власти Русской земли, тѣ же власти, какія правили землею прежде по удѣламъ; только прежде онѣ правили ею по частямъ и по одиночкѣ, а теперь, собравшись въ Москву, онѣ правятъ всею землею и всѣ вмѣстѣ». Поэтому правительственное значеніе этой среды представлялось независимымъ отъ пожалованія или выслуги: оно боярамъ принадлежало «божіею милостію», какъ завѣщанное предками родовое право. Въ «государевѣ родословцѣ» прежде всего искали князья-бояре опоры для занятой ими въ Москвѣ высокой позиціи, потому что разсматривали себя какъ родовую аристократію. Милость московскихъ государей и правительственныя преданія, шедшія изъ первыхъ эпохъ московской исторіи, держали по старинѣ близко къ престолу нѣкоторыя семьи вѣковыхъ московскихъ слугъ не княжеской «породы», въ родѣ Вельяминовыхъ и Кошкиныхъ. Но княжата не считали этихъ бояръ равными себѣ по «породѣ», такъ какъ, по ихъ словамъ, тѣ пошли «не отъ великихъ и не отъ удѣльныхъ князей». Когда Грозный женился на Анастасіи, не бывшей княжною, то этимъ онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ княжатъ, ихъ «изтѣснилъ»—«тѣмъ изтѣснилъ, что женился, у боярина своего дочерь взялъ, понялъ робу свою». Хотя говорившіе такъ князья «полоумы» и называли царицу-робу «своею сестрою», тѣмъ не менѣе съ очень ясною брезгливостію относились къ ея нетитулованному роду. Въ ихъ глазахъ боярскій родъ Кошкиныхъ не только не шелъ въ сравненіе съ Палеологами, съ которыми умѣлъ породниться Іоаннъ III, но не могъ равняться и съ княжескимъ родомъ Глинской, на которой былъ женатъ отецъ Грознаго. Грозный, конечно, сдѣлалъ менѣе блестящій выборъ, чѣмъ его отецъ и дѣдъ; на это-то и указывали князья, называя рабою его жену, взятую изъ простого боярскаго рода. Этому простому роду они прямо и рѣзко отказались повиноваться въ 1553 году, когда не захотѣли

цѣловать крестъ маленькому сыну Грознаго Димитрію: «а Захарьинымъ намъ,—говорили они,—не служивать». Такая манера князей-бояръ XVI вѣка свысока относиться къ тому, что пошло не отъ великихъ и не отъ удѣльныхъ князей, даетъ основаніе думать, что въ средѣ высшаго московскаго боярства господствовалъ именно княжескій элементъ съ его родословнымъ гоноромъ и удѣльными воспоминаніями.

Но кромѣ родословца государева, который давалъ опору притязаніямъ бояръ-князей на общественное и служебное первенство, у нихъ былъ и еще одинъ устой, поддерживавшій княжатъ наверху общественнаго порядка. Это—ихъ землевладѣніе. Родословная московская знать была и земельною знатью. Всѣ вообще старые бояре и служилые князья московской Руси владѣли наслѣдственными земельными имуществами; нововыѣзжимъ князьямъ и слугамъ, если они пріѣзжали въ Москву на службу безъ земель, жаловались земли. Малоземельнымъ давали помѣстья, которыя нерѣдко, за службу, обращались въ вотчины. Можно считать безспорнымъ, что въ сферѣ частнаго свѣтскаго землевладѣнія московскаго боярство первенствовало и, замѣтимъ,—не только количественно, но и качественно. Въ XVI вѣкѣ еще существовали, какъ наслѣдіе болѣе ранней поры, исключительныя льготы знатныхъ землевладѣльцевъ. Представляя собою соединеніе нѣкоторыхъ правительственныхъ правъ со вотчинными, эти льготы сообщались простымъ боярамъ пожалованіемъ отъ государя. Но у княжатъ-землевладѣльцевъ льготы и преимущества вытекали не изъ пожалованія, а представляли остатокъ удѣльной старины. Приходя на службу московскимъ государямъ съ своими вотчинами, въ которыхъ они пользовались державными правами, удѣльные князья и ихъ потомство обыкновенно не теряли этихъ вотчинъ и на московской службѣ. Они только переставали быть самостоятельными политическими владѣтелями, но оставались господами своихъ земель и людей со всею полнотою прежней власти. По отношенію къ московскому государю они становились слугами, а по отношенію къ населенію своихъ вотчинъ были по-прежнему «государями». Зная это, Іосифъ Волоцкій и говорилъ о московскомъ великомъ князѣ, что онъ «всеа русскія земли государямъ государь», такой государь, «котораго судъ не посужается». Подобное сохраненіе старинныхъ владѣтельныхъ правъ за княжатами—фактъ безспорный и важный, но мало изученный. Нѣтъ сомнѣнія, что въ своихъ вотчинахъ княжата имѣли всѣ аттрибуты государствованія: у нихъ былъ свой дворъ, свое «воинство», которое они выводили на службу великаго князя московскаго; они были свободны отъ поземельныхъ налоговъ; юрисдикція ихъ была почти не ограничена; свои земли они «жаловали» монастырямъ въ вотчины и своимъ служилымъ людямъ въ

помѣстья. Пріобрѣтая къ старымъ вотчинамъ новыя, они и въ нихъ водворяли тѣ же порядки, хотя ихъ новыя земли не были ихъ родовыми и не могли сами по себѣ питать владѣльческихъ традицій. Когда, напримѣръ, князь Ѳ. М. Мстиславскій получилъ отъ великаго князя Василія Ивановича выморочную волость Юхоть, то немедленно же сталъ жаловать въ ней земли церквамъ и служилымъ людямъ. Такъ, въ 1538 году, онъ «пожаловалъ своего сына боярскаго» въ помѣстье нѣсколькими деревнями, далъ деревню священнику «въ домъ Леонтія чудотворца» «въ препитаніе и въ вѣчное одержаніе» и т. д. Естественно было, вслѣдъ за князьями, и простымъ боярамъ водворять на своихъ земляхъ тѣ же вотчинные порядки и «пожалованіемъ великаго государя» усваивать себѣ такія же льготы и преимущества. Уже въ самомъ исходѣ XVI вѣка (1598 г.) Ив. Гр. Нагой, напримѣръ, «пожаловалъ далъ человѣку своему Богдану Сидорову за его къ себѣ службу и за терпѣнье старинную свою вотчину въ Бѣльскомъ уѣздѣ, въ Селеховѣ слободѣ, сельцо Оноореево съ деревнями и съ починки», и прибавлялъ, что до той его вотчинки его женѣ и дѣтямъ, роду и племени «дѣла нѣтъ никому ни въ чемъ никоторыми дѣлы». Но въ то же время онъ ни въ жалованной грамотѣ на вотчинку, ни въ своей духовной не объявлялъ, что отпускаетъ своего стараго слугу на свободу; напротивъ, онъ обязывалъ его дальнѣйшею службою женѣ и сыновьямъ своимъ, говоря: «а послѣ моей смерти ему, Богдану, за то мое жалованье, жену мою и дѣтей не покинуть и ихъ устроить,... и дѣтей моихъ... грамотѣ научить и беречь и покоить всѣмъ, пока Богъ ихъ на ноги подниметъ». Тотъ же Богданъ долженъ былъ и «погрести» своего господина въ Троицкомъ монастырѣ и душу его поминать; «а будетъ онъ, Богданъ, свое обѣщаніе и мое къ себѣ жалованье позабудетъ», заключалъ Нагой, «и его, Богдана, со мною Богъ судитъ на страшномъ судѣ». Семья Романовыхъ, Ѳедоръ Никитичъ съ братьями, также имѣла у себя холопа-землевладѣльца Втораго Никитина сына Бартенева. Въ 1589 году Второй Бартеневъ, будучи «человѣкомъ» Ѳедора Никитича, искалъ деревни на властяхъ Троице-Сергіева монастыря, «отчины своей, отца своего по купчей»; а на одиннадцать лѣтъ позже, служа въ казначеяхъ у Александра Никитича, этотъ же самый «рабъ» довелъ царю Борису на «государей» своихъ Романовыхъ. Что землевладѣльцы-холопи, «помѣщики своихъ государей», были явленіемъ гласнымъ и законнымъ въ XVI вѣкѣ, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что въ 1565 году самъ царь велѣлъ своему сыну боярскому Казарину Трегубову, бывшему въ приставахъ у литовскаго гонца, «сказыватися княжъ Ивановымъ человѣкомъ Дмитреевича Бѣльскаго» и говорить гонцу, что онъ, Казаринъ, никакихъ служебныхъ

вѣстей не знаетъ по той причинѣ, что «онъ у своего государя князя Ивана въ его жалованьѣ былъ, въ помѣстьѣ».

Такимъ образомъ создался въ Московскомъ государствѣ особый типъ привилегированнаго землевладѣнія—«боярское» землевладѣніе. Самыми рѣзкими чертами оно было отграничено отъ другихъ менѣе льготныхъ видовъ владѣнія. Тяглый землевладѣлецъ сѣвера, служилый помѣщикъ центра, запада и юга, мелкій вотчинникъ на своей куплѣ или выслуженной вотчинѣ—весь этотъ мелкій московскій людъ, отбывавшій всю мѣру государева тягла и службы съ своей земли, стоялъ неизмѣримо ниже землевладѣльца-боярина, вѣдавшаго свои земли судомъ и данью, окруженнаго дворнею «изъ дѣтей боярскихъ» или, что то же, «боярскихъ холопей», для которыхъ онъ былъ «государемъ», гордаго своимъ удѣльнымъ «отечествомъ», близкаго ко двору великаго государя и живущаго въ государевой думѣ. Общественное разстояніе было громадно, настолько громадно, что прямо обращало эту землевладѣльческую княжеско-боярскую среду въ особый правящій классъ, который вмѣстѣ съ государемъ стоялъ высоко надо всѣмъ московскимъ обществомъ, руководя его судьбами [23].

Это были «государи» Русской земли, судъ которыхъ «посужался» только «великимъ государемъ»; это были «удѣльніи великіе русскіе князи», которые окружали «московскаго великаго князя» въ качествѣ его сотрудниковъ-соправителей. Съ перваго взгляда кажется, что этотъ правящій классъ поставленъ въ политическомъ отношеніи очень хорошо. Первенство въ администраціи и въ правительствѣ обезпечено ему его происхожденіемъ, «отечествомъ»; вліяніе на общество могло находить твердую опору въ его землевладѣніи. На самомъ же дѣлѣ въ XVI вѣкѣ княжата-бояре очень недовольны своимъ положеніемъ въ государствѣ. Прежде всего, московскіе государи, признавая безусловно взаимныя отношенія бояръ такъ, какъ ихъ опредѣлялъ родословецъ, сами себя, однако, ничѣмъ не желали стѣснять въ отношеніи своихъ бояръ, ни родословцемъ, ни преданіями удѣльнаго времени. Видя въ самихъ себѣ самодержавныхъ государей всея Руси, а въ княжатахъ своихъ «лукавыхъ и прегордыхъ рабовъ», московскіе государи не считали нужнымъ стѣсняться ихъ мнѣніями и руководиться ихъ совѣтами. Великій князь Василій Ивановичъ обзывалъ бояръ «смердами», а Грозный говорилъ имъ, что «подъ повелительми и приставники намъ быти не пригоже»;... «како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?» спрашивалъ онъ себя о себѣ же самомъ. Очень извѣстны эти столкновенія московскихъ государей съ боярами-княжатами, и намъ нѣтъ нужды повторять разсказовъ о нихъ. Напомнимъ только, что высокое мнѣніе государей московскихъ о существѣ ихъ власти поддерживалось не только ихъ собственнымъ со-

знаніемъ, но и ученіемъ тогдашняго духовенства. Въ первой половинѣ XVI вѣка для княжатъ-бояръ уже совершенно стало ясно, что ихъ политическое значеніе отрицается не одними монархами, но и тою церковной интеллигенціей, которая господствовала въ литературѣ своего времени. Затѣмъ, одновременно съ политическимъ авторитетомъ боярства стало колебаться и боярское землевладѣніе, во-первыхъ, подъ тяжестью ратныхъ службъ и повинностей, которыя на него ложились съ особенною силою во время войнъ Грознаго, а во-вторыхъ, отъ недостатка рабочихъ рукъ, вслѣдствіе того, что рабочее населеніе стало съ середины XVI вѣка уходить со старыхъ мѣстъ на новыя земли. Продавая и закладывая часть земель капиталистамъ того времени, монастырямъ, бояре одновременно должны были принимать мѣры противъ того, чтобы не запустошить остальныхъ своихъ земель и не выпустить съ нихъ крестьянъ за тѣ же монастыри. Такимъ образомъ, сверху, отъ государей, боярство не встрѣчало полнаго признанія того, что считало своимъ неотъемлемымъ правомъ; снизу, отъ своихъ «работныхъ», оно видѣло подрывъ своему хозяйственному благосостоянію; въ духовенствѣ же оно находило въ одно и то же время и политическаго недоброхота, который стоялъ на сторонѣ государева «самодержавства», и хозяйственнаго соперника, который отовсюду перетягивалъ въ свои руки и земли, и земледѣльцевъ. Таковы вкратцѣ обстоятельства, вызывавшія среди бояръ-князей XVI вѣка тревогу и раздраженіе.

Бояре-князья не таили своего недовольства. Они высказывали его и литературнымъ путемъ и практически. Противъ духовенства вооружались они съ особеннымъ пыломъ и свободою, нападая одинаково и на политическія тенденціи и на землевладѣльческую практику монашества извѣстнаго «осифлянскаго» направленія. Боярскими взглядами и чувствами проникнуто нѣсколько замѣчательныхъ публицистическихъ памятниковъ XVI столѣтія, обличающихъ политическую угодливость и сребролюбіе «осифлянъ» или «жидовлянъ», какъ ихъ иногда обзывали въ глаза. Разрѣшеніе вопроса объ ограниченіи права монастырей пріобрѣтать вотчины было подготовлено въ значительной мѣрѣ литературною полемикою, въ которой монастырское землевладѣніе получило полную и безпощадную нравственную и практическую оцѣнку. Крестьянскій вопросъ XVI вѣка также занималъ видное мѣсто въ этой литературѣ, хотя по сложности своей и не получилъ въ ней достаточнаго освѣщенія и разработки. За то надъ политическимъ вопросомъ, объ отношеніи государственной власти къ правительственному классу, писатели боярскаго направленія задумывались сравнительно мало. Этому политическому вопросу суждено было прежде другихъ выплыть на поверхность практической жизни и вызвать въ государствѣ чрезвычайно важ-

ныя явленія, роковыя для политическихъ судебъ боярско-княжескаго класса.

Отношенія князей-бояръ къ государямъ опредѣлялись въ Москвѣ не отвлеченными теоретическими разсужденіями, а чисто житейскимъ путемъ. И полнота государевой власти, и аристократическій составъ боярства были фактами, которые сложились исподволь, исторически и отрицать которые было невозможно Князья-бояре до средины XVI вѣка совершенно признавали «самодержавство» государево, а государь вполнѣ раздѣлялъ ихъ понятія о родовой чести. Но бояре иногда держали себя не такъ, какъ хотѣлось ихъ монарху, а монархъ дѣйствовалъ не всегда такъ, какъ пріятно было боярамъ. Возникали временныя и частныя недоразумѣнія, исходъ которыхъ однако не измѣнялъ установившагося порядка. Боярство роптало и пробовало «отъѣзжать»; государи «опалялись», наказывали за ропотъ и отъѣздъ; но ни та, ни другая сторона не думала о коренной реформѣ отношеній. Первая мысль объ этомъ, какъ кажется, возникла только при Грозномъ. Тогда образовался боярскій кружокъ, извѣстный подъ названіемъ «избранной рады», и покусился на власть подъ руководствомъ попа Сильвестра и Алексѣя Адашева. Самъ Грозный въ посланіи къ Курбскому ясно намекаетъ на то, чего хотѣли достигнуть эти люди. Они, по его выраженію, начали совѣщаться о мірскихъ, то-есть государственныхъ, дѣлахъ тайно отъ него, а съ него стали «снимать власть», «приводя въ противословіе» ему бояръ. Они раздавали саны и вотчины самовольно и противозаконно, возвращая князьямъ тѣ ихъ вотчины, «грады и села», которыя были у нихъ взяты на государя «уложеніемъ» великаго князя Ивана III. Въ то же время они разрѣшали отчужденіе боярско-княжескихъ земель, свободное обращеніе которыхъ запрещалось неоднократно при Иванѣ Васильевичѣ, Василіѣ Ивановичѣ и, наконецъ, въ 1551 году: «которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даятися», — писалъ Грозный о боярахъ Курбскому, — «и тѣ вотчины вѣтру подобно роздалъ» Сильвестръ. Этою мѣрою попъ «примирилъ къ себѣ многихъ людей», то-есть привлекъ къ себѣ новыхъ сторонниковъ, которыми и наполнилъ всю администрацію: «ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша», говоритъ Грозный. Наконецъ, бояре отобрали у государя право жаловать боярство: «отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша», — писалъ Грозный, — «еже вамъ бояромъ нашимъ по нашему жалованью честію председанія почтеннымъ быти». Они усвоили это право себѣ. Сильвестръ такимъ способомъ образовалъ свою партію, съ которою и думалъ править, «ничтоже отъ насъ пытая», по словамъ царя. Обративъ вниманіе на это мѣсто въ посланіи Іоанна къ Курбскому, В. И. Сергѣевичъ находитъ полное ему подтвержденіе и въ «Исторіи» Курбскаго. Онъ

даже думаетъ, что Сильвестръ съ «угодниками» провелъ и въ Судебникъ ограниченіе царской власти. Осторожнѣе на этомъ не настаивать, но возможно и необходимо признать, что для самого Грознаго боярская политика представилась самымъ рѣшительнымъ покушеніемъ на его власть. И онъ далъ столь же рѣшительный отпоръ этому покушенію. Въ его умѣ вопросъ о боярской политикѣ вызвалъ усиленную работу мысли. Не одну личную или династическую опасность сулило ему боярско-княжеское своеволіе и противословіе: онъ понималъ и ясно выражалъ, что послѣдствія своеволія могутъ быть шире и сложнѣе. «Аще убо царю не повинуются подовластные», писалъ онъ, «никогда же отъ междоусобныхъ браней престанутъ». Вступивъ въ борьбу съ «измѣнниками», онъ думалъ, что наставляетъ ихъ «на истину и на свѣтъ», чтобы они престали отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія, «имиже царствія растлѣваются». Онъ ядовито смѣется надъ Курбскимъ за то, что тотъ хвалится бранною храбростью, а не подумаетъ, что эта добродѣтель имѣетъ смыслъ и цѣну только при внутренней государственной крѣпости, «аще строенія въ царствѣ благая будутъ». Для Грознаго не можетъ быть доблести въ такомъ человѣкѣ, какъ Курбскій, который былъ «въ дому измѣнникъ» и не имѣлъ разсужденія о важности государственнаго порядка. Такимъ образомъ, не только собственный интересъ, но и заботы о царствѣ руководили Грознымъ. Онъ отстаивалъ не право на личный произволъ, а принципъ единовластія, какъ основаніе государственной силы и порядка. Сначала онъ, кажется, боролся мягкими мѣрами: «казнію конечною ни единому коснухомся», говоритъ онъ самъ. Разорвавъ съ своими назойливыми совѣтниками, онъ велѣлъ всѣмъ прочимъ «отъ нихъ отлучитися и къ нимъ не пристояти» и взялъ въ томъ со всѣхъ крестное цѣлованіе. Когда же, несмотря на крестное цѣлованіе, связи у бояръ съ опальными не порвались, тогда Грозный началъ гоненія; гоненія вызвали отъѣзды бояръ, а отъѣзды, въ свою очередь, вызвали новыя репрессіи. Такъ мало-по-малу обострялось политическое положеніе, пока, наконецъ, Грозный не рѣшился на государственный переворотъ, называемый опричниною [24].

На исторіи опричнины намъ придется остановиться подолѣе.

III.

Надъ вопросомъ, о томъ, что такое опричнина царя Іоанна Васильевича, много трудились ученые. Одинъ изъ нихъ справедливо и не безъ юмора замѣтилъ, что «учрежденіе это всегда казалось очень страннымъ какъ тѣмъ, кто страдалъ отъ него, такъ и тѣмъ, кто его изслѣдовалъ». Въ самомъ дѣлѣ, подлинныхъ документовъ по дѣлу учрежденія опричнины не сохранилось; офиціальная лѣто-

пись повѣствуетъ объ этомъ кратко и не раскрываетъ смысла учрежденія; русскіе же люди XVI вѣка, говорившіе объ опричнинѣ, не объясняютъ ея хорошо и какъ будто не умѣютъ ее описать. И дьяку Ивану Тимоѳееву, и знатному князю И. М. Катыреву-Ростовскому дѣло представляется такъ: въ ярости на своихъ подданныхъ Грозный раздѣлилъ государство на двѣ части; одну онъ далъ «царю» Симеону, другую взялъ себѣ и заповѣдалъ своей части «оную часть людей насиловати и смерти предавати». Къ этому Тимоѳеевъ прибавляетъ, что вмѣсто «добромыслимыхъ вельможъ», избитыхъ и изгнанныхъ, Іоаннъ приблизилъ къ себѣ иностранцевъ и подпалъ подъ ихъ вліяніе до такой степени, что «вся внутренняя его въ руку варваръ быша». Но мы знаемъ, что правленіе Симеона было кратковременнымъ и поздвѣйшимъ эпизодомъ въ исторіи опричнины, что иностранцы, хотя и вѣдались въ опричнинѣ, однако не имѣли въ ней никакого значенія, и что показная цѣль учрежденія заключалась вовсе не въ томъ, чтобы насиловать и избивать подданныхъ государя, а въ томъ, чтобы «дворъ ему (государю) себѣ и на весь свой обиходъ учинити особной». Такимъ образомъ, у насъ нѣтъ ничего надежнаго для сужденія о дѣлѣ, кромѣ краткой записи лѣтописца о началѣ опричнины да отдѣльныхъ упоминаній о ней въ документахъ, прямо къ ея учрежденію не относящихся. Остается широкое поле для догадокъ и домысловъ.

Конечно, легче всего объявить «нелѣпымъ» раздѣленіе государства на опричнину и земщину и объяснить его причудами робкаго тирана; такъ нѣкоторые и дѣлаютъ. Но не всѣхъ удовлетворяетъ столь простой взглядъ на дѣло. С. М. Соловьевъ объяснялъ опричнину, какъ попытку Грознаго формально отдѣлиться отъ ненадежнаго въ его глазахъ боярскаго правительственнаго класса: устроенный съ такою цѣлью новый дворъ царя на дѣлѣ выродился въ орудіе террора, исказился въ сыскное учрежденіе по дѣламъ боярской и всякой иной измѣны. Такимъ именно сыскнымъ учрежденіемъ, «высшею полиціей по дѣламъ государственной измѣны» представляетъ намъ опричнину В. О. Ключевскій. И другіе историки видятъ въ ней орудіе борьбы съ боярствомъ, и притомъ странное и неудачное. Только К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. А. Бѣловъ и С. М. Середонинъ склонны придавать опричнинѣ большой политическій смыслъ: они думаютъ, что опричнина направлялась противъ потомства удѣльныхъ князей и имѣла цѣлью сломить ихъ традиціонныя права и преимущества. Однако такой, по нашему мнѣнію близкій къ истинѣ, взглядъ не раскрытъ съ желаемою полнотою, и это заставляетъ насъ остановиться на опричнинѣ для того, чтобы показать, какими своими послѣдствіями и почему опричнина повліяла на развитіе Смуты въ московскомъ обществѣ [25].

До нашего времени не сохранился подлинный указъ объ учреж

деніи опричнины; но мы знаемъ о его существованіи изъ описи царскаго архива XVI вѣка и думаемъ, что въ Александроневской лѣтописи находится не вполнѣ удачное и вразумительное его сокращеніе. По лѣтописи мы получаемъ лишь приблизительное понятіе о томъ, что представляла собою опричнина въ своемъ началѣ. Это не былъ только «наборъ особаго корпуса тѣлохранителей, въ родѣ турецкихъ янычаръ», какъ выразился одинъ изъ позднѣйшихъ писателей, а было нѣчто болѣе сложное. Учреждался особый государевъ дворъ, отдѣльно отъ стараго московскаго двора. Въ немъ долженъ былъ быть особый дворецкій, особые казначеи и дьяки, особые бояре и окольничіе, придворные и служилые люди, наконецъ, особая дворня на всякаго рода «дворцахъ»: сытномъ, кормовомъ, хлѣбенномъ и т. д. Для содержанія всего этого люда взяты были города и волости изъ разныхъ мѣстъ Московскаго государства. Они образовали территорію опричнины черезполосно съ землями, оставленными въ старомъ порядкѣ управленія и получившими имя «земщины». Первоначальный объемъ этой территоріи, опредѣленный въ 1565 году, былъ въ послѣдующіе годы увеличенъ настолько, что охватилъ добрую половину государства. Сначала въ опричнину были взяты нѣкоторые Заоцкіе города: Козельскъ, Перемышль (два жеребья, остальное до времени оставалось, кажется, за княземъ М. И. Воротынскимъ), Бѣлевъ, Лихвинъ, Медынь, Опаковъ на Угрѣ, и сосѣдніе съ ними городки Ярославецъ Малый и Вышегородъ на рѣкѣ Протвѣ, также волости и большія села въ тѣхъ же мѣстахъ: Товарково на Угрѣ, Суходровь на рѣкѣ того же имени, и др. Это былъ, можно сказать, сплошной округъ. Такими же сплошными округами можно считать Галичъ, взятый въ опричнину со всѣми пригородами, и Суздаль съ Шуею, съ Юрьевцомъ Поволжскимъ и съ Балахною. Когда, немного спустя, взята была въ опричнину Кострома съ уѣздомъ, то она соединила галицкія и суздальскія мѣста въ одно громадное пространство «опришнинныхъ» земель. Далѣе, въ 1565 же году попали въ опричнину лучшія мѣста Поморья: Вологда, Тотьма, Устюгъ, Двина, Вага, Каргополь; взяты были города Можайскъ и Вязьма и нѣкоторыя мѣста въ Новгородскомъ краю: Старая Руса, Ладожскій порогъ на Волховѣ и рѣка Ошта, впадающая съ юга въ Онежское озеро у истоковъ Свири. Наконецъ, къ новому дворцу были отдѣлены дворцовыя села и волости кругомъ Москвы и въ другихъ мѣстахъ: Гвоздна, Пахра, Хотунь, Аргуново на Киржачѣ, «Числяки и Ординскія деревни», Бѣлгородъ въ Кашинѣ, Гусь на рѣкѣ Гусѣ и т. д. Если бы всѣ эти города и земли лежали въ одной межѣ, они составили бы цѣлое государство. Но ихъ все-таки оказалось мало. Устраивая опричнину, царь обѣщалъ, если ему «доходу не достанетъ на его государскій обиходъ, — и иные городы и волости имати»; и онъ сдержалъ обѣщаніе. Въ 1566

году присоединена была къ опричнинѣ волость Чаронда, также Соль Вычегодская, а съ нею и земли Строгановыхъ. Въ 1567 году взята была Кострома «всѣмъ городомъ». Въ 1569 году вошелъ въ опричнину Симоновъ монастырь «со всею вотчиною». Въ 1571 году, послѣ новгородскаго погрома, Грозный прислалъ въ Новгородъ «опришныхъ» дьяковъ, «да Торговую сторону взялъ въ опришную, двѣ пятины, Обонѣскую да Бѣжицкую пятину, царь государь пожаловалъ». Всѣми этими прибавленіями, насколько можно судить, дѣло не ограничивалось; у насъ есть полное основаніе думать, что къ новому «двору» Грознаго приписаны были Ярославль и Переяславль Залѣсскій, взятые изъ земщины въ 70-хъ годахъ, также Ростовъ, Пошехонье и Дмитровъ (Дмитровъ, вѣроятно, послѣ казни князя Владиміра Андреевича, владѣвшаго имъ): три послѣдніе города опредѣленно названы «дворовыми» въ 1577 году. Такимъ образомъ территорія опричнины наростала постепенно и, можно сказать, удвоилась; окончательные ея размѣры приблизительно опредѣляются прилагаемымъ на слѣдующей страницѣ чертежомъ [26].

Для какихъ же надобностей давали этой территоріи такіе большіе размѣры? Нѣкоторый отвѣтъ на это предлагаетъ сама лѣтопись въ разсказѣ о началѣ опричнины.

Во-первыхъ, царь заводилъ новое хозяйство въ опричномъ дворцѣ и бралъ къ нему, по обычаю, дворцовыя села и волости. Для самаго дворца первоначально выбрано было мѣсто въ Кремлѣ, снесены дворцовыя службы и взяты на государя погорѣвшія въ 1565 году усадьбы митрополита и князя Владиміра Андреевича. Но почему-то Грозный сталъ жить не въ Кремлѣ, а на Вздвиженкѣ, въ новомъ дворѣ, куда перешелъ въ 1567 году. Къ новому опричному дворцу приписаны были въ самой Москвѣ нѣкоторыя улицы и слободы, а сверхъ того дворцовыя волости и села подъ Москвою и вдали отъ нея. Мы не знаемъ, чѣмъ былъ обусловленъ выборъ въ опричнину тѣхъ, а не иныхъ мѣстностей изъ общаго запаса собственно дворцовыхъ земель; мы не можемъ представить даже приблизительнаго перечня волостей, взятыхъ въ новый опричный дворецъ, но думаемъ, что такой перечень, если бы и былъ возможенъ, не имѣлъ бы особой важности. Во дворецъ, какъ объ этомъ можно догадываться, брали земли собственно дворцовыя въ мѣру хозяйственной надобности, для устройства различныхъ службъ и для жилищъ придворнаго штата, находящагося при исполненіи дворцовыхъ обязанностей.

Но такъ какъ этотъ придворный и вообще служилый штатъ требовалъ обезпеченія и земельнаго испомѣщенія, то, во-вторыхъ, кромѣ собственно дворцовыхъ земель, опричнинѣ были нужны земли вотчинныя и помѣстныя. Грозный въ данномъ случаѣ повторилъ то, что было сдѣлано имъ же самимъ за 15 лѣтъ передъ тѣмъ. Въ

1550 году онъ разомъ испомѣстилъ кругомъ Москвы «помѣщиковъ дѣтей боярскихъ лучшихъ слугъ тысячу человѣкъ». Теперь онъ также выбираетъ себѣ «князей и дворянъ и дѣтей боярскихъ, дворовыхъ и городовыхъ, тысячу головъ»; но испомѣщаетъ ихъ не

кругомъ Москвы, а въ другихъ по преимуществу Замосковныхъ уѣздахъ: Галицкомъ, Костромскомъ, Суздальскомъ, также въ Заоцкихъ городахъ, а съ 1571 года, вѣроятно, и въ Новгородскихъ пятинахъ. Въ этихъ мѣстахъ, по словамъ лѣтописи, онъ производитъ мѣну земель: «вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ

опричнинѣ, велѣлъ изъ тѣхъ городовъ вывести и подавати земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городѣхъ». Надобно замѣтить, что нѣкоторыя грамоты безусловно подтверждаютъ это лѣтописное показаніе: вотчинники и помѣщики дѣйствительно лишались своихъ земель въ опричныхъ уѣздахъ, и притомъ сразу всѣмъ уѣздомъ или, по ихъ словамъ, «съ городомъ вмѣстѣ, а не въ опалѣ,—какъ государь взялъ городъ въ опришнину». За взятыя земли служилые люди вознаграждались другими, гдѣ государь пожалуетъ, или гдѣ сами пріищутъ. Такимъ образомъ всякій уѣздъ, взятый въ опричнину съ служилыми землями, былъ осужденъ на коренную ломку. Землевладѣніе въ немъ подвергалось пересмотру и земли мѣняли владѣльцевъ, если только владѣльцы сами не становились опричниками. Можно, кажется, не сомнѣваться въ томъ, что такой пересмотръ вызванъ былъ соображеніями политическаго порядка. Въ центральныхъ областяхъ государства для опричнины были отдѣлены какъ разъ тѣ мѣстности, гдѣ еще существовало на старыхъ удѣльныхъ территоріяхъ землевладѣніе княжатъ, потомковъ владѣтельныхъ князей. Опричнина дѣйствовала среди родовыхъ вотчинъ князей Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ и Ростовскихъ (отъ Ростова до Чаронды), князей Стародубскихъ и Суздальскихъ (отъ Суздаля до Юрьева и Балахны), князей Черниговскихъ и иныхъ юго-западныхъ на верхней Окѣ. Эти вотчины постепенно входили въ опричнину: если сравнимъ перечни княжескихъ вотчинъ въ извѣстныхъ указахъ о нихъ царскомъ 1562 года и «земскомъ» 1572 года, то увидимъ, что въ 1572 году въ вѣдѣніи «земскаго» правительства остались только вотчины Ярославскія и Ростовскія, Оболенскія и Мосальскія, Тверскія и Рязанскія; всѣ же остальныя, названныя въ «старомъ государевѣ уложеніи» 1562 года, уже отошли въ опричнину. А послѣ 1572 года и вотчины Ярославскія и Ростовскія, какъ мы уже указывали, взяты были въ государевъ «дворъ». Такимъ образомъ мало-по-малу почти сполна собрались въ опричномъ управленіи старыя удѣльныя земли, исконные владѣльцы которыхъ возбуждали гнѣвъ и подозрѣніе Грознаго. На этихъ-то владѣльцевъ и долженъ былъ пасть всею тяжестью затѣянный Грознымъ пересмотръ землевладѣнія. Однихъ Грозный сорвалъ съ старыхъ мѣстъ и развѣялъ по новымъ далекимъ и чуждымъ мѣстамъ, другихъ ввелъ въ новую опричную службу и поставилъ подъ строгій непосредственный свой надзоръ. Въ завѣщаніи Грознаго находимъ многочисленныя указанія на то, что государь бралъ «за себя» земли служилыхъ князей; но всѣ эти и имъ подобныя указанія, къ сожалѣнію, слишкомъ мимолетны и кратки, чтобы дать намъ точную и полную картину потрясеній, пережитыхъ въ опричнинѣ княжескимъ землевладѣніемъ. Сравнительно лучше мы можемъ судить о положеніи дѣлъ въ Заоцкихъ городахъ по верхней Окѣ. Тамъ были на исконныхъ

своихъ владѣніяхъ потомки удѣльныхъ князья Одоевскіе, Воротынскіе, Трубецкіе и другіе; «еще тѣ княжата были на своихъ удѣлѣхъ и велія отчины подъ собою имѣли», говоритъ о нихъ извѣстная фраза Курбскаго. Когда въ это гнѣздо княжатъ вторгся съ опричниною Грозный, онъ нѣкоторыхъ изъ княжатъ взялъ въ опричную «тысячу головъ»: въ числѣ «воеводъ изъ опришнины» дѣйствовали, напримѣръ, князья Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой и Никита Ивановичъ Одоевскій. Другихъ онъ исподволь сводилъ на новыя мѣста; такъ князю Михаилу Ивановичу Воротынскому уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ учрежденія опричнины данъ былъ Стародубъ Ряполовскій вмѣсто его старой вотчины (Одоева и другихъ городовъ); другіе князья съ верхней Оки получаютъ земли въ уѣздахъ Московскомъ, Коломенскомъ, Дмитровскомъ, Звенигородскомъ и другихъ. Результаты такихъ мѣропріятій были многообразны и важны. Если мы будемъ помнить, что въ опричное управленіе были введены, за немногими и незначительными исключеніями, всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ ранѣе существовали старыя удѣльныя княжества, то поймемъ, что опричнина подвергла систематической ломкѣ вотчинное землевладѣніе служилыхъ княжатъ вообще, на всемъ его пространствѣ. Зная истинные размѣры опричнины, мы увѣримся въ полной справедливости словъ Флетчера (въ IX главѣ) о княжатахъ, что Грозный, учредивъ опричнину, захватилъ ихъ наслѣдственныя земли, за исключеніемъ весьма незначительной доли, и далъ княжатамъ другія земли въ видѣ помѣстій, которыми они владѣютъ, пока угодно царю, въ областяхъ столь отдаленныхъ, что тамъ они не имѣютъ ни любви народной, ни вліянія, ибо они не тамъ родились и не были тамъ извѣстны. Теперь, прибавляетъ Флетчеръ, высшая знать, называемая удѣльными князьями, сравнена съ остальными; только лишь въ сознаніи и чувствѣ народномъ сохраняетъ она нѣкоторое значеніе и до сихъ поръ пользуется внѣшнимъ почетомъ въ торжественныхъ собраніяхъ *). По нашему мнѣнію, это очень точное опредѣленіе одного изъ послѣдствій опричнины. Другое послѣдствіе, вытекавшее изъ тѣхъ же мѣропріятій, было не менѣе важно. На тер-

*) Having thus pulled them, and seased all their inheritaunce, landes, priviledges etc., save some verie small part which he left to their name, hee gave them other landes of the tenour of p o m e s t n o y (as they call it), that are helde at the emperours pleasure, lying farre of in an other countrey; and so removed them into other of his provinces, where they might have neyther favour nor authoritie, not being native nor well knowen there. So that now these of the chiefe nobilitie (called u d e l n e y k n a z e y) are equalled with the rest: save that in the opinion and favour of the people they are of more account, and keepe stil the prerogative of their place in al their publike meetings (Giles Fletcher, Chap. IX, 3—въ изданіи E. A. B o n d «Russia at the close of the XVI century». London. 1856, p. 34). Знаменательно, что Флетчеръ говоритъ объ опричнинѣ въ томъ отдѣлѣ IX-й главы, который посвященъ именно у д ѣ л ь н ы м ъ к н я з ь я м ъ; удѣльныхъ князей этихъ онъ отличаетъ отъ «второй степени знати» (the 2 degree of nobility), собственно б о я р ъ.

риторіи старыхъ удѣльныхъ владѣній еще жили старинные порядки и рядомъ съ властью московскаго государя еще дѣйствовали старые авторитеты. «Служилые» люди въ XVI вѣкѣ здѣсь служили съ своихъ земель не одному «великому государю», но и частнымъ «государямъ». Въ серединѣ столѣтія въ Тверскомъ уѣздѣ, напримѣръ, изъ 272 вотчинъ не менѣе чѣмъ съ 53-хъ владѣльцы служили не государю, а князю Владиміру Андреевичу Старицкому, князьямъ Оболенскимъ, Микулинскимъ, Мстиславскому, Ростовскому, Голицыну, Курлятеву, даже простымъ боярамъ; съ нѣкоторыхъ же вотчинъ и вовсе не было службы. Понятно, что этотъ порядокъ не могъ удержаться при перемѣнахъ въ землевладѣніи, какія внесла опричнина. Частные авторитеты поникли подъ грозою опричнины и были удалены; ихъ служилые люди становились въ непосредственную зависимость отъ великаго государя, а общій пересмотръ землевладѣнія привлекалъ ихъ всѣхъ на опричную государеву службу или же выводилъ ихъ за предѣлы опричнины. Съ опричниною должны были исчезнуть «воинства» въ нѣсколько тысячъ слугъ, съ которыми княжата раньше приходили на государеву службу, какъ должны были искорениться и всѣ прочіе слѣды старыхъ удѣльныхъ обычаевъ и вольностей въ области служебныхъ отношеній. Такъ, захватывая въ опричнину старинныя удѣльныя территоріи для испомѣщенія своихъ новыхъ слугъ, Грозный производилъ въ нихъ коренныя перемѣны, замѣняя остатки удѣльныхъ переживаній новыми порядками, такими, которые равняли всѣхъ предъ лицомъ государя въ его «особномъ обиходѣ», гдѣ уже не могло быть удѣльныхъ воспоминаній и аристократическихъ традицій. Любопытно, что этотъ пересмотръ порядковъ и людей продолжался много лѣтъ спустя послѣ начала опричнины. Очень изобразительно описываетъ его самъ Грозный въ своей извѣстной челобитной 30-го октября 1575 года на имя великаго князя Симеона Бекбулатовича: «чтобъ еси, государь, милость показалъ, ослободилъ людишокъ перебрать, бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишокъ: иныхъ бы еси ослободилъ отослать, а иныхъ бы еси пожаловалъ ослободилъ принять;... а ослободилъ бы еси пожаловалъ изо всякихъ людей выбирать и пріимать, и которые намъ не надобны, и намъ бы тѣхъ пожаловалъ еси, государь, ослободилъ прочь отсылати;... и которые похотятъ къ намъ, и ты бъ, государь, милость показалъ ослободилъ ихъ быти у насъ безопально и отъ насъ ихъ имати не велѣлъ; а которые отъ насъ поѣдутъ и учнутъ тебѣ, государю, бити челомъ, и ты бъ... тѣхъ нашихъ людишокъ, которые учнутъ отъ насъ отходити, пожаловалъ не принималъ». Подъ притворнымъ самоуничиженіемъ царя «Иванца Васильева» въ его обращеніи къ только что поставленному «великому князю» Симеону скрывается одинъ изъ обычныхъ для того времени

указовъ о пересмотрѣ служилыхъ людей при введеніи опричнаго порядка [27].

Въ-третьихъ, кромѣ дворцовыхъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ земель, многія волости, по словамъ лѣтописи, «государь поималъ кормленымъ окупомъ, съ которыхъ волостей имати всякіе доходы на его государьской обиходъ, жаловати бояръ и дворянъ и всякихъ его государевыхъ дворовыхъ людей, которые будутъ у него въ опришнинѣ». Это — вѣрное, но не полное указаніе лѣтописи на доходъ съ опричныхъ земель. Кормленый окупъ—спеціальный сборъ, своего рода выкупной платежъ волостей за право самоуправленія, установленный съ 1555—1556 года. Мы знаемъ, что имъ не ограничивались доходы опричнины. Въ опричнину поступали, съ одной стороны, прямыя подати вообще, а съ другой, и разнаго рода косвенные налоги. Когда былъ взятъ въ опричнину Симоновъ монастырь, ему было велѣно платить въ опричнину «всякія подати» («и ямскія и приметныя деньги и за городовое и за засѣчное и за ямчужное дѣло»—обычная формула того времени). Когда въ опричнину была взята Торговая сторона Великаго Новгорода, то опричные дьяки стали на ней вѣдать всѣ таможенные сборы, опредѣленные особою таможенною грамотою 1571 года. Такимъ образомъ, нѣкоторые города и волости были введены въ опричнину по соображеніямъ финансовымъ: назначеніемъ ихъ было доставлять опричнинѣ отдѣльные отъ «земскихъ» доходы. Разумѣется, вся территорія опричнины платила искони существовавшіе на Руси «дани и оброки», особенно же волости промышленнаго Поморья, гдѣ не было помѣщиковъ; но главнѣйшій интересъ и значеніе для опричной царской казны представляли крупные городскіе посады, такъ какъ съ ихъ населенія и рынковъ поступали многообразные и богатѣйшіе сборы. Интересно посмотрѣть, какъ были подобраны для опричнины эти торгово-промышленные центры. Къ нѣкоторымъ, кажется, безспорнымъ и не лишеннымъ значенія выводамъ можетъ привести въ данномъ случаѣ простое знакомство съ картою Московскаго государства. Нанеся на карту важнѣйшіе пути отъ Москвы къ рубежамъ государства и отмѣтивъ на картѣ мѣста, взятыя въ опричнину, убѣдимся, что въ опричнину попали всѣ главные пути съ большею частью городовъ, на нихъ стоящихъ. Можно даже, не рискуя впасть въ преувеличеніе, сказать, что опричнина распоряжалась на всемъ пространствѣ этихъ путей, исключая развѣ самыхъ порубежныхъ мѣстъ. Начнемъ съ сѣвера. Главный путь на сѣверъ, къ Бѣлому морю, шедшій черезъ знаменитую Александрову слободу, съ самаго начала опричнины попалъ въ ея составъ. На узловой пунктъ этого пути, Вологду, Грозный обратилъ свое особое вниманіе, жилъ въ ней и построилъ тамъ каменный кремль. Обѣ вѣтви этого пути отъ Вологды на сѣверъ, Онега и С. Двина, также были

въ опричнинѣ: на Сухонѣ и Двинѣ опричными были города: Тотьма, Устюгъ, Сольвычегодскъ, Холмогоры и новый Архангельскій городъ; сюда же тянула и Важская земля. На Онегѣ опричнымъ былъ Каргополь и волость Чаронда, лежавшая на волокахъ отъ Онеги къ Бѣлоозеру и Вологдѣ. Недаромъ англичане, имѣвшіе дѣла съ сѣверными областями, просили о томъ, чтобы и ихъ вѣдали въ опричнинѣ; недаромъ и Строгановы потянулись туда же: торгово-промышленный капиталъ, конечно, нуждался въ поддержкѣ той администраціи, которая вѣдала край, и, какъ видно, не боялся тѣхъ ужасовъ, съ которыми у насъ связывается представленіе объ опричнинѣ. Опричнинѣ, далѣе, принадлежали всѣ пути, ведшіе отъ Москвы на Балтійское море и лежавшіе въ предѣлахъ «опричныхъ» Бѣжецкой и Обонежской пятинъ. Это были, во-первыхъ, извѣстные пути на Новгородъ, связанные со Мстою, а во-вторыхъ, путь на Тихвинъ черезъ Дмитровъ, о которомъ въ XVII вѣкѣ говорили, что то «дорога изъ-за рубежа старинная, прямая: отъ Орѣшка... рѣками пріѣзжаютъ на Тихвину, а съ Тихвины ѣздятъ къ Москвѣ и по городомъ на Устюжну, въ Кашинъ, въ Дмитровъ». Даже тотъ путь къ Новгороду, который шелъ по Деревской пятинѣ и черезъ Старую Русу, былъ въ распоряженіи опричнины, такъ какъ ей принадлежалъ крупнѣйшій и важнѣйшій городъ на этомъ пути—Старая Руса. Владѣя Русою, Новгородомъ (именно Торговою его стороною) и Ладожскимъ порогомъ, опричнина могла распоряжаться всѣмъ торговымъ движеніемъ на западъ, на берега Балтійскаго моря, и обратно, не захватывая въ свои руки порубежныхъ мѣстъ: Невскаго устья, Нарвы съ Иваньгородомъ, Пскова, Великихъ Лукъ. Затѣмъ, опричнина владѣла и главнымъ путемъ за литовскій рубежъ къ Смоленску, такъ какъ ей принадлежали на немъ Можайскъ и Вязьма; но и здѣсь она не брала въ свои руки порубежнаго Смоленска. Другой путь въ Литву черезъ опричные Заоцкіе города, Болховъ, Карачевъ и Сѣверу, въ такой же мѣрѣ былъ подъ ея вліяніемъ, — и опять-таки пограничныя Сѣверскія мѣста не были взяты въ опричнину. Совершенно то же видимъ и на восточныхъ путяхъ: въ опричнинѣ находится среднее теченіе Волги отъ Ярославля до Балахны и мѣста по Стромынской дорогѣ (Суздаль, Шуя); но окраинные Низовые города, даже Нижній-Новгородъ, остаются въ «земщинѣ». Итакъ, изъ всѣхъ дорогъ, связывавшихъ Москву съ рубежами, развѣ только дороги на югъ, на Тулу и Рязань, оставлены опричниною безъ вниманія, думаемъ потому, что ихъ таможенная и всякая иная доходность была не велика, а все ихъ протяженіе было въ безпокойныхъ мѣстахъ южной украйны.

Изложенныя нами наблюденія надъ составомъ земель, взятыхъ въ опричнину, можно теперь свести къ одному заключенію. Территорія опричнины, слагавшаяся постепенно, въ 70-хъ годахъ XVI

вѣка составлена была изъ городовъ и волостей, лежавшихъ въ центральныхъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ государства—въ Поморьѣ, Замосковныхъ и Заоцкихъ городахъ, въ пятинахъ Обонежской и Бѣжецкой. Опираясь на сѣверѣ на «великое море-окіанъ», опричныя земли клиномъ врѣзывались въ «земщину», раздѣляя ее надвое. На востокѣ за земщиною оставались Пермскіе и Вятскіе города, Понизовье и Рязань; на западъ — города порубежные: «отъ нѣмецкой украйны» (Псковскіе и Новгородскіе), «отъ литовской украйны» (Великія Луки, Смоленскъ и др.) и города Сѣверскіе. На югѣ эти двѣ полосы «земщины» связывались Украинными городами да «дикимъ полемъ». Московскимъ сѣверомъ, Поморьемъ и двумя Новгородскими пятинами опричнина владѣла безраздѣльно; въ центральныхъ же областяхъ ея земли перемѣшивались съ земскими въ такой черезполосицѣ, которую нельзя не только объяснить, но и просто изобразить. За земщиною оставались здѣсь изъ большихъ городовъ, кажется, только Тверь, Владиміръ, Калуга. Города Ярославль и Переяславль Залѣсскій, какъ кажется, были взяты изъ «земщины» только въ серединѣ 70-хъ годовъ. Во всякомъ случаѣ огромное большинство городовъ и волостей въ московскомъ центрѣ отошло отъ земщины и мы имѣемъ право сказать, что земщинѣ, въ концѣ концовъ, оставлены были окраины государства. Получилось нѣчто обратное тому, что мы видимъ въ императорскихъ и сенатскихъ провинціяхъ древняго Рима: тамъ императорская власть беретъ въ непосредственное вѣдѣніе военныя окраины и кольцомъ легіоновъ сковываетъ старый центръ; здѣсь царская власть, наоборотъ, отдѣляетъ себѣ въ опричнину внутреннія области, оставляя старому управленію военныя окраины государства.

Вотъ къ какимъ результатамъ привело насъ изученіе территоріальнаго состава опричнины. Учрежденный въ 1565 году новый дворъ московскаго государя въ десять лѣтъ охватилъ всѣ внутреннія области государства, произвелъ существенныя перемѣны въ служиломъ землевладѣніи этихъ областей, завладѣлъ путями внѣшнихъ сообщеній и почти всѣми важнѣйшими рынками страны и количественно сравнялся съ земщиною, если только не переросъ ее. Въ 70-хъ годахъ XVI вѣка это далеко не «отрядъ царскихъ тѣлохранителей» и даже не «опричнина» въ смыслѣ удѣльнаго двора. Новый дворъ Грознаго царя до такой степени разросся и осложнился, что пересталъ быть опричниною не только по существу, но и по официальному наименованію: около 1572 года слово «опричнина» въ разрядахъ исчезаетъ и замѣняется словомъ «дворъ». Думаемъ, что это не случайность, а достаточно ясный признакъ того, что въ сознаніи творцовъ опричнины она измѣнила свой первоначальный видъ [28].

Рядъ наблюденій, изложенныхъ выше, ставитъ насъ на такую

точку зрѣнія, съ которой существующія объясненія опричнины представляются не вполнѣ соотвѣтствующими исторической дѣйствительности. Мы видимъ, что, вопреки обычному мнѣнію, опричнина вовсе не стояла «внѣ» государства. Въ учрежденіи опричнины вовсе не было «удаленія главы государства отъ государства», какъ выражался С. М. Соловьевъ; напротивъ, опричнина забирала въ свои руки все государство въ его коренной части, оставивъ «земскому» управленію рубежи, и даже стремилась къ государственнымъ преобразованіямъ, ибо вносила существенныя перемѣны въ составъ служилаго землевладѣнія. Уничтожая его аристократическій строй, опричнина была направлена въ сущности противъ тѣхъ сторонъ государственнаго порядка, которыя терпѣли и поддерживали такой строй. Она дѣйствовала не «противъ лицъ», какъ говоритъ В. О. Ключевскій, а именно противъ порядка, и потому была гораздо болѣе орудіемъ государственной реформы, чѣмъ простымъ полицейскимъ средствомъ пресѣченія и предупрежденія государственныхъ преступленій. Говоря такъ, мы совсѣмъ не отрицаемъ тѣхъ отвратительно-жестокихъ гоненій, которымъ подвергалъ въ опричнинѣ Грозный царь своихъ воображаемыхъ и дѣйствительныхъ враговъ. И Курбскій, и иностранцы говорятъ о нихъ много и вѣроподобно. Но намъ кажется, что сцены звѣрства и разврата, всѣхъ ужасавшія и вмѣстѣ съ тѣмъ занимавшія, были какъ бы грязною пѣною, которая кипѣла на поверхности опричной жизни, закрывая будничную работу, происходившую въ ея глубинахъ. Непонятное ожесточеніе Грознаго, грубый произволъ его «кромѣшниковъ» гораздо болѣе затрогивали интересъ современниковъ, чѣмъ обыденная дѣятельность опричнины, направленная на то, чтобы «людишекъ перебрать, бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишекъ». Современники замѣтили только результаты этой дѣятельности — разгромъ княжескаго землевладѣнія: Курбскій страстно упрекалъ за него Грознаго, говоря, что царь губилъ княжатъ ради вотчинъ, стяжаній и скарбовъ; Флетчеръ спокойно указывалъ на униженіе «удѣльныхъ князей» послѣ того, какъ Грозный захватилъ ихъ вотчины. Но ни тотъ, ни другой изъ нихъ, да и вообще никто не оставилъ намъ полной картины того, какъ царь Иванъ Васильевичъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ, помимо «земскихъ» бояръ, распоряженіе доходнѣйшими мѣстами государства и его торговыми путями и, располагая своею опричною казною и опричными слугами, постепенно «перебиралъ» служилыхъ людишекъ, отрывалъ ихъ отъ той почвы, которая питала ихъ неудобныя политическія воспоминанія и притязанія, и сажалъ на новыя мѣста, или же вовсе губилъ ихъ въ припадкахъ своей подозрительной ярости.

Можетъ быть, это неумѣніе современниковъ разсмотрѣть за вспышками царскаго гнѣва и за самоуправствомъ его опричной

дружины опредѣленный планъ и систему въ дѣйствіяхъ опричнины было причиною того, что смыслъ опричнины сталъ скрытъ и отъ глазъ потомства. Но есть этому и другая причина. Какъ первый періодъ реформъ царя Іоанна оставилъ по себѣ мало слѣдовъ въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ московскихъ приказовъ, такъ и опричнина съ ея реформою служилаго землевладѣнія почти не отразилась въ актахъ и приказныхъ дѣлахъ XVI вѣка. Переводя области въ опричнину, Грозный не выдумывалъ для управленія ими ни новыхъ формъ, ни новаго типа учрежденій; онъ только поручалъ ихъ управленіе особымъ лицамъ — «изъ двора», и эти лица изъ двора дѣйствовали рядомъ и вмѣстѣ съ лицами «изъ земскаго». Вотъ почему иногда одно только имя дьяка, скрѣпившаго ту или другую грамоту, показываетъ намъ, гдѣ дана грамота, въ опричнинѣ или въ земщинѣ; или же только по мѣстности, къ которой относится тотъ или другой актъ, можемъ мы судить, съ чѣмъ имѣемъ дѣло, съ опричнымъ ли распоряженіемъ, или съ земскимъ. Далеко не всегда въ самомъ актѣ указывается точно, какой органъ управленія въ данномъ случаѣ надо разумѣть, земскій или дворовый; просто говорится: «Большой Дворецъ», «Большой Приходъ», «Разрядъ» и лишь иногда прибавляется пояснительное слово, въ родѣ: «изъ земскаго Дворца», «дворовый Разрядъ», «въ дворовый Большой Приходъ». Равно и должности не всегда упоминались съ означеніемъ, къ какому порядку, опричному или земскому, онѣ относились: иногда говорилось, напримѣръ: «съ государемъ бояре изъ опришнины», дворецкій Большого земскаго Дворца», «дворовые воеводы», «дьякъ Розряду двороваго» и т. д.; иногда же лица, завѣдомо принадлежащія къ опричнинѣ и къ «двору», именуются въ документахъ безъ всякаго на то указанія. Поэтому нѣтъ пока возможности дать опредѣленное изображеніе административнаго устройства опричнины. Весьма соблазнительна мысль, что отдѣльныхъ отъ «земщины» административныхъ учрежденій опричнина и вовсе не имѣла. Былъ, кажется, только одинъ Разрядъ, одинъ Большой Приходъ, но въ этихъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ разнымъ дьякамъ поручались дѣла и мѣстности земскія и дворовыя порознь, и не одинаковъ былъ порядокъ доклада и рѣшенія тѣхъ и другихъ дѣлъ. Такъ, въ Разрядѣ въ 1574—1576 гг. земскими дьяками были Щелкаловы, а дворовыми—Андрей Шерефединовъ и Андрей Арцыбышевъ. Первые вели свои обычные доклады черезъ думу (почему и стали именоваться «думными»), вторые же черезъ «дворъ» (почему и назывались «дворовыми»). Это, разумѣется, наши гаданія, но они находятъ себѣ нѣкоторую опору въ словахъ лѣтописи, что, учреждая опричнину, Грозный «конюшему и дворецкому и казначеемъ и дьякомъ и всѣмъ приказнымъ людемъ велѣлъ быти по своимъ приказомъ и управу

чинити по старинѣ, а о большихъ дѣлѣхъ приходити къ бояромъ». Очевидно, что старый административный механизмъ не былъ разрушенъ опричниною. Въ немъ все осталось на своихъ мѣстахъ и все по-старому обращалось «о большихъ дѣлѣхъ» къ боярской думѣ—къ боярамъ, которымъ государь «велѣлъ быти въ земскихъ: князю Ив. Дм. Бѣльскому, князю Ив. Ѳед. Мстиславскому и всѣмъ бояромъ». Дума сама рѣшала всѣ обычныя «большія» дѣла, о дѣлахъ же экстренной важности должна была докладывать государю: «а ратныя каковы будутъ вѣсти или земскія великія дѣла, и бояромъ о тѣхъ дѣлѣхъ приходити къ государю, и государь, приговоря съ бояры, тѣмъ дѣломъ управу велитъ чинити». Такъ лѣтопись опредѣляетъ порядокъ вершенія дѣлъ въ земщинѣ, порядокъ старый, привычный и понятный. Все, что перешло въ опричнину, было изъято изъ этого порядка въ томъ смыслѣ, что было выведено изъ подчиненія «земскимъ» боярамъ, то-есть боярской думѣ. Дѣла «опришныя» восходили къ государю мимо думы; но, кажется, шли они изъ тѣхъ же приказовъ. По лѣтописи, въ опричнинѣ не было устроено особыхъ, параллельныхъ земскимъ, приказовъ, а только были «учинены» особо «всякіе приказные люди». По актамъ также нельзя прослѣдить существованія отдѣльныхъ «приказныхъ избъ» въ опричнинѣ, такихъ, гдѣ бы дѣйствовалъ особый штатъ дьяковъ: напротивъ, по мѣстническому дѣлу В. Зюзина съ Ѳ. Нагимъ (1576 г.) видно, что канцелярія и архивъ Разряда и Четей не были раздѣлены между земщиною и новымъ «дворомъ». Но и акты, согласно съ лѣтописью, свидѣтельствуютъ, что были особые «опричные» и «дворовые» приказные люди. Отсюда у насъ и возникаетъ предположеніе, что при единствѣ присутственныхъ мѣстъ существовалъ двоякій служебный штатъ. Одна его часть вѣдала дѣла, подчиненныя боярской думѣ въ земщинѣ; другая вѣдала дѣла «дворовыя», изъятыя изъ вѣдомства думы. Изслѣдователямъ еще предстоитъ рѣшить вопросъ, какъ размежевывались дѣла и люди въ такомъ близкомъ и странномъ сосѣдствѣ. Намъ теперь представляется неизбѣжною и непримиримою вражда между земскими и опричными людьми, потому что мы вѣримъ, будто бы Грозный заповѣдалъ опричникамъ насиловать и убивать земскихъ людей. А между тѣмъ не видно, чтобы правительство XVI вѣка считало дворовыхъ и земскихъ людей врагами; напротивъ, оно предписывало имъ совмѣстныя и согласныя дѣйствія. Такъ, въ 1570 году, въ маѣ, «приказалъ государь о (литовскихъ) рубежахъ говорити всѣмъ бояромъ, земскимъ и изъ опришнины;... и бояре обои, земскіи и изъ опришнины, о тѣхъ рубежѣхъ говорили»—и пришли къ одному общему рѣшенью. Чрезъ мѣсяцъ такое же общее рѣшеніе «обои» бояре постановили по поводу необычнаго «слова» въ титулѣ литовскаго государя и «за то слово велѣли стояти крѣпко». Въ

томъ же 1570-мъ и въ 1571 годахъ на «берегу» и украйнѣ противъ татаръ были земскіе и «опришнинскіе» отряды, и имъ было велѣно дѣйствовать вмѣстѣ, «гдѣ случится сойтись» земскимъ воеводамъ съ опришнинскими воеводами. Въ 1570 году въ Новгородъ вмѣстѣ пріѣхали посланные подъ Колывань воеводы: земскій Иванъ-Хиронъ Петровичъ Яковлевъ и опричный Вас. Ив. Умной-Колычевъ: вмѣстѣ же отправились они и изъ Новгорода, а во время пребыванія въ Новгородѣ опричный воевода съ своего двора «всегда ѣздилъ изутра ко Ивану Петровичу», земскому воеводѣ, на его дворъ. Въ 1577 году «послалъ государь дворянъ изъ земского въ розные городы высылати на государеву службу дѣтей боярскихъ»; эти «дворяне изъ земского» отправлены были, между прочимъ, въ Обонежскую и Бѣжецкую пятины и въ города Суздаль, Галичъ и Кострому, которые съ уѣздами были взяты въ опричнину, а стало быть, и населены не «земскими» боярскими дѣтьми [29]. Всѣ подобные факты наводятъ на мысль, что отношенія между двумя частями своего царства Грозный строилъ не на принципѣ взаимной вражды, и если отъ опричнины, по словамъ Ив. Тимоѳеева, произошелъ «земли всей великъ расколъ», то причины этого лежали не въ намѣреніяхъ Грознаго, а въ способахъ ихъ осуществленія. Одинъ только эпизодъ съ вокняженіемъ въ земщинѣ Симеона Бекбулатовича могъ бы противорѣчить этому, если бы ему можно было придавать серьезное значеніе и если бы онъ ясно указывалъ на намѣреніе отдѣлить «земщину» въ особое «великое княженіе». Но, кажется, это была кратковременная и совсѣмъ невыдержанная проба раздѣленія власти Симеону довелось сидѣть въ званіи великаго князя на Москвѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ. При этомъ, такъ какъ онъ не носилъ царскаго титула, то не могъ быть и вѣнчанъ на царство; его просто, по словамъ одной разрядной книги, государь «посадилъ на великое княженіе на Москвѣ», можетъ быть, и съ нѣкоторымъ обрядомъ, но, конечно, не съ чиномъ царскаго вѣнчанія. Симеону принадлежала одна тѣнь власти, потому что въ его княженіе рядомъ съ его грамотами писались и грамоты отъ настоящаго «царя и великаго князя всея Руси», а на грамоты «великаго князя Симеона Бекбулатовича всея Руси» дьяки даже не отписывались, предпочитая отвѣчать одному «государю князю Ивану Васильевичу Московскому». Словомъ, это была какая-то игра или причуда, смыслъ которой неясенъ, а политическое значеніе ничтожно. Иностранцамъ Симеона не показывали и о немъ говорили сбивчиво и уклончиво: если бы ему дана была дѣйствительная власть, врядъ ли возможно было бы скрыть этого новаго повелителя «земщины» [30].

Итакъ, опричнина была первою попыткою разрѣшить одно изъ противорѣчій московскаго государственнаго строя. Она сокрушила

землевладѣніе знати въ томъ его видѣ, какъ оно существовало изъ старины. Посредствомъ принудительной и систематически произведенной мѣны земель она уничтожила старыя связи удѣльныхъ княжатъ съ ихъ родовыми вотчинами вездѣ, гдѣ считала это необходимымъ, и раскидала подозрительныхъ въ глазахъ Грознаго княжатъ по разнымъ мѣстамъ государства, преимущественно по его окраинамъ, гдѣ они превратились въ рядовыхъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Если вспомнимъ, что рядомъ съ этимъ земельнымъ перемѣщеніемъ шли опалы, ссылки и казни, обращенныя прежде всего на тѣхъ же княжатъ, то увѣримся, что въ опричнинѣ Грознаго произошелъ полный разгромъ удѣльной аристократіи. Правда, она не была истреблена «всеродно», поголовно; врядъ ли это и входило въ политику Грознаго, какъ склонны думать нѣкоторые ученые. Но составъ ея значительно порѣдѣлъ, и спаслись отъ погибели только тѣ, которые умѣли показаться Грозному политически безвредными, какъ Мстиславскій съ его зятемъ «великимъ княземъ» Симеономъ Бекбулатовичемъ, или же умѣли, какъ нѣкоторые князья — Скопины, Шуйскіе, Пронскіе, Сицкіе, Трубецкіе, Темкины — заслужить честь быть принятыми на службу въ опричнину. Политическое значеніе класса было безповоротно уничтожено, и въ этомъ заключался успѣхъ политики Грознаго. Тотчасъ послѣ его смерти сбылось то, чего при немъ такъ боялись бояре-княжата: ими стали владѣть Захарьины да Годуновы. Къ этимъ простымъ боярскимъ семьямъ перешло первенство во дворцѣ отъ круга людей высшей породы, разбитаго опричниною.

Но это было лишь одно изъ послѣдствій опричнины Другое заключалось въ необыкновенно энергичной мобилизаціи землевладѣнія, руководимой правительствомъ. Опричнина массами передвигала служилыхъ людей съ однѣхъ земель на другія; земли мѣняли хозяевъ не только въ томъ смыслѣ, что вмѣсто одного помѣщика приходилъ другой, но и въ томъ, что дворцовая или монастырская земля обращалась въ помѣстную раздачу, а вотчина князя или помѣстье сына боярскаго отписывалось на государя. Происходилъ какъ бы общій пересмотръ и общая перетасовка владѣльческихъ правъ. Результаты этой операціи имѣли безспорную важность для правительства, хотя были неудобны и тяжелы для населенія. Ликвидируя въ опричнинѣ старыя поземельныя отношенія, завѣщанныя удѣльнымъ временемъ, правительство Грознаго взамѣнъ ихъ вездѣ водворяло однообразные порядки, крѣпко связывавшіе право землевладѣнія съ обязательною службою. Этого требовали и политическіе виды самого Грознаго и интересы, болѣе общіе, государственной обороны. Стараясь о томъ, чтобы размѣстить на земляхъ, взятыхъ въ опричнину, «опришнинскихъ» служилыхъ людей, Грозный сводилъ съ этихъ земель ихъ старыхъ

служилыхъ владѣльцевъ, не попавшихъ въ опричнину; но въ то же время онъ долженъ былъ подумать и о томъ, чтобы не оставить безъ земель и этихъ послѣднихъ. Они устраивались въ «земщинѣ» и размѣщались въ такихъ мѣстностяхъ, которыя нуждались въ военномъ населеніи Политическія соображенія Грознаго прогоняли ихъ съ ихъ старыхъ мѣстъ, стратегическія надобности опредѣляли мѣста ихъ новаго поселенія. Нагляднѣйшій примѣръ того, что испомѣщеніе служилыхъ людей зависѣло одновременно и отъ введенія опричнины и отъ обстоятельствъ военнаго характера, находится въ такъ называемыхъ Полоцкихъ писцовыхъ книгахъ 1571 года. Онѣ заключаютъ въ себѣ данныя о дѣтяхъ боярскихъ, которые были выведены на литовскій рубежъ изъ Обонежской и Бѣжецкой пятинъ тотчасъ послѣ взятія этихъ двухъ пятинъ въ опричнину. Въ пограничныхъ мѣстахъ, въ Себежѣ, Нещердѣ, Озерищахъ и Усвятѣ, новгородскимъ служилымъ людямъ были розданы земли каждому сполна въ его окладъ 500—400 четей. Такимъ образомъ, не принятые въ число опричниковъ, эти люди совсѣмъ потеряли земли въ Новгородскихъ пятинахъ и получили новую осѣдлость на той пограничной полосѣ, которую надо было укрѣпить для литовской войны. У насъ мало столь выразительныхъ образчиковъ того вліянія, какое оказывала опричнина на оборотъ земель въ служиломъ центрѣ и на военныхъ окраинахъ государства. Но нельзя сомнѣваться, что это вліяніе было очень велико. Оно усилило земельную мобилизацію и сдѣлало ее тревожною и безпорядочною. Массовая конфискація и секуляризація вотчинъ въ опричнинѣ, массовое передвиженіе служилыхъ землевладѣльцевъ, обращеніе въ частное владѣніе дворцовыхъ и черныхъ земель—все это имѣло характеръ бурнаго переворота въ области земельныхъ отношеній и неизбѣжно должно было вызывать очень опредѣленное чувство неудовольствія и страха въ населеніи. Страхъ государевой опалы и казни смѣшивался съ боязнью выселенія изъ родного гнѣзда на пограничную пустошь безъ всякой вины, «съ городомъ вмѣстѣ, а не въ опалѣ». Отъ невольныхъ, внезапныхъ передвиженій страдали не только землевладѣльцы, которые обязаны были мѣнять свою вотчинную или помѣстную осѣдлость и бросать одно хозяйство, чтобы начинать другое въ чуждой обстановкѣ, въ новыхъ условіяхъ, съ новымъ рабочимъ населеніемъ. Въ одинаковой степени страдало отъ перемѣны хозяевъ и это рабочее населеніе, страдало особенно тогда, когда ему вмѣстѣ съ дворцовою или черною землею, на которой оно сидѣло, приходилось попадать въ частную зависимость. Отношенія между владѣльцами земель и ихъ крестьянскимъ населеніемъ были въ ту пору уже достаточно запутаны; опричнина должна была еще болѣе ихъ осложнить и замутить [31].

Но вопросъ о поземельныхъ отношеніяхъ XVI вѣка переводитъ насъ уже въ иную область московскихъ общественныхъ затрудненій. Къ раскрытію ихъ теперь и обратимся.

IV.

Рядомъ съ политическимъ противорѣчіемъ московской жизни, получившимъ первое свое разрѣшеніе въ опричнинѣ, выше мы отмѣтили и другое—соціальное. Мы опредѣлили его какъ систематическое подчиненіе интересовъ рабочей массы интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, жившихъ насчетъ этой массы. Къ такому подчиненію московское правительство было вынуждаемо неотложными потребностями государственной обороны. Оно дѣйствовало очень рѣшительно въ данномъ направленіи потому, что не вполнѣ отчетливо представляло себѣ послѣдствія своей политики. Борьба съ сосѣдями на украйнахъ нѣмецкой, литовской и татарской въ XV—XVI вѣкахъ заставляла во что бы то ни стало увеличивать боевыя силы государства. На границахъ протягивались линіи новыхъ и возобновляемыхъ крѣпостей (у насъ уже шла о нихъ рѣчь). Въ этихъ крѣпостяхъ водворялись гарнизоны, въ составъ которыхъ поступали люди изъ низшихъ слоевъ населенія, мѣнявшіе посадскій или крестьянскій дворъ на дворъ въ стрѣлецкой, пушкарской или иной «приборной» слободѣ. Этотъ вновь поверстанный въ государеву службу мелкій людъ въ большинствѣ своемъ извлекался изъ уѣздовъ, которые тѣмъ самымъ теряли часть своего трудоспособнаго населенія. На смѣну ушедшимъ въ уѣздахъ водворялись иного рода «жильцы»; они не входили въ составъ тяглыхъ міровъ уѣзда и не принадлежали къ трудовой массѣ земледѣльческо-промышленнаго населенія, а становились выше этой массы, въ качествѣ ея господъ. То были служилые помѣщики и вотчинники, которымъ щедро раздавались черныя и дворцовыя земли съ тяглымъ ихъ населеніемъ. Въ теченіе всего XVI вѣка можно наблюдать распространеніе этихъ формъ служилаго землевладѣнія, помѣстья и мелкой вотчины, на всемъ югѣ и западѣ Московскаго государства, въ Замосковьѣ, въ городахъ отъ украйнъ западныхъ и южныхъ, въ Понизовьѣ. Нуждаясь въ людяхъ, годныхъ къ боевой службѣ, сверхъ стариннаго класса своихъ слугъ, вольныхъ и невольныхъ, знатныхъ и незнатныхъ, правительство подбираетъ необходимыхъ ему людей, сажая на помѣстья, отовсюду, изо всѣхъ слоевъ московскаго общества, въ какихъ только существовали отвѣчающіе военнымъ нуждамъ элементы. Въ новгородскихъ и псковскихъ мѣстахъ оно пользуется тѣмъ, напримѣръ, классомъ мелкихъ землевладѣльцевъ, который существовалъ еще при вѣчевомъ укладѣ, — такъ называемыми «земцами» или «своеземцами». Оно отбираетъ часть ихъ въ

служилый классъ, заставляя этихъ «дѣтей боярскихъ земцевъ» служить съ ихъ маленькихъ вотчинъ и давая къ этимъ вотчинамъ помѣстья. Остальная же часть «земцевъ» уходитъ въ тяглые слои населенія. Въ другихъ случаяхъ, если у правительства не хватало своихъ слугъ, оно брало ихъ въ частныхъ домахъ. Извѣстенъ случай, когда государевъ писецъ Д. В. Китаевъ «помѣстилъ» на государеву службу нѣсколько десятковъ семей боярскихъ холоповъ. Верстали въ службу и татаръ «новокрещеновъ», даже татаръ, остававшихся въ исламѣ; этихъ послѣднихъ устраивали на службѣ особыми отрядами и на земляхъ особыми гнѣздами: такъ, за татарами всегда бывали земли въ Касимовѣ и Елатьмѣ на Окѣ, бывалъ и городокъ Романовъ на Волгѣ. Наконецъ, правительство пользовалось услугами и той темной по происхожденію казачьей силы, которая, какъ мы видѣли, выросла въ XVI вѣкѣ на дикомъ полѣ и южныхъ рѣкахъ. Не справляясь о казачьемъ прошломъ, казаковъ или нанимали для временной службы, какъ это было, напримѣръ, въ 1572 году, или же верстали на постоянную службу, возводя въ чинъ «дѣтей боярскихъ», какъ, напримѣръ, въ Епифани въ 1585 году. Словомъ, служилый классъ складывался изъ лицъ самыхъ разнообразныхъ состояній и потому росъ съ чрезвычайной быстротой. Только въ самомъ исходѣ XVI вѣка, когда въ центральныхъ областяхъ численность служилыхъ чиновъ достигла желаемой степени, появилась мысль, что въ государеву службу слѣдуетъ принимать съ разборомъ, не допуская въ число дѣтей боярскихъ «поповыхъ и мужичьихъ дѣтей и холопей боярскихъ и слугъ монастырскихъ». Но столь разборчивы стали только въ коренныхъ областяхъ государства, а на южной окраинѣ, гдѣ по-прежнему была нужда въ сильныхъ и храбрыхъ людяхъ, благоразумно воздерживались отъ разспроса и сыска «про отечество» тѣхъ, кого верстали помѣстьемъ [32].

Итакъ, численность служилаго класса въ XVI вѣкѣ росла съ чрезвычайною скоростью, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и площадь, охваченная служилымъ землевладѣніемъ, которымъ тогда обезпечивалась исправность службъ. Мы не разъ отмѣчали, при изученіи центральныхъ, южныхъ и западныхъ городовъ Московскаго государства, тѣ послѣдствія, какими сопровождалось для коренного городского населенія водвореніе въ города и посады служилаго люда. Военныя слободы и осадные дворы губительно дѣйствовали на посадскіе міры. Служилый людъ отнималъ у горожанъ ихъ усадьбы и огороды, ихъ рынокъ и промыслы. Онъ выживалъ посадскихъ людей изъ ихъ посада, и посадъ пустѣлъ и падалъ. Изъ центра народно-хозяйственной жизни городъ превращался въ центръ административно-военный, а старое городское населеніе разбредалось или же, оставаясь на мѣстѣ, разными способами выходило изъ го-

сударева тягла. Нѣчто подобное происходило и съ водворенiемъ служилыхъ людей въ уѣздахъ.

Раздача земель служилымъ людямъ производилась обыкновенно съ такимъ соображенiемъ, чтобы помѣстить военную силу поближе къ тѣмъ рубежамъ, охрана которыхъ на нее возлагалась. Въ Поморьѣ не было удобно размѣщать помѣщиковъ, такъ какъ поморскiе уѣзды были далеки отъ всякаго возможнаго театра войны. Служилый людъ получалъ поэтому свои земли въ южной половинѣ государства, скучиваясь къ украйнамъ «польской» и западной. Чѣмъ ограниченнѣе былъ районъ обычнаго размѣщенiя служилыхъ землевладѣльцевъ, тѣмъ быстрѣе переходили въ этомъ районѣ въ частное обладанiе бояръ и дѣтей боярскихъ земли государственныя (черныя) и государевы (дворцовыя). Когда этотъ процессъ передачи правительственныхъ земель служилому классу былъ осложненъ пересмотромъ земель въ опричнинѣ и послѣдствiемъ этого пересмотра—массовымъ перемѣщенiемъ служилыхъ землевладѣльцевъ, то онъ получилъ еще болѣе быстрый ходъ и пришелъ къ нѣкоторой развязкѣ: земель, составлявшихъ помѣстный фондъ, во второй половинѣ XVI столѣтiя уже не хватало и помѣщать служилыхъ людей въ центральной и южной полосѣ государства стало трудно. Не считая прямого указанiя на недостатокъ земель, находящагося въ сочиненiи Флетчера *), о томъ же свидѣтельствуетъ хроническое несоотвѣтствiе помѣстнаго «оклада» служилыхъ людей съ ихъ «дачею»: дѣйствительная дача помѣщиковъ постоянно бывала меньше номинальнаго ихъ оклада, хотя за ними и сохранялось право «прiискать» самимъ то количество земли, какое «не дошло» въ ихъ окладъ. Въ помѣстную раздачу, по недостатку земель, обращались не только дворцовыя и черныя земли, но даже вотчинныя владѣнiя, свѣтскiя и церковныя, взятыя на государя именно съ цѣлью передать ихъ въ помѣстный оборотъ. То обстоятельство, что въ центральныхъ частяхъ государства въ то же самое время существовало большое количество заброшенныхъ, «порозжихъ» земель, не только не опровергаетъ факта недостачи помѣстной земли, но служитъ къ его лучшему освѣщенiю. Этихъ пустошей не брали «за пустомъ», ихъ нельзя было обратить въ раздачу, и потому-то приходилось пополнять помѣстный фондъ, взамѣнъ опустѣлыхъ дачъ, новыми участками изъ вотчинныхъ и мiрскихъ земель, не бывавшихъ до тѣхъ поръ за помѣщиками.

Такимъ образомъ, къ исходу XVI вѣка въ уѣздахъ южной половины Московскаго государства служилое землевладѣнiе достигло своего крайняго развитiя въ томъ смыслѣ, что захватило въ свой

---

*) «The roomes being full so farre as the lande doeth extend already». (Chap. XV, ed. Bond, p. 70).

оборотъ всѣ земли, не принадлежавшія монастырямъ и дворцу государеву. Тяглое населеніе южныхъ и западныхъ областей оказалось при этомъ сплошь на частновладѣльческихъ, служилыхъ и монастырскихъ земляхъ, за исключеніемъ небольшого, сравнительно, количества дворцовыхъ волостей. Тяглая община въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ на московскомъ сѣверѣ, могла уцѣлѣть лишь тамъ, гдѣ черная или дворцовая волость цѣликомъ попадала въ составъ частнаго земельнаго хозяйства. Такъ было, напримѣръ, съ Юхотскою волостью при пожалованіи ея кн. Ѳ. М. Мстиславскому, и во всѣхъ другихъ случаяхъ образованія крупныхъ, въ одной межѣ, боярскихъ и монастырскихъ хозяйствъ. Въ этихъ крупныхъ владѣніяхъ крестьянскій міръ не только могъ сохранить внутреннюю цѣлость мірского устройства и мірскихъ отношеній, какъ они сложились подъ давленіемъ податного оклада и круговой отвѣтственности, но онъ пріобрѣталъ, сверхъ тяглой и государственной, еще и вотчинно-хозяйственную организацію подъ вліяніемъ частновладѣльческихъ интересовъ вотчинника. Эта организація могла тяготить различными своими сторонами тяглаго человѣка, но она давала ему и выгоды: жить «за хребтомъ» сильнаго и богатаго владѣльца въ «тарханной» вотчинѣ было выгоднѣе, безопаснѣе и спокойнѣе; тянуть свои дани и оброки съ привычнымъ міромъ было легче. Когда же черная или дворцовая волость шла «въ раздачу» рядовымъ дѣтямъ боярскимъ мелкими участками, тогда ея тяглое населеніе терпѣло горькую участь. Межи мелкопомѣстныхъ владѣній дробили волость, прежде единую, на много частныхъ разобщенныхъ хозяйствъ, и старое тяглое устройство исчезало. Служилый владѣлецъ становился между крестьянами своего помѣстья и государственною властью. Получая право облагать и оброчить крестьянъ сборами и повинностями въ свою пользу, онъ въ то же время былъ обязанъ собирать съ нихъ государевы подати. По офиціальнымъ выраженіямъ XVI вѣка не крестьяне, а ихъ служилый владѣлецъ «тянулъ во всякія государевы подати» и получалъ «льготы во всякихъ государевыхъ податяхъ». Вотъ какъ, напримѣръ, выражалась писцовая книга 1572 года о четырехлѣтней льготѣ, данной помѣщику: «а въ тѣ ему урочныя лѣта, съ того его помѣстья крестьяномъ его, государевыхъ всякихъ податей не давати до тѣхъ урочныхъ лѣтъ, а какъ отсидитъ льготу, и ему съ того помѣстья потянути во всякія государевы подати». Пользуясь правомъ «называть» крестьянъ на пустые дворы, владѣлецъ обязывалъ ихъ договоромъ не съ «старожильцами» своего помѣстья или вотчины, а съ самимъ собою. Такимъ образомъ функціи выборныхъ властей тяглаго міра переходили на землевладѣльца и въ его рукахъ обращались въ одно изъ средствъ укрѣпленія крестьянъ [33].

Нѣтъ сомнѣнія, что описанное выше развитіе служилаго и во-

обще частнаго землевладѣнія было однимъ изъ рѣшительныхъ условій крестьянскаго прикрѣпленія. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ возникновенія привилегированныхъ земельныхъ хозяйствъ на правительственныхъ земляхъ былъ переходъ крестьянъ отъ податного самоуправленія и хозяйственной самостоятельности въ землевладѣльческую опеку и въ зависимость отъ господскаго хозяйства. Этотъ переходъ въ отдѣльныхъ случаяхъ могъ быть легкимъ и выгоднымъ, но вообще онъ равнялся потерѣ гражданской самостоятельности. Коренное населеніе тяглой черной волости—крестьяне-старожильцы, «застарѣвшіе» на своихъ тяглыхъ жеребьяхъ, съ которыхъ они не могли уходить, не получали права выхода и отъ землевладѣльца, когда попадали съ своею землею въ частное обладаніе. Прикрѣпленіе къ тяглу въ самостоятельной податной общинѣ замѣнялось для нихъ прикрѣпленіемъ къ владѣльцу, за которымъ они записывались при отводѣ ему земли. Эта «крѣпость» старожильцевъ, выражавшаяся въ потерѣ права передвиженія, была общепризнаннымъ положеніемъ въ XVI вѣкѣ: возникшая въ практикѣ правительственно-податной, она легко была усвоена и частновладѣльческой практикою. Охраняя свой интересъ, правительство разрѣшало частнымъ владѣльцамъ «называть» на свои земли не всѣхъ вообще крестьянъ, а лишь не сидѣвшихъ на тяглѣ—«отъ отцовъ дѣтей, и отъ братей братью, и отъ дядь племянниковъ, и отъ сусѣдъ захребетниковъ, а не съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ; а съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ на льготу крестьянъ не называти». И частные землевладѣльцы не отпускали отъ себя тѣхъ, кого получали вмѣстѣ съ землею, кто обжился и застарѣлъ въ ихъ владѣніи; такихъ «старожильцевъ» они считали уже крѣпкими себѣ и въ случаѣ ихъ ухода возвращали, ссылаясь на писцовую книгу или иной документъ, въ которомъ ушедшіе тяглецы были записаны за ними. За такой порядокъ стояли не только сами землевладѣльцы,—его держалось и правительство. Съ точки зрѣнія правительственной, онъ былъ и удобенъ и необходимъ. Крѣпкое владѣльцу рабочее населеніе служило надежнымъ основаніемъ и служебной исправности служилаго землевладѣльца, и податной исправности частновладѣльческихъ хозяйствъ [34].

Но для рабочаго населенія переходъ въ частную зависимость былъ такимъ житейскимъ осложненіемъ, съ которымъ оно не могло примириться легко. Въ данномъ же случаѣ дѣло обострялось еще тѣмъ, что передача правительственныхъ земель частнымъ лицамъ происходила не съ правильною постепенностью. Мы видѣли, что она была осложнена опричниною. Обращеніе земель подгонялось политическими обстоятельствами и принимало характеръ тревожный и безпорядочный. Пересмотръ «служилыхъ людишекъ» съ необыкновенною быстротою и въ большомъ количествѣ перебрасывалъ ихъ

съ земель на земли, разрушая старинныя хозяйства въ однихъ мѣстахъ и создавая новыя въ другихъ. Всѣ роды земель, отъ черныхъ до монастырскихъ, были втянуты въ этотъ пересмотръ и мѣняли владѣльцевъ,—то отбирались на государя, то снова шли въ частныя руки. Къ этому именно времени болѣе всего пріурочивается замѣчаніе В. О. Ключевскаго, что въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка «населенныя имѣнія переходили изъ рукъ въ руки чуть не съ быстротою цѣнныхъ бумагъ на нынѣшней биржѣ». Только эта «игра въ крестьянъ и въ землю» доведена была до такого напряженія не одними иноками богатыхъ монастырей, какъ говоритъ г. Ключевскій, но прежде всего самимъ правительствомъ Грознаго. Монастыри лишь пользовались, и притомъ умѣло пользовались, земельною катастрофою и удачно подбирали въ свою пользу обломки разбитаго Грознымъ вотчиннаго землевладѣнія царскихъ слугъ. Крестьяне, такимъ образомъ, переживали разомъ двѣ бѣды: съ одной стороны, государевы земли, которыми они владѣли, быстро и всею массою переходили въ служилыя руки ради нуждъ государственной обороны; съ другой стороны, этотъ переходъ земель, благодаря опричнинѣ, сталъ насильственно-безпорядочнымъ. На малопонятныя для крестьянства ограниченія его правъ и притѣсненія оно отвѣчало усиленнымъ выходомъ съ земель, взятыхъ изъ непосредственнаго крестьянскаго распоряженія. Въ то самое время, когда крестьянскій трудъ стали полагать въ основаніе имущественнаго обезпеченія вновь образованнаго служилаго класса, крестьянство попыталось возвратить своему труду свободу—черезъ переселеніе.

Вотъ въ чемъ мы видимъ главную причину усиленія во второй половинѣ XVI вѣка крестьянскаго выхода изъ мѣстностей, занятыхъ служилымъ землевладѣніемъ. Писцовыя книги и лѣтописи того времени объясняли сильное запустѣніе центральныхъ и южныхъ областей государства, главнымъ образомъ, татарскимъ набѣгомъ 1571 года, когда ханъ дошелъ до самой Москвы, а отчасти «моровымъ повѣтріемъ» и «хлѣбнымъ недородомъ». Но это были второстепенныя и позднѣйшія причины: главная причина заключалась въ потерѣ земли [35].

Развитію крестьянскаго выселенія способствовали многія условія московской политической жизни XVI вѣка. Благодаря этимъ условіямъ въ крестьянской массѣ рождалась самая мысль о выселеніи, ими же облегчалось и передвиженіе земледѣльцевъ на новыя земли. Первое изъ этихъ условій надо искать въ громадныхъ земельныхъ пріобрѣтеніяхъ Москвы. Въ половинѣ XVI вѣка торжество надъ татарами на востокѣ и югѣ передало въ полную власть Москвы среднюю и нижнюю Волгу и мѣста на югъ отъ Оки. Въ новыхъ областяхъ отъ верховьевъ Оки до Камскаго устья залегалъ

почти сплошной, съ небольшими островами песка и суглинка, тучный пластъ чернозема. Этотъ черноземъ давно манилъ къ себѣ великоросса-земледѣльца. Задолго до Казанскаго взятья и до занятія крѣпостями верховій Оки и Дона, еще въ XV вѣкѣ, возникали здѣсь русскія поселенія. Когда же по взятіи Казани правительство московское утвердилось на новыхъ мѣстахъ и жизнь на этихъ окраинахъ стала безопаснѣе, сюда по извѣстнымъ уже путямъ массою потянулось земледѣльческое населеніе, ища новыхъ землицъ взамѣнъ старой земли, отходившей въ служилыя руки. Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣчали успѣхи колонизаціи въ Понизовыхъ и Украинныхъ городахъ и видѣли, что свободное движеніе народныхъ массъ соединялось тамъ въ одномъ стремленіи съ правительственною дѣятельностью по занятію и укрѣпленію вновь занятыхъ пространствъ. Въ особенностяхъ этой правительственной дѣятельности можно видѣть второе условіе, способствовавшее выходу населенія изъ центра на окраины.

Если переломъ въ земельныхъ отношеніяхъ крестьянства былъ главнымъ побужденіемъ къ выселенію, если пріобрѣтеніе плодородныхъ земель обусловливало направленіе переселенческаго движенія, то первоначальный способъ отношенія правительства къ переселенцамъ содѣйствовалъ рѣшимости переселяться. На новыхъ земляхъ правительство, спѣша закрѣпить ихъ за собою, строило города, водворяло въ нихъ временные отряды «жильцовъ» и вербовало постоянные гарнизоны. Оно иногда сажало въ нихъ, вмѣстѣ съ военными людьми, и людей торговыхъ, имѣя въ виду передать имъ мѣстный рынокъ; такъ въ Казань, послѣ ея завоеванія, были переведены изъ Пскова нѣсколько семей псковскихъ «гостей» и, несмотря на то, что на родинѣ эти «переведенцы» были опальными людьми, имъ создали льготную обстановку на новосельѣ. Такимъ образомъ въ новозавоеванный край правительство само посылало «жильцовъ» на временную службу и на постоянное житье. Въ мѣру своихъ потребностей оно поощряло переселеніе и неслужилыхъ людей, давая «приходцамъ» податныя льготы, пока они обживутся на новыхъ хозяйствахъ. Подобное отношеніе могло только возбуждать народъ къ выселенію на окраины и подавать надежды на хозяйственную независимость и облегченіе податного бремени.

Однако къ послѣдней четверти XVI столѣтія уменьшеніе населенія въ замосковныхъ и западныхъ уѣздахъ достигло большихъ размѣровъ и вызвало перемѣну въ настроеніи правительства, возбудивъ въ немъ большую тревогу. Опустѣніе земель лишило правительство силъ и средствъ для продолженія борьбы за Ливонію. Съ опустѣлыхъ служилыхъ земель не было ни службы, ни платежей, а лучше населенныя церковныя земли были «въ тарханехъ» и не несли служебнаго и податного бремени. Успѣхи Стефана Бато-

рія были такъ легки и велики не только потому, что у него былъ военный талантъ и хорошее войско, но и потому, что онъ билъ врага, уже обезсиленнаго тяжкимъ внутреннимъ недугомъ. Вялость и нерѣшительность Грознаго въ послѣдній періодъ борьбы порождалась, думаемъ, не простыми припадками личной трусости, а сознаніемъ, что у него исчезли средства для войны, что его земля «въ пустошь изнурилась» и «въ запустѣніе пришла». Стремленіемъ поправить дѣло вызвано было въ 1572 и 1580 гг. запрещеніе передавать служилыя земли во владѣніе духовенства, а въ 1584 году отмѣна податныхъ льготъ (тархановъ) въ церковныхъ вотчинахъ. Важность этихъ мѣръ легко себѣ представить, если вспомнить указанный нами ранѣе фактъ, что кругомъ Москвы двѣ пятыхъ (37%) всей пашенной земли принадлежали духовенству и что на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, составлявшихъ остальныя три пятыхъ, хозяйство поддерживалось только на одной третьей части (23%), остальное же (40%) было запустошено служилыми владѣльцами. Если данныя о подмосковномъ пространствѣ можно распространять на весь вообще центръ государства, то позволительно сказать, что болѣе половины всѣхъ воздѣланныхъ земель было въ тарханахъ, а нельготныя служилыя земли на двѣ трети пустѣли. Изъ соборнаго приговора 1584 года видно, что правительство въ то время уже вполнѣ отчетливо представляло себѣ такое положеніе дѣла. Постановляя отмѣну тархановъ на церковныхъ земляхъ, соборный актъ говоритъ, что владѣльцы «съ тѣхъ (земель) никакія царскія дани и земскихъ розметовъ не платятъ, а воинство, служилые люди, тѣ ихъ земли оплачиваютъ; и сего ради многое запустѣніе за воинскими людьми въ вотчинахъ ихъ и въ помѣстьяхъ, платячи за тарханы, а крестьяне, вышедъ изъ-за служилыхъ людей, живутъ за тарханы во льготѣ». Таково было правительственное признаніе землевладѣльческаго кризиса, признаніе нѣсколько позднее, сдѣланное уже тогда, когда кризисъ былъ въ полномъ развитіи и когда частные землевладѣльцы испробовали много средствъ для борьбы съ нимъ. Правительство вступилось въ дѣло для охраны своихъ и владѣльческихъ интересовъ только въ исходѣ XVI вѣка и дѣйствовало посредствомъ лишь временныхъ и частныхъ мѣропріятій, колеблясь въ окончательномъ выборѣ направленія и средствъ. Оно не рѣшалось сразу прикрѣпить къ мѣсту всю массу тяглаго населенія, но создало рядъ препятствій къ его передвиженію. Такими препятствіями должны были служить: временное уничтоженіе тархановъ; запрещеніе принимать закладниковъ и держать слугъ безъ крѣпостей, явленныхъ опредѣленнымъ порядкомъ; ограниченіе крестьянскаго перевоза; перепись крестьянскаго населенія въ книгахъ 7101 (1592—1593) года. Этими мѣрами думали сохранить для государства необходимое ему количество службы и подати, а

для служилыхъ землевладѣльцевъ остатки рабочаго населенія ихъ земель.

Но гораздо ранѣе правительственнаго вмѣшательства землевладѣльческій классъ примѣнилъ къ дѣлу для борьбы съ кризисомъ рядъ средствъ, указанныхъ ему условіями хозяйственной дѣятельности и особенностями общественныхъ отношеній того времени. Къ энергической борьбѣ съ кризисомъ землевладѣльцевъ вынуждали сами обстоятельства, рокового значенія которыхъ нельзя было не понять. Отливъ населенія создалъ недостатокъ рабочихъ рукъ въ частныхъ земельныхъ хозяйствахъ и довелъ до громадныхъ размѣровъ хозяйственную «пустоту». Писцовыя книги второй половины XVI вѣка насчитываютъ очень много пустошей: вотчинъ пустыхъ и поросшихъ лѣсомъ; селъ, брошенныхъ населеніемъ, съ церквами «безъ пѣнья»; порозжихъ земель, которыя «за пустомъ не въ роздачѣ» и которыя изъ оброка кое-гдѣ пашутъ крестьяне «наѣздомъ». Мѣстами еще жива память объ ушедшихъ хозяевахъ, и пустоши еще хранятъ ихъ имена, а мѣстами и хозяева уже забыты, «и имянъ ихъ сыскати некѣмъ». Отъ пустоты совсѣмъ погибало хозяйство мелкаго малопомѣстнаго служилаго человѣка; ему было не съ чего явиться на службу и «впередъ служити нечѣмъ»; онъ самъ шелъ «бродить межъ дворъ», бросая опустѣлое хозяйство, пока не попадалъ на новый помѣстный участокъ или не находилъ пріюта въ боярскомъ дворѣ. Крупные землевладѣльцы—равно служилые и церковные—имѣли гораздо больше экономической устойчивости. Льготы, которыми они умѣли запастись, сами по себѣ влекли на ихъ земли трудовое населеніе. Возможность сохранить мірское устройство въ большой боярской или монастырской вотчинѣ была второю причиною тяготѣнія крестьянства къ крупнымъ земельнымъ хозяйствамъ. Наконецъ, и выходъ крестьянина отъ крупнаго владѣльца былъ не такъ легокъ; администрація крупныхъ вотчинъ въ борьбѣ за крестьянъ имѣла достаточно искусства, вліянія и средствъ, чтобы не только удерживать за собою своихъ крестьянъ, но еще и «называть» на свои земли чужихъ. Такимъ образомъ, когда мелкіе землевладѣльцы разорялись въ конецъ, болѣе крупные и знатные держались и даже пытались возобновлять хозяйство на случайно запустѣвшихъ и обезлюдѣвшихъ участкахъ.

Первое средство для этого заключалось въ привлеченіи крестьянъ съ другихъ земель, частныхъ и правительственныхъ. Землевладѣльцы выпрашивали у государя на свои пустыя вотчины «льготу», то-есть освобожденіе земли на нѣсколько лѣтъ отъ государевыхъ податей съ тѣмъ, чтобы имъ «въ тѣ льготныя лѣта въ той своей вотчинѣ на пустѣ дворы поставити и крестьянъ назвати и пашня розпахати». Опираясь на уцѣлѣвшее въ другихъ участкахъ хозяйство, дѣйствуя посредствомъ свободнаго денежнаго ка-

питала, пользуясь льготами, выпрошенными у правительства, эти владѣльцы дѣйствительно успѣвали обновлять упавшее хозяйство. Имѣя право «называть» и сажать у себя крестьянъ только свободныхъ отъ тягла, а не «съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ», они на самомъ дѣлѣ перезывали и перевозили къ себѣ всѣхъ безъ разбора, кого только могли вытянуть изъ-за другихъ землевладѣльцевъ. Очень извѣстно, какіе большіе размѣры и какія грубыя формы принималъ этотъ перевозъ крестьянъ черезъ особыхъ агентовъ «отказчиковъ», какія горькія жалобы онъ вызывалъ со стороны тѣхъ, кто терялъ работниковъ. Рядъ насилій, сопровождавшихъ эту операцію, давалъ большую работу судамъ и озабочивалъ правительство. Еще при Грозномъ были приняты какія-то мѣры относительно крестьянскаго вывоза: въ 1584 году сосѣди по рязанскимъ землямъ дьяка А. Шерефединова жаловались на этого самоуправца опричника царю Θеодору, говоря, что дьякъ «твои государевы помѣстныя земли къ вотчинѣ пашетъ и крестьянъ насильствомъ твоихъ государевыхъ селъ и изъ-за дѣтей боярскихъ возитъ мимо отца твоего, а нашего государя, уложенья». Что это за «уложенье», сказать трудно; во всякомъ случаѣ московское правительство пришло къ необходимости вмѣшаться въ дѣло крестьянскаго перевоза для охраны своего интереса и интересовъ мелкихъ служилыхъ владѣльцевъ. Перевозъ крестьянъ, сидѣвшихъ на тяглѣ, лишалъ правительство правильнаго дохода съ тяглой земли, а уходъ крестьянъ отъ служилаго человѣка лишалъ его и доходовъ, и возможности служить. Указы 1601 и 1602 года были первымъ закономъ, поставившимъ опредѣленныя границы передвиженію крестьянъ. Переходъ крестьянъ съ мелкихъ земельныхъ хозяйствъ на крупныя былъ вовсе остановленъ; крупнымъ землевладѣльцамъ было запрещено возить крестьянъ «промежъ себя и у стороннихъ людей». Въ мелкихъ же служилыхъ владѣніяхъ дозволено было мѣняться крестьянами полюбовно—безъ зацѣпокъ и задоровъ, боевъ и грабежей, которыми обыкновенно сопровождался въ тѣ годы крестьянскій «отказъ». Очевидно, что цѣлью подобныхъ ограниченій была охрана мелкаго служилаго землевладѣнія, наиболѣе страдавшаго отъ кризиса. Ради этой цѣли правительство отказалось отъ обычнаго покровительства крупнымъ земельнымъ собственникамъ, которые, казалось бы, съ пользою для государственнаго порядка, работали надъ возстановленіемъ хозяйственной культуры на опустѣлыхъ пространствахъ. Разрушительныя слѣдствія этой своекорыстной работы были, наконецъ, поняты руководителями московской политики.

Другое средство для борьбы съ кризисомъ землевладѣльцы находили въ экономическомъ закабаленіи своего крестьянства. Принимало ли это закабаленіе юридически-опредѣленныя формы, или нѣтъ,—все равно, оно было очень дѣйствительнымъ препятствіемъ

къ выходу крестьянина изъ-за владѣльца. Хотя расчеты по земельной арендѣ, опредѣленные порядными, по закону не связывались съ расчетами крестьянъ по инымъ обязательствамъ, однако прекращеніе арендныхъ отношеній съ землевладѣльцемъ естественно вело къ ликвидаціи всѣхъ прочихъ денежныхъ съ нимъ расчетовъ. Крестьянъ не выпускали безъ окончательной расплаты, и чѣмъ болѣе былъ опутанъ крестьянинъ, тѣмъ крѣпче сидѣлъ онъ на мѣстѣ. Его, правда, могъ выкупить черезъ своего «отказчика» другой землевладѣлецъ, но это требовало ловкости и было не всегда возможно: право выхода не признавалось за старожильцами, да и крестьянъ, жившихъ съ порядными, владѣльцы не всегда выпускали даже по «отказу». Они прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы предупредить уходъ работника или ему воспрепятствовать. Однимъ изъ такихъ средствъ, и притомъ довольно обычнымъ, были «поручныя» записи, выдаваемыя нѣсколькими поручителями по крестьянинѣ въ томъ, что ему за порукою тамъ-то жить, «земля пахати и дворъ строити, новыя хоромы ставити, а старыя починивати, а не збѣжати». Въ случаѣ же побѣга поручители, «порущики», отвѣчали условленною суммою, размѣры которой иногда выростали до неимовѣрности. Въ 1584 году въ Кирилловѣ монастырѣ можно было видѣть «запись поручную на Прилуцкого христьянина на Автонома на Якушева сына въ т ы с я ч ѣ во с т ѣ рублехъ». Иногда выходу, даже законному, препятствовали прямымъ насиліемъ: крестьянъ мучили, грабили и въ желѣза ковали. Полученная отъ землевладѣльца хозяйственная подмога, «ссуда», или сдѣланный крестьяниномъ у владѣльца долгъ, «серебро», какъ тогда называли, разсматривались землевладѣльцемъ, какъ условіе личной крѣпости крестьянина-должника хозяину-кредитору. Хотя бы эта ссуда и не влекла за собою служилой кабалы, хотя бы и не превращала крестьянина формально въ холопа, все-таки она давала лишніе поводы къ самоуправному задержанію крестьянина и тяготѣла надъ сознаніемъ земледѣльца-должника, какъ бы обязывая его держаться того господина, который помогъ ему въ минуты нужды. Конечно, только удобствами для землевладѣльцевъ помѣщать свои капиталы въ крестьянское «серебро» слѣдуетъ объяснять чрезвычайное развитіе крестьянской задолженности. Не разъ указанъ былъ для второй половины XVI вѣка разительный фактъ, что изъ полуторы тысячи вытей земли, арендуемой у Кириллова монастыря его же крестьянами, 1.075 вытей засѣвались сѣменами, взятыми у монастыря; такимъ образомъ 70% пашни, снятой у монастыря, находилось въ пользованіи «людей, безъ помощи вотчинника не имѣвшихъ чѣмъ засѣять свои участки». Если допустить, что таково же было положеніе дѣла и на другихъ владѣльческихъ земляхъ, то возможно совершенно удовлетворительно объяснить себѣ перерожденіе кре-

стьянскаго «выхода» въ крестьянскій «вывозъ». Охудалая и задолженная крестьянская масса неизбѣжно должна была отказаться отъ самостоятельнаго передвиженія: для выхода у нея не было средствъ. Крестьянамъ, задолжавшимъ хозяину и желавшимъ уйти отъ него, оставалось или «выбѣжать» безъ расчета съ владѣльцемъ, или ждать отказчика, который бы ихъ выкупилъ и вывезъ. Около 1580 года въ тверскихъ дворцовыхъ земляхъ великаго князя Симеона Бекбулатовича считали 2.060 жилыхъ и 332 пустыхъ дворовъ, а въ дворахъ 2.217 крестьянъ. На всю эту массу писцовая книга отмѣтила 333 крестьянскихъ перехода за нѣсколько предшествовавшихъ переписи лѣтъ. Вышло изъ-за «великаго князя» на земли другихъ владѣльцевъ и перешло въ предѣлахъ его владѣній изъ волости въ волость всего 300 человѣкъ; пришло «ново» къ Симеону Бекбулатовичу 27 человѣкъ и скиталось безъ осѣдлости 6 человѣкъ. Изъ общаго числа трехсотъ ушедшихъ крестьянъ перешло самостоятельно всего 53, убѣжало незаконно 55 и было «вывезено» 188. Стало быть, 63% ушедшихъ оставило свои мѣста съ чужимъ посредничествомъ и помощью, а 18% просто сбѣжало безъ расчета. Только одна шестая часть могла «выйти» сама, и то въ большинствѣ случаевъ не покидая земли своего господина, а переходя изъ одной его волости въ другую, стало быть, не мѣняя своихъ отношеній къ хозяину. Такой подсчетъ, какъ бы ни былъ онъ несовершененъ, даетъ очень опредѣленное впечатлѣніе: какъ правило, крестьянскій выходъ не существуетъ, существуетъ вывозъ и побѣгъ. Не законъ отмѣнилъ старый порядокъ выхода, а крестьянская нужда, искусственно осложненная владѣльческимъ «серебромъ», привязывала крестьянъ, имѣвшихъ право на переходъ, къ извѣстной осѣдлости [36].

Экономическая зависимость задолженнаго крестьянина, такимъ образомъ, могла и не переходить въ юридическое ограниченіе права выхода и все-таки была дѣйствительнымъ житейскимъ средствомъ держать земледѣльца на владѣльческой пашнѣ. Но эта зависимость могла получить и юридическій характеръ, превративъ крестьянина въ холопа, полнаго или кабальнаго. Судебникъ 1550 года допускаетъ, въ статьѣ 88-й, возможность того, что «крестьянинъ съ пашни продастся кому въ полную въ холопи». По записнымъ книгамъ служилыхъ кабалъ конца XVI вѣка можно установить десятки случаевъ, когда въ число кабальныхъ людей вступали бобыли и крестьянскія дѣти. Выходъ изъ крестьянскаго состоянія въ рабство закономъ не былъ закрытъ или ограниченъ до самаго конца XVI вѣка, чѣмъ и пользовалась практика. Законодательство московское терпѣло даже такой порядокъ, по которому выдача служилой кабалы могла совершаться безъ явки правительству. Только съ 1586 года записка кабалъ въ особыя книги стала обязательною; до тѣхъ же

поръ, несмотря на указаніе статьи 78-й Судебника, можно было обходиться и безъ этого. Понятно, какой просторъ оставался для подобнаго рода сдѣлокъ, разъ онѣ могли происходить съ полною свободою и безконтрольно. Землевладѣльцы вымогали кабалу у тѣхъ, кому давали пріютъ въ своемъ дворѣ и на чей трудъ расчитывали. Большой процентъ малолѣтнихъ и инородцевъ, которые, по новгородскимъ записнымъ книгамъ, «били челомъ волею» въ холопство, указываетъ на то, что такая «воля» не всегда бывала сознательною даже при совершеніи договора формальнымъ порядкомъ. А внѣ этого порядка закабаленіе могло принимать еще болѣе откровенныя и грубыя формы. Въ погонѣ за лишнимъ работникомъ и слугою, при общемъ въ нихъ недостаткѣ, кабала была хорошимъ средствомъ привязать къ мѣсту тѣхъ, кого не было расчета сажать прямо на пашню. По записнымъ книгамъ видно, что въ кабалу идутъ въ большинствѣ одинокіе бездомовные люди, сироты и бродячая крестьянская молодежь; ихъ еще не станетъ на веденіе крестьянскаго хозяйства, но они уже полезны въ качествѣ дворовыхъ слугъ и батраковъ. Въ другихъ случаяхъ службу «во дворѣ» могли предпочитать крестьянству и сами работники: маломочному бобылю и бродячему мастеровому человѣку, портному или сапожнику, въ чужомъ дворѣ могло быть лучше, чѣмъ на своемъ нищемъ хозяйствѣ и бѣдномъ бродячемъ мастерствѣ. Вотъ приблизительно тѣ условія, въ которыхъ создавалась кабальная или вообще холопья зависимость. Она отрывала людей отъ пашни и тягла, но не выводила ихъ изъ экономіи землевладѣльца. Она содѣйствовала тому, чтобы за землевладѣльцами закрѣплялись и тѣ элементы крестьянскаго міра, которые не имѣли прямого отношенія къ тяглой пашнѣ и отличались наибольшею подвижностью. Чѣмъ замѣтнѣе становилась эта подвижность и наклонность къ выходу на государственныя окраины и въ Поле, тѣмъ дѣятельнѣе перетягивали владѣльцы къ себѣ во дворъ на кабальную службу бродившія силы. Въ этихъ условіяхъ не мы первые видимъ главную причину чрезвычайнаго развитія въ XVI вѣкѣ кабальной службы.

Но служба во дворѣ могла и не быть кабальною. При отсутствіи контроля, который приводилъ бы къ необходимости укрѣплять за собою дворню формальнымъ порядкомъ, черезъ записку крѣпостныхъ документовъ, владѣльцы держали у себя людей вовсе безъ крѣпостей. Такіе «добровольные» люди или «вольные холопи», какъ ихъ назвалъ законъ 1597 года, на дѣлѣ ничѣмъ не отличались отъ крѣпостныхъ слугъ, что̀ призналъ и законъ въ 1597 году, указавъ брать на нихъ крѣпости даже противъ ихъ воли. И ранѣе московское правительство не покровительствовало такой «добровольной» службѣ, осуждая тѣхъ, кто «добровольному человѣку вѣритъ и у себя его держитъ безъ крѣпости». Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣ-

нія государственнаго порядка, «добровольные» слуги могли представляться нежелательными. Господамъ своимъ они не были крѣпки, потому что могли ихъ покинуть съ полною безнаказанностью; для государства они были безполезны, ибо не несли его тяготъ, и очень неудобны своею неуловимостью. Въ рядахъ такихъ «вольныхъ» слугъ легко могли скрываться люди, ушедшіе съ государевой службы и тягла и «заложившіеся» за частное лицо, способное ихъ укрыть какъ отъ частной обиды, такъ и отъ государственныхъ повинностей.

Но именно эта возможность переманить способнаго къ работѣ человѣка съ тягла и службы въ частный дворъ или въ частную вотчину поддерживала обычай «добровольной» службы безъ крѣпости. Людей, записанныхъ въ тягло или въ служилую десятню, нельзя было формально укрѣпить въ холопствѣ, потому что правительство запрещало выходъ съ черныхъ тяглыхъ мѣстъ и съ государевы службы. А между тѣмъ много такихъ людей укрывалось на частныхъ земляхъ привилегированныхъ владѣльцевъ, гдѣ и жило «во льготѣ», разорвавъ свои связи съ государствомъ. Ихъ держали тамъ безъ крѣпостей и звали чаще всего именемъ «закладчиковъ». Отношенія ихъ къ землевладѣльцамъ были чрезвычайно разнообразны. При крайней юридической неопредѣленности они представляютъ большой бытовой интересъ. Мы видимъ закладчиковъ вездѣ: на монастырскихъ земляхъ они зовутся «вкладчиками», «дворниками» и просто «закладчиками»; на земляхъ боярскихъ ихъ зовутъ «дворниками», «вольными холопами», просто «людьми» и тоже «закладчиками». Въ однихъ случаяхъ это арендаторы владѣльческихъ земель и дворовъ, въ другихъ — сторожа осадныхъ дворовъ и дворовъ «для пріѣзду», въ третьихъ — дворовые слуги, въ четвертыхъ—это обитатели ихъ собственныхъ дворовъ и усадебъ, когда-то тяглыхъ, а затѣмъ фиктивно проданныхъ привилегированному землевладѣльцу и потому «обѣленныхъ», то-есть освобожденныхъ отъ тягла. Вся эта среда представляла собою внѣзаконное явленіе, съ которымъ правительство долго не находило средствъ бороться. Оно не разъ запрещало держать закладчиковъ, оно требовало крѣпости на всякаго служившаго въ частномъ хозяйствѣ человѣка, но это не вело къ цѣли, и закладничество жило, какъ извѣстно, во всей своей силѣ до Уложенія 1649 года [37].

Мы представили перечень тѣхъ способовъ, какими частныя земельныя хозяйства осваивали и укрѣпляли за собою рабочую силу. Всѣ эти способы одинаково вели къ ограниченію свободы и правъ крестьянской и вообще тяглой массы, а нѣкоторые изъ нихъ клонились и къ нарушенію правительственныхъ интересовъ. Когда землевладѣльцы сажали на пустоши новыхъ работниковъ и ихъ трудомъ переводили эти пустоши «изъ пуста въ жило», правительство выигрывало во всѣхъ отношеніяхъ: населенная и обработанная

вотчина прямо увеличивала средства и силы самого правительства. Но когда этихъ новыхъ работниковъ хищнически вырывали изъ чужого хозяйства, терпѣло не только это послѣднее, но терпѣло и правительство: оно должно было разбирать тяжбу о крестьянахъ и лишалось дохода и службы съ потерпѣвшаго хозяйства. Когда владѣлецъ кабалилъ ссудою и серебромъ своего крестьянина, правительство могло оставаться спокойнымъ: за разореннаго мужика платилъ подати его владѣлецъ, а надъ общимъ вопросомъ о послѣдствіяхъ обнищанія земледѣльческаго класса тогда еще не задумывались. Но когда разоренный крестьянинъ превращался въ непашеннаго бобыля или продавался съ пашни въ холопи, оставаясь въ рукахъ прежняго владѣльца, правительство теряло: крестьянская деревня обращалась въ пустошь и не давала податей. И такъ бывало во многихъ случаяхъ: одно и то же дѣйствіе, смотря по его обстановкѣ, обращалось то въ пользу, то во вредъ господствовавшему порядку. Этимъ обстоятельствомъ прежде всего должно объяснять ту нерѣшительность и осторожность, какую мы видимъ въ дѣйствіяхъ правительства. Жизнь заставляла его въ одно и то же время служить различнымъ цѣлямъ: поддерживать землевладѣльцевъ, особенно служилыхъ, въ ихъ усиліяхъ привязать трудовое населеніе къ мѣсту, вмѣстѣ съ тѣмъ охранять свой собственный интересъ, часто нарушаемый землевладѣльческою политикою, и охранять интересы крестьянства, когда они сближались и совпадали съ правительственными. Не будучи въ состояніи примирить и согласить разныя и въ существѣ непримиримыя стремленія, правительство до самаго конца вѣка не могло выработать опредѣленнаго и рѣшительнаго образа дѣйствій въ постигшемъ его кризисѣ и этимъ еще болѣе осложняло дѣло.

Оно, безъ сомнѣнія, желало укрѣпленія крестьянъ на мѣстахъ, стремилось остановить ихъ выходъ изъ-за владѣльцевъ или, по крайней мѣрѣ, думало направлять ихъ броженіе сообразно своимъ видамъ; но оно не дошло до полнаго и категорическаго провозглашенія крестьянской крѣпости. Предпринявъ общую «перепись 7101 года», какъ ее обыкновенно принято называть, правительство записывало въ книгахъ крестьянъ за владѣльцами и затѣмъ сдѣлало писцовую книгу своего рода крѣпостнымъ актомъ, которымъ землевладѣлецъ могъ доказывать свое право на записаннаго въ книгу крестьянина. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно какъ бы понимало, что книги не могли исчислить всей наличности крестьянскаго населенія, и спокойно смотрѣло на выходъ изъ тяглыхъ хозяйствъ сыновей, племянниковъ, захребетниковъ и тому подобнаго не записаннаго въ тягло люда; оно иногда выпускало и дворохозяевъ-тяглецовъ, если они передавали свой тяглый жеребей новому «жильцу». Такимъ образомъ на право передвиженія крестьянъ правительство не на-

лагало безусловнаго и общаго запрета: оно только его ограничивало условіями государственнаго порядка и владѣльческаго интереса. Въ этомъ собственно и заключались первыя мѣры къ укрѣпленію крестьянъ. Дѣйствуя въ такомъ смыслѣ, правительство стояло на сторонѣ владѣльческихъ стремленій. Допуская обращеніе въ холопство лицъ, происходящихъ изъ крестьянскихъ семей, оно также удовлетворяло владѣльческимъ вожделѣніямъ. Но, съ другой стороны, и въ концѣ вѣка оно продолжало заселеніе вновь пріобрѣтенныхъ окраинъ и Сибири, причемъ тяглыхъ «приходцевъ» изъ центральныхъ областей водворяло тамъ въ служилыхъ слободахъ и просто на пашнѣ, не возвращая ихъ въ прежнюю владѣльческую зависимость. Чтобы наполнить, по словамъ А. Палицына, «предѣлъ земли своея воинственнымъ чиномъ», Грозный и Борисъ Годуновъ извлекали людей изъ коренныхъ частей государства, всячески содѣйствуя заселенію рубежей. Такая политика въ сущности поддерживала то самое народное броженіе, съ которымъ боролись въ центрѣ страны, и шла совершенно противъ землевладѣльческой политики.

Но врядъ ли это противорѣчіе было плодомъ политическаго двуличія; скорѣе въ немъ отразилось безсиліе подняться надъ двумя порядками явленій и подчинить ихъ своему распоряженію. Когда на новозанятыхъ мѣстахъ укрѣпилось московское населеніе и подъ охраною новыхъ крѣпостей возможна стала правильная хозяйственная дѣятельность, здѣсь повторились тѣ же самыя явленія, которыми сопровождался кризисъ въ старомъ центрѣ. Появившіеся на окраинахъ, на югѣ отъ Оки, привилегированные землевладѣльцы, въ громадномъ большинствѣ служилые, пользовались всяческимъ покровительствомъ правительства въ ущербъ тяглымъ классамъ. Въ городахъ служилыя слободки уничтожали посады, а въ уѣздахъ служилыя вотчины и помѣстья уничтожали крестьянское мірское устройство. Условія, вызвавшія кризисъ въ центральныхъ волостяхъ, перешли на югъ и вызвали дальнѣйшее разсѣяніе населенія. Оно уходило за рубежи и наполняло собою казачьи городки и становища на южныхъ рѣкахъ. Тамъ питалось и росло неудовольствіе на тотъ государственный порядокъ, который лишалъ крестьянство его земли и предпочиталъ выгоды служилаго человѣка, жившаго чужимъ трудомъ, интересамъ тяглаго работника.

V.

Подведемъ итоги.

Московское государство въ серединѣ XVI вѣка вступило въ періодъ рѣшительныхъ и счастливыхъ внѣшнихъ войнъ. Войны передали въ его обладаніе громадныя пространства плодородныхъ зе-

мель, которыя надлежало укрѣпить и заселить. Для веденія войны и для образованія пограничной милиціи и гарнизоновъ на новыхъ рубежахъ московское правительство было вынуждено съ особенною энергіею и быстротой увеличивать численность служилаго класса. По условіямъ народно-хозяйственнаго быта, главнымъ обезпеченіемъ этого класса должна была служить земля и на ней крестьянскій обязанный трудъ. Правительство, не располагая другими средствами, обращаетъ въ южной половинѣ государства громадныя площади населенной земли въ обладаніе служилыхъ людей, причемъ податныя общины, сидѣвшія на этой землѣ, или вовсе разрушаются, или цѣликомъ входятъ въ сферу хозяйственнаго вліянія частныхъ лицъ. Тяглые люди теряютъ право самостоятельнаго владѣнія и пользованія землей, которую они считали до тѣхъ поръ имъ принадлежащею, и стремятся къ выходу изъ частной зависимости на новыя земли. Политическая обстановка, въ какой происходитъ передача земель изъ тяглыхъ въ служилыя руки, въ высшей степени обостряетъ этотъ процессъ. Въ борьбѣ съ княжескою аристократіею Грозный прибѣгаетъ къ массовому перемѣщенію землевладѣльцевъ съ однихъ земель на другія, чѣмъ ускоряетъ обращеніе земель и дѣлаетъ его бурнымъ и безпорядочнымъ. Въ то же время правительство, въ заботахъ объ укрѣпленіи и заселеніи границъ, не только не препятствуетъ, но даже содѣйствуетъ переходу населенія изъ центра на окраины, строя тамъ города и вербуя въ нихъ гарнизоны. Такимъ образомъ правительство, если возможно такъ выразиться, распугиваетъ населеніе изъ центра и приманиваетъ его на окраины. Медленное выселеніе трудовой массы, замѣтное въ самой серединѣ XVI вѣка, къ концу царствованія Грознаго принимаетъ размѣры общаго бѣгства. Недороды и эпидеміи, наконецъ, татарскіе набѣги 1571 года и другихъ лѣтъ еще болѣе усиливаютъ это бѣгство. Большая половина служилыхъ земель кругомъ Москвы запустѣваетъ и частное землевладѣніе вступаетъ въ тяжелый кризисъ. Между частными хозяйствами происходитъ ожесточенная борьба за рабочія руки, доходящая до грубыхъ насилій. Общій успѣхъ въ борьбѣ достается на долю крупнаго и льготнаго землевладѣнія, церковнаго и боярскаго. Его представители располагаютъ податною льготою и свободнымъ капиталомъ для завлеченія къ себѣ крестьянъ и пользуются своимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ для безнаказаннаго насильственнаго своза крестьянъ съ мелкихъ владѣній въ крупныя вотчины. Какъ прежде, на полвѣка раньше, въ борьбѣ за земли выросла вражда между свѣтскими землевладѣльцами и монахами, стяжавшими ихъ земли, такъ теперь въ борьбѣ за крестьянъ выростаетъ вражда между мелкими землевладѣльцами—служилыми людьми,—и крупными вотчинниками—боярами и монастырями. Съ другой стороны, потеря земель оже-

сточала и тяглое населеніе. Сбитые съ городскихъ рынковъ и усадебъ вторженіемъ приборнаго войска, вышедшіе изъ селъ и деревень, отданныхъ государевымъ помѣщикамъ, тяглые люди чувствовали себя гонимыми и угнетенными. Ихъ недовольство направлялось на всѣхъ землевладѣльцевъ одинаково, даже на государственный порядокъ вообще. Казачество на Дону служило выраженіемъ этого недовольства государствомъ: оно себя ставило въ сторонѣ отъ государства, бывало почти всегда ему враждебно.

Такъ обстоятельства раздѣлили московское общество на враждебные одинъ другому слои. Предметомъ вражды служила земля, главный капиталъ страны. Причина вражды лежала въ томъ, что земледѣльческій классъ не только систематически устранялся отъ обладанія этимъ капиталомъ, но и порабощался тѣми землевладѣльцами, къ которымъ переходила его земля. Отмѣтимъ здѣсь съ особымъ удареніемъ уже извѣстный намъ фактъ, что московскій сѣверъ—Поморье въ широкомъ смыслѣ этого термина—не переживалъ этого кризиса. Тамъ земля принадлежала тяглому міру, и онъ былъ ея дѣйствительнымъ хозяиномъ; лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ монастырю удавалось овладѣть черною волостью и обращать ее въ монастырскую вотчину. Но это еще не вносило въ общественную жизнь той розни и вражды, въ которыхъ теряло свои моральныя и матеріальныя силы населеніе южной половины государства.

Экономическій кризисъ, развѣявшій населеніе и сокрушившій хозяйственную культуру въ срединныхъ областяхъ московскихъ, разразился одновременно съ политическимъ кризисомъ, сорвавшимъ съ наслѣдственныхъ земель и погубившимъ въ государевой опалѣ всѣ подозрительные для царя элементы въ княжеской аристократіи. Государева опала винно и безвинно постигала какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя семьи княжескаго и некняжескаго происхожденія. Наблюдая отдѣльныя проявленія жестокости Грознаго, не видишь въ нихъ даже простого смысла; читая синодики Грознаго, не отыскиваешь объясненія ни прегрѣшеніямъ, ни покаянію Грознаго. И сами современники, кажется, не умѣли объяснить дѣла, когда разсказывали, что «многихъ людей государь въ своей опалѣ побилъ», «и въ земскихъ и въ опришнинѣ людей выбилъ». Только наблюденія надъ земельной мобилизаціей въ опричнинѣ открываютъ смыслъ той загадочной суеты, какая началась въ государствѣ съ учрежденіемъ опричнины. Царь перебиралъ княжатъ на мѣстахъ ихъ вотчинной осѣдлости и разрывалъ связь ихъ съ землею, на которой они родились и которая питала ихъ политическія воспоминанія и понятія. Какъ сказочный Гераклъ успѣлъ одолѣть Антея, потому что оторвалъ его отъ земли, его родившей, такъ историческій Грозный навсегда сломилъ политическую силу титулованнаго боярства, потому что оторвалъ его отъ наслѣдственныхъ

вотчинъ и пересадилъ въ новыя условія службы и хозяйства. Сложность предпринятаго пересмотра и передвиженія землевладѣльцевъ была причиною того, что отъ операціи пострадали не одни княжата, но и люди простые и далекіе отъ политики. Личная жестокость и распущенность Грознаго повела къ тому, что сложное политическое дѣло было еще болѣе осложнено ненужными казнями, пытками и грубымъ развратомъ. Крутая по своей сущности мѣра приняла характеръ общаго террора именно потому, что ея прямой смыслъ былъ затемненъ непонятными и страшными способами дѣйствія. Вся страна содрогалась отъ страха опричнины и жестокостей Грознаго. Боярство, титулованное и простое, гибло въ опалахъ и спасалось въ Литву. Убыль въ составѣ современнаго Грозному боярства была такъ велика, что, по словамъ историка боярства В. О. Ключевскаго, «въ началѣ XVII вѣка изъ большихъ боярскихъ фамилій прежняго времени дѣйствовали Мстиславскіе, Шуйскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Куракины, Пронскіе, нѣкоторые изъ Оболенскихъ и въ числѣ ихъ послѣдній въ роду своемъ Курлятевъ, Шереметевы, Морозовы, Шеины—и почти только». Остальная знать бѣжала или вымирала и разорялась, словомъ, исчезала съ вершинъ московскаго общества. Таяли и исчезали въ конфискаціяхъ опричнины и имущества знати. Что не бралъ за себя государь, то понемногу переходило къ монастырямъ или за долги служилыхъ людей или на поминъ ихъ душъ. Вмѣстѣ съ политическимъ положеніемъ быстро измѣнялась къ худшему и экономическая обстановка боярства. Оно чувствовало себя угнетеннымъ и было глубоко недовольно. Въ жалобахъ Курбскаго можемъ мы слышать голосъ всей той среды, къ которой онъ принадлежалъ. Менѣе могли высказываться, но не менѣе боярства страдали отъ опричнины и тѣ простые малоземельные служилые люди, которыхъ передвигали съ земель на земли по соображеніямъ политическаго порядка, не въ государевой опалѣ, а всѣмъ городомъ. Сколько насилій и обидъ, разореній и потерь связано было съ этимъ передвиженіемъ! На старой землѣ погибало устроенное хозяйство служилаго человѣка; на новой осѣдлости трудно было ему обжиться и устроиться на пустошахъ безъ крестьянъ, которые или сами разбредались или свозились сосѣдями. Страшная задолженность и хозяйственная маломочность служилаго класса находитъ свое объясненіе, между прочимъ, въ этомъ вынужденномъ кочеваніи служилыхъ хозяйствъ. На меньшей братіи, людяхъ зависимыхъ отъ служилыхъ господъ, опричнина должна была отозваться столь же тяжело. По давнему московскому обычаю при опалѣ конфисковали не только имущество, «животъ», опальнаго человѣка, но и его документы—«грамоты и крѣпости». Дѣйствіе этихъ крѣпостей прекращалось, обязательства развязывались, и крѣпостные люди,

«опальныхъ боляръ слуги», получали свободу, иногда съ запрещеніемъ поступать въ какой-либо иной дворъ. Подобную судьбу испытывала многочисленная дворня погибавшихъ отъ лютости Грознаго бояръ. Если она не гибла съ господиномъ, она осуждалась на свободное и голодное существованіе. Это былъ опасный для порядка элементъ. Именно на него указываетъ Авр. Палицынъ, когда разсказываетъ о «собраніи злодѣемъ» на украйнахъ. Такимъ образомъ, направленная противъ высшаго служилаго слоя, опричнина тяжко отзывалась на всемъ обществѣ. Создавая политическое гоненіе противъ немногихъ и врядъ ли очень опасныхъ враговъ государственнаго порядка, она создавала этому порядку дѣйствительныхъ враговъ въ массѣ лицъ, терпѣвшихъ не за измѣну свою государству, а неизвѣстно за какую вину предъ жестокимъ и распутнымъ властителемъ [38].

Таковы были обстоятельства московской жизни передъ кончиною Грознаго. Высшій служилый классъ, частью взятый въ опричнину, частью уничтоженный и разогнанный, запуганный и разоренный, переживалъ тяжелый нравственный и матеріальный кризисъ. Гроза опалы, страхъ за цѣлость хозяйства, изъ котораго уходили крестьяне, служебныя тягости, вгонявшія въ долги, успѣхи давнишняго соперника по землевладѣнію, монастыря—все это угнетало и раздражало московское боярство, питало въ немъ недовольство и приготовляло его къ участію въ Смутѣ. Мелкій служилый людъ, дѣти боярскіе дворовые и городовые, сидѣвшіе на обезлюдѣвшихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, были прямо въ ужасномъ положеніи. На нихъ всею тяжестью лежала война Ливонская и охрана границъ отъ Литвы и татаръ. Военныя повинности не давали имъ и короткаго отдыха, а въ то же время послѣднія средства для отбыванія этихъ повинностей изсякали, благодаря крестьянскому выходу и перевозу и постоянному передвиженію самихъ служилыхъ людей. Лишенные прочной осѣдлости и правильнаго обезпеченія, не располагая не только свободными, но и необходимыми средствами, эти люди прямо нуждались въ правительственной помощи и поддержкѣ, въ охранѣ ихъ людей и земель отъ перевода за монастыри и бояръ. Тяглое населеніе государства также терпѣло отъ войны, отъ физическихъ бѣдствій и отъ особенностей правленія Грознаго. Но судьба его была глубоко различна въ сѣверной и южной половинахъ государства. Это различіе намъ уже извѣстно. Бодрыя и дѣятельныя, зажиточныя и хорошо организованныя податныя общины сѣвера оставались самостоятельными и сохраняли непосредственныя отношенія къ правительству черезъ выборныхъ своихъ властей въ то самое время, когда въ южной половинѣ государства тяглое населеніе черныхъ и дворцовыхъ волостей было обращено въ частную зависимость, а посадская община изнурялась

и исчезала отъ наплыва въ города ратныхъ людей и дѣтей боярскихъ съ ихъ дворнею и крестьянами. Въ сѣверныхъ волостяхъ населеніе держалось на мѣстахъ, тогда какъ на югѣ оно стало бродить, уходя изъ государства, съ государева тягла, съ боярскаго двора и господской пашни. Оно уносило съ родины чувство глубокаго недовольства и вражды къ тому общественному строю, который постепенно лишалъ ихъ земли и свободы. Можно сказать, что въ срединныхъ и южныхъ областяхъ государства не было ни одной общественной группы, которая бы была довольна ходомъ дѣлъ. Здѣсь все было потрясено внутреннимъ кризисомъ и военными неудачами Грознаго, все потеряло устойчивость и бродило, бродило пока скрытымъ, внутреннимъ броженіемъ, зловѣщіе признаки котораго, однако, могъ ловить глазъ внимательнаго наблюдателя. Посторонній Москвѣ человѣкъ видѣлъ въ этомъ броженіи опасность междоусобія и смутъ, и онъ былъ правъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Смута въ Московскомъ государствѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первый періодъ Смуты: борьба за московскій престолъ.

Въ мартѣ 1584 года умеръ Грозный. Его кончина поставила государство на краю опасности. Вмѣстѣ съ своимъ творцомъ сразу окончила свои дни и система террора; но недовольство, возбужденное ею, продолжало жить среди тѣхъ, кто отъ нея терпѣлъ. Хозяйственный кризисъ въ серединныхъ областяхъ былъ въ полномъ разгарѣ, и правительство признавало уже открыто, что для его слугъ пришла «великая тощета». Тяжкія обстоятельства государственной жизни оставилъ Грозный въ наслѣдство своему преемнику, но разстройство дѣлъ получало особенную остроту еще и оттого, что этотъ преемникъ былъ неспособенъ къ практической дѣятельности. Въ династіи московской вообще не оставалось дѣеспособныхъ лицъ. Судьба жестоко покарала Грознаго, сдѣлавъ его сыноубійцею. Со смертью старшаго царевича Ивана Ивановича угасало будущее московскаго царскаго рода, и Грозный, сходя въ могилу послѣ долгой и, казалось, побѣдоносной борьбы за династическій интересъ, ясно понималъ, что онъ не упрочилъ даже ближайшаго будущаго семьи. И дѣйствительно, едва онъ закрылъ глаза, въ Кремлѣ, среди людей, стоявшихъ вокругъ неспособныхъ къ правленію царевичей Θеодора и малютки Дмитрія, возникаетъ уже боязнь смуты, принимаются мѣры предосторожности, возникаетъ тревога.

Въ такомъ совпаденіи государственнаго разстройства съ разстройствомъ династіи надобно видѣть главное условіе возникновенія открытой Смуты. Сильное правительство могло бы господствовать надъ положеніемъ дѣлъ, бороться съ общественнымъ броженіемъ и искать выхода изъ государственныхъ затрудненій; ослабѣвшая власть становилась жертвою постороннихъ вліяній и покушеній, которыя превращали ее въ орудіе безпорядка какъ въ правительственной средѣ, такъ и въ управляемомъ обществѣ. Лишь только въ Москвѣ Грознаго царя смѣнилъ слабый и больной царь Θеодоръ, болѣзненные процессы въ общественномъ организмѣ на-

чали выходить наружу и становиться явнымъ недугомъ. Началась Смута.

Въ развитіи московской Смуты ясно различаются три періода. Первый можетъ быть названъ династическимъ, второй—соціальнымъ и третій—національнымъ. Первый обнимаетъ собою время борьбы за московскій престолъ между различными претендентами до царя Василія Шуйскаго включительно. Второй періодъ характеризуется междоусобною борьбою общественныхъ классовъ и вмѣшательствомъ въ эту борьбу иноземныхъ правительствъ, на долю которыхъ и достается успѣхъ въ борьбѣ. Наконецъ, третій періодъ Смуты обнимаетъ собою время борьбы московскихъ людей съ иноземнымъ господствомъ до созданія національнаго правительства съ М. Ѳ. Романовымъ во главѣ. Главнѣйшіе моменты въ ходѣ Смуты слѣдовали въ такой постепенности: началась открытая Смута рядомъ боярскихъ дворцовыхъ интригъ, направленныхъ на то, чтобы захватить вліяніе во дворцѣ, власть и впослѣдствіи престолъ. Эти интриги открылись тотчасъ по смерти Грознаго и разрѣшились регентствомъ, а затѣмъ и воцареніемъ Б. Годунова. Главнымъ орудіемъ боярской борьбы, рѣшившимъ дѣло безповоротно въ пользу Бориса, послужилъ земскій соборъ, возведшій семью Годуновыхъ на царскую степень. Тогда оппозиціонные элементы изъ дворца перенесли смуту въ войско и, выдвинувъ Самозванца, сдѣлали орудіемъ борьбы войсковыя массы. Эти массы, служа послушно тѣмъ своимъ вождямъ, которымъ онѣ вѣрили, сражались за Годуновыхъ и за Димитрія, шли противъ Димитрія за Шуйскаго, словомъ, принимали пассивное участіе въ борьбѣ за престолъ, доставивъ послѣднее торжество въ ней Шуйскому. Однако рядъ политическихъ движеній не прошелъ безслѣдно для воинскихъ людей. Участвуя въ походахъ и переворотахъ въ качествѣ силы, рѣшающей дѣло, они поняли свое значеніе въ странѣ и научились пользоваться воинскою организаціею для достиженія своихъ общественныхъ стремленій. Въ движеніи Болотникова обнаружилось, во-первыхъ, что починъ въ созданіи соціальнаго движенія принадлежитъ низшимъ слоямъ войска—украинному казачеству, и, во-вторыхъ, что различіе общественныхъ интересовъ и стремленій разбило войско на враждебные сословные круги. Высшіе изъ нихъ стали за Шуйскаго, какъ за главу существовавшаго общественнаго порядка; низшіе примкнули къ Тушинскому вору, превративъ его изъ династическаго претендента въ вожака опредѣленныхъ общественныхъ группъ. Междоусобная борьба окончилась побѣдою стороны Шуйскаго, благодаря вмѣшательству торгово-промышленнаго сѣвера, который поддержалъ старый порядокъ въ лицѣ царя Василія. Однако торжество Шуйскаго было непрочно. Онъ палъ вслѣдствіе осложненій, созданныхъ польскимъ и шведскимъ вмѣшательствомъ,

и взамѣнъ его слабаго правительства создалась польская военная диктатура. Она не прекратила общественнаго междоусобія и не поддержала государственнаго единства, такъ какъ сама была слаба и держалась лишь оккупаціей столицы. Но она подготовила важный переломъ въ общественномъ сознаніи. Противъ иноземнаго господства спѣшили соединиться въ одномъ ополченіи всѣ народныя группы, до тѣхъ поръ взаимно враждовавшія. Временное правительство, созданное въ ополченіи вокругъ Ляпунова, собрало въ себѣ представителей этихъ враждебныхъ группъ, но оно скоро погибло вслѣдствіе ихъ слѣпой вражды. Общій патріотическій порывъ не могъ, такимъ образомъ, погасить народныя страсти и примирить обостренную рознь. Попытка создать общее земское правительство не удалась, и страна, не желавшая польской власти, не имѣла въ сущности никакой. Тогда, въ 1611 году, сложилась, наконецъ, программа дѣйствій, именемъ патріарха призывавшая къ единенію не всѣхъ вообще русскихъ людей, а только консервативные слои населенія: землевладѣльческій служилый классъ и торговопромышленный тяглый. Ихъ силами создано было нижегородское ополченіе, освобождена Москва и побѣждены казаки. Правительство 1613 года и земскіе соборы времени царя Михаила стали органами этихъ восторжествовавшихъ въ борьбѣ среднихъ слоевъ московскаго общества. Политика царя Михаила была поэтому одинаково холодна къ интересамъ и старинной родовой знати, и крѣпостной рабочей массы: она руководилась интересами общественной середины, желавшей по-своему опредѣлить и укрѣпить порядокъ въ освобожденной отъ поляковъ странѣ.

I.

Обыкновенно принято думать, что тотчасъ послѣ смерти Грознаго началась въ Москвѣ «борьба боярскихъ партій». Виднѣйшіе боярскіе роды, пользуясь личною слабостью царя Ѳеодора и предвидя конецъ династіи, открыли борьбу за вліяніе и власть, стремились стать ближе къ престолу, чтобы въ удобную минуту совсѣмъ захватить его въ свой родъ. За могущественнѣйшими родами стояли ихъ «партіи»—ихъ родня и сторонники, и такимъ образомъ все боярство втянулось въ борьбу, въ которой должны были «выставиться будущія династіи».

Но мы уже знаемъ, что боярство, старый правительственный и землевладѣльческій классъ, было раздавлено опричниною и потеряло свое прежнее положеніе у власти. Въ государевой думѣ его замѣнили новые люди. Конечно, трудно точно указать кругъ лицъ, который имѣлъ правительственное значеніе въ послѣдніе годы жизни Грознаго. Однако можно настаивать на томъ, что царь не

искалъ себѣ совѣтниковъ и исполнителей далѣе очень тѣснаго кружка приближенныхъ бояръ и «возлюбленниковъ». Бояре «изъ земскаго» кн. И. Ѳ. Мстиславскій и Н. Р. Юрьевъ, «изъ двора» или опричнины Б. Я. Бѣльскій и Годуновы, дьяки Щелкаловы и А. Шерефединовъ—вотъ замѣтнѣйшіе изъ приближенныхъ Грознаго. За ними стоятъ князья, служившіе въ опричномъ государевѣ дворѣ: нѣсколько Шуйскихъ, В. Ѳ. Скопинъ-Шуйскій и Ѳ. М. Трубецкой. Наконецъ, со времени свадьбы Грознаго съ Марьею Нагою начинаютъ пользоваться значеніемъ Нагіе [39]. Всѣ эти люди представляютъ собою новый слой московской знати, возникшій именно въ эпоху опричнины, какъ первый образчикъ служилой и дворцовой аристократіи. Ихъ положеніе у дѣлъ создано не ихъ «отечествомъ», а личною службою и выслугою, или же отношеніями родства и свойства. Князь И. Ѳ. Мстиславскій былъ племянникомъ царя Ивана, сыномъ его двоюродной сестры Анастасіи. Юрьевы, Годуновы и Нагіе—это царскіе «шурья», братья государевыхъ женъ. Какъ они сами, такъ и ихъ родня, получили придворное значеніе по брачнымъ союзамъ московскихъ государей и держались, главнымъ образомъ, родственными связями. Богданъ Бѣльскій въ послѣднія лѣта Грознаго былъ временщикомъ по личному расположенію къ нему царя. Всѣ прочіе, названные выше, стояли на первыхъ мѣстахъ въ администраціи и войскѣ не по породѣ, а потому, что казались Грозному, въ большей или меньшей степени, надежными слугами. Изъ нихъ одна лишь семья Шуйскихъ вызывала въ царѣ нѣкоторое сомнѣніе. Въ 1569 году царь «велѣлъ князя Ивана Андреевича Шуйскаго изъ Смоленска (съ воеводства) свести для того, что отъ него человѣкъ сбѣжалъ въ Литву»; а въ 1583 году царь взялъ поручную запись со всѣхъ сыновей князя Ивана Андреевича по ихъ братѣ, князѣ Васильѣ. Трудно сказать, на чемъ основаны были подозрѣнія противъ этой семьи; во всякомъ случаѣ родъ Шуйскихъ былъ единственнымъ изъ замѣтнѣйшихъ восточно-русскихъ княжескихъ родовъ, всѣ вѣтви котораго преуспѣвали въ эпоху опричнины. Только вѣрною службою въ новомъ «дворѣ» могли Шуйскіе держаться при Грозномъ въ то время, когда другіе большіе московскіе роды гибли въ опалахъ. Наконецъ, о дьякахъ и думныхъ дворянахъ—Щелкаловыхъ, Шерефединовѣ, Романѣ Олферьевѣ, Романѣ Пивовѣ, Игнатіѣ Татищевѣ и имъ подобныхъ нечего и говорить: только служба и личная послуга давали имъ значеніе [40].

Такимъ образомъ во время кончины Грознаго у московскаго трона, вопреки обычнымъ нашимъ представленіямъ, стоялъ не аристократическій кругъ государственныхъ чиновъ, не «могущественнѣйшіе роды боярскіе», какъ говорилъ С. М. Соловьевъ, а случайный кружокъ приближенныхъ царскихъ родственниковъ и довѣрен-

ныхъ лицъ. Этому кружку и завѣщалъ Грозный (если только онъ успѣлъ что-либо завѣщать) охрану своихъ дѣтей. Разумѣется, онъ и не думалъ устраивать формальную опеку надъ своимъ сыномъ Ѳеодоромъ въ видѣ «новой пентархіи или верховной думы», какъ выражался Карамзинъ. Не было ни малѣйшей нужды въ экстренномъ государственномъ учрежденіи, когда въ обычной «ближней думѣ» могли сойтись ближайшіе родственники молодого царя: его родной дядя Н. Р. Юрьевъ, его троюродный братъ И. Ѳ. Мстиславскій и его шуринъ Б. Ѳ. Годуновъ. Къ этому интимному совѣту Ѳеодора примыкали и Шуйскіе, потому что Юрьевы, Годуновы и Шуйскіе были между собою во многократномъ свойствѣ; именно: дочь Н. Р. Юрьева была за Ив. Ив. Годуновымъ; Б. Ѳ. Годуновъ и князь Д. И. Шуйскій были женаты на родныхъ сестрахъ; на родныхъ же сестрахъ изъ семьи Горбатыхъ-Шуйскихъ, Иринѣ и Евдокіи, были женаты князь И. Ѳ. Мстиславскій и Н. Р. Юрьевъ. Князь В. И. Шуйскій въ первомъ бракѣ своемъ имѣлъ женою княжну Е. М. Репнину, родные которой были «братья и великіе други» семьѣ «Никитичей» Романовыхъ. Вокругъ царя Ѳеодора было столько «своихъ» людей, и притомъ думныхъ, что и безъ всякой «пентархіи» было кому опекать неспособнаго монарха и «поддерживать подъ нимъ царство». И около другого сына Грознаго, царевича Димитрія, была своя родня—Нагіе. Къ нимъ, кажется, примыкалъ и оружничій царскій Б. Я. Бѣльскій, котораго иногда называютъ «дядькою» или воспитателемъ маленькаго царевича. Изъ бояръ перваго кружка Бѣльскій дружилъ, какъ видно, съ однимъ только Б. Годуновымъ, съ которымъ находился въ свойствѣ по женѣ Бориса. Остальные бояре были далеки отъ него. И Бѣльскіе и Нагіе не принадлежали къ высшей московской знати. Несмотря на то, что Бѣльскій, находясь въ большомъ приближеніи у Грознаго, былъ при немъ «первоближенъ и началосовѣтенъ», Грозный ему не сказалъ боярства, и Бѣльскій не былъ «вѣнчанъ славою совершенаго имени чиновска», пока при Борисѣ не сталъ окольничимъ, а при Димитріѣ бояриномъ. Нагіе же, рѣдко выслуживаясь до боярства, бывали и въ думныхъ дворянахъ. Въ «отечествѣ» своемъ и въ службѣ родня Димитрія и вообще люди его круга были гораздо пониже тѣхъ, кто держался около старшаго его брата Ѳеодора [41].

Ограничивая составъ правительственной среды немногочисленнымъ кругомъ царской родни и довѣренныхъ слугъ, мы тѣмъ самымъ уже устанавливаемъ опредѣленный взглядъ на придворныя смуты въ первые годы царствованія царя Ѳеодора Ивановича. Эти смуты не были борьбою за власть и за будущій престолъ «могущественнѣйшихъ» родовъ московской аристократіи, за которыми стояли бы цѣлыя партіи боярства; это были простыя столкновенія

за дворцовое вліяніе и положеніе между людьми, причитавшими себя въ родство съ царемъ. Политическое значеніе этой борьбѣ придали не тѣ цѣли, которыми первоначально руководились борцы, не тѣ средства, которыми они дѣйствовали, а тѣ результаты, къ какимъ привела эта борьба,—формальное признаніе Б. Годунова регентомъ государства. Только тогда, когда Б. Годуновъ сталъ «властодержавнымъ правителемъ» всего Россійскаго царства и тѣмъ самымъ открыто, хотя и косвенно, заявлена была неспособность царя къ правленію, придворное первенство Бориса обратилось въ политическое. Передача правленія въ руки Бориса и смерть царевны Ѳеодосіи совершили важный переломъ въ развитіи боярской смуты. Когда обнаружился вполнѣ физическій упадокъ бездѣтнаго царя и исчезли надежды на царское «плодородіе», то стало очевидно, что дворцовый временщикъ черезъ полномочія регента можетъ приблизиться къ обладанію престоломъ. Тогда только и могли возникнуть династическія притязанія и мечтанія какъ въ боярскомъ потомствѣ Рюрика, такъ и въ тѣхъ не княжескихъ семьяхъ стараго боярства, которыя считали себя честнѣе Годуновыхъ. До тѣхъ же поръ мы можемъ наблюдать лишь простыя придворныя ссоры.

Но прежде чѣмъ начались такія ссоры, въ Москвѣ произошелъ рядъ событій, не имѣвшихъ прямого отношенія къ боярской смутѣ послѣдующихъ лѣтъ, однако тревожныхъ и смутныхъ. Эти событія были вызваны необычнымъ состояніемъ царской семьи, въ которой старшій ея представитель, Ѳеодоръ, не былъ дѣеспособенъ, а младшій, Димитрій, не былъ правоспособенъ. Одинаковая непригодность ихъ къ личной дѣятельности какъ бы равняла ихъ въ отношеніи правъ на престолъ, и можно было опасаться, что найдутся люди, желающіе передать власть отъ Ѳеодора Димитрію. По крайней мѣрѣ, этого опасались приближенные Ѳеодора. Поэтому тотчасъ по смерти Грознаго было признано необходимымъ удалить изъ Москвы Димитрія и его родню. Царевича съ матерью, дядями и нѣкоторыми другими болѣе далекими родными отправили на его удѣлъ въ Угличъ. Кое-кого изъ Нагихъ послали въ Низовые города на воеводства. Выслали и Б. Бѣльскаго изъ Москвы послѣ какого-то уличнаго безпорядка, направленнаго противъ него. Но эта высылка людей, признанныхъ неудобными въ столицѣ, не имѣла вида суровой опалы. Съ углицкимъ удѣльнымъ дворомъ московскій дворъ сохранялъ доброжелательныя отношенія. Въ Москву съ именинъ царевича 19-го октября, на память мученика Уара («ангелъ его молитъ въ той день», «прямое жъ ему имя бысть Уаръ», поясняли лѣтописцы о царевичѣ Димитріѣ), присылали государю «пироги», а государь отдаривалъ царицу Марью Ѳедоровну мѣхами, а ея посланца А. А. Нагого камками и деньгами. Также и Бѣльскій,

удаленный изъ Москвы «отъ молвъ міра» въ Нижній-Новгородъ, былъ тамъ не ссыльнымъ и заключеннымъ, а воеводою, и сохранилъ санъ оружничаго. Годуновъ такъ заботился о немъ, что онъ пребывалъ тамъ «во обиліи и многомъ покоѣ»[42]. Каковы бы ни были въ частности поводы къ высылкѣ Нагихъ и Бѣльскаго, смыслъ этой мѣры внѣ спора: ни Нагіе, ни Бѣльскій на самомъ дѣлѣ не поднимали крамолы противъ Θеодора, но пребываніе въ Москвѣ какъ ихъ самихъ, такъ и питомца ихъ, маленькаго Димитрія, показалось опаснымъ для старшаго царевича, хотя и нареченнаго царемъ, но неспособнаго къ правленію. Руководители Θеодора испугались не открытаго покушенія, не дѣйствительно наступившей опасности, а только возможности интриги противъ старшаго брата въ пользу младшаго. Поэтому, быстрое удаленіе отъ двора того круга придворныхъ, изъ котораго могла выйти интрига, было не послѣдствіемъ уже происшедшей въ правительствѣ смуты, а предварительною мѣрою для ея предупрежденія. Что же касается до уличнаго движенія противъ Бѣльскаго, то по всѣмъ признакамъ въ немъ не было элементовъ противогосударственныхъ и противодинастическихъ. Направленное противъ отдѣльнаго правительственнаго лица, оно представляло собою, кажется, одну изъ тѣхъ площадныхъ случайностей, какія были знакомы Москвѣ и въ XVII вѣкѣ. Оба эти эпизода: и выѣздъ Нагихъ и Бѣльскаго изъ Москвы, и волненіе толпы противъ Бѣльскаго—въ развитіи смуты играютъ случайную роль. Изложеніе боярскихъ смутъ и борьбы за престолъ слѣдуетъ начинать не съ нихъ, а съ тѣхъ столкновеній, которыя произошли позднѣе между приближенными царя Θеодора, въ самомъ тѣсномъ правительственномъ кругѣ, державшемъ власть именемъ слабаго царя.

Въ центрѣ этого круга, какъ мы уже видѣли, стояли бояре кн. И. Θ. Мстиславскій, Н. Р. Юрьевъ и Б. Θ. Годуновъ. Къ этому же центру были близки и князья Шуйскіе: кромѣ Ивана Петровича Шуйскаго и Вас. Θед. Скопина-Шуйскаго, которымъ боярство дано было еще Грознымъ въ 1584 году, боярами были сказаны братья Василій и Андрей Ивановичи Шуйскіе. Среди остального боярства не было князей, равныхъ имъ по значенію. Ни одна вѣтвь Рюриковичей при воцареніи Θеодора не имѣла представителей въ думѣ, если не считать о к о л ь н и ч а г о Θ. М. Троекурова изъ невеликихъ ярославскихъ князей. Изъ князей же литовскаго корня состоялъ въ думѣ и доживалъ свой вѣкъ старѣйшій въ родѣ Булгаковыхъ князь Вас. Юрьев. Голицынъ, умершій воеводою въ Смоленскѣ въ 7093 (1584–1585) году; а остальные Булгаковы, какъ Голицыны, такъ и Куракины, по молодости еще не дошли до боярства и даже старшіе изъ нихъ были возводимы въ боярскій санъ уже при царѣ Θеодорѣ. Старшій изъ Трубецкихъ, бояринъ Θедоръ Михайловичъ,

стоялъ высоко въ служебномъ отношенiи, но не по отечеству, а по службѣ въ опричнинѣ. И самъ старикъ И. Ѳ. Мстиславскiй пользовался внѣшнимъ первенствомъ среди бояръ не столько по происхожденiю своему, сколько потому, что Грозный по родству его «жаловалъ и учинилъ его велика». Это бояре говорили Мстиславскимъ въ глаза. Такимъ образомъ рядомъ съ царскою роднею, Юрьевыми и Годуновыми, не Мстиславскiе, а именно Шуйскiе были виднѣйшими представителями коренной московской знати, и въ этомъ смыслѣ Горсей могъ съ полнымъ основанiемъ назвать Ивана Шуйскаго «первымъ принцемъ королевской крови» (prime prince of the bloud royall) среди московскаго боярства. Но именно на Шуйскихъ и видно, какъ мало значила порода въ московскомъ дворцѣ, только что пережившемъ опричнину. Въ то время, какъ Никита Романовичъ Юрьевъ и Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, оставаясь въ Москвѣ, распоряжались дѣлами и всѣмъ государствомъ, Шуйскiе были на воеводствахъ въ большихъ порубежныхъ городахъ. Въ 1584—1585 году Вас. Ѳед. Скопинъ-Шуйскiй былъ воеводою въ Новгородѣ, Ив. Петр. Шуйскiй—во Псковѣ, а Василiй Ивановичъ—въ Смоленскѣ. На ходъ дѣлъ при дворѣ могли они влiять очень мало, по крайней мѣрѣ до возвращенiя въ Москву. Но и во время пребыванiя ихъ при самомъ дворѣ не имъ принадлежало первое мѣсто. При воцаренiи Ѳеодора его занималъ, по единогласному указанiю современниковъ, Никита Романовичъ, изъ той самой семьи Захарьиныхъ, которымъ князья-бояре не хотѣли «служить» въ 1553 году. Друзьями его были Б. Ѳ. Годуновъ и дьяки Щелкаловы. Это и было настоящее правительство, а Мстиславскiе и Шуйскiе были только первыми чинами двора, говоря языкомъ нашей эпохи. Узы родства и свойства до поры, до времени связывали всѣхъ этихъ людей въ одинъ кружокъ; но эти узы были очень непрочны и разорвались при первомъ же толчкѣ [43].

Толчкомъ послужила болѣзнь Никиты Романовича: уже въ августѣ 1584 года она лишила его силъ, а въ апрѣлѣ 1585 года свела въ могилу. Пока онъ принималъ участiе въ дѣлахъ, онъ сохранялъ за собою безспорное первенство; когда же онъ сошелъ со сцены, за первое мѣсто могли поспорить всѣ остальные члены правившаго кружка, а въ особенности Мстиславскiй и Годуновъ. За Мстиславскаго была порода, титулъ и родство съ царемъ, хотя и дальнее. За Годунова была близость къ государю черезъ сестру-государыню и тѣсная связь съ Романовыми и Щелкаловыми. Объ этой связи имѣемъ много свидѣтельствъ со стороны людей, хорошо освѣдомленныхъ. Палицынъ опредѣленнѣе другихъ говоритъ, что Борисъ далъ клятву Никитѣ Романовичу «соблюдать» его дѣтей, попеченiе о которыхъ «ввѣрилъ» ему старый бояринъ. Что могло значить это «соблюденiе», разъясняетъ другой авторъ XVII вѣка.

говоря о Борисѣ и Романовыхъ, что Борисъ «клятву страшну тѣмъ сотвори, яко братію и царствію помогателя имѣти». Принадлежавшій къ семьѣ Романовыхъ, зять Никиты Романовича, кн. И. М. Катыревъ подтверждаетъ эти слова короткою фразою, что Годуновъ имѣлъ Романовыхъ «въ завѣщательномъ союзѣ дружбы». Союзъ ихъ былъ «завѣщательнымъ», конечно, потому, что начался еще при Никитѣ Романовичѣ и представлялъ семейную традицію, завѣщанную старикомъ. Замѣтимъ, что эта традиція держалась долго, черезъ все царствованіе Θеодора, до его смерти, когда старшій изъ Никитичей оказался соперникомъ Борису въ дѣлѣ царскаго избранія 1598 года. Такъ же тѣсна и продолжительна была и дружба Бориса съ Щелкаловыми, особенно же со старшимъ изъ нихъ, съ Андреемъ. По одному русскому извѣстію, Годуновъ даже называлъ Андрея Яковлевича Щелкалова себѣ «отцемъ». О дружескихъ отношеніяхъ царскаго шурина и «великихъ» дьяковъ, кромѣ извѣстій нѣкоторыхъ иностранцевъ, очень опредѣленно говоритъ Ив. Тимоѳеевъ. Онъ называетъ Андрея Щелкалова «наставникомъ и учителемъ» Бориса, отъ котораго Борисъ впервые научился, какъ ему «одолѣвать благородныхъ» и достигать власти. Между Щелкаловыми и Годуновымъ существовала, по мнѣнію Тимоѳеева, «крестоклятвена клятва», чтобы втроемъ утвердить за собою царство. Въ исполненіе этой клятвы Щелкаловы воцарили Бориса, возвели его какъ бы на небо, а онъ преступилъ свое цѣлованіе и отблагодарилъ имъ зломъ за благодѣянія. Каковы бы ни были тайныя отношенія Бориса и знаменитыхъ дьяковъ, Андрей Щелкаловъ имѣлъ громадное значеніе при царѣ Θеодорѣ до 1594 года, а Василій Щелкаловъ сохранилъ его и въ первые годы царствованія Бориса: оба брата были люди «сильные» и на нихъ нельзя было найти управы [44]. Съ такими связями, какъ Романовы и Щелкаловы, Борису можно было не бояться соперничества даже Мстиславскихъ. Пока первенство давалось дворцовыми отношеніями и близостью къ лицу государя, Годуновъ долженъ былъ имъ владѣть, потому что по сестрѣ-царицѣ онъ былъ очень близокъ къ царю, а въ остальной государевой роднѣ, среди «Никитичей», находилъ не вражду и противодѣйствіе, а «завѣщательный союзъ дружбы».

Еще до кончины Н. Р. Юрьева произошла первая ссора бояръ за первенство. Что ее вызвало, мы не знаемъ. Лѣтописецъ, составленный въ XVII вѣкѣ при дворѣ царя Михаила и патріарха Филарета Романовыхъ, очень сдержанно относясь къ событіямъ 1584—1585 годовъ, замѣчаетъ, что тогда вообще бояре «раздѣляхуся на-двое»: одну сторону составили Борисъ Θедоровичъ и прочіе Годуновы, а съ ними «иные бояре» (лѣтописецъ не называетъ здѣсь по имени Никитичей Романовыхъ, хотя именно ихъ прежде всего

коллективное челобитье о томъ, «чтобы ему, государю, вся земля державы царьскія своея пожаловати: пріяти бы ему вторый бракъ, а царицу перваго брака Ирину Өеодоровну пожаловати отпустити въ иноческій чинъ; и бракъ учинити ему царьскаго ради чадородія». Шуйскіе съ Діонисіемъ возбудили мірское челобитье о царскомъ чадородіи съ тонкимъ расчетомъ разорвать родственную связь Бориса съ царемъ и тѣмъ лишить Бориса его главной опоры. Забота о благополучіи династіи должна была оправдывать ихъ обращеніе къ московскому населенію и придавать видъ благонамѣренности земскому челобитью. Однако они ошиблись. Если бы Ирина была дѣйствительно безплодна, челобитье имѣло бы смыслъ: но царица нѣсколько разъ перенесла несчастные роды, до тѣхъ поръ, пока родилась у нея въ 1592 г. дочка Өеодосія. Какъ разъ въ то время, когда зрѣло это земское челобитье, направленное на сохраненіе династіи и на погибель Бориса, царская семья сама искала средствъ помочь своему несчастью не только дома, но даже и въ Англіи, откуда въ 1586 году послали царицѣ Иринѣ доктора и опытную акушерку (obstetricem expertam et peritam, quae partus dolores scientia leniat). Невозможно допустить, чтобы надежды царской четы имѣть потомство были утрачены уже въ 1587 году; поспѣшное челобитье о разводѣ могло только оскорбить царя и непремѣнно должно было показаться неумѣстнымъ по своей преждевременности. Составители челобитья и зачинщики движенія были отданы подъ слѣдствіе и обвинены въ «измѣнѣ» — терминъ, которымъ московскіе люди означали всѣ степени непослушанія властямъ. Первобытныя формы тогдашняго розыска и суда охотно допускали доносы въ число судебныхъ доказательствъ, и потому отъ холопей Шуйскихъ принимали всякіе доводы на господъ. Такъ создалось это дѣло объ «измѣнѣ» князя Ив. П. Шуйскаго. Съ разныхъ сторонъ мы слышимъ разсказы объ участіи въ этомъ дѣлѣ уличной толпы. Одни разсказываютъ, что эта толпа хотѣла «безъ милости побити каменьемъ» Бориса, когда узнала о его покушеніяхъ на Шуйскихъ; другіе говорятъ о народномъ сборищѣ около Грановитой палаты въ тѣ самые часы, когда бояре перекорялись у патріарха, призвавшаго ихъ съ цѣлью примирить. Если эта толпа и не покушалась на открытое насиліе, если даже и не грозила имъ, то уже одно скопленіе народа на Кремлевской площади могло испугать московское правительство, всегда подозрительное и осторожное. Въ Кремлѣ сѣли въ осаду, а когда убѣдились, что опасность прошла, то жестоко наказали коноводовъ толпы. За что московскій бояринъ раздѣлывался ссылкою, за то простые «мужики воры» платились своими головами [47].

Къ лѣту 1587 года въ Москвѣ уже не было опасныхъ соперниковъ Бориса. Старшій Мстиславскій, старшіе Шуйскіе окон-

чили свое земное поприще въ опалѣ и ссылкѣ; они недолго жили въ тѣхъ мѣстахъ, куда ихъ бросилъ царскій гнѣвъ, и ихъ скорая кончина подала поводъ къ такой молвѣ, будто ихъ убили по наущенію Бориса. Младшіе же родичи сосланныхъ и умершихъ бояръ, Ѳ. И. Мстиславскій и В. И. Шуйскій съ братьями (скоро возвращенные въ Москву), наконецъ, молодые Никитичи не могли стать наравнѣ съ Борисомъ Годуновымъ, который былъ на дѣлѣ и титуловался на словахъ «начальнымъ бояриномъ и совѣтникомъ царскаго величества». Не могли отнять у него первенства и тѣ, которыхъ возвышали взамѣнъ удаленныхъ. Не говоря о людяхъ второстепенной родовой и служилой чести, напримѣръ, о князьяхъ И. В. Сицкомъ, Б. П. Засѣкинѣ, Хворостининыхъ, о такихъ дѣльцахъ, какъ князья Ѳ. М. Троекуровъ и Ѳ. А. Писемскій,— даже любимый дядька царя Ѳедора Андрей Петровичъ Клешнинъ и знаменитые братья Щелкаловы, даже знатный родственникъ царскій князь Иванъ Мих. Глинскій уступали первое мѣсто Борису. Если «ближній» думецъ Клешнинъ, быстро возвышенный до окольничества, былъ слишкомъ незнатенъ по сравненію съ Борисомъ, и потому не могъ съ нимъ соперничать, какъ и «большіе ближніе дьяки» Щелкаловы, то И. М. Глинскій безспорно превосходилъ отечествомъ Бориса. Но, будучи женатъ на сестрѣ Борисовой жены, онъ вполнѣ подпалъ вліянію Бориса, какъ свидѣтельствуетъ его духовная 1586 года. Современники говорили о Глинскомъ, что онъ былъ малоуменъ и простъ [48].

Однако начальный бояринъ и совѣтникъ не могъ чувствовать себя спокойно, пока его положеніе у власти не было оформлено и закрѣплено. Къ этому Борисъ шелъ осторожно, съ большою постепенностью, пока не добился гласнаго признанія за нимъ правъ и положенія правителя, регента. Случилось это такимъ образомъ.

Съ болѣзнью и смертью Н. Р. Юрьева, когда не стало никакого авторитета въ Москвѣ, передъ которымъ бы склонялся и стѣснялся Борисъ, онъ упорно стремится къ тому, чтобы занять при дворѣ исключительное положеніе царскаго родственника и помощника и чтобы править дѣлами, «имѣя,—по выраженію Карамзина,—совѣтниковъ, но не имѣя ни совмѣстниковъ, ни товарищей». Очень рано черезъ различныхъ своихъ агентовъ сталъ онъ проводить именно такой взглядъ на себя. Извѣстный Горсей былъ однимъ изъ дѣятельныхъ распространителей этого взгляда. Въ 1586 году, когда еще не развязались у Бориса отношенія съ Шуйскими, Горсей уже доставилъ Борису отъ королевы англійской грамоту, въ которой Борисъ названъ былъ «кровнымъ пріятелемъ» и «княземъ». Говоря о Борисѣ въ своемъ «описаніи коронаціи» 1584 года (напечатанномъ уже въ 1589 году), Горсей также называетъ его княземъ (the prince) и правителемъ государства (livetenant of the

empire). Англичане, через Горсея узнававшіе о русскихъ дѣлахъ, въ томъ же 1586 году именовали Бориса лордомъ-протекторомъ Русскаго государства (prince Boris Fed. Lord Protector of Russia). Такъ проводилась въ англійскомъ обществѣ мысль о томъ, что Московскимъ государствомъ правитъ не одинъ царь, но и родственникъ его «большой бояринъ». И русскіе люди въ офиціальныхъ разговорахъ также рано, съ самаго начала 1585 года, стали усвоивать Годунову значеніе правящаго лица,—конечно, по инструкціямъ если не отъ самого Бориса, то отъ его «великихъ» и «ближнихъ» дьяковъ. Въ 1585 году московскій посланникъ Лукьянъ Новосильцевъ, на дорогѣ въ Вѣну, бесѣдовалъ со Станиславомъ Карнковскимъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ, между прочимъ о Борисѣ Ѳедоровичѣ. Архіепископъ, называя Бориса «правителемъ земли и милостивцемъ великимъ», сравнивалъ его съ Алексѣемъ Адашевымъ. «Прежъ сего,—сказалъ онъ,—былъ у прежняго государя Алексѣй Адашевъ, и онъ государство Московское таково жъ правилъ; а нынѣ на Москвѣ Богъ вамъ далъ такого жъ человѣка просужаго (то-есть, разумнаго, способнаго)». На это Новосильцевъ возразилъ, что «Алексѣй былъ разуменъ, а тотъ не Алексѣева верста: то великой человѣкъ—бояринъ и конюшій, а се государю нашему шуринъ, а государынѣ нашей братъ родной, а разумомъ его Богъ исполнилъ и о землѣ великій печальникъ». Эти слова въ отчетѣ посланника должны были дойти до царя и въ думѣ были выслушаны боярами [49]. Пока такія рѣчи о «правительствѣ» Бориса, какъ и его переписка съ владѣтельными особами, представлялись случайными успѣхами его личной притязательности, онѣ должны были возбуждать въ боярахъ неудовольствіе и раздражать ихъ. Въ такомъ чувствѣ раздраженія лежалъ, конечно, источникъ вражды къ Борису и противленія Шуйскихъ. Необходимо было утвердить и узаконить положеніе правителя, чтобы уничтожить возможность всякаго противленія. Этого Борисъ достигалъ многими мѣрами. Во-первыхъ, онъ постепенно усвоилъ себѣ «государевымъ словомъ» исключительный титулъ. Бояринъ съ 1581 года, онъ съ 1584 года сталъ «конюшимъ и бояриномъ», а затѣмъ мало-по-малу присоединилъ къ этому основному титулу званіе «слуги», «двороваго воеводы», «намѣстника Казанскаго и Астраханскаго» и «правителя». Въ 1595 году этотъ титулъ устами Василія Щелкалова былъ сказанъ, напримѣръ, въ такихъ словахъ: «великій государь нашъ царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Русіи самодержецъ, Богъ его государя сотворилъ дородна и храбра и счастлива, а по его государеву милосердію Богъ ему государю далъ такова жъ дородна и разумна шюрина и правителя, слугу и конюшаго боярина и двороваго воеводу и содержателя великихъ государствъ, царства Казанскаго и Астраханскаго, Бориса Ѳедоровича». Что этотъ ти-

тулъ не былъ простымъ наборомъ словъ, видно изъ того, какъ русскіе послы должны были говорить о немъ, напримѣръ, въ Персіи. Имъ предписывалось при разговорахъ о царскомъ титулѣ и о покореніи царствъ Казанскаго и Астраханскаго объяснять, между прочимъ, что «въ титлѣ описуется Борисъ Ѳедоровичъ Казанскимъ и Астраханскимъ содержателемъ» по той причинѣ, что «тѣ великія государства большія орды Астрахань и царство Казанское даны во обдержанье царского величества шюрину». О самомъ же Борисѣ послы должны были говорить, какъ объ особѣ исключительнаго государственнаго положенія. Въ 1594 году посолъ къ персидскому шаху князь А. Д. Звенигородскій обязанъ былъ объяснять при случаѣ, что государевъ шуринъ «Борисъ Ѳедоровичь не образецъ никому»; что «у великаго государя нашего... многіе цари и царевичи и королевичи и государьскіе дѣти служатъ, а у Бориса Ѳедоровича всякой царь и царевичи и королевичи любви и печалованья къ государю просятъ; а Борисъ Ѳедоровичъ всѣми ими по ихъ челобитью у государя объ нихъ печалуетца и промышляетъ ими всѣми, (потому) что онъ государю нашему... шуринъ, а великой государынѣ нашей... братъ родной и потому въ такой чести у государя живетъ» [50].

Выражая титуломъ и словесными объясненіями мысль о томъ, что Борисъ стоитъ внѣ обычнаго порядка московскихъ служебныхъ отношеній и руководитъ имъ сверху, какъ правитель,—московское правительство, руководимое Борисомъ, позаботилось выразить ту же мысль и дѣломъ. Съ 1586 года иностранныя правительства, бывшія въ сношеніяхъ съ Москвою, не разъ присылали Борису «любительныя» грамоты, потому что знали—по сообщеніямъ изъ Москвы—о его силѣ и вліяніи на ходъ дѣлъ. Получить случайно такую грамоту и съ царскаго позволенія на нее отвѣтить было, разумѣется, очень лестно и важно; но это еще не давало Борису постояннаго права участвовать въ сношеніяхъ съ иностранными правительствами въ качествѣ высшаго правительственнаго лица. А между тѣмъ подобное право всего скорѣе возвысило бы его до значенія царскаго соправителя. И Борисъ съумѣлъ добиться этого права формальнымъ порядкомъ. Докладывая государю о томъ, что онъ получаетъ на свое имя грамоты отъ чужеземныхъ государей, и спрашивая, долженъ ли онъ на нихъ отвѣчать, Борисъ въ 1588—1589 гг. побудилъ царя постановить съ боярами рядъ приговоровъ, для него чрезвычайно важныхъ. Царь «приговорилъ съ бояры», что Борису слѣдуетъ отвѣчать на грамоты владѣтельныхъ лицъ: «отъ конюшаго и боярина отъ Б. Ѳ. Годунова грамоты писати пригоже нынѣ и впередъ: то его царскому имени къ чести и къ прибавленью, что его государевъ конюшей и бояринъ ближній Б. Ѳ. Годуновъ ссылатись учнетъ съ великими государи». Въ августѣ 1588 года

такое постановленіе было сдѣлано по поводу сношеній съ крымскимъ ханомъ, въ маѣ 1589 года по поводу сношеній съ цесаремъ. И въ обоихъ этихъ случаяхъ постановленію приданъ общій характеръ: «да и къ инымъ ко всѣмъ государемъ, которые учнутъ къ Борису Ѳедоровичю грамоты присылати... приговорилъ государь съ бояры противъ ихъ грамотъ отъ боярина и конюшего отъ Бориса Ѳедоровича писати грамоты въ Посольскомъ приказѣ, и въ книги то писати особно, и въ посольскихъ книгахъ подъ государевыми грамотами». И дѣйствительно въ дѣлахъ Посольскаго приказа уцѣлѣли особыя «книги, а въ нихъ писаны ссылки царскаго величества шурина» съ иностранными правительствами [51].

Право постояннаго личнаго участія въ дипломатическихъ сношеніяхъ государства было для Бориса, послѣ выразительнаго титула, вторымъ и еще болѣе дѣйствительнымъ средствомъ укрѣпить высокое положеніе правителя. Третьимъ же къ тому средствомъ служилъ старательно обдуманный этикетъ, тонкости котораго были направлены къ тому, чтобы сообщить особѣ Бориса значеніе не простого государева слуги, а соправителя. Во время посольскихъ пріемовъ во дворцѣ Годуновъ стоялъ «выше рындъ» у государева трона, тогда какъ прочіе бояре сидѣли «въ лавкахъ» поодаль. Въ послѣдніе годы Ѳеодора онъ даже держалъ при этомъ «царскаго чину яблоко золотое», что служило символомъ его «властодержавнаго правительства». За его здоровье иногда «пили чашу слуги и конюшаго боярина Бориса Ѳеодоровича» вмѣстѣ съ государевою чашею и чашею цесаря. Послы, пріѣзжавшіе въ Москву, представлялись Борису съ большою торжественностью. Церемонія ихъ встрѣчи на Борисовомъ дворѣ, представленія Борису, отпуска и посылки отъ Бориса «кормовъ» посламъ была точною копіею царскихъ пріемовъ. Борису «являли» пословъ его люди: встрѣчалъ на лѣстницѣ «дворецкой» Богданъ Ивановъ, въ комнату вводилъ «казначей» Девятой Аѳанасьевъ; въ комнатѣ сидѣли Борисовы дворяне «отборные немногіе люди въ нарядѣ, въ платьѣ въ золотномъ и въ чѣпяхъ золотыхъ»; остальные же стояли «отъ воротъ по двору по всему, и по крыльцу, и по сѣнѣмъ, и въ передней избѣ». Послы приносили Борису поминки и величали его «пресвѣтлѣйшимъ вельможествомъ» и «пресвѣтлымъ величествомъ». Самый способъ объясненія съ послами былъ таковъ, что не оставлялъ въ послахъ сомнѣній на счетъ силы и власти «царскаго шурина». Такъ, Борисъ говорилъ цесарскому послу о персидскомъ шахѣ, что «шахъ во всей государевѣ волѣ»: «не токмо государева повелѣнья не ослушается, и меня шахъ въ томъ не ослушается, для того что онъ ко мнѣ всегда съ послы своими любительно приказываетъ и проситъ того у меня, чтобъ я о всѣхъ дѣлѣхъ у царскаго величества печаловался». Всѣ дѣла въ государствѣ, по словамъ Бориса, дѣлались «за его печалова-

ніемъ» и «его промысломъ». Самое обращеніе пословъ къ Борису оффиціально разсматривалось, какъ челобитье «съ великимъ прошеньемъ», чтобы онъ ходатайствовалъ у царя о дѣлѣ, и дѣло это дѣлалось «по повелѣнью великаго государя, а по приказу царскаго величества шурина». Словомъ, всѣмъ давалось понять, что Борисъ есть истинный носитель власти въ Москвѣ. Очень интересно одно позднѣйшее осложненіе этикета при «дворѣ» царскаго шурина. Если не ошибаемся, не позднѣе 1595 года рядомъ съ именемъ Бориса начинаетъ упоминаться имя его сына, и самъ Θедоръ Борисовичъ показывается, какъ дѣйствующее лицо въ церемоніяхъ. Когда Борисъ посылаетъ подарки шаху, Θедоръ посылаетъ подарокъ шахову сыну. Въ 1597 году Θедоръ Борисовичъ встрѣчаетъ цесарскаго посла «среди сѣней», даетъ ему руку и ведетъ къ отцу. Въ этомъ привлеченіи мальчика въ сферу политическихъ отношеній можно видѣть знакъ тонкой предусмотрительности Годунова и доказательство того, что всѣ мелочи его поступковъ и словъ, приведенныя выше, были обдуманы и соображены. Въ своемъ сынѣ онъ задолго до воцаренія уже намѣренъ былъ видѣть преемника своего положенія и власти [52].

II.

Такъ постепенно и вѣрно овладѣвалъ Борисъ властью въ государствѣ и такъ укрѣплялъ свое преобладаніе въ правительственной средѣ. «Властодержавное правительство» Бориса было узаконено и оформлено. Тѣмъ, кто не былъ доволенъ успѣхами «правителя», оставалось лишь негодовать на него и тайно его осуждать. Явная борьба съ нимъ была невозможна: для нея не было законныхъ средствъ. Къ тому же ни у кого не было и силъ для борьбы. Боярство не могло оправиться отъ опричнины и отъ репрессій 1585 и 1587 годовъ, и Борисъ безраздѣльно «правилъ землю рукою великаго государя». Однако, если бы придворное его вліяніе было слѣдствіемъ только ловкой интриги и угодничества, если бы оно не опиралось на большой правительственный талантъ, оно не было бы такъ глубоко и прочно. Но, безъ сомнѣнія, Борисъ обладалъ крупнымъ политическимъ умомъ и превосходилъ личными своими качествами всѣхъ своихъ соперниковъ. Его ума, по словамъ Ив. Тимоθеева, не отрицали даже его враги («ни врагъ его кто наречетъ сего яко безумна»); самъ же Тимоθеевъ думалъ, что Борисъ по уму былъ выше всѣхъ преемниковъ его по власти: «аще быша по семъ намъ иніи цари разуму»,—говоритъ онъ своимъ вычурнымъ слогомъ,—«но къ сего (Бориса разуму) стѣнь суть онѣхъ разумы, якоже познано есть во всѣхъ». Эта послѣдняя ссылка на общее мнѣніе, на то, что всѣми «познано», сдѣлана у нашего автора не

напрасно. Дарованія Годунова нашли себѣ общее признаніе у его современниковъ [53].

У всѣхъ иностранцевъ, писавшихъ въ то время о московскихъ дѣлахъ, мы обыкновенно читаемъ панигирики талантамъ Бориса. Даже Масса, особенно много клеветавшій на Годунова, признаетъ за нимъ необыкновенныя способности правителя и ему именно приписываетъ заслугу успокоенія страны послѣ смерти Грознаго. Русскіе писатели XVII вѣка въ ихъ отношеніяхъ къ Борису представляютъ любопытнѣйшій предметъ для наблюденія. Они писали свои отзывы о Борисѣ уже тогда, когда въ Архангельскомъ московскомъ соборѣ была «у праваго столпа» поставлена рака съ мощами царевича Димитрія и когда правительство Шуйскаго, дерзнувъ истолковать пути Промысла, объявило, что царевичъ Димитрій стяжалъ нетлѣніе и даръ чудесъ неповиннымъ своимъ страданіемъ именно потому, что пріялъ закланіе отъ лукаваго раба своего Бориса Годунова. Власть объявляла Бориса святоубійцею, церковь слагала молитвы новому страстотерпцу, отъ него пріявшему смерть; могъ ли рискнуть русскій человѣкъ XVII вѣка усумниться въ томъ, что̀ говорило «житіе» царевича и что̀ онъ слышалъ въ чинѣ службы новому чудотворцу? Современная намъ ученая критика имѣетъ возможность объяснить происхожденіе позднѣйшихъ житій царевича Димитрія изъ ранней «повѣсти 1606 года»: она можетъ прослѣдить тотъ путь, какимъ политическій памфлетъ постепенно претворялся въ историческій источникъ для агіографическихъ писаній; но въ XVII вѣкѣ самый острый и отважный умъ не былъ въ состояніи отличить въ житіи святого достовѣрный фактъ отъ сомнительнаго преданія. Въ наше время можно рѣшиться на то, чтобы въ дѣлѣ перенесенія мощей царевича Димитрія въ Москву въ маѣ 1606 года видѣть двѣ стороны: не только мирное церковное торжество, но и рѣшительный политическій маневръ, и даже угадывать, что для Шуйскаго политическая сторона дѣла была важнѣе и драгоцѣннѣе. Но русскіе люди XVII вѣка, если и понимали, что царь Василій игралъ святыней, все же не рѣшались въ своихъ произведеніяхъ ни отвергать его свидѣтельствъ, ни даже громко ихъ обсуждать. Одинъ дьякъ Ив. Тимоѳеевъ осмѣлился прямо поставить предъ своимъ читателемъ вопросъ о виновности Бориса въ смерти царевича, но и то лишь потому, что въ концѣ концовъ убѣдился въ винѣ Бориса и готовъ былъ доказывать его преступность. Онъ рѣшался спорить съ тѣми, кто не желалъ вѣрить винѣ Бориса: «гдѣ суть иже нѣкогда глаголющіи, яко неповинна суща Бориса закланію царскаго дѣтища?» спрашиваетъ онъ, принимаясь собирать улики на Годунова. Но Тимоѳеевъ—исключеніе среди пишущей братіи его времени: онъ всѣхъ откровеннѣе, онъ простодушно смѣлъ, искрененъ и словоохотливъ. Всѣ прочіе умѣютъ сдержать

свою рѣчь настолько, что ея смыслъ становится едва уловимымъ; они предпочитаютъ молчать, чѣмъ сказать неосторожное слово. Тѣмъ знаменательнѣе и важнѣе для историка двѣ особенности въ изложенiи дѣлъ Бориса независимыми и самостоятельными русскими писателями XVII вѣка. Если исключимъ изъ ихъ числа такихъ односторонниxъ авторовъ, какъ панигиристъ Бориса патрiархъ Iовъ и панигиристъ Шуйскихъ авторъ «повѣсти 1606 года», то сдѣлаемъ надъ прочими такое наблюденiе: во-первыхъ, они всѣ неохотно и очень осторожно говорятъ объ участiи Бориса въ умерщвленiи царевича Димитрiя, а во-вторыхъ, они всѣ славятъ Бориса, какъ человѣка и правителя. Характеристика Бориса у нихъ строится обыкновенно на красивой антитезѣ добродѣтелей Бориса, созидающихъ счастье и покой Русской земли, и его роковой страсти властолюбiя, обращающей погибель на главу его и его ближнихъ [54]. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ. Въ хронографѣ 1616—1617 года, авторъ котораго, къ сожалѣнiю безвѣстный, оставилъ намъ хорошiе образчики исторической наблюдательности и литературнаго искусства, мы читаемъ о смерти царевича одну только фразу, что онъ убiенъ «отъ Митки Качалова да отъ Данилки Битяговскаго; мнози же глаголаху, якоже убiенъ благовѣрный царевичъ Дмитрiй Ивановичъ Углецкой повелѣнiемъ московскаго боярина Бориса Годунова». Далѣе слѣдуетъ риторическое обращенiе ко «злому сластолюбiю власти», которое ведетъ людей въ пагубу: а въ слѣдующей главѣ дается самая благосклонная оцѣнка Борису, какъ человѣку и дѣятелю. Упокоивъ и устроивъ свое царство, этотъ государь, «естествомъ свѣтлодушенъ и нравомъ милостивъ», цвѣлъ «аки финикъ листвiемъ добродѣтели». Онъ могъ бы уподобиться древнимъ царямъ, сiявшимъ во благочестiи, «ащебы не тернiе завистныя злобы цвѣтъ добродѣтели того помрачи». Указывая на эту пагубную слабость Бориса, авторъ сейчасъ же замѣчаетъ: «но убо да никтоже похвалится чистъ быти отъ сѣти непрiязньственнаго злокозньствiя врага», то-есть, дiавола. Итакъ, объ участiи Бориса въ углицкомъ убiйствѣ авторъ упоминаетъ съ оговоркою, что это лишь распространенный слухъ, а не твердый фактъ. Не рѣшаясь его отвергнуть, онъ однако относится къ Борису, какъ къ жертвѣ «врага», который одолѣлъ его «злымъ сластолюбiемъ власти». Гораздо больше, чѣмъ винѣ Годунова въ смерти царевича, вѣритъ авторъ тѣмъ «хитростройнымъ пронырствамъ», съ помощью которыхъ Борисъ отстранилъ Романовыхъ отъ престола въ 1598 году. Эти пронырства онъ скорѣе всего и разумѣетъ, говоря о «завистной злобѣ» Годунова. Въ остальномъ же Борисъ для него — герой добродѣтели. Съ жалостливымъ сочувствiемъ къ Борису говоритъ онъ особенно о томъ, какъ внезапно была низложена врагами «доброцвѣтущая красота его царства». Знаменитый Авраамiй

Палицынъ не менѣе остороженъ въ отзывахъ о роли Бориса въ углицкомъ дѣлѣ. По его словамъ, маленькій царевичъ говорилъ и дѣйствовалъ «нелѣпо» въ отношеніи московскихъ бояръ и особенно Бориса. Находились люди, «великимъ бѣдамъ замышленницы», которые переносили все это, десятерицею прилыгая, вельможамъ и Борису. Эти-то враги и ласкатели «отъ многія смуты ко грѣху сего низводятъ, его же, краснѣйшэго юношу, отсылаютъ и не хотяща въ вѣчный покой». Итакъ, не въ Борисѣ видитъ Палицынъ начало грѣха, а въ тѣхъ, кто Бориса смутилъ. Ничего больше келарь не рѣшается сказать объ углицкомъ дѣлѣ, хотя и не принадлежитъ къ безусловнымъ поклонникамъ Годунова. Слѣдуя основной своей задачѣ—обличить тѣ грѣхи московскаго общества, за которые Богъ покаралъ его Смутою,—Палицынъ обличаетъ и Бориса, но углицкое дѣло вовсе не играетъ роли въ этихъ обличеніяхъ. Обрушиваясь на Бориса за его гордыню, подозрительность, насилія, за его неуваженіе къ старымъ обычаямъ и непочтеніе къ святынѣ, Палицынъ вовсе забываетъ о смерти маленькаго царевича и, говоря «о началѣ бѣды во всей Россіи», утверждаетъ, что бѣда началась какъ возмездіе за преслѣдованіе Романовыхъ: «яко сихъ ради Никитичевъ-Юрьевыхъ и за всего міра безумное молчаніе еже о истиннѣ къ царю». И въ то же время, какъ далеко ни увлекаетъ писателя его личное нерасположеніе къ Годунову, умный келарь не скрываетъ отъ своихъ читателей, что Борисъ умѣлъ сначала снискать народную любовь своимъ добрымъ правленіемъ—«ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть». Кн. И. А. Хворостининъ, такъ же какъ и Палицынъ, холоденъ къ Борису, но и онъ, называя Годунова лукавымъ и властолюбивымъ, въ то же время слагаетъ ему витіеватый панигирикъ; на убіеніе же Димитрія онъ даетъ читателю лишь темнѣйшій намекъ, мимоходомъ, при описаніи перенесенія праха Бориса изъ Кремля въ Варсонофьевъ монастырь. Высоко стоявшій въ московскомъ придворномъ кругу князь И. М. Катыревъ-Ростовскій доводился шуриномъ царю Михаилу и уже потому былъ обязанъ къ особой осмотрительности въ своихъ литературныхъ отзывахъ. Онъ повторилъ въ своей «повѣсти» офиціальную версію о закланіи царевича «таибниками» Бориса Годунова, но это не стѣснило его въ изложеніи самыхъ восторженныхъ похвалъ Борису. Ни у кого не найдемъ мы такой обстоятельной характеристики добродѣтелей Годунова, такой открытой похвалы его уму и даже наружности, какъ у князя Катырева. Для него и самъ Борисъ—«мужъ зѣло чуденъ», и дѣти его, Өедоръ и Ксенія,—чудныя отрочата. Симпатіи Катырева къ погибшей семьѣ Годуновыхъ принимаютъ какой-то восторженный оттѣнокъ. И сами офиціальные лѣтописцы XVII вѣка, помѣстившіе въ Новый Лѣтописецъ пространное сказаніе о убіеніи царевича по повелѣнію Бориса, ука-

зали въ дальнѣйшемъ разсказѣ о воцареніи Годунова на то, что Борисъ былъ избранъ всѣмъ міромъ за его «праведное и крѣпкое правленіе» и «людемъ ласку великую». Такъ во всѣхъ произведеніяхъ литературы XVII вѣка, посвященныхъ изображенію Смуты и не принадлежащихъ къ агіографическому кругу повѣствованій, личность Бориса получаетъ оцѣнку независимо отъ углицкаго дѣла, которое или замалчивается, или осторожно обходится. Что это дѣло глубоко и мучительно затрогивало сознаніе русскихъ людей Смутной поры, что роль Бориса въ этомъ дѣлѣ и его трагическая судьба дѣйствительно волновали умы и сердца,—это ясно изъ «временника» Ив. Тимоѳеева. Тимоѳеевъ мучится сомнѣніями и бьется въ тѣхъ противорѣчіяхъ, въ которыя повергаютъ его толки, ходившіе о Борисѣ. Съ одной стороны, онъ слышитъ обвиненія въ злодѣйствахъ, насиліяхъ, лукавствѣ и властолюбивыхъ козняхъ; съ другой—онъ самъ видитъ и знаетъ дѣла Бориса и самъ чувствуетъ, что однимъ необходимо надо сочувствовать, а другія должно осудить. Онъ вѣритъ въ то, что нетлѣніе и чудеса новаго угодника Димитрія—небесная награда за неповинное страданіе, но онъ понимаетъ и то, что подозрѣваемый въ злодѣйствѣ «рабоцарь» Борисъ одаренъ высокимъ умомъ и явилъ много «благодѣяній къ мірови». Какъ ни старается Тимоѳеевъ разрѣшить свои недоумѣнія, въ концѣ концовъ онъ сознается, что не успѣлъ разгадать Бориса и понять, «откуду се ему доброе прибысть». «Въ часѣ же смерти его,—заключаетъ онъ свою рѣчь о Борисѣ, — никтоже вѣсть, что̀ возъодолѣ и кая страна мѣрила претягну дѣлъ его: благая, ли злая» [55].

Что въ дѣятельности Бориса были черты, подкупавшія въ его пользу общественное мнѣніе, въ этомъ врядъ ли возможно сомнѣваться. Роль, выпавшая на долю Бориса въ государствѣ, была чрезвычайно трудна, но симпатична. Судьбы страны попали въ его распоряженіе въ ту минуту, когда правительство только что признало знакомый намъ общественный кризисъ и рѣшилось съ нимъ бороться, чтобы «поустроить землю». Отмѣна тархановъ и ограниченіе права сдѣлокъ на служилыя земли—«для воинскаго оскудѣнья», какъ мотивировала соборная грамота эти постановленія,—были первыми мѣрами борьбы съ кризисомъ. Установленныя на соборахъ 1580—1584 гг., эти мѣры не могли принадлежать Борису, такъ какъ не онъ тогда пользовался вліяніемъ. Но когда онъ взялъ власть, онѣ ясно указывали ему, что̀ надо дѣлать и о чемъ заботиться. Надобно было умиротворить страну, потрясенную политикою Грознаго и экономическимъ разстройствомъ, возстановить земледѣльческую культуру въ опустѣвшемъ центрѣ, устроить служилый людъ на ихъ обезлюдѣвшихъ хозяйствахъ, облегчить податное бремя для платящей массы, смягчить общественное недовольство и вражду между

различными слоями населенія. Въ такомъ направленіи и дѣйствуетъ Борисъ. При немъ правительство стремится усвоить болѣе мягкіе пріемы дѣйствія и обращенія. Самъ правитель Годуновъ хвалится тѣмъ, что водворилъ вездѣ порядокъ и правосудіе, что «строенье его въ землѣ таково, каково николи не бывало: никто большой, ни сильный никакого человѣка, ни худого сиротки не изобидятъ». Разумѣется, это риторика; но очень знаменательно, послѣ оргій Грознаго, что правитель вмѣняетъ въ честь и заслугу себѣ гуманность и справедливость. Привѣтливость, мягкость и любезность Бориса въ личномъ обращеніи засвидѣтельствованы многими современниками. Особенно характеристиченъ для него одинъ жестъ, обратившійся у него въ привычку,—браться за жемчужный воротъ рубашки и говорить, что и этою послѣднею готовъ онъ подѣлиться съ тѣмъ, кто въ нуждѣ и бѣдѣ. Эта привычная манера отмѣчена очевидцами Буссовымъ и Варкочемъ. При своемъ вѣнчаніи на царство, Борисъ въ порывѣ чувства и, очевидно, неожиданно для всѣхъ вспомнилъ свой обычай: схватился за «верхъ срачицы» и сказалъ патріарху, что онъ «и сію послѣднюю раздѣлитъ со всѣми». Не любившій Годунова Авр. Палицынъ осудилъ этотъ «высокій глаголъ», какъ непозволительную выходку, которой никто не догадался «возбранить»[56]. Вопреки Палицыну, можно однако думать, что «свѣтлодушіе» и обходительность Бориса не были только лукавою личиною. И какъ правитель, и какъ царь, онъ много поработалъ для бѣдныхъ и обиженныхъ. Не нужно приводить общеизвѣстныя мѣста изъ современныхъ Борису писателей для доказательства того, что онъ широко благотворилъ, заботился о правосудіи, защищалъ слабыхъ, искоренялъ произволъ и безпорядокъ. Искренній во всемъ, Тимоѳеевъ и въ оцѣнкѣ Бориса оказался искреннѣе и внимательнѣе другихъ писателей, составивъ обстоятельную характеристику правительственныхъ достоинствъ Бориса. Перебирая грамоты Борисова времени, мы видимъ, на самомъ дѣлѣ, частыя льготы и пожалованія. Самъ Годуновъ приказывалъ о своей правительственной дѣятельности говорить (въ 1591 году), что онъ «что ни есть земель всего государства, всѣ сохи въ тарханѣхъ учинилъ, во льготѣ: даней никакихъ не емлютъ, ни посохъ ни къ какому дѣлу». Хотя этимъ словамъ и нельзя вѣрить въ ихъ буквальномъ смыслѣ, но они гиперболически выражаютъ дѣйствительную тенденцію Бориса къ облегченію народныхъ тяготъ. Особенно ясна была эта тенденція при воцареніи Бориса, когда онъ служилымъ людямъ «на одинъ годъ вдругъ три жалованья велѣлъ дать», «а съ земли со всей податей, дани, и посохи, и въ городовые дѣла, и иныхъ никакихъ податей имати не велѣлъ», «и гостемъ и торговымъ людемъ всего Россійскаго государства въ торгѣхъ повольность учинилъ». Трудно, конечно, рѣшать, гдѣ въ подобныхъ мѣрахъ кончалась искренняя

и серьезная забота о народномъ благѣ и гдѣ начиналась погоня Бориса за личнымъ успѣхомъ. Но не подлежитъ спору, что подъ управленіемъ Бориса, по согласному мнѣнію современниковъ, страна испытала дѣйствительное облегченіе. Русскіе писатели говорятъ, что въ правленіе царей Ѳедора и Бориса Богъ «благополучно время подаде»: московскіе люди «начаша отъ скорби бывшія утѣшатися и тихо и безмятежно жити», «свѣтло и радостно ликующе», «и всѣми благинями Росія цвѣтяше». Иностранные наблюдатели также отмѣчаютъ, что положеніе Московіи при Борисѣ улучшалось, населеніе успокаивалось и прибывало, упавшая при Грозномъ торговля оживлялась и росла. Страна отдыхала отъ войнъ и жестокостей Грознаго и чувствовала, что правительственный режимъ круто измѣнился къ лучшему. Въ этомъ, конечно, слѣдуетъ видѣть крупную заслугу Бориса [57].

Однако положеніе дѣлъ было такъ сложно и запутано, что его нельзя было привести въ порядокъ одною кротостью и щедростью. Мы знаемъ, какъ далеко разошлись интересы разныхъ общественныхъ группъ и какая вражда легла между ними. Крупный и льготный землевладѣлецъ, монахъ землестяжатель, средній и мелкій разоренный помѣщикъ, застарѣвшій на частной землѣ крестьянинъ, гулящій человѣкъ, казакующій на Полѣ,—все это взаимные недруги, которыхъ нельзя ни помирить, ни одновременно удовлетворить. Тройное жалованье однимъ, возвращеніе льготъ и тархановъ другимъ, прощеніе недоимокъ и даней третьимъ—это очень важныя, но не коренныя мѣры: онѣ облегчали, но не исправляли положеніе, не уничтожали антагонизма. И самъ Борисъ долженъ былъ понимать, что правительство не можетъ угодить всѣмъ одинаково. Для достиженія собственныхъ цѣлей, для поддержанія порядка въ странѣ и для сохраненія боевыхъ своихъ средствъ оно должно было, не сливая своего интереса съ интересами одной какой-либо общественной группы, поддерживать каждую изъ нихъ, когда ея стремленія совпадали съ правительственными, и, напротивъ, бороться съ ними, когда ихъ желанія не соотвѣтствовали правительственнымъ. Какъ ни велико было желаніе Бориса завладѣть народнымъ расположеніемъ и какъ ни шатко бывало иногда направленіе его политики въ сложнѣйшихъ проявленіяхъ общественнаго кризиса, всетаки положеніе, въ какое онъ поставилъ себя по отношенію къ различнымъ слоямъ общества, далеко не всегда бывало примирительнымъ [58].

Прежде всего въ политическомъ кризисѣ, въ отношеніяхъ Грознаго къ княжеской знати, Борисъ не могъ, да врядъ ли и желалъ, взять на себя роль примирителя и успокоителя. Онъ далеко не былъ другомъ и сторонникомъ родословной знати; и эта знать, въ свою очередь, не могла его любить. Хронографъ 1616—1617 года даетъ

понять, что Борисъ погибъ именно потому, что навелъ на себя «отъ всѣхъ Русскіе земли чиноначальниковъ негодованіе». Иванъ Тимоѳеевъ также выражаетъ мысль, что разныя «досады» отъ Бориса «величайшимъ», то-есть боярству, вонзили въ сердца величайшихъ «неугасну стрѣлу гнѣва къ ненависти». Палицынъ мимоходомъ отмѣчаетъ, между «злосмрадными прибытками» Бориса, что «наипаче» онъ грабилъ «домы и села бояръ и вельможъ» и что «отай уже и вси поношаху его ради крови неповинныхъ, и разграбленій имѣній, и нововводимыхъ дѣлъ». Такъ говорятъ московскіе писатели. Съ другой стороны, посторонніе Москвѣ люди въ своихъ отзывахъ о Борисѣ какъ будто согласны съ московскими людьми. Польскіе послы въ Москвѣ въ 1608 году, Н. Олесницкій съ товарищами, говорили боярамъ, что «мужикамъ чорнымъ (pospolstwu) за Бориса взвыши прежнихъ господаровъ добро было (lepiey bylo), и они ему прямили, а иншые многіе въ порубежныхъ и въ иншыхъ многихъ городахъ и волостяхъ и теперь Борыса жалуютъ; а тяжело было за Борыса бояромъ, шляхтѣ (bojarom, szlachcie)». Исаакъ Масса думаетъ также, что при Борисѣ боярамъ было очень плохо: «Борисъ устранилъ всѣхъ знатнѣйшихъ бояръ и князей (пишетъ онъ) и такимъ образомъ совершенно лишилъ страну и высшаго дворянства и горячихъ патріотовъ». Наконецъ, Флетчеръ въ IX-й главѣ своего трактата, разсказавъ объ опричнинѣ и прочихъ мѣрахъ ослабленія княжеской знати, говоритъ, что эти мѣры были унаслѣдованы и правительствомъ Годуновыхъ, которые старались всѣми мѣрами истребить или унизить всю благороднѣйшую и древнѣйшую знать (the best and auncientest nobilitie). Достаточно приведенныхъ отзывовъ, чтобы увѣриться въ одной особенности политики Бориса. Онъ оставилъ въ силѣ и дѣйствіи ту систему Грознаго, которая была направлена противъ княжатъ и которую мы въ просторѣчіи зовемъ ея первоначальнымъ именемъ опричнины. Въ этомъ отношеніи Годуновъ оказался вѣрнымъ ученикомъ Грознаго и, продолжая отстранять отъ вліянія «великородныхъ» людей, давалъ ходъ людямъ «худороднымъ». Такая его манера не осталась незамѣченною. Масса и Флетчеръ говорятъ, что Борисъ желалъ замѣнить старую знать своею роднею. Иванъ Тимоѳеевъ пространно разсуждаетъ о томъ вредѣ, какой принесъ Борисъ государству, возвышая «безъ мѣры и времени» худородныхъ и невѣжественныхъ людей. Идея опричнины, словомъ, не умерла съ ея творцомъ. Если правительство Годунова не наслѣдовало отъ Грознаго его ужасающей жестокости, то сохранило его подозрительное недовѣріе къ обломкамъ старинной родовой аристократіи и держалось его обычая выбирать совѣтниковъ не по породѣ. Возвышеніе извѣстнаго Клешнина и значеніе думныхъ дьяковъ при Ѳеодорѣ Ивановичѣ и Борисѣ—лучшее тому доказательство. Не даромъ при Борисѣ его родичъ по родословцу

Юрій Пильемовъ свободно распространялся о томъ, что «великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ» и что государева опала понижаетъ высокихъ, а «Божье милосердіе и государево призрѣніе» возвышаетъ и малыхъ. Такая практика и такіе разговоры, разумѣется, должны были возбуждать «негодованіе чиноначальниковъ» противъ правительства, вдохновляемаго Борисомъ [59].

Въ обстоятельствахъ землевладѣльческаго кризиса Борисъ несомнѣнно сталъ на сторонѣ терпѣвшихъ отъ него землевладѣльцевъ, то-есть, того простого служилаго люда, который служилъ съ мелкихъ вотчинъ и помѣстій и составлялъ основную силу московской арміи. Главный хозяйственный интересъ этого общественнаго слоя состоялъ въ томъ, чтобы удержать за собою свои земли, а на земляхъ рабочее населеніе. Земли уходили, главнымъ образомъ, за монастыри; рабочихъ перезывали тѣ же монастыри и представители льготнаго «боярскаго» землевладѣнія; наконецъ, рабочее населеніе и само умѣло уходить на новыя землицы. Изъ двухъ заботъ—о землѣ и о рабочихъ людяхъ—правительство Бориса на первое мѣсто ставило заботу о людяхъ. Стремясь задержать и усадить населеніе на частныхъ земляхъ и, въ особенности, на земляхъ простого служилаго люда, правительство не отступило передъ мѣрами, направленными какъ противъ крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и противъ самого рабочаго населенія. Указами 1601 и 1602 года оно запретило крупнымъ земельнымъ собственникамъ «крестьянскую возку», то-есть перевозъ крестьянъ съ земель на земли, не запретивъ этого безусловно простымъ землевладѣльцамъ. Съ другой стороны, оно затрудняло крестьянскій выходъ уже тѣмъ, что приняло за правило, особенно послѣ писцовыхъ книгъ «101 года» (1592—1593), считать старожильцами, лишенными права перехода, всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые были записанны въ книгахъ на тягломъ жеребьѣ. Крѣпя за владѣльцами крестьянъ или, какъ выражается Палицынъ, «поселянъ, данныхъ имъ въ помѣстіяхъ», правительство желало прочнѣе закрѣпить за господами и прочую ихъ челядь. Указами 1586 и 1597 годовъ предписывалось непремѣнно формальнымъ порядкомъ укрѣплять «людей» и запрещалось держать «вольныхъ холоповъ» безъ документовъ. Авр. Палицынъ очень занимательно разсказываетъ о томъ, какъ ловко пользовались этими указами богатые и вліятельные люди. Они, притянувъ въ свои дома на «вольную» службу не одну чернь, но и служилыхъ воинскихъ людей «съ селы и съ винограды», выманивали и вымучивали отъ нихъ «написаніе служивое», то-есть кабалу. Польстившись на освобожденіе отъ государевой службы и на вольготную жизнь въ богатомъ боярскомъ дворѣ, такіе «вольные холопы» бывали наказаны формальною потерей свободы. Доходило до того, что кабалы вымогались отъ пьяныхъ, и легкомысленно принявшій боярское угощеніе

«по трехъ или по четырехъ чарочкахъ достовѣренъ неволею рабъ бываше». Это, конечно, были злоупотребленія, не предусмотрѣнныя закономъ, но они были возможны и легки именно потому, что законъ объ укрѣпленіи холоповъ былъ направленъ не противъ господъ, а противъ гулящаго люда, и имѣлъ цѣлью его прикрѣпленіе. Къ гулящему люду правительство Годунова относилось очень строго. Лѣтъ черезъ двадцать послѣ смерти Бориса московское правительство напоминало вольнымъ казакамъ, «какая неволя была имъ при прежнихъ государяхъ царяхъ московскихъ, а послѣднее при царѣ Борисѣ: не вольно было вамъ не токмо къ Москвѣ пріѣхать,—и въ украинные городы къ родимцамъ своимъ приттить; и купити и продати вездѣ заказано». И дѣйствительно, мы знаемъ, что рязанскій дворянинъ Захаръ Ляпуновъ понесъ въ 1603 году жестокое наказаніе за то, что посылалъ на Донъ казакамъ «всякіе запасы, заповѣдные товары». Занимая «дикое поле» городами по дорогамъ и на бродахъ, правительство забирало въ ихъ гарнизоны гулящее населеніе Поля, налагало свою руку на его земельныя угодья и ставило его къ казенной сохѣ на государевой десятинной пашнѣ. Такимъ образомъ, если нельзя было задержать рабочаго человѣка на мѣстѣ и вернуть бѣжавшаго «на старое печище», то его старались настичь на новомъ жительствѣ и возвратить тѣмъ или инымъ способомъ въ подчиненіе государству. Правительство Бориса, словомъ, всегда объявляло себя противъ выхода крестьянъ и холопей изъ ихъ зависимости и всегда предпочитало интересы нужныхъ ему служилыхъ землевладѣльцевъ интересамъ ихъ «работныхъ». Также послѣдовательно высказывалась имъ и мысль о неотчужденіи служилыхъ земель въ неслужилыя руки. Можно думать, что въ этомъ отношеніи Борисъ вообще держался принципа соборовъ 1580 и 1584 года, производя строгую провѣрку правъ владѣнія и даже временную конфискацію монастырскихъ земель при составленіи «книгъ 101 года». Но житейскія отношенія вели его къ уступкамъ, мѣры которымъ мы пока не знаемъ. Просьбы близкихъ людей и желанія благотворить духовенству заставляли его нарушать запрещеніе соборовъ и раздавать служилыя земли духовнымъ владѣльцамъ [60].

Итакъ, будучи поставленъ между разнородными и взаимно противорѣчащими интересами различныхъ общественныхъ слоевъ, Борисъ достаточно опредѣленно сталъ на сторону общественной середины. Къ старой знати онъ питалъ непріязнь, наслѣдованную отъ Грознаго и выросшую на почвѣ политической. Интересы трудовой массы, уходившей отъ крѣпостного ярма, онъ приносилъ въ жертву государственнымъ пользамъ, которыя отожествлялъ съ хозяйственными интересами служилыхъ землевладѣльцевъ. Заботясь о поддержаніи хозяйствъ на служилыхъ земляхъ, онъ оказывалъ поддержку низшимъ разрядамъ помѣстнаго служилаго класса. Прощая дани и

давая «повольность въ торгѣхъ», онъ всего болѣе покровительствовалъ высшимъ слоямъ тяглаго населенія, державшимъ въ своихъ рукахъ городской торгъ и промыселъ. Въ этихъ среднихъ классахъ и слѣдуетъ искать сторонниковъ и поклонниковъ Бориса. Если бы въ общемъ строѣ московской жизни средніе классы занимали господствующее положеніе, политика Бориса опиралась бы на прочное основаніе. Но при жизни Бориса средніе слои общества еще не владѣли положеніемъ. «Мужики черные» — «поспольство» по-польски — жаловали Бориса и рады были «прямить» ему. Простой народъ, по выраженію Массы, «взиралъ на него, какъ на Бога». Однако послѣдующія событія показали, что расположеніе мелкаго свободнаго люда не спасло Борисовой династіи отъ крушенія, когда на нее встали верхъ и низъ общества: старая знать — по политической непріязни и крѣпостная масса — по недовольству всѣмъ общественнымъ порядкомъ.

III.

До сихъ поръ мы изучали обстановку личнаго возвышенія и политической дѣятельности «правителя» Годунова. Для характеристики общихъ свойствъ и направленія этой дѣятельности мы одинаково пользовались фактами какъ его регентства, такъ и его царствованія, потому что не находимъ никакой разницы между этими двумя періодами въ отношеніи правительственной системы и пріемовъ Бориса. Но обстоятельства воцаренія Бориса въ 1598 году создали ему новую личную обстановку и измѣнили его отношенія къ знати, надъ которою онъ, какъ царь, высоко поднялся и изъ которой долженъ былъ выбирать себѣ сотрудниковъ и исполнителей. Мы увидимъ, съ какою быстротою сталъ разрываться кругъ близкихъ Годунову правительственныхъ людей и нарушались его дружескія отношенія и связи именно съ того времени, когда стало совершаться превращеніе «бодраго правителя» въ «великаго государя». Увидимъ также, что причиною разрыва Годунова съ его «крестоклятвенными» друзьями слѣдуетъ считать именно воцареніе Бориса, съ которымъ не вполнѣ, кажется, могли примириться друзья правителя.

Болѣзнь и смерть царевны Ѳеодосіи Ѳедоровны, послѣдовавшая, если мы не ошибаемся, 25-го января 1594 года, отняла у царя Ѳедора и царицы Ирины послѣднюю надежду имѣть потомство. Хотя и говорилось про царскую чету, что «оба государя млады и святы къ Богу» и что «по ихъ государской святой молитвѣ Богъ имъ дастъ, чего они просятъ», — однако конецъ династіи сталъ явенъ, и правитель Годуновъ не даромъ послѣ смерти царевны началъ «объявлять» своего сына Ѳедора при посольскихъ пріемахъ, какъ воз-

можнаго продолжателя «царскаго корене». Наблюдая постепенное угасаніе жизненныхъ силъ «изнемогавшаго» царя, Годуновъ готовился къ неизбѣжной развязкѣ и имѣлъ время обдумать, что ему дѣлать. Ему открывался путь къ престолу: надобно было идти по этому пути твердо и увѣренно, не допуская никого опередить себя. А между тѣмъ были люди, которымъ воцареніе Бориса не могло быть пріятно, и они, съ своей стороны, принимали мѣры. Есть извѣстія, что московскіе вельможи уже въ концѣ 1593 года обсуждали потихоньку планъ возведенія на московскій престолъ австрійскаго эрцгерцога Максимиліана. Андрей Щелкаловъ, посѣтивъ наканунѣ отпуска изъ Москвы, именно 7-го (17-го) декабря 1593 года, цесарскаго посла Варкоча, далъ ему щедрые подарки и подъ строжайшей тайною сообщилъ ему нѣкоторыя мысли, о коихъ Варкочъ взялся устно передать императору. Предметомъ этихъ мыслей было воцареніе Максимиліана на Москвѣ послѣ смерти Ѳеодора; по крайней мѣрѣ Варкочъ такъ представилъ дѣло Рудольфу II. Положимъ, этотъ дипломатъ не заслуживаетъ безусловнаго довѣрія, и то, что онъ доносилъ своему государю о Москвѣ, бывало иногда чистѣйшею басней. Однако идея о возведеніи на московскій престолъ нѣмецкаго принца, и именно Максимиліана, занимаетъ императора Рудольфа много лѣтъ, а въ 1598 году, послѣ смерти Ѳеодора, эта же идея оказывается знакома и Л. Сапѣгѣ, и Хр. Радивилу, и италіанскимъ дипломатамъ. Очевидно, она не была легкомысленною фантазіею одного только Варкоча, но казалась вѣроятною и исполнимою очень многимъ. Замѣчательно, что, по датѣ Варкоча, А. Щелкаловъ завелъ рѣчь объ этомъ дѣлѣ всего за нѣсколько недѣль до смерти маленькой царевны Ѳеодосіи. Знаменательно и то, что этотъ вліятельнѣйшій «великій дьякъ» потерялъ свою должность и попалъ въ немилость очень скоро послѣ своихъ разговоровъ съ Варкочемъ, именно не позднѣе мая 1594 года. Мы не знаемъ причинъ его опалы, но можемъ быть увѣрены, что онѣ не заключались въ обычныхъ преступленіяхъ по должности, такъ какъ братъ Андрея Щелкалова, Василій, солидарный съ нимъ во всѣхъ самоуправствахъ, не только остался цѣлъ, но еще и получилъ должность опальнаго брата. Вина Андрея не была простымъ «воровствомъ», а была, очевидно, «измѣною», которая «не дошла» даже до его родного брата. Мы въ правѣ предположить, что эта единоличная измѣна заключалась въ тайныхъ сношеніяхъ съ Варкочемъ, о которыхъ Борисъ могъ узнать отъ своихъ агентовъ, въ родѣ того Луки Паули, который ѣздилъ вмѣстѣ съ Варкочемъ и былъ имъ даже изобиженъ [61].

Но если даже предположеніе о причинахъ паденія А. Щелкалова будетъ принято какъ вѣроятное, все-таки надобно сказать, что вопросъ о престолонаслѣдіи, поднятый въ Москвѣ съ 1593—1594 гг., не привелъ къ открытому столкновенію между заинтересованными

лицами. Любопытнѣйшій разсказъ Варкоча о его бесѣдѣ съ А. Щелкаловымъ, да слухи о томъ, что не одинъ Борисъ достоинъ престола, пошедшіе по всей Руси немедленно послѣ смерти Өеодора,— одни указываютъ намъ на броженіе мыслей и страстей вокругъ вопроса о преемникѣ власти и сана бездѣтно угасающаго монарха. Москва въ тишинѣ ожидала развязки необычайнаго положенія. Всѣмъ было понятно, что послѣ смерти царя за его вдовою, царицею Ириною, должны были сохраниться права на власть, и никто не зналъ, пожелаетъ ли она ими воспользоваться. Съ другой стороны, въ послѣдніе годы царствованія Өеодора Борисъ такъ хорошо владѣлъ положеніемъ, что ни для кого не оставалось возможности открытаго съ нимъ состязанія. Всѣ недовольные состояніемъ дѣлъ должны были таить въ себѣ свои виды и планы.

Въ Крещеньевъ вечеръ 1598 года царь скончался. На всѣхъ государствахъ его царствія осталась государынею его супруга Ирина Өеодоровна, которой тотчасъ же весь «царскій синклитъ», съ ея братомъ правителемъ Борисомъ во главѣ, принесъ присягу въ присутствіи патріарха. Если бы Ирина захотѣла удержать власть за собою, никто бы ей не могъ прекословить. Все государство признало ея права на власть; ея именемъ отдавались приказанія: на имя царицы Ирины, а затѣмъ Александры (въ иночествѣ), писались отписки; въ Москвѣ и городахъ до нареченія на царство Бориса молились на ектеніяхъ за царицу. Но Ирина, мучимая сознаніемъ, что ею единою «царскій корень конецъ пріятъ», не пожелала остаться на осиротѣвшемъ престолѣ и ушла въ монастырь. И лишь тогда, когда совершилось отреченіе отъ престола и постриженіе въ иночество вдовы-государыни, въ Москвѣ открылось междуцарствіе и началось исканіе царя. Офиціальное обсужденіе вопроса было отложено до «сорочинъ» по усопшемъ царѣ. До тѣхъ же поръ въ государствѣ сохранялся временный порядокъ управленія, свидѣтельствующій о томъ, что и въ безгосударное время Москва могла быть крѣпка дисциплиною [62].

По смерти царя немедленно закрыли границы государства, никого чрезъ нихъ не впуская и не выпуская. Не только на большихъ дорогахъ, но и на тропинкахъ поставили стражу, опасаясь, чтобы никто не вывезъ вѣстей изъ Московскаго государства въ Литву и къ нѣмцамъ. Купцы польско-литовскіе и нѣмецкіе были задержаны въ Москвѣ и въ пограничныхъ городахъ, Смоленскѣ, Псковѣ и другихъ, съ товарами и слугами, и весь этотъ людъ получалъ даже изъ казны хлѣбъ и сѣно. Офиціальные гонцы изъ сосѣднихъ государствъ также содержались подъ стражею и по возможности скоро выпроваживались пограничными воеводами обратно за московскую границу. Гонцу Оршинскаго старосты въ Смоленскѣ не дозволили даже самому довести до водопоя лошадь, а о томъ, чтобы купить

что-либо на рынкѣ, нечего было и думать. Боялись московскіе люди и того, что сосѣднія государства задумаютъ воспользоваться междуцарствіемъ въ Москвѣ и откроютъ военныя дѣйствія. Въ городахъ отъ украйнъ принимали экстренныя мѣры. Смоленскія стѣны спѣшно достраивали, свозя на нихъ различные строительные матеріалы «тысячами» возовъ. Къ двумъ бывшимъ въ Смоленскѣ воеводамъ присоединили еще четырехъ. Усиленный гарнизонъ Смоленска не только содержалъ караулы въ самой крѣпости, но и высылалъ разъѣзды въ ея окрестности. Во Псковѣ также соблюдали величайшую осторожность и также былъ обновленъ административный составъ. Словомъ, Московское государство готовилось ко всякимъ случайностямъ и старательно оберегалось отъ посторонняго вмѣшательства и соглядатайства. Избраніе царя должно было совершиться не только безъ посторонняго участія и вліянія, но и втайнѣ отъ постороннихъ глазъ. Никто не долженъ былъ знать, въ какой обстановкѣ и съ какой степенью единодушія будетъ избранъ новый московскій государь [63].

Тѣмъ интереснѣе и цѣннѣе свѣдѣнія о московскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ, успѣвшія проникнуть сквозь смоленскія и псковскія заставы къ сосѣдямъ Московскаго государства. Если сопоставимъ эти недавно обнародованныя свѣдѣнія съ тѣмъ, что находится въ памятникахъ собственно московской письменности, то получимъ рядъ очень важныхъ указаній и намековъ на московскія событія 1598 года,—такихъ указаній и намековъ, которые освѣтятъ намъ смыслъ не одной лишь избирательной борьбы 1598 года, но и многихъ послѣдующихъ событій времени царя Бориса. Обычныя наши представленія объ избраніи Бориса въ цари придется значительно измѣнить, старые взгляды придется исправить.

Врядъ ли кто изъ серьезныхъ писателей рѣшится теперь повторять по поводу избранія Годунова въ цари старыя обличенія, столь горячо обращенныя на самого Бориса и на патріарха Іова Карамзинымъ, Костомаровымъ и И. Д. Бѣляевымъ. Можно считать окончательно оставленнымъ прежній взглядъ на царское избраніе 1598 года, какъ на грубую «комедію», и на земскій соборъ, избравшій Бориса, какъ на «игрушку» въ рукахъ лукаваго правителя. Послѣ извѣстнаго изслѣдованія В. О. Ключевскаго не остается сомнѣнія въ томъ, что составъ земскаго собора 1598 года былъ нормаленъ и правиленъ. «Въ составѣ избирательнаго собора (говоритъ г. Ключевскій) нельзя подмѣтить никакого слѣда выборной агитаціи или какой-либо подтасовки членовъ». Соборъ 1598 года по составу былъ совсѣмъ однороденъ съ соборомъ 1566 года: и на томъ, и на другомъ «было представительство по служебному положенію, а не по общественному довѣрію». Подобное представительное собраніе,—какъ бы мало, на нашъ взглядъ, оно ни отражало дѣйстви-

тельное настроеніе общества,—все-таки признавалось законнымъ выразителемъ общественныхъ интересовъ и мнѣній. Если мы удостовѣримся въ томъ, что соборъ 1598 года сознательно и свободно высказался въ пользу избранія именно Бориса, мы должны будемъ счесть его возведеніе на престолъ законнымъ и правильнымъ актомъ народной воли.

Съ формальной стороны именно такъ и было. Соборъ, въ нормальномъ составѣ, руководимый патріархомъ, единогласно нарекъ Годунова царемъ и многократными просьбами и настояніями вынудилъ его принять избраніе. Оставаясь при новомъ царѣ въ теченіе весны и лѣта 1598 года, сопровождая его въ походъ противъ татаръ къ Серпухову, соборъ закончилъ свою дѣятельность утвержденіемъ избирательной грамоты 1-го августа, въ которой соборное избраніе опять-таки представлено было единодушнымъ и единогласнымъ. Почти 500 подписей, находящихся на этой грамотѣ и принадлежащихъ членамъ собора, свидѣтельствуютъ намъ, что грамота эта была не своевольною поддѣлкою «лукавыхъ рачителей» Бориса, а дѣйствительнымъ актомъ правильной соборной дѣятельности. Нѣтъ возможности сомнѣваться, что официальная сторона царскаго избранія была обставлена такими формальностями, которыя обезпечивали избранію непререкаемую законность.

Но была во всемъ этомъ дѣлѣ и другая сторона, о которой шло столько толковъ и среди современниковъ, и среди позднѣйшихъ любителей исторіи. Одинъ ли Годуновъ былъ достоинъ избранія? не было ли у него соперниковъ? и если были, то какими средствами онъ ихъ устранилъ? Всѣ согласны въ томъ, что не безъ борьбы обошлось избраніе Бориса и что Борису надобно было вести агитацію въ свою пользу. Сдержанный «Новый Лѣтописецъ», вышедшій, по всей видимости, изъ дворца патріарха Филарета въ царствованіе его сына Михаила, съ кажущеюся откровенностью говоритъ, что при избраніи Бориса «князи Шуйскіе единые его не хотяху на царство: узнаху его, что быти отъ него людемъ и къ себѣ гоненію; онѣ же отъ него потомъ многія бѣды и скорби и тѣсноты пріяша». До сихъ поръ было принято этому вѣрить, хотя, можетъ быть, было бы основательнѣе полагать, что Романовскій лѣтописецъ поставилъ здѣсь имя Шуйскихъ, такъ сказать, для отвода глазъ. Вѣдь Шуйскіе не терпѣли отъ царя Бориса «потомъ» скорбей и тѣснотъ и съ этой стороны врядъ ли могли его «узнать». Не къ нимъ должна быть отнесена эта фраза лѣтописца, а всего скорѣе къ Романовымъ и Бѣльскому, которые дѣйствительно претерпѣли въ царствованіе Бориса. И въ самомъ дѣлѣ никакой другой источникъ не говоритъ объ участіи Шуйскихъ въ борьбѣ противъ Бориса; напротивъ, о Романовыхъ и Бѣльскомъ есть интересныя извѣстія, какъ о соперникахъ Бориса. Есть даже намеки на

прямое ихъ столкновеніе съ Годуновымъ въ 1598 году. Къ сожалѣнію, эти извѣстія и намеки недостаточно обстоятельны и ясны.

Когда Андрей Сапѣга сообщалъ изъ Орши, гдѣ онъ былъ старостою, гетману Христофору Радивилу первыя, наскоро собранныя извѣстія о московскихъ дѣлахъ по смерти царя Θеодора, то уже въ январѣ 1598 года могъ онъ точно назвать четырехъ претендентовъ на царскій санъ: Б. Θ. Годунова, кн. Θ. И. Мстиславскаго, Θ. Н. Романова и Б. Я. Бѣльскаго. Изъ нихъ наиболѣе серьезнымъ въ ту минуту считалъ онъ Θедора Никитича—по родству съ умершимъ царемъ, а наиболѣе рѣшительнымъ—Бѣльскаго, который, желая будто бы стать великимъ княземъ, пріѣхалъ въ Москву съ большимъ скопомъ (z wielkim ludem), какъ только узналъ о кончинѣ царя. Шпіоны Сапѣги сообщали ему, что московскіе люди опасаются даже кровопролитія при царскомъ избраніи. Тремя недѣлями позже А. Сапѣга получилъ извѣстіе, будто самъ царь Θедоръ, умирая, указывалъ избрать на царство Θедора или Александра Романовыхъ, или Мстиславскаго, или Годунова. При нѣкоторомъ обиліи подобныхъ новостей А. Сапѣга ни одного слова не слышалъ о какихъ бы то ни было притязаніяхъ Шуйскихъ: ихъ нѣтъ совсѣмъ въ числѣ претендентовъ, ни одна версія разсказовъ о московскихъ дѣлахъ не возвышаетъ Шуйскихъ до такой роли. Сапѣга знаетъ о Шуйскихъ только то, что одинъ изъ нихъ, будучи своякомъ (szwagrem) Бориса Годунова, старался примирить его съ Θедоромъ Никитичемъ и съ другими боярами и убѣждалъ бояръ ничего не дѣлать безъ вѣдома и участія Бориса. Это, очевидно, кн. Дмитрій Ивановичъ Шуйскій, который былъ женатъ на сестрѣ Борисовой жены и потому зачислялся въ сторонники Годунова. Такую же второстепенную роль знатной Годуновской родни отводитъ Шуйскимъ и Исаакъ Масса, когда говоритъ о времени Годунова; а у Ив. Тимоθеева и у Маржерета находимъ интересные намеки на приниженное положеніе Василія Шуйскаго и его братьевъ при «первоцарѣ» Борисѣ. Ни въ одномъ изъ прочихъ источниковъ, относящихся къ изучаемому моменту, Шуйскіе не стоятъ въ числѣ фамилій, притязавшихъ на вѣнецъ. Исключеніе составляетъ одна «повѣсть 1606 года» (иначе «иное сказаніе»), за которою твердо установлена репутація злостнаго памфлета, продиктованнаго кружкомъ самихъ Шуйскихъ. Нѣтъ нужды теперь доказывать, что этой повѣсти въ данномъ вопросѣ невозможно довѣрять. Стоитъ намъ вспомнить, что семья Шуйскихъ прошла при Грозномъ черезъ его опричнину и тѣмъ купила свою цѣлость и безопасность въ тяжелое время гоненій на Рюриково племя, и мы поймемъ всю лживость повѣсти, увѣряющей насъ, что при Грозномъ «великіе бояре» Шуйскіе были «вѣрными пріятелями» и «правителями» и «господіею» надъ «лукавымъ рабомъ» Борисомъ Годуновымъ. Нѣтъ, въ 1598 году политическая роль Шуйскихъ еще

не начиналась, и они, живя пока въ преданіяхъ опричнины, находились въ послушаніи у того самаго Годунова, надъ памятью котораго впослѣдствіи они такъ зло и неблагодарно надругались [64].

Соперниками Годунову были не Шуйскіе, а прежде всего Романовы. «Завѣщательный союзъ» дружбы, заключенный между ними и Борисомъ еще при жизни Никиты Романовича, въ свое время имѣлъ большой смыслъ для обѣихъ сторонъ. Старикъ Никита Романовичъ ввѣрилъ Борису «о чадѣхъ своихъ соблюденіе» потому, что онъ оставлялъ своихъ чадъ, особенно младшихъ, безъ твердой позиціи среди дворцовой знати: ни одинъ изъ нихъ до 1587 года не былъ въ боярахъ. По молодости Никитичей, дружба конюшаго царскаго Бориса Годунова могла имъ быть очень полезна. Съ другой стороны, и Годунову было важно дружить съ семьею Никитичей, потому что эта семья считалась царскою роднею и уже полвѣка пользовалась крѣпкою популярностью въ московскомъ обществѣ. Но годы шли, близился конецъ династіи, Никитичи стали высоко и твердо въ средѣ московскихъ бояръ сплоченною и многолюдною семьею, вокругъ которой собралось много другихъ близкихъ по родству и свойству семей. Въ качествѣ давней государевой родни, они должны были считать себя ближе къ престолу и династіи, чѣмъ Годуновы, недавно породнившіеся съ царскою семьею. Съ потомствомъ Калиты они были связаны уже въ двухъ поколѣніяхъ, и самъ царь Ѳеодоръ былъ ихъ крови; а Годуновы не могли похвалиться, чтобы царскій корень укрѣпился и процвѣлъ отъ родства съ ними. Когда начались въ Москвѣ разговоры о томъ, кому суждено наслѣдовать царское достоинство, противопоставленіе Романовыхъ и Годуновыхъ стало неизбѣжно и должно было вести къ разрыву старой дружбы. Ясные отголоски такихъ разговоровъ и противопоставленій сохранились до насъ одинаково какъ въ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ памятникахъ.

Въ московскомъ обществѣ очень рано создалось преданіе о томъ, что самъ царь Ѳедоръ «приказалъ быти по себѣ на престолѣ» Ѳедору Никитичу, «братаничю своему по матери». Слухъ объ этомъ пріобрѣталъ, въ изложеніи иностранцевъ, очень опредѣленную форму: царь Ѳедоръ передъ смертью передалъ или желалъ передать Романову свою корону и скипетръ въ знакъ того, что завѣщаетъ ему царство. То обстоятельство, что Романовы не воцарились въ 1598 году, объяснялось какъ козни и «предкновеніе» Бориса, который будто бы выхватилъ скипетръ изъ рукъ умиравшаго государя. Въ такомъ видѣ разсказы о Романовыхъ представляются какъ бы позднѣйшею эпическою обработкою историческаго преданія. Въ 1598 году, разумѣется, эти разсказы не имѣли еще поэтической законченности и изобразительности, но, какъ оказывается теперь, основа ихъ была уже готова. Черезъ шпіона А. Сапѣга зналъ, уже

въ началѣ февраля, московскій слухъ такого содержанія: Годуновъ спрашивалъ умирающаго царя, въ присутствіи царицы Ирины и Θедора Никитича, о томъ, кому быть на царскомъ престолѣ, надѣясь, что царь назоветъ его самого. Но Θедоръ отвѣтилъ ему: «ты не можешь быть великимъ княземъ, если только не выберутъ тебя единодушно; но я сомнѣваюсь, чтобы тебя избрали, такъ какъ ты низкаго происхожденія (z podłego narodu)». И царь указалъ на Θедора Никитича, какъ на вѣроятнѣйшаго своего преемника, давъ ему при этомъ совѣтъ, если его изберутъ на царство, удержать при себѣ Бориса, какъ умнѣйшаго совѣтника. Разсказывавшіе эту исторію выражали сначала увѣренность, что царемъ будетъ именно Θедоръ Романовъ, такъ какъ за него стоятъ вельможи (wojewodowie i bojarze dumni), какъ за царскаго родственника. Позже эта увѣренность поколебалась, когда выяснилось, что на сторонѣ Бориса не одно низшее дворянство и стрѣльцы, но и вся почти народная масса (pospólstwo niemal wszytko). Эти свѣдѣнія, сообщенныя А. Сапѣгою Хр. Радивилу, разошлись затѣмъ по всей Европѣ и сохранились даже въ италіанскомъ переводѣ. Они же читаются и у Ис. Массы; ихъ отголоски переданы Петреемъ и Буссовымъ. Словомъ, всѣ современники знакомы были съ тѣмъ, чего не могъ не знать и самъ Борисъ. На его дорогѣ къ трону стояла семья, за которою общественное мнѣніе признавало не меньшее, если не большее право наслѣдовать царскую власть. Къ невыгодѣ Бориса, это право основывалось на безспорной кровной близости къ угасшей династіи. Въ глазахъ современниковъ кровная связь была сильнѣйшимъ шансомъ Никитичей. Не мудрено, что о нихъ и о возможномъ воцареніи старшаго изъ нихъ держались такіе упорные и для Годунова оскорбительные слухи.

О другихъ возможныхъ соперникахъ правителя Бориса Θедоровича говорили гораздо менѣе. Особенно мало шансовъ было у царскаго оружничаго Б. Я. Бѣльскаго. Насколько можно судить о характерѣ этого человѣка, онъ представляется типичнымъ политическимъ карьеристомъ, легко идущимъ на беззаконіе. Въ 1584 году его обвиняютъ въ томъ, что онъ желалъ путемъ насильственнаго переворота передать московскій престолъ помимо старшаго брата Θедора младшему Димитрію. Въ 1598 году о немъ разсказываютъ, что онъ самъ назойливо выступалъ претендентомъ на престолъ. Въ 1600 году противъ него возникаетъ обвиненіе, что онъ затѣвалъ что-то противъ Годунова на южныхъ границахъ государства, въ Царевѣ-Борисовѣ, который ему было поручено построить и укрѣпить. Если присоединить къ этому еще обвиненіе, что онъ умертвилъ своего благодѣтеля царя Іоанна Грознаго, то наберется достаточно данныхъ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ оцѣнивали современники нравственныя достоинства Богдана Бѣльскаго.

Не будучи ни бояриномъ, ни даже окольничимъ, происходя изъ второстепеннаго служилаго рода Плещеевыхъ, онъ могъ только по исключительной дерзости своей мечтать о тронѣ. Одинъ слухъ о подобныхъ претензіяхъ, если даже онъ былъ и неоснователенъ, долженъ былъ раздражать и Бориса, и прочую знать. Наконецъ, послѣдній изъ соперниковъ Бориса, кн. Ѳ. И. Мстиславскій, имѣлъ гораздо болѣе данныхъ считаться въ числѣ претендентовъ. Его бабка была двоюродною сестрою Ивана Грознаго, а отецъ бывалъ неизмѣнно первымъ среди бояръ этого царя. Но мы уже однажды видѣли, что бояре не высоко цѣнили породу Мстиславскихъ и находили, что «великими» ихъ учинилъ Грозный не по отечеству, а своимъ жалованіемъ, по родству. Къ тому же Мстиславскіе пошли не отъ Рюрика, а отъ литовскаго Явнутія, и не были кореннымъ московскимъ родомъ [65].

Такимъ образомъ, въ рѣшительную минуту царскаго избранія, когда Борису оставалось сдѣлать послѣдній шагъ къ той завѣтной цѣли, къ которой онъ давно и такъ обдуманно приближался, Борисъ долженъ былъ узнать, что общественное мнѣніе не его одного прочитъ въ цари. Противъ него поставлена была семья Романовыхъ, рядомъ съ его именемъ произносилось имя Бѣльскаго и князя Мстиславскаго, шли даже какіе-то слухи о Максимиліанѣ. Не считая Максимиліана, кандидатура котораго врядъ ли имѣла серьезный смыслъ среди собственно московскихъ людей,—изъ русскихъ соперниковъ Бориса, кажется, одинъ лишь Мстиславскій опредѣленно устранился отъ борьбы, остальные же не сразу уступили Борису. Заключаемъ это изъ донесеній нѣмецкихъ и литовскихъ агентовъ. Мы уже видѣли, что А. Сапѣга въ январѣ 1598 года имѣлъ свѣдѣнія о возможности даже кровопролитія во время царскаго избранія; если это опасеніе и не было основательнымъ, оно все-таки свидѣтельствовало о смутномъ настроеніи умовъ и о тревожныхъ ожиданіяхъ. Въ началѣ февраля до А. Сапѣги доходитъ уже слухъ о томъ, что Годуновъ поссорился съ боярами и что Ѳедоръ Романовъ бросался на него съ ножомъ. Агенты Сапѣги сначала довели его до увѣренности, что именно этотъ Романовъ, а не Годуновъ, скорѣе всего будетъ избранъ на престолъ, и лишь постепенно убѣждался Сапѣга въ томъ, что у Годунова сильная партія и большіе шансы. Передавая объ этомъ, въ серединѣ февраля, Хр. Радивилу, онъ замѣчаетъ, что московскіе вельможи желали бы избрать на царство Ѳедора или Александра Романовыхъ, но что простонародье (pospolity człowiek) и стрѣльцы предпочитаютъ Годунова и что поэтому московскіе люди никакъ не могутъ сговориться и между ними большой расколъ и раздраженіе. Немногимъ позднѣе изъ Пскова писали о московскихъ дѣлахъ въ Германію, что Годуновъ воцарился насильно (mit gewallt) и что въ послѣднія двѣ

въ началѣ февраля, московскій слухъ такого содержанія: Годуновъ спрашивалъ умирающаго царя, въ присутствіи царицы Ирины и Ѳедора Никитича, о томъ, кому быть на царскомъ престолѣ, надѣясь, что царь назоветъ его самого. Но Ѳедоръ отвѣтилъ ему: «ты не можешь быть великимъ княземъ, если только не выберутъ тебя единодушно; но я сомнѣваюсь, чтобы тебя избрали, такъ какъ ты низкаго происхожденія (z podłego narodu)». И царь указалъ на Ѳедора Никитича, какъ на вѣроятнѣйшаго своего преемника, давъ ему при этомъ совѣтъ, если его изберутъ на царство, удержать при себѣ Бориса, какъ умнѣйшаго совѣтника. Разсказывавшіе эту исторію выражали сначала увѣренность, что царемъ будетъ именно Ѳедоръ Романовъ, такъ какъ за него стоятъ вельможи (wojewodowie i bojarze dumni), какъ за царскаго родственника. Позже эта увѣренность поколебалась, когда выяснилось, что на сторонѣ Бориса не одно низшее дворянство и стрѣльцы, но и вся почти народная масса (pospólstwo niemal wszytko). Эти свѣдѣнія, сообщенныя А. Сапѣгою Хр. Радивилу, разошлись затѣмъ по всей Европѣ и сохранились даже въ италіанскомъ переводѣ. Они же читаются и у Ис. Массы; ихъ отголоски переданы Петреемъ и Буссовымъ. Словомъ, всѣ современники знакомы были съ тѣмъ, чего не могъ не знать и самъ Борисъ. На его дорогѣ къ трону стояла семья, за которою общественное мнѣніе признавало не меньшее, если не большее право наслѣдовать царскую власть. Къ невыгодѣ Бориса, это право основывалось на безспорной кровной близости къ угасшей династіи. Въ глазахъ современниковъ кровная связь была сильнѣйшимъ шансомъ Никитичей. Не мудрено, что о нихъ и о возможномъ воцареніи старшаго изъ нихъ держались такіе упорные и для Годунова оскорбительные слухи.

О другихъ возможныхъ соперникахъ правителя Бориса Ѳедоровича говорили гораздо менѣе. Особенно мало шансовъ было у царскаго оружничаго Б. Я. Бѣльскаго. Насколько можно судить о характерѣ этого человѣка, онъ представляется типичнымъ политическимъ карьеристомъ, легко идущимъ на беззаконіе. Въ 1584 году его обвиняютъ въ томъ, что онъ желалъ путемъ насильственнаго переворота передать московскій престолъ помимо старшаго брата Ѳедора младшему Димитрію. Въ 1598 году о немъ разсказываютъ, что онъ самъ назойливо выступалъ претендентомъ на престолъ. Въ 1600 году противъ него возникаетъ обвиненіе, что онъ затѣвалъ что-то противъ Годунова на южныхъ границахъ государства, въ Царевѣ-Борисовѣ, который ему было поручено построить и укрѣпить. Если присоединить къ этому еще обвиненіе, что онъ умертвилъ своего благодѣтеля царя Іоанна Грознаго, то наберется достаточно данныхъ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ оцѣнивали современники нравственныя достоинства Богдана Бѣльскаго.

Не будучи ни бояриномъ, ни даже окольничимъ, происходя изъ второстепеннаго служилаго рода Плещеевыхъ, онъ могъ только по исключительной дерзости своей мечтать о тронѣ. Одинъ слухъ о подобныхъ претензіяхъ, если даже онъ былъ и неоснователенъ, долженъ былъ раздражать и Бориса, и прочую знать. Наконецъ, послѣдній изъ соперниковъ Бориса, кн. Ѳ. И. Мстиславскій, имѣлъ гораздо болѣе данныхъ считаться въ числѣ претендентовъ. Его бабка была двоюродною сестрою Ивана Грознаго, а отецъ бывалъ неизмѣнно первымъ среди бояръ этого царя. Но мы уже однажды видѣли, что бояре не высоко цѣнили породу Мстиславскихъ и находили, что «великими» ихъ учинилъ Грозный не по отечеству, а своимъ жалованіемъ, по родству. Къ тому же Мстиславскіе пошли не отъ Рюрика, а отъ литовскаго Явнутія, и не были кореннымъ московскимъ родомъ [65].

Такимъ образомъ, въ рѣшительную минуту царскаго избранія, когда Борису оставалось сдѣлать послѣдній шагъ къ той завѣтной цѣли, къ которой онъ давно и такъ обдуманно приближался, Борисъ долженъ былъ узнать, что общественное мнѣніе не его одного прочитъ въ цари. Противъ него поставлена была семья Романовыхъ, рядомъ съ его именемъ произносилось имя Бѣльскаго и князя Мстиславскаго, шли даже какіе-то слухи о Максимиліанѣ. Не считая Максимиліана, кандидатура котораго врядъ ли имѣла серьезный смыслъ среди собственно московскихъ людей,—изъ русскихъ соперниковъ Бориса, кажется, одинъ лишь Мстиславскій опредѣленно устранился отъ борьбы, остальные же не сразу уступили Борису. Заключаемъ это изъ донесеній нѣмецкихъ и литовскихъ агентовъ. Мы уже видѣли, что А. Сапѣга въ январѣ 1598 года имѣлъ свѣдѣнія о возможности даже кровопролитія во время царскаго избранія; если это опасеніе и не было основательнымъ, оно все-таки свидѣтельствовало о смутномъ настроеніи умовъ и о тревожныхъ ожиданіяхъ. Въ началѣ февраля до А. Сапѣги доходитъ уже слухъ о томъ, что Годуновъ поссорился съ боярами и что Ѳедоръ Романовъ бросался на него съ ножомъ. Агенты Сапѣги сначала довели его до увѣренности, что именно этотъ Романовъ, а не Годуновъ, скорѣе всего будетъ избранъ на престолъ, и лишь постепенно убѣждался Сапѣга въ томъ, что у Годунова сильная партія и большіе шансы. Передавая объ этомъ, въ серединѣ февраля, Хр. Радивилу, онъ замѣчаетъ, что московскіе вельможи желали бы избрать на царство Ѳедора или Александра Романовыхъ, но что простонародье (pospolity człowiek) и стрѣльцы предпочитаютъ Годунова и что поэтому московскіе люди никакъ не могутъ сговориться и между ними большой расколъ и раздраженіе. Немногимъ позднѣе изъ Пскова писали о московскихъ дѣлахъ въ Германію, что Годуновъ воцарился насильно (mit gewallt) и что въ послѣднія двѣ

въ началѣ февраля, московскій слухъ такого содержанія: Годуновъ спрашивалъ умирающаго царя, въ присутствіи царицы Ирины и Ѳедора Никитича, о томъ, кому быть на царскомъ престолѣ, надѣясь, что царь назоветъ его самого. Но Ѳедоръ отвѣтилъ ему: «ты не можешь быть великимъ княземъ, если только не выберутъ тебя единодушно; но я сомнѣваюсь, чтобы тебя избрали, такъ какъ ты низкаго происхожденія (z podłego narodu)». И царь указалъ на Ѳедора Никитича, какъ на вѣроятнѣйшаго своего преемника, давъ ему при этомъ совѣтъ, если его изберутъ на царство, удержать при себѣ Бориса, какъ умнѣйшаго совѣтника. Разсказывавшіе эту исторію выражали сначала увѣренность, что царемъ будетъ именно Ѳедоръ Романовъ, такъ какъ за него стоятъ вельможи (wojewodowie i bojarze dumni), какъ за царскаго родственника. Позже эта увѣренность поколебалась, когда выяснилось, что на сторонѣ Бориса не одно низшее дворянство и стрѣльцы, но и вся почти народная масса (pospólstwo niemal wszytko). Эти свѣдѣнія, сообщенныя А. Сапѣгою Хр. Радивилу, разошлись затѣмъ по всей Европѣ и сохранились даже въ италіанскомъ переводѣ. Они же читаются и у Ис. Массы; ихъ отголоски переданы Петреемъ и Буссовымъ. Словомъ, всѣ современники знакомы были съ тѣмъ, чего не могъ не знать и самъ Борисъ. На его дорогѣ къ трону стояла семья, за которою общественное мнѣніе признавало не меньшее, если не большее право наслѣдовать царскую власть. Къ невыгодѣ Бориса, это право основывалось на безспорной кровной близости къ угасшей династіи. Въ глазахъ современниковъ кровная связь была сильнѣйшимъ шансомъ Никитичей. Не мудрено, что о нихъ и о возможномъ воцареніи старшаго изъ нихъ держались такіе упорные и для Годунова оскорбительные слухи.

О другихъ возможныхъ соперникахъ правителя Бориса Ѳедоровича говорили гораздо менѣе. Особенно мало шансовъ было у царскаго оружничаго Б. Я. Бѣльскаго. Насколько можно судить о характерѣ этого человѣка, онъ представляется типичнымъ политическимъ карьеристомъ, легко идущимъ на беззаконіе. Въ 1584 году его обвиняютъ въ томъ, что онъ желалъ путемъ насильственнаго переворота передать московскій престолъ помимо старшаго брата Ѳедора младшему Димитрію. Въ 1598 году о немъ разсказываютъ, что онъ самъ назойливо выступалъ претендентомъ на престолъ. Въ 1600 году противъ него возникаетъ обвиненіе, что онъ затѣвалъ что-то противъ Годунова на южныхъ границахъ государства, въ Царевѣ-Борисовѣ, который ему было поручено построить и укрѣпить. Если присоединить къ этому еще обвиненіе, что онъ умертвилъ своего благодѣтеля царя Іоанна Грознаго, то наберется достаточно данныхъ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ оцѣнивали современники нравственныя достоинства Богдана Бѣльскаго.

Не будучи ни бояриномъ, ни даже окольничимъ, происходя изъ второстепеннаго служилаго рода Плещеевыхъ, онъ могъ только по исключительной дерзости своей мечтать о тронѣ. Одинъ слухъ о подобныхъ претензіяхъ, если даже онъ былъ и неоснователенъ, долженъ былъ раздражать и Бориса, и прочую знать. Наконецъ, послѣдній изъ соперниковъ Бориса, кн. Ѳ. И. Мстиславскій, имѣлъ гораздо болѣе данныхъ считаться въ числѣ претендентовъ. Его бабка была двоюродною сестрою Ивана Грознаго, а отецъ бывалъ неизмѣнно первымъ среди бояръ этого царя. Но мы уже однажды видѣли, что бояре не высоко цѣнили породу Мстиславскихъ и находили, что «великими» ихъ учинилъ Грозный не по отечеству, а своимъ жалованіемъ, по родству. Къ тому же Мстиславскіе пошли не отъ Рюрика, а отъ литовскаго Явнутія, и не были кореннымъ московскимъ родомъ [63].

Такимъ образомъ, въ рѣшительную минуту царскаго избранія, когда Борису оставалось сдѣлать послѣдній шагъ къ той завѣтной цѣли, къ которой онъ давно и такъ обдуманно приближался, Борисъ долженъ былъ узнать, что общественное мнѣніе не его одного прочитъ въ цари. Противъ него поставлена была семья Романовыхъ, рядомъ съ его именемъ произносилось имя Бѣльскаго и князя Мстиславскаго, шли даже какіе-то слухи о Максимиліанѣ. Не считая Максимиліана, кандидатура котораго врядъ ли имѣла серьезный смыслъ среди собственно московскихъ людей,—изъ русскихъ соперниковъ Бориса, кажется, одинъ лишь Мстиславскій опредѣленно устранился отъ борьбы, остальные же не сразу уступили Борису. Заключаемъ это изъ донесеній нѣмецкихъ и литовскихъ агентовъ. Мы уже видѣли, что А. Сапѣга въ январѣ 1598 года имѣлъ свѣдѣнія о возможности даже кровопролитія во время царскаго избранія; если это опасеніе и не было основательнымъ, оно все-таки свидѣтельствовало о смутномъ настроеніи умовъ и о тревожныхъ ожиданіяхъ. Въ началѣ февраля до А. Сапѣги доходитъ уже слухъ о томъ, что Годуновъ поссорился съ боярами и что Ѳедоръ Романовъ бросался на него съ ножомъ. Агенты Сапѣги сначала довели его до увѣренности, что именно этотъ Романовъ, а не Годуновъ, скорѣе всего будетъ избранъ на престолъ, и лишь постепенно убѣждался Сапѣга въ томъ, что у Годунова сильная партія и большіе шансы. Передавая объ этомъ, въ серединѣ февраля, Хр. Радивилу, онъ замѣчаетъ, что московскіе вельможи желали бы избрать на царство Ѳедора или Александра Романовыхъ, но что простонародье (pospolity człowiek) и стрѣльцы предпочитаютъ Годунова и что поэтому московскіе люди никакъ не могутъ сговориться и между ними большой расколъ и раздраженіе. Немногимъ позднѣе изъ Пскова писали о московскихъ дѣлахъ въ Германію, что Годуновъ воцарился насильно (mit gewallt) и что въ послѣднія двѣ

*

недѣли (то-есть, въ первой половинѣ февраля) въ Москвѣ произошла великая смута изъ-за царскаго избранія: вельможи (die vornembsten) не желаютъ признавать Годунова царемъ. Эта смута передалась и въ области: многіе будто бы уклонились отъ присяги новому царю, и между прочимъ братія Псково-Печерскаго монастыря, которую привели ко кресту уже мѣрами понужденія.

Если даже и не придавать значенія и вѣроятія отдѣльнымъ подробностямъ всѣхъ этихъ слуховъ, все же остается безспорнымъ основной фактъ—колебаніе и раздѣленіе общественныхъ симпатій между различными кандидатами на царскій престолъ, главнымъ образомъ, между Θедоромъ Романовымъ и Борисомъ Годуновымъ. Можно вѣрить и тому, что первый изъ претендентовъ опирался на придворную знать, а второй находилъ приверженцевъ въ среднихъ слояхъ общества. Мы уже видѣли, что политика Бориса всего благосклоннѣе была именно къ среднимъ общественнымъ состояніямъ и именно въ нихъ всего популярнѣе былъ Годуновъ. Естественно предположить, что въ рѣшительные дни царскаго избранія, для успѣха въ избирательной борьбѣ, Годуновъ долженъ былъ обратиться къ дѣятельной агитаціи и прежде всего направить своихъ агентовъ въ расположенные къ нему слои столичнаго и городского населенія. Одною изъ мѣръ этого порядка мы можемъ счесть назначеніе на должности въ городахъ и въ самой Москвѣ надежныхъ, съ точки зрѣнія Годунова, лицъ. Служебныя назначенія, конечно, вполнѣ зависѣли отъ Годунова, пока онъ оставался во главѣ правительства. Нѣмецкое письмо изъ Пскова, уже извѣстное намъ, свидѣтельствуетъ, что во Псковъ послѣ кончины царя Θеодора были присланы новые чиновники изъ близкихъ къ Борису людей (die dem Gudenow verwandt). Новые воеводы, какъ мы видѣли, были посланы и въ Смоленскъ. По словамъ же Ивана Тимоѳеева, Годуновъ всю Москву наполнилъ родными и спомогателями, такъ что вездѣ было его «слухъ и око» и всѣ дѣйствія даже «самого архіерея», то-есть патріарха, руководились этими спомогателями. Другимъ видомъ агитаціи была посылка агентовъ по Москвѣ и городамъ съ цѣлью прямой подготовки среднихъ классовъ населенія къ избранію въ цари Бориса. И русскіе авторы (повѣсть 1606 года, Ив. Тимоѳеевъ) и иностранцы (Буссовъ) разсказываютъ объ этой агитаціи среди стрѣльцовъ и городского населенія и дѣлаютъ изъ нея своего рода улику противъ Бориса. Даже полицейское усердіе тѣхъ приставовъ, которые распоряжались 21-го февраля подъ Дѣвичьимъ монастыремъ въ городской толпѣ, авторъ «повѣсти 1606 года» ставитъ въ вину самому Борису. Такого вниманія не вызвала къ себѣ агитація другихъ претендентовъ, но это еще не значитъ, чтобы они къ ней не прибѣгали. Косвеннымъ путемъ мы можемъ и о ней собрать кое-какія данныя. Очень интересны

указанія на приходившія во Псковъ письма объ избирательныхъ дѣлахъ, общій смыслъ которыхъ былъ неблагопріятенъ для Бориса: между прочимъ печерскіе монахи не желали присягать Борису послѣ какого-то письма отъ ихъ игумена Іоакима; этотъ игуменъ, кстати сказать, не подписался лично подъ избирательною грамотою Бориса, хотя и былъ сосчитанъ въ числѣ участниковъ собора. Безъ сомнѣнія, орудіемъ агитаціи противъ Годунова была сначала попытка обвинить его въ смерти царевича Димитрія, а затѣмъ, уже послѣ избранія Бориса, попытка воцарить Симеона Бекбулатовича. На этихъ фактахъ необходимо нѣсколько остановиться.

Въ извѣстной намъ перепискѣ А. Сапѣги съ Хр. Радивиломъ сообщена, отъ 15 (5-го по старому стилю) февраля, невѣроятная, но очень важная для характеристики минуты, исторія о смерти царевича Димитрія и о желаніи Годунова замѣнить его самозванцемъ. Вотъ содержаніе этой странной исторіи: Сапѣга узналъ, «будто бы по смерти великаго князя (Θеодора) Годуновъ имѣлъ при себѣ своего друга, во всемъ очень похожаго на покойнаго князя Димитрія, брата великаго князя московскаго, который рожденъ былъ отъ Пятигорки (z Pecihorki, то-есть Маріи Темрюковны) и котораго давно нѣтъ на свѣтѣ. Написано было отъ имени этого князя Димитрія письмо въ Смоленскъ, что онъ уже сдѣлался великимъ княземъ. Москва стала удивляться, откуда онъ появился, и поняли, что его до времени припрятали. Когда этотъ слухъ дошелъ до бояръ, стали другъ друга разспрашивать. Одинъ бояринъ и воевода, нѣкій Нагой (Nahi), сказалъ: князя Димитрія на свѣтѣ нѣтъ, а сосѣдъ мой астраханскій тіунъ Михайло Битяговскій (ciwun Astarachański Michajlo Biczohowski) обо всемъ этомъ зналъ. Тотчасъ за нимъ послали и по пріѣздѣ стали его пытать, допрашивая о князѣ Димитріѣ, живъ ли онъ или нѣтъ. Онъ на пыткѣ сказалъ, что онъ самъ его убилъ по приказанію Годунова и что Годуновъ хотѣлъ своего друга, похожаго на Димитрія, выдать за князя Димитрія, чтобы его избрали княземъ, если не хотятъ его (Бориса) самого. Этого тіуна астраханскаго четвертовали, а Годунова стали упрекать, что онъ измѣнилъ своимъ государямъ, измѣною убилъ Димитрія, который теперь очень нуженъ, а великаго князя отравилъ, желая самъ сдѣлаться великимъ княземъ. Въ этой ссорѣ Θедоръ Романовъ (Kniaź Fiedor Romanowicz) бросился на Годунова съ ножомъ съ намѣреніемъ его убить, но этого не допустили. Говорятъ о Годуновѣ, что послѣ этого случая онъ не бываетъ въ думѣ». Таковъ разсказъ, передаваемый Сапѣгою. Воспользоваться имъ для исторіи настоящаго или ложнаго Димитрія, намъ представляется, совсѣмъ невозможно по изобилію въ немъ нелѣпостей. Въ разсказѣ царевичъ Димитрій названъ сыномъ Маріи, но не Нагой, а «Пятигорки», второй жены Грознаго; Михаилъ Битяговскій оказывается еще живъ въ 1598 году;

въ промежутокъ времени отъ смерти царя Θеодора и до 5-го февраля, въ теченіе четырехъ недѣль, Сапѣга умѣстилъ столько событій, сколько не помѣстилъ бы человѣкъ, хотя немного знакомый съ разстояніями и порядками Московскаго государства. Наконецъ, въ разсказѣ дается совсѣмъ невѣроятное объясненіе, почему Годуновъ выпустилъ въ свѣтъ самозванца. Словомъ, разсказъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія своею фабулою. Но важно появленіе такого разсказа въ 1598 году. Значитъ, еще Борисъ не сталъ царемъ, а идея самозванства уже бродила въ умахъ и на Бориса падало обвиненіе въ смерти царя Θеодора и его брата царевича. Если судить по разсказу Сапѣги, московскіе люди плохо помнили, чей сынъ и какого возраста былъ Димитрій, какъ ему приходился Нагой, какова была судьба Битяговскаго, но толковали, что царевича велѣлъ убить Борисъ. Готовы были вѣрить въ то, что могъ явиться или уже явился во имя Димитрія самозванецъ, но еще считали его пріятелемъ и креатурою Бориса и думали, что онъ—отъ Годунова, а не на Годунова. Не давая вѣры всему тому, что баснословилъ Сапѣга со словъ своихъ шпіоновъ, не можемъ однако отрицать, что эти баснословія, направленныя противъ Бориса, распространялись въ московскомъ обществѣ въ періодъ царскаго избранія, конечно, не для того, чтобы содѣйствовать воцаренію Годунова. Въ разсказѣ о Димитріѣ Годунову отводится самая черная роль и, наоборотъ, Θедоръ Никитичъ выступаетъ въ качествѣ благороднаго мстителя, желающаго въ порывѣ негодованія своею рукою покарать Бориса. Эта особенность намекаетъ намъ, въ чью пользу составленъ былъ разбираемый разсказъ и съ какою цѣлью онъ распространялся. Цѣль эта безспорно агитаціоннаго характера: объявивъ Бориса убійцею царя и царевича, лишали его необходимой для высокаго избранія нравственной безупречности [66].

Столь же интересенъ и другой эпизодъ съ воцареніемъ «великаго князя всея Руси» Симеона Бекбулатовича. Въ «подкрестной записи» Борису, составленной въ сентябрѣ, послѣ его вѣнчанія на царство, когда присяга новому царю, вѣроятно, была повторена по случаю этого вѣнчанія, не разъ дается обязательство не хотѣть на царство «царя Семіона Бегбулатова», не ссылаться съ нимъ и доносить о всякомъ движеніи или разговорѣ въ пользу царя Симеона или его сына. Отставленный еще Грознымъ отъ «великаго княженія всея Руси», Симеонъ почитался «великимъ княземъ тверскимъ», пока его въ правленіе Бориса не лишили «удѣла во Твери» и не свели на простую вотчину въ одно изъ тверскихъ селъ, именно Кушалино. Потерявъ свой многолюдный дворъ, Симеонъ обѣднѣлъ слугами и хозяйствомъ, утратилъ зрѣніе и жилъ въ скудости. Могъ ли онъ представлять теперь какую-либо опасность для всемогущаго царя Бориса? И если нѣтъ, то стоило ли упоминать его въ записи? С. М.

Соловьевъ и за нимъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ внимательно отнеслись къ этому вопросу, постарались объяснить, почему подозрительный Борисъ могъ ожидать движенія въ пользу Симеона, и заподозрили дату подкрестной записи—15-го сентября. Но они не знали тѣхъ обстоятельствъ, которыя произошли въ Москвѣ въ апрѣлѣ или маѣ 1598 года, предъ выѣздомъ Бориса въ Серпуховъ на татаръ. Андрей Сапѣга 6 (16-го) іюня сообщалъ Радивилу, что какъ разъ передъ походомъ на татаръ, нѣкоторая, и притомъ значительная, часть московскихъ бояръ и князей, имѣя во главѣ Бѣльскаго (Сапѣга называетъ его княземъ) и Өедора Никитича съ его братомъ (разумѣется, Александромъ), стали думать, какъ бы взамѣнъ нежелаемаго ими Бориса избрать на царство Симеона Шигалеевича, казанскаго царевича (Symeona syna Szugałejowego carewicza Kasańskiego), который живетъ далеко отъ Москвы, въ Сибири. Нареченный царь Борисъ узналъ объ ихъ совѣтѣ на него и успѣлъ его разстроить, указавъ боярамъ, что при опасности отъ татаръ нельзя заниматься внутренними счетами и раздорами. Однако онъ отправился на татаръ, не будучи вѣнчанъ на царство, хотя москвичи и настаивали на томъ, чтобы онъ скорѣе вѣнчался царскимъ вѣнцомъ. Въ этомъ сообщеніи Сапѣги, какъ и во всѣхъ прочихъ, истина перемѣшана съ пустыми слухами, и ее трудно отдѣлить отъ вздорныхъ прибавленій. Личность Симеона не вполнѣ извѣстна Сапѣгѣ. Называя его «казанскимъ» вмѣсто «касимовскаго», Сапѣга изъ того, что Симеонъ въ ссылкѣ, дѣлаетъ заключеніе, что онъ—въ Сибири, куда уже начинали тогда ссылать московскихъ опальныхъ. Нѣсколько наивно излагаетъ Сапѣга увѣщанія Бориса, вразумившія якобы заговорщиковъ. Но основной фактъ—движеніе бояръ, недовольныхъ избраніемъ Бориса, въ пользу «великаго князя» Симеона—болѣе чѣмъ вѣроятенъ. Проигравъ сами въ качествѣ кандидатовъ на царство, противники Бориса стали агитировать въ пользу человѣка, не бывшаго до тѣхъ поръ претендентомъ и не испытавшаго избирательной неудачи, но имѣвшаго нѣкоторое основаніе искать вновь той власти въ государствѣ, которою онъ уже разъ номинально обладалъ по прихоти Грознаго. Повела ли агитація за Симеона къ скопу и заговору, или ограничилась простыми разговорами, мы не знаемъ. Но она напугала Бориса и повела ко вставкѣ новыхъ обязательствъ въ подкрестную запись [67].

Итакъ, не позднѣе 1594 года начали въ Москвѣ думать о предстоящемъ прекращеніи династіи: Борисъ началъ рядомъ съ собою «объявлять» своего сына Өеодора, а А. Щелкаловъ бесѣдовалъ съ Варкочемъ о штирійскомъ эрцгерцогѣ. Сколько-нибудь опредѣленные шаги всякихъ претендентовъ были невозможны, пока не выяснилось поведеніе царицы Ирины. Когда же она удалилась отъ царства въ иноческую келью, оказалось, что санъ монарха у Бо-

риса Годунова желали оспаривать Романовы и Бѣльскій, а общественное мнѣніе указывало еще, какъ на возможныхъ кандидатовъ, на Ѳ. И. Мстиславскаго и Максимиліана. Трудно сказать точно, какія формы принимала избирательная борьба, но по всей видимости она была горяча и упорна. Конечно, эту именно борьбу съ такимъ сокрушеніемъ вспоминалъ въ своей «прощальной грамотѣ» патріархъ Іовъ, когда говорилъ о промежуткѣ времени между смертью царя Ѳедора и воцареніемъ Бориса, что его, стоявшаго на сторонѣ Бориса, постигли въ тѣ дни «озлобленіе и клеветы, укоризны, рыданія-жъ и слезы». Чувства не улеглись даже и послѣ того, какъ Бориса нарекли царемъ и, казалось, дѣло было окончено безповоротно. Спустя около двухъ мѣсяцевъ послѣ нареченія Годунова, нашли новаго ему соперника въ лицѣ Симеона Бекбулатовича и подняли шумъ, испугавшій Бориса. Всѣ озлобленія, клеветы и укоризны выборной горячки, кажется, не трогали прямо земскаго собора, а развивались, такъ сказать, за его спиною, въ народѣ. Это замѣтилъ уже В. О. Ключевскій, комментируя «повѣсть 1606 года». «Этотъ тенденціозный разсказъ (говоритъ онъ) даетъ понять, что агитація, затѣянная клевретами Годунова, ведена была прямо въ народной массѣ мимо собора и не коснулась его состава, не имѣла цѣлью подбора его членовъ, подтасовки голосовъ. Но она заставила соборъ выпустить изъ своихъ рукъ рѣшеніе вопроса и отдать его на волю народа, поднятаго агентами Годунова». Насколько это справедливо относительно агитаціи клевретовъ Бориса, настолько же справедливо и по отношенію къ другимъ претендентамъ. Особенно ясно это въ дѣлѣ Симеона Бекбулатовича, имя котораго было поставлено уже не противъ одного царя Бориса, но и противъ земскаго собора, въ то время окружавшаго избраннаго имъ царя и солидарнаго съ нимъ. Понятно при этихъ соображеніяхъ, почему Борисъ такъ дорожилъ торжественною формальностью при своемъ избраніи и вѣнчаніи, пышнымъ текстомъ избирательной грамоты, мелочною предусмотрительностью текста присяги. Въ этомъ онъ видѣлъ одно изъ средствъ укрѣпиться въ новомъ достоинствѣ. Онъ даже искалъ въ этомъ содѣйствія у церковной власти и прибѣгалъ къ покровительству самой святыни. Присягу ему приносили въ церквахъ, у мощей и чудотворныхъ иконъ, въ присутствіи высшаго духовенства. Избирательную грамоту спрятали въ раку мощей святителя Петра. Особое соборное опредѣленіе утверждало Борисово избраніе и грозило проклятіемъ всякому, кто рѣшился бы «отлучиться» отъ новаго государя и его избравшихъ. Въ текстѣ присяги, въ концѣ, была также фраза, обрекавшая проклятію всякаго, кто преступилъ бы вѣрность царю Борису. Не простою подозрительностью и мелочностью, какъ думаетъ С. М. Соловьевъ, вызваны были всѣ эти предосторожности, но условіями воцаренія Бо-

риса. Новый царь, вступая на царство, зналъ, что не всѣ одинаково желаютъ ему повиноваться [68].

Если мы сообразимъ, на основаніи разсмотрѣнныхъ извѣстій, кто именно оказался противъ Бориса, то поймемъ всю трудность и щекотливость его положенія. Ему пришлось соперничать и бороться съ своими былыми друзьями. Мы отмѣтили въ своемъ мѣстѣ, что за много лѣтъ до злополучнаго 1598 года образовался интимный дворцовый кружокъ, связанный «завѣщательнымъ союзомъ дружбы» и состоявшій изъ Романовыхъ и Годунова съ примыкавшими къ нимъ Щелкаловыми. Этотъ-то кружокъ и разсорился изъ-за вопроса о престолонаслѣдіи. Въ 1593—1594 году измѣнилъ Годунову А. Щелкаловъ, а въ 1598 году «измѣнили» и Романовы. Такимъ образомъ не старое титулованное боярство, очнувшись отъ ужасовъ Іоанновой опричнины, подняло свою голову, чтобы посадить на престолъ человѣка «великой породы» отъ колѣна Рюрикова; не политическая партія пыталась, возведя на тронъ своего вожака, захватить власть и силу въ государствѣ. Нѣтъ, здѣсь боролись отдѣльныя семьи и лица. Съ одной стороны, столкнулись изъ-за власти и сана вѣрные слуги только что усопшаго господина и старые другъ другу пріятели, умѣвшіе много лѣтъ въ согласіи дѣлить милости и ласку своего общаго хозяина и родственника, московскаго государя. А съ другой стороны, ничтожный, хотя и умный, авантюристъ и смутьянъ, какимъ былъ Бѣльскій, такъ много обязанный Годунову, заслышавъ о смерти нелюбившаго его царя Θеодора, явился въ столицу съ толпою челяди, готовый при случаѣ погубить своего милостивца и захватить власть въ свою пользу. Поставленный лицомъ къ лицу съ такими противниками, Годуновъ не могъ, не роняя достоинства своей власти и не вредя самому себѣ, мстить имъ за то, что они не хотѣли его избранія или могли быть сами избраны вмѣсто него. Противъ старыхъ бояръ можно было бы воскресить забытый терроръ въ интересахъ якобы государственнаго порядка; противъ партіи была бы возможна открытая борьба, а противъ отдѣльныхъ лицъ и семей была возможна одна низкая месть. Годуновъ не уронилъ себя до того, чтобы тотчасъ на нее рѣшиться, но не былъ въ состояніи и совсѣмъ отъ нея отказаться. Онъ ждалъ случая, который бы помогъ ему предъявить къ Романовымъ и Бѣльскому какое-либо серьезное обвиненіе, и, дождавшись, не пощадилъ ихъ. Мы не знаемъ, были ли они на самомъ дѣлѣ виноваты въ томъ, въ чемъ ихъ обвинили гласно и въ чемъ тайно заподозрили, но можемъ не сомнѣваться относительно того, что они были дѣйствительно враждебны Годунову и что, ссылая ихъ, Борисъ раздѣлывался съ виднѣйшими представителями оппозиціи, работавшей противъ него и до и послѣ его избранія.

Очень темно это дѣло (мы думаемъ, что это было одно дѣло) о

ссылкѣ Бѣльскаго и Романовыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объ отставкѣ Василія Щелкалова. Всѣ опалы и розыски послѣдовали, кажется, одновременно—въ старомъ 7109 году. Но предлоги для обвиненія этихъ лицъ были взяты разные. Бѣльскій пострадалъ по тому поводу, что неосторожно держалъ себя въ построенномъ имъ по порученію Бориса городѣ Царевѣ-Борисовѣ. Назначеніемъ этого городка была защита бродовъ на Сѣв. Донцѣ, близъ р. Оскола. Здѣсь былъ предѣльный пунктъ, котораго достигло тогда на югѣ московское правительство, и самое назначеніе Бѣльскаго на далекій югъ, въ дикое поле, было уже своего рода ссылкою, только безъ явной опалы. Но Бѣльскій не смущался этимъ. Онъ началъ работы своимъ «дворомъ» и велѣлъ всей рати дѣлать «съ того образца». Его «дворъ», люди и холопи, опять были на виду въ Царевѣ-Борисовѣ, какъ ранѣе въ 1598 году были они на виду въ Москвѣ, куда Бѣльскій привелъ «великій людъ» свой на царское избраніе. А кромѣ того возбуждала подозрѣніе та привѣтливость, съ какою Бѣльскій относился ко всей «рати», посланной съ нимъ въ новый городъ. Онъ ее поилъ, кормилъ, давалъ ей деньги, платье и запасы. Его, конечно, славословили, а онъ, по слухамъ, величался, говоря, что царь Борисъ на Москвѣ царь, а онъ царь въ Царевѣ-Борисовѣ. Такъ по крайней мѣрѣ было донесено Борису. Въ Борисѣ, по словамъ Тимоѳеева, уже было готово подозрѣніе противъ Бѣльскаго, что онъ желаетъ царства; поэтому Борисъ далъ вѣру доносу. Бѣльскаго схватили, лишили сана, «изринули отъ среды синклитства», конфисковали его имущество, распустили его дворъ, какъ это всегда бывало при опалахъ, и, наконецъ, подвергли «позорной казни», какою казнили «по градомъ» злодѣевъ и разбойниковъ, то-есть тѣлесному наказанію. Унизивъ такъ «желателя царства», Борисъ сослалъ его въ Низовые города въ тюрьму.

Такого же рода подозрѣніе погубило и семью Романовыхъ. Хотя ни изъ чего нельзя заключить, чтобы правительство Бориса предъявило Никитичамъ обвиненіе именно въ томъ, что они хотѣли покуситься на власть царя Бориса, однако на такой характеръ подозрѣній противъ Романовыхъ указываетъ уже то обстоятельство, что старшаго брата изъ Никитичей, Ѳедора, Борисъ велѣлъ постричь въ монахи,—мѣра, которая дѣйствительнѣе прочихъ лишала невольнаго постриженника возможности выступить на политическое поприще въ качествѣ претендента на власть и санъ. Съ другой стороны, даже въ офиціальныхъ сношеніяхъ негласно допускались намеки на политическія притязанія Романовыхъ. Такъ, одинъ изъ простоумныхъ приставовъ, бывшихъ при Романовыхъ, упоминалъ въ своемъ отчетѣ начальству, какъ онъ высказывалъ В. Романову, что они «злодѣи, измѣнники, хотѣли царство достати вѣдовствомъ и кореньемъ». Задолго до разгрома Романовскаго двора,

учрежденъ былъ надзоръ за братьями Романовыми, и Борисъ вызывалъ и поощрялъ доносы, «доводы» на нихъ: «всѣхъ доводчиковъ жалоеаше больше—Өедоровыхъ людей Никитича Романова съ братьею». По доносамъ дѣлали аресты, «имаху у нихъ людей многихъ» и нѣкоторыхъ даже пытали. Но люди не вѣдали ничего «за своими государями», пока не нашелся предатель Второй Никитинъ Бартеневъ. Онъ происходилъ изъ государевыхъ служилыхъ вотчинниковъ Бартеневыхъ, сидѣвшихъ гнѣздомъ въ Сурожскомъ стану Московскаго уѣзда; съ государевой службы ушелъ онъ во дворъ Өедора Никитича, а затѣмъ сталъ казначеемъ у Александра Никитича. Этотъ боярскій холопъ, вѣроятно, желая возвратиться на государеву службу, средствомъ для этого избралъ доносъ. Онъ донесъ, какъ говорятъ, облыжно, что его «государь» Александръ Никитичъ держитъ у себя «коренье» (это коренье самъ Бартеневъ подложилъ будто бы въ хозяйскую казну). Коренье нашли, Романовыхъ арестовали, допрашивали, даже приводили къ пыткѣ, и князя Ивана Черкаскаго съ ними. Родню Романовыхъ: Черкаскихъ, Сицкихъ, Репниныхъ, Шестунова, Карповыхъ, Шереметевыхъ также привлекли къ дѣлу. Допрашивали и пытали ихъ холоповъ. Образовался, словомъ, обширнѣйшій розыскъ, для котораго пресловутое «коренье» послужило, очевидно, только точкою отправленія. Невозможно допустить, чтобы одни волшебные корешки, безъ другихъ уликъ, послужили достаточнымъ основаніемъ для обвиненія цѣлаго родственнаго круга лицъ, принадлежавшихъ къ высшему слою служилаго класса, лицъ вліятельныхъ и популярныхъ, связанныхъ узами кровнаго родства съ только что угасшею династіею, къ которой Борисъ исповѣдовалъ такую благоговѣйную преданность. Очевидно, что Годуновъ съ его думцами боярами доискался чего-то болѣе серьезнаго, чѣмъ корешки. Одни корешки въ казнѣ Александра Никитича не привели бы къ царской опалѣ все «племя» виновнаго, какъ бы строго ни выдерживали свойственный тому времени принципъ групповой отвѣтственности. Происшедшее одновременно съ опалою Романовыхъ удаленіе В. Щелкалова, всегда близкаго къ племени Никиты Романовича, указываетъ на то, что предметомъ обвиненія служило не простое вѣдовство, а нѣчто болѣе сложное, выходившее за предѣлы личнаго или узко-семейнаго проступка. На то же намекаетъ и инструкція, данная приставамъ, отправленнымъ съ осужденными «измѣнниками» въ мѣста ихъ ссылки,—писать къ государю про тайныя государевы дѣла, что проявится отъ его государевыхъ злодѣевъ и измѣнниковъ. Не лишено значенія, что, по неоднократному свидѣтельству источниковъ, не столько самому Борису, сколько боярамъ его принадлежало первенство въ преслѣдованіи Романовскаго круга,—знакъ, что дѣятельность этого круга, вмѣненная въ преступленіе, трогала

не одного Бориса за убійство врядъ ли бы кто сталъ особенно настаивать противъ Никитичей и ломать имъ головы. А между тѣмъ, по Буссову, Петрею, «бояре многіе на нихъ, какъ звѣри, напали и проглотили». Самъ Ѳедоръ Никитичъ въ ссылкѣ говорилъ: «бояре мнѣ великіе недруги: искали головъ нашихъ, а иные научали на насъ говорити людей нашихъ, а я самъ видалъ то не однажды».—«Погубили насъ напрасно, безъ вины къ государю, въ наносѣ отъ своей же братьи», жаловался Василій Никитичъ: «а они на насъ наносили не узнавъ, а и сами они помрутъ скорѣй прежде насъ». Врядъ ли здѣсь было проявленіе личной злобы и мести противъ семьи Романовыхъ. Ниоткуда нельзя было заключить, чтобы у Романовыхъ были съ кѣмъ-либо частныя вражды или непріязнь; напротивъ, уже тогда популярность Никиты Романовича и его рода была закрѣплена пѣснями про Грознаго царя. Только политическая рознь, по нашему мнѣнію, могла на Романовскій кругъ вооружить бояръ другого, въ данномъ случаѣ Годуновскаго круга. Люди, связавшіе свои успѣхи съ господствомъ Бориса, могли бояться дѣятельности враждебныхъ Борису или далекихъ отъ него бояръ, въ томъ числѣ и братьевъ Никитичей, такъ какъ было извѣстно, что очень и очень многіе бояре не примирялись съ воцареніемъ Бориса.

Но чего именно можно было бояться въ данное время? Возстанія противъ царя Бориса? Но во имя кого могло быть поднято возстаніе? Ни одно лицо въ Московскомъ государствѣ, послѣ собора 1598 года и торжественныхъ вѣнчаній новаго царя, не могло надѣяться, чтобы присяга, Борису данная такъ недавно и съ такою торжественностью, была нарушена въ пользу новаго искателя власти. Возстановить народныя массы противъ Бориса было бы очень нелегко, такъ какъ популярность Бориса еще не была подорвана, и всякая попытка открытаго возмущенія безусловно обрекалась на неудачу. Но возможна была интрига. Какая?

Нѣкоторый, хотя и не вполнѣ ясный, отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ документы, относящіеся къ позднѣйшимъ годамъ. Въ 1605 году правительство Бориса, объявляя народу о войнѣ съ Самозванцемъ, называло Самозванца Гришкою Отрепьевымъ и указывало между прочимъ на то, что Гришка «жилъ у Романовыхъ во дворѣ». Въ 1606—1607 гг. посольство царя Василія Шуйскаго офиціально заявляло въ Польшѣ о Гришкѣ, что онъ «былъ въ холопехъ у бояръ у Микитиныхъ дѣтей Романовича и у князя Бориса Черкаскаго и, заворовався, постригся въ чернцы». Какъ бы повторяя эти правительственныя указанія, одно изъ частныхъ сказаній присоединяетъ къ нимъ интереснѣйшую подробность. О томъ, что Гришка «утаился» отъ царя Бориса въ монастырь и постригся, оно разсказываетъ въ прямой связи съ дѣломъ Романовыхъ и Черка-

скихъ и прибавляетъ, что Гришка «ко князю Борису Келбулатовичу (Черкаскому) въ его благодатный домъ часто приходилъ и отъ князя Ивана Борисовича честь пріобрѣталъ, и тоя ради вины на него царь Борисъ негодова». Дѣйствительно, по «дѣлу о ссылкѣ Романовыхъ» и по Новому Лѣтописцу видно, что князь Иванъ Борисовичъ Черкаскій былъ въ числѣ наиболѣе заподозрѣнныхъ, и сношенія съ нимъ Гришки могли навлечь на послѣдняго «негодованіе» Бориса. Съ другой стороны, когда Самозванецъ явился въ Польско-Литовскомъ государствѣ и тамъ заговорили о его чудесномъ спасеніи, то молва, всюду расшедшаяся отъ самого Самозванца, приписывала между прочимъ заслугу его сохраненія Б. Бѣльскому и Щелкаловымъ. Справедливость этой молвы Самозванецъ какъ бы подтвердилъ по своемъ воцареніи, осыпавъ милостями весь тотъ кругъ лицъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь. Изъ уцѣлѣвшихъ братьевъ Никитичей Ѳеодоръ-Филаретъ сталъ митрополитомъ, а Иванъ бояриномъ. Бѣльскому также сказано было боярство, а В. Щелкаловъ былъ пожалованъ въ окольничіе. Возможно какъ будто связать появленіе Самозванца и дѣятельность Гришки Отрепьева съ опалами на Бѣльскаго, Романовыхъ, Черкаскихъ и Щелкалова. Эта возможность представляется еще вѣрнѣе отъ того, что первые слухи о появленіи Самозванца народились въ Москвѣ какъ разъ въ пору розыска о Романовыхъ, а немногимъ позже и самъ Самозванецъ явился за литовскимъ рубежемъ, гдѣ его знаютъ уже въ 1601 году. Въ свое время Н. Бицынъ соблазнился такою возможностью и высказалъ мнѣніе, что нельзя сомнѣваться «въ существованіи полной солидарности боярской крамолы съ слухами о живомъ царевичѣ». Признаемся, что и намъ эта солидарность кажется болѣе чѣмъ вѣроятною, хотя нельзя не сознаться и въ томъ, что въ разбираемомъ дѣлѣ далеко не все съ такой точки зрѣнія становится яснымъ. Почему, если Романовы причастны были къ дѣлу подготовки Самозванца, ихъ обвиняли не въ этомъ, а въ томъ, что они хотѣли себѣ «достать царство»? Возможнаго изъ ихъ среды претендента на царскій престолъ, Ѳедора Никитича, поспѣшили постричь въ монашество и держали въ заточеніи до самой смерти Бориса, а нѣкоторыхъ другихъ виновныхъ, даже того князя Ивана Черкаскаго, который по преданію жаловалъ Отрепьева, нашли возможнымъ скоро возвратить изъ ссылки; изъ этого можно заключить, что обвиненіе въ желаніи достать царство старшему Романову не было вымысломъ, за которымъ Борисъ желалъ скрыть дѣйствительное обвиненіе въ подготовкѣ Самозванца. Съ другой стороны, если даже считать доказаннымъ, что опала Романовыхъ и всѣхъ другихъ была слѣдствіемъ ихъ сношеній съ знаменитымъ Отрепьевымъ, то предстоитъ еще выяснить отношеніе Гришки къ тому, кто взялъ на себя имя Димитрія, прежде чѣмъ опредѣлять,

въ чемъ тутъ заключались преступныя, съ точки зрѣнія Бориса, дѣйствія Никитичей и ихъ друзей [70].

Мы не имѣемъ надежды ни распутать, ни даже разрубить этотъ таинственный Гордіевъ узелъ и считаемъ себя не столь счастливыми, какъ тѣ писатели, для которыхъ все ясно въ исторіи ложнаго Димитрія. Но изложенныя выше замѣчанія ведутъ насъ къ нѣкоторымъ цѣннымъ и важнымъ выводамъ.

Изъ обстоятельствъ воцаренія Бориса и послѣдующихъ его столкновеній съ боярствомъ мы видѣли, кто сталъ противъ него въ борьбѣ за царскую власть. Послѣ того, какъ князья Шуйскіе и Мстиславскіе потерпѣли неудачу въ дворцовой борьбѣ съ Годуновымъ еще въ первое время его правленія, московская титулованная знать окончательно потеряла свою вѣковую позицію при московскомъ дворѣ. Сокрушенная опричниною и Годуновскимъ режимомъ, она не выставила въ 1598 году ни одного сколько-нибудь серьезнаго претендента на царскій вѣнецъ. Первое мѣсто въ государствѣ въ ту минуту принадлежало новой царской роднѣ некняжескаго происхожденія и ея дворцовымъ друзьямъ. Эта родня царей Іоанна и Ѳеодора стала теперь тянуться къ трону. Составляя при царѣ Ѳеодорѣ одинъ кружокъ, направленный противъ старой родовой знати, дворцовая знать позднѣйшаго происхожденія перессорилась между собою, когда пришло время наслѣдовать послѣднему царю. Сперва изверженъ былъ изъ кружка А. Щелкаловъ, затѣмъ въ 1600—1601 году опала постигла остальныхъ. Борисъ однимъ ударомъ разорвалъ съ тѣми, кто содѣйствовалъ его возвышенію. На это были серьезныя причины: Романовы, очевидно, не мирились съ воцареніемъ Бориса и увлекали за собою въ оппозицію и другія семьи. Въ нѣдрахъ этой оппозиціи, по всей видимости, зрѣла и мысль о самозванцѣ; но мы совсѣмъ не можемъ догадаться, какія формы она принимала. Преслѣдуя своихъ бывшихъ друзей, Борисъ разгромилъ боярскій кружокъ, къ которому самъ когда-то принадлежалъ, и остался въ сущности одинокимъ среди московскаго боярства. Кромѣ его родни, ближайшихъ къ нему вѣтвей потомства Мурзы-Чета, у него теперь не было друзей. А тайные враги, разумѣется, были. Къ нимъ принадлежали, между прочимъ, до поры до времени сдержанные и покорные князья Шуйскіе, по родословцу «старѣйшая братья» въ племени Александра Невскаго, и князья Голицыны, ведшіе себя отъ Гедимина и по своей молодости не имѣвшіе значенія въ пору возвышенія и правленія Годунова. Эти двѣ княжескія фамиліи, стоявшія въ тѣни въ изложенный нами періодъ, выступили впередъ позже, съ успѣхами самозванца и, ставъ во главѣ вторичной, позднѣйшей оппозиціи Годуновымъ, воскресили на время преданія московскихъ княжатъ. Но это случилось уже въ послѣдующій моментъ Смуты.

Первый же ея моментъ, изложеніе котораго мы кончаемъ, можетъ быть характеризованъ, какъ борьба небольшого кружка дворцовой знати за власть и престолъ. Орудіемъ этой борьбы обыкновенно была дворцовая интрига, а рѣшающее значеніе выпало на долю земскому собору, передавшему царскую власть въ руки Бориса.

IV.

Дворцовая смута, разсмотрѣнная нами, развивалась, какъ мы видѣли, въ сферѣ придворной, въ тѣсномъ кругѣ царскаго родства и свойства. Она не имѣла непосредственнаго отношенія ни къ одной изъ сторонъ знакомаго намъ общественнаго кризиса, не затрогивала пока ни одного общественнаго слоя въ его главнѣйшихъ нуждахъ и интересахъ. Если задавленная Грознымъ аристократія и знала о дворцовыхъ неурядицахъ, если даже отдѣльныя княжескія семьи и принимали участіе въ интригахъ, то все-таки Смута пока не трогала боярства въ его цѣломъ и не поднимала старыхъ, волновавшихъ боярство вопросовъ объ отношеніяхъ монарха и знати и о княжескомъ землевладѣніи. Тѣ бояре, которые ввязались въ дворцовую борьбу, дѣйствовали во имя личнаго или семейнаго интереса, а не по сословнымъ побужденіямъ. Прочее же общество, вѣроятно, очень мало было посвящено въ придворныя дѣла и отношенія и знало о боярскихъ ссорахъ по слухамъ, часто мало достовѣрнымъ, даже мало вѣроподобнымъ. Вспомнимъ, какія басни, благодаря этимъ слухамъ, попадали въ хроники современниковъ иностранцевъ, писавшихъ о московскихъ дѣлахъ. Если московская толпа и вовлекалась иногда въ уличное движеніе, какъ это было въ 1584 и 1587 годахъ, то она дѣйствовала безъ всякаго разумѣнія настоящей обстановки и отношеній и мгновенно остывала, когда устранялся ближайшій поводъ движенія. Въ такихъ уличныхъ движеніяхъ пока нѣтъ и признаковъ тѣхъ темъ, которыя волновали въ исходѣ XVI вѣка служилую и тяглую массу. Московская толпа въ тѣ годы бывала простою игрушкою въ рукахъ смутьяновъ.

Самозванцу первому было суждено поднять народныя массы въ болѣе или менѣе сознательномъ движеніи и передать этимъ массамъ рѣшеніе вопроса о судьбахъ престола. Съ его появленіемъ Смута перестаетъ быть дворцовою, хотя и остается пока смутою династическою, предметомъ которой служитъ только вопросъ о преемствѣ престола. Народныя массы встаютъ за царевича, чтобы возвратить ему отнятыя Борисомъ права, но онѣ еще мало помышляютъ о собственномъ интересѣ и объ удовлетвореніи собственныхъ нуждъ. Общественныя стремленія еще не проснулись въ нихъ. Привычная воинская организація, въ которой дѣйствовали тогда рус-

скіе люди, подчиняетъ ихъ вожакамъ и предводителямъ и обращаетъ ихъ въ такое орудіе борьбы, которое посильно и послушно служитъ тому, кому вѣритъ. Когда воинская масса стала вѣрить Самозванцу болѣе, чѣмъ Годунову, она доставила ему побѣду и царство и, пожалуй, была бы готова обратиться къ прежнему покою, если бы дальнѣйшія событія не продолжали ее колебать.

Для нашей цѣли нѣтъ ни малѣйшей необходимости останавливаться на вопросѣ о личности перваго Самозванца. За кого бы ни считали мы его—за настоящаго ли царевича, за Григорія Отрепьева, или же за какое-либо третье лицо,—нашъ взглядъ на характеръ народнаго движенія, поднятаго въ его пользу, не можетъ измѣниться: это движеніе вполнѣ ясно само по себѣ. Однако, чтобы не оставаться передъ читателемъ съ закрытымъ забраломъ, мы не скроемъ нашего убѣжденія въ томъ, что Самозванецъ былъ дѣйствительно самозванецъ и притомъ московскаго происхожденія. Олицетворивъ собою идею, бродившую въ московскихъ умахъ уже во время царскаго избранія 1598 года, и снабженный хорошими свѣдѣніями о прошломъ подлиннаго царевича, очевидно, изъ освѣдомленныхъ круговъ, Самозванецъ могъ достичь успѣха и пользоваться властью только потому, что его желали привлечь въ Москву владѣвшіе положеніемъ дѣлъ бояре. Но, съ другой стороны, бояре могли это сдѣлать только потому, что Самозванецъ имѣлъ православно-русскій обликъ и народу казался своимъ, московскимъ человѣкомъ. Если подготовку Самозванца можно приписывать тѣмъ боярскимъ домамъ, во дворахъ которыхъ служивалъ Григорій Отрепьевъ, то успѣхъ и окончательное торжество Самозванца должно относить уже не насчетъ только этого круга бояръ, а насчетъ вообще всѣхъ тѣхъ боярскихъ и иныхъ кружковъ, которые стали стремиться къ политической дѣятельности въ государствѣ, потерявшемъ съ династіею и устойчивость политическаго порядка. Мы въ этомъ убѣдимся изъ дальнѣйшаго изложенія.

Въ концѣ апрѣля 1604 года Самозванецъ явился изъ Кракова въ Самборъ, опредѣливъ свои отношенія къ королю Сигизмунду и папскому престолу. Для него открылась возможность гласно готовиться къ походу на Москву. Онъ вербовалъ войска и подготовлялъ, черезъ своихъ агентовъ, умы пограничнаго населенія къ возстанію противъ Бориса за истиннаго царевича. Его грамоты—«прелестныя письма», какъ ихъ тогда называли,—давно уже распространялись въ Московскомъ государствѣ, несмотря на пограничныя строгости. Литовскіе люди провозили ихъ черезъ границу въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, прятали въ лодкахъ; «листы тайные ношивали» и тѣ московскіе люди, которые часто «хоживали» черезъ границу скрытымъ образомъ. Сношенія самборскаго претендента съ московскими областями привлекали къ нему выходцевъ изъ Москов-

скаго государства. По одному извѣстію, около Самозванца еще до похода его на Бориса было уже до 200 московскихъ людей, которые съѣхались къ нему «изъ розныхъ городовъ». Посылалъ Самозванецъ и на Донъ извѣщать о себѣ казаковъ: есть указаніе, что съ такою цѣлью ѣздилъ, между прочимъ, нѣкто Свирскій, дѣйствительно служившій Самозванцу, какъ мы знаемъ изъ переписки послѣдняго съ Мнишкомъ. Отъ казаковъ съ Дона пришли къ Самозванцу сначала ходоки и застали его еще въ Краковѣ; затѣмъ въ самомъ началѣ его похода, вблизи Львова и Самбора къ нему явилось казацкое посольство и привело къ Самозванцу посланнаго Борисомъ на Донъ дворянина Петра Хрущова. Насчитывая въ своихъ рядахъ до 10.000 человѣкъ, казаки обѣщали присоединиться къ Самозванцу всею массою. Часть ихъ, тысячи двѣ, встрѣтила Самозванца еще на правомъ берегу Днѣпра. Остальные, какъ увидимъ ниже, образовали особый отрядъ, дѣйствовавшій восточнѣе остальныхъ войскъ Самозванца. Московскіе выходцы и донскіе казаки составляли одну и притомъ, съ военной точки зрѣнія, не лучшую часть маленькой арміи претендента. Другая часть представляла собою небольшой, немногимъ больше тысячи человѣкъ, отрядъ польской шляхетской конницы, навербованной Мнишками вопреки предостереженіямъ Замойскаго. Эта конница имѣла правильное устройство, дѣлилась на роты и находилась подъ командою избранныхъ «рыцарствомъ» гетмана и полковниковъ. Наконецъ, Самозванецъ имѣлъ полное основаніе расчитывать на помощь и со стороны запорожскаго казачества: дѣйствительно, большой отрядъ запорожцевъ пришелъ въ его лагерь уже значительно позже начала компаніи.

Какъ видно, Самозванецъ составлялъ свое войско съ такою же неразборчивостью, съ какою искалъ и выбиралъ личныхъ покровителей и помощниковъ. Коренной московскій человѣкъ и рядомъ съ нимъ шляхтичъ, презиравшій всякую «москву»; казакъ, ушедшій отъ московскихъ порядковъ, и съ нимъ рядомъ служилый москвичъ, представлявшій опору этихъ самыхъ порядковъ (aulicus, по выраженію Самозванца); щепетильный «рыцарь», исполненный воинской чести со всѣми условностями его времени и среды, и съ нимъ рядомъ не признающій никакихъ условностей казакъ, ищущій одной добычи («się łupem zbogacic», какъ писалъ Борша)—вотъ кто сталъ за Самозванца подъ одно знамя и одну команду. Такой составъ войска не сулилъ ему прочныхъ успѣховъ, если бы даже войско и обладало значительною численностью. Но вся эта рать, по крайней мѣрѣ, та ея часть, съ которою перешелъ Днѣпръ самъ Самозванецъ, врядъ ли превышала 3.500 или 4.000 человѣкъ. Не безъ основанія поэтому говорили въ 1608 году польскіе послы въ Москвѣ, что вторженіе Самозванца въ Московское государство не

было похоже на серьезное вражеское нашествіе: велъ Самозванецъ только малую горсть («жменю») людей и началъ свой походъ всего на одномъ только пунктѣ границы, «съ одного только кута украйны въ рубежъ сѣверскій вшолъ» [71].

Разумѣется, не военныя силы и не личная доблесть Самозванца доставили ему побѣду. Настроеніе московскаго люда въ Сѣверской украйнѣ и вообще на московскомъ югѣ какъ нельзя болѣе благопріятствовало вторженію претендента, и ему это было очень хорошо извѣстно. До перехода войскъ Самозванца черезъ Днѣпръ, еще въ Васильковѣ его нареченный тесть Ю. Мнишекъ выражалъ опредѣленную надежду на то, что пограничныя московскія крѣпости сдадутся имъ безъ боя. На чемъ могла основываться у Мнишка такая увѣренность, мы, конечно, въ точности не знаемъ; но мы имѣемъ полную возможность представить себѣ, какія обстоятельства подготовили вообще отпаденіе южныхъ областей отъ Бориса. Выше, въ главѣ второй, указывалось на тѣ условія общественнаго быта, которыя порождали соціальную рознь въ Московскомъ государствѣ и вызывали въ исходѣ XVI вѣка усиленный выходъ рабочаго населенія изъ центра государства на окраины. Въ дѣятельной передачѣ черныхъ и дворцовыхъ земель въ частное пользованіе служилыхъ владѣльцевъ и въ томъ переворотѣ, какой произвела опричнина въ служиломъ землевладѣніи, мы видѣли главныя причины, всколыхнувшія народную массу и двинувшія ее съ привычныхъ мѣстъ на поиски новой осѣдлости. Мы видѣли также, что вышедшіе на южную границу государства «приходцы» не долго могли тамъ пользоваться просторомъ и привольемъ, такъ какъ быстрая правительственная заимка «дикаго поля» приводила свободное населеніе Поля въ правительственную зависимость, обращая приходцевъ или въ приборныхъ служилыхъ людей, или же въ крестьянъ на помѣстныхъ земляхъ. Даже казачество привлекалось на службу государству и, не умѣя пока устроиться и само обезпечить себя на Полѣ и «рѣкахъ», шло служить въ пограничные города и на сторожевые пограничные посты и линіи. Такимъ образомъ, государственный режимъ, отъ котораго населеніе уходило «не мога терпѣти», настигалъ ушедшихъ и работилъ ихъ. Уже въ этомъ заключалась причина раздражительности и глухого неудовольствія украиннаго населенія, которое легко «сходило на Поле» съ государевой службы, а если и служило, то безъ особаго усердія. Но недовольство должно было увеличиваться и обостряться особенно потому, что служилыя тяготы возлагались на населеніе безъ особой осмотрительности, неумѣренно. Не говоря уже о прямыхъ служебныхъ трудахъ—полевой или осадной службѣ, населеніе пограничныхъ городовъ и уѣздовъ привлекалось къ обязательному земледѣльческому труду на государя. Въ южныхъ городахъ

на Полѣ была заведена, какъ мы уже видѣли, десятинная пашня. Въ Ельцѣ, Осколѣ, Бѣлгородѣ, Курскѣ размѣры этой пашни при царѣ Борисѣ были такъ велики, что послѣдующія правительства, даже въ пору окончательнаго успокоенія государства, не рѣшались возвратиться къ установленнымъ при Борисѣ нормамъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ возстановилъ десятинную пашню лишь въ половинномъ размѣрѣ: въ помянутыхъ городахъ велѣно было въ 1620 году запахивать всего по триста десятинъ въ трехъ поляхъ вмѣсто прежнихъ шестисотъ. А въ Бѣлгородѣ первоначально думали пахать на государя даже девятьсотъ десятинъ; но уже въ Борисово время сошли на шестьсотъ, обративъ остальныя триста десятинъ въ раздачу служилымъ людямъ. Не трудно представить себѣ, какимъ тяжелымъ бременемъ ложилась на мѣстное служилое населеніе обязанность обработать столь значительную площадь земли. Не установивъ еще своего хозяйства, оно должно было тратить свои силы на чужомъ, плоды котораго ему не доставались вовсе. Собранное съ государевыхъ полей зерно, если не лежало въ житницахъ въ видѣ мертваго запаса, то посылалось далѣе на югъ для содержанія еще не имѣвшихъ своего хозяйства служилыхъ людей. Такъ, изъ Ельца и Оскола «важивали» хлѣбъ въ новый Царевъ-Борисовъ городъ, а съ Воронежа «ежелѣтъ» посылали всякіе запасы «изъ государева десятиннаго хлѣба» донскимъ казакамъ. Мѣстное же населеніе, жившее въ данномъ городѣ «на вѣчномъ житьѣ», или же присылаемое туда временно, «по годомъ», не всегда даже получало за свой трудъ вознагражденіе, довольствовалось только «поденнымъ кормомъ», а иногда даже само платилось своимъ добромъ для казеннаго интереса. Такъ, чиновники Бориса на Воронежѣ отрѣзали 300 десятинъ изъ стрѣлецкой и казачьей земли подъ государеву пашню; практика же позднѣйшихъ лѣтъ показываетъ, что администрація считала себя въ правѣ занимать у жителей зерно для посѣва на государевой пашнѣ и возвращать заемъ безъ малѣйшаго процента.

Такимъ образомъ то населеніе московскаго юга, которое служило правительству въ новыхъ городахъ, не могло быть довольно обстановкою своей службы. Собранные на службу «по прибору» изъ элементовъ мѣстныхъ, изъ недавнихъ «приходцевъ» съ сѣвера, эти служилые люди—стрѣльцы и казаки, ѣздоки и вожи, пушкари и затинщики—еще не успѣли забыть старыхъ условій, которыхъ сами они или ихъ отцы стремились «избыть» въ центральныхъ мѣстностяхъ государства. Но «избывъ» одного зла, этотъ людъ на новыхъ мѣстахъ нашелъ другое. Изъ крестьянъ и холопей превратясь въ государевыхъ служилыхъ людей, онъ врядъ ли могъ предпочитать послѣднее состояніе первому. Если ранѣе онъ негодовалъ на «сильныхъ людей», землевладѣльцевъ, его кабалившихъ, то те-

-перь онъ долженъ былъ перенести свою непріязнь на правительство и его агентовъ, которые угнетали его государевою службою и пашнею.

Къ этимъ постояннымъ условіямъ, питавшимъ недовольство служилой массы, какъ разъ въ пору появленія Самозванца присоединились новыя обстоятельства, волновавшія умы. Это были послѣдствія трехлѣтнихъ неурожаевъ и голодовки и послѣдствія подозрительности и опалъ царя Бориса. Ужасы голода, постигшаго все государство, описывались много разъ и даже, вѣроятно, не безъ преувеличеній. Но если справедлива хотя половина того, что̀ разсказывали о голодѣ иностранцы, то надо признать, что размѣры бѣдствія были поразительны. Страданія народа становились еще тяжелѣе отъ безстыдной спекуляціи хлѣбомъ, которою занимались не только мелкіе рыночные скупщики, но и лица съ положеніемъ— даже архимандриты и игумены монастырей, управители архіерейскихъ вотчинъ и сами именитые люди Строгановы. По офиціальному заявленію, сдѣланному въ концѣ 1601 года, всѣ эти почтенные и богатые люди искусственно поднимали цѣну хлѣба, захватывая въ свои руки обращеніе его на рынкахъ и устраивая «вязку». Много приносили вреда, сверхъ того, и злоупотребленія администраціи, которая завѣдовала раздачею царской милостыни и продажею хлѣба изъ царскихъ житницъ: ухитрялись красть и недобросовѣстно раздавали деньги и муку, наживаясь на счетъ голодающихъ ближнихъ. Если голодъ, нужда и безработица заставляли многихъ идти на большую дорогу, сбиваться въ шайки и промышлять грабежомъ, то хищничество богатыхъ и власть имѣвшихъ людей, о которомъ, не скрывая, говорили грамоты самого правительства, должно было ожесточать меньшую братію противъ «сильныхъ людей» и придавало простому разбою видъ соціальнаго протеста. Именно такимъ характеромъ отмѣчена была дѣятельность разбойничьяго атамана Хлопка: съ большою шайкою онъ не только грабилъ беззащитныхъ «по пустымъ мѣстомъ» даже близъ самой Москвы, но и много разъ «противился» царскимъ посланнымъ, пока не былъ израненъ и взятъ въ плѣнъ послѣ правильнаго боя съ большимъ отрядомъ окольничаго И. Ѳ. Басманова. Ни онъ, ни его разбойники «живи въ руки не давахуся»; кто уцѣлѣлъ отъ боя, тотъ бѣжалъ на украйну, не принеся повинной. Можно сомнѣваться въ справедливости словъ лѣтописи, что «тамо ихъ всѣхъ воровъ поимаша»: въ то время на украйнѣ было уже столько народа, подлежавшаго поимкѣ и возвращенію, что у правительства не могло достать средствъ не только ихъ переловить, но и просто привести въ извѣстность новоприбылое населеніе украйны. По вѣроятному счету А. Палицына, въ первые годы XVII вѣка въ Украйные города сошло болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, способныхъ носить

оружіе. Разумѣется, не всѣ они вышли изъ разбойничьихъ шаекъ и не всѣ принадлежали къ числу «злодѣйствующихъ гадовъ», которые, по словамъ Палицына, бѣжали въ Польскіе и Сѣверскіе города, чтобы избыть тамъ заслуженной смерти. Палицынъ въ изобразительномъ очеркѣ указываетъ намъ рядъ причинъ, толкавшихъ людей къ выселенію въ пограничныя мѣста. Въ голодное время многіе господа распустили свою «челядь», дворовыхъ людей, чтобы не кормить ихъ, и эти люди нигдѣ не находили пріюта, такъ какъ не получали установленныхъ отпускныхъ; для нихъ украйна была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ они чаяли избавиться отъ нужды и зависимости. Грубыя насилія господъ надъ ихъ недавно пріобрѣтенными «рабами» и крестьянами, разлученіе мужей отъ женъ, родителей отъ дѣтей, оскорбленія подневольныхъ женщинъ — заставляли терпѣвшихъ искать исхода въ побѣгѣ на украйну. Наконецъ, опалы отъ царя Бориса на бояръ вели къ конфискаціи боярскихъ имуществъ и къ освобожденію ихъ дворни съ «заповѣдью» никому тѣхъ слугъ къ себѣ не принимать. И ихъ, какъ прочихъ угнетенныхъ и гонимыхъ, голодныхъ и безпріютныхъ, принимала та же украйна, тѣ же «Польскіе и Сѣверскіе городы».

Итакъ, къ давнему населенію украинныхъ мѣстъ, къ большому количеству осѣвшихъ на рубежахъ «тамошнихъ старыхъ собравшихся воровъ» (такъ презрительно говоритъ о пограничныхъ жителяхъ старецъ Авраамій) прилила новая волна выходцевъ изъ государственнаго центра, выброшенная на югъ обстоятельствами самыхъ послѣднихъ лѣтъ передъ появленіемъ Самозванца. Новые приходцы, только что перенесшіе ужасы голодовки, видавшіе и на себѣ испытавшіе гнетъ «сильныхъ людей» и правительственное преслѣдованіе, могли только обновить на украйнѣ чувства неудовольствія на общественный и правительственный порядокъ. Этимъ-то моментомъ въ настроеніи украйны и съумѣлъ воспользоваться Самозванецъ или люди, руководившіе его предпріятіемъ. Движеніе войскъ Самозванца было направлено именно въ московскую украйну, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы сдѣлать область Сѣверскихъ и Польскихъ городовъ операціоннымъ базисомъ для наступленія на Москву. Самозванецъ не смущался тѣмъ, что вступалъ на московскую территорію въ самомъ далекомъ отъ Москвы мѣстѣ литовскаго рубежа. Онъ не стремился воспользоваться обычнымъ въ ту эпоху прямымъ путемъ изъ Литвы на Москву отъ Орши черезъ Смоленскъ и Вязьму, хотя на этомъ пути и существовалъ весьма благопріятный для него безпорядокъ, грабежи и убійства отъ «бѣлой Руси» и казаковъ. Онъ понималъ, очевидно, что прямой путь на Москву хорошо обставленъ крѣпостями и потому мало доступенъ, а далекая отъ Москвы Сѣверская украйна не только доступна, но и сулитъ сама поддержку его предпріятію. Расчетъ его оказался совершенно вѣренъ, какъ мы увидимъ изъ нижеслѣдующаго очерка его похода[72].

Походъ Самозванца къ Москвѣ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Съ своимъ маленькимъ войскомъ претендентъ двинулся въ серединѣ августа 1604 года отъ Самбора и Львова къ Днѣпру и подошелъ къ Кіеву черезъ Фастовъ и Васильковъ. Въ этихъ мѣстахъ войско соблюдало уже военныя предосторожности и шло обычнымъ походнымъ порядкомъ въ пяти колоннахъ, изъ которыхъ главную составляли польскія роты, а передовую и аррьегардную—казаки, пришедшіе «депутатами» съ Дона. Вѣроятно, въ Васильковѣ, гдѣ стояли три дня, окончательно былъ рѣшенъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Было условлено, что главныя силы Самозванца двинутся черезъ Днѣпръ подъ Кіевомъ, а отряды донскихъ казаковъ, не поспѣвшіе соединиться съ Самозванцемъ на правомъ берегу Днѣпра, войдутъ въ Московское государство восточнѣе, степными дорогами. Въ «повѣсти 1606 года» находимъ указаніе на такой именно планъ: тамъ между прочимъ читаемъ, что «поиде злонравный въ Россійскіе предѣлы двѣма дороги: отъ Кіева чрезъ Днѣпръ рѣку, а иныя идоша по Крымской дорогѣ». Такимъ образомъ, только главный отрядъ Самозванца началъ кампанію «съ одного кута украйны»; вспомогательныя же силы, число которыхъ оставалось неопредѣленнымъ, должны были дѣйствовать особо: самъ претендентъ съ поляками бралъ себѣ Сѣверу, а казаки—Поле.

Изъ Василькова 7 (17) октября Самозванецъ прибылъ въ Кіевъ, а отсюда черезъ нѣсколько дней отправился въ Вышгородъ, гдѣ была 13 (23) октября совершена переправа его войскъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Мѣсто для переправы было выбрано такъ, чтобы оказаться послѣ перехода черезъ Днѣпръ на правомъ берегу Десны и этимъ избѣжать необходимости впослѣдствіи переправляться черезъ эту послѣднюю. Именно на правомъ берегу Десны находились московскія крѣпости Моравскъ, Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскій и отъ нихъ шелъ торный путь къ Москвѣ черезъ верховья Оки. Овладѣть этими городами и большою дорогою на Карачевъ и Болховъ или же «посольскою» дорогою на Кромы, Орелъ и Мценскъ и затѣмъ выйти на Тулу или Калугу—вотъ въ чемъ, безъ всякаго сомнѣнія, состоялъ планъ Самозванца. Начало военныхъ дѣйствій было для Самозванца блистательно. Еще не доходя до московскаго рубежа и до послѣдней польско-литовской крѣпости Остра, въ деревнѣ Жукинѣ, получилъ онъ извѣстіе, что черниговскій пригородъ Моравскъ сдался ему безъ боя. Черезъ какую-нибудь недѣлю сдался и Черниговъ. Въ обоихъ городахъ произошли одинаковыя сцены. Приближеніе «царя и великаго князя Димитрія Ивановича» вызывало колебаніе въ гарнизонѣ; воеводы съ своимъ штабомъ и съ высшими чинами гарнизона помышляли о сопротивленіи, а толпа казаковъ и стрѣльцовъ—о сдачѣ. Въ Моравскѣ безъ выстрѣла свя-

зали воеводъ, и крѣпость съ 700 человѣкъ гарнизона отворила ворота и признала царя Димитрія. Въ Черниговѣ сперва часть гарнизона, человѣкъ около 300 стрѣльцовъ, подъ вліяніемъ воеводъ начала изъ цитадели бой съ пришедшими, но вынуждена была сдаться, когда остальные черниговцы пошли сами на крѣпость съ войсками Самозванца; и здѣсь воеводы были выданы Самозванцу населеніемъ Намъ неизвѣстенъ точно составъ защитниковъ и жителей этихъ двухъ городовъ, но во всякомъ случаѣ оба города принадлежали къ тому типу московскихъ городскихъ поселеній, которому въ общемъ очеркѣ южныхъ городовъ мы усвоивали названіе постояннаго лагеря пограничной милиціи. Ближайшимъ образомъ можно характеризовать составъ населенія, съ которымъ здѣсь имѣлъ дѣло Самозванецъ, по сравненію съ Новгородомъ-Сѣверскимъ, третьимъ городомъ на пути Самозванца. Сохранились точныя данныя о составѣ гарнизона въ Новгородѣ-Сѣверскомъ за время осады его Самозванцемъ. Всего въ городѣ по офиціальному списку было около 1.000 дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, пушкарей и казаковъ, въ томъ числѣ собственно новгородъ-сѣверскихъ дѣтей боярскихъ 104 чел., пушкарей и затинщиковъ 53 чел., стрѣльцовъ 42 чел., казаковъ 103 чел. Такимъ образомъ, мѣстный гарнизонъ немногимъ превышалъ скромную цифру 300 человѣкъ и составлялъ всего одну треть общаго числа защитниковъ крѣпости. Къ нимъ списокъ присоединяетъ и тѣхъ «жилецкихъ» людей, которые, не будучи ратными, участвовали однако въ защитѣ своего города изъ добровольнаго усердія. Среди нихъ видимъ пушкарскихъ, стрѣлецкихъ и казацкихъ дѣтей, бортниковъ дворцовыхъ селъ, монаховъ, поповъ и пономарей, но не видимъ ни одного посадскаго или торговаго человѣка,—знакъ, что въ Новгородѣ-Сѣверскомъ не существовало сколько-нибудь замѣтнаго посада. Слабый гарнизонъ города былъ поддержанъ во время осады не силами гражданскаго населенія, какъ бывало въ другихъ городахъ, гдѣ посадскіе люди расписывались по стѣнамъ и башнямъ крѣпости, а воинскими людьми ближнихъ городовъ. Почти равное мѣстному гарнизону Новгорода-Сѣверскаго число крѣпостныхъ защитниковъ было въ немъ образовано изъ пришлыхъ вспомогательныхъ отрядовъ другихъ городовъ: Брянска, Бѣлева, Кромъ и Трубчевска. Главная же сила Новгородъ-Сѣверскаго гарнизона состояла изъ московскихъ стрѣльцовъ, которыхъ привелъ туда съ собою П. Ѳ. Басмановъ; ихъ было болѣе 350 человѣкъ. Если выключимъ эту послѣднюю силу, которой не было въ Черниговѣ и Моравскѣ, то получимъ понятіе о томъ, кто именно сдалъ Самозванцу эти города. Мы увѣримся, что наша лѣтопись правильно отмѣтила относительно Чернигова, будто предали городъ и воеводу Самозванцу «вси ратные люди»; справедливо отзывалось впослѣдствіи и правительство Шуйскаго, будто «въ Сѣверскихъ городахъ стрѣльцы смуту

учинили». Приборный служилый людъ да отчасти мелкопомѣстные дѣти боярскіе украинной полосы составляли ту среду, въ которой Самозванецъ получилъ первое признаніе на московской почвѣ. Передаваясь Самозванцу и становясь противъ Бориса, эти люди удовлетворяли чувству недовольства своимъ положеніемъ и увлекались надеждою, что новый царь начнетъ, какъ обѣщалъ, «ихъ жаловати и въ чести держати и учинитъ ихъ въ тишинѣ и въ покоѣ и во благоденственномъ житіи». Незамѣтно, чтобы у нихъ были болѣе опредѣленные мотивы и планы; нельзя даже сказать, чтобы ихъ настроеніе въ пользу претендента было устойчиво и твердо.

Это ясно сказалось именно въ Новгородѣ-Сѣверскомъ. Посланные Борисомъ навстрѣчу Самозванцу въ Черниговъ воеводы кн. Н. Р. Трубецкой и окольничій Басмановъ немного не успѣли дойти до этого города. Узнавъ о его сдачѣ, они съ отрядомъ московскихъ стрѣльцовъ и брянскихъ дѣтей боярскихъ, съ казаками изъ Кромъ, Бѣлева и Трубчевска, бросились въ Новгородъ-Сѣверскій и приготовили его къ оборонѣ: укрѣпили острогъ, сожгли кругомъ всѣ жилыя постройки, согнали въ острогъ мѣстныхъ стрѣльцовъ и казаковъ и сѣли въ осаду, ожидая Самозванца. Когда онъ подошелъ, то попытался, послѣ нѣкоторыхъ и притомъ продолжительныхъ переговоровъ, взять городъ силою. Однако всѣ старанія его слабаго войска оказались напрасными. Весь гарнизонъ стойко выдержалъ и бомбардировку и штурмы; даже ненадежные его элементы, то-есть украинные приборные люди, были признаны отъ царя Бориса достойными награды за осадное сидѣнье. Только на третьей недѣлѣ отъ начала осады до 80 «москвитянъ» передалось въ лагерь осаждающихъ. Такимъ образомъ, энергія начальниковъ, по общему мнѣнію—Басманова, и присутствіе дисциплинированныхъ стрѣлецкихъ сотенъ изъ столицы не допустили отпаденія мѣстнаго гарнизона на сторону претендента и заставили его биться противъ «царя Димитрія», которому уже служили другіе подобные гарнизоны [73].

Сопротивленіе Новгорода-Сѣверскаго лишило Самозванца возможности наступать далѣе на линію Брянскъ, Карачевъ, Кромы. Теряя время и людей въ неудачныхъ приступахъ, Самозванецъ ссорился съ своими слугами, польскимъ «рыцарствомъ», и не могъ даже воспользоваться тѣмъ, что на его сторону за Моравскомъ и Черниговомъ стали передаваться другіе города Сѣверы и Поля. Пока главныя силы его стояли, занятыя осадой, маленькія партіи и разъѣзды изъ его стана двигались во всѣ стороны, достигая даже Путивля. Въ то же время дѣйствовали въ пользу «царя Дмитрія» и тѣ казаки, которые наступали въ Московское государство «по Крымской дорогѣ»: «а которое войско его по Крымской дорогѣ идоша,—градъ Царевъ, Бѣлградъ и иные многіе грады такожде ему предашася и съ селы», говоритъ «повѣсть 1606 года». Слѣ-

дуетъ вспомнить замѣчанія о направленіи «польскихъ» дорогъ, сдѣланныя нами во второй главѣ. Отъ главной дороги, Муравскаго шляха, на которомъ былъ расположенъ Бѣлгородъ, къ Сѣверѣ и на верхнюю Оку шло нѣсколько путей: Бакаевъ шляхъ между рр. Сеймомъ и Псломъ подходилъ къ Путивлю; Свиная дорога вела къ Рыльску и Болхову мимо Курска; Пахнутцова дорога, тоже мимо Курска, шла на Кромы и тотъ же Болховъ. Всѣми этими путями должны были воспользоваться казачьи отряды, какъ запорожскіе, такъ и донскіе. Первые должны были идти къ Самозванцу подъ Новгородъ-Сѣверскій необходимо черезъ Путивль и Рыльскъ; вторые отъ Бѣлгорода шли на Рыльскъ, Курскъ и Кромы, тѣ самыя Кромы, близъ которыхъ, какъ мы знаемъ, на Молодовой рѣчкѣ «сошлись съ Семи (то-есть съ Сейма) и изъ Рыльска всѣ дороги». Города, стоявшіе на этихъ путяхъ, оказались въ районѣ казачьяго движенія и были увлечены его потокомъ очень рано. Все это были, за немногими исключеніями, только что возникшія поселенія; стали они на мѣстахъ, гдѣ еще свободно «гуляли» казачьи станицы; гарнизоны этихъ городовъ были только что сформированы, частью изъ тѣхъ же казаковъ. Когда въ казачествѣ «на Полѣ» началась группировка большихъ скопищъ въ пользу «царя Димитрія» и появились отряды запорожцевъ, шедшихъ къ тому же царю, городскіе гарнизоны были отрѣзаны казачьей массою отъ центра государства и предоставлены самимъ себѣ, а находившіеся въ ихъ составѣ казачьи элементы потянулись на соединеніе съ своею братьей, «польскими» казаками. Стоя подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, Самозванецъ то-и-дѣло получалъ извѣстія о сдачѣ ему городовъ, находившихся на названныхъ выше дорогахъ и принималъ приводимыхъ ему городскихъ воеводъ. Въ теченіе двухъ недѣль ему были сданы Путивль, Рыльскъ, Сѣвскъ съ его уѣздомъ, носившимъ названіе Комарицкой волости, Курскъ и Кромы. Нѣсколько позднѣе узналъ онъ о сдачѣ болѣе отдаленныхъ городовъ: Бѣлгорода, Царева-Борисова и другихъ. Ему повиновалось теперь огромное пространство по Деснѣ, Сейму, Сѣверскому Донцу и даже верхней Окѣ.

Быстрымъ успѣхамъ казачества, дѣйствовавшаго за новаго царя по «польскимъ» дорогамъ, очень способствовали военныя ошибки московскаго правительства. Оно не оцѣнило значенія въ дѣлѣ Самозванца именно этого казачьяго элемента и, напротивъ, обнаружило излишній страхъ передъ Рѣчью Посполитою. Отправивъ воеводъ въ пограничныя крѣпости для перваго отпора войскамъ Самозванца и, кстати сказать, опоздавъ съ этимъ дѣломъ, оно затѣмъ назначило сборнымъ пунктомъ для главной арміи Брянскъ. Очевидны соображенія, какими въ данномъ случаѣ руководились. Брянскъ былъ одинаково близокъ и къ Смоленску, и къ Сѣверскому рубежу. Изъ опасенія, что за Самозванца хотятъ

стоять «всею Польшею и Литвою» и что его могутъ поддержать королевскія войска отъ Орши,—главную квартиру московскихъ войскъ выбрали западнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и оставили безъ войскъ ту сѣть дорогъ, на которыхъ такъ скоро стали хозяйничать казачьи отряды Самозванца. Правда, были войска и на Полѣ, но ихъ стоянкою назначили на лѣто 1604 года Ливны, велѣли имъ оберегать рубежи отъ татаръ и ничего не сказали о казачьемъ движеніи въ пользу новаго царя. Положеніе Ливенъ было много восточнѣе театра казацкихъ дѣйствій, и Ливны поэтому остались въ сторонѣ отъ главныхъ военныхъ операцій 1604—1605 гг. Дальнѣйшія событія показали, что важнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ слѣдовало считать Кромы, какъ узелъ дорогъ, сходившихся здѣсь изъ всего охваченнаго возстаніемъ района; но въ началѣ войны этого никто не предвидѣлъ. Когда же гдѣ-то около Кромъ (вѣроятно, въ Орлѣ) образовали запасный корпусъ подъ начальствомъ Ѳ. И. Шереметева, Кромы были уже заняты мятежниками, и Шереметевъ напрасно стоялъ подъ ними до прибытія къ нему на помощь всей рати князя Мстиславскаго.

Итакъ, задержанный осадою Новгорода-Сѣверскаго, Самозванецъ не могъ идти впередъ, за то его силы росли отъ присоединенія къ нему новыхъ мѣстъ и свѣжихъ казачьихъ и городскихъ отрядовъ. Въ его станъ приходили не одни стрѣльцы и казаки, но пріѣзжали дворяне и дьяки, предлагая ему не только свои услуги, но и деньги, порученныя имъ Борисомъ. Въ окопы Самозванца подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ привозили изъ Путивля и другихъ городовъ крѣпостную артиллерію для дѣйствій противъ осажденныхъ. Словомъ, лагерь претендента стягивалъ къ себѣ значительныя силы уже изъ Московскаго государства, и Самозванецъ сталъ опираться на московскій элементъ гораздо тверже, чѣмъ въ началѣ похода, когда онъ всецѣло зависѣлъ отъ польскихъ ротъ. Однако и теперь, спустя мѣсяцъ послѣ начала новгородъ-сѣверской осады, поляки были лучшею частью самозванцева войска. Когда въ серединѣ декабря подъ Новгородъ-Сѣверскій подошла, наконецъ, изъ Брянска армія Бориса, то первую съ нею стычку выдержали съ успѣхомъ именно польскія роты; онѣ овладѣли знаменемъ, ранили самого военачальника Борисова кн. Ѳ. И. Мстиславскаго и оттѣснили московскую рать съ поля битвы. Но тотчасъ же послѣ боя большинство поляковъ окончательно разсорилось съ Самозванцемъ и рѣшило идти на родину. Хотя взамѣнъ ихъ къ Самозванцу явилось нѣсколько тысячъ запорожцевъ, даже съ пушками, однако названный царь Димитрій боялся остаться безъ польскихъ «товарищей», тѣмъ болѣе, что съ ними уѣзжалъ и его нареченный тесть Мнишекъ. «Царь» ѣздилъ между польскими ротами, умоляя ихъ остаться, и даже билъ челомъ до земли, «падалъ крыжемъ» передъ

ними. Поляки все-таки ушли въ громадномъ большинствѣ своемъ; остались изъ нихъ всего по нѣскольку человѣкъ изъ роты. Хотя потомъ нѣкоторые изъ ушедшихъ снова пришли служить «царевичу» и кромѣ того являлись къ нему и свѣжіе отряды польско-литовскаго «рыцарства», однако общее число поляковъ въ войскахъ Самозванца оставалось ничтожнымъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что по вступленіи Самозванца въ Москву всѣ польскія роты, ему служившія, были помѣщены въ одномъ Посольскомъ дворѣ.

Потерявъ съ уходомъ поляковъ свое лучшее войско, Самозванецъ снялъ осаду Новгорода-Сѣверскаго, взять который у него не было надежды въ виду близости главной арміи Бориса. Эта армія все время держалась между Стародубомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ; Самозванецъ же отошелъ на востокъ къ Сѣвску. Это значило, что онъ покидалъ избранную имъ раньше дорогу отъ Сѣверы на Москву и переходилъ на «польскіе» пути, ведшіе къ верховьямъ Оки. На нихъ всѣ крѣпости до Кромъ были въ его власти; если бы онъ успѣлъ достигнуть Кромъ, то обошелъ бы съ лѣваго фланга Борисово войско и открылъ бы для себя дорогу на Тулу или Калугу. Но Борисовы войска послѣдовали за нимъ къ Сѣвску. По всѣмъ свѣдѣніямъ, Самозванецъ не желалъ битвы и принялъ ее тогда лишь, когда убѣдился, что непріятель совсѣмъ близко и что столкновенія избѣжать нельзя. На р. Сѣвѣ между Добрыничами (Добрунь) и Чемлигомъ (Чамлыжъ) 20-го января 1605 года произошелъ рѣшительный бой. Самозванецъ былъ разбитъ и отброшенъ на югъ, на р. Сеймъ. Онъ не удержался даже въ Рыльскѣ, а бѣжалъ далѣе въ Путивль и засѣлъ тамъ, собирая остатки своего войска. Каменный путивльскій кремль давалъ ему отличную защиту. Но если бы Борисово войско имѣло возможность сосредоточить свои силы на осадѣ Рыльска и Путивля, то, конечно, успѣло бы «добыть» оба города и захватить въ полонъ Самозванца съ послѣдними его польскими «товарищами». Набѣгъ «царя Димитрія Ивановича» на Сѣверу получилъ бы естественную развязку, несмотря на помощь, оказанную ему «особами» польско-литовскаго народа, которыя, какъ выражались на сеймѣ 1605 года, вели «царя Димитрія» на «хлопа Бориса» [74].

Но въ томъ-то и дѣло, что войска Бориса не могли сосредоточиться на осадѣ Путивля. Принято думать, что полководцы, руководившіе дѣйствіями противъ Самозванца, вели дѣло умышленно вяло, подготовляя торжество претендента и гибель Годуновыхъ. Мы не видимъ достаточныхъ основаній для того, чтобы повторить это мнѣніе. Ни особой медленности, ни грубаго обмана незамѣтно въ дѣйствіяхъ московскихъ войскъ. Зимою, въ лѣсной мѣстности трудно было развивать скорость движеній. Войска и Бориса и Самозванца перемѣщались въ восточномъ направленіи, отъ Новго-

рода-Сѣверскаго къ Сѣвску, съ одинаковымъ отсутствіемъ быстроты: все же воеводы Бориса нагнали Самозванца подъ Сѣвскомъ и, не пустивъ его къ Кромамъ, нанесли ему такой страшный ударъ, какого не рискнули бы нанести тайные враги Бориса. И послѣ боя при Добрыничахъ московскіе воеводы не щадятъ сторонниковъ Самозванца. Они допускаютъ жесточайшее разореніе Комарицкой волости, какъ экзекуцію за то, что ея жители измѣнили царю Борису, а затѣмъ направляются къ Рыльску вслѣдъ за бѣжавшимъ Самозванцемъ. Во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ можно видѣть отсутствіе воинскаго таланта и умѣнья, но въ нихъ нельзя доказать тайной измѣны. Достаточно было воеводамъ не догнать Самозванца на Чемлигѣ и допустить его къ Кромамъ и Орлу, чтобы безъ пролитія лишней крови и благовидно доставить торжество «царю Димитрію Ивановичу»; тогда бы ихъ можно было заподозрить въ желаніи измѣнить Борису. Но первый періодъ кампаніи они закончили, какъ мы видимъ, разгромомъ своего врага. Почему же они не воспользовались плодами своей побѣды и не осадили Путивля? На это, какъ намъ кажется, возможенъ если не вполнѣ точный, то достаточно опредѣленный отвѣтъ.

Войска Бориса не могли сосредоточиться на осадѣ Рыльска и Путивля, во-первыхъ, потому, что этого не дозволяли успѣхи казаковъ и прочихъ партизановъ Самозванца на «польскихъ дорогахъ», на лѣвомъ флангѣ и въ тылу арміи кн. Мстиславскаго. Казаки продолжали захватывать города на имя Самозванца. Уже послѣ своего пораженія, въ Путивлѣ, Самозванецъ получилъ извѣстіе о томъ, что его признали Осколъ, Валуйки, Воронежъ, Царевъ-Борисовъ городъ и Бѣлгородъ, а немногимъ позднѣе Елецъ и Ливны. Изъ этихъ городовъ къ нему въ Путивль приходили отряды казаковъ и стрѣльцовъ; даже изъ далекаго Царева-Борисова пришло 500 стрѣльцовъ. Войска Мстиславскаго должны были знать, что возстаніе охватываетъ все Поле и что они могутъ быть отрѣзаны отъ Москвы, если мятежники черезъ Кромы, которыя были въ ихъ власти, пойдутъ на Украинные и Заоцкіе города. Въ этомъ была первая причина, заставившая Мстиславскаго снять осаду Рыльска и отойти по направленію къ Кромамъ въ Радогожскій острогъ (Радогощъ на р. Нерусѣ). Вторая причина заключалась въ томъ, что войска Мстиславскаго, какъ и всякія вообще московскія войска того времени, не были пригодны для продолжительныхъ кампаній. Извѣстно, что тогда довольствіе войска не имѣло никакой организаціи: съѣвъ свои личные запасы, каждый обращался къ грабежу и мародерству. Страшное опустошеніе Комарицкой волости, въ которой долгое время съ января 1605 года находилась московская армія, объясняется между прочимъ и тою нуждою, какую терпѣли ратные люди, обреченные на продолжительный зимній походъ. Эта

нужда заставляла ихъ по-просту дезертировать, уходить домой или отбиваться отъ арміи въ поискахъ за пищей и фуражемъ. Уже въ концѣ февраля и началѣ марта 1605 года въ Путивлѣ знали, что Борисово войско подъ Рыльскомъ таетъ; была даже перехвачена отписка царю Борису отъ какого-то воеводы (illustrissimi principis) съ донесеніемъ, что его ратные люди разбѣгаются, и съ просьбою о подкрѣпленіи, безъ котораго воевода не могъ держаться. Въ такихъ обстоятельствахъ Мстиславскій и другіе воеводы пришли къ мысли о необходимости окончить кампанію. Отойдя отъ Рыльска къ Радогощу, они, по сообщенію Маржерета, «хотѣли распустить на нѣсколько мѣсяцевъ свое войско, очень утомленное»; но Борисъ,— продолжаетъ Маржеретъ, — «свѣдавъ о томъ, строго запретилъ увольнять воиновъ». Нашъ лѣтописецъ тоже знаетъ, что Борисъ «раскручинился» на бояръ и на воеводъ и прислалъ къ нимъ съ выговоромъ въ Радогожскій острогъ за то, что «того Гришки не умѣли поймать». Недовольство царя и запрещеніе увольнять людей возбудили въ ратныхъ людяхъ злобу на Бориса и желаніе «царя Бориса избыти». Но армія все-таки не была распущена; усталая и ослабѣвшая, она не годилась для наступленія и рѣшительныхъ дѣйствій и потому была направлена на смѣну отряду Ѳ. И. Шереметева, осаждавшему Кромы. Отсюда ратные люди продолжали уходить, избывая службы, какъ уходили и раньше; когда же они узнали о смерти царя Бориса, то разъѣхались въ очень большомъ числѣ подъ предлогомъ царскаго погребенія. Въ 1608 году правительство Шуйскаго, вспоминая событія 1605 года подъ Кромами, удостовѣряло, что въ полкахъ по смерти Борисовой осталось «немного бояръ и съ ними только ратные люди Сѣверскихъ городовъ, стрѣльцы, казаки и чорные люди» [75].

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ ведена была знаменитая осада Кромъ, подъ обгорѣлыми стѣнами которыхъ рѣшилась участь династіи Годуновыхъ. Непредвидѣнное никѣмъ возстаніе городовъ на Полѣ противъ московскаго правительства сообщило Кромамъ огромное стратегическое значеніе, а Борисовы воеводы не съумѣли во-время удержать за собою этотъ крѣпкій городокъ. Они не могли оперировать на р. Сеймѣ противъ Самозванца, имѣя за собою Кромскую крѣпость, къ которой многими дорогами могли подойти въ тылъ имъ казацкія войска. Но и Самозванецъ, если бы потерялъ Кромы, вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ бы и возможность удобнаго выхода къ Калугѣ и черезъ нее къ Москвѣ и былъ бы поставленъ въ необходимость наступать далѣе по правому берегу Оки, имѣя передъ собою рядъ сильнѣйшихъ крѣпостей на переправахъ. Обѣ стороны стремились обладать Кромами и всю весну 1605 года провели въ борьбѣ за этотъ пунктъ. Московскіе воеводы стянули сюда всѣ свои силы, а Самозванецъ изъ Путивля посылалъ сюда под-

крѣпленія и писалъ въ другіе города о необходимости поддержать гарнизонъ Кромъ. Маленькій городокъ, построенный всего за десять лѣтъ предъ тѣмъ, въ 1595 году, получилъ совершенно такое же значеніе, какое принадлежало на нашей памяти маленькой болгарской Плевнѣ.

Исаакъ Масса и русскія сказанія, особенно «повѣсть 1606 года», картинно описываютъ осаду Кромъ. Поставленный на горѣ, на лѣвомъ берегу р. Кромы, городокъ былъ отовсюду окруженъ болотами и камышами, и къ нему вела всего одна дорога. Крѣпость въ Кромахъ состояла изъ обычныхъ двухъ частей: внѣшняго «города» и внутренней цитадели—«острога». И тотъ и другой были окружены высокими валами, «осыпями», на которыхъ стояли деревянныя стѣны съ башнями и бойницами. Гарнизонъ въ Кромахъ былъ не великъ: въ немъ числилось всего 200 стрѣльцовъ и 300 казаковъ. Въ началѣ войны Басмановъ увелъ изъ Кромъ сотню казаковъ въ Новгородъ-Сѣверскій, и она сражалась тамъ все время за царя Бориса. Такимъ образомъ, Самозванцу въ концѣ ноября въ Кромахъ передался даже не весь кромскій гарнизонъ. Были ли въ Кромахъ какія-либо другія войска Самозванца, когда Кромы осадилъ отрядъ Ѳ. И. Шереметева, точно неизвѣстно. Осада Шереметева была безуспѣшна, хотя длилась болѣе двухъ мѣсяцевъ (вѣроятно, съ конца 1604 года). Когда въ началѣ марта подошла къ Кромамъ главная московская армія, она пыталась штурмовать Кромы, зажгла «городъ» и загнала защитниковъ во внутренній «острогъ». Государевы люди даже овладѣли стѣнами наружнаго «города»: когда деревянныя части стѣнъ сгорѣли, осаждающіе засѣли-было на осыпи, однако не могли тамъ удержаться. Одинъ изъ воеводъ, М. Салтыковъ, свелъ со стѣнъ государеву рать, а въ это время большой отрядъ казаковъ съ атаманомъ Корѣлою проскользнулъ въ Кромы и усилилъ гарнизонъ. Корѣла оказался хорошимъ предводителемъ: послѣ того, какъ государевы люди разбили острогъ изъ пушекъ и спалили его стѣны, Корѣла изрылъ крѣпостную гору землянками и траншеями и отсиживался «въ норахъ земныхъ». Московское войско, какъ мы видѣли, было утомлено войною; подъ Кромами оно стало жертвою эпидеміи, болѣло «мытомъ» и очень тяготилось стоянкою въ разоренной сторонѣ среди болотъ и топей, въ сырое время ранней весны. Не мудрено, что оно разбредалось. Въ подкрѣпленіе ему Борисъ посылалъ свѣжія дружины, но это было ополченіе, «посоха» съ монастырскихъ и черныхъ земель московскаго сѣвера,—люди не привыкшіе къ ратному дѣлу, которые, по выраженію И. Массы, «ничего не дѣлали». А Самозванецъ въ то самое время, заслоненный Кромами, въ Путивлѣ формировалъ новую армію. Искусство Корѣлы спасало дѣло Самозванца и, несмотря на полное почти отсутствіе польскихъ отрядовъ въ его казацко-

стрѣлецкомъ войскѣ, онъ бодро готовился къ походу на помощь Кромамъ [76].

Въ такую-то минуту царь Борисъ отошелъ въ вѣчность. Его не стало 13-го апрѣля 1605 года, и очень скоро послѣ его кончины дѣла приняли дурной оборотъ для его семьи. Военныя дѣйствія пріостановились. Митрополитъ новгородскій Исидоръ и бояре кн. М. П. Катыревъ-Ростовскій и П. Ѳ. Басмановъ, посланные изъ Москвы къ войску для того, чтобы привести его къ присягѣ на вѣрность нареченному царю Ѳеодору Борисовичу, прибыли подъ Кромы уже 17-го апрѣля. Войско присягнуло, но въ немъ сейчасъ же началась смута: прошло всего три недѣли, и 7-го мая то же войско передалось Самозванцу. Участь государства и Годуновской династіи была рѣшена однимъ ударомъ. Мы сейчасъ увидимъ, что не совсѣмъ легко рѣшить, кто именно нанесъ этотъ окончательный ударъ.

V.

Исторія возвышенія и воцаренія Бориса показала намъ, что онъ изъ-за власти дошелъ до разрыва съ тѣмъ кругомъ дворцовой знати, къ которому долгое время принадлежалъ, и потому, достигши престола и удаливъ своихъ прежнихъ друзей, остался одинокимъ среди московскаго боярства. Въ этомъ было его несчастіе. Онъ не имѣлъ въ боярахъ партіи и кругъ его близкихъ ограничивался роднею—нѣсколькими вѣтвями Годуновскаго рода и родомъ Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ, шедшихъ отъ одного съ Годуновыми корня. Въ этой многочисленной роднѣ было мало талантливыхъ людей. Дядя Бориса, конюшій и бояринъ Дм. Ив. Годуновъ, получившій боярство еще при Грозномъ (въ 1578 году), былъ безспорно выдающимся сановникомъ, но настолько состарился ко времени воцаренія Бориса, что уже не принималъ участія въ дѣлахъ, молился и благотворилъ монастырямъ; да онъ и умеръ въ одно время съ царемъ Борисомъ. Изъ прочихъ Годуновыхъ замѣтны дворецкій Степанъ Васильевичъ и бояринъ Семенъ Никитичъ, одного поколѣнія съ Борисомъ, оба не надѣленные государственными дарованіями. Первый изъ нихъ проходилъ обычныя дипломатическія и военныя службы; второй, возвышенный уже при Борисѣ, былъ, по выраженію Карамзина, «главнымъ клевретомъ новаго тиранства» и, кажется, завѣдовалъ политическимъ сыскомъ. Наконецъ, изъ младшаго поколѣнія Годуновыхъ оставилъ по себѣ хорошую память троюродный племянникъ Бориса, Иванъ Ивановичъ, женатый на Иринѣ Никитишнѣ Романовой; въ 1605 году онъ былъ однимъ изъ воеводъ стоявшей подъ Кромами рати. Въ концѣ царствованія Борисъ, вообще очень скупо возводившій въ думные чины, сталъ отличать

братьевъ Басмановыхъ и, по общему свидѣтельству, возлагалъ особыя надежды на Петра Ѳедоровича Басманова. Другихъ же лицъ, о которыхъ можно было бы сказать, что они составляютъ правительственный кругъ при царѣ Борисѣ, мы не видимъ. Въ отсутствіи такого круга—«ближней государевой думы»—заключался весь ужасъ положенія семьи Бориса въ тѣ дни, когда внезапная смерть отняла у нея отца. Хотя Борисъ и прихварывалъ уже съ 1602 года, но онъ былъ въ такомъ возрастѣ, что нельзя еще было ждать неизбѣжно скорой развязки и нельзя было къ ней исподволь приготовиться. Семья его потерялась и не знала въ комъ, кромѣ патріарха, искать опоры. Видѣли опору въ Петрѣ Басмановѣ, но что онъ могъ сдѣлать при тогдашнемъ строѣ понятій? Человѣкъ «молодой», «невеликій», не отъ «большихъ родовъ», онъ самъ нуждался въ фаворѣ, чтобы удержаться на той высотѣ, на какую подняли его военные успѣхи и боевыя заслуги. Не считая Годуновыхъ крѣпкими, онъ былъ склоненъ къ измѣнѣ имъ и дѣйствительно измѣнилъ, какъ только сообразилъ, кому слѣдуетъ служить, и какъ только нашелъ товарищей для измѣны [77].

Но кто же въ боярствѣ могъ встать противъ Годуновыхъ, если всѣ соперники Бориса были сведены въ могилу или въ ничтожество? Романовы, три изъ пяти братьевъ, умерли въ ссылкѣ; старшій изъ живыхъ, невольный инокъ Филаретъ, томился въ монастырѣ; въ Москву былъ возвращенъ изъ ссылки одинъ только Иванъ Никитичъ, неспособный къ правильной дѣятельности паралитикъ. Семья Щелкаловыхъ жила въ безвѣстности, и старшій изъ «великихъ дьяковъ» Андрей уже умеръ. Бѣльскій жилъ въ ссылкѣ, также какъ и слѣпой «великій князь всея Руси» Симеонъ. Одинъ Ѳ. И. Мстиславскій сохранялъ свое первенство въ царскомъ синклитѣ именно потому, что никогда — ни раньше, ни послѣ—не показывалъ желанія власти. Весь правительственный кружокъ, оттѣснившій отъ вліянія на дѣла княжескую знать послѣднихъ лѣтъ Грознаго и времени царя Ѳеодора, теперь, со смертью талантливѣйшаго своего представителя Бориса, окончательно сошелъ со сцены и оставилъ свободнымъ поле дѣйствія. Въ средѣ близкихъ и преемниковъ Бориса въ Москвѣ не было на лицо ни придворныхъ авторитетовъ, въ родѣ блаженной памяти Никиты Романовича, ни государственныхъ умовъ въ родѣ самого Бориса Ѳеодоровича.

При недостаткѣ людей съ личнымъ вѣсомъ и вліяніемъ, естественно было выйти впередъ людямъ съ притязаніями родовыми и кастовыми. Исчезла въ лицѣ Бориса сила, умѣвшая, вслѣдъ за Грознымъ, давить эти притязанія, и они немедленно ожили. Гнетъ опричнины не могъ заставить ея жертвы забыть то, что говорили имъ родословцы и лѣтописи, что такъ волновало Курбскаго и другихъ писателей его круга и его симпатій. Потеря власти и влія-

нія, утрата наслѣдственныхъ земель, новыя условія землевладѣнія и службы, выдвигавшія во дворцѣ и въ опричнинѣ на мѣсто родовой знати цареву родню и служню, унизительная обстановка жизни подъ вѣчнымъ страхомъ опалы, подневольное прислуживанье въ опричнинѣ,—развѣ могъ со всѣмъ этимъ помириться потомокъ Рюрика или Гедимина, помнившій свою «породу»? Развѣ могъ онъ отказаться отъ попытки вернуть себѣ отнятое достояніе и попранную «честь», разъ онъ почувствовалъ, что ослабѣла рука, стягивавшая его узы? Конечно, нѣтъ. Со смертью Бориса неизбѣжна была реакція въ поведеніи бояръ-княжатъ и, намъ кажется, можно дѣйствительно наблюдать эту реакцію. Разумѣется, во главѣ боярской партіи въ дѣлѣ возстановленія и оживленія старыхъ боярскихъ преданій должны были стать старѣйшія, наиболѣе родовитыя семьи. Такими были изъ Рюриковичей князья Шуйскіе, а изъ Гедиминовичей князья Голицыны. Еще при старой династіи, какъ мы уже знаемъ, Шуйскіе почитались первыми изъ «принцевъ крови» въ Москвѣ. Какъ коренной восточно-русскій родъ, Шуйскіе ставились выше «по отечеству» не только всѣхъ прочихъ Рюриковичей, но и старѣйшихъ Гедиминовичей. Когда въ 1590 году потомки Ивана Булгака, князья Иванъ Голицынъ и Андрей Куракинъ, попробовали мѣстничаться съ кн. Дм. И. Шуйскимъ, то получили отъ царя Бориса жесткій отвѣтъ: «что плутаете, бьете челомъ не о дѣлѣ? велю дать на отцовъ вашихъ правую грамоту князю Дмитрію Шуйскому!» Династическія права Шуйскихъ, вытекавшія изъ родового старѣйшинства, знали и въ Литвѣ. Въ 1605 году старикъ Замойскій разсуждалъ, что и кромѣ названнаго царевича Дмитрія есть законные наслѣдники Московскаго царства: послѣ прекращенія бывшей династіи права на престолъ «jure successionis haereditariae» переходятъ на домъ Шуйскихъ. Годомъ позже «освященный соборъ» московскій офиціально писалъ, что В. И. Шуйскій покойному царю Ѳеодору Іоанновичу «по родству братъ». Самъ же Шуйскій полагалъ, что онъ принадлежалъ даже къ старшей вѣтви того рода, отъ котораго шла его младшая братія—бывшіе московскіе цари: въ своей подкрестной записи онъ высказывалъ не безъ остроумія, что его прародители были давно «на Россійскомъ государствѣ», а потомъ, по старшинству своему, получили Суздальскій удѣлъ, «якоже обыкли большая братія на большая мѣста сѣдати», и оттого онъ теперь справедливо учиняется царемъ «на отчинѣ» своихъ прародителей. Это было нѣсколько высокомѣрно даже по отношенію къ династіи Калиты, передъ которою Шуйскіе умѣли быть послушны до того, что попали въ «дворовые» или, иначе, въ опричнину царя Ивана. Въ свою очередь, князья Голицыны первенствовали въ Гедиминовичахъ. Они вели себя отъ старшаго брата Наримонта (или Патрикѣя), тогда какъ другіе видные роды

московскихъ Гедиминовичей, Мстиславскіе и Трубецкіе, шли отъ «младшихъ» Явнутія и Ольгерда. Въ своемъ Патрикѣевомъ роду Голицыны были моложе Хованскихъ, но колѣно Хованскихъ захудало и держалось низко, а Голицыны всегда были «велики». Если Мстиславскіе, Иванъ и Ѳедоръ, сидѣли въ думѣ выше Голицыныхъ, то это происходило не отъ преимущества «породы» Мстиславскихъ, а отъ милости къ нимъ Грознаго, которою бояре иногда кололи глаза Мстиславскимъ. Кромѣ того, со смертью Вас. Юрьев. Голицына въ 1585 (7193) году въ думѣ боярской семь лѣтъ не было никого изъ Голицыныхъ, по ихъ молодости, что и отмѣтилъ Флетчеръ, назвавъ всѣхъ Голицыныхъ его времени юношами (youths al). Только въ 1592 году было сказано боярство Ивану Ивановичу Голицыну, а въ 1602 его младшему двоюродному брату Василію Васильевичу. Когда подросла эта семья сыновей Василія Юрьевича Голицына и стали дѣйствовать братья Василій, Иванъ и Андрей, родъ Голицыныхъ сталъ опять замѣтенъ и вліятеленъ, а личныя свойства Вас. Вас. Голицына сдѣлали его замѣтнѣйшимъ изъ бояръ.

Такъ самими обстоятельствами намѣчались боярскія семьи, которымъ должно было принадлежать первое мѣсто въ рядахъ боярско-княжеской реакціи, въ томъ случаѣ, если бы такая реакція стала возможною. Очевидно, подозрительный Борисъ боялся ея возможности и угадывалъ ея вожаковъ. Покорныхъ ему Шуйскихъ, несмотря даже на свое родство съ ними по женѣ, онъ всегда въ чемъ-то подозрѣвалъ. Говорятъ, что онъ слѣдилъ за ними даже тогда, когда они были у него въ милости, и подвергалъ допросамъ и пыткѣ тѣхъ, кто ихъ посѣщалъ. Какъ относился онъ къ Голицынымъ, достаточно указываетъ уже то положеніе, въ какомъ находился при немъ В. В. Голицынъ. Вступленіе на престолъ Бориса застало этого князя на воеводствѣ въ Смоленскѣ; возвращенный на короткое время въ столицу и возведенный въ бояре, онъ затѣмъ былъ отправленъ въ Тобольскъ, гдѣ былъ воеводою въ 1603—1604 годахъ. Въ сущности Борисъ его держалъ въ почетной ссылкѣ и, конечно, не изъ чувства довѣрія къ нему [78]. Но въ нашихъ глазахъ большое значеніе имѣетъ тотъ поразительный фактъ, что Борисъ не задумался послать всѣхъ этихъ подозрительныхъ князей во главѣ войскъ противъ Самозванца. Въ походѣ 1604—1605 года были Василій и Дмитрій Ивановичи Шуйскіе, Василій и Иванъ Васильевичи Голицыны, былъ и Ѳ. И. Мстиславскій. Значитъ, Борисъ, при всей своей осторожности, не боялся, что эти бояре стакнутся съ претендентомъ на его престолъ. Между тѣмъ существуетъ извѣстіе, признаваемое многими за достовѣрное, что Борисъ обвинилъ въ подготовкѣ Самозванца именно бояръ. Если захотимъ принять это извѣстіе, то намъ слѣдуетъ его ограничить. Не князей «великой породы» заподозрилъ Борисъ въ самозванче-

ской интригѣ, а другой слой боярства, очевидно, тотъ самый, который онъ подвергъ опалѣ и ссылкѣ въ 1600—1601 годахъ. Подтвержденіемъ этому служитъ извѣстный фактъ изъ боярскихъ сношеній съ королемъ Сигизмундомъ при Самозванцѣ. Въ началѣ 1606 года Самозванецъ прислалъ въ Краковъ гонцомъ дворянина Ив. Безобразова. Отправивъ посольство отъ пославшаго его «непобѣдимѣйшаго императора», Безобразовъ передалъ королю черезъ Гонсѣвскаго тайное порученіе, данное ему отъ Шуйскихъ и Голицыныхъ. Эти знакомые намъ бояре жаловались королю, что онъ далъ имъ въ цари человѣка низкаго и легкомысленнаго, жестокаго, преданнаго распутству и расточительности, словомъ, недостойнаго занимать престолъ. Бояре извѣщали короля, что они думаютъ, какъ бы свергнуть этого царя и замѣнить его королевичемъ Владиславомъ. Если предполагать, что князья Шуйскіе и Голицыны въ числѣ прочихъ бояръ были причастны самозванческой интригѣ и участвовали въ подготовкѣ Самозванца, то какимъ наивно-дерзкимъ должно было быть подобное обращеніе къ королю! Какъ бы могли они говорить, а онъ слушать такіе упреки и жалобы по поводу того, что «король имъ далъ» низкаго и дурного человѣка? Удивленіе бояръ и смѣлость, съ какою они высказывали это чувство передъ Сигизмундомъ, становятся понятны лишь въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что кругъ Шуйскихъ и Голицыныхъ дѣйствительно былъ чуждъ затѣѣ съ Самозванцемъ. Въ то время какъ въ далекомъ Сійскомъ монастырѣ старецъ Филаретъ, очевидно, узнавъ «отъ всякихъ прохожихъ людей иныхъ городовъ» о появленіи и успѣхахъ Самозванца, уже съ февраля 1605 года оставилъ жить «по монастырскому чину», сталъ «всегда смѣяться невѣдомо чему», сердился на монаховъ и кричалъ имъ, что «увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ»,—въ то самое время князья-бояре водили войска на Самозванца, бились съ нимъ, проливая даже свою кровь, прогнали его къ Путивлю и сами еще не знали о себѣ, каковы они впередъ будутъ. Очевидно, они въ началѣ войны не сразу освоились съ положеніемъ и, не зная Самозванца, не тотчасъ рѣшили, что слѣдуетъ предпринять и какъ держаться въ борьбѣ нелюбимаго ими царя съ невѣдомымъ царевичемъ.

Смерть Бориса положила конецъ нерѣшительности князей-бояръ. Только что основанная Борисомъ династія не имѣла ни достаточно способнаго и годнаго къ дѣламъ представителя, ни сколько-нибудь вліятельной партіи сторонниковъ и поклонниковъ. Она была слаба, ее было легко уничтожить,—и она дѣйствительно была уничтожена. Молодой царь Ѳеодоръ Борисовичъ отозвалъ изъ войска въ Москву князей Мстиславскаго и Шуйскихъ и на смѣну имъ послалъ князя М. П. Катырева-Ростовскаго и П. Басманова. Два Голицына, братья Василій и Иванъ Васильевичи, остались подъ Кромами. Пе-

ремѣны въ составѣ воеводъ были произведены, вѣроятно, изъ осторожности, но онѣ послужили во вредъ Годуновымъ. Войска, стоявшія подъ Кромами, оказались подъ вліяніемъ князей Голицыныхъ, знатнѣйшихъ и виднѣйшихъ изо всѣхъ воеводъ, и П. Ѳ. Басманова, обладавшаго популярностью и военнымъ счастьемъ. Москва же должна была естественно пойти за В. И. Шуйскимъ, котораго считала очевидцемъ углицкихъ событій 1591 года и свидѣтелемъ если не смерти, то спасенія маленькаго Димитрія. Князья-бояре сдѣлались хозяевами положенія и въ арміи, и въ столицѣ, и немедленно объявили себя противъ Годуновыхъ и за «царя Димитрія Ивановича». Голицыны съ Басмановымъ увлекли войска на сторону Самозванца. Князь же В. И. Шуйскій въ Москвѣ не только не противодѣйствовалъ сверженію Годуновыхъ и торжеству Самозванца, но, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, самъ свидѣтельствовалъ подъ рукою, когда къ нему обращались, что истиннаго царевича спасли отъ убійства; затѣмъ онъ, въ числѣ прочихъ бояръ, поѣхалъ изъ Москвы навстрѣчу новому царю Димитрію, билъ ему челомъ и, возвратясь въ Москву, приводилъ народъ къ присягѣ новому монарху [79].

Такъ держали себя представители княжеской знати въ рѣшительную минуту московской драмы. Ихъ поведеніе нанесло смертельный ударъ Годуновымъ, и В. В. Голицынъ даже не отказалъ себѣ въ удовольствіи присутствовать при послѣднихъ минутахъ Борисовой жены и царя Ѳеодора Борисовича. Но одни бояре не могли бы, конечно, отдать Самозванцу ни войска, ни Москвы, и не могли бы направить противъ Годуновыхъ стихійнаго движенія массъ, если бы въ нѣдрахъ этихъ массъ не было соотвѣтствующихъ теченій. Къ сожалѣнію, нѣтъ желательнаго количества данныхъ для того, чтобы изучить эти теченія. Измѣна войска подъ Кромами и возстаніе Москвы на Годуновыхъ изображаются источниками не вполнѣ отчетливо.

Мы уже знаемъ, въ какомъ положеніи была рать Годунова подъ Кромами. Она устала отъ зимняго похода, много болѣла, теряла людей отъ побѣговъ и отъѣздовъ и получала подкрѣпленія посошными черными людьми. Боевая годность ея была сомнительна какъ отъ общаго разстройства полковъ, такъ и отъ того, что въ ней убывалъ лучшій элементъ—помѣстные дворяне центральныхъ городовъ—и оставался элементъ ненадежный—«ратные люди Сѣверскихъ городовъ, стрѣльцы, казаки и черные люди». Такъ именно изображали составъ войска офиціальныя данныя 1608 года. Какъ бы ни была велика численность подобной арміи, ее нельзя было считать сильнымъ войскомъ. Этотъ «flos et robur totius Moscoviae» (такъ величалъ эту армію іезуитъ Лавицкій) былъ настолько непригляденъ и слабъ, что въ его разстройствѣ надо видѣть одно изъ побужденій

измѣны Басманова. Съ другой стороны, въ арміи уже гнѣздилась измѣна: въ отдѣльныхъ лицахъ и частяхъ войско было сильно деморализовано. Мы знаемъ даже имена перебѣжчиковъ, приносившихъ Самозванцу изъ полковъ московскія вѣсти; таковъ былъ, напримѣръ, «сынъ боярскій молодой арзамасецъ Абрамъ Бахметевъ», принесшій Самозванцу первую вѣсть о Борисовой смерти. У Ис. Массы читаемъ много подробностей о тайныхъ пересылкахъ подъ Кромами между осаждающими и осажденными, также между московскимъ лагеремъ и Путивлемъ, гдѣ былъ Самозванецъ. Очень вѣроятно сообщеніе Массы, что Басмановъ, пріѣхавъ къ войску, каждый день разсылалъ по всему лагерю людей, чтобы вывѣдать настроеніе рати, и убѣдился, что большинство уже на сторонѣ Димитрія, а не Годуновыхъ; тогда онъ сталъ искать средствъ передаться Самозванцу безъ пролитія крови.

По описанію измѣны въ лѣтописи, дѣло было такъ, что воеводы Басмановъ, братья Голицыны и М. Гл. Салтыковъ провозгласили царемъ Самозванца «въ совѣтѣ» съ «городами» Рязанью, Тулою, Каширою и Алексиномъ, то-есть, по соглашенію съ дѣтьми боярскими названныхъ городовъ. Одна разрядная книга подтверждаетъ это, указывая, что «своровали рязанцы и иные дворяне и дѣти боярскіе»: именно «Прокоѳей Ляпуновъ съ братьею и со совѣтники своими изъ иныхъ зарѣчныхъ (то-есть, на югъ отъ Оки) городовъ втайнѣ вору крестъ цѣловали». И въ другой разрядной говорится, что именно «рязанцы и украинные городы измѣнили и приложилися къ розстригѣ». «Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ» также на первомъ мѣстѣ ставитъ «воинскихъ людей рязанцевъ», а «повѣсть 1606 года» присоединяетъ къ нимъ еще «дѣтей боярскихъ новгородскихъ». Наконецъ, Гонсѣвскій свидѣтельствовалъ въ 1608 году, что ему лично ржевскіе и зубцовскіе дворяне выражали въ 1606 году живѣйшее удовольствіе по поводу торжества Самозванца. Изъ всѣхъ этихъ указаній можно вывести то лишь одно заключеніе, что затѣя Голицыныхъ и Басманова была сочувственно принята и поддержана отрядами дѣтей боярскихъ, принадлежащихъ къ болѣе высокому слою служилаго класса, чѣмъ пограничная служилая мелкота. Помѣщики и вотчинники «большихъ статей», какими были, напримѣръ, Ляпуновы на Рязани, впервые выступаютъ здѣсь на поле дѣйствія всею массою, «городомъ», и выступаютъ противъ Годуновыхъ, а не за нихъ, хотя, казалось бы, именно этимъ провинціальнымъ служилымъ землевладѣльцамъ Борисъ благопріятствовалъ всего больше. Напрасно будемъ мы искать въ памятникахъ изложенія мотивовъ, по которымъ дѣти боярскіе «своровали» подъ Кромами, «собрався, пріѣхали къ розрядному шатру, гдѣ бояре и воеводы сидѣли», и, повязавъ ихъ, стали присягать царю Димитрію Ивановичу. Никто намъ не объясняетъ поведенія дво-

рянъ. Имѣли ли они твердое понятіе о томъ, что дѣлаютъ, или же полусознательно дозволили увлечь себя въ смуту, довѣряя своимъ вожакамъ и воеводамъ и искренно почитая Самозванца подлиннымъ царевичемъ,—это остается въ предѣлахъ простыхъ догадокъ. Правдоподобнѣе, впрочемъ, второе предположеніе. Состояніе умовъ въ войскѣ было такъ смутно, настроеніе такъ неопредѣленно, среди ратныхъ людей обращались такіе противорѣчивые слухи, что достаточно было одного рѣшительнаго толчка, и вся масса готова была податься по данному ей направленію. Братья Голицыны и Басмановъ дали ей этотъ толчокъ черезъ такихъ удобныхъ для агитаціи людей, какъ Ляпуновы [80].

До той поры, когда Прокопій Ляпуновъ поднялся на степень борца за національность, то-есть до 1610 года, семья Ляпуновыхъ не вызываетъ симпатій. Современникъ Грознаго, Петръ Ляпуновъ, съ пятью сыновьями, Григоріемъ, Прокопіемъ, Захаромъ, Александромъ, Степаномъ и съ племянниками Семеномъ, Василіемъ и Меншикомъ, были очень замѣтны въ своемъ Рязанскомъ краю. Рязань тогда отличалась очень постояннымъ и сплоченнымъ составомъ служилаго населенія, благодаря своему обособленному положенію между «дикимъ полемъ», болотными пространствами такъ называемой «мещерской стороны» и сплошными лѣсами Цны и Мокши. Въ этомъ углу давно обжились и перероднились, ссорились и мирились между собою зажиточныя и многолюдныя семьи дѣтей боярскихъ «выборныхъ» и «дворовыхъ»: Ляпуновыхъ, Сумбуловыхъ, Ржевскихъ, Биркиныхъ, Кикиныхъ, Измайловыхъ, Колеминыхъ, Шиловскихъ, Коробьиныхъ, Осѣевыхъ и многихъ другихъ. Хорошо поставленные въ отношеніи служебномъ и землевладѣльческомъ, люди этого круга были притязательны и отличались гоноромъ. Въ 1595 году одинъ изъ Ляпуновыхъ, Захаръ, былъ жестоко осужденъ за мѣстническія претензіи; въ другой разъ всѣ Ляпуновы «родомъ» мѣстничались съ князьями Засѣкиными, съ которыми ихъ родня имѣла «недружбы многія про землю». Очень рано, еще въ 1584 году, обнаруживается наклонность молодыхъ Ляпуновыхъ къ смутѣ и самоуправству. Они вмѣстѣ съ Кикиными «пристали къ черни», когда она послѣ смерти Грознаго встала на Богдана Бѣльскаго и пошла на Кремль. Есть интересныя указанія на близость Ляпуновыхъ къ «дворовому дьяку» Ивана Грознаго, Андрею Шерефединову. Этотъ отъявленный негодяй и насильникъ, пользуясь личною близостью къ Грозному, присвоивалъ самымъ наглымъ образомъ чужія земли и чужихъ людей на Рязани, а пособникомъ ему служилъ въ этомъ дѣлѣ Александръ Ляпуновъ. Замѣтимъ, что осужденный и отставленный отъ дѣлъ послѣ смерти Грознаго, Шерефединовъ оказался однимъ изъ первыхъ сторонниковъ Самозванца и былъ въ числѣ убійцъ жены и сына Бориса. Въ 1603 году опять слышимъ о Ляпуновыхъ: За-

харъ Ляпуновъ былъ уличенъ въ томъ, что посылалъ на Донъ казакамъ «заповѣдные товары», то-есть предметы вооруженія и вино. За это онъ снова понесъ наказаніе, какъ и въ 1595 году. Наконецъ, есть слухъ, что бояре тайно посылали какого-то племянника Прокопія Ляпунова къ королю Сигизмунду съ просьбою помочь Самозванцу. Весьма вѣроятно, что этого и не было на самомъ дѣлѣ, но не лишено значенія, что къ подобному слуху возможно было привязать одного изъ Ляпуновыхъ. Можетъ быть, самого его къ королю и не посылали, а, говоря старымъ языкомъ, «имя его посылали». Итакъ, Ляпуновыхъ видимъ противъ Бѣльскаго, который былъ пріятелемъ Бориса, и Ляпуновыхъ видимъ въ нѣкоторой близости съ Шерефединовымъ, который Годуновымъ былъ удаленъ отъ двора. Соображая эти обстоятельства, можемъ заключить, что Ляпуновы при Борисѣ должны были чувствовать себя не особенно удобно. Строгія же наказанія, которымъ, безъ сомнѣнія, подвергли Захара Ляпунова, должны были озлобить его родъ противъ Годуновыхъ. Отсюда можно объяснить рѣшимость Ляпуновыхъ измѣнить правительству Θеодора Борисовича [81].

Прокопій Ляпуновъ среди рязанскихъ дѣтей боярскихъ игралъ большую роль, потому что былъ на первомъ мѣстѣ въ числѣ «окладчиковъ» Окологороднаго стана на Рязани. За нимъ, какъ за избраннымъ и довѣреннымъ лицомъ, должна была пойти вся дружина рязанцевъ, не только Переяславля-Рязанскаго, но и другихъ рязанскихъ городовъ, напримѣръ, Ряжска, гдѣ у Прокопія были также знакомцы, даже обязанные ему поручительствомъ по службѣ. Когда же рязанцы вошли въ «совѣтъ» къ Басманову и Голицынымъ, за ними легко увлеклись служилые люди и другихъ южныхъ городовъ. По картинному описанію Ис. Массы, когда заговорщики 7-го мая бросились на воеводъ и стали переходить черезъ р. Крому на соединеніе съ гарнизономъ Кромъ, то въ лагерѣ поднялся ужасный безпорядокъ: «никто не зналъ, кто былъ врагомъ, кто другомъ; одинъ бѣжалъ въ одну сторону, другой—въ другую, и вертѣлись какъ пыль, вздымаемая вихремъ». Далеко не всѣ были посвящены въ замыселъ измѣнниковъ. Князь Андрей Телятевскій до послѣдней минуты не бросалъ «наряда», то-есть порученной ему артиллеріи, и убѣжалъ въ Москву, когда понялъ, что измѣнники осилили. Отрядъ нѣмецкой конницы также готовъ былъ къ бою, не желая измѣнять Годуновымъ. Пораженныя неожиданнымъ предательствомъ, различныя части войска теряли порядокъ и бросались въ бѣгство. До самой Москвы бѣжали растерянные люди, и «когда ихъ спрашивали о причинѣ такого внезапнаго бѣгства, они не умѣли ничего отвѣтить». И многіе изъ тѣхъ, кто остался подъ Кромами служить новому царю Димитрію, знали столь же мало о положеніи дѣлъ и жалѣли, что не ушли. Большинство ратныхъ людей въ переворотѣ

сыграло пассивную роль и желало только того, чтобы окончить долгій и трудный походъ. Увѣдомленный объ этомъ, Самозванецъ не замедлилъ распустить войско. Тотчасъ какъ узналъ онъ о сдачѣ московской арміи, онъ послалъ подъ Кромы изъ Путивля князя Бориса Михайловича Лыкова, давнишняго друга Романовыхъ, женившагося впослѣдствіи на одной изъ дочерей Никиты Романовича. Князь Лыковъ приводилъ ко кресту ратныхъ людей подъ Кромами на вѣрную службу новому царю, а затѣмъ объявилъ милостивое разрѣшеніе царское войску разъѣзжаться по домамъ, «потому что оно было утомлено»; только «главнѣйшей части войска» онъ приказалъ ожидать его подъ Орломъ. По полученіи грамоты Самозванца множество народа, говоритъ Масса, отправилось домой, даже не видавъ того царя, которому они только что присягнули и изъ-за котораго столько натерпѣлись. Осторожнѣе казалось уйти подальше отъ событій столь загадочныхъ и странныхъ. Нельзя не замѣтить, что нѣкоторая осторожность не покидала даже самихъ вожаковъ измѣны: по сообщенію лѣтописи, князь В. В. Голицынъ, а по сообщенію Массы, Басмановъ приказали себя связать, какъ связанъ былъ И. И. Годуновъ въ то время, когда дѣти боярскіе «пріѣхали къ розрядному шатру» съ измѣною. Это сдѣлано было, «хотя у людей утаити», затѣмъ, чтобы на воеводъ не пало подозрѣнія въ соучастіи. Въ такой предусмотрительности видна не одна боязнь, что замыселъ можетъ окончиться неудачей. Воеводы рисковали, что Самозванецъ, получивъ ихъ въ свои руки связанными, не повѣритъ ихъ добровольному переходу на его сторону. Но имъ въ ту минуту больше хотѣлось избавиться отъ Годуновыхъ, чѣмъ доставить торжество тому, кого они не знали и въ кого, можетъ быть, сами не увѣровали. Не суда Годуновыхъ или Самозванца они боялись при измѣнѣ, а общественнаго мнѣнія, которое могло и не быть на сторонѣ побѣдившаго Самозванца [82].

Такъ передалось претенденту московское войско. Послѣ 7-го мая только гарнизонъ Калуги да стрѣльцы у Серпухова оказали нѣкоторое сопротивленіе авангарду Самозванца. Самъ же онъ съ торжествомъ шелъ изъ Путивля къ столицѣ на Орелъ и Тулу, какъ разъ черезъ уѣзды тѣхъ Украинныхъ городовъ, дворяне которыхъ передались ему подъ Кромами. Еще въ Путивлѣ прибылъ къ нему князь И. В. Голицынъ, со свитою въ тысячу человѣкъ, бить челомъ «именемъ всего войска». Въ дорогѣ встрѣтили его сперва М. Г. Салтыковъ и П. Ѳ. Басмановъ, затѣмъ князь В. В. Голицынъ и одинъ изъ Шереметевыхъ. Въ Тулѣ же и въ Серпуховѣ явились къ нареченному царю Димитрію Ивановичу, какъ представители признавшей его столицы, братья Василій, Дмитрій и Иванъ Ивановичъ Шуйскіе, кн. Ѳ. И. Мстиславскій, кн. И. М. Воротынскій, словомъ, цвѣтъ московскаго боярства. Они явились съ придворнымъ шта-

томъ и запасами, и Тула на нѣсколько дней обратилась во временную резиденцію уже царствующаго царя Димитрія. Подъ Серпуховымъ для Самозванца были устроены тѣ самые походные шатры, въ которыхъ за семь лѣтъ предъ тѣмъ и на томъ же мѣстѣ величался Борисъ; тогда эти шатры, имѣвшіе видъ «снѣговиднаго города», поразили Ивана Тимоѳеева, теперь ими восхитился Борша, описавшій ихъ въ такихъ же выраженіяхъ, какъ и впечатлительный Тимоѳеевъ. Окруженный войсками и дворомъ, Самозванецъ уже издали сталъ распоряжаться Москвою. Онъ послалъ туда войско подъ начальствомъ Басманова, а для управленія дѣлами отправилъ князя В. В. Голицына и съ нимъ давно знакомыхъ Самозванцу кн. Вас. Мосальскаго-Рубца и дьяка Богдана Сутупова. Эти послѣдніе въ 1604 году сдали Самозванцу Путивль и затѣмъ снискали его довѣріе, управляя въ Путивлѣ дѣлами во время долгой стоянки тамъ Самозванца. Изъ названныхъ четырехъ лицъ составилась комиссія, которой новый царь приказалъ «вѣдать Москву» и приготовить ее къ царскому прибытію. Съ пріѣздомъ въ столицу этой комиссіи въ государствѣ насталъ окончательно новый правительственный порядокъ. Нареченному царю Димитрію, вмѣстѣ съ военною силою, сталъ служить и весь правительственный механизмъ.

Какое же положеніе дѣлъ застали въ Москвѣ новыя административныя лица?

Вскорѣ же послѣ кончины Бориса, когда вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ московскаго престола самъ собою выросталъ передъ грубыми и неискусными умами московской толпы, а слухи о Самозванцѣ все болѣе и болѣе раздражали ея любопытство, уличная чернь отложила прежнюю сдержанность, стала обнаруживать безпокойство и волновалась. Она громко выражала желаніе видѣть мать царевича Димитрія, инокиню Марѳу, говорила о необходимости возвратить въ Москву «старыхъ вельможъ», знакомыхъ съ событіями 1591 года, иначе говоря, Нагихъ. Народъ желалъ имѣть точныя свѣдѣнія о дѣйствительной судьбѣ углицкаго царевича, а правительство не рѣшалось ихъ дать, опасаясь, что лица, близкіе къ углицкому дѣлу, могутъ извратить его обстоятельства въ пользу Самозванца, если станутъ говорить о дѣлѣ съ толпою. Изъ этихъ лицъ на одного В. И. Шуйскаго считали возможнымъ положиться и потому выпустили его къ толпѣ. Онъ объяснялъ народу, что настоящаго царевича дѣйствительно похоронили на Угличѣ и что взявшій на себя его имя есть самозванецъ. Не знаемъ, сильно ли это подѣйствовало на слушавшихъ и дѣйствительно ли князь Василій потомъ въ частныхъ бесѣдахъ говорилъ противоположное; но во всякомъ случаѣ про эти увѣренія Шуйскаго забыли, когда бѣглецы изъ-подъ Кромъ принесли громовую вѣсть объ измѣнѣ войска и бояръ. Деморализація военной толпы передалась толпѣ уличной, страхъ бѣжавшихъ заразилъ

москвичей. Въ то время, когда одни сообразили, что нѣтъ болѣе правительства и что они остаются, до поры до времени, на своей волѣ, другіе почувствовали, что нѣтъ болѣе порядка и надобно самимъ думать о своей безопасности и цѣлости. Малѣйшая тревога разнуздывала однихъ и повергала въ панику другихъ. Когда прошелъ слухъ, что знаменитый атаманъ Корѣла стоитъ съ казаками недалеко отъ Москвы, власти приказали возить пушки къ стѣнамъ и валамъ. Дѣлалось это очень вяло, и толпа издѣвалась надъ военными приготовленіями, а зажиточные люди спѣшили прятать свое добро, одинаково боясь и казаковъ Корѣлы, и московской уличной черни. Зловѣщій призракъ соціальнаго междоусобія вставалъ надъ Москвою въ эти дни политической безурядицы, и постороннему наблюдателю представлялось, что служилое и торговое населеніе Москвы «чрезвычайно боялось бѣдной раззоренной черни, сильно желавшей грабить московскихъ купцовъ, всѣхъ господъ и нѣкоторыхъ богатыхъ людей». Этотъ внутренній врагъ, толпившійся на московскихъ площадяхъ и рынкахъ, для общественныхъ верховъ казался даже горше наступавшаго на Москву невѣдомаго побѣдителя.

Неопредѣленность положенія тяготила особенно потому, что отъ побѣдителя не было вѣсти. Грамоты Самозванца не доходили до населенія, ибо ихъ успѣвало перехватывать правительство Годуновыхъ. Только 1-го іюня, стало быть, недѣли через три послѣ извѣстій о сдачѣ арміи Самозванцу, московскіе люди услышали впервые милостивое обращеніе къ нимъ новаго царя. Его грамоту гонцы Г. Пушкинъ и Н. Плещеевъ успѣли разгласить въ подмосковномъ Красномъ селѣ, большомъ и богатомъ, похожемъ на городъ. Красносельцы толпою, съ которою не могла справиться Годуновская полиція, проводили гонцовъ въ самую Москву. Народныя массы слушали ихъ грамоту на Красной площади и склонились на сторону новаго царя. Бояре дали увлечь себя въ народномъ потокѣ, и Годуновы пали. Въ успѣхѣ новаго царя одни видѣли торжество правды и Божій судъ надъ домомъ Бориса, другіе—только выходъ изъ тяжкаго кризиса, третьи же—поводъ къ тому, чтобы проявить наболѣвшее чувство злобы на «сильныхъ» людей, на произволъ ихъ и обиды, на тяготившія послѣдствія общественнаго неравенства. По мѣткому выраженію Ис. Массы, въ это время каждый могъ скоро отыскать своего врага. Вмѣстѣ съ низверженіемъ правительства, по всей Москвѣ весь день происходилъ грабежъ: грабили не однихъ Годуновыхъ и ихъ близкихъ, но и людей далекихъ отъ правительства и ни къ чему не причастныхъ, напримѣръ, служилыхъ и торговыхъ нѣмцевъ. Арестомъ Годуновыхъ и водвореніемъ ихъ на старомъ Годуновскомъ дворѣ руководили вельможи, взявшіе дѣла въ свои руки; грабежемъ же занималась чернь, у которой явился подстрекатель изъ числа тѣхъ же вельможъ, именно Б. Бѣльскій, допущенный въ

Москву послѣ смерти Бориса. Такъ, верхъ и низъ московскаго населенія произвели переворотъ 1-го іюня, послѣ чего боярство двинулось навстрѣчу царю Димитрію, а прочее населеніе стало готовиться къ пріему царя въ столицѣ [83].

VI.

Борьба была окончена. Съ торжествомъ Самозванца однако не обезпечивалась дальнѣйшая судьба престола и не водворялся порядокъ въ государствѣ. Боярство отнюдь не могло примириться съ властью Самозванца, въ царственное происхожденіе котораго оно никакъ не могло вѣрить. В. И. Шуйскій откровенно высказывалъ, что Самозванца признали царевичемъ только для того, чтобы свергнуть Годунова. Когда же Бориса съ его домомъ не стало, миновала необходимость и въ службѣ Самозванцу. Служить ему было тяжело еще и потому, что новый царь не привлекалъ къ себѣ своимъ обращеніемъ. Первое же знакомство съ его личностью и пріемами, въ Тулѣ въ маѣ и іюнѣ 1605 года, оказалось для бояръ очень непріятнымъ. Къ Самозванцу привезли «повинную» отъ Москвы бояре князья И. М. Воротынскій и А. А. Телятевскій и съ ними «всякихъ чиновъ люди». Столичное посольство было принято новымъ царемъ одновременно съ новопришедшими донскими казаками. Царь позвалъ казаковъ къ рукѣ «преже московскихъ болярь», а казаки при этомъ «лаяли и позорили» ихъ. Послѣ такого публичнаго безчестья Самозванецъ еще разъ призвалъ къ себѣ бояръ и самъ ихъ бранилъ («наказываше и лаяше, якоже прямый царскій сынъ»); нѣкоторыхъ же изъ нихъ, даже самого Телятевскаго, послалъ за что-то въ тюрьму. Конечно, не Воротынскому и не Шуйскимъ съ Голицыными было терпѣть такое обхожденіе отъ невѣдомаго имъ проходимца. Рѣшая передать ему государство, они ждали, что онъ воздастъ имъ за это подобающую честь и благодареніе и что онъ пойметъ и соблюдетъ надлежащее положеніе въ странѣ титулованной знати. Но они увидѣли съ первыхъ же минутъ, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, которому чужды политическія традиціи и житейскій тактъ. Самозванецъ не понималъ ни того, чѣмъ онъ обязанъ московскимъ князьямъ, ни того, какое положеніе они желаютъ себѣ создать или, вѣрнѣе, возвратить въ государствѣ.

Особенно раздраженными и нетерпѣливыми оказались Шуйскіе. Трудно понять причины той торопливости, съ какою они постарались отдѣлаться отъ новаго царя. Но во всякомъ случаѣ ихъ отношеніе къ вопросу о подлинности или самозванствѣ воцарившагося монарха было такъ щекотливо и сложно, что неизбѣжно должно было портить ихъ положеніе при этомъ монархѣ. В. И. Шуйскій еще такъ недавно свидѣтельствовалъ въ Москвѣ о томъ, что онъ

похоронилъ настоящаго царевича въ Угличѣ, а что во имя его идетъ «разстрига». Какъ могъ онъ объяснить свои слова Самозванцу, которому онъ потомъ принесъ присягу? И какъ могъ Самозванецъ довѣриться такому боярину, который на его глазахъ круто перемѣнилъ свои рѣчи о немъ самомъ и который, слишкомъ много зная о настоящемъ царевичѣ, могъ и впередъ злоупотреблять этимъ знаніемъ? Въ то время, какъ другіе виновники переворота, Голицынъ и Басмановъ, получили на первыхъ же порахъ служебныя порученія отъ Самозванца и, какъ его довѣренныя лица, поѣхали предъ нимъ въ Москву, Шуйскіе оставались въ сторонѣ. Это было послѣдствіемъ ихъ поведенія и, можетъ быть, причиною той поспѣшности, съ какою они стали агитировать противъ новаго государя. Имъ было основаніе опасаться, что при перемѣнѣ придворныхъ лицъ и вліяній, не имъ достанется первое мѣсто въ правительствѣ, а между тѣмъ они притязали на него. Переворотъ 1-го іюня устранилъ тотъ порядокъ, которымъ они тяготились, но не создалъ такого порядка, какого они желали. Незачѣмъ было, съ ихъ точки зрѣнія, терпѣть новое положеніе вещей и опасно было, въ интересахъ ихъ семьи, дать ему утвердиться. Вотъ почему Шуйскіе, очертя голову, бросились въ агитацію, возбуждая московское населеніе противъ новаго царя, еще не успѣвшаго пріѣхать въ свою столицу. Неизвѣстно точно время, когда уличили и судили Шуйскихъ, но во всякомъ случаѣ, все дѣло Шуйскихъ, до «казни» князя Василія и до ссылки всей семьи опальныхъ князей, протекло въ лѣтніе мѣсяцы 1605 года, точнѣе—въ первую половину лѣта. Письмо іезуита Лавицкаго изъ Москвы, датированное 14-мъ іюля новаго стиля, уже излагаетъ не только вины Шуйскаго, но и судъ надъ нимъ на такъ называемомъ «соборѣ» (in maximo consessu senatorum etiam spiritualium cum caeteris aliis) и относитъ казнь его, отмѣненную въ послѣднюю минуту,—къ 10-му іюля по новому стилю, то-есть къ 30-му іюня по старому. Въ іюлѣ Шуйскіе были уже сосланы въ Галицкіе пригороды. Если мы примемъ эту дату и вспомнимъ, что 1-го іюня произошло сверженіе, а 10-го умерщвленіе Годуновыхъ и что только 20-го іюня Самозванецъ пріѣхалъ въ Москву, то убѣдимся, что Шуйскіе необыкновенно спѣшили и что все «дѣло» ихъ заняло не болѣе десяти дней Очевидно, они мечтали не допустить «розстриги» до Москвы, не дать ему сѣсть на царствѣ. Разумѣется, ихъ предпріятіе не могло имѣть успѣха и должно было казаться предосудительнымъ и страннымъ Въ Москвѣ никто еще не имѣлъ времени убѣдиться въ справедливости того, что говорили Шуйскіе,—что новый царь не царевичъ, а разстрига, и что онъ хочетъ «до конца разорить» православную вѣру. Не мудрено, что имъ пока никто не повѣрилъ и на пресловутомъ «соборѣ», который успѣли собрать менѣе, чѣмъ въ десять дней, никто имъ не

«пособствовалъ»: «ни власти, ни изъ бояръ, ни изъ простыхъ людей, всѣ на нихъ же кричаху» [84].

Разрывъ съ Шуйскими и опала на нихъ повлекли за собою и другія опалы и казни. Источники, говоря о лицахъ, которыхъ коснулся розыскъ, разсказываютъ, что Шуйскихъ выдала болтовня «безъ разсуду» близкихъ къ нимъ торговыхъ людей, между прочимъ, извѣстнаго въ то время «церковнаго и палатнаго мастера» Ѳедора Коня (или Конева); называется также имя казненнаго смертью Петра Тургенева; отмѣчается, что большинство подозрѣваемыхъ принадлежало къ духовенству. Если даже признать преувеличеннымъ слухъ о томъ, что при самомъ началѣ правленія новаго царя «обыкновенно ночью тайно пытали, убивали и казнили людей» и что «каждый день то тамъ, то здѣсь происходили казни», — все-таки нельзя не замѣтить, что новое царствованіе началось не гладко и не вполнѣ милостиво. Всѣ слои московскаго населенія испытали на себѣ, что «великій государь» не всѣхъ одинаково жалуетъ, какъ обѣщалъ, «по своему царскому милосердому обычаю». Съ другой стороны, «великій государь» слишкомъ жаловалъ тѣхъ, кого Москва не любила и боялась. Съ нимъ въ Москву пришли казаки и польскія роты и пріѣхали польско-литовскіе паны, въ родѣ кн. Вишневецкаго. Весь этотъ народъ имѣлъ претензію думать, что именно ему москвичи обязаны возстановленіемъ династіи, а новый царь своимъ престоломъ. Поведеніе пришлецовъ было надменно и грубо, нравы распущены. Москвичи оскорблялись предпочтеніемъ, которое оказывалось иноземцамъ, и свободою, съ какою держалъ себя въ Москвѣ чужой людъ. Правда, царь Димитрій скоро распустилъ свое воинство и расплатился съ нимъ; но на смѣну ушедшимъ являлись въ Москву новые выходцы искать торговыхъ барышей или придворныхъ милостей. Царь всегда бывалъ окруженъ чужеродными гостями и иностранною стражею. Народъ, видавшій приготовленія къ казни крамольника В. Шуйскаго, понемногу сталъ думать, что это былъ не крамольникъ, а провидецъ и страдалецъ за вѣру и правду. Можно полагать, что вопреки увѣреніямъ иностранныхъ современниковъ, выхвалявшихъ Самозванца, его личность и дѣла не пріобрѣли особой популярности у москвичей. А весною 1606 года нашествіе поляковъ на Москву ради свадьбы Самозванца и Марины и вовсе отчудило московское населеніе отъ новаго двора. Интересно указаніе въ письмѣ Бучинскаго къ Самозванцу, въ январѣ 1606 года, что даже такіе невеликіе люди, какъ Борша и Хрипуновъ, говорили между собою, будто на Москвѣ уже точно дознались, что царь Дмитрій не настоящій царь; подобные разговоры между москвичами были въ ходу, стало быть, еще за полгода до сверженія Самозванца [85].

Если московская толпа имѣла свои поводы къ недоумѣнію и

неудовольствію, то у знати были свои особыя причины чувствовать себя неудовлетворенною новымъ порядкомъ. Самозванецъ поставилъ себя очень опредѣленно по отношенію къ боярству. Онъ всячески показывалъ свое благоволеніе къ названной своей роднѣ: вернулъ изъ ссылки и возвысилъ Нагихъ, проведя въ думу братьевъ и дядей своей мнимой матери Марѳы Ѳеодоровны. Далѣе, Богдана Бѣльскаго, имя котораго давно было связано съ именемъ угличскаго царевича, Самозванецъ пожаловалъ въ бояре, хотя и предпочелъ услать его на воеводство въ Новгородъ, а не держать около себя. Наконецъ, онъ послѣдовательно стремился возстановить прежнее положеніе извѣстнаго намъ боярскаго круга, разбитаго царемъ Борисомъ. Романовы были возвращены изъ мѣстъ заточенія. Старецъ сійскій Филаретъ съ весны 1606 года обратился въ митрополита ростовскаго; Ив. Ник. Романову сказано было боярство; даже прахъ умершихъ въ ссылкѣ Романовыхъ возвращали для погребенія на родинѣ. «Великій дьякъ» В. Щелкаловъ избылъ своей опалы и былъ произведенъ въ окольничіе. Словомъ, возрождалась къ новымъ успѣхамъ та среда дворцовой знати, отъ которой всю вторую половину XVI вѣка терпѣли московскіе княжата. Самозванецъ даже вспомнилъ Головиныхъ и какъ будто желалъ ихъ вознаградить за опалу 1584 года быстрымъ возвышеніемъ Ивана и Василія Петровичей Головиныхъ до сана окольничаго. Ласкалъ онъ и кн. Ѳ. И. Мстиславскаго, подаривъ ему старый Царе-Борисовъ дворъ въ Кремлѣ. Легко понять, что̀ должны были чувствовать убѣжденные представители княжеско-боярскихъ традицій при такомъ возрожденіи «аристократіи временъ опричнины». Только что уничтоженный боярскою реакціею порядокъ возникалъ за-ново, а вожаки реакціи отстранялись отъ дѣлъ, которыми такъ недавно, казалось, владѣли. Шуйскіе были въ ссылкѣ, Голицыны стали вовсе не замѣтны въ шумѣ самозванцевыхъ утѣхъ и затѣй. На убылыя мѣста Годуновской родни во дворцѣ Самозванца являлись не великородные князья, а люди низшаго слоя—Басмановъ, князья Масальскіе, кн. Татевъ, даже столь неродословные дѣльцы, какъ дьяки Аѳ. Власьевъ и Б. Сутуповъ, дворянинъ М. Молчановъ и думный дворянинъ Гр. Микулинъ, попавшій въ думу изъ стрѣлецкихъ головъ. Во дворцѣ Самозванца формировался такой правительственный кругъ, который по своей пестротѣ и демократичности могъ съ большимъ успѣхомъ поспорить съ «опричнинской» компаніею Грознаго. Самозванецъ, кажется, и самъ чувствовалъ, что долженъ быть осторожнѣе съ родовитымъ боярствомъ, съ которымъ онъ сталъ такъ далекъ. Во-первыхъ, онъ возвратилъ въ Москву Шуйскихъ всего черезъ четыре-пять мѣсяцевъ послѣ ихъ ссылки. Конечно, имъ руководило въ данномъ случаѣ не легкомысленное великодушіе, въ которомъ его льстиво упрекалъ Бучинскій, а необходимость уступить предста-

тельству «нѣкоторыхъ сенаторовъ» (za przyczyną niektorych senatorow) и даже самой царицы-матери. Во-вторыхъ, онъ пытался сблизить и даже породнить своихъ близкихъ, родственниковъ и друзей, съ вельможами, которые, по выраженію Ис. Массы, были нейтральны, то-есть не принадлежали къ его кругу. Нечего и говорить, что всѣ подобныя старанія остались безуспѣшными. Шуйскіе какъ только вернулись въ Москву изъ Галицкихъ пригородовъ, послали заодно съ Голицыными извѣстнаго уже намъ Ив. Безобразова къ королю Сигизмунду съ тайными рѣчами о сверженіи Самозванца, а кн. Мстиславскій, обласканный Самозванцемъ, не задумался пристать къ заговорщикамъ, когда они бросились на Кремлевскій дворецъ [86].

Такъ, тѣ самые элементы московскаго населенія, которые произвели 1-го іюня переворотъ въ пользу Самозванца, готовы были черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возстать противъ поставленнаго ими царя и окружающихъ его своихъ и чужихъ «тайноглагольниковъ». Къ нимъ прибавился и еще одинъ врагъ «разстриги»—духовенство. Оно съ особеннымъ вниманіемъ должно было ловить всѣ слухи о томъ, что Самозванецъ находится въ сношеніяхъ съ папою и вообще близокъ съ иновѣрцами. Присутствіе въ Москвѣ людей иныхъ исповѣданій, увѣренная смѣлость ихъ поведенія, посѣщеніе ими православныхъ церквей и недостатокъ уваженія къ святынѣ волновали и возмущали блюстителей московскаго правовѣрія. За попустительство и личный либерализмъ въ сферѣ обряда и внѣшняго культа Самозванецъ получилъ репутацію еретика, главной цѣлью котораго якобы было ниспроверженіе православія въ государствѣ. Отобраніе въ казну нѣкоторыхъ участковъ церковной земли въ самой Москвѣ, поборы съ монастырей,—причемъ съ одного Троице-Сергіева монастыря взято было 30.000 рублей, — поддерживали убѣжденіе во враждебномъ отношеніи царя къ церкви. Духовенство считало подвигомъ благочестія всякую оппозицію «разстригѣ» и окружало блескомъ агіографической легенды всякое проявленіе личной стойкости въ столкновеніяхъ русскихъ людей съ неправославнымъ монархомъ. Пастыри церкви Гермогенъ казанскій и Ѳеодосій астраханскій, знатный «первострадалецъ» князь Василій Шуйскій и смиренный Тимоѳей Осиповъ, «мужъ благочестивъ образомъ и нравомъ», одинаково представлялись «доблими мучениками» и поборателями по вѣрѣ за то, что смѣло отстаивали свои мнѣнія передъ Самозванцемъ. Духовенство, несомнѣнно, не отказало бы въ своемъ благословеніи всякому, кто «дерзнулъ» бы на «разстригу».

Надобенъ былъ лишь вождь и руководитель, чтобы сплотить недовольныхъ и организовать возстаніе. Съ осени 1605 года Шуйскій вторично взялся за это дѣло, или, вѣрнѣе сказать, обстоятельствами былъ поставленъ въ центрѣ движенія. Онъ уже первою ве-

сеннею попыткою пріобрѣлъ ореолъ «первострадальца» и въ глазахъ толпы его поведеніе было прямѣе и, такъ сказать, героичнѣе поведенія всякаго иного боярина, Мстиславскаго, Голицыныхъ и прочихъ. Голова его лежала на плахѣ: этого одного было достаточно, чтобы снискать уваженіе патріотовъ. Затѣмъ, Шуйскіе имѣли большія связи въ разныхъ кругахъ общества. Лѣтопись не разъ указываетъ на близость къ Шуйскимъ московскихъ купцовъ; въ видѣ догадки замѣтимъ, что эта близость образовалась по старинной вотчинной осѣдлости князей Шуйскихъ. Они имѣли вотчины въ Клязьменскомъ краю, въ томъ районѣ, гдѣ сельскія поселенія достигли бо̀льшаго развитія и отличались напряженіемъ торговаго оборота и разнообразіемъ производительнаго труда. Населеніе ихъ вотчинъ связано было съ московскимъ рынкомъ и связывало съ нимъ своихъ вотчинныхъ «государей». Насмѣшливое прозвище, данное въ народѣ князю Вас. Ив. Шуйскому,—«шубникъ»—произошло отъ шубнаго промысла, который былъ развитъ въ старыхъ вотчинахъ его рода, Шуйскомъ уѣздѣ, откуда произошла и самая фамилія Шуйскихъ. Могли Шуйскіе расчитывать, кромѣ собственно московскаго населенія, и на помощь иногородцевъ. Есть указанія, что они съумѣли «присовокупить» къ своему совѣту дѣтей боярскихъ новгородскихъ и псковскихъ, которые и сыграли въ возстаніи дѣятельную роль. Одинъ, правда мутный, источникъ сообщаетъ вѣроподобное извѣстіе, что Шуйскіе стянули въ Москву своихъ «людей» изъ разныхъ вотчинъ. Наконецъ, за Шуйскими пошли и воинскіе отряды, расположенные временно подъ Москвою для дальнѣйшаго «польскаго» похода въ Елецъ; можетъ быть, въ ихъ числѣ и были тѣ 3.000 новгородцевъ, о которыхъ упоминаетъ Масса [87].

Для того, чтобы собрать народъ и подготовить его къ согласному дѣйствію, необходимо было время. Подготовка возстанія началась еще въ концѣ 1605 года, какъ видно по времени обращенія бояръ къ королю черезъ Ив. Безобразова и по январьскому письму Яна Бучинскаго къ Самозванцу. Съ начала же 1606 года Самозванецъ уже сталъ ловить признаки народнаго броженія. Ночью 8-го января произошла ночная тревога въ его дворцѣ; было мнѣніе, что переполохъ былъ вызванъ покушеніемъ на жизнь Самозванца со стороны извѣстнаго намъ А. Шерефединова. Въ великомъ посту, который въ 1606 году начался 3-го марта, московскіе стрѣльцы «поговорили» про Самозванца, что онъ разоряетъ ихъ вѣру, и стала «мысль быти въ служилыхъ людяхъ въ стрѣльцахъ, якобы имъ къ кому было пристать». Эта мысль стала извѣстна Басманову, начальнику стрѣльцовъ. Поговорившіе стрѣльцы были схвачены и избиты своими же товарищами, которымъ выдалъ ихъ Самозванецъ для расправы. Голова стрѣлецкій Гр. Микулинъ за усердіе въ искорененіи измѣны былъ пожалованъ въ думные дворяне; а въ то же время

(29 марта) слѣпой великій князь Симеонъ Бекбулатовичъ былъ посланъ изъ Москвы въ Кирилловъ монастырь съ приставами и съ особою о немъ грамотою. Самозванецъ, очевидно, считая Симеона за такое лицо, къ которому могли или хотѣли «пристать», приказывалъ его постричь въ монахи и «покоить» въ монастырѣ такъ же, какъ ранѣе покоили тамъ ссыльнаго старца Іону Мстиславскаго. Черезъ мѣсяцъ послѣ стрѣлецкой смуты пріѣздъ слишкомъ большого количества гостей изъ Рѣчи Посполитой на свадебныя торжества Самозванца не понравился населенію Москвы. Слишкомъ свободное и шумное, порою даже наглое поведеніе вооруженнаго «рыцарства» раздражало москвичей настолько, что въ «рядахъ» полякамъ перестали продавать порохъ и свинецъ «для того, чтобы веселые гости постоянными выстрѣлами не тревожили народа и не нарушали общаго спокойствія». Самый чинъ свадебныхъ церемоній и пировъ, не вполнѣ обычный, не согласованный съ требованіями московской порядочности и степенности, возбуждалъ народное негодованіе, тѣмъ болѣе, что на царскую свадьбу въ Кремль простого народа и не пустили. Сильная стража пропускала въ ворота только служилыхъ людей да иноземцевъ. Если раньше заговорщикамъ надо было искусственно возбуждать народъ противъ «разстриги», то послѣ женитьбы царской, наоборотъ, бояре могли опасаться, что народное буйство испортитъ ихъ расчеты и вскроетъ прежде времени ихъ замыслы. Съ 12-го мая народъ началъ волноваться всею массою, и всѣ послѣдующіе дни Самозванецъ получалъ донесенія объ этомъ отъ офицеровъ своей стражи. Предостереженія шли и отъ польскихъ пословъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ; для пословъ опасность казалась настолько явною, что они уже съ 15 на 16 мая всю ночь содержали свои караулы на Посольскомъ дворѣ. Самозванецъ же въ непонятномъ ослѣпленіи считалъ свою власть и безопасность совершенно прочными, думая, по выраженію Палицына, что онъ «всѣхъ въ руку свою объятъ, яко яйце» [88].

Однако ударъ ему былъ нанесенъ очень скоро. Утромъ 17-го мая до 200 бояръ и дворянъ ворвались въ Кремль и кинулись во дворецъ. Это были руководители заговора. Они распространили слухъ, будто бы паны рѣжутъ бояръ («pany boiar dumnych sieką»), и народная масса частью бросилась въ Кремль на помощь заговорщикамъ, частью же была направлена на дома, въ которыхъ жили поляки и литва. Въ убійствахъ и грабежѣ иноземцевъ принимала участіе, главнымъ образомъ, уличная толпа, московское простонародье. Когда заговорщики, убивъ Самозванца, получили возможность вмѣшаться въ уличный безпорядокъ, они старались унять толпу, охранить осажденныхъ поляковъ отъ дальнѣйшей опасности и взять ихъ въ свою власть и опеку. На улицахъ появились князья Шуйскіе, Мстиславскій, Голицыны, бояре И. Н. Романовъ, Ѳ. И.

Шереметевъ, окольничій М. И. Татищевъ. Они вездѣ водворяли порядокъ, разгоняли толпы буяновъ, ставили къ польскимъ домамъ для охраны отряды стрѣльцовъ, отправляли сдавшихся имъ иноземцевъ въ безопасные отъ народныхъ покушеній дворы. Словомъ, они объявили себя временнымъ правительствомъ и добились повиновенія. Ихъ слушались стрѣлецкія войска; подъ ихъ руководствомъ стала дѣйствовать администрація: Земскій дворъ—московское градоначальство—отыскивалъ уцѣлѣвшихъ отъ погрома иноземцевъ, велъ имъ списки и возвращалъ ихъ на Посольскій дворъ или ихъ господамъ, или же давалъ имъ казенный пріютъ до высылки на родину. Порядокъ возстановлялся, хотя и не сразу. По замѣчанію поляковъ, въ Москвѣ тогда чернь была сильнѣе бояръ, какъ и вообще бывала она сильнѣе во время бунтовъ [89].

Черезъ два дня послѣ смерти царя Димитрія изъ среды боярскаго правительства избранъ былъ въ цари князь В. И. Шуйскій. Родъ Рюрика снова занималъ престолъ въ лицѣ старшаго изъ своихъ великорусскихъ представителей. Боярско-княжеская реакція въ Москвѣ, овладѣвъ политическимъ положеніемъ, возвела на царство своего родовитѣйшаго вожака.

Вступленіемъ царя Василія Ивановича «по колѣнству своему» на престолъ «великаго Россійскаго царствія прародительской его царской степени» закончился первый періодъ московской смуты, который мы назвали династическимъ. Дальнѣйшая борьба между царемъ Василіемъ и его врагами, спорившими съ нимъ за престолъ и власть, велась, какъ увидимъ ниже, не столько за династическія права претендентовъ, сколько за торжество того общественнаго порядка, какого желали ихъ сторонники. Поэтому-то ожесточенная война за Димитрія съ царемъ Василіемъ была возможна и при томъ условіи, что самого Димитрія не существовало, даже при томъ условіи, что въ его существованіе вѣрили не всѣ борцы его стороны.

Въ началѣ разсмотрѣннаго періода наше вниманіе держалось въ сферѣ дворцовыхъ отношеній и было обращено на группировку отдѣльныхъ лицъ высшаго правительственнаго и придворнаго круга. Затѣмъ мы перенесли наше изученіе отъ центра государства на его южныя границы и отъ общественныхъ вершинъ на украинныя массы и ихъ увлеченіе Самозванцемъ. Такое раздвоеніе интереса обусловлено свойствами государственнаго кризиса, въ которомъ одновременно развивались два процесса. Верхніе слои общества переживали послѣдствія опричнины: здѣсь, взамѣнъ разгромленнаго Грознымъ княжеско-боярскаго круга, формировалась новая аристократія служебно-дворцоваго характера и происходили столкновенія отдѣльныхъ лицъ и кружковъ за придворное преобладаніе. Внизу народныя массы, не имѣвшія силъ снести возложенныя на нихъ государствомъ тяготы, пришли въ движеніе, бродили и искали выхода своему

недовольству. Прекращеніе династіи Калиты открыло новой московской аристократіи дорогу къ трону и перессорило ее на вопросѣ о томъ, кто будетъ наслѣдовать престолъ царя Өеодора. Въ борьбѣ за престолъ эта аристократія была разбита Годуновымъ, но успѣла противоставить царю Борису пагубную для него идею самозванщины. Когда эта идея воплотилась въ названнаго «царевича Димитрія Ивановича», бродившія массы нашли удовлетвореніе въ поддержкѣ этого царевича и въ борьбѣ за него съ московскимъ правительствомъ. Именно населеніе «Польской» и Сѣверской украйны Московскаго государства, а не польско-литовское войско доставило побѣду Самозванцу. Однако побѣдою Самозванца воспользовалась не эта среда украинныхъ людей, а вновь образовавшаяся реакціонная партія бояръ-князей. Сначала она увлекла на сторону Самозванца высшіе разряды московскаго войска подъ Кромами и открыла царю Димитрію путь въ столицу. Потомъ, свергнувъ этого царя Димитрія путемъ уличнаго переворота при сочувствіи духовенства и столичнаго населенія, она образовала въ Москвѣ временное правительство олигархическаго характера. Послѣднимъ выраженіемъ торжества реакціонной партіи было воцареніе князя Василія Шуйскаго, вожака олигарховъ.

Однако такой исходъ борьбы долженъ былъ озадачить и озлобить народныя массы, принимавшія участіе въ предшествовавшихъ движеніяхъ. Онѣ въ правѣ были ждать отъ Самозванца, какъ воздаяніе за оказанную ему помощь, льготъ и облегченій, а вмѣсто того онѣ увидали водвореніе въ государствѣ боярской власти, имъ очень мало пріятной. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, какъ онѣ отнеслись къ этому неожиданному для нихъ факту.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Второй періодъ Смуты: разрушеніе государственнаго порядка.

I.

Воцареніе князя В. И. Шуйскаго и обстоятельства, которыми оно сопровождалось въ столицѣ и во всемъ государствѣ, представляютъ любопытнѣйшій и вмѣстѣ съ тѣмъ сложнѣйшій моментъ въ исторіи Смуты. Новому царю необходимо было по возможности скорѣе и точнѣе опредѣлить свои отношенія къ московской знати, съ которою ему предстояло править дѣлами, къ московскому населенію, которое скорѣе попустило, чѣмъ одобрило его воцареніе, и, наконецъ, ко всей прочей странѣ, которой еще надобно было объявить и объяснить происшедшій въ Москвѣ переворотъ. Несмотря на то, что царь Василій обнаружилъ въ первое время своей власти большую энергію и ловкость, его отношенія къ московскому обществу сложились въ общемъ дурно.

Извѣстно, какъ «обрали» царя Василія на престолъ: его провозгласили царемъ совѣтники и сотрудники его въ борьбѣ съ «разстригою» и поляками. Они пріѣхали въ Кремль, «взяли» князя Василья на Лобное мѣсто, нарекли его тамъ царемъ и пошли съ нимъ въ Успенскій соборъ, гдѣ онъ тотчасъ же сталъ «цѣловать всей землѣ крестъ» на томъ, что не будетъ злоупотреблять поручаемою ему властью. Совершенно очевиденъ во всемъ этомъ церемоніалѣ предварительный уговоръ, главнымъ исполнителемъ котораго называютъ «Михалка» Татищева, наиболѣе дерзкаго и грубаго во всей тогдашней думѣ человѣка. Сохранилось преданіе, что въ уговорѣ участвовали изъ большихъ бояръ, кромѣ самого Шуйскаго съ братьями, князья В. В. Голицынъ съ братьями, Ив. Сем. Куракинъ и Ив. М. Воротынскій. Они положили по убіеніи Самозванца «общимъ совѣтомъ Россійское царство управлять», тому же изъ нихъ, кто будетъ царемъ, не мстить никому за прежнія досады. Царство досталось Шуйскому потому, что Воротынскій будто бы склонился въ его пользу противъ Голицына. Если это преданіе и не вполнѣ точно передаетъ факты, то оно вполнѣ правильно указываетъ лицъ,

образовавшихъ княжеско-боярскую реакціонную партію. Шуйскіе и Воротынскій, Голицыны и Куракинъ—это какъ разъ тѣ фамиліи, которымъ въ то время принадлежало родословное первенство и которыя необходимо должны были выйти въ первые ряды при всякомъ княжеско-боярскомъ движеніи. Оставшись послѣ Годуновыхъ и Самозванца распорядителями дѣлъ и не успѣвъ предупредить общаго избіенія поляковъ въ Москвѣ, эти князья отложили мысль о приглашеніи на московскій престолъ польскаго королевича (если только они эту мысль серьезно когда-нибудь имѣли) и рѣшили дать Москвѣ царя изъ своей среды. Шуйскій и былъ такимъ государемъ. Онъ получалъ власть изъ рукъ кружка, считавшаго за собою право распоряжаться царствомъ—«по великой породѣ своей». Въ то же самое время власть передавалась именно ему, потому что онъ всего ближе былъ къ ней опять-таки по своей породѣ. Аристократическій принципъ руководилъ кружкомъ и получилъ свое выраженіе прежде всего въ тѣхъ манифестахъ, съ которыми Шуйскій тотчасъ по воцареніи обратился къ странѣ. Въ нихъ онъ неизмѣнно указывалъ на свое происхожденіе отъ Рюрика, «иже бѣ отъ римскаго кесаря», и называлъ московскій престолъ «отчиною прародителей нашихъ». То обстоятельство, что на царствѣ онъ учинился по праву рожденія, онъ даже объявлялъ ранѣе народнаго «прошенія», говоря, что онъ «за помочію великого Бога принялъ скифетръ Россійскаго царствія по прародительской нашей царской степени и по моленью» всѣхъ людей Московскаго государства. Тотъ же аристократическій принципъ отразился косвенно и въ знаменитой «записи, по которой самъ царь цѣловалъ крестъ» и которую иногда называютъ «ограничительною» записью. Взглянемъ на ея содержаніе [90].

Самъ царь Василій въ первой своей грамотѣ о вступленіи на престолъ говоритъ объ этой записи въ такихъ словахъ: «хотимъ держати Московское государство по тому же, какъ прародители наши великіе государи россійскіе цари, а васъ хотимъ жаловати и любити свыше прежняго и смотря по вашей службѣ; на томъ на всемъ язъ царь... цѣловалъ животворящій крестъ всѣмъ людемъ Московскаго государства;.. а по которой записи цѣловалъ язъ, царь и великій князь, и по которой записи цѣловали бояре и вся земля, и мы тѣ записи послали къ вамъ». Здѣсь нѣтъ ни слова объ ограниченіи власти, да еще въ пользу бояръ: напротивъ, царь указываетъ, что онъ цѣловалъ крестъ на томъ, чтобы править, какъ правили его полновластные «прародители», цари XVI вѣка, и цѣловалъ онъ крестъ не боярамъ, а «всѣмъ людямъ». И въ самой записи не найдемъ чего-либо похожаго на ограниченіе верховныхъ правъ, если не будемъ умышленно ударять на слова «не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими» и думать, что упомина-

ніе о боярахъ значитъ здѣсь отказъ царя отъ правъ въ пользу его бояръ. Въ записи царь говоритъ: Божіею милостію я вступилъ на прародительскій престолъ по желанію духовенства и народа и по праву родового старшинства. Нынѣ я желаю, чтобы подъ моею властью «православное христіанство» пользовалось тишиною, покоемъ и благоденствіемъ. И потому «поволилъ есми язъ... цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ, великому государю, (1) всякого человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати; (2) и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отымати, будетъ которые съ ними въ мысли не были; (3) также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хоти который по суду и по сыску доидетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отымати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны; (4) да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи;.. а кто на кого солжетъ, и, сыскавъ, того казнити, смотря по винѣ его». На всемъ на томъ, на чемъ царь «поволилъ» крестъ цѣловать, онъ его и цѣловалъ, повторивъ вкратцѣ изложенныя «условія»: «Цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіаномъ, что мнѣ ихъ, жалуя, (1) судити истиннымъ праведнымъ судомъ, (2—3) и безъ вины ни на кого опалы своей не класти, и (4) недругомъ никому никого въ неправдѣ не подавати и ото всякаго насильства оберегати». Въ этомъ резюме нѣтъ упоминанія о судѣ «съ бояры», хотя очень точно передается сущность всѣхъ четырехъ пунктовъ ранѣе выраженныхъ обѣщаній; между тѣмъ въ окончательной формулѣ присяги упоминаніе объ ограниченіи въ пользу именно бояръ по существу дѣла было бы совершенно необходимо. Но не боярамъ, а «всѣмъ православнымъ христіанамъ» обѣщается здѣсь «праведный судъ», уничтоженіе опалъ безъ вины, отмѣна групповой отвѣтственности и искорененіе «ложныхъ доводовъ», то-есть клеветническихъ доносовъ и наушничества. Во всемъ этомъ очень трудно найти дѣйствительное ограниченіе царскаго полновластія, а можно видѣть только отказъ этого полновластія отъ недостойныхъ способовъ его проявленія. Здѣсь царь не поступается своими правами, такъ какъ самъ говоритъ, что будетъ «держать царство» по образцу «своихъ прародителей», московскихъ самодержцевъ старой династіи; онъ обѣщаетъ лишь воздерживаться отъ причудъ личнаго произвола и дѣйствовать посредствомъ суда бояръ, который существовалъ одинаково во всѣ времена Московскаго государства и былъ всегда правоохранительнымъ и правообразовательнымъ учрежденіемъ, не ограничивающимъ однако власти царя.

Однимъ словомъ, въ «записи» царя Василія нельзя найти ничего такого, что̀ по существу ограничивало бы его власть и было

бы для него юридически обязательно; только слова «съ бояры своими» да необычный фактъ царской присяги на этой записи заставляютъ видѣть въ ней «политическій договоръ» царя съ боярами. Скудость его содержанія ведетъ къ тому, что договоръ этотъ считаютъ неразвитымъ и направленнымъ исключительно «къ огражденію личной и имущественной безопасности отъ произвола сверху». Это было такъ, говорятъ, потому, что боярство «не понимало необходимости обезпечивать подробными условіями свое общее участіе въ управленіи, и безъ того освященное вѣковымъ обычаемъ». Но въ такомъ случаѣ обязательство царя судить съ боярами въ правду, наказывать сообразно дѣйствительной винѣ и не слушать клеветниковъ было также излишне, потому что и безъ этого обязательства, по вѣковому народному воззрѣнію, царь долженъ былъ, по Писанію, «разсуждать люди Божьи въ правду». Это очень хорошо толковалъ царь Алексѣй Михайловичъ, размышляя въ письмахъ къ князю Н. И. Одоевскому, «какъ жить мнѣ государю и вамъ бояромъ». Онъ никому креста не цѣловалъ и властью не поступался, а между тѣмъ, совсѣмъ какъ Шуйскій, говорилъ, что блюсти правосудіе даровано Богомъ государю и его бояромъ: Богъ «даровалъ намъ, великому государю, и вамъ, боляромъ, съ нами единодушно люди Его Свѣтовы разсудити въ правду, всѣмъ равно». Именно потому, что Шуйскій хотѣлъ присягою обязать себя къ тому, къ чему обязанъ былъ и безъ присяги, народъ въ церкви пробовалъ протестовать противъ намѣренія новаго царя. «Бояре и всякіе люди ему говорили, чтобъ онъ въ томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелося; онъ же никого не послуша—разсказываетъ лѣтопись—и поцѣлова крестъ на томъ всемъ». Между новымъ царемъ и его подданными выходило недоразумѣніе: царь предлагалъ обязательства въ пользу подданныхъ, а они не только стѣснялись ихъ принять, но и не совсѣмъ ихъ уразумѣли. Лѣтописецъ впослѣдствіи не умѣлъ даже точно передать того, что говорилъ царь въ соборѣ; онъ записалъ его слова не согласно съ текстомъ подлинной подкрестной записи и не вполнѣ вразумительно [91].

Дѣло разъяснится, если мы станемъ на ту точку зрѣнія, что «запись» царя Василія есть не договоръ царя съ боярами, а торжественный манифестъ новаго правительства, скрѣпленный публичною присягою его главы и представителя. Царь Василій говорилъ и думалъ, что возстановляетъ старую династію и старый порядокъ своихъ прародителей «великихъ государей». Старый порядокъ онъ понималъ такъ, какъ понимали люди его круга—родовитая знать, княжата, задавленные опричниною и теперь поднявшіе свою голову. Это былъ порядокъ, существовавшій именно до опричнины, до того періода опалъ, когда московскіе государи стали «всеродно»

губить знать, отнимать родовыя земли, налагать опалы по подозрѣніямъ и доносамъ на цѣлыя группы княжеско-боярскихъ семей и вмѣсто великородныхъ людей на ихъ степени возводить людей худородныхъ. Со смертью Бориса и его семьи окончился этотъ періодъ униженія знати и торжества дворцовыхъ временщиковъ съ ихъ роднею. Старая знать опять заняла первое мѣсто въ странѣ. Устами своего царя въ его записи она торжественно отрекалась отъ только что дѣйствовавшей системы и обѣщала «истинный судъ» и избавленіе отъ «всякаго насильства» и неправды, въ которыхъ обвиняла предшествовавшія правительства. Вотъ каковъ, кажется намъ, истинный смыслъ записи Шуйскаго: она возвѣщала не новый политическій порядокъ, а новый правительственный режимъ, не умаленіе царской власти, а ея возвращеніе на прежнюю нравственную высоту, утраченную будто бы благодаря господству во дворѣ недостойныхъ «рабовъ». Не даромъ Шуйскій, по словамъ лѣтописи, упоминалъ въ Успенскомъ соборѣ о «грубости», бывшей при царѣ Борисѣ; удобнѣе было связать ненавистный порядокъ съ именемъ этого «рабоцаря», чѣмъ съ именемъ Ивана Васильевича Грознаго, родъ котораго собирался продолжать царь Василій Ивановичъ.

Такъ въ записи царя Василія выразилось настроеніе аристократическаго кружка, владѣвшаго тогда Москвою и думавшаго править государствомъ. Желая возвратить дворецъ и государство къ давно утраченнымъ аристократическимъ тенденціямъ, этотъ кружокъ, вполнѣ заслуживающій названіе реакціоннаго, долженъ былъ считаться со всѣми тѣми правительственными и общественными теченіями, которыя вели свое начало отъ новаго московскаго порядка и шли въ другія стороны. Во-первыхъ, новая дворцовая знать не вся была истреблена гоненіями и переворотами. Вернулись въ Москву два «Никитича», Филаретъ и Иванъ; на лицо было нѣсколько Нагихъ; цѣлъ былъ Б. Бѣльскій; существовали въ думѣ даже нѣкоторые Годуновы; наконецъ, отъ «разстриги» остались такіе «сановники», какъ князь В. М. Рубецъ-Масальскій, Аѳанасій Власьевъ и Богданъ Сутуповъ. Во-вторыхъ, въ боярствѣ были люди высокой знатности, но далекіе отъ видовъ господствующаго кружка, однако такіе, безъ которыхъ не могла обойтись правительственная дѣятельность любого направленія. Первымъ изъ нихъ былъ кн. Ѳ. И. Мстиславскій, лишенный честолюбія бояринъ. Говорятъ, онъ грозилъ уйти въ монастырь, если его выберутъ въ цари. За нимъ стояли многочисленные князья различныхъ колѣнъ Ростовскаго и Ярославскаго рода, князья Трубецкіе, далѣе—бояре не княжескаго происхожденія: Шереметевы, Салтыковы и многіе другіе. Со всѣми этими людьми кружокъ Шуйскаго долженъ бы былъ установить по возможности хорошія и на справедливости основанныя отноше-

нія. Нѣкоторыхъ лицъ онъ привлекъ къ себѣ. Ѳ. И. Мстиславскій съ перваго же дня переворота дѣйствуетъ вмѣстѣ съ кружкомъ, слѣдуя своей обычной тактикѣ — уживаться съ господствующимъ режимомъ. Князья Трубецкіе (Никита Романовичъ, Юрій Никитичъ и Андрей Васильевичъ) на первыхъ порахъ также повидимому поладили съ Шуйскими. Близокъ къ нимъ казался и Ѳ. И. Шереметевъ; напротивъ, П. Н. Шереметевъ, какъ увидимъ, сталъ въ оппозицію къ нимъ. Лицъ, которыхъ считали близкими къ Самозванцу, олигархи сослали въ дальніе города на воеводства: князя М. В. Рубца-Масальскаго въ Корѣлу, М. Г. Салтыкова—въ Ивань-городъ; Бѣльскаго послали изъ Новгорода въ Казань, Аѳ. Власьева—въ Уфу; Мих. Ѳед. Нагой былъ лишенъ сана конюшаго; прочіе же Нагіе служили безъ опалы. Высшая служилая среда получала такимъ образомъ новую группировку, причемъ далеко не вся она была поставлена въ одинаковыя отношенія къ новому государю и его близкимъ. Боярство не было сплочено въ организованный кругъ, которому бы принадлежало,—если бы царская запись была ограничительною,—право участія въ государевомъ судѣ; въ то же время не все оно пользовалось въ одинаковой степени тѣми гарантіями, въ соблюденіи которыхъ царь такъ настойчиво желалъ присягнуть своему народу. Лѣтописецъ прямо говоритъ, что «царь Василій вскорѣ по воцареніи своемъ, не помня своего обѣщанія, начатъ мстить людемъ, которые ему грубиша: бояръ и думныхъ дьяковъ и стольниковъ и дворянъ многихъ розосла по городомъ по службамъ, а у иныхъ у многихъ помѣстья и вотчины поотнима». Такимъ образомъ, торжественно заявленный въ минуту воцаренія принципъ справедливости и законности не былъ примѣненъ даже къ узкому кругу высшихъ служилыхъ людей; онъ остался простымъ указателемъ политическаго направленія, не ставъ дѣйствующею нормою живыхъ отношеній. Мудрено ли, что въ боярствѣ и дворянствѣ московскомъ княжата-олигархи, окружавшіе Шуйскаго, не получили особой популярности? Если всѣ готовы были признавать за ними право на правительственное первенство въ силу ихъ родовитости, то очень многіе не считали ихъ достойными этого первенства по ихъ личнымъ несовершенствамъ. Вотъ почему въ правленіе В. Шуйскаго было такъ много крамолъ и крамольниковъ, начиная съ первыхъ же недѣль его царствованія и вплоть до послѣдней крамолы, столкнувшей царя Василія съ престола [92].

Всего непріятнѣе для царя Василія и вмѣстѣ съ тѣмъ всего загадочнѣе сложились его отношенія къ Романовскому кругу. Ко времени сверженія «разстриги» Романовы успѣли уже собраться въ Москву. Иванъ Никитичъ даже участвовалъ въ переворотѣ 17-го мая, примкнувъ къ руководителямъ заговора. Старецъ Филаретъ тоже не остался въ тѣни. Тотчасъ по воцареніи Шуйскаго

онъ былъ посланъ за тѣломъ царевича Димитрія, чтобы перевезти его изъ Углича въ Москву. Въ концѣ мая, именно 28-го числа, царь получилъ отъ него извѣщеніе изъ Углича, что мощи царевича найдены. Наканунѣ этого самаго дня (по новому стилю 6-го іюня) польскіе послы имѣли въ Москвѣ совѣщаніе съ боярами и отъ нихъ узнали, что тѣло царевича будетъ скоро перевезено въ Москву патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ. Что это слово «патріархъ» не было опискою въ посольскомъ дневникѣ 1606 года, узнаемъ изъ одного документа 1608 года. Послы польскіе писали боярамъ, что въ Москвѣ нѣтъ должнаго уваженія даже къ патріаршескому сану: «За Бориса Іовъ былъ, и того скинуто, а посажено на патріарховство Игнатія Грека: потомъ за нынѣшняго господаря Грека того скинуто, а посажено на патріарховствѣ Ѳеодора Микитича, яко о томъ бояре думные по оной смутѣ въ Отвѣтной палатѣ намъ, посломъ, сами сказывали, менуючи, что по мощи Димитровы до Углеча послано патріарха Ѳеодора Микитича; а говорилъ тые слова Михайло Татищевъ при всихъ боярахъ. Потомъ въ колько недѣль и того скинули, учинили есте Гермогена патріархомъ. Итакъ теперь,—заключали послы свою ядовитую рѣчь боярамъ,—живыхъ патріарховъ на Москвѣ чотырехъ маете». Такой выходки нельзя было себѣ позволить безъ основанія, и потому приходится вѣрить, что Шуйскій первоначально считалъ кандидатомъ въ патріархи именно митрополита Филарета, а затѣмъ между ними произошли какія-то недоразумѣнія и царь измѣнилъ выборъ. Подтвержденіе этому находимъ въ одномъ изъ писемъ нунція Симонетты къ кардиналу Боргезе (изъ Вильны отъ 23-го апрѣля 1610 года). Со словъ ксендза Фирлея, короннаго референдарія, Симонетта сообщаетъ, что въ королевскомъ лагерѣ подъ Смоленскомъ ожидаютъ московскаго патріарха, которому навстрѣчу король Сигизмундъ послалъ даже свою карету. Здѣсь подразумѣвался нареченный «тушинскій патріархъ» Филаретъ: какъ разъ въ то время Гр. Валуевъ отбилъ его отъ войскъ Рожинскаго, и Филаретъ поэтому попалъ не къ Сигизмунду, а въ Москву. Симонетта такъ характеризуетъ тщетно ожидаемаго поляками Филарета: «этотъ патріархъ — тотъ самый, который помогалъ дѣлу покойнаго Димитрія (che promosse le cose del morto Demetrio) и за то подвергся преслѣдованію со стороны Шуйскаго, новаго (московскаго) царя, поставившаго на его мѣсто другого патріарха, каковой и находится въ Москвѣ; упомянутый старый патріархъ (Филаретъ) держалъ также сторону новаго Лжедимитрія, а (теперь для него) наступилъ часъ смиренно предать себя его величеству (королю)». Такимъ образомъ и послѣ пребыванія Филарета въ Тушинѣ поляки продолжали думать, что нареченіе его въ патріархи произошло въ Москвѣ, до тушинскаго плѣна, и полагали, что Шуйскій смѣстилъ его за приверженность къ пер-

вому самозванцу. Еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ показаніе Фирлея и Симонетты, звучатъ слова пана Хвалибога въ его извѣстномъ «донесеніи о ложной смерти Лжедимитрія перваго». Онъ пишетъ, что «около недѣли (послѣ переворота 17-го мая) листы прибиты были на воротахъ боярскихъ отъ Димитрія, гдѣ давалъ знать, что ушелъ и Богъ его отъ измѣнниковъ спасъ, которые листы измѣнники (то-есть лица, произведшія переворотъ) патріарху приписали, за что его и сложили, предлагая Гермогена». Здѣсь, какъ и въ письмѣ Симонетты, подъ именемъ патріарха мы должны разумѣть не Игнатія, а Филарета, такъ какъ Игнатій былъ сведенъ съ престола еще до воцаренія Шуйскаго, тотчасъ по сверженіи Самозванца, а Хвалибогъ разсказываетъ о событіяхъ нѣсколько позднѣйшихъ, когда, какъ увидимъ ниже, въ народѣ началось движеніе противъ самого Шуйскаго и поляки, задержанные въ Москвѣ, «другой революціи боялись». Совокупность приведенныхъ извѣстій ставитъ внѣ всякихъ сомнѣній фактъ кратковременнаго пребыванія Филарета въ достоинствѣ названнаго патріарха московскаго. Въ теченіе мая 1606 года Филаретъ былъ поставленъ во главѣ московской іерархіи и вслѣдствіе какого-то замѣшательства вскорѣ же возвращенъ въ прежнее званіе митрополита ростовскаго. Именно этимъ слѣдуетъ объяснить то любопытное обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ первыхъ грамотахъ царя В. Шуйскаго иногда упоминался патріархъ, какъ дѣйствующее лицо, до пріѣзда въ Москву и посвященія Гермогена. Такія упоминанія грамотъ были замѣчены лѣтописцемъ и ввели его въ ошибку, заставивъ сказать, что Гермогенъ вѣнчалъ царя Василія на царство, будучи еще митрополитомъ, а затѣмъ встрѣчалъ въ Москвѣ мощи царевича Димитрія уже въ санѣ патріаршемъ. Въ этомъ же дѣлѣ съ патріаршествомъ Филарета находятъ объясненіе тѣ странныя на первый взглядъ строки Ив. Тимоѳеева, гдѣ онъ упрекаетъ Шуйскаго за то, что тотъ воцарился такъ «спѣшнѣ, елико возможе того (Татищева) скорость»: «ниже первопрестольнѣйшему нареченій его возвѣсти.... но яко просталюдина тогда святителя вмѣни, токмо послѣди ему о немъ изъяви». Не Игнатію же надо было, по мнѣнію Тимоѳеева, докладывать воцареніе Шуйскаго; а Іову и нельзя было своевременно сказать объ этомъ, потому что Іовъ былъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ Москвы. Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе, что Тимоѳеевъ разумѣетъ здѣсь Филарета, который, стало быть, уже считался «первопрестольнѣйшимъ» въ моментъ воцаренія Шуйскаго. Наконецъ, въ томъ же замѣшательствѣ съ Филаретомъ кроется причина, по которой такъ замедлилось поставленіе въ патріархи Гермогена. Шуйскій вообще очень спѣшилъ съ возстановленіемъ порядка въ государствѣ: сѣлъ на царство 19-го мая, не ожидая собора, вѣнчался на престолъ 1-го іюня, не ожидая па-

тріарха; только поставленіе патріарха затянулось на нѣсколько недѣль, до 3-го іюля. Произошло это оттого, что первый названный патріархъ, то-есть Филаретъ, былъ «скинутъ» послѣ 27-го мая (6-го іюня по новому стилю), а второй, Гермогенъ, не могъ скоро пріѣхать изъ Казани, гдѣ онъ былъ митрополитомъ. Если въ Москвѣ только въ концѣ мая пришли къ рѣшенію вызвать его въ Москву, то онъ не могъ поспѣть въ столицу ранѣе конца іюня: обсылка съ Казанью требовала около мѣсяца времени[93].

Нѣтъ возможности точно объяснить, что произошло между Романовыми и Шуйскими, но возможно построить догадку. Маржеретъ даетъ для этого цѣнныя свѣдѣнія. Спутывая послѣдовательность событій и погрѣшая въ хронологіи, онъ даетъ общій очеркъ положенія дѣлъ въ первые дни царствованія царя Василія и между прочимъ разсказываетъ, что тогда въ пользу Мстиславскаго возникъ заговоръ, зачинщикомъ котораго былъ П. Н. Шереметевъ, по женѣ близкій родственникъ Мстиславскому и Нагимъ. Вина Шереметева открылась въ его отсутствіе изъ Москвы, по поводу внезапнаго народнаго скопища, кѣмъ-то собраннаго въ воскресный день на площадь передъ дворцомъ. Шуйскій, по мнѣнію Маржерета, спасся только потому, что, во-время замѣтивъ волненіе, не показался изъ дворца и успѣлъ предупредить дальнѣйшее скопленіе черни. Захватили пятерыхъ изъ толпы, били ихъ кнутомъ и сослали, а въ приговорѣ объявили, что виною всему дѣлу П. Н. Шереметевъ, а не Мстиславскій. Шереметева, котораго судили въ его отсутствіе, потомъ сослали, и до Маржерета дошелъ несправедливый слухъ, что его отравили. Новая опасность, продолжаетъ Маржеретъ, грозила царю Василію во время перенесенія тѣла царевича Димитрія, 3-го іюня, когда чернь обнаружила снова вражду противъ царя. Послѣднее замѣчаніе, несмотря на всю хронологическую путаницу разсказа, даетъ намъ нѣкоторое основаніе думать, что скопище, повлекшее за собою обвиненіе Шереметева, собралось въ Кремлѣ раньше перенесенія мощей царевича Димитрія, то-есть въ концѣ мая. Воскресный день, къ которому пріурочивается у Маржерета народное волненіе, приходился на 25-е мая; именно къ этому дню и Паерле относитъ (считая по новому стилю, 4-го іюня) страшное волненіе народа, направленное на бояръ и Шуйскаго. Въ это время П. Н. Шереметева дѣйствительно не было въ Москвѣ, потому что онъ съ митрополитомъ Филаретомъ ѣздилъ за мощами царевича въ Угличъ и вернулся въ Москву только къ 3-му іюня. Что въ тѣ дни въ Москвѣ происходила нѣкоторая политическая тревога, удостовѣряется грамотою царя Василія отъ 29-го мая въ Кирилловъ монастырь: въ ней царь приказываетъ игумену кирилловскому выдать царя Симеона Бекбулатовича, въ то время уже «старца Стефана», приставу Ѳ. Супоневу, который и долженъ

былъ ѣхать со старцемъ «гдѣ ему велѣно». Извѣстно, что старца тогда увезли въ Соловки; если вспомнимъ, что онъ былъ женатъ на сестрѣ князя Ѳ. И. Мстиславскаго, то поймемъ, почему о злополучномъ старцѣ вспомнили въ то время, когда открыли заговоръ въ пользу его шурина. Съ другой стороны, время ссылки Симеона Бекбулатовича утверждаетъ насъ въ мысли, что вся исторія, разсказанная Маржеретомъ, правильно отнесена нами на конецъ мая 1606-го года. Итакъ, въ то время, когда названный патріархъ Филаретъ съ княземъ И. М. Воротынскимъ и П. Н. Шереметевымъ открывали мощи подлиннаго царевича Димитрія, въ Москвѣ открыли заговоръ противъ царя Василія. Шуйскій увидѣлъ противъ себя имена Мстиславскаго, Шереметева, — лицъ принадлежащихъ къ тому слою дворцовой знати, который первенствовалъ во дворцѣ до послѣдняго торжества Шуйскаго съ его родословнымъ принципомъ. Во главѣ же этого слоя стояли Романовы, родственники Шереметевымъ и тому же Мстиславскому. Уже въ одной этой близости должны мы искать причину подозрѣній Шуйскаго противъ Романовыхъ и ихъ родни. Если бы Шуйскій даже и не нашелъ никакой улики противъ Филарета въ майскомъ заговорѣ, онъ просто могъ бы побояться имѣть его около себя въ санѣ патріарха. Разъ ему пришлось убѣдиться въ томъ, что среда нетитулованныхъ бояръ мало расположена къ нему, онъ долженъ былъ особенно страшиться передать ея представителю и вожаку патріаршескую власть съ ея громаднымъ авторитетомъ и обширными средствами. А можетъ быть, у Шуйскаго помимо общихъ соображеній были и болѣе положительныя основанія для того, чтобы опасаться Романовыхъ. Есть, напримѣръ, указаніе, что тотчасъ же послѣ смерти Самозванца въ Московскомъ государствѣ пошли толки о томъ, будто бы во главѣ правленія теперь долженъ стать кто-либо изъ Романовскаго рода. Нѣмецкое донесеніе изъ Нарвы отъ 27-го мая, разумѣется, составленное по рѣчамъ русскихъ ивангородцевъ, прямо говоритъ объ этомъ («das einer von den Romanowitzen soll gubernator sein»). Подобные слухи могли дойти до самого царя Василья и, конечно, должны были его смутить. Но изъ словъ Хвалибога и Симонетты можно заключить, что были еще и иного рода толки о Филаретѣ: его считали сторонникомъ перваго Самозванца, не измѣнившимъ ему и послѣ рокового переворота 17-го мая; признавали Филарета даже причастнымъ къ тому движенію противъ Шуйскаго, которое было возбуждено подметными письмами и разыгралось въ уличный безпорядокъ 25-го мая. Очень трудно понять, какъ могъ Филаретъ Никитичъ въ одно и то же время открывать въ Угличѣ мощи настоящаго царевича Димитрія и агитировать противъ Шуйскаго во имя самозваннаго царя Димитрія. Можно съ полнымъ основаніемъ заподозрить и отвергнуть достовѣрность подобныхъ

обвиненій; но совершенно неизбѣжно съ ними считаться при объясненіи того, чѣмъ руководился царь Василій въ своемъ недовѣріи къ Филарету и его роднѣ. Въ смутные дни своего воцаренія, еще не овладѣвъ окончательно властью, Шуйскій долженъ былъ всего остерегаться и всѣхъ подозрѣвать. Для него было достаточно и неосновательнаго повода, чтобы принять мѣры противъ такихъ вліятельныхъ и притязательныхъ бояръ, каковы были Романовы. Въ томъ, что Шуйскій боялся не одного только Филарета, а всего вообще круга его близкихъ и друзей, убѣждаетъ насъ внезапная отставка отъ должности кравчаго князя Ивана Черкаскаго, извѣстнаго намъ по «дѣлу Романовыхъ» племянника Никитичей. Онъ игралъ уже въ 1601 году видную роль среди своей родни и потому былъ тогда особенно заподозрѣнъ. Шуйскій сдѣлалъ его кравчимъ послѣ ссылки въ монастырь князя Ив. А. Хворостинина, бывшаго въ этой должности при Самозванцѣ, но вскорѣ же и отставилъ—неизвѣстно за какую вину. Есть поводы думать, что царь Василій имѣлъ основаніе бояться Романовскихъ племянниковъ и зятей. Во всякомъ случаѣ, оскорбленіе, нанесенное царемъ Василіемъ въ дѣлѣ о патріаршествѣ старшему Никитичу, не могло быть прощено и забыто Романовскимъ родомъ. Одно это дѣло, помимо всѣхъ прочихъ счетовъ, должно было поставить Романовыхъ и ихъ родню далеко отъ новой династіи, въ ряды ея недоброжелателей, а въ удобную минуту—и явныхъ враговъ [94].

Какъ видимъ, отношенія царя Василія и стоявшихъ за нимъ княжатъ къ другимъ кругамъ московской знати сложились неудовлетворительно. Новый царь не пользовался общимъ признаніемъ со стороны высшаго служилаго люда и въ первые же дни власти имѣлъ уже дѣло съ боярскою крамолою и считалъ себя вынужденнымъ смѣнить названнаго патріарха. Боязнь новой крамолы заставила его спѣшно вѣнчаться на царство, всего черезъ двѣ недѣли по воцареніи, и притомъ безъ обычной пышности, «въ присутствіи болѣе черни, чѣмъ благородныхъ», какъ замѣтилъ одинъ иностранецъ. Царя вѣнчалъ даже не патріархъ, а новгородскій митрополитъ Исидоръ; за то вѣнчанный царь свободно и безъ прекословія могъ перемѣнить имъ сдѣланный выборъ патріарха. Когда, съ іюля, рядомъ съ вѣнчаннымъ царемъ сталъ поставленный тѣмъ же Исидоромъ патріархъ Гермогенъ, дѣло организаціи правительства было закончено, и бояре-княжата, казалось бы, могли сказать, что ихъ цѣль достигнута. Однако, въ ихъ собственной средѣ врядъ ли существовало согласіе и взаимное довѣріе. Не ограниченный формально въ своей власти, В. Шуйскій не былъ расположенъ ничѣмъ стѣсняться и, по словамъ лѣтописи, началъ «мстить» тѣмъ, кого считалъ своими недругами, кто ему «грубилъ»; а олигархи, окружавшіе его,—Голицыны, Куракины и Воротынскій—смотрѣли на

царя, какъ на своего ставленника и держали себя съ извѣстною независимостью. Современники замѣчали, что въ тѣ дни бояре въ Москвѣ имѣли болѣе власти, нежели царь. Въ присутствіи Маржерета Шуйскій во дворцѣ самъ упрекалъ окружающихъ бояръ въ своеволіи и козняхъ, говоря при этомъ, что они имѣютъ власть низложить его открыто и прямо, если не желаютъ ему повиноваться. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ сообщеніяхъ проглядываютъ намеки на разстройство олигархическаго кружка. Онъ сплотился лишь на короткое время, чтобы сломить своихъ недруговъ и взять у нихъ власть; но, достигнувъ успѣха, оказался неспособнымъ для дружной дѣятельности и согласнаго управленія страною. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе и болѣе вскрывался разладъ въ этой высшей боярской средѣ; мало-по-малу яснѣе становилась холодность стороны Голицыныхъ къ сторонѣ Шуйскихъ, пока, наконецъ, В. В. Голицынъ вмѣстѣ съ Воротынскимъ не принялъ открытаго участія въ низведеніи царя Василія съ престола [95].

Такъ образовались отношенія въ высшемъ московскомъ обществѣ. Неблагопріятно для царя Василія оказывалось и настроеніе московской толпы. Съ этою толпою чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе приходилось считаться по той причинѣ, что у нея образовалась привычка къ вмѣшательству въ политическія дѣла. Еще при жизни царя Бориса вѣсти о Самозванцѣ и подметныя его грамоты втягивали московское населеніе въ политическую борьбу; самъ Борисъ обращался къ этому населенію черезъ патріарха и В. И. Шуйскаго съ объявленіями о самозванствѣ названнаго царевича. На улицахъ и площадяхъ Москвы ловили извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и радовались успѣхамъ Самозванца: «радѣюще его прихода къ Москвѣ, егда слышатъ побѣду надъ московскою силою Борисовою, то радуются; егда же надъ грядущаго къ Москвѣ чаемаго Димитрія побѣду, то прискорбни и дряхлы ходятъ, поникши главы»,—такъ обличалъ своихъ современниковъ очевидецъ тогдашнихъ событій. Мы уже знаемъ, какую роль сыграла московская толпа при сверженіи Годуновыхъ. За красносельскими торгашами и московскою чернью тогда удобно могли спрятаться сами Шуйскіе, столкнувшіе Годуновское правительство въ шумѣ и смятеніи уличнаго грабежа, насилія и пьянства. Уже тогда современники замѣчали, что, возбужденная политическими мотивами, чернь легко увлекается побужденіями совсѣмъ иного свойства и становится опасною для общественнаго порядка вообще. Переворотъ 17-го мая 1606 года показалъ то же самое: въ дѣйствіяхъ черни противъ иноземцевъ такъ сплелись національные мотивы и низменные инстинкты стяжанія, что нельзя было сказать, чѣмъ охотнѣе толпа увлекалась: чувствомъ ли ненависти противъ иновѣрцевъ, или же влеченіемъ пограбить ихъ «животы». Послѣ двухъ дней насилій и грабежа эта

же еще не пришедшая въ себя толпа была привлечена сторонниками Шуйскаго къ дѣлу царскаго избранія и своими криками поддержала ихъ мысль поставить на царство князя Василія Ивановича. Но царское избраніе ея не успокоило, и царь Василій, охотно пользовавшійся толпою для цѣлей своей политики, теперь долженъ былъ стать лицомъ къ лицу съ народною массою, которая еще бродила и была опасна тѣмъ, что узнала свою силу, получила привычку къ движенію и, расчитывая на безнаказанность, была согласна, по выраженію Маржерета, еженедѣльно мѣнять государя въ надеждѣ на грабежъ. Надобно было ее успокоить и дисциплинировать, а у царя Василія на то не хватало силъ, потому что самъ онъ былъ посаженъ на царство и пока держался этою же толпою. Дѣло усложнялось еще и тѣмъ, что враги царя Василія обращались исподтишка тоже къ московской черни, подымая ее на поставленнаго ею царя. Менѣе, чѣмъ черезъ недѣлю по вступленіи Шуйскаго на престолъ, именно 25-го мая, ему уже пришлось усмирять волненіе черни, поднятой противъ него, какъ тогда думали, П. Н. Шереметевымъ. По словамъ Паерле, въ народѣ, между прочимъ, обвиняли Шуйскаго и бояръ въ томъ, что они свергли истиннаго царя Димитрія. Можетъ быть, въ зависимости отъ этого народъ 30-го мая снова собрали именемъ царя къ Лобному мѣсту и здѣсь предъявили доказательства самозванства и еретичества свергнутаго царя, изложенныя въ пространной грамотѣ. При этомъ народу читали и документы, относящіеся до сношеній Самозванца съ папою и поляками. Черезъ три дня состоялось торжественное принесеніе въ Москву мощей царевича Димитрія; 3-го іюня ихъ помѣстили въ Архангельскомъ соборѣ. Этому церковному торжеству Шуйскій придавалъ особенную политическую цѣну, полагая, что присутствіе мощей въ Москвѣ сдѣлаетъ самозванщину невозможною. Но онъ жестоко ошибался. Невѣдомые ему враги смущали Москву подметными письмами о скоромъ возвращеніи царя Димитрія; слухи о томъ, что Димитрій живъ, шли повсюду, и Москва волновалась. Нѣсколько тысячъ черни 15-го іюня снова скопилось на Лобномъ мѣстѣ, и самъ царь вынужденъ былъ уговаривать народъ разойтись. Черезъ мѣсяцъ—новое смятеніе противъ царя Василія, послѣ чего, 23-го іюля, нашли нужнымъ даже привести Кремль на военное положеніе: разобрали постоянный мостъ у крѣпостныхъ воротъ и разставили пушки. Въ августѣ произошло уже открытое междоусобіе въ государствѣ, и при первой вѣсти о пораженіи царскихъ войскъ царь Василій началъ запираться въ Кремлѣ. Такая вѣсть о неудачной битвѣ пришла къ Шуйскому, по одному свидѣтельству, 10(20)-го августа и совпала съ пожаромъ и нечаяннымъ взрывомъ пороха въ городскихъ лавкахъ. Царь пришелъ въ страхъ и большое безпокойство. Такимъ образомъ въ своей столицѣ В. И. Шуй-

скій не могъ считать себя въ безопасности. Столичное населеніе, какъ и боярство московское, не представляло собою твердой опоры для монарха, принявшаго престолъ, какъ «отчину» своихъ прародителей [96].

Настроеніе столицы должно было служить для Шуйскаго показателемъ настроенія всей страны. Если московское населеніе, своими глазами видавшее Самозванца, никакъ не могло увѣриться въ его самозванствѣ и въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ убитъ, если оно не одинъ разъ бросалось къ Кремлю подъ вліяніемъ слуховъ и подметныхъ листовъ, чтобы узнать, наконецъ, истину, — то возможно ли было ожидать отъ провинціальнаго населенія, что оно сразу успокоится на заявленіяхъ царя Василія о его предшественникѣ и не повѣритъ слуху, что Димитрій, уже разъ воскресшій, воскресъ и вторично? Шуйскій этого и не ожидалъ. Онъ принялъ экстренныя мѣры для того, чтобы представить странѣ доказательства своей правоты и правдивости. Разумѣется, ему было извѣстно, что говорилось послѣ 17-го мая. Какъ раньше не всѣ повѣрили, что умеръ Борисъ Годуновъ, такъ теперь не всѣ увѣрились въ смерти Самозванца. Какъ раньше создалась легенда, распространившаяся на Руси и въ Литвѣ, что Борисъ съ несмѣтными богатствами ушелъ въ Англію подъ видомъ торговаго человѣка, такъ послѣ переворота 17-го мая разсказывались разныя небылицы о спасеніи царя Димитрія и о томъ, что ему удалось убѣжать въ Литву. Но между легендарными разсказами была очень большая разница въ томъ отношеніи, что басни о Борисѣ не могли получить практическаго значенія, ибо некому было ими воспользоваться, а слухъ о спасеніи Димитрія очень многимъ оказался нуженъ и полезенъ. Всѣ, кому былъ непріятенъ Шуйскій и неугоденъ порядокъ, наставшій съ его воцареніемъ, желали вѣрить, что Самозванецъ еще существуетъ. Понимая это, Шуйскій съ особеннымъ усердіемъ составлялъ грамоты и отъ собственнаго своего имени, и отъ имени бояръ, и отъ имени царицы-инокини Маѳы Нагой, съ объясненіями произведеннаго имъ переворота и съ доказательствами своихъ правъ на престолъ. Особенно старательно и литературно написана была грамота съ извѣщеніемъ о принесеніи мощей царевича Димитрія въ Москву и съ изложеніемъ документовъ, взятыхъ изъ канцеляріи «разстриги». Грамоту эту разсылали изъ Москвы по городамъ въ теченіе всего іюня 1606 года, начиная со 2-го числа — дня, когда мощи царевича были принесены подъ Москву. Кромѣ офиціальныхъ грамотъ, пущены были въ ходъ и писанія офиціозныя. Новый «страстотерпецъ» царевичъ Димитрій былъ причисленъ къ лику святыхъ; ему были соборомъ установлены праздники, «стихиры и канонъ сложенъ». Но при этомъ «житіе» составлено не было: его замѣнила извѣстная «повѣсть», долго слывшая подъ не-

удачнымъ именемъ «инаго сказанія» и нами выше не разъ указанная подъ названіемъ «повѣсти 1606 года». Авторъ повѣсти, писавшій, кажется, въ іюнѣ 1606 года, все свое изложеніе приноровилъ не столько къ прославленію памяти царевича, сколько къ величанію царя Шуйскаго и его рода. При этомъ онъ очень дипломатично и съ большою ловкостью обошелъ молчаніемъ вопросъ объ избраніи патріарха послѣ сверженнаго Игнатія и о заслугахъ членовъ олигархическаго кружка, главою котораго былъ Шуйскій; но за то онъ оправдалъ измѣну братьевъ Голицыныхъ подъ Кромами. Въ повѣсти современный ей читатель получалъ подробное изложеніе событій того времени, освѣщенное съ точки зрѣнія правительственной и сдѣланное съ большимъ литературнымъ умѣньемъ. Повѣсть имѣла успѣхъ въ письменности XVII вѣка, но успѣхъ литературный, а не практическій: ее читали и переписывали, сокращали и передѣлывали, но не слѣдовали автору въ его привязанности къ царю Василію. Рядомъ съ повѣстью поступило въ оборотъ столь же офиціозное описаніе перенесенія мощей царевича Димитрія, не имѣвшее, впрочемъ, большого распространенія. Наконецъ, былъ составленъ знаменитый «извѣтъ» старца Варлаама, одного изъ спутниковъ Григорія Отрепьева во время его похожденій въ Литвѣ. Это произведеніе, возбудившее достаточно толковъ въ ученой критикѣ, было если не сочинено, то редактировано очень близко отъ Шуйскихъ, даже, можетъ быть, ими самими. Извѣтъ давалъ полный отчетъ о томъ, гдѣ былъ и что дѣлалъ Григорій Отрепьевъ со времени своего удаленія изъ Москвы за рубежъ и до тѣхъ поръ, когда онъ, подъ именемъ царевича, двинулся изъ Самбора въ московскій походъ. Какъ «извѣтъ», такъ и прочія произведенія, указанныя выше, были составлены съ большимъ искусствомъ: безъ сомнѣнія, надъ ними трудились люди, обладавшіе остроумнымъ и гибкимъ перомъ. По нѣкоторымъ намекамъ можно думать, что къ авторству привлечены были лица изъ братіи знаменитой Троицкой обители, прославленной немного лѣтъ спустя «борзыми писцами» иного склада и направленія [97].

II.

Призывая себѣ на помощь литературныя силы, Шуйскій не вводилъ новшествъ въ московскую практику, но воскрешалъ старый обычай. Онъ пускалъ въ ходъ тѣ самыя средства, какими привыкли дѣйствовать московскіе люди XVI вѣка, создавшіе много замѣчательныхъ публицистическихъ писаній. Но какъ прежде, такъ и во время Шуйскаго публицистика не оказала замѣтнаго вліянія на ходъ политической борьбы. Она не укрѣпила власти царя Василія. Не имѣя твердой опоры въ различныхъ кругахъ знати и въ на-

селеніи столицы, Шуйскій не нашелъ ея и въ прочихъ слояхъ и группахъ населенія. Лишь только извѣстіе о московскомъ переворотѣ 17-го мая облетѣло государство, въ различныхъ областяхъ его стали наблюдаться зловѣщіе для новаго правительства признаки. Шуйскій съ людьми его партіи полагалъ, что, съ истребленіемъ Годуновыхъ и Самозванца и съ переходомъ власти въ руки родословной знати, въ странѣ возстановленъ былъ нормальный государственный и общественный порядокъ, и оставалось лишь успокоить взволнованное прошедшею смутою общество. А между тѣмъ, это общество далеко не вездѣ желало принять порядокъ, предлагаемый ему боярско-княжескою реакціей, и не только не отставало отъ старой смуты, но заводило новую, не только не признавало новаго царя Василія во имя прежняго Димитрія, но высказывалось и противъ московскаго строя вообще. При нѣкоторой чуткости московскіе правители легко могли бы уловить въ шумѣ народнаго броженія за царя Димитрія самые разнородные мотивы общественнаго недовольства. Но, кажется, какъ самъ царь Василій, такъ и его совѣтники не сразу поняли, съ чѣмъ они имѣютъ дѣло.

Можно удивляться тому, какъ быстро и дружно встали южные города противъ царя Василія Шуйскаго. Какъ только узнали въ Сѣверщинѣ и на Полѣ о смерти Самозванца, такъ тотчасъ же отпали отъ Москвы Путивль и съ нимъ другіе Сѣверскіе города, Ливны и Елецъ, а за ними и все Поле до Кромъ включительно. Немногимъ позднѣе поднялись Заоцкія, Украинныя и Рязанскія мѣста. Движеніе распространилось и далѣе на востокъ отъ Рязани въ область мордвы, на Цну и Мокшу, Суру и Свіягу. Оно даже передалось черезъ Волгу на Вятку и Каму въ Пермскія мѣста. Возстала и отдаленная Астрахань. Съ другой стороны, замѣшательство произошло на западныхъ окраинахъ государства, въ Тверскихъ, Псковскихъ и Новгородскихъ мѣстахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ столь отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ движеніе имѣло разный характеръ, преслѣдовало различныя цѣли, увлекало въ борьбу не одни и тѣ же общественные слои. Возможно въ этомъ отношеніи представить нѣсколько не лишенныхъ интереса и достовѣрности наблюденій.

Прежде всего довольно яснымъ, при всей своей сложности, представляется движеніе на московскомъ югѣ. Здѣсь встали за царя Димитрія всѣ тѣ города, которые присоединились къ Самозванцу во время его похода на Москву за годъ передъ тѣмъ. Въ Москвѣ такъ и поняли дѣло, что противъ царя Василія поднялась именно та самая украйна, которая уже годомъ ранѣе была «осквернена» и «омрачена безуміемъ» самозванщины; поэтому Сѣверскую и «Польскую» украйну москвичи стали называть «преже погибшею» и «преже омраченною». Причины возстанія южныхъ городовъ въ

Москвѣ объяснялись различно. Кромѣ немного баснословнаго разсказа о бѣгствѣ изъ Москвы кн. Гр. Шаховского съ «золотою» государственною печатью и о его агитаціи въ Путивлѣ, существовали болѣе основательные домыслы. Говорили, что враги царя Василія распустили молву, будто бы московское правительство желало избить сѣверскихъ людей за то, что они первые признали и поддержали Самозванца; боязнь такой расправы и увлекла Сѣверщину въ мятежъ. Существовала даже догадка, что Сѣвера возстала «на бояръ» за ихъ своевольство, не считая ихъ въ правѣ низвергать одного царя и славить другого безъ вѣдома прочихъ гражданъ и въ томъ числѣ самихъ сѣверскихъ людей. Эти мотивы вполнѣ вѣроятны. Населеніе Сѣверы и Поля дѣйствительно, какъ мы видѣли, дало торжество Самозванцу и связало свою судьбу съ его успѣхомъ; погибель царя Димитрія грозила бѣдою и его сторонникамъ. Мятежъ Шуйскаго въ Москвѣ и его воцареніе были для всего государства такъ внезапны и необъяснимы, а «боярскій» характеръ новаго правительства и его олигархическія тенденціи такъ явны, что неизбѣжно было недоумѣніе и неудовольствіе со стороны тѣхъ, кто вообще далекъ былъ отъ боярскихъ интересовъ. Какъ населенію самой Москвы, такъ и жителямъ окраинъ было ясно, что судьба московскаго престола послѣ смерти Самозванца была рѣшена не совѣтомъ «всея земли», а умысломъ заговорщиковъ, и что эти заговорщики представляютъ собою опредѣленный аристократическій кружокъ. Отъ этого кружка слѣдовало ожидать такой правительственной дѣятельности, съ какою не могло мириться украинное населеніе, не любившее «сильныхъ людей» высшаго землевладѣльческаго класса. Правительство «боярскаго» состава менѣе всего могло расчитывать на послушаніе украйны, наполненной выходцами изъ боярскихъ дворовъ и съ боярской пашни: соціальная рознь и недружба должна была повести здѣсь къ открытой политической враждѣ [18].

Эта вражда проявилась особенно быстро и рѣзко, во-первыхъ, потому, что на украйнѣ былъ пущенъ слухъ, будто бы царь Димитрій живъ. Повѣривъ этому, должны были считать московскихъ бояръ съ В. Шуйскимъ во главѣ даже и не правительствомъ, а просто шайкою временно торжествующихъ мятежниковъ, противъ которыхъ не только можно, но и должно было стоять. Во-вторыхъ, возстаніе могло получить быстрое развитіе потому, что пользовалось готовымъ образцомъ и старою организаціею. Всего за одинъ годъ предъ тѣмъ Сѣвера и Поле дѣйствовали подъ знаменами Димитрія. Главною квартирою тогда служилъ Путивль, фокусомъ военныхъ операцій были Кромы, цѣлью движенія были берега средней Оки и [illegible] Москва. Совершенно та же обстановка была и теперь, въ [illegible] Главная крѣпость Сѣверскаго края, Путивль, стала

центромъ движенія, а воевода путивльскій, кн. Григ. Петр. Шаховской, сынъ родовитаго боярина кн. П. М. Шаховского, получилъ внѣшнее первенство между возставшими. Гарнизоны близъ лежащихъ городовъ и казачьи отряды съ Поля, «вси мятежницы, иже во время власти разстригины лакнуша крови христіанскія», привычнымъ порядкомъ обращались въ Путивль за указаніями, посылали туда захваченныхъ ими воеводъ и сторонниковъ царя Василія, доставляли вѣсти. Изъ Путивля, именемъ царя Димитрія и по полномочію отъ кн. Шаховского, началъ свои дѣйствія знаменитый «большой воевода» Ив. Болотниковъ. Устроивъ войско, онъ повелъ его прошлогодними путями, черезъ Комарицкую волость, къ тѣмъ самымъ Кромамъ, гдѣ сходились всѣ дороги съ юга на Окскія верховья и гдѣ за годъ передъ тѣмъ рѣшенъ былъ исходъ войны. У Кромъ произошла первая встрѣча дружинъ Болотникова съ московскимъ войскомъ кн. Ю. Н. Трубецкого, при чемъ отступленіе Трубецкого открыло возставшимъ дорогу на среднее теченіе Оки. Наблюдая начальный періодъ возстанія на югѣ, неизбѣжно приходимъ къ мысли, что это было простое возобновленіе только-что успокоеннаго движенія 1604—1605 годовъ. Частное отличіе заключалось лишь въ томъ, что большее, чѣмъ прежде, военное значеніе получилъ городъ Елецъ. Самозванецъ, готовясь къ войнѣ противъ татаръ, собиралъ въ Ельцѣ всякаго рода запасы для «польскаго» похода. Говорятъ, что туда было свезено очень много оружія, пороху, свинцу, муки, сала и другихъ вещей. Понятно, что когда Елецъ не пожелалъ служить царю Василію, московское правительство съ особенною тревогою отнеслось къ его измѣнѣ и приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы не потерять собраннаго въ Ельцѣ добра. Ельчанъ увѣщали грамотами; отправили въ Елецъ икону новоявленнаго чудотворца царевича Димитрія съ особымъ посланіемъ отъ имени инокини Мароы Нагой; наконецъ, къ Ельцу двинули войско подъ командою кн. И. М. Воротынскаго. Однако Елецъ остался вѣренъ имени Димитрія, и Воротынскій былъ вынужденъ отступить отъ его стѣнъ безъ успѣха, когда узналъ объ удачѣ Болотникова подъ Кромами [99].

Итакъ, на украйнѣ въ 1606 году возстали противъ правительства Шуйскаго тѣ же самые люди, которые раньше дѣйствовали противъ Годуновыхъ, и тѣмъ же самымъ порядкомъ, какого они держались въ первомъ своемъ движеніи. Однако, при повтореніи похода за Димитрія въ массахъ наблюдается нѣсколько иное настроеніе въ зависимости отъ новыхъ условій борьбы. Раньше самъ названный Димитрій былъ на лицо при своемъ войскѣ; масса его видѣла, слышала его рѣчи, служила живому человѣку и была проникнута его интересомъ. Общественныя симпатіи и антипатіи, мотивы соціальной розни были подчинены династическому интересу

и, если проявляли себя въ дѣйствіяхъ массъ, то какъ случайныя нарушенія воинской дисциплины, подлежавшія пресѣченію и карѣ. Въ 1606 году Димитрія не было въ украинномъ войскѣ: разсказы о его чудесномъ спасеніи отъ рукъ Шуйскаго и таинственныхъ скитаніяхъ за рубежомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше походили на сказку. Интересъ отсутствующаго претендента на престолъ не могъ безраздѣльно господствовать надъ умами ратныхъ людей; тѣмъ свободнѣе всплывали на поверхность собственные интересы воинской массы, и вопросъ объ удовлетвореніи своихъ желаній и стремленій замѣнялъ собою вопросъ о возстановленіи свергнутой династіи. Этому, съ другой стороны, содѣйствовало положеніе дѣлъ въ столицѣ. Раньше Самозванецъ велъ войско противъ Бориса, который законно вступилъ на престолъ въ силу народнаго избранія и заслужилъ царскій вѣнецъ «ласкою и истиннымъ правительствомъ», какъ выражались тогда; не московская власть вообще, а лишь самъ Борисъ осуждался за личное его преступленіе. Теперь, въ 1606 году, все московское правительство представлялось незаконнымъ и преступнымъ съ точки зрѣнія украинныхъ мятежниковъ. Свергнувшіе царя бояре-заговорщики самовольно захватили царство въ свои боярскія руки и водворяли въ немъ свои боярскіе порядки; правительство такимъ образомъ получило характеръ односословнаго, боярскаго, и это въ особенности было ненавистно украиннымъ вожакамъ. Къ Москвѣ ихъ влекла не одна забота о возстановленіи на престолѣ законнаго монарха, но и ненависть къ ихъ соціальному врагу—боярству, овладѣвшему царствомъ. Вражда общественная стала открыто рядомъ съ династическимъ вопросомъ и нашла первое свое выраженіе въ программѣ Болотникова.

Насколько можно судить по отзывамъ современниковъ, вообще отрывочнымъ и неяснымъ, Болотниковъ получилъ большое значеніе на украйнѣ именно потому, что первый поставилъ цѣлью народнаго движенія не только политическій, но и общественный переворотъ. Дѣйствуя именемъ царя Димитрія, онъ звалъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ складомъ общественныхъ отношеній въ Московскомъ государствѣ и, подавая имъ надежду на соціальныя перемѣны въ ихъ пользу, возбуждалъ къ дѣйствіямъ вообще противъ господствующихъ классовъ. Не сохранилось, къ сожалѣнію, подлиннаго текста его воззваній, но есть интересный о нихъ отзывъ патріарха Гермогена. Передавая содержаніе «воровскихъ листовъ», которые разсылались изъ стана Болотникова въ Москву и по другимъ городамъ, патріархъ говоритъ, что эти листы внушаютъ дворнѣ бояръ и дѣтей боярскихъ, а съ нею и всякой черни «всякія злыя дѣла на убіеніе и на грабежъ». Мятежники «велятъ боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ, и жены ихъ и вотчины и помѣстья имъ сулятъ; и шпынямъ и безымянникомъ-воромъ велятъ гостей и

всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити; и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество». Это былъ прямой призывъ противъ представителей земельнаго и промышленно-торговаго капитала, и имъ легко увлекались люди, страдавшіе отъ тогдашняго имущественнаго строя. «Собрахуся боярскіе люди и крестьяне», говоритъ лѣтопись о движеніи Болотникова, «съ ними же пристаху украинскіе посадскіе люди и стрѣльцы и козаки; и начаша по градомъ воеводы имати и сажати по темницамъ, бояръ же своихъ домы разоряху, и животы грабяху, женъ же ихъ и дѣтей позоряху и за себя имаху». Такимъ образомъ, войска, шедшія съ южныхъ окраинъ къ Москвѣ и состоявшія изъ знакомыхъ уже намъ общественныхъ элементовъ «прежде погибшей» украйны, громко заявляли о своей склонности къ общественному перевороту и уже покушались на демократическую ломку существовавшаго строя. Это было большою новостью въ развитіи московской Смуты [100].

Иной оттѣнокъ имѣло движеніе противъ Шуйскаго въ болѣе сѣверной полосѣ городовъ Украинныхъ и Рязанскихъ, куда отъ Кромъ и Ельца вошли войска Болотникова. Среда служилыхъ землевладѣльцевъ, сидѣвшихъ здѣсь на вотчинахъ и помѣстьяхъ, отличалась большимъ разнообразіемъ имущественнымъ и служебнымъ. Въ уцѣлѣвшихъ отъ конца XVI вѣка десятняхъ каширскихъ, ряжскихъ, епифанскихъ поименованы служилые люди съ «отечествомъ», иногда даже княжескаго происхожденія (князья Засѣкины, Барятинскіе, Мещерскіе), и рядомъ такіе, которые недавно вышли изъ крестьянъ и «ямщиковыхъ дѣтей». Первые служатъ «изъ выбору» и поверстаны крупнымъ окладомъ въ 700 четей; вторые, не годясь и въ простую полковую службу, служатъ съ пищалью въ «осадѣ», то-есть въ гарнизонѣ, и имѣютъ окладъ въ 30, 20, даже 15 четей. Первымъ вручается начальство надъ дворянскими отрядами: они бываютъ въ головахъ и окладчикахъ; вторые же дѣлятся, подобно низшимъ приборнымъ людямъ, на сотни и служатъ не съ головами, а съ сотниками. Первые отличаются служебнымъ и родовымъ гоноромъ, какъ мы это видѣли на примѣрѣ Ляпуновыхъ; вторые готовы идти къ своему же брату въ холопы и дворники, «жить у церкви» и «стоять дьячкомъ на крылосѣ», наконецъ, сойти со службы на Донъ въ вольные казаки. Словомъ, верхній слой дворянства украиннаго и рязанскаго приближается къ столичному дворянству и способенъ мечтать о возвышеніи и высокой карьерѣ, а низшій слой отъ служебныхъ тяготъ и имущественной худобы готовъ опуститься въ низшіе разряды населенія и вовсе отстать отъ государевой службы. Между этими крайними слоями служилаго люда было много посредствующихъ, подходившихъ болѣе или менѣе къ одному изъ характеризованныхъ двухъ типовъ. Въ 1605 году дворянскія дру-

нецъ, высшіе слои зарѣчнаго дворянства, по степени зажиточности и по служебному положенію близко подходившіе къ московскому дворянству, имѣли свои причины быть недовольными царемъ Василіемъ и его совѣтниками. Новый царь осуждалъ служебный и придворный порядокъ московскій, насажденный во времена Грознаго и Годунова, и думалъ о возвращеніи къ старинѣ, уважавшей родословныя притязанія. Боярская реакція, давая торжество родословному принципу, тѣмъ самымъ закрывала дорогу къ широкой карьерѣ для всѣхъ тѣхъ, кого считала «худородными». А между тѣмъ эти «худородные» люди успѣли привыкнуть къ новому московскому обычаю, по которому государь и малаго творилъ великимъ. Для такихъ честолюбивыхъ и притязательныхъ, мечтавшихъ о возвышеніи дворянъ, каковы были Ляпуновы и имъ подобные, боярское правительство было антипатично. Для нихъ, по словамъ С. М. Соловьева, было привлекательно «возстаніе подъ знаменами Димитрія противъ Шуйскаго, то-есть, противъ правленія бояръ, охранявшихъ старину, не допускавшихъ въ свои ряды людей новыхъ» [101].

Такъ сплетались разнообразные мотивы, побуждавшіе служилыхъ людей зарѣчныхъ городовъ подниматься противъ Москвы. Когда войска Болотникова появились на верховьяхъ Оки и имя царя Димитрія вторично стало взывать о поддержкѣ законной династіи, здѣсь образовались дружины дѣтей боярскихъ съ выборными вождями во главѣ. «А начальники у тѣхъ воровъ были воеводы (говоритъ одна частная разрядная книга): у рязанцевъ воеводы Григорій Ѳедоровъ сынъ Сумбуловъ да Прокоѳій Петровъ сынъ Ляпуновъ; а съ туляны и съ кошираны и съ веневичи Истома Пашковъ, а на Веневѣ былъ сотникъ; а съ колужены и со алексинцы и съ иными городами Ивашко Болотниковъ, князя Андрея Телятевскаго холопъ; и иные воры были начальники». Любопытно, что привычный къ тогдашнему чинопочитанію составитель разрядной книги назвалъ рязанскихъ воеводъ не однимъ именемъ, но и отчествомъ, Пашкову отказалъ въ отчествѣ, а Болотникова назвалъ только полуименемъ. Въ этомъ сказалось различіе общественнаго положенія названныхъ лицъ, которое намъ необходимо отмѣтить. Рязанскіе воеводы принадлежали къ высшему слою мѣстнаго служилаго люда, и дружины ихъ составились изъ дѣтей боярскихъ большихъ и среднихъ статей, преобладавшихъ на Рязани. Истома Ивановичъ Пашковъ самъ по себѣ былъ не мелкій служилый человѣкъ. За нимъ были въ помѣстьѣ на Веневѣ «село Воркуша, Воскресенское тожъ», и въ Серпуховскомъ уѣздѣ село Грецкое; не дослужившись до «головства», онъ, однако, дослужился до «сотничества» и въ 1606 году былъ сотникомъ у мелкопомѣстныхъ дѣтей боярскихъ епифанцевъ. Эти дѣти боярскіе всего лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ были всею массою поверстаны въ Епифань изъ казаковъ, сидѣли на мелкихъ

помѣстьяхъ въ 50, 40 и менѣе четвертей и служили государе
службу съ пищальми, то-есть представляли собою пѣшее гарнизо
ное войско, мало чѣмъ различавшееся въ боевомъ отношеніи от
стрѣльцовъ. Истома Пашковъ сталъ вождемъ именно такой служ
лой мелкоты. Такъ какъ его дружины немногимъ отличались от
стрѣльцовъ и городовыхъ казаковъ южной украйны, то въ Моск
«Истомку» смѣшивали иногда съ «иными многими атаманами и ка
заками» воровскаго войска. На самомъ же дѣлѣ онъ со своим
дѣтьми боярскими стоялъ особо отъ скопищъ Болотникова, состав
ляя средній слой между казачьимъ и холопьимъ войскомъ Сѣвер
ской и Польской украйны и землевладѣльческими отрядами Ляпу
нова и Сумбулова. Если Болотниковъ несъ къ Москвѣ вражду к
высшимъ классамъ вообще, если Ляпуновъ съ своими единомышле
нниками поднялся противъ политической олигархіи бояръ, то Истом
Пашковъ былъ представителемъ такой оппозиціи, которой одина
ково были присущи мотивы и соціальнаго и политическаго про
теста [169].

Какъ извѣстно, возстаніе Болотникова и дворянъ украинныхъ
рязанскихъ повело къ упорной открытой войнѣ съ царемъ Васи
ліемъ. Мятежники наступали на Москву двумя путями. Болотни
ковъ отъ Кромъ шелъ мимо Калуги и Алексина на Серпуховъ, ко
торымъ и овладѣлъ. Рязанскія дружины шли на Коломну и взял
ее. Соединившись на Окѣ, мятежники затѣмъ подошли къ Москвѣ
стали укрѣпленнымъ лагеремъ въ селѣ Коломенскомъ и въ деревн
Загорьѣ (или Заборьѣ, у рѣчки Даниловки на югъ отъ Москвы)
въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, съ середины октября по 2-е де
кабря 1606 года, держали Москву въ осадѣ. Со времени первых
успѣховъ Болотникова подъ Кромами въ августѣ и до пораженія
его подъ Москвою 2-го декабря прошло около четырехъ мѣсяцев.
За это время движеніе противъ Шуйскаго успѣло распространитьс
далеко отъ своего главнаго очага, Сѣверской украйны, принима
въ различныхъ мѣстахъ различный характеръ. Прямому вліяні
возставшихъ Заоцкихъ городовъ поддали Малый Ярославецъ, Бо
ровскъ, Можайскъ, Руза, Волокъ-Ламскій, Погорѣлое Городище
Ржева, Зубцовъ и Старица. Тяглое и служилое населеніе этих
мѣстъ было просто увлечено именемъ Димитрія, съ которымъ явля
лись туда отряды изъ мятежныхъ войскъ. Въ быту названныхъ го
родовъ, полувоенныхъ, полуторговыхъ, малыхъ и слабыхъ, не был
острыхъ проявленій общественной розни и экономическаго кризиса
которыми страдали другія мѣста московскаго центра и юга. По
этому здѣсь замѣтна нѣкоторая неопредѣленность настроенія и по
литическое безразличіе. Подъ давленіемъ мятежниковъ скоро
легко отпадаютъ отъ Шуйскаго на сторону царя Димитрія, воца
ренію котораго въ свое время громко радовались; но также легк

и скоро бьютъ Шуйскому челомъ, когда услышатъ увѣщаніе дѣятельнаго защитника порядка, архіепископа тверского Ѳеоктиста, или когда почуютъ приближеніе ратныхъ людей московскаго воеводы И. Ѳ. Колычева [103]. Въ связи съ мятежомъ въ Сѣверскихъ городахъ стоялъ мятежъ и въ мордовскихъ мѣстахъ, на востокъ отъ нижней Оки; однако, здѣсь его разжигали не одни «воровскіе листы» съ Десны и Сейма, но и мѣстныя недоразумѣнія и злобы. Отъ царя Василія отложилися и «съ уѣздами были въ измѣнѣ» города Арзамасъ и Алатырь; цѣловалъ крестъ Димитрію и Свіяжскъ. Въ самыхъ городахъ дѣйствовали русскіе гарнизоны, въ уѣздахъ—инородческая масса. Мятежники, образовавъ войско и завязавъ сношенія съ Путивлемъ, обратились къ Нижнему-Новгороду и осадили его. По согласному свидѣтельству источниковъ, подъ Нижнимъ были и русскіе люди, «боярскіе холопи и крестьяне», и инородцы «бортники и мордва». Главнымъ вожакомъ «за воеводы мѣсто» былъ у нихъ Иванъ Борисовъ Доможировъ, извѣстный намъ по нижегородской десятнѣ 1607 года, какъ одинъ изъ немногихъ отборныхъ нижегородскихъ дѣтей боярскихъ «дворовыхъ» и «четвертчиковъ». А «съ нимъ были выбраны два мордвина Варгадинъ да Московъ», которыхъ лѣтопись называетъ «старѣйшинами» этого воинскаго собранія. Покушеніе ихъ на Нижній не удалось: «какъ они увѣдали, что царя Василія московскіе люди идутъ на Арзамасскія и на Алатырскія мѣста, и изъ-подъ Нижняго воры разбѣжалися». Рать московская, подъ командою Гр. Гр. Пушкина, «привела къ царю Василью» возставшіе Арзамасъ и Алатырь съ ихъ уѣздами; Свіяжскъ самъ добилъ челомъ царю Василію, и такимъ образомъ мятежъ пока былъ подавленъ. Если русскій элементъ въ числѣ возставшихъ образовался здѣсь, какъ и вездѣ, изъ людей недовольныхъ общими условіями политическаго и общественнаго порядка, то мордва имѣла свою особую причину недовольства. Изучая первый періодъ дѣятельности русской власти въ Понизовыхъ городахъ, мы отмѣтили, въ числѣ прочихъ послѣдствій московскаго завоеванія, значительную экспропріацію инородческихъ земель и быстрый переходъ ихъ въ руки русскихъ поселенцевъ и служилыхъ татаръ. Потеря правъ на землю, раздражая коренное населеніе края, возбуждала его противъ русской власти и сдѣлала воспріимчивымъ къ внушеніямъ противъ Шуйскаго. Наиболѣе сильное и энергичное изъ инородческихъ племенъ средняго Поволжья, мордва сдѣлалась первою выразительницею недовольства въ своемъ краѣ [104].

Еще ранѣе сѣверскаго возмущенія и похода Болотникова къ Москвѣ на юго-восточной окраинѣ государства началось любопытнѣйшее движеніе, опять таки особаго склада. Оно было вызвано появленіемъ самозванца, пришедшаго на Волжскія низовья съ Терека; принявъ имя не Дмитрія, а Петра, онъ связалъ свою исторію

Стало быть, «воръ Петрушка» самъ по себѣ представлялъ мелкую разбойничью затѣю. Необыкновенное торжество перваго Самозванца, воцареніе на Москвѣ того, кого объявляли воромъ и разстригою и кого только что предавали проклятію, должно было кружить головы, вызывать на подражаніе, популяризировать самую идею самозванства. Нечего удивляться тому, что заброшенная въ дикую даль и голодная казачья дружина додумалась до рѣшенія испробовать самозванщину, какъ средство достать добычу. Удивителенъ успѣхъ, какой сопровождалъ эту затѣю. Казакамъ Бодырина не удалось скрыть своего самозванца: «то дѣло великое объявилося» и къ нему пристали всѣ казаки, бывшіе на юртахъ на Терекѣ. Они «пошли всѣмъ войскомъ подъ Асторахань, а его Илейку съ собою взяли». Придя весною 1606 года на Волжскія низовья, они рѣшили идти на Москву, тѣмъ болѣе, что и названный царь Димитрій, получивъ вѣсти объ ихъ движеніи на Волгу, почему-то велѣлъ имъ спѣшить къ Москвѣ. Пройдя Казань и Свіяжскъ, узнали они, что Самозванецъ убитъ въ столицѣ боярами. Тогда казаки повернули назадъ, сплыли по Волгѣ внизъ до устья Камышенки, переволоклися съ Камышенки на притокъ Дона, рѣку Иловлю, и перешли на Поле на Донецъ. Здѣсь они нашли уже въ полномъ ходу возстаніе во имя Димитрія и получили грамоту отъ князя Гр. Шаховского и всѣхъ путивльцевъ съ приглашеніемъ идти «на спѣхъ» въ Путивль. Черезъ Царевъ-Борисовъ названный царевичъ Петръ пришелъ съ своимъ четырехтысячнымъ войскомъ въ Путивль, а оттуда двинулся вслѣдъ за Болотниковымъ на Тулу. За это время его силы росли отъ присоединенія къ нему казачьихъ отрядовъ, такъ что въ Тулѣ онъ и Болотниковъ располагали уже значительнымъ войскомъ въ тридцать слишкомъ тысячъ человѣкъ.

Къ перечисленнымъ выше проявленіямъ народнаго движенія противъ московскаго правительства надобно присоединить безпорядки мѣстнаго характера и изъ нихъ прежде всего бунтъ астраханскаго гарнизона, которымъ руководилъ астраханскій воевода князь Ив. Дм. Хворостининъ, двоюродный братъ близкаго къ Самозванцу и сосланнаго Шуйскимъ князя Ивана Андреевича. Едва ли здѣсь не дѣйствовала семейная вражда къ Шуйскому Хворостининыхъ, много терявшихъ съ низверженіемъ благоволившаго къ нимъ Самозванца. Съ другой стороны, мѣстнымъ характеромъ отличалось глухое броженіе среди восточныхъ инородцевъ, въ Перми и на Вяткѣ, также на западныхъ окраинахъ Новгородскихъ и Псковскихъ. Здѣсь не было замѣтно склонности къ активной борьбѣ съ Москвою, но явно было нежеланіе служить царю Василію и склонность къ имени царя Димитрія [105].

Мы очертили теперь всю ту территорію, на которой царь Василій не получилъ желаемаго признанія. По странной игрѣ исто-

не съ углицкимъ дѣломъ, [illegible] великородныхъ бояръ, громко
царскаго сына Петра Θеодор[illegible] традиціи послѣднихъ трехъ царей
его собственному признанію, [illegible] разъ тѣми мѣстами государства,
въ небольшомъ отрядѣ ка[illegible] ненавистную ему опричнину и
1605—1606 году зимовал[illegible] былъ отвергнутъ и поруганъ
далекомъ Терекѣ: «учали [illegible] Грознымъ оставлены въ старомъ
сотъ человѣкъ голова [illegible] Дѣйствительность какъ будто бы
ный подборъ случайныхъ [illegible] правительству, состоявшему изъ притя-
въ Астрахани вербовал[illegible] ихъ опричнина оказалась
денежнымъ жалованьемъ [illegible] государственной дисциплины, дер-
далекія посылки. Среди [illegible] области въ повиновеніи даже
«яицкими» казаками, [illegible] правителю, какимъ былъ Шуй-
люди, въ родѣ «казак[illegible] до времени молча наблюдалъ за
Булатка Семенова» [illegible] положеніи государства и пока послушно
жалованья и корма [illegible] средства для борьбы съ мятежомъ. Не-
ностью воеводъ, ко[illegible] не коснулась, и настроеніе сѣверныхъ
одинъ разъ «на Тер[illegible] въ чемъ.
нили», казаки голо[illegible]
вати», говорили [illegible]

III.

да не дадутъ жал[illegible]
грабежемъ турок[illegible] возбужденія противъ царя Василія
шаху. Неизвѣстн[illegible] правительствомъ всѣ области московскаго юга
вмѣсто экспеди[illegible] въ одномъ порывѣ противъ общаго врага,
думали «итить [illegible] взаимныхъ отношеній. Когда Болотни-
чтобы имѣть [illegible] въ область Заоцкихъ и Украинскихъ го-
«опроче всего [illegible] присоединились ратные люди Калуги и Алексина,
своей брать[illegible] Пашковъ съ своими дѣтьми боярскими.
ромца, царе[illegible] на послѣднихъ маршахъ къ Москвѣ сошлись
новый само[illegible] рязанскія войска Сумбулова и Ляпунова. Еди-
небольшой [illegible] 12(22)-го октября подошла къ Москвѣ и
вичемъ XV[illegible] блокадѣ столицы. А въ это время еще новая
же шаблон[illegible] приливала съ юга къ московскому центру:
цевъ; по[illegible] Тулу казачьи отряды вора Петрушки. Совре-
нихъ, «по[illegible] развитіе мятежа и пораженные небывалымъ
передъ [illegible] движеніемъ массъ во имя «мертваго злодѣя», не
вичи [illegible] сразу опредѣлить, кто и зачѣмъ поднялся на Мо-
стало [illegible] «воровъ» окрестили они и казачью голытьбу,
велик[illegible] Поля, и холоповъ, бѣжавшихъ изъ господскихъ дво-
намъ [illegible] дворянъ, пріѣхавшихъ подъ Москву съ боль-
были [illegible] помѣстій. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, какія
въ [illegible] привели подъ столицу ту или другую группу возстав-
[illegible] говорили вообще, что они возстали «на разореніе
[illegible] христіанства».
[illegible] первый мѣсяцъ московской осады и взаимное от-

ношеніе общественныхъ элементовъ стало разъясняться. Грамоты Болотникова показали и врагамъ и союзникамъ его истинный характеръ стремленій этого вождя. Патріархъ Гермогенъ въ ноябрѣ 1606 года извѣщалъ свою паству, что «воры» подъ Москвою желаютъ не только смѣны царя, но и коренного общественнаго переворота, именно истребленія руководящихъ политическою и экономическою жизнью государства общественныхъ слоевъ. Столь радикальная программа «воровъ», бросая въ панику тѣхъ, на кого она была направлена, нравилась московской черни. Шелъ слухъ, что разнузданная предшествующими событіями толпа могла бы передаться на сторону мятежниковъ и погубить Москву, если бы въ самомъ лагерѣ возставшихъ не произошло раскола. Возможность коренной общественной ломки испугала многихъ союзниковъ сѣверскихъ дружинъ и повела къ тому, что ополченіе распалось ранѣе, чѣмъ достигло подъ Москвою какого-либо успѣха [106].

Намъ извѣстны его составныя части: сѣверскіе и «польскіе» отряды, гарнизонные и казачьи, подъ командою самого Болотникова; мелкопомѣстные дѣти боярскіе Украинныхъ городовъ подъ предводительствомъ Истомы Пашкова; дворяне и дѣти боярскіе «большихъ статей» изъ Рязани съ Сумбуловымъ и Ляпуновымъ во главѣ. Послѣдніе присоединились къ главной массѣ мятежнаго войска, можно сказать, подъ самою Москвою, когда Болотниковъ и Пашковъ переправились уже съ юга за Оку. До стоянки подъ Москвою они мало имѣли времени для того, чтобы ознакомиться со своими новыми товарищами по службѣ истинному царю Димитрію Ивановичу. За то мѣсяцъ совмѣстнаго пребыванія у стѣнъ столицы показалъ дворянамъ землевладѣльцамъ и рабовладѣльцамъ, что они находятся въ политическомъ союзѣ съ своими соціальными врагами. Землевладѣльческіе и служебные интересы рязанскихъ дворянъ сближали ихъ съ высшими разрядами московскаго служилаго и придворнаго класса. Ихъ мечтою былъ думный чинъ и землевладѣльческій тарханъ. Они настолько понимали преимущества столичной службы съ хорошо устроенной вотчины, что стремились сами стать на вершинѣ дѣйствующаго порядка и пользоваться его выгодами. Подъ Москву ихъ привело желаніе не измѣнить этотъ порядокъ, а напротивъ, его охранить отъ покушенія несимпатичныхъ имъ олигарховъ. Но въ подмосковномъ станѣ они убѣдились, что желательный для нихъ государственный строй имѣетъ гораздо болѣе крайнихъ и опасныхъ враговъ, чѣмъ олигархи, въ лицѣ ихъ собственныхъ союзниковъ. «Воровскіе листы» Болотникова для самихъ дворянъ были разрушительною проповѣдью, такъ какъ говорили противъ ихъ владѣльческихъ интересовъ и служебныхъ прерогативъ. Солидарность съ Болотниковымъ рязанскихъ вождей становилась невозможною. Царь Димитрій не являлся, и рязанцы не

смотря на долгія сношенія съ Путивлемъ, не знали о немъ ничего вѣрнаго. И вотъ, послѣ мѣсяца раздумья, «ноября въ 15 день отъ нихъ злыхъ еретиковъ и грабителей и осквернителей изъ Коломенскаго пріѣхали къ государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи съ винами своими рязанцы Григорей Сумбуловъ да Прокопей Ляпуновъ, а съ ними многіе рязанцы дворяня и дѣти боярскіе». Такъ говоритъ офиціальное извѣстіе; лѣтопись же выражается опредѣленнѣе, утверждая, что рязанцы «градомъ всѣмъ отъ тѣхъ воровъ отъѣхаша и пріѣхаша къ Москвѣ». За рязанскими дворянами ушли отъ Болотникова и московскіе стрѣльцы, которые были въ Коломнѣ во время взятія ея рязанцами и тогда передались на имя Димитрія. «И послѣ того (писалъ патріархъ) многіе всякіе люди отъ нихъ воровъ и еретиковъ изъ Коломенскаго и изъ иныхъ мѣстъ прибѣгаютъ». Началось, словомъ, разложеніе возставшихъ массъ на тѣ общественные элементы, изъ которыхъ они сложились. Верхніе слои, увлекаемые соціальнымъ консерватизмомъ, забывали политическую вражду и обращались на помощь московскому правительству. Казачьи и сѣверскія дружины оставались въ прежней позиціи, а служилая мелкота Истомы Пашкова колебалась до послѣдней минуты, не зная куда пристать: къ революціоннымъ ли отрядамъ Болотникова, къ которымъ они приближались по степени экономической необезпеченности, или же къ охранительной средѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, къ которой они обыкновенно причислялись по формѣ землевладѣнія и порядку службы. Истома Пашковъ лишь тогда опредѣлилъ свое положеніе, когда наступила рѣшительная минута борьбы и когда самъ царь Василій 2-го декабря напалъ изъ Москвы на мятежниковъ [107].

Долго собиралось съ силами московское правительство, раньше чѣмъ отважилось на открытый бой съ воровскимъ станомъ. Когда мятежники подошли къ столицѣ, она была лишена гарнизона. Войска князей Воротынскаго и Трубецкого, безславно отступившія отъ Ельца и Кромъ, были распущены или сами разошлись со службы; «ратные люди, отъѣхавъ къ Москвѣ, разъѣхалися по своимъ домомъ», говоритъ о нихъ лѣтопись; «царь же Василій на Москвѣ бысть не съ великими людьми». Нельзя поэтому удивляться, что москвичи испытали панику при видѣ «воровъ». Въ самый день появленія непріятеля подъ стѣнами Москвы, 12-го октября, «нѣкто святый мужъ», не пожелавшій огласить свое имя, видѣлъ чудесное видѣніе: ему свыше было открыто, что москвичамъ грозитъ гибель за ихъ «лукавые нравы», за то, что «нѣсть истины во царѣ же и въ патріарсѣ, ни во всемъ священномъ чину, ни во всемъ народѣ». Невѣдомому мужу велѣно было проповѣдовать москвичамъ покаяніе; онъ обратился къ благовѣщенскому протопопу Терентію, большому любителю витійства, и протопопъ тотчасъ же

облекъ видѣніе въ нарядную литературную форму. Въ такомъ видѣ оно было читано народу въ кремлевскихъ церквахъ; служились просительные молебны и былъ установленъ покаянный постъ почти на цѣлую недѣлю, съ 14-го по 19-е октября. Этотъ случай показываетъ намъ мѣру нравственнаго потрясенія, перенесеннаго Москвою въ виду непонятнаго и страшнаго врага, съ которымъ нечѣмъ было бороться. Одно покаяніе, какъ думали благочестивые люди, спасло городъ отъ Божьяго гнѣва. Простодушный авторъ разсказа о событіяхъ 1606—1607 года именно вышнему милосердію былъ склоненъ приписать сверхъестественное ослѣпленіе мятежниковъ: увидѣвъ всего 200 холмогорскихъ стрѣльцовъ, идущихъ Ярославскою дорогою въ Москву, «воры» оробѣли: «показася имъ сила велика и страшна зѣло, яко тысящь за пять и болѣ». Страхъ «воровъ» возросъ еще больше, когда находившійся у нихъ «Московскаго государства служилый панъ, именемъ Севастьянъ», объяснилъ имъ, что двинскіе стрѣльцы—«великіе ратницы и зѣло смѣлы къ ратному дѣлу», что онъ видѣлъ ихъ «послугу», когда ходилъ съ ними воевать Каяну, и что «аще только ихъ пришло пять тысящъ, то могутъ воевати за пятнадесятъ тысящъ и болѣ». Такъ Господь чудесно показалъ ворамъ «свою страшную невидимую силу», идущую на помощь Москвѣ. Она-то и привела въ разумъ Истому Пашкова: испугавшись разсказовъ пана Севастьяна, онъ билъ челомъ царю Василью и привелъ къ нему своихъ казаковъ. Любопытно, что въ этомъ разсказѣ дѣйствуетъ историческое лицо, панъ Севастіанъ Кобельскій, на самомъ дѣлѣ участвовавшій въ нападеніи на Каяну въ 1591 году. Потрясенные событіями умы, стало быть, не измышляли чудесъ, но они искали объясненія всему происшедшему въ сверхъестественномъ вмѣшательствѣ просто потому, что не дерзали объяснить явленія изъ дѣйствительной ихъ обстановки. Вѣра современниковъ въ исключительно чудесное избавленіе Москвы отъ опасности и гибели даетъ намъ понять всю силу пережитой москвичами паники [108]. Настроеніе города и правительства стало подыматься лишь тогда, когда обнаружилось, что у мятежниковъ не хватаетъ силъ для полной блокады Москвы, и когда стали подходить въ Москву по свободнымъ дорогамъ вспомогательные отряды. Пришли двинскіе стрѣльцы; смоленскій воевода Мих. Бор. Шеинъ прислалъ съ воеводою Г. М. Полтевымъ смоленскихъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ; отъ Волока и Можайска подходили съ окольничимъ Ив. Ѳед. Колычевымъ отряды изъ Вязьмы, Дорогобужа, Серпѣйска и изъ принесшихъ повинную городовъ «Ржевской украйны». Въ то же время отъѣхали отъ воровъ и рязанцы. Въ концѣ ноября москвичи уже нанесли первое крупное пораженіе «ворамъ» у Гонной слободы и стали готовиться къ рѣшительному удару. Царь собралъ на 2-е декабря

всѣхъ, кто могъ взяться за оружіе: «стольниковъ и стряпчихъ и дворянъ и жильцовъ и дьяковъ и подъячихъ и всякихъ служилыхъ людей». Служили торжественный молебенъ у раки царевича Димитрія, всѣхъ ратныхъ людей кропили святою водою и благословляли крестомъ въ Калужскихъ воротахъ, которыми выходили въ поле войска Шуйскаго. Во время боя, происшедшаго 2-го декабря подъ Коломенскимъ, обнаружилось настроеніе Истомы Пашкова. Съ четырьмя или пятью сотнями своихъ воиновъ онъ перешелъ на сторону царя Василія и билъ ему челомъ «за вину свою». Его измѣна рѣшила дѣло: Болотниковъ былъ отброшенъ отъ Москвы. Замѣтимъ, что хотя Пашковъ и добровольно оставилъ воровъ, хотя онъ затѣмъ былъ пожалованъ царемъ и вѣрно ему служилъ, однако ему не прошло даромъ слишкомъ продолжительное колебаніе между двумя лагерями: офиціальныя грамоты Шуйскаго, говоря о побѣдѣ надъ ворами, поставили «Истомку» въ число военноплѣнныхъ воровскихъ атамановъ.

Итакъ, общественный подборъ совершился быстро и рѣшительно. Войсковыя массы мятежниковъ, съ разныхъ сторонъ подходя къ Москвѣ подъ знаменами царя Димитрія, представляли собою различные корпуса московскихъ войскъ, которые имѣли въ своихъ частяхъ обычную организацію или дворянскаго «города», или стрѣлецкой «сотни», или казачьяго «прибора». Эти корпуса привычнымъ порядкомъ слились въ одну армію, чтобы дѣйствовать противъ общаго врага. Но подъ давленіемъ соціальной розни и вражды эта армія распалась на сословные слои, изъ которыхъ была сложена, и каждый изъ такихъ слоевъ болѣе или менѣе сознательно и ясно опредѣлилъ свое дальнѣйшее поведеніе по соображеніямъ сословнаго интереса или личной выгоды. Высшіе слои рѣшительно примкнули къ правительству, несмотря на его боярскую, имъ несимпатичную окраску. Ихъ примиреніе съ царемъ Василіемъ было такъ полно, что ихъ вождю, заводчику дворянскаго мятежа, Пр. Ляпунову въ Москвѣ было даже сказано думное дворянство, и онъ вмѣстѣ съ Гр. Ѳед. Сумбуловымъ сталъ государевымъ воеводою на Рязани. Средніе слои воинской массы, мелкопомѣстные дѣти боярскіе, съ меньшею рѣшимостью отстали отъ «воровъ», такъ какъ имъ были понятнѣе мотивы, двигавшіе оппозиціонною казачьею и холопьею массою Болотникова. Самъ же Болотниковъ, несмотря на пораженіе подъ Коломенскимъ, не добилъ царю челомъ и не принесъ ему своей вины. Онъ упорно продолжалъ войну противъ Москвы и всего московскаго строя. Московское государство, такимъ образомъ, вступило въ тяжелый періодъ открытаго междоусобія, въ которомъ другъ на друга встали уже не претенденты на тронъ, а различныя части единаго общества, поставленныя одна противъ другой всѣмъ предшествующимъ ходомъ государственной жизни. Если вспомнимъ

особенности московскаго общественнаго быта передъ Смутою, то скажемъ, что въ междоусобіи 1606—1607 годовъ впервые получила открытый характеръ давнишняя вражда за землю и личную свободу между классомъ служилыхъ землевладѣльцевъ, которому правительство систематически передавало землю и крѣпило трудовое населеніе, и съ другой стороны — работными людьми, которые не умѣли отстаивать другими средствами, кромѣ побѣга и насилія, своей закабаленной личности и «обояренной» пашни. Эта вражда была вызвана наружу и осложнена политическими затрудненіями, постигшими государство, и поэтому она не проявилась въ чистой формѣ, а приняла видъ сложной борьбы реакціоннаго правительства, представлявшаго собою дѣйствующій порядокъ вообще, съ приверженцами царя Димитрія, требовавшими не только возстановленія правъ сверженнаго царя, но и коренныхъ общественныхъ перемѣнъ. Мотивы политическіе перемѣшивались пока съ соціальными, прикрывая ихъ не только отъ позднѣйшаго наблюденія, но даже и отъ разумѣнія современниковъ, мучительно переживавшихъ не вполнѣ понятныя общественныя потрясенія [109].

IV.

Нѣтъ нужды вдаваться въ подробности военныхъ операцій 1607 года для того, чтобы выяснить характеръ дальнѣйшихъ событій, происшедшихъ вслѣдъ за пораженіемъ Болотникова подъ Москвою. Послѣ того, какъ Пашковъ вѣроломно покинулъ своего союзника и, «узнавъ свое согрѣшеніе, со всѣми дворяны и съ дѣтьми боярскими отъѣхалъ ко царю Василью», подъ знаменами Димитрія осталась однородная, вполнѣ опредѣленная среда, которую на тогдашнемъ языкѣ прозвали «ворами», то-есть злоумышленниками. Это были «боярскіе люди и казаки». Подъ первыми лѣтопись разумѣетъ всѣхъ тѣхъ, которые сбѣжали изъ частныхъ господскихъ хозяйствъ «ново», то-есть недавно, и еще не успѣли стать казаками; а подъ вторыми—тѣхъ воинскихъ людей, которые пользовались независимою отъ правительства боевою организаціею и, составляя правильные военные отряды, дѣйствовали подъ предводительствомъ излюбленныхъ вождей. Послѣ несчастнаго для «воровъ» боя 2-го декабря ихъ постигло страшное избіеніе. Многіе изъ нихъ, съ атаманомъ Митькою Беззубцевымъ, отдались въ плѣнъ. Самъ Болотниковъ съ главными силами ушелъ по той дорогѣ, по которой пришелъ подъ Москву, и засѣлъ въ Калугѣ, «а съ нимъ сѣло въ Калугѣ всякихъ людей огненнаго бою больше десяти тысячь». Отдѣльные отряды ушли отъ Москвы по другимъ дорогамъ и заняли много городовъ по украйнамъ, между прочимъ захватили и Тулу.

Москва освободилась и торжествовала. Но положеніе все-таки

было очень серьезно. Нѣсколько областей государства было во власти «воровъ»: они занимали города Заоцкіе, Украинные, часть Рязанскихъ, часть Понизовыхъ. Астрахань была въ бунтѣ. На Сѣверской украйнѣ сбирались казаки съ царевичемъ Петромъ. Вся южная половина государства, кромѣ Смоленскихъ и отчасти Рязанскихъ мѣстъ, отказывалась повиноваться Москвѣ. Предстояла междоусобная война, для которой Шуйскій принялся искать средствъ и людей въ сѣверныхъ городахъ и волостяхъ Замосковья и Поморья. Было ясно, что главнымъ мѣстомъ военныхъ операцій должна быть Калуга, гдѣ укрѣпились главныя силы «воровъ». Туда Шуйскій «по зимнему по первому пути» и направилъ свою рать подъ начальствомъ большихъ бояръ, кн. Ѳ. И. Мстиславскаго, Ив. Ив. Шуйскаго и иныхъ. Другіе отряды были посланы на мордву подъ Арзамасъ, на Рязань и Украйну подъ Михайловъ и Веневъ, а также въ обходъ Калуги подъ Козельскъ для того, чтобы отнять у Болотникова сообщеніе съ Сѣверою и съ югомъ. Особому войску съ Ѳ. И. Шереметевымъ во главѣ было поручено усмирять далекую Астрахань. Энергія Шуйскаго, однако, не скоро привела къ торжеству. Осада Калуги затянулась; Болотниковъ умѣлъ воодушевить свою рать, и она держалась съ рѣдкимъ мужествомъ, несмотря на то, что «въ осадѣ въ Калугѣ былъ голодъ великой, ѣли лошадей». Задержанные всю зиму подъ Калугой, воеводы Шуйскаго не успѣли очистить отъ «воровъ» другихъ южныхъ городовъ и тѣмъ дали возможность подойти на театръ военныхъ дѣйствій новому казачьему войску. Въ Тулу весною 1607 года пришелъ извѣстный намъ самозванный царевичъ Петръ Ѳедоровичъ и съ нимъ путивльскій воевода, всей крови заводчикъ, кн. Гр. П. Шаховской. Первый изъ нихъ привелъ казаковъ съ Терека, Волги, Дона и Донца; второй—сѣверскіе отряды и казаковъ съ Сейма и Днѣпра. Численность ихъ войска превышала тридцать тысячъ человѣкъ. Изъ Тулы они послали сильный отрядъ кн. А. Телятевскаго подъ Калугу на выручку Болотникова. Телятевскій разбилъ «въ селѣ на Пчельнѣ» воеводъ Шуйскаго и заставилъ Мстиславскаго снять осаду Калуги. Московскія войска отошли къ Серпухову, а Болотниковъ перешелъ въ Тулу. Первый актъ борьбы такимъ образомъ затянулся на полгода и окончился далеко не въ пользу Шуйскаго. Зимнія кампаніи въ то время чрезвычайно истощали войска, не имѣвшія правильнаго хозяйства; по этой причинѣ, всего вѣроятнѣе, московскіе воеводы не могли достигнуть никакого успѣха надъ «ворами» [110].

За то къ лѣтней кампаніи 1607 года Шуйскій успѣлъ хорошо подготовиться. Въ помощь служилымъ людямъ, московскимъ и городовымъ, была собрана значительная «посоха» (съ сохи по шести человѣкъ) въ сѣверныхъ уѣздахъ и волостяхъ, и были вызваны отряды инородцевъ «съ Казанскаго царства». Царь 21-го мая самъ

выступилъ изъ Москвы къ Тулѣ и велъ войска двумя дорогами: на Серпуховъ и на Каширу. Около Серпухова сошелся Шуйскій съ отступившимъ отъ Калуги корпусомъ Ѳ. И. Мстиславскаго и И. И. Шуйскаго, и здѣсь на время была устроена главная квартира московской арміи. Восточнѣе въ Каширѣ расположились войска кн. Андрея Вас. Голицына и къ нимъ подошли рязанскіе отряды кн. Б. М. Лыкова, въ томъ числѣ и отрядъ Пр. Ляпунова. На это-то лѣвое крыло московскихъ войскъ направились изъ Тулы «воры» въ числѣ 30 тысячъ, подъ начальствомъ кн. А. Телятевскаго. На рѣчкѣ Восмѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Каширы, произошелъ 5-го іюня рѣшительный бой. Телятевскій былъ разбитъ, бѣжалъ въ Тулу, а за нимъ къ Тулѣ явились и воеводы царя Василія. Послѣ второй счастливой для Шуйскаго битвы подъ самой Тулою, Тула была окружена царскими войсками, и всѣ «воры» съ Шаховскимъ, Болотниковымъ и царевичемъ Петромъ попали въ осаду. Достигнувъ такого быстраго и важнаго успѣха, Шуйскій спѣшилъ имъ воспользоваться. Его отряды приводили въ повиновеніе ему отдѣльные города и производили жестокія экзекуціи въ возставшихъ мѣстностяхъ: «и по повелѣнію царя Василья татаромъ и черемисѣ велѣно Украинныхъ и Сѣверскихъ городовъ и уѣздовъ всякихъ людей воевать и въ полонъ имать и животъ ихъ грабить за ихъ измѣну и за воровство, что они воровали, противъ Московскаго государства стояли и царя Василія людей побивали». Цѣлая треть государственной территоріи отдана была на окончательное разореніе и узаконенный грабежъ. Для того, чтобы сохранить свое добро отъ государевыхъ людей, надобно было выпрашивать у царя особую охранную грамоту. Въ такой грамотѣ отъ царя объявлялось «дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ, и татарамъ, и стрѣльцамъ и казакамъ и всякимъ ратнымъ людямъ», что царь пожаловалъ такого-то вѣрнаго ему помѣщика: «помѣстья его воевать, и людей и крестьянъ бити и грабити, и животины имати, и хлѣба травити и толочити, и никакого насильства чинити, и кормовъ сильно имати не велѣли; а велѣли есмя кормы покупати по цѣнѣ». Надо замѣтить, что это было не единственное проявленіе московской жестокости къ ненавистнымъ для боярскаго правительства «ворамъ». Воеводы царя Василія и онъ самъ, не задумываясь, осуждали на казнь сразу тысячи военноплѣнныхъ. Еще тогда, когда, отбивъ Болотникова отъ Москвы, нахватали у него столько плѣнныхъ, что для нихъ не достало ни тюремъ, ни другихъ помѣщеній, царь Василій распорядился «посадить въ воду», то-есть утопить всѣхъ тѣхъ «воровъ», кои поиманы на бою». Ихъ топили не въ одной Москвѣ: также «въ Новѣгородѣ въ Волховъ потопили, бьючи палицами», цѣлыя сотни сосланныхъ туда плѣнныхъ. Послѣ упорнаго боя на Восмѣ, принудивъ сдаться около 1.700 казаковъ, засѣвшихъ на

полѣ битвы въ бояракѣ, бояре и воеводы «тѣхъ назавтрее всѣхъ казнили»; оставлено было въ живыхъ по одному извѣстію семь, по другому только три человѣка. Нельзя поэтому удивляться стойкости и отчаянному мужеству «воровъ»: не ожидая себѣ пощады, «тѣ злодѣи воры упрямилися, что имъ померетъ, а не сдаться». Они, въ случаѣ пораженія, садились на пороховыя бочки и зажигали ихъ подъ собою; сидя въ осадѣ, выдерживали великую нужду; получая обѣщаніе пощады, не вѣрили ему и «билися на смерть, стрѣляя изъ ружья до тѣхъ мѣстъ, что у нихъ зелья не стало» [111]. Мудрено ли, что Тула, обладая вообще прекрасными средствами для обороны, такъ долго держалась противъ царскихъ войскъ? Въ ней сидѣло съ опытными вождями около 20.000 человѣкъ, воодушевленныхъ смертною враждою, и царь Василій, начавъ осаду Тулы въ іюнѣ, только къ октябрю овладѣлъ этою крѣпостью. И то успѣхъ его въ этомъ дѣлѣ приписывали «хитрости» очень молодого муромскаго сына боярскаго Ивана Сумина Кровкова. Кровковъ догадался устроить плотину на р. Упѣ такъ, чтобы затопить всю Тулу, и объ этомъ «въ государевѣ разрядѣ дьякомъ подалъ челобитную», увѣряя, что «рѣку Упу запрудитъ, и вода де будетъ въ острогѣ и въ городѣ, и дворы потопитъ, и людемъ будетъ нужда великая, и сидѣти имъ во осадѣ не умѣть». Замыселъ удался: «вода стала большая, и въ острогъ и въ городъ вошла и многія мѣста во дворѣхъ потопила, и людемъ отъ воды учала быти нужа большая, а хлѣбъ и соль у нихъ въ осадѣ былъ дорогъ, да и не стало (хлѣба)». Изъ Тулы начали переметываться въ лагерь Шуйскаго цѣлыми сотнями. Дня за два или за три до Покрова завязались переговоры о сдачѣ крѣпости; 10-го октября она сдалась окончательно, а черезъ десять дней, 20-го октября, въ Москву торжественно, при множествѣ зрителей, привезли царскихъ плѣнниковъ, царевича Петра Өеодоровича и воеводу Ивана Болотникова. «Тульскіе сидѣльцы» выдали Шуйскому какъ этихъ лицъ, такъ и Гр. Шаховского съ А. Телятевскимъ, сами же были приведены ко кресту «за царя Василья» [112].

Съ паденіемъ Тулы и плѣномъ вождей и руководителей мятежа исчезла для побѣжденныхъ «воровъ» всякая надежда осуществить желаемый ими переворотъ. Война ими была проиграна; главное войско плѣнено, остальные отряды были разбросаны и дѣйствовали безо всякой взаимной связи. Шуйскому предстояло опредѣлить судьбу захваченной въ Тулѣ «воровской» арміи и затѣмъ принять мѣры къ усмиренію непокорныхъ городовъ. Въ то время существовало мнѣніе, что Шуйскій былъ милостивъ къ «тульскимъ сидѣльцамъ»: показалъ имъ «беззлобивое пастырство своего благочестія», даровалъ имъ жизнь и отпустилъ «во-свояси», надѣясь ихъ «смиреніемъ управити и въ разумъ истинный привести». Однако,

лишь невозможность кормить всю массу «воровъ» на счетъ правительства—въ качествѣ ли плѣнныхъ узниковъ, или въ качествѣ только что присягнувшихъ на вѣрную службу ратныхъ людей—заставила Шуйскаго освободить изъ осады и распустить мятежныя толпы «во-свояси». Наиболѣе опасныхъ и, съ московской точки зрѣнія, вредныхъ «воровъ» Шуйскій не задумался казнить смертью, несмотря на свое «беззлобивое пастырство». Самозванецъ Петръ былъ повѣшенъ; Болотниковъ и многіе атаманы исчезли безъ слѣда; другихъ «воровъ» попроще неутомимо «сажали въ воду». «Эта казнь (писалъ И. Масса по поводу событій начала 1608 года), столь ужасная, что ея нельзя представить себѣ, совершалась въ Москвѣ уже два года сряду и все еще не прекращалась». Разумѣется, не всѣхъ взятыхъ на бояхъ плѣнныхъ Шуйскій могъ осудить на казнь. Тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ отыскивались прежніе господа, отдавали «старымъ ихъ боярамъ» въ холопство «по крѣпостямъ». Сверхъ того, вообще дозволено было «языковъ», то-есть военноплѣнныхъ, взятыхъ «на дѣлѣ», брать изъ тюремъ на поруки. Этимъ широко воспользовались «дворяне и дѣти боярскіе разныхъ многихъ городовъ»: «имали они изъ тюремъ себѣ на поруки измѣнничьихъ людей на Москвѣ, и въ Серпуховѣ, и подъ Тулою и въ иныхъ городѣхъ, и надѣляли (одеждою и пищею); а взявъ изъ тюрьмы на поруку, да имали на нихъ на свое имя служилыя кабалы». Такимъ образомъ, возставшіе на крѣпостной порядокъ «воры» снова становились его жертвами и попадали въ рабство, отъ котораго только что освободились, сбѣжавъ «въ воровство». Лучшая сравнительно доля ожидала тѣхъ «воровъ», которые сами добили челомъ царю Василью и выдали ему своихъ военачальниковъ. Этихъ «тульскихъ сидѣльцевъ привели ко крестному цѣлованью за царя Василья» и затѣмъ оставили на свободѣ, потому что «они сами принесли вину свою». Тѣ изъ нихъ, которые раньше служили правительству въ Сѣверскихъ, Польскихъ и Украинныхъ городахъ, и тѣ, которые «жили на Полѣ» въ вольныхъ казакахъ, должны были, конечно, идти по своимъ городамъ и мѣстамъ, «на старыя печища» и на «польскіе юрты». Съ ними могли уходить и тѣ владѣльческіе люди, крестьяне и холопы, за которыхъ никто «не имался въ холопствѣ». Не возвращались въ частную зависимость и холопи, вышедшіе въ казачьи войска по отпускнымъ изъ холопства: въ виду того, что они добровольно сдались побѣдителю, бояре приговорили «тѣхъ старымъ ихъ боярамъ не отдавати». Вся эта масса голоднаго и бездомовнаго люда потянулась отъ Оки и Упы на южную украйну и, разумѣется, тамъ образовала собою самый удобный контингентъ для новыхъ возстаній. Одно современное Смутѣ сказаніе очень изобразительно говоритъ объ этихъ людяхъ, что они, прибѣжавъ отъ Тулы «во-свояси», снова составили рать и снова воз-

двигли брань больше первой и вмѣсто тишины дохнули бурю, воздымавшуюся до облакъ и грозившую многомятежными дождями, не водными, а кровавыми.

Причины этой кровавой бури понятны. Южные города и уѣзды, разоренные Смутою и утратившіе порядокъ, не могли устроить и обезпечить возвращавшійся съ войны народъ. А царь Василій не спѣшилъ занять своими войсками Сѣверу и подчинить силою не покорившіеся ему вмѣстѣ съ Тулою южные города. Отмѣтивъ, что «Сѣверскіе городы въ тѣ поры были въ измѣнѣ, въ воровствѣ», современникъ съ очевиднымъ сожалѣніемъ говоритъ, что «царь Василій Ивановичъ подъ тѣ городы, подъ Путивль и подъ Бренескъ и подъ Стародубъ, не послалъ, пожалѣвъ ратныхъ людей, чтобъ ратные люди поопочинули и въ домѣхъ своихъ побыли». Въ преждевременномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій дѣйствительно заключалась большая ошибка правительства Шуйскаго. Объясняется она не только утомленіемъ войска и малою способностью его къ зимнимъ кампаніямъ, но и ложными представленіями Шуйскаго о положеніи дѣлъ въ Сѣверскомъ краѣ. Царь Василій, очевидно, считалъ Сѣверу достаточно усмиренною и разоренною его экзекуціями. Происходившему тамъ новому скопленію ратныхъ людей вокругъ второго самозванца онъ не придавалъ надлежащаго значенія, «воровство» отдѣльныхъ городовъ не признавалъ важнымъ. Особенно ясно сказался такой ошибочный оптимизмъ въ сношеніяхъ правительства Шуйскаго съ шведскимъ королемъ Карломъ IX. Послѣдній не одинъ разъ, начиная съ лѣта 1606 года, предлагалъ Шуйскому помощь противъ враговъ, разумѣется, преслѣдуя при этомъ свои собственныя цѣли. На любезныя предложенія шведовъ корѣльскому воеводѣ Масальскому велѣно было, весною 1607 года, отвѣчать: «что пишете о помощи, и я даю вамъ знать, что великому государю нашему помощи никакой ни отъ кого не надобно, противъ всѣхъ своихъ недруговъ стоять можетъ безъ васъ и просить помощи ни у кого не станетъ, кромѣ Бога». Позднѣе, заперевъ Болотникова въ Тулѣ, Шуйскій съ его боярами сочли возможнымъ даже совсѣмъ отрицать передъ шведами происходившее междоусобіе, говоря, что воровъ «разстригиныхъ совѣтниковъ» уже побили «и въ нашихъ великихъ государствахъ смуты нѣтъ никакой», а потому и нѣтъ нужды ни въ какой помощи; «а хотя который пограничный государь и помыслитъ какую недружбу начать, то это намъ не страшно, помощи мы просимъ отъ единаго всемогущаго Бога». Такою самоувѣренною рѣчью и распущеніемъ войскъ на зимнія квартиры въ виду второго самозванца Шуйскій показывалъ, что считалъ борьбу съ «ворами» оконченною. Событія скоро показали ему, какъ жестоко онъ ошибся [113].

За то въ борьбѣ съ Петрушкою и Болотниковымъ царь Василій

пришелъ къ безошибочному опредѣленію характера того движенія, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло. Въ первое время своего правленія онъ страшился не массовыхъ возстаній общественнаго характера, а только повторенія самозванческой интриги. Онъ старался уничтожить всякую возможность воскрешенія Димитрія и даже, сверхъ обычныхъ политическихъ средствъ борьбы, охотно прибѣгалъ къ исключительнымъ мѣрамъ религіозно-нравственнаго порядка. Всячески увѣщая народъ придти въ «истинный разумъ», онъ показалъ народу мощи истиннаго царевича, устроилъ затѣмъ всемірный покаянный постъ послѣ извѣстнаго уже намъ откровенія протопопа Терентія о страшномъ видѣніи «святаго мужа»; наконецъ, придумалъ торжественную церемонію разрѣшенія и прощенія народныхъ клятвъ и клятвопреступленій. Послѣдняя церемонія происходила въ февралѣ 1607 года, въ то время, когда подъ Калугою приверженцы Димитрія оказали неожиданно стойкое сопротивленіе войскамъ Шуйскаго. Въ Москву «для его государева и земскаго великаго дѣла» царь Василій вызвалъ изъ Старицы бывшаго патріарха Іова. Ветхій старикъ, ослѣпшій и одряхлѣвшій, за нѣсколько дней до своей кончины былъ привезенъ въ столицу затѣмъ, чтобы выслушать отъ москвичей слова раскаянія въ томъ безчестьѣ, какое они нанесли патріарху въ дни его сверженія съ престола, и съ своей стороны подать бывшей паствѣ пастырское благословеніе и прощеніе. Торжество было хорошо задумано и могло произвести большое впечатлѣніе на зрителей. Въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи двора и городской толпы, патріархи Іовъ и Гермогенъ слушали длинное челобитье отъ имени всѣхъ московскихъ людей: въ немъ сначала были исчислены всѣ тяжкія, но непрочныя клятвы прежнимъ царямъ, Годуновымъ и Самозванцу, и всѣ нарушенія этихъ клятвъ, совершенныя Москвою; а затѣмъ шли просьбы о прощеніи и обѣты благоразумія и вѣрности въ будущемъ. Въ отвѣтъ на челобитье патріархи велѣли читать заранѣе составленную «прощальную и разрѣшительную грамоту» и въ ней прощали и разрѣшали московскій народъ «въ тѣхъ во всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ клятвахъ и въ преступленіи крестнаго цѣлованія». Въ концѣ церемоніи патріархъ Іовъ въ живой бесѣдѣ съ народомъ убѣждалъ его впередъ быть вѣрнымъ данной разъ клятвѣ, иначе говоря, держаться царствующаго царя Василія. Любопытно, что въ «статейномъ спискѣ», заключающемъ описаніе церемоніи, современное ей возстаніе Болотникова характеризуется, какъ движеніе за Димитрія: его соціальные мотивы оставлены въ тѣни. Между тѣмъ въ то самое время походъ на Оку «вора Петрушки» и упорная борьба съ Москвою калужскихъ и тульскихъ «сидѣльцевъ» въ отсутствіи всякаго Димитрія окончательно убѣждали Шуйскаго, что дѣло не въ Димитріѣ, что династическій мотивъ движенія смѣ-

нился соціальнымъ и что поэтому не слѣдуетъ тратить свои силы на одну пока безплодную борьбу съ призракомъ ложнаго Димитрія, а слѣдуетъ бороться съ революціонными элементами общества и дѣйствовать на условія общественной жизни, порождавшія и поддерживавшія Смуту. Первые признаки перелома въ настроеніи Шуйскаго, можно сказать, современны съ только что описанною церемоніею разрѣшенія клятвъ. Мысль объ этомъ разрѣшеніи возникла въ концѣ января или въ первые дни февраля 1607 года: весь февраль ушелъ на подготовку и выполненіе задуманной церемоніи; а уже съ марта того же 1607 года начинаются указы Шуйскаго о крестьянахъ и холопахъ, цѣлью которыхъ было упорядоченіе отношеній зависимыхъ людей къ ихъ «государямъ» и московскому правительству.

Первымъ указомъ 7-го марта запрещалось, вопреки закону 1597 года, «въ неволю давати» тѣхъ «добровольныхъ холопей», которые сами не захотятъ выдать на себя служилую кабалу. Справедливо замѣчаютъ объ этомъ законѣ, что онъ «вовсе не означаетъ того, что законодательство начало снисходительнѣе смотрѣть на договоръ личнаго найма: напротивъ, онъ усиливаетъ строгость этого взгляда». Тенденція указа совершенно ясна: онъ былъ направленъ противъ обычая держать «вольныхъ холоповъ» безъ явки ихъ правительству и безъ формальнаго укрѣпленія. Мы знаемъ, что и раньше, при Борисѣ, шла борьба съ этимъ обычаемъ, скрывавшимъ въ частныхъ дворахъ отъ глазъ правительства великое множество гулящаго люда. Съ 1597 года каждаго, кто прослужилъ въ чужомъ дворѣ не менѣе полугода, законъ обращалъ въ кабальнаго холопа, даже и въ томъ случаѣ, если онъ «кабалы на себя дати не похочетъ». Его господину изъ Холопьяго приказа обязаны были выдать на такого слугу служилую кабалу, если «сыщутъ, что тотъ добровольный холопъ у того человѣка служилъ съ полгода». Въ мартѣ 1607 года царь Василій отмѣнилъ этотъ сыскъ. На основаніи правила, преподаннаго рабовладѣльцамъ: «не держи холопа безъ кабалы ни одного дни; а держалъ безкабально и кормилъ, и то у себя самъ потерялъ», царь Василій приказалъ спрашивать у добровольныхъ холоповъ, на которыхъ «учнутъ государи ихъ бити челомъ о кабалахъ», лишь о томъ, желаютъ ли они сами дать на себя кабалу. Если холопы заявятъ, что кабалъ дать на себя не желаютъ, то по царскому указу одного этого было достаточно, чтобы отказать въ искѣ ихъ господамъ. Возлагая на рискъ рабовладѣльцевъ всѣ послѣдствія, вытекавшія изъ неоформленной сдѣлки съ ихъ добровольными слугами, царь Василій надѣялся вѣрнѣе достигнуть цѣли: прекратить неудобный для правительства обычай. Однако дальнѣйшая правительственная практика показала ему неудобство и вновь установленнаго порядка, и царь сталъ сомнѣваться въ его пользѣ. Выясни-

лось, что вмѣсто требуемыхъ правительствомъ служилыхъ кабалъ «люди всякихъ чиновъ» стали «приносить къ запискѣ» въ Холопій приказъ особыя «записи на вольныхъ людей, что тѣмъ вольнымъ всякимъ людемъ у тѣхъ людей служити по тѣмъ записямъ до своего живота». Жилыя или житейскія записи, которыми скрѣплялся договоръ личнаго найма, должны были быть срочными, писались «на урочныя лѣта» и не влекли за собою холопства нанятаго работника. Появленіе записей безсрочныхъ «до живота» было необычно въ практикѣ Холопьяго приказа и указывало на то, что, взамѣнъ воспрещеннаго обычая держать слугъ безъ кабалъ, стали вводить обычай нанимать людей безъ срока. Нетрудно было догадаться, что подобный безсрочный наемъ былъ въ сущности уловкою, закрывавшею отъ глазъ правительства «добровольное холопство». Указомъ 9-го марта 1608 года царь Василій запретилъ принимать такія записи и «въ холопьи записныя книги записывати не велѣлъ». Но, очевидно, борьба съ крѣпкимъ обычаемъ владѣльческой практики стала казаться царю непосильною и онъ понялъ, что для добровольнаго холопства было слишкомъ много благопріятныхъ условій въ хозяйствахъ, бѣдныхъ рабочими силами и потому не имѣвшихъ возможности формально кабалить каждаго перехожаго рабочаго. И вотъ, вопреки принятой имъ 7-го марта 1607 года мѣрѣ, царь лично указалъ, 21-го мая 1609 года, «отдавать старымъ государямъ» тѣхъ безкабальныхъ холоповъ, которые жили у владѣльцевъ не менѣе пяти лѣтъ, хотя бы такіе холопы и отказались выдать на себя кабалы добровольно. Распоряженіе это царь сдѣлалъ временно и условно—«до своего государева указу, а о томъ рекся государь говорить съ бояры». Можно думать, что царь Василій сдержалъ это свое обѣщаніе и внесъ свои сомнѣнія по вопросу о срокѣ безкабальной службы въ боярскую думу: въ томъ же году, 12-го сентября, состоялся боярскій приговоръ, который отмѣнилъ указъ 7-го марта 1607 года и возстановилъ дѣйствіе закона 1597 года о шестимѣсячномъ срокѣ добровольной службы [114].

Всего на два дня позднѣе перваго распоряженія о холопахъ, именно 9-го марта 1607 года, царь Василій въ торжественномъ засѣданіи освященнаго собора съ боярской думою разсмотрѣлъ вопросъ о владѣльческихъ крестьянахъ и холопахъ. Собраніе слушало докладъ, внесенный изъ Помѣстной избы, и по поводу доклада составило о дѣлѣ свой приговоръ—«соборное уложеніе». Къ сожалѣнію, текстъ этого важнаго уложенія сохранился въ испорченномъ видѣ. Вѣроятно, это произошло потому, что подлинный приговоръ собора, записанный, по обычаю, въ книгу того приказа, отъ котораго шелъ докладъ (въ данномъ случаѣ Помѣстнаго), сгорѣлъ вмѣстѣ со всею книгою въ знаменитый «московскій пожаръ 34 года», и послѣ пожара въ 1626 году не могъ быть официально воз-

становленъ. Уцѣлѣла только изданная Татищевымъ въ его Судебникѣ частная копія, или даже простой пересказъ «уложенія». Недостатки уцѣлѣвшей редакціи, полученной Татищевымъ отъ казанскаго губернатора князя С. Дм. Голицына, заставили многихъ усомниться даже въ томъ, что существовалъ и самый законъ 9-го марта 1607 года. Можно однако думать, что Голицынскій текстъ передаетъ,—можетъ быть, и съ большими погрѣшностями,—дѣйствительно состоявшееся узаконеніе. Въ этомъ насъ убѣждаетъ полное соотвѣтствіе уложенія 1607 года обстоятельствамъ той минуты, къ которой оно пріурочено.

Подобно тому, какъ царь Василій 7-го марта во своемъ указѣ высказалъ правило: «не держи холопа безъ кабалы ни одного дни», такъ «соборное уложеніе» 9-го марта относительно крестьянъ высказываетъ правило: «не принимай чужого». Оно устанавливаетъ твердо начало крестьянской крѣпости: крестьянинъ крѣпокъ тому, за кѣмъ онъ записанъ въ писцовой книгѣ: крестьянскій «выходъ» впредь вовсе запрещается, и тотъ, кто принялъ чужого крестьянина, платитъ не только убытки прежнему владѣльцу вышедшаго, но и высокій штрафъ, именно десять рублей, «на царя-государя за то, что принялъ противъ уложенія». Опредѣливъ такимъ образомъ крестьянское прикрѣпленіе, соборное уложеніе переходитъ къ вопросу о бѣглыхъ владѣльческихъ людяхъ, крестьянахъ и холопяхъ одинаково. Оно устанавливаетъ 15-тилѣтній срокъ давности для исковъ о бѣглыхъ и превращаетъ крестьянскіе и холопьи побѣги, по выраженію В. О. Ключевскаго, «изъ гражданскихъ правонарушеній, преслѣдуемыхъ по частному почину потерпѣвшихъ, въ вопросъ государственнаго порядка». Уѣздная администрація обязана была сама разыскивать и возвращать бѣглыхъ владѣльческихъ людей: управители государевыхъ дворцовыхъ и черныхъ, а также и церковныхъ селъ и волостей лично отвѣчали за пріемъ бѣглыхъ въ ихъ села и волости а населеніе волостное, и посадское платило убытки «за пожилое» владѣльцамъ бѣглыхъ людей [115].

Сопоставленіе приведенныхъ законовъ о холопахъ и крестьянахъ ведетъ неизбѣжно къ тому заключенію, что царь Василій понималъ общественное значеніе бунта во имя царя Димитрія и видѣлъ ясно его соціальную подкладку. Возставая противъ добровольнаго холопства, запрещая крестьянскій выходъ, назначая наказаніе за пріемъ бѣглыхъ владѣльческихъ людей, царь Василій желалъ укрѣпить на мѣстѣ и подвергнуть регистраціи и надзору тотъ общественный слой, который производилъ смуту и искалъ перемѣнъ. Изданіемъ подобныхъ законовъ правительство признавало, что государство находится въ состояніи гражданской смуты; но въ то же время, стремясь только къ простой репрессіи и къ болѣе прочному закрѣпощенію недвольныхъ массъ, это правительство обна-

руживало слишкомъ консервативное настроеніе. Побѣдивъ Болотникова и прогнавъ отъ Москвы его войска, Шуйскій думалъ, что врагъ потерялъ свою силу. Сопротивленіе «воровъ» въ Калугѣ и Тулѣ не могло уничтожить такого убѣжденія, но лишь на время его поколебало. Взятіе Тулы Шуйскій праздновалъ какъ окончательное торжество надъ врагомъ и не считалъ нужнымъ дѣлать побѣжденнымъ какихъ бы то ни было уступокъ. Крѣпостной порядокъ не только оставался въ прежней силѣ, но получалъ въ законѣ еще большую опредѣленность и непреложность.

Такимъ образомъ смута, превратясь въ соціальное междоусобіе, на первый разъ привела къ пораженію возставшихъ на старый порядокъ и къ торжеству московскаго правительства. Въ лицѣ послѣдняго побѣждала политическая реакція, руководимая княжатами, и общественный консерватизмъ, представляемый землевладѣльческими группами населенія.

V.

Къ августу 1607 года, въ то время, когда царь Василій осаждалъ Тулу, въ Стародубѣ-Сѣверскомъ объявилъ себя царемъ Димитріемъ второй самозванецъ, тотъ самый, которому русскіе люди XVII вѣка присвоили мѣткое прозвище Вора. Была очень большая разница между этимъ Воромъ и прежнимъ Самозванцемъ, прозваннымъ Разстригою. Разстрига, выпущенный на московскій рубежъ изъ королевскаго дворца и панскихъ замковъ, имѣлъ видъ серьезнаго и искренняго претендента на престолъ. Онъ умѣлъ воодушевить своимъ дѣломъ воинскія массы, умѣлъ подчинить ихъ своимъ приказаніямъ и обуздать дисциплиною, насколько это допускали общія условія мѣста и времени; онъ былъ дѣйствительнымъ руководителемъ поднятаго имъ движенія. Воръ же вышелъ на свое дѣло изъ Пропойской тюрьмы и объявилъ себя царемъ на Стародубской площади подъ страхомъ побоевъ и пытки. Не онъ руководилъ толпами своихъ сторонниковъ и подданныхъ, а напротивъ, онѣ его влекли за собою въ своемъ стихійномъ броженіи, мотивомъ котораго былъ не интересъ претендента, а собственные интересы его отрядовъ. При Разстригѣ войско служило династическому дѣлу, а Воръ, наоборотъ, своими династическими претензіями сталъ служить самымъ разнороднымъ вожделѣніямъ окружавшей его рати. Свое названіе Вора онъ и снискалъ именно потому, что всѣ части его войска одинаково отличались, по московской оцѣнкѣ, «воровскими» свойствами. Наконецъ, какъ ни много былъ обязанъ Разстрига польской поддержкѣ, все-таки его военный успѣхъ былъ достигнутъ не польско-литовскими силами, а усердіемъ къ нему украиннаго населенія московскаго юга. Воръ же во время своего

похода къ Москвѣ и пребыванія въ Тушинѣ зависѣлъ отъ польско-литовскихъ вождей и ихъ дружинъ. Поэтому московскіе люди часто отзывались о немъ, какъ объ эмиссарѣ короля Сигизмунда, а войску его давали общее имя «литвы» или «поляковъ». Даже въ официальныхъ актахъ, напримѣръ, въ перемирномъ съ Польшею договорѣ 1608 года, дѣло представлялось такъ, что того Вора «водятъ съ собою» по Московскому государству «королевскіе люди князь Р. Ружинской да князь А. Вишневецкой съ товарыщи, называючи его прежнимъ именемъ, какъ убитый Разстрига назывался, царевичемъ Дмитреемъ Ивановичемъ»[116].

Дѣйствительно, Воръ получилъ помощь изъ-за литовско-польскаго рубежа очень скоро послѣ того, какъ объявилъ себя царемъ. Если слѣдовать хронологіи, предлагаемой въ «Исторіи ложнаго Димитрія», то можно сказать, что Воръ пришелъ въ Стародубъ около 12-го іюня 1607 года («въ десятую пятницу послѣ православной Пасхи»), черезъ мѣсяцъ послѣ того принялъ имя Димитрія, а уже 2-го сентября новаго стиля у него были ратные люди, вышедшіе изъ Рѣчи Посполитой искать въ Московіи военнаго счастья и добычи. Политическій кризисъ, переживаемый въ тѣ годы Рѣчью Посполитою, какъ нельзя болѣе способствовалъ такой военной эмиграціи. Личная политика Сигизмунда III очень раздражала польское общество, а «златая вольность», уже вошедшая въ нравы шляхты, указывала этому раздраженію легкій и законный выходъ въ рокошѣ. Къ тому времени, когда Воръ кликнулъ свой кличъ изъ Стародуба, Польша только что пережила домашнюю войну, очень извѣстную подъ названіемъ «рокоша Зебжидовскаго». Рокошане лѣтомъ 1607 года понесли отъ Жолкѣвскаго полное пораженіе подъ Гузовымъ (въ Малой Польшѣ) и въ значительномъ числѣ «блуждали, разсѣявшись около границъ Россіи», то-есть Московскаго государства. Боязнь королевской репрессіи и тяжелыя послѣдствія боевой неудачи должны были побуждать ихъ къ переходу на московскую территорію, на которой они могли достать себѣ воинскую славу и матеріальное обезпеченіе. Но эта самая слава и добыча влекли къ себѣ и не однихъ «рокошанъ». Если знаменитый Лисовскій выбѣжалъ на Русь къ Вору, потому что не могъ оставаться на родинѣ, такъ какъ былъ «выволанецъ (wywołaniec) и чести своей отсуженъ», то съ другой стороны не менѣе знаменитый Янъ-Петръ Сапѣга, родственникъ великаго канцлера литовскаго Льва Сапѣги, вовсе не былъ вынужденъ покинуть свою родину и шелъ на Москву открыто, «за позволеніемъ Сигизмунда III» собирая войска. Онъ имѣлъ въ виду не простой грабежъ, а высокую, по мнѣнію его біографа, цѣль—отмстить вѣроломной Москвѣ за плѣнъ и гибель въ ней польскихъ гостей Самозванца и добыть славы себѣ и своему отечеству подвигами рыцарства. Столь почтенное намѣреніе, не оставленное

Сапѣгою даже и тогда, когда уже было заключено формальное перемиріе между Москвою и Рѣчью Посполитой (въ іюлѣ 1608 года), не встрѣчало препятствій ни въ сознаніи общественномъ, ни въ политикѣ Сигизмунда. Король не только попустилъ Сапѣгѣ набрать нѣсколько тысячъ войска, но и слѣдилъ за его походомъ, имѣя свѣдѣнія, напримѣръ, о томъ, что когда Сапѣга былъ подъ Смоленскомъ, то «эта крѣпость покорилась бы ему, еслибъ онъ захотѣлъ занять ее именемъ короля». За такими вождями, какъ Рожинскій, Сапѣга и Лисовскій, въ Московское государство потянулся рядъ болѣе мелкихъ искателей приключеній до убогаго наемника (chudego żołdaka), котораго влекла туда надежда достать войною кусокъ хлѣба (powiodła nadzieia zysku). И въ концѣ концовъ у Вора собралось большое число авантюристовъ изъ Рѣчи Посполитой, потому что, по словамъ Мархоцкаго, тамъ было не мало готовыхъ къ походу отрядовъ, какъ людей, которые ходили за короля на рокошанъ, такъ и самихъ рокошанъ. Благодаря этой «оказіи» вербовка крупныхъ «полковъ» совершалась очень быстро и легко. Сапѣга собралъ, по счету Когновицкаго, до семи съ половиною тысячъ конницы и пѣхоты. Рожинскій, по счету Мархоцкаго,— «близко четырехъ тысячъ». Кромѣ этихъ крупныхъ вождей, къ Вору пришло много иныхъ съ меньшими отрядами; таковы были: Будило, два Тышкевича, Валавскій, Велёгловскій, Рудницкій, Хруслинскій, Казимирскій, Микулинскій, Зборовскій, Млоцкій, Виламовскій и т. д. Такимъ образомъ, при Ворѣ скопилось мало-помалу очень значительное польское войско [117].

Съ правильными отрядами польской конницы, конечно, не могли сравняться московскіе севрюки и казаки, сходившіеся къ Вору послѣ пораженій, понесенныхъ отъ Шуйскаго. Однако и они, постепенно накопляясь при Ворѣ, образовали большую рать, выработавшую себѣ опредѣленное боевое устройство и избравшую себѣ особыхъ вождей. Очень трудно изучить съ полною точностью составъ этой рати и указать, откуда именно сошлись къ Вору различные русскіе отряды. Можно лишь косвеннымъ путемъ придти къ заключенію, что у Вора были, во-первыхъ, «Сѣверскихъ городовъ воровскіе люди», то-есть измѣнившіе Шуйскому или его вовсе не признавшіе ратные и жилецкіе люди Сѣверской украйны. Новый Лѣтописецъ разсказываетъ, какъ «почитали» Вора жители Стародуба. Знаемъ мы, что когда Воръ подходилъ къ Брянску, «изъ Брянска всѣ люди вышли Вору навстрѣчу», принимая его какъ истиннаго государя. Жители Козельска, вмѣстѣ съ Сѣверою возставшіе на Шуйскаго, упорно отбивались отъ московскихъ войскъ, но «съ великою радостью» встрѣтили воеводъ, пришедшихъ къ нимъ отъ Вора. Во-вторыхъ, вмѣстѣ съ городскими гарнизонами, къ Вору приставали различные отряды войскъ Болот-

отряды союзныхъ уже приближались къ Тулѣ, занявъ Крапивну и Дѣдиловъ, даже Епифань. А между тѣмъ, онъ внезапно 17(27)-го октября повернулъ назадъ къ Карачеву, бросилъ подъ Карачевымъ свое войско, убѣжалъ въ Орелъ, оттуда вернулся назадъ и снова побѣжалъ въ Путивль. Это паническое бѣгство обыкновенно объясняютъ боязнью волненій, поднимавшихся въ собственномъ войскѣ Вора; но врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь была другая причина. Воръ побѣжалъ назадъ, очевидно, тотчасъ, какъ узналъ о сдачѣ Тулы царю Василію. Сдача Тулы произошла 10-го октября, а бѣгство Вора началось 17-го. Такъ понимаетъ дѣло и Новый Лѣтописецъ: онъ говоритъ: «Воръ же слыша, что взялъ царь Василій Тулу, и побѣже на Сѣверу». Можно даже высказать догадку, что, гонимый страхомъ передъ побѣдителемъ Тулы, Воръ не рѣшился бѣжать по той большой дорогѣ, по которой пришелъ къ Карачеву и Бѣлеву отъ Сѣверскихъ городовъ. Боясь за собою погони, онъ свернулъ было съ «Сѣверскихъ» дорогъ на «Польскія», на Орелъ и Кромы, а затѣмъ, обратившись снова къ Карачеву, пошелъ оттуда на главные Сѣверскіе города Новгородъ-Сѣверскій и Путивль малыми дорогами по Комарицкой волости. Заключаемъ такъ изъ того указанія, что отрядъ Самуила Тышкевича, встрѣченный Воромъ на этомъ пути, сошелся съ нимъ въ Лабушевѣ (нынѣ село Лубашево Сѣвскаго уѣзда), близъ рѣки Нерусы, вдали отъ всѣхъ крупныхъ поселеній и важнѣйшихъ путей сообщенія того края. Такое съ виду мелочное наблюденіе лучше всего можетъ уяснить намъ, какъ было важно для Шуйскаго не медлить съ походомъ на Сѣверскіе города и какъ велика была его ошибка, когда онъ рѣшился дать своему войску «поопочинуть», вмѣсто того, чтобы послать его въ легкую погоню за бѣгущимъ Воромъ [28].

Воръ, однако, не добѣжалъ до Путивля. Онъ оправился отъ своего страха, во-первыхъ потому, что убѣдился въ полномъ отсутствіи погони, а во-вторыхъ потому, что къ нему навстрѣчу попадалось много польско-литовскихъ отрядовъ, которые искали «царя Димитрія» на Сѣверской украйнѣ. Почувствовавъ себя снова въ безопасности, окруженный значительною силою, Воръ обратился изъ Комарицкой волости въ Трубчевскъ и въ началѣ ноября, рѣшивъ возобновить походъ на Москву, вернулся къ Брянску. Въ этомъ городѣ уже засѣлъ отрядъ войскъ царя Василія, и Воръ не могъ взять крѣпости, которою еще такъ недавно владѣлъ. Обратясь на Карачевъ, Воръ и здѣсь нашелъ московскія войска. Главный начальникъ московскихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ здѣсь противъ воровъ, князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ успѣлъ заслонить своимъ войскомъ всѣ главные пути, ведшіе изъ Сѣверы на Заоцкіе города, и Вору оставалось только одно: обойти позиціи Кура-

кина справа и выйти на «Польскія» дороги. Уже въ январѣ 1608 года, въ большіе холода, Воръ перешелъ въ Орелъ и тамъ остался до весны. Туда къ нему пришелъ Рожинскій, сходились и московскіе «воры», уцѣлѣвшіе отъ войны 1606—1607 годовъ. Въ Орлѣ получила окончательное устройство разноплеменная рать Вора: Рожинскій былъ избранъ ея гетманомъ, а Лисовскій и Заруцкій стали во главѣ московскаго казачества. Весною должны были начаться рѣшительныя дѣйствія [121].

Трудно, конечно, разгадать по скуднымъ указаніямъ источниковъ стратегическіе планы Вора и его полководцевъ. Однако можно построить догадку о томъ, что было задумано ими въ Орлѣ. Очевидно, предполагался походъ къ Москвѣ не по одному только направленію на Калугу или Тулу, а одновременно разными дорогами. Главныя силы Вора должны были дѣйствовать противъ московскихъ войскъ, прикрывавшихъ Заоцкіе города; а Лисовскій долженъ былъ направиться на востокъ, чтобы на украйнѣ и на Полѣ поднять заново угасавшее возстаніе противъ Москвы и царя Василія. Съ началомъ весны 1608 года этотъ планъ начали приводить въ исполненіе, и военное счастье на этотъ разъ почти не измѣняло Вору.

Такъ какъ своимъ движеніемъ на Орелъ Воръ обошелъ Брянскъ и Карачевъ, то эти города теперь уже не имѣли своего недавняго значенія. Московскія войска въ продолженіе всей зимы стягивались къ сосѣднему Болхову; эта крѣпость закрывала подступы отъ Орла и съ «Польскихъ» дорогъ вообще къ Заоцкимъ городамъ и, кромѣ того, отъ нея можно было съ удобствомъ дѣйствовать на дорогахъ отъ Орла къ Тулѣ. Къ несчастью для царя Василія, вмѣсто дѣятельнаго и талантливаго Куракина во главѣ войска теперь находился непригодный къ дѣлу князь Дм. Ив. Шуйскій. Сойдясь съ врагомъ подъ Болховомъ, онъ былъ разбитъ въ двухдневной битвѣ 30-го апрѣля и 1-го мая и позорно бѣжалъ въ Москву. Для Вора были открыты всѣ пути къ столицѣ. По понятнымъ причинамъ онъ не пожелалъ вести всю свою армію подъ Москву черезъ Украинные города, на Тулу и Серпуховъ: эти мѣста были разорены предшествовавшею войною и здѣсь возможно было сильное сопротивленіе на бродахъ черезъ Оку. Воръ воспользовался инымъ путемъ. Взявъ Болховъ, онъ черезъ Козельскъ пришелъ на устье Угры и въ Калугу, а оттуда двинулся не прямо на Москву, а на Можайскъ. Сдѣлано было такъ потому, что польско-литовскіе отряды имѣли прямую выгоду стать на главномъ пути между Москвою и ихъ родиною и владѣть дорогою на Смоленскъ, которая шла черезъ Можайскъ. По этой дорогѣ всего скорѣе могли подойти къ нимъ подкрѣпленія: Я. П. Сапѣга пришелъ именно такимъ путемъ въ Московское государство. На случай отступленія эта до-

рога также могла пригодиться. Овладѣвъ Можайскомъ, Воръ въ началѣ іюня черезъ Звенигородъ подходилъ къ самой Москвѣ и не встрѣчалъ нигдѣ препятствій. Правда, царь Василій пытался было противопоставить Вору новое войско подъ Москвою. Онъ выслалъ съ полками изъ Москвы на Калужскую дорогу своего племянника М. В. Скопина-Шуйскаго и И. Н. Романова. Они пришли на рѣчку Незнань (на прямой линіи между городами Подольскомъ и Звенигородомъ), остановились тамъ и стали разсылать разъѣзды, или, какъ тогда выражались, «посылки». Разъѣзды дали имъ знать, что Воръ «поиде подъ Москву не тою дорогою»: онъ обходилъ ихъ съ праваго фланга, идя на Звенигородъ и Вязёму. Тогда въ полкахъ «нача быти шатость: хотяху царю Василью измѣнити князь Иванъ Катыревъ, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иванъ Троекуровъ и иные съ ними». Въ виду этой шатости войску было приказано вернуться въ Москву; для посылки новой рати уже не было времени, и врагъ, безпрепятственно подойдя къ столицѣ, сталъ въ Троицкомъ селѣ Тушинѣ [122].

Въ то же время на югъ отъ Оки дѣйствовалъ Лисовскій. Ранней весною 1608 года онъ уже шелъ отъ Орла на востокъ черезъ Украинные города на Рязанскія мѣста. Придя въ городокъ Михайловъ, онъ сталъ въ немъ и началъ «сбираться съ тутошними ворами». Въ этомъ и состояла задача его похода на Украйну: ему надобно было собрать и организовать разсѣянные неудачами 1607 года и бродившіе врозь отряды «воровъ». На Рязани зимою 1607—1608 года эти «воры» своими силами «во многихъ мѣстѣхъ» держались противъ московскихъ войскъ, и борьба съ ними доставляла много хлопотъ воеводамъ царя Василія. Еще съ осени 1607 года Захарій Ляпуновъ промышлялъ надъ «ворами» у Ряжска, а воевода Юрій Пильемовъ готовился къ походу на «пронскихъ и михайловскихъ мужиковъ», которые «воевали отъ Переяславля въ двадцати верстахъ». Въ 1608 году «съ весны» большой отрядъ рязанцевъ «всѣхъ становъ» и арзамасцевъ подъ начальствомъ кн. Ив. А. Хованскаго и Прокопія Ляпунова ходилъ на «воровъ» къ Пронску, и «немного города не взяли», но должны были отступить. При этомъ Прокопій Ляпуновъ былъ раненъ въ ногу «изъ города изъ пищали», почему и передалъ свои обязанности брату Захару. Въ это самое время на Михайловѣ объявился Лисовскій. Царь Василій предупреждалъ рязанскихъ воеводъ, чтобы они остерегались нападенія Лисовскаго на Переяславль-Рязанскій. Но воровской «полковникъ» не имѣлъ въ виду такъ далеко отклоняться на востокъ, такъ какъ цѣлью его похода была столица. Онъ бросился на Зарайскъ, взялъ его и сѣлъ въ немъ со всѣми своими «полчанами». Когда кн. Хованскій и Захаръ Ляпуновъ явились выручать Зарайскъ, Лисовскій нанесъ имъ жестокое пораженіе, можно сказать

уничтожилъ весь ихъ отрядъ, и затѣмъ пошелъ далѣе къ Москвѣ на Коломну. Ему удалось взять и крѣпкую Коломну. Когда онъ перебрался на лѣвый берегъ Оки, у него была уже большая сила: «собралося съ нимъ тридцать тысячъ русскихъ украинныхъ людей». Такъ блестяще исполнилъ онъ свою задачу, какъ бы возродивъ къ новой дѣятельности только что уничтоженное Шуйскимъ войско Болотникова и царевича Петра. Правда, это войско потерпѣло пораженіе отъ князя Ив. Сем. Куракина на походѣ отъ Коломны къ Москвѣ, при чемъ лишилось взятой въ городахъ артиллеріи и потеряло Коломну, обладаніе которою представляло большую важность. Тѣмъ не менѣе, Лисовскій успѣлъ снова собрать людей, явился съ ними подъ Москву и въ Тушинѣ соединился съ прочими войсками Вора [123].

Задача, которую поставили себѣ воеводы Вора, была ими удачно разрѣшена. Воръ былъ у своей цѣли и увидѣлъ Московскія стѣны. Его польско-литовскіе сподвижники, совершивъ побѣдоносный походъ, засѣли подъ Москвою въ укрѣпленномъ до неприступности Тушинскомъ лагерѣ и имѣли за собою удобный путь сообщенія съ ихъ родиною черезъ Можайскъ. Южныя области Московскаго государства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ Рязанскихъ городовъ, снова были подняты на Москву и были готовы служить имени царя Димитрія. Власти Шуйскаго, казалось, приходилъ конецъ: Вору оставалось сдѣлать послѣдній натискъ на самую Москву.

Однако, попытки сдѣлать этотъ натискъ окончились неудачею. Москва не только не отворила воротъ воскресшему царю Димитрію, но встрѣтила его войска цѣлою арміею. У Шуйскаго оказались большія силы. Кромѣ обычнаго московскаго гарнизона — государева двора и стрѣльцовъ—при царѣ Василіѣ находились служилые люди изъ городовъ Новгорода, Пскова, «Заволжскихъ городовъ» (то-есть сѣверныхъ) и «Зарѣчныхъ городовъ» (то-есть южныхъ, изъ-за Оки); сверхъ того были «казанскіе и мещерскіе татаровя, и чюваша, и черемиса». Съ этими войсками Шуйскій бодро встрѣтилъ Вора при его появленіи въ окрестностяхъ Москвы. Во дни перваго пребыванія Вора въ Тушинѣ, въ началѣ іюня 1608 г., уже «бои быша частые»; позже, когда Рожинскій, отыскивая мѣсто для лагеря, задумалъ было остановиться въ селѣ Танинскомъ, Шуйскій систематически началъ его тревожить. Войску Вора «въ Танинскомъ бысть отъ московскихъ людей утѣсненіе на дорогахъ, и начаша многихъ побивати, и съ запасы къ нему не пропущаху». Когда же Воръ съ своимъ гетманомъ, «видя надъ собою тѣсноту» и замѣтивъ, что ихъ отрѣзаютъ отъ необходимыхъ дорогъ, рѣшились оставить позицію у Танинскаго и возвратиться къ Тушину, то московскія войска осмѣлились даже дать имъ битву, гдѣ-то на «тѣсномъ мѣстѣ» у Тверской дороги. Хотя польское войско Вора, обык-

новенно побѣждавшее въ открытыхъ бояхъ московскіе отряды, оказалось побѣдителемъ и здѣсь, тѣмъ не менѣе Воръ убѣдился, что ему предстоитъ долгая и упорная борьба за Москву. Поэтому, придя къ Тушину, онъ немедленно принялся за укрѣпленіе своей стоянки. Тушино постепенно было превращено въ крѣпкій городокъ. Но Шуйскій и здѣсь не оставлялъ въ покоѣ врага: его войска заняли угрожающую Тушину позицію отъ села Хорошева черезъ рѣчку Ходынку до стѣнъ Москвы. Чтобы оттѣснить ихъ дальше отъ Тушина и удержаться въ своихъ «таборахъ», Рожинскій рѣшился на сраженіе. Украдкою, «на утренней зарѣ на субботу» 25-го іюня (5-го іюля), онъ напалъ на московскій обозъ, разгромилъ его и погналъ оторопѣлыхъ москвичей подъ городскія стѣны. Но ему не удалось одержать полной побѣды. Съ наступленіемъ дня его войска, въ свою очередь, должны были отступать отъ городскихъ стѣнъ передъ резервными отрядами Шуйскаго, которые успѣли изготовиться къ бою и оттѣснили нападающихъ за Ходынку [124].

Со времени этого боя положеніе дѣлъ подъ Москвой нѣсколько опредѣлилось. Тушинцы убѣдились, что имъ не по силамъ взять Москву и что врагъ крѣпче, чѣмъ казался имъ на походѣ отъ Болхова до Тушина. У тушинцевъ сложилось даже слишкомъ преувеличенное представленіе о мощи царя Василія: его войско они считали въ 140.000 человѣкъ и радовались, что къ нимъ самимъ въ Тушино подходили частыя подкрѣпленія. Въ ожиданіи этихъ подкрѣпленій Воръ сидѣлъ въ своемъ лагерѣ, ничего не предпринимая почти весь іюль и августъ 1608 года. Только тогда, когда въ Тушино явился Лисовскій съ полевыми «ворами» и Сапѣга съ войскомъ изъ Рѣчи Посполитой, Воръ рѣшился возобновить военныя операціи. Для штурма Москвы въ Тушинѣ и теперь не находили силъ и средствъ; потому тамошними вожаками рѣшено было устроить блокаду столицы и перехватить всѣ главныя дороги, шедшія къ Москвѣ, съ тѣмъ, чтобы прекратить подвозъ по нимъ припасовъ и всякія вообще сношенія Москвы съ государствомъ. Дальнѣйшія дѣйствія тушинцевъ были направлены именно къ этой цѣли и отличались такою систематичностью, которая дѣлала честь ихъ руководителю, гетману Рожинскому. Войска Вора находились въ Тушинѣ между Смоленскою и Тверскою дорогами и распоряжались ими обѣими. Изъ прочихъ дорогъ для Москвы были безполезны всѣ тѣ, которыя вели на Калугу и Тулу въ области, охваченныя мятежемъ; ихъ не зачѣмъ было тушинцамъ и занимать особыми отрядами. За то большую важность для Москвы имѣли дороги, шедшія на сѣверъ, сѣверо-востокъ и юго-востокъ, а именно: дорога Ярославская на Троицкій монастырь и Александрову слободу; дорога на Дмитровъ или «Дмитровка»; дорога на с. Стромынь, Киржачъ и далѣе на Шую, Суздаль и Владиміръ, такъ называемая «Стромынка»,

и, наконецъ, дороги рѣчная и сухопутная на Коломну и Рязань. Всѣ названныя дороги и надлежало перехватить войскамъ Вора. Изъ Тушина въ обходъ Москвы были посланы на сѣверныя дороги Сапѣга и Лисовскій, а къ Коломнѣ отъ Каширы былъ направленъ Хмѣлевскій. Предполагалось, очевидно, что отряды тушинцевъ, обойдя съ двухъ сторонъ Москву, соединятся гдѣ-либо на востокѣ отъ нея и такимъ образомъ сомкнутъ кольцо блокады. Сапѣга въ серединѣ сентября началъ движеніе блистательно. Выйдя на Ярославскую дорогу, онъ между Рахманцовымъ и Братовщиной разбилъ на-голову и разсѣялъ большое войско кн. Ив. Ив. Шуйскаго, осадилъ Троицкій монастырь, занялъ Дмитровъ и черезъ него установилъ прочное сообщеніе съ Тушиномъ. Его отряды пошли далѣе на сѣверъ и распространили власть Вора за Волгу; а Лисовскій двинулся на Суздаль и Шую. Въ теченіе октября 1608 года всѣ Суздальскія и Владимірскія мѣста уже признали Вора. Владимірскій воевода Иванъ Годуновъ спѣшилъ даже послать «посылку» въ Коломну, чтобъ тамъ не стояли «противъ Бога и государя своего прироженаго», то-есть противъ Вора. Если бы Коломна отпала отъ Шуйскаго къ Вору, планы тушинцевъ были бы вполнѣ осуществлены и Москва была бы кругомъ обложена. Но Коломна не отпала. Когда въ ней узнали о приближеніи Хмѣлевскаго съ войскомъ отъ Каширы, то просили помощи изъ Москвы; получивъ ее, вышли Хмѣлевскому навстрѣчу и разбили его. Такъ же поступили коломенскія власти и тогда, когда узнали о наступленіи «воровъ» отъ Владиміра. Присланный изъ Москвы, князь Дм. Мих. Пожарскій разбилъ этихъ воровъ въ 30 верстахъ отъ Коломны. Такимъ образомъ соединеніе тушинскихъ отрядовъ у Коломны не удалось и полная блокада Москвы не осуществилась. Неудача подъ Коломною была очень непріятна тушинцамъ. Весною 1609 года они снова пытались овладѣть Коломною и подъ командою Млоцкаго осадили ее. Крѣпость отстоялась отъ нихъ и на этотъ разъ, но все-таки Млоцкій «отнялъ отъ Москвы путь» на Рязань и оттого «на Москвѣ бысть хлѣбная дороговь великая». Рокового значенія, впрочемъ, это не имѣло, такъ какъ лѣтомъ 1609 года блокада столицы была уже прорвана въ другихъ мѣстахъ. Въ іюлѣ Млоцкій былъ вынужденъ снять осаду, и «Коломенская дорога отъ воровъ очистилася», а въ августѣ по этой дорогѣ уже «хлѣбъ пошелъ къ Москвѣ съ Коломны добрѣ много» [125].

Таковы были дѣйствія противъ Москвы Вора и его совѣтниковъ послѣ большого боя подъ Москвою 25-го іюня 1608 года. Убѣдясь, что имъ не взять Москвы сразу, они рѣшили подвергнуть ее блокадѣ, отрѣзать отъ всякой помощи извнѣ и выморить голодомъ. Планъ блокады былъ ими задуманъ хорошо, но не могъ быть выполненъ. Прежде всего этому помѣшало сопротивленіе Ко-

роны, рязанскіе служилые люди дѣйствительно «прямять» царю Василью и крѣпко стоятъ за Москву. Они борются и съ крымскими людьми, набѣгавшими на южныя рязанскія окраины, и съ мѣстными «ворами», воровавшими на Окѣ, и съ тушинцами, подходившими къ Коломнѣ; они увѣщаютъ касимовскихъ татаръ обратиться къ истинному царю Василью отъ ложнаго Вора. За то они считаютъ себя въ правѣ возвышать свои голоса на Москвѣ и впослѣдствіи играютъ важную роль въ переворотѣ, низложившемъ Шуйскаго [128].

Такимъ образомъ Москва осталась противъ Тушина безъ поддержки Поморскихъ и Замосковныхъ городовъ, имѣя опору въ одной Рязани и въ собственномъ населеніи. При первыхъ признакахъ отпаденія своихъ подданныхъ и уклоненія ихъ отъ защиты Москвы, Шуйскій уже началъ прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ обороны. Онъ очень чутко и вѣрно понялъ еще лѣтомъ 1608 года опасность предстоявшей ему блокады и невозможность веденія борьбы съ Воромъ исключительно средствами столицы. Съ одной стороны, онъ старался всякими мѣрами увѣщанія и понужденія собрать подъ Москву ратныхъ людей, разсылая «во многіе грады съ царскими епистоліями на собраніе чина воинскаго» и грозя жестокими наказаніями за «нѣтство» и за укрываніе «нѣтей». Окраиннымъ воеводамъ Ѳ. И. Шереметеву, бывшему подъ Астраханью, и М. Б. Шеину, бывшему въ Смоленскѣ, было велѣно идти къ Москвѣ съ «понизовною ратью» и со «смоленскою ратью». Заволжскіе сѣверные города царь Василій старался возбудить и къ самодѣятельному сопротивленію врагамъ; онъ побуждалъ ихъ «собраться» въ Ярославлѣ и отстаивать «свои мѣста». Съ другой стороны, царь Василій началъ строить расчеты на иноземную помощь. Въ концѣ іюля 1608 года онъ заключилъ съ польско-литовскими послами перемиріе, въ числѣ условій котораго было обязательство со стороны Рѣчи Посполитой вывести изъ Московскаго государства всѣхъ польско-литовскихъ людей, служившихъ Вору безъ позволенія королевскаго. На эту услугу со стороны короля Шуйскій возлагалъ большія надежды, несмотря на то, что обязательство короля его послами не было распространено на Лисовскаго, какъ на изгнанника изъ Рѣчи Посполитой. Вскорѣ послѣ заключенія договора 25-го іюля 1608 года и выѣзда изъ Москвы польскихъ пословъ, бояре московскіе извѣстили о договорѣ тушинскаго гетмана Рожинскаго и предложили ему «прислать» своего Вора къ царю Василію, а самому удалиться на родину со всѣми его земляками. Эта грамота бояръ служила какъ бы отвѣтомъ на обращеніе къ боярамъ самого Рожинскаго, пославшаго имъ торжественное воззваніе весною 1608 года; она показываетъ, что московскія власти придавали серьезное значеніе ссылкѣ на заключенный въ Москвѣ договоръ. Но Рожинскій, разумѣется, не придалъ этой ссылкѣ ни-

какого значенія и продолжалъ дѣло Вора. Одновременно съ вопросомъ о содѣйствіи со стороны короля Сигизмунда, возникъ въ Москвѣ вопросъ и о шведской помощи. Было уже упомянуто, что въ 1606—1607 годахъ король Карлъ IX предлагалъ царю Василію свою помощь и что царь Василій отклонялъ ее даже съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ, «похваляя» шведскаго короля въ томъ, что онъ его царскому величеству «доброхотаетъ» и его царской «любви къ себѣ ищетъ». Теперь, въ тяжелые дни пораженій и московской осады, лѣтомъ 1608 года, пришелъ чередъ самому царю Василью «искать къ себѣ любви» шведскаго короля. Онъ послалъ въ Новгородъ Великій своего племянника князя М. В. Скопина-Шуйскаго съ наказомъ собрать тамъ ратныхъ людей съ городовъ отъ Нѣмецкой украйны и «послати въ нѣмцы нанимать нѣмецкихъ людей на помочь». Въ такую деликатную формулу облекли московскіе люди свое обращеніе въ Швецію за союзомъ и вспомогательными войсками [129].

Итакъ, ни Тушино, ни Москва не нашли въ себѣ силъ для одолѣнія врага. Царь Василій и тушинскій Воръ осуждены были проводить долгіе дни въ близкомъ сосѣдствѣ, боясь другъ друга и выжидая, пока какая-либо комбинація общественныхъ элементовъ и политическихъ силъ, далеко въ сторонѣ отъ Москвы и Тушина, приведетъ ихъ борьбу къ опредѣленному и рѣшительному исходу.

VI.

Перенесеніе военныхъ операцій на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Москвы и обращеніе къ иноземному вмѣшательству были новымъ осложненіемъ Смуты и повели къ полному разрушенію государственнаго порядка. Съ того времени, какъ Шуйскій оказался не въ силахъ отбить Вора отъ Москвы и войско его, покинувъ своего государя въ московской осадѣ, разошлось «по домомъ» охранять свои очаги, Смута быстро охватила весь московскій центръ, перешла за Волгу, передала Вору Псковъ и Новгородскія мѣста и вспыхнула новымъ пламенемъ въ инородческомъ Понизовьѣ. Одно Поморье отъ Великаго Устюга да отчасти города отъ Литовской украйны остались вѣрны Москвѣ, а то «грады вcѣ Московскаго государства отъ Москвы отступиша», по словамъ лѣтописца. Надобно замѣтить, что не вездѣ отпаденіе городовъ и волостей отъ Москвы бывало послѣдствіемъ Тушинскаго завоеванія; мѣстами, именно на окраинахъ, Смута возникала сама собою, и тушинцы приходили «на готовое селеніе діаволи мечты». Движеніе Сапѣги и Лисовскаго въ обходъ Москвы передало во власть Тушина все Замосковье за исключеніемъ немногихъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Обложивъ Троицкій монастырь, тушинцы стали свободно распоряжаться

на томъ пути, который прикрывать должны были твердыни знаменитаго монастыря. Переяславль-Залѣсскій, Ростовъ, Ярославль, Вологда, даже Тотьма,—все города, лежавшіе на большой дорогѣ отъ Москвы къ Бѣлому морю,—цѣловали крестъ Вору. За ними послѣдовали Кострома и Галичъ съ уѣздами. Изъ-подъ Троицкаго монастыря Лисовскій легко подчинилъ Тушину все пространство между Клязьмою и Волгою, отъ Владиміра до Балахны и Кинешмы. Тушинскіе отряды пошли затѣмъ отъ Дмитрова и Ростова къ Угличу и Кашину и далѣе по дорогамъ къ Финскому заливу на нѣмецкій рубежъ. Къ Новгороду изъ Тушина былъ посланъ съ войсками Кернозицкій. Во Псковѣ же и его области междоусобіе открылось гораздо ранѣе появленія тушинскихъ отрядовъ, и Псковъ самъ призвалъ «воровскаго воеводу Ѳедьку Плещеева». Также самостоятельно поднялись «многіе понизовые люди, мордва и черемиса»; они дѣйствовали на пространствѣ отъ р. Суры до р. Вятки и даже ходили осаждать Нижній, какъ въ 1606 году, и уже здѣсь къ нимъ присоединился тушинскій воевода кн. Семенъ Вяземскій съ «литовскими людьми» [130].

Такъ великъ былъ районъ, вновь захваченный Смутою въ 1608—1609 годахъ. Какъ въ 1606 году, когда общественное волненіе открылось разомъ во многихъ пунктахъ, такъ и въ 1608 году Смута въ разныхъ мѣстностяхъ имѣла различный характеръ, а въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и успѣхъ Вора далеко не вездѣ былъ одинаковъ. Воръ болѣе или менѣе прочно овладѣлъ тѣми мѣстами, которыя были вблизи главныхъ его становъ подъ Тушиномъ и Троицею. Столь же прочно держалась сторона Вора во Псковскихъ мѣстахъ. Съ перемѣннымъ успѣхомъ шла борьба Тушина и Москвы во Владиміро-Суздальскомъ краѣ и совершенно безуспѣшны были усилія тушинцевъ удержать въ повиновеніи «Заволжскія» мѣста отъ Ярославля до Бѣлоозера и Устюга. Свѣдѣнія, собранныя въ первой части этой книги объ общественныхъ особенностяхъ названныхъ областей, помогутъ открыть настоящій характеръ происходившаго въ областяхъ движенія и объяснять намъ его причины и исходъ.

Всего сложнѣе и запутаннѣе представляются общественныя отношенія изучаемаго періода во Псковѣ. Мѣстные лѣтописцы начинаютъ псковскую смуту съ конца 1606-го или начала 1607 года. Во время своей борьбы съ Болотниковымъ Шуйскій прислалъ во Псковъ «прошать денегъ съ гостей» въ заемъ, «кто сколько порадѣетъ царю Василью». Псковскіе гости съумѣли однако изъ добровольнаго займа сдѣлать принудительный сборъ и стали собирать деньги «со всего Пскова, съ большихъ и съ меньшихъ и со вдовицъ, по роскладу». Это возбудило со стороны мелкихъ людей неудовольствіе и споры. Противъ гостей говорили «въ правдѣ» мно-

гіе люди «о градскомъ житіи и строеніи и за бѣдныхъ сиротъ». Однако деньги, всего 900 рублей, были собраны и посланы въ Москву, а повезли ихъ именно тѣ, кто говорилъ противъ гостей и противъ «роскладa» на вдовицъ и сиротъ. Вслѣдъ же уѣхавшимъ съ казною пяти псковичамъ гости послали доносъ, «отписали за ними отписку», давая знать царю, что «мы тебѣ, гости псковскіе, радѣемъ, а сіи пять человѣкъ тебѣ, государю, добра не хотятъ и мелкіе люди казны тебѣ не дали». Въ Москвѣ доносу дали вѣру и едва не казнили псковичей: ихъ «отъ казни отпрошали до обыску» псковскіе стрѣльцы, бывшіе на службѣ въ Москвѣ «противъ воровскаго страху». Когда дѣло раскрылось и доносъ сталъ извѣстенъ во Псковѣ, то на доносчиковъ возстали «всѣмъ Псковомъ» и заставили псковскаго воеводу П. Н. Шереметева засадить въ тюрьму семь человѣкъ гостей. «И съ тѣхъ мѣстъ», говоритъ лѣтописецъ, «развращеніе бысть веліе во Псковѣ, болшіе на меншихъ, меншіе на болшихъ, и тако бысть къ погибели всѣмъ». Воевода Шереметевъ, поставленный между раздраженною толпою и вліятельными гостями, взялъ, кажется, сторону послѣднихъ, выслѣдилъ до 70 вожаковъ «мелкихъ людей» и послалъ о нихъ донесеніе въ Москву, обвиняя ихъ въ «измѣнѣ». Во Псковѣ узнали объ этомъ и со страхомъ ждали казней. А между тѣмъ весною 1608 года, тотчасъ послѣ битвы подъ Болховомъ, во Псковъ возвратились псковскіе и «пригородцкіе» стрѣльцы. Они сообщили о пораженіи москвичей, принесли отъ Вора «грамоту мудрымъ слогомъ зѣло» и стали выхваливать доброту, силу и «хитрость воинскую» Вора, которому они передались послѣ его побѣды и который ихъ отпустилъ домой съ ласкою. Хотя стрѣлецкихъ голову и сотника во Псковѣ посадили въ тюрьму, какъ измѣнниковъ царю Василію, однако Псковъ заволновался. Мелкіе люди неизбѣжно должны были сопоставить грознаго царя Василія, отъ котораго ждали казней, съ царемъ Димитріемъ, показавшимъ ласку даже «худымъ людишкамъ» стрѣльцамъ. Настроеніе толпы во Псковѣ стало настолько смутнымъ, что Шереметевъ не разъ, опасаясь взрыва, спрашивалъ псковичей: «что де у васъ дума? скажите мнѣ». А «большіе люди», боясь черни, совсѣмъ отстали отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, не появлялись во «всегородной» избѣ, «дома укрывалися» и во всемъ «давали волю мелкимъ людямъ, и стрѣльцамъ, и казакомъ, и поселяномъ». Но мелкіе люди пока еще ни на что не рѣшались, и «у псковичь думы не было никакіе». Лѣтомъ 1608 года вокругъ Пскова появились тушинскіе отряды; псковскіе пригороды подчинялись тушинцу Ѳ. Плещееву и цѣловали крестъ Вору; крестьяне отъ воровъ прибѣгали во Псковъ и просили защиты у Шереметева. Наступалъ рѣшительный моментъ, и твердый воевода долженъ былъ имъ воспользоваться, чтобы удержать Псковъ отъ измѣны. Но Шереме-

тевъ повелъ двойную политику. Онъ, какъ мы знаемъ, не былъ сторонникомъ Шуйскихъ и самъ составилъ первый заговоръ противъ царя Василія; поэтому онъ не прочь былъ признать Димитрія и даже, какъ говорили, приказывалъ изъ Пскова окрестнымъ мужикамъ цѣловать крестъ Вору. Но въ то же время онъ боялся «мелкихъ людей» и во всемъ «надѣялся на болшихъ людей»; между тѣмъ большіе люди держались Шуйскаго, ожидая отъ него управы на чернь, а чернь тянула въ сторону ласковаго Вора, о которомъ ей разсказали пришедшіе отъ него стрѣльцы. Шереметевъ такимъ образомъ оказывался на сторонѣ Димитрія, но противъ его приверженцевъ. Побудивъ крестьянъ присягнуть Вору, онъ самъ же потомъ истязалъ ихъ и грабилъ, приговаривая: «почто мужикъ крестъ цѣловалъ!»... Разумѣется, чернь догадывалась, что воевода не будетъ къ нимъ милостивъ, а напротивъ, будетъ «силенъ псковичамъ», какъ только получитъ воинскую помощь изъ Новгорода, откуда ему обѣщали «дѣтей боярскихъ и нѣмцевъ». Когда 1-го сентября 1608 года прошелъ по Пскову слухъ, что «нѣмцы» изъ Новгорода уже стоятъ на р. Великой, Псковъ возмутился. Народная громада не желала ни впускать нѣмцевъ, ни садиться въ осаду. Въ общемъ смятеніи случилось такъ, что кто-то, «нѣціи безумніи человѣци, безъ совѣту всѣхъ и безъ вѣдома», отворили городскія ворота и впустили въ городъ отрядъ тушинцевъ подъ командою Ѳ. Плещеева. Въ отрядѣ этомъ, поясняетъ лѣтописецъ, были «людишка худые: стрѣльцы и подымщина, немногіе ратные люди». Однако Псковъ, принявъ ихъ, 2-го сентября цѣловалъ Вору крестъ. Шереметевъ былъ брошенъ въ тюрьму, а воеводою сталъ Плещеевъ. Послали подъ Москву «въ таборы съ повинною»; оттуда пріѣхали новые воеводы, присланъ былъ сборщикъ и «поималъ казны много гостиной». Тушино требовало людей и денегъ, и Псковъ послушно служилъ новому царю.

Таковъ былъ ходъ событій во Псковѣ до переворота въ пользу Вора. Сначала мы наблюдаемъ борьбу между псковскимъ тяглымъ міромъ и «гостями», стоявшими во главѣ псковскаго рынка и финансовой администраціи. Эти гости, очевидно, составляли во Псковѣ особый слой «славныхъ мужей и великихъ мнящихъ ся предъ Богомъ и человѣки, богатствомъ кипящихъ». Мы не знаемъ близко условій, выдѣлившихъ эту аристократію капитала изъ остальной торгово-промышленной среды Пскова; но не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что эти условія крылись въ развитіи крупнаго торговаго оборота на псковскомъ рынкѣ. Обостреніе внутреннихъ псковскихъ отношеній повело къ насиліямъ надъ гостями, а насилія должны были повлечь за собою правительственную кару. Избывая предполагаемой кары, простые псковскіе людишки потянули къ Вору, отъ котораго ожидали, по слухамъ, «добродѣянія всякаго».

Собственно псковское, городское движеніе въ сторону Тушина встрѣтилось съ такимъ же движеніемъ пригородскихъ стрѣльцовъ и уѣздныхъ поселянъ и нашло себѣ въ немъ поддержку. Но въ пригородахъ и уѣздахъ дѣйствовали иные мотивы. Знакомясь съ положеніемъ Псковскаго края въ первой главѣ этой книги, мы уже замѣтили, что ливонская война имѣла роковое вліяніе на хозяйственную жизнь псковскихъ пригородовъ. Вражескія нашествія и постоянная близость къ театру военныхъ дѣйствій выжили изъ пригородовъ старое земледѣльческое и промышленное населеніе и разорили край. На образовавшуюся здѣсь «пустоту» правительство сажало своихъ стрѣльцовъ и прочихъ ратныхъ людей, превращая псковскіе пригороды въ типичныя поселенія украинно-военнаго характера. Когда военное населеніе другихъ украйнъ было увлечено въ возстанія противъ Москвы, то и псковскіе «стрѣльцы и казаки» по чувству сословной солидарности увлеклись туда же. Если городской тяглый міръ Пскова въ своихъ мелкихъ представителяхъ искалъ у Вора защиты противъ владѣвшихъ рынкомъ капиталистовъ, то уѣздные люди псковскіе и пригородные шли къ Вору въ надеждѣ на болѣе общія общественныя перемѣны, указанныя еще въ листахъ Болотникова.

Итакъ, съ сентября 1608 года Псковъ передался Вору и попалъ во власть мелкаго городского люда и стрѣльцовъ съ приставшею къ нимъ уѣздною «подымщиною». Вся дальнѣйшая жизнь Пскова въ смутные годы 1606—1610 представляла собою дальнѣйшее развитіе той же внутренней борьбы. Съ господствомъ черни не могли примириться ни большіе люди самаго Пскова, ни власти царя Василія, собиравшія въ Новгородѣ войска на освобожденіе Москвы. Изъ Новгорода подо Псковъ не одинъ разъ посылали войска, съ которыми готовы были соединиться «игумени и священники и большіе люди и дѣти боярскіе». Но такая «измѣна» обыкновенно не удавалась: новгородскіе отряды отходили ни съ чѣмъ отъ неприступнаго Пскова, а надъ «большими людьми» мелкіе люди «измѣны для» учреждали надзоръ и чинили насилія. Только въ августѣ 1609 года большіе люди взяли на время силу въ городѣ благодаря тому, что псковичи разсорились со стрѣльцами и выбили ихъ изъ города въ стрѣлецкую слободу за р. Мирожу. Но весною 1610 года междоусобіе мелкихъ людей прекратилось и «стрѣльцовъ въ городъ пустиша», а лучшіе люди толпами побѣжали изо Пскова въ Новгородъ и въ Печерскій монастырь. Такимъ-то образомъ волновался Псковъ собственными злобами. Если вникнуть въ ходъ его многомятежной жизни во все время царствованія царя Василія, то нельзя не придти къ убѣжденію, что отъ псковичей были очень далеки интересы Москвы и всего государства. Только въ лицѣ стрѣльцовъ, побывавшихъ и въ Москвѣ и въ лагерѣ Вора, общая Смута

нашла своихъ выразителей во Псковѣ; но эти стрѣльцы, соединяясь съ мелкими людьми псковскаго міра, прониклись мѣстными взглядами и чувствами. Въ то время, когда пригороды Пскова съ ихъ стрѣльцами и подымщиною прямили Вору, или же приводились новгородскими войсками въ послушаніе Шуйскому, стрѣльцы, бывшіе во Псковѣ, воевали только съ псковскими «гостями» и ихъ стороною. Однако такую обособленность псковской жизни во время Смуты нельзя считать за проявленіе политическаго сепаратизма и за воскрешеніе вѣчевой старины. Псковъ неизмѣнно служитъ московскому царю, за котораго признаетъ Вора, и держитъ его воеводъ и дьяковъ въ обычной чести. Присланный изъ Тушина дьякъ Иванъ Леонтьевичъ Луговскій, «добрый мужъ въ разумѣ и въ сѣдинахъ», сидѣлъ во Псковѣ всю смутную пору. Отмѣчая, что по отъѣздѣ воеводъ Луговскій «единъ былъ» въ тѣ лѣта смутныя «да посадскіе люди даны ему въ помочь», лѣтописецъ замѣчаетъ, что дьякъ «съ тѣми людьми всякія дѣла и ратныя и земскія расправы чинилъ, и божіею милостію иноземцы не совладѣли ни единымъ городомъ псковскимъ, а совладѣли, какъ воеводъ во Псковѣ умножило». Что въ этихъ словахъ нѣтъ косвенной похвалы политической особности Пскова, ясно уже изъ сосѣднихъ строкъ, гдѣ лѣтописецъ съ сочувствіемъ разсказываетъ объ обращеніи Пскова за помощью «ко всей землѣ», въ земскую рать 1611 года подъ Москву. Псковъ не искалъ отдѣлиться отъ государства Московскаго, его отдѣляла отъ государственнаго центра географическая отдаленность да своя городская смута, подавить которую не могла обычною репрессіею ослабѣвшая государственная власть [131].

Какъ и во Псковѣ, своя особая смута кипѣла въ Понизовыхъ инородческихъ мѣстахъ. Въ 1608 году центромъ ея были уже не мордовскія земли, а земли горной и луговой черемисы. Послѣ того, какъ Гр. Гр. Пушкинъ усмирилъ Арзамасъ и Алатырь и «привелъ къ царю Василью» ихъ уѣзды, мятежная агитація была перенесена далѣе на сѣверо-востокъ и велась «въ черемисѣ» во имя уже второго самозванца. Въ концѣ 1608 года «арзамасскіе мурзы» оказались на лѣвомъ берегу Волги въ Яранскѣ, куда они попали черезъ Козьмодемьянскъ, а ихъ агенты съ «воровскими грамотами» проникли даже на Вятку. Одновременно съ Яранскомъ и сосѣдній Санчуринъ былъ взятъ возставшими, и «шанчюринская черемиса» измѣнила царю Василью. Такимъ образомъ мятежники овладѣли прямой дорогою отъ Нижняго-Новгорода на Вятку. Пытались они овладѣть и самыми берегами Волги: неудачно приступали въ декабрѣ 1608 года къ Нижнему, а 1-го января 1609 года къ Свіяжску, взяли Козьмодемьянскъ, разорили Цивильскъ. Наконецъ, «учало оружье говорити» и подъ Царевымъ-Кокшагскимъ городомъ, который возставшіе «взяли взятьемъ». Такъ опредѣлился районъ ино-

родческаго движенія въ 1608—1609 годахъ. Называя дѣйствовавшихъ здѣсь «воровъ», воеводы и земскія власти выражались обыкновенно такъ, что то были «воры съ Алатаря и съ Курмыша и изъ Ядрина и изъ Арзамаса и изъ Темникова и изъ Касимова—сборные многіе люди, тѣхъ городовъ дѣти боярскіе и стрѣльцы, и мордва и бортники и горная чуваша и черемиса». Отписывая въ города объ избіеніи «многихъ воровскихъ людей свіяжскихъ и чебоксарскихъ и кокшайскихъ и алатарскихъ татаръ и мордвы и черемисы», мѣстныя власти иногда замѣчали, что въ воровскихъ отрядахъ было мало собственно русскихъ людей: «а у черемисы де было русскихъ людей только два казака терскихъ, да шанчурскихъ и козмодемьянскихъ стрѣльцовъ человѣкъ съ шестьдесятъ». Въ подобныхъ перечняхъ, часто повторяемыхъ въ мѣстныхъ грамотахъ тѣхъ лѣтъ, мелькаютъ передъ нами обычные дѣятели Смуты: казакъ, стрѣлецъ, окраинный сынъ боярскій, и рядомъ съ этою служилою мелкотою исконный житель Понизовья—инородецъ, который «шертовалъ ворамъ» своею языческою присягою и вышелъ «съ лучнымъ боемъ» изъ родныхъ лѣсовъ на большія дороги и бойкія побережья судоходныхъ рѣкъ. Если «русскіе воры» принесли сюда то же желанье общественной перемѣны, какое руководило ими во всѣхъ другихъ мѣстахъ Московскаго государства, то инородцу, конечно, были чужды и династическія притязанія Вора и стремленья великорусской крестьянской и кабальной массы. У него были свои нужды, свои бѣды и свои желанія: ему докучали послѣдствія московскаго завоеванія и русской колонизаціи, то-есть утрата земельнаго простора, тяжесть податного бремени и мѣстами водвореніе зависимыхъ отношеній по землѣ къ служилымъ татарамъ и русскимъ землевладѣльцамъ. Мы не разъ указывали на эти причины инородческой смуты, ближайшее изслѣдованіе которой составляетъ одну изъ будущихъ задачъ нашей науки [132].

Какъ Псковская смута была въ сущности предоставлена собственному теченію, потому что у Москвы не хватало средствъ къ дѣйствительному воздѣйствію на далекія окраины, такъ и движенія въ Понизовьѣ долго оставались безъ дѣятельной репрессіи. Отдѣльные погромы отъ гарнизоновъ Нижняго-Новгорода и Казани не смиряли возставшихъ. Разсѣянные по всей «черемисѣ» ихъ отряды соединялись вновь и повторяли свои покушенія на вѣрные царю Василію и московскому порядку города. Для городовъ такіе враги не могли быть особенно опасны, но они должны были мѣшать операціямъ того отряда, съ которымъ Ѳ. И. Шереметевъ шелъ отъ Астрахани по Волгѣ въ Замосковье. Боясь оставить за собою врага, Шереметевъ медлилъ на Волгѣ, какъ М. В. Скопинъ-Шуйскій, боясь Пскова и новгородскихъ пригородовъ, медлилъ въ Новгородѣ и не рѣшался двинуться на Москву.

Болѣе рѣшительно и благопріятно для царя Василія шла борьба Москвы и Тушина въ Замосковныхъ и вообще сѣверныхъ московскихъ городахъ. Вспомнимъ отличительныя черты этихъ городовъ, указанныя нами въ общемъ обзорѣ Замосковья. На Волжскихъ верховьяхъ и на средней Окѣ населеніе городовъ имѣло очень пестрый составъ и города измѣняли свой характеръ, превращаясь изъ центровъ народно-хозяйственной дѣятельности въ пункты по преимуществу военно-административные. Въ такихъ городахъ не бывало внутренняго согласія и солидарности между разнородными элементами населенія собственно городского и между посадомъ и уѣздомъ. Самый посадъ въ такихъ городахъ бывалъ слабъ и малъ; промыслы и торговля обыкновенно сосредоточивались въ рукахъ не посадскаго, а служилаго гарнизоннаго люда. Иначе было между рр. Клязьмою и Сухоною по обоимъ берегамъ средней Волги. Здѣсь тяглые городскіе міры были многочисленнѣе, богаче и дѣятельнѣе; связь между городомъ и уѣздомъ была крѣпче, потому что основывалась не на внѣшнемъ подчиненіи уѣзднаго населенія городской администраціи, а на всемъ строѣ житейскихъ отношеній, дѣлавшихъ изъ городского посада, съ его рынкомъ или рѣчною пристанью, центръ хозяйственной жизни уѣзда. Чувство солидарности между городомъ и уѣздомъ и между составными элементами самого городского посада было живо и крѣпко благодаря однородности городского и уѣзднаго населенія, представлявшаго собою по большей части организованныя податныя общины, зависѣвшія или непосредственно отъ великаго государя или отъ крупнаго земельнаго собственника—монастыря и боярина. Общественнаго антагонизма, подобнаго борьбѣ большихъ людей съ мелкими во Псковѣ, здѣсь почти незамѣтно: онъ проявляется лишь изрѣдка въ крупнѣйшихъ центрахъ, Ярославлѣ и Вологдѣ, какъ случайное осложненіе, не вліяющее на общій ходъ дѣлъ въ краѣ. Имущественное различіе въ городахъ здѣсь не достигало угрожающей остроты, такъ же какъ не обострялись и аграрныя отношенія въ уѣздахъ. Въ началѣ 1609 года ополченіе тяглыхъ людей изъ Поморскихъ и Замосковныхъ волостей торжественно писало жителямъ Романова, которые «смущались» этого ополченія: «вы смущаетеся для того, будто дворянъ и дѣтей боярскихъ черные люди побиваютъ и домы ихъ разоряютъ; а здѣсе, господа, черные люди дворянъ и дѣтей боярскихъ чтятъ и позору имъ никоторого нѣтъ». Не замѣтно, наконецъ, въ сѣверныхъ частяхъ Замосковья и характернаго послѣдствія внутренняго антагонизма—повальнаго выселенія тяглыхъ и зависимыхъ людей изъ посадовъ и волостей [133].

Когда отряды Вора стали расходиться по Замосковнымъ городамъ, они не встрѣчали на первыхъ порахъ почти никакого сопротивленія. Правительство Шуйскаго, очевидно, мало влекло къ себѣ

сердца горожанъ, и если бы города убѣдились, что изъ Тушина пришли къ нимъ слуги дѣйствительно воскреснувшаго царя Димитрія, отпаденіе ихъ отъ царя Василія совершилось бы безповоротно. Холодность къ царю Василію особенно ярко выражается въ отпискахъ изъ того самаго Устюга, который вмѣстѣ съ Замосковными городами такъ стойко держался противъ Вора и его тушинцевъ. Устюжане сообщаютъ вычегодцамъ о томъ, какъ костромичи и галичане крестъ другъ другу цѣловали, что имъ за царя Василья «всѣмъ вмѣстѣ ожить и умереть»; и въ то же время сами отъ себя они предлагаютъ не такое же, на жизнь и смерть, крестное цѣлованіе законному царю, а лишь осмотрительность и осторожность. Напоминая, что они уже «дали души» царю Василью при его воцареніи, какъ и всѣ прочіе, устюжане совѣтуютъ только не увлекаться новымъ появленіемъ царя Димитрія; «не спѣшите креста цѣловать, не угадать, на чемъ совершится», пишутъ они о Ворѣ. Не вѣря въ то, чтобы при Ворѣ стало лучше, чѣмъ при царѣ Васильѣ, они не желаютъ торжества Вора; но, считая его возможнымъ, соображаютъ, что въ такомъ случаѣ «еще до насъ далеко, успѣемъ съ повинною послать». Такое настроеніе, конечно, не было лестно для московскихъ олигарховъ и не могло сулить имъ ничего хорошаго въ дальнѣйшемъ. А между тѣмъ именно такая нерѣшительность и наклонность выждать владѣла большинствомъ Замосковныхъ городовъ. Они отворяли свои ворота тушинцамъ и цѣловали крестъ на имя Димитрія, не имѣя твердаго влеченія ни къ имени Димитрія, ни къ имени Шуйскихъ, но думая выждать, «на чемъ совершится» развязка мало понятной имъ борьбы двухъ правительствъ, и желая узнать точнѣе свойства и особенности этихъ правительствъ.

Ожидать пришлось не долго. Въ два-три мѣсяца обнаружились совершенно опредѣленно качества новой власти и характеръ ея представителей. Для Тушина вновь занятыя Замосковныя области представлялись золотымъ дномъ, откуда можно было черпать не только довольствіе тушинскимъ войскамъ и деньги для тушинской казны, но и предметы роскоши и всяческаго житейскаго удобства для тушинскихъ «пановъ». Сапѣгу не разъ извѣщали, что ему слѣдуетъ позаботиться о занятіи Вологды «для того, что на Вологдѣ много куницъ и соболей, и лисицъ черныхъ, и всякого дорогого товару и питія красного»; на Вологдѣ лежалъ товаръ «англійскихъ нѣмцевъ»; тамъ «собрались всѣ лучшіе люди, московскіе гости съ великими товары и съ казною, и государева казна тутъ на Вологдѣ великая отъ корабельные пристани, соболи изъ Сибири и лисицы и всякіе ѳутри (futro—мѣхъ)». И Сапѣга немедля требовалъ «на государя царя и великаго князя Димитрія Ивановича» и краснаго питія, и прочихъ товаровъ, и измѣнничьихъ «животовъ». Въ Яро-

славль, въ ожиданіи подчиненія Вологды, былъ присланъ «государевъ стряпчій Путило Рязановъ, для всякихъ товаровъ, и у гостей, и у торговыхъ людей лавки и всякіе товары запечаталъ», отчего въ Ярославлѣ добрѣ стали скорбѣть. Въ то же время съ городовъ и съ уѣздовъ сбирали на новаго государя большіе поборы деньгами и натурою. Дѣлалось это систематически, для того, чтобы немедля стянуть въ Тушино экстренно необходимыя на жалованье полякамъ средства. Вопреки личному желанію Вора, такъ постановили сами польско-литовскіе вожди, разославъ для реквизицій по поляку и москвитину въ каждый Замосковный городъ. Такимъ образомъ, жители Замосковья могли убѣдиться въ большой алчности Вора и его агентовъ и могли сообразить, что имъ дорого обойдется признаніе надъ собою тушинской власти. Но поборами дѣло не ограничивалось. Паны изъ тушинскаго стана и изъ лагеря Сапѣги подъ Троицкимъ монастыремъ размѣщались на помѣстныхъ земляхъ и въ частныхъ вотчинахъ, въ чужихъ хозяйствахъ, для прокормленія какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ челяди. По увѣренію замосковныхъ людей, тушинскія власти возстановляли удѣльный порядокъ: «всѣ городы отдаютъ паномъ въ жалованье, въ вотчины, какъ и преже сего удѣлья бывали». Наконецъ, поборы на тушинскаго царя и на его администрацію сопровождались страшнымъ произволомъ и насиліемъ, равно какъ и хозяйничанье пановъ въ селахъ, а тушинская власть оказывалась безсильною одинаково противъ собственныхъ агентовъ и противъ открытыхъ разбойниковъ и мародеровъ, во множествѣ бродившихъ по Замосковью. О тѣхъ ужасахъ, какіе дѣлали эти разбойники или «загонные люди» (отъ zagon — набѣгъ, наѣздъ), можно читать удивительныя подробности у Авраамія Палицына и во многочисленныхъ челобитьяхъ и отпискахъ воеводъ тушинскому правительству. Загонщики, въ родѣ казненнаго по приказанію Вора Наливайки, даже не считали нужнымъ прикрываться именемъ Димитрія, а просто грабили, истязали и убивали народъ, смотря на Русскую землю, какъ на вражескую страну, ими покоренную [134].

Подчиненныя власти Вора и управляемыя его польско-русскою администраціею Замосковныя области испытывали на себѣ всѣ послѣдствія анархіи и чувствовали себя какъ бы подъ иноземнымъ и иновѣрнымъ завоеваніемъ «литвы» и «пановъ». Страдающее населеніе невольно обращалось къ сравненію только что утраченнаго нормальнаго порядка жизни подъ управленіемъ непопулярнаго царя Василія съ тѣмъ бѣдствіемъ, которое настало подъ властію «истиннаго царя Димитрія». Царь Василій, хорошъ онъ казался или дуренъ, представлялъ собою исконный строй государственныхъ и общественныхъ отношеній; царь Димитрій велъ за собою «воровъ» — чужихъ и домашнихъ враговъ этого исконнаго строя. Царь Василій,

похваляя и увѣщая народъ въ своихъ грамотахъ, возбуждалъ его на охрану привычнаго порядка, а царь Димитрій попускалъ своимъ людямъ всяческія нарушенія этого порядка. Стать на сторонѣ царя Василія значило стать за порядокъ; служить Димитрію значило служить Смутѣ. Не имѣя прямыхъ свѣдѣній о томъ, кого надлежитъ считать законнѣйшимъ царемъ, замосковное населеніе косвеннымъ путемъ приходило къ заключенію, что Василій законнѣе «того, которой ся называетъ царемъ Дмитреемъ». Окруженный «ворами» и дѣйствовавшій по-воровски самозванецъ самъ неизбѣжно казался Воромъ.

Разъ замосковные люди пришли къ такому выводу, ихъ дальнѣйшее поведеніе должно было опредѣлиться. Вездѣ, гдѣ оказывались силы для борьбы съ ворами, борьба началась и послѣ многихъ частныхъ неудачъ привела къ полной побѣдѣ надъ тушинцами. Ходъ этой борьбы столь извѣстенъ, что возможно избавить читателя отъ пересказа ея подробностей. Намъ необходимо лишь ознакомиться съ ея дѣятелями, чтобы знать, чьими силами, разумомъ и средствами московскій сѣверъ освободился отъ своихъ утѣснителей.

Возстаніе противъ Вора началось сразу во многихъ мѣстностяхъ. Въ одно время, въ концѣ 1608 года, поднялись на тушинцевъ: Устюжна Желѣзопольская, жители которой съ помощью бѣлозерцевъ нѣсколько разъ отбивали отъ своихъ стѣнъ тушинскіе отряды; Галичъ съ пригородами и Кострома, двинувшіеся на освобожденіе Ярославля; Рѣшма, Юрьевецъ-Поволжскій, Городецъ и Балахна, собравшіеся вмѣстѣ на освобожденіе Шуи. Всѣ эти мѣста во-очію видѣли тушинцевъ и непосредственно испытали тушинскую власть. Всѣмъ міромъ встали они на воровъ: въ Устюжнѣ и отчасти Галичѣ и Костромѣ тяглые и служилые люди бились одною ратью; въ прочихъ волжскихъ городкахъ движеніе шло отъ «черныхъ людей», которые «начаша сбиратися по городомъ и по волостемъ» съ выборными предводителями, въ родѣ губнаго старосты Бѣляя Ногавицына, «сотника» (стрѣлецкаго) Ѳедора Краснаго въ Юрьевцѣ, «крестьянина» Гришки Лапши на Рѣшмѣ, и т. п. [135]. Если бы эти мѣстные міры были предоставлены однимъ собственнымъ силамъ, ихъ усилія едва ли бы привели къ успѣху. Тушинская регулярная конница не разъ наносила возставшимъ жестокіе удары и громила поднявшіеся города и волости. Но возстаніе имѣло опорные пункты въ такихъ мѣстахъ, куда еще не хватала польская сабля и казачья пищаль. Устюжна и прочія мѣста по Мологѣ и Шекснѣ опирались на Великій Новгородъ, гдѣ въ то время дѣйствовалъ князь Скопинъ-Шуйскій, и на Вологду, гдѣ было большое сборище московскихъ людей. Сама Вологда и Галицкій край, а съ нимъ и Кострома, имѣли точку опоры въ маленькой Тотьмѣ и особенно въ Великомъ Устюгѣ, который дѣятельно собиралъ силы и средства съ восточной поло-

вины Поморья и направлялъ ихъ на помощь Замосковью. Наконецъ, мѣста по средней Волгѣ, Клязьмѣ и Тезѣ получали помощь и указанія изъ Нижняго-Новгорода, за которымъ стояли войска Ѳ. И. Шереметева и казанскій гарнизонъ. Въ то время, какъ на Мологѣ, Костромѣ и Клязьмѣ съ Тезою съ перемѣннымъ счастьемъ кипѣла кровавая борьба, на Волховѣ, Сухонѣ и низовьяхъ Оки шла организаціонная работа. Здѣсь изыскивались средства для борьбы, собирались люди, вырабатывался планъ дѣйствій, крѣпло національное чувство, осмыслялись политическія и соціальныя отношенія, словомъ подготовлялся подъемъ народныхъ силъ для борьбы съ Смутою. Отсюда и являлась дѣятельная поддержка возставшимъ поволжскимъ и суздальскимъ мѣстамъ; отсюда же нѣсколько позднѣе пошли регулярныя войска на освобожденіе Москвы. Такимъ образомъ, въ борьбу съ «ворами» втянулись и такія мѣста государства, которыя отстояли очень далеко отъ главнаго театра борьбы подъ Москвою и еще не подверглись тушинской оккупаціи.

VII.

Было уже упомянуто, что царь Василій въ серединѣ 1608 года отправилъ въ Великій Новгородъ князя М. В. Скопина-Шуйскаго для сбора ратныхъ людей съ пятинъ и вообще съ сѣверо-западной окраины, а сверхъ того и для заключенія союзнаго договора съ Карломъ IX шведскимъ. Карлъ давно уже искалъ возможности благовидно вмѣшаться въ московскія дѣла «для земельнаго обогащенія шведской короны». Онъ самъ, безъ всякаго вызова, предлагалъ свою помощь и правительству московскому, и непосредственно новгородскому населенію, къ которому не разъ обращался съ воззваніями. На московской границѣ онъ готовилъ войска, чтобы при первомъ случаѣ захватить себѣ Корѣлу, Орѣшекъ или Иваньгородъ. Понятно, какъ онъ долженъ былъ радоваться обращенію Скопина къ шведской помощи. Переговоры о ней начались еще въ исходѣ 1608 года; окончательный текстъ договора былъ выработанъ стольникомъ С. В. Головинымъ и шведскими уполномоченными въ Выборгѣ только въ февралѣ 1609 года на условіи уступки Швеціи города Корѣлы; а весною, въ концѣ марта и въ апрѣлѣ, стала подходить къ Новгороду «нѣмецкихъ ратныхъ людей кованая рать», состоявшая изъ 15-ти слишкомъ тысячъ шведскихъ, французскихъ, англійскихъ, шотландскихъ и иныхъ наемниковъ. У Карла IX всегда бывали въ запасѣ деньги на тотъ случай, если бы необходимы стали услуги наемныхъ войскъ [136].

Такимъ образомъ, князь Скопинъ-Шуйскій потратилъ болѣе полугода времени для того, чтобы получить иноземную помощь и на-

чать изъ Новгорода походъ къ Москвѣ. Въ ожиданіи же шведскихъ войскъ онъ, по собственному его выраженію, «сидѣлъ въ осадѣ въ Великомъ Новгородѣ». Можно по нѣкоторымъ даннымъ уразумѣть, чѣмъ онъ былъ занятъ въ этой «осадѣ». Во-первыхъ, ему необходимо было оградить себя отъ опасности измѣны въ самомъ Новгородѣ. Вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Новгородъ произошло отпаденіе Пскова отъ царя Василія. Именно 1—2 сентября 1608 года псковичи присягнули Вору и бросили въ тюрьму своего воеводу П. Шереметева. Извѣстіе объ этомъ потрясло новгородскихъ воеводъ. Вѣроятно, у нихъ были серьезныя основанія опасаться за свою безопасность и подозрѣвать недоброе отношеніе къ нимъ со стороны новгородцевъ. Всего черезъ недѣлю послѣ псковскаго переворота, 8-го сентября, въ праздникъ Рождества Богородицы, второй новгородскій воевода М. И. Татищевъ и дьякъ Ефимъ Телепневъ бѣжали изъ Новгорода и увлекли съ собою Скопина. Выбравшись изъ города не городскими воротами, а черезъ мельничную плотину («черезъ оплотъ мелющія хитрости», по словамъ Ив. Тимоѳеева), они остановились въ трехъ верстахъ отъ города и раньше, чѣмъ идти къ Иваньгороду, вызвали къ себѣ оставшихся въ Новгородѣ ихъ товарищей воеводъ и объявили «сначальствующимъ и нарочитымъ града», будто идутъ такъ спѣшно потому, что имѣютъ письмо отъ С. В. Головина изъ Выборга о необходимости спѣшить съ наймомъ шведовъ. Если—говорили они о себѣ—не поспѣшимъ сами нанять ратныхъ въ Иваньгородѣ, то «отъ еллинска языка доздѣ не имутъ пріити помощницы». Этою необходимостью спѣшнаго найма объясняли они и совершенный ими захватъ государевой денежной казны. Затѣмъ бѣглецы отправились къ Иваньгороду; на дорогѣ они получили вѣсть, что Иванъ передался Вору, и тогда повернули къ Орѣшку. Но и Орѣшекъ уже не принялъ ихъ. Не зная, гдѣ ждать нѣмецкихъ воиновъ и какъ соединиться съ С. В. Головинымъ, они «днемъ и ночью влачились» по «непроходнымъ» мѣстамъ, не имѣя пріюта, пока, наконецъ, не нашли ихъ близь Орѣшка посланные изъ Новгорода, съ просьбою о возвращеніи. Тогда Скопинъ и Татищевъ отправились на судахъ обратно и съ нѣкоторымъ торжествомъ совершили въѣздъ въ Новгородъ.

Трудно съ опредѣленностью выяснить, что происходило въ Новгородѣ въ ихъ отсутствіе. Въ городѣ оставался воеводою престарѣлый бояринъ кн. Андрей Петр. Куракинъ, сказанный въ бояре еще при воцареніи Ѳеодора Іоанновича, а дьякомъ былъ при немъ тотъ самый Иванъ Тимоѳеевъ, «временникъ» котораго занялъ почетное мѣсто въ ряду русскихъ сказаній о Смутѣ. По воспоминанію Тимоѳеева, они съ «синклитикомъ» Куракинымъ остались въ Новгородѣ послѣ ухода Скопина «отъ человѣкъ уничижени», а владычествовалъ въ городѣ, соблюдалъ и управлялъ городъ одинъ Гос-

подь. Когда Куракинъ и Тимоѳеевъ возвратились отъ Скопина, послѣ свиданія съ нимъ подъ городомъ, и объявили новгородцамъ, что «воевода, городъ покиня, пошелъ вонъ», то въ Великомъ Новгородѣ поднялось волненіе. Толпа сообразила, что Скопинъ и Татищевъ просто бѣжали, а не поѣхали по дѣлу; ихъ бѣгство поставили въ связь съ событіями во Псковѣ и стали кричать—одни, что ихъ надо просить вернуться, а другіе, что ихъ надо преслѣдовать и схватить. Въ Новгородѣ начиналась смута. Новгородскіе выборныя власти и «большіе» люди, которыхъ Тимоѳеевъ называетъ «избранными» и «имущими богатая влагалища», не знали, что имъ дѣлать: они «ни вѣщати дерзаху, ни молчати смѣяху». Громко успокаивать народъ они не рѣшались, боясь, что мятежная толпа ихъ «разтерзаетъ»; бездѣйствовать же не смѣли, потому что опасались взысканія отъ государевыхъ властей. Немногіе изъ нихъ «съ тихостію и по малу» успокаивали народъ «кротчайшими и мирными» словами, заботясь, главнымъ образомъ, о сохраненіи своихъ «корыстей». Однако толпа не сразу послушала не только своихъ выборныхъ старостъ и богатыхъ гостей, но и митрополита Исидора, который «соборнѣ и съ градоначальники» пытался укротить волненіе. Едва-едва пришли къ «единоглагольному» рѣшенію просить Скопина о возвращеніи. На поиски Скопина отправили, по выраженію Тимоѳеева, «нарочитыхъ града» съ грамотами «отъ архіерея и начальныхъ града»; а по опредѣленному показанію лѣтописи, за Скопинымъ послали «властей (то-есть, духовныхъ) и пятиконецкихъ старостъ» съ просьбою вернуться и съ извѣщеніемъ, что «у нихъ единодушно, что имъ всѣмъ померъть за православную христіанскую вѣру и за крестное цѣлованіе царя Василія». Когда же Скопинъ вернулся, то возрадовались его приходу не одни посадскіе люди, но и «дворяне и дѣти боярскіе», которые, какъ оказывается, были въ то время въ Новгородѣ, но, очевидно, стояли въ сторонѣ отъ волненій собственно городского «міра», тяглой новгородской среды.

Таковъ былъ характеръ и исходъ новгородскихъ движеній. Можно высказать болѣе чѣмъ вѣроятную догадку, что опасенія Татищева и дьяка Ефима Телепнева не были пустыми и что въ Новгородѣ была опасность мятежа противъ воеводъ со стороны мелкихъ новгородскихъ людей. На раздвоеніе въ ихъ средѣ и на склонность нѣкоторой ихъ части подражать Пскову ясно намекаетъ разсказъ Тимоѳеева. Внезапное бѣгство изъ города не одного только нелюбимаго Татищева, который «рукохищнымъ собраніемъ» съ новогородцевъ стяжалъ себѣ «имѣніе», но съ нимъ и популярнаго Скопина, заставило новгородцевъ обдумать свое положеніе. Сторона В. Шуйскаго взяла верхъ, и Скопинъ могъ спокойно вернуться въ городъ, опираясь на то крестное цѣлованіе, которое ему лично дали

подъ Орѣшкомъ новгородскіе послы. Однако онъ долженъ былъ живо почувствовать весь позоръ ненужнаго бѣгства, долженъ былъ складывать его вину на Татищева и Телепнева и, конечно, долженъ былъ негодовать на нихъ за то, что они увлекли его въ ошибку. Положеніе виновныхъ между народомъ, съ одной стороны, который не любилъ ихъ и котораго они боялись, какъ «по согрѣшеніяхъ новоповинніи», и съ другой стороны Скопинымъ, который былъ ими недоволенъ, оказалось очень труднымъ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Татищевъ думалъ выйти изъ него измѣною Шуйскимъ. Но только эта измѣна состояла вовсе не въ томъ, чтобы предаться Вору: Татищевъ, принимавшій самое дѣятельное участіе не только въ сверженіи, но и въ убійствѣ перваго самозванца, врядъ ли имѣлъ право расчитывать на хорошій пріемъ въ Тушинѣ у второго самозванца и поляковъ. Тимоѳеевъ, знавшій дѣло, ни слова не говоритъ о такого рода измѣнѣ Татищева. Своимъ вычурнымъ изложеніемъ онъ наводитъ на другого рода соображенія и совсѣмъ иначе объясняетъ «вину» Татищева. По его словамъ, Татищевъ былъ сосланъ царемъ Василіемъ на новгородское воеводство за прежнія «досады», бывшія еще при Борисѣ. Опала послѣдовала несмотря на то, что Татищевъ много способствовалъ воцаренію Шуйскаго. Злобясь за свою ссылку, Татищевъ желалъ, по мнѣнію Тимоѳеева, выбраться изъ Новгорода затѣмъ, чтобы попасть въ Москву и тамъ постараться свергнуть царя Василія: «самого своего си царя, егоже посади, коварствы нѣкими тщася, дошедъ, низложити». Однако такой умыселъ не удался. Татищевъ, по лѣтописи, просился у Скопина, чтобы тотъ отпустилъ его на Московскую дорогу съ ратными людьми противъ тушинцевъ, а Скопину донесли, что Татищевъ «идетъ для того, что хочетъ царю Василью измѣнити». Тогда Скопинъ объявилъ «вину» Татищева ратнымъ людямъ, а тѣ его убили и бросили трупъ въ воду, «въ рѣчную быстрину воднаго естества», по выраженію Тимоѳеева. Въ ту минуту, когда Скопинъ отправлялъ гонца къ царю съ извѣстіемъ о погибели Татищева, онъ при свидѣтеляхъ, гдѣ-то «въ притворѣ церковнѣ», объявилъ, что «не малъ совѣтникъ и совѣщатель на убійство» Татищева былъ его другъ дьякъ,—очевидно, Телепневъ, доносомъ на пріятеля думавшій покрыть свой промахъ передъ Скопинымъ.

Со смертью Татищева исчезъ главный предметъ раздраженія новгородской толпы и опасность народнаго возмущенія въ Новгородѣ уменьшилась. Окончательно же стало ясно, что Новгородъ не отпадетъ въ «воровство», съ того времени, какъ подъ Новгородомъ въ началѣ Рождественскаго поста, то-есть во второй половинѣ ноября 1608 года, появился тушинскій отрядъ Керноzицкаго. Хотя «воры» оставались подъ Новгородомъ до 11-го января 1609 года и причинили много бѣдъ новгородцамъ, однако городъ отстоялся.

Были одиночные отъѣзды къ ворамъ: «многіе дворяне отъѣзжаху въ литовскіе полки, князь Михайло же Васильевичь бысть въ великомъ сѣтованіи». Но эти отъѣзды не мѣшали Скопину продолжать свое дѣло: «строить рать» въ Новгородѣ и подготовлять Поморье къ дѣйствіямъ въ помощь Москвѣ [137].

Для исторіи организаціонной дѣятельности Скопина въ Новгородѣ вообще мало данныхъ. Однако, можно прослѣдить въ общихъ чертахъ, какъ устроились его сношенія съ сѣверными московскими городами и какъ ему удалось стянуть къ Новгороду, кромѣ нѣмецкихъ наемниковъ, и московскія дружины. Изъ Новгорода Скопинъ обращался обыкновенно въ Вологду и Каргополь, посылая въ эти города свои грамоты для дальнѣйшей пересылки не только городамъ и воеводамъ, но и самому царю Василію. Такимъ порядкомъ онъ сносился со всѣмъ сѣверомъ отъ Перми Великой до Соловецкой обители. Городамъ онъ сообщалъ о ходѣ переговоровъ со шведами, о своихъ сборахъ въ походъ къ Москвѣ, о положеніи дѣлъ подъ Москвою и о борьбѣ съ ворами вообще. Отъ городовъ онъ требовалъ помощи себѣ и царю Василію; послѣдній, съ своей стороны, разсылалъ грамоты по городамъ, разъясняя полномочія Скопина и увѣщевая города поддерживать и слушаться Скопина. Такъ по требованію царя Василія соловецкія власти отвезли въ Новгородъ 2.000 рублей на нѣмецкихъ ратныхъ людей; деньги были приняты въ Новгородѣ, а изъ Москвы царь Василій писалъ въ монастырь, что «та вся монастырская казна до насъ дошла». По указаніямъ, шедшимъ съ полною солидарностью изъ Новгорода и изъ Москвы, города, ставшіе противъ воровъ, начали смотрѣть на Новгородъ, какъ на свой центръ и опорный пунктъ. Они посылали туда ходоковъ «для вѣстей» и съ просьбами о помощи. Вологодскіе ходоки, напримѣръ, болѣе двухъ недѣль ждали на Тихвинѣ, пока очистилась отъ воровъ дорога къ Новгороду. Когда Устюжна ожидала воровского нападенія, она обратилась за поддержкою къ Скопину: «послаша въ Великій Новградъ устюженскихъ посадскихъ людей для пороховыя казны». Скопинъ не только далъ пороху, но еще «изъ своея державы изъ каргопольскихъ предѣловъ, изъ Чарондскія округи, далъ на Устюжну ратныхъ людей со всякимъ ратнымъ оружіемъ сто человѣкъ». Сверхъ того онъ послалъ устюжанамъ писаніе, «какъ съ нечестивыми братися». Для всего Поморья и сѣверныхъ частей Замосковья Скопинъ былъ представителемъ государственной власти и военнымъ руководителемъ съ высшими полномочіями. Его «писанія» имѣли силу указовъ, которымъ повиновались не только городскіе міры, но и государевы воеводы по городамъ. По его «отпискамъ» мѣстныя власти собирали ратныхъ людей и готовы были отпустить ихъ «въ сходъ, гдѣ велитъ быти государевъ бояринъ и воевода князь М. В. Шуйскій». Для руковод-

ства военными дѣйствіями противъ воровъ на сѣверѣ Скопинъ прислалъ на Вологду зимою 1608—1609 гг. воеводъ своихъ Гр. Н. Бороздина и Никиту Вас. Вышеславцева съ отрядомъ, «со многою силою». Въ то же время и въ Новгородѣ сосредоточивалъ онъ необходимыя для похода къ Москвѣ боевыя силы. О присутствіи у него ратниковъ изъ Чаронды только что было упомянуто. Къ Новгороду собрались идти, по лѣтописи, «уѣздные люди» новгородцы съ Тихвина съ воеводою Степаномъ Горихвостовымъ, всего человѣкъ до тысячи. Въ Заонежскихъ погостахъ также образовался отрядъ съ воеводою Евсевьемъ Резановымъ и пошелъ къ Новгороду. По офиціальнымъ документамъ видно, что со Скопинымъ въ Новгородѣ сидѣли зиму 1608—1609 гг. не только тѣ дворяне, съ которыми онъ пришелъ въ Новгородъ, но «и дворяне жъ и дѣти боярскіе, новгородскіе помѣщики и всякіе люди», между прочимъ даже «вольные казаки» станицы Семейки Митрофанова и приказа Тимоѳея Шарова. Такимъ образомъ, при Скопинѣ собиралась и русская рать, численность которой, впрочемъ, не была велика. По грамотѣ Скопина, перехваченной Сапѣгою, при Скопинѣ было весною 1609 года 1.200 русскихъ ратныхъ людей; по другимъ извѣстіямъ, Скопинъ повелъ изъ Новгорода къ Москвѣ до 3.000 русскаго войска [138].

Разъ мы укрѣпимся въ мысли, что между Скопинымъ, сидѣвшимъ въ новгородской осадѣ, и городами Поморья и сѣвернаго Замосковья существовала прямая связь, движеніе этихъ городовъ противъ тушинской власти получитъ въ нашихъ глазахъ полное и правильное освѣщеніе. Поворотъ въ настроеніи этихъ городовъ въ пользу Шуйскаго совершился, правда, ранѣе, чѣмъ Скопинъ, справившись съ опасностью измѣны въ Новгородѣ, началъ устройство своей рати для похода къ Москвѣ и вошелъ въ сношенія съ Поморьемъ. «Первые люди» на помощь царю Василью были собраны въ Поморьѣ въ октябрѣ 1608 года, въ то время, когда тамъ еще не было вѣрныхъ извѣстій о Скопинѣ и даже не ходилъ еще баснословный, хотя и ободряющій слухъ, что Скопинъ «пришелъ со многими людьми къ Москвѣ» и «Тушино погромилъ». Но уже въ ноябрѣ 1608 года въ сношеніяхъ между городами стало упоминаться имя Скопина; въ декабрѣ (если не въ концѣ ноября) появились и подлинныя его посланія къ сѣвернымъ городамъ; въ декабрѣ же, именно 14-го числа, изъ Вологды уже пошли въ Новгородъ къ Скопину «посыльщики» для вѣстей; а въ началѣ 1609 года, тотчасъ послѣ бѣгства Кернозицкаго изъ-подъ Новгорода, Скопинъ отправляетъ въ Вологду своихъ воеводъ Бороздина и Вышеславцева, которые поспѣваютъ туда къ 9-му февраля. Такимъ образомъ, Скопинъ дѣлаетъ Вологду какъ бы центральнымъ пунктомъ военныхъ операцій на сѣверѣ. Въ то же самое время и царь Василій изъ Москвы пишетъ въ Вологду такую грамоту, которая обращаетъ этотъ городъ

въ административный центръ всего Поморья. Онъ приказываетъ вологодскимъ воеводамъ отписать во всѣ Поморскія мѣста «отъ себя» то, что уже писано было туда отъ царя, чтобы Поморскіе города «о всякихъ нашихъ дѣлѣхъ съ вами (то-есть съ Вологдою) ссылались и про всякія бъ вѣсти они отъ себя къ вамъ писали». Черезъ Вологду и самъ царь Василій намѣренъ былъ ссылаться съ Поморьемъ: свою грамоту въ Каргополь онъ велѣлъ «отдать на Вологдѣ», возложивъ на вологодскихъ воеводъ дальнѣйшую доставку ея по назначенію. Недѣлю спустя послѣ приведеннаго обращенія къ вологодскимъ властямъ, царь Василій отправляетъ на Вологду же ратныхъ головъ для того, чтобы руководить военными дѣйствіями не только на Вологдѣ, но и вообще на сѣверѣ. Такимъ образомъ, не одна земская самодѣятельность вносила правильную организацію во взаимныя отношенія сѣверныхъ городовъ и въ ихъ дѣйствія противъ Тушина. Правительство Шуйскаго съ своей стороны не уставало возбуждать Поморье и даже пыталось руководить его движеніемъ, указывая городамъ сборные пункты, присылая имъ въ эти пункты воеводъ и головъ, намѣчая мѣста, куда слѣдовало направить отряды, и рекомендуя, въ случаѣ военнаго успѣха, стягивать всѣ силы вѣрныхъ Москвѣ городовъ къ Ярославлю [139].

Какъ царь Василій, такъ и князь Михаилъ Скопинъ одинаково предоставляли первенство среди сѣверныхъ городовъ Вологдѣ. Это вполнѣ понятно. Къ Вологдѣ сходились всѣ дороги, шедшія съ сѣвера государства въ его центръ, то-есть изъ Поморья къ Москвѣ. Владѣя Вологдою, можно было распоряжаться на важнѣйшихъ путяхъ, торговыхъ и стратегическихъ, можно было направиться въ любую Поморскую область. Будучи узловымъ пунктомъ сѣверныхъ путей, Вологда въ то же время была и богатымъ торговымъ складомъ. Зима 1608—1609 года въ торговой жизни Вологды имѣла, кстати сказать, особое значеніе. Весь иностранный привозъ навигаціи 1608 года съ окончаніемъ торга и выгрузки въ устьяхъ С. Двины былъ направленъ по обычаю къ Москвѣ, но по военнымъ обстоятельствамъ застрялъ въ Вологдѣ. Тушинское вторженіе въ сѣверные Замосковные города закрыло ему дорогу въ Москву, такъ что осенью 1608 года торговые иностранцы не поѣхали южнѣе Вологды, и въ Ярославль всего лишь «одинъ нѣмчинъ пріѣхалъ безъ товаровъ». Вмѣстѣ съ иностранными купцами на Вологдѣ остались и «всѣ лучшіе люди московскіе гости», которые выѣхали изъ Москвы на сѣверъ для своихъ и государевыхъ дѣлъ. Съ ними были ихъ «великіе товары» и «государева казна», состоявшая не только въ деньгахъ, но и въ мѣхахъ. На Вологдѣ, словомъ, сосредоточилось все то, что Москва получала ежегодно съ сѣвера по первому зимнему пути. Одно это побуждало обѣ воевавшія сто-

роны особенно дорожить Вологдою, и городъ поэтому пріобрѣталъ исключительную важность. Еще не взявъ Вологды, тушинцы уже обсуждали способы охранить ея товары отъ безпорядочнаго грабежа ратныхъ людей; когда же Вологда присягнула Вору, туда явился изъ Тушина дьякъ и хотѣлъ, по сообщенію И. Массы, запечатать купеческіе товары съ тѣмъ, чтобы ихъ конфисковать; однако владѣльцы товаровъ не допустили этого. Узнавъ, какою тяжестью для населенія будетъ тушинская власть, вологжане обратились къ царю Василію, и тотъ не медля постарался устроить въ Вологдѣ соотвѣтствующія обстановкѣ формы самоуправленія и привести Вологду въ связь съ Новгородомъ. Онъ предписывалъ вологодскимъ воеводамъ привлечь къ дѣлу обороны Вологды находившихся въ городѣ гостей и иноземцевъ: отъ нихъ выборные люди должны были участвовать въ руководствѣ военными дѣйствіями «съ головами и съ ратными людьми въ думѣ заодинъ». По словамъ же Массы, царь Василій предписывалъ, чтобы воевода на Вологдѣ выбралъ нѣсколько человѣкъ изъ торговыхъ англичанъ и голландцевъ и отправилъ ихъ въ Новгородъ къ Скопину для совѣта и содѣйствія ему. Заключая въ своихъ стѣнахъ московскихъ гостей и «всѣхъ иностранныхъ купцовъ, ведущихъ въ этой странѣ торговлю», Вологда въ злополучную зиму 1608—1609 года играла исключительную роль: ея случайное населеніе связывало ее тѣсною связью и съ Москвою, откуда происходили сидѣвшіе въ ней русскіе гости, и съ архангельскимъ портомъ, откуда въ ней явились иноземные купцы. И тѣ и другіе, оберегая свое имущество, готовы были до послѣдней крайности защищаться отъ воровъ и звали на борьбу съ ними всѣ окружающія мѣста [140].

Какъ Вологда была посредницею между московскимъ центромъ и всѣмъ Поморьемъ, такъ Великій Устюгъ былъ посредникомъ между сѣверо-восточными областями и остальнымъ государствомъ. Во-время получивъ свѣдѣнія о «воровскомъ» характерѣ тушинской власти, Устюгъ не присягалъ ей, а напротивъ, усердно дѣйствовалъ противъ нея, призывая къ борьбѣ съ нею всѣ мѣстности, лежавшія за нимъ на сѣверъ и востокъ. Для этихъ мѣстностей онъ былъ истолкователемъ событій и руководителемъ дѣятельности. Для Вологды и Галича онъ являлся базисомъ, на который можно было опираться въ дѣйствіяхъ противъ воровъ и отъ котораго можно было ждать помощи и поддержки, а въ случаѣ погрома получить и убѣжище отъ врага.

Такъ обозначились центральные пункты народнаго движенія на сѣверѣ отъ средней Волги. Костромичи и галичане взяли на себя почипъ дѣйствій. Городки Галицкаго края цѣловали другъ другу крестъ «заодинъ умереть» и образовали въ Галичѣ «собранье ве-

ликое ратныхъ людей», иначе говоря, ополченіе, состоявшее какъ изъ тяглыхъ людей «съ сохи по сту человѣкъ», такъ и изъ галицкихъ дѣтей боярскихъ. Извѣстивъ сѣверные города въ Подвиньѣ о своемъ вооруженіи, галичане просили у нихъ поддержки и пошли на югъ, къ Костромѣ, которая, какъ мы знаемъ, была связана съ Галицкимъ краемъ, представляя собою галицкую пристань на Волгѣ. Кострома отложилась отъ Вора и соединилась съ галичанами, послѣ чего галичане пошли къ Ярославлю. Сапѣга подъ Троицей получилъ извѣстіе объ этихъ событіяхъ въ началѣ декабря 1608 года и тотчасъ же послалъ свои войска на галичанъ. Въ то же время отрядъ вологодцевъ съ головою Ларіономъ Монастыревымъ, направляясь на «воровъ» къ Ярославлю, занялъ Пошехонье и Даниловъ. Вѣроятно, вѣсть объ этомъ и опасеніе потерять Ярославль заставило Сапѣгу усилить посланный на Волгу отрядъ Стравинскаго другими отрядами. За Стравинскимъ былъ посланъ Лисовскій съ 2.000 казаковъ и нѣсколькими ротами «большихъ пановъ». Въ концѣ 1608 и началѣ 1609 года «литовскіе люди и русскіе воры», перейдя за Волгу, разбили городскія дружины какъ вологодскія, такъ и галицкія. Кострома и Галичъ со всѣмъ уѣздомъ были заняты Лисовскимъ; войска его доходили даже до Солигалича и не укрѣпились въ немъ только потому, что тамъ около посада вовсе не было острога, а «городъ сгнилъ и развалялся» [141]. Казалось, земское движеніе за Волгою было подавлено совершенно, и тушинцы готовы были отъ Галича и Солигалича двумя дорогами, по рѣчкамъ Совьюгѣ и Толшмѣ, выйти на Сухону въ Поморскія мѣста. Жители Вологды и Тотьмы уже ждали къ себѣ врага. Они высылали отряды «на заставы къ засѣкамъ», которыя были подѣланы въ лѣсахъ, покрывавшихъ сплошною чащею водораздѣлъ между сѣверными и волжскими рѣками. Въ этихъ лѣсахъ попрятались также отъ литвы и казаковъ остатки разбитыхъ галицкихъ и костромскихъ ополченій, галицкіе «остальцы» и «остальцышка», какъ они себя сами называли. Конечно, ни эти остальцы, ни заставные караулы вологодскіе и тотемскіе не могли бы остановить «большихъ пановъ» регулярной польской конницы, если бы паны рѣшились идти на сѣверъ. Поэтому изъ Вологды и Тотьмы обращались ко всему Поморью съ просьбою о скорой помощи. Здѣсь-то Великій Устюгъ и выступилъ посредникомъ между сѣверными мѣстами и первой линіей бойцовъ, стоявшею на лѣсныхъ позиціяхъ водораздѣла. Устюжане вели дѣятельныя сношенія съ городами на Вычегдѣ, Вяткѣ и Камѣ, сообщали имъ вѣсти, требовали присылки людей и средствъ и распредѣляли приходившія на Устюгъ сѣверныя дружины между Вологдою и Тотьмою, однихъ «отпуская» на Вологду, другихъ на Тотемскія засѣки по лѣснымъ рѣчкамъ. Неизвѣстно, какой успѣхъ имѣли бы эти воинскіе сборы, если бы Лисовскій остался въ Га-

личѣ. Но онъ долженъ былъ до боя съ поморскими людьми, въ февралѣ 1609 года, очистить Галицкій уѣздъ и уйти за Волгу къ Суздалю. Его туда послалъ Воръ для усмиренія отпавшихъ отъ него Владимірскихъ мѣстъ. Удаленіе Лисовскаго развязывало руки галицкимъ остальцамъ и поморскимъ дружинамъ въ Тотьмѣ и Вологдѣ. Они стали двигаться за ушедшими тушинцами опять на Кострому и Ярославль. Въ это время, 9-го февраля, уже подоспѣли въ Вологду посланные отъ М. В. Скопина изъ Новгорода воеводы Гр. Бороздинъ, Н. Вышеславцевъ, Овсѣй (Евсевій) Рязановъ; они привели съ собою каргопольскихъ и бѣлозерскихъ ратныхъ людей—тѣхъ самыхъ, которые заставили Кернозицкаго уйти изъ-подъ Новгорода и уже не были нужны Скопину. Немногимъ позже въ Костромскомъ краю появился также царскій воевода Давидъ Жеребцовъ, присланный, вѣроятно, вслѣдствіе просьбъ галицкихъ остальцовъ, которые не разъ, «не въ одну пору», писали Шуйскому, что у нихъ нѣтъ «государева надежнаго крѣпкаго воеводы» [142]. Съ участіемъ привычныхъ къ ратному дѣлу воеводъ военныя дѣйствія пошли удачнѣе прежняго. Вышеславцевъ взялъ 3-го марта городъ Романовъ на Волгѣ, разбилъ тушинскія войска подъ Ярославлемъ и 8-го апрѣля занялъ самый Ярославль. Жеребцовъ взялъ Кострому и осадилъ тушинскаго воеводу Н. Вельяминова въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Разумѣется, тушинцы не могли сразу отказаться отъ Ярославля и Костромы, потому что ихъ утрата была равносильна утратѣ всего Заволжья. Лисовскій пытался выбить «мужиковъ» изъ Ярославля, а затѣмъ изъ Костромы. Подъ Ярославлемъ стоялъ онъ безъ успѣха весь май, а въ іюнѣ перешелъ въ Костромскія мѣста и тамъ также не имѣлъ успѣха: ему не удалось даже овладѣть судами на Волгѣ и устроить переправу на лѣвый берегъ рѣки, чтобы подойти къ самой Костромѣ. Потерпѣвъ пораженіе отъ понизовой рати въ то время, когда онъ подъ Рѣшмою пытался перейти рѣку, Лисовскій отступилъ къ главнымъ тушинскимъ войскамъ. Заволжскія мѣста были тѣмъ самымъ избавлены отъ «воровъ»: въ эту пору уже подходилъ къ верхней Волгѣ Скопинъ съ нѣмецкою ратью изъ Новгорода, а съ юго-востока надвигалось на тушинцевъ войско Шереметева. Цѣль заволжскихъ «мужиковъ» была достигнута: они отстояли свои мѣста отъ «воровъ» и теперь готовы были идти «по вѣстямъ въ сходъ» къ государевымъ воеводамъ на освобожденіе Москвы. Очень чутко слѣдившій за ходомъ дѣлъ на сѣверѣ, царь Василій уже въ серединѣ мая 1609 года торжествовалъ успѣхъ мужиковъ и писалъ похвальныя грамоты всѣмъ участникамъ земскаго подвига: вологжанамъ, бѣлозерцамъ, устюжанамъ, каргопольцамъ, сольвычегодцамъ, тотмичамъ, важенамъ, двинянамъ, костромичамъ, галичанамъ, вятчанамъ «и иныхъ розныхъ городовъ старостамъ и посадскимъ людямъ». Такъ царь Василій опредѣлялъ составъ сѣверныхъ мужицкихъ ратей [143].

Никакъ нельзя сказать, чтобы такой рѣшительный успѣхъ, какъ очищеніе Заволжья, достался «мужикамъ» легко, безъ тяжелыхъ жертвъ, потерь и пораженій и безъ внутреннихъ осложненій и разладицы въ средѣ самихъ возставшихъ на Вора. Грамоты 1608—1609 гг., уцѣлѣвшія отъ переписки городовъ между собою и съ правительствомъ царя Василія, даютъ возможность судить какъ о степени напряженія народныхъ силъ на сѣверѣ въ это время, такъ и о многообразіи затрудненій, какія приходилось преодолѣвать народному движенію. Сперва по указанію правительства, а затѣмъ и по собственнымъ приговорамъ, сѣверные города съ уѣздами собирали «посоху», опредѣляя ея размѣры различно: гдѣ брали 100 человѣкъ съ большой сохи, гдѣ 4—5—10 человѣкъ съ сошки. По существовавшему обыкновенію «выборные» къ ратному дѣлу люди получали денежное жалованье, иногда кормъ, иногда подводы; словомъ, содержаніе ихъ падало всею тяжестью на общины, которыя «выбирали» ратниковъ. Обстоятельства Смутнаго времени не одинъ разъ еще до 1608 года привлекали сѣверные города къ ратной повинности. Во время борьбы царя Бориса съ Самозванцемъ на театръ военныхъ дѣйствій, черезъ Москву, были вызваны значительные отряды посошныхъ людей изъ Тотьмы, Устюга, Вычегды, Холмогоръ и другихъ мѣстъ Поморья. Съ царемъ Василіемъ подъ Тулою также была посоха. Но этихъ болѣе раннихъ посохъ Поморскіе города не вспоминали при тѣхъ случаяхъ, когда считали, сколько ратныхъ сборовъ сдѣлали они для борьбы съ Тушиномъ въ 1608—1609 годахъ. И безъ прежнихъ ратей Устюгъ, напримѣръ, отославъ въ серединѣ апрѣля 1609 года на югъ свою «пятую рать, пятьсотъ человѣкъ», въ маѣ началъ собирать шестую рать. Но на этотъ разъ, кажется, онъ убѣдился, что уже извлекъ изъ своего уѣзда весь годный къ бою контингентъ, а изъ своихъ податныхъ «сохъ» всѣ платежныя средства. Въ концѣ мая или началѣ іюня 1609 года устюжане «приговорили всѣмъ міромъ и приговоръ за руками написали, что взяти изъ государевы казны изъ таможни триста рублевъ денегъ, для поспѣшенья, покамѣста съ сохъ тѣ деньги соберутъ; да на тѣ деньги приговорили прибирати охочихъ вольныхъ казаковъ, а денегъ имъ давати на оружье по рублю человѣку, и отпустити ихъ ко государю на службу, ко государевымъ воеводамъ въ Ярославль». До такого же изнеможенія дошли и галицкіе мужики, у которыхъ много людей было побито въ бояхъ, «животишка» пограблены своими же галицкими дѣтьми боярскими, а для Лисовскаго «съ правежу» была взыскана крупная сумма, чтобы онъ на нихъ «войны не отпущалъ», то-есть, не разорилъ и не избилъ ихъ до конца [144]. Напрягая послѣднія силы, рискуя самымъ существованіемъ своимъ, городскіе и уѣздные «міры» Галицкаго уѣзда, Тотьмы и Устюга требовали отъ другихъ мѣстъ Поморья такихъ

же усилій и жертвъ. Съ открытымъ негодованіемъ и жесткими упреками обращались они къ Перми Великой, отъ которой видѣли мало сочувствія и помощи общему дѣлу. Хотя Пермь и увѣряла, устами чердынскихъ воеводъ, что готова служить и людьми, и средствами, однако же прибавляла, что ей «надобно себя отъ воровъ оберегать, потому что у насъ мѣсто порубежное». Это соображеніе было совершенно основательно. Слабонаселенный, бѣдный и малоустроенный Пермскій край служилъ въ то время государству важную службу въ отношеніи новозанятой и еще не вполнѣ замиренной Сибири. Онъ представлялъ собою базисъ для всѣхъ дѣйствій власти въ новой провинціи,—и въ то самое время, когда города требовали отъ Перми людей на борьбу съ «ворами», московское правительство приказывало Перми искать людей для заселенія Пелымскаго уѣзда, а тобольскій воевода требовалъ экстренной присылки денегъ и хлѣба. Зная малочисленность и скудость пермскаго населенія, спокойный наблюдатель не рѣшится обвинять пермскихъ людей за ихъ сдержанность и осторожность, тѣмъ болѣе, что пермскіе отряды все-таки были въ земскихъ войскахъ и потому пермичей невозможно было уличить въ прямомъ нежеланіи помочь общему дѣлу [145]. Много хуже, даже прямо позорно было поведеніе костромскихъ и галицкихъ дѣтей боярскихъ. Сначала они соединились съ тяглыми людьми въ ихъ походѣ на Кострому и Ярославль; но подъ самымъ Ярославлемъ измѣнили мужикамъ и стали отнимать у нихъ «галицкій нарядъ», то-есть пушки, взятыя изъ галицкихъ городовъ и остроговъ. Когда же мужикамъ удалось отбиться и увезти пушки въ Кострому, дѣти боярскіе соединились съ Лисовскимъ, пришли съ нимъ на Кострому, разогнали мужиковъ, взяли пушки и пошли съ ворами на Галичъ. Въ это время дѣтей боярскихъ собралось у Лисовскаго, говорятъ, «тысяча семьсотъ», вѣроятно, со всею ихъ дворнею. Но скоро Лисовскій увелъ свои войска на правый берегъ Волги, а къ галицкимъ мужикамъ пришли поморскія дружины; дѣти боярскіе остались одни, безъ тушинской поддержки, противъ сильнаго врага. Они были побиты и разбѣжались. Часть ихъ сѣла въ осаду отъ мужиковъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ съ тушинцемъ Н. Вельяминовымъ, который не надѣялся съ ними одолѣть врага, потому что ихъ было «немного, да и тѣ иные побиты и поранены и лошади у нихъ побиты жъ». Другая часть принесла царю Василью «въ измѣнахъ своихъ повинныя за своими руками», иначе говоря, сдалась мужикамъ, а мужики «тѣхъ дѣтей боярскихъ до государева указа пометали въ тюрьму». Шатость служилаго помѣстнаго люда объясняется его неустройствомъ. Въ то время, какъ городской и уѣздный тяглый человѣкъ имѣлъ опору въ своей организованной общинѣ и могъ искать защиты и пріюта въ городскихъ стѣнахъ или за лѣсными засѣками, служилый помѣщикъ былъ въ сущ-

ности беззащитенъ въ своемъ уединенномъ помѣстьѣ. Нашествіе врага подвергало опасности все благосостояніе служилаго человѣка, который не могъ легко скрыть за городскою оградою или въ лѣсной чащѣ свою семью и свой скарбъ и не могъ безъ привычнаго почина изъ Москвы скоро соединиться «всѣмъ городомъ» для отраженія врага. Вотъ почему онъ малодушно шелъ навстрѣчу тому, кого считали сильнѣе, и служилъ ему. По словамъ Палицына, служилые землевладѣльцы «ближнихъ» къ Москвѣ городовъ разсуждали между собою такъ: «аще убо стояще пребудемъ съ поляки вкупѣ на Москву и на Троицкій Сергіевъ монастырь, то помѣстья наши не будутъ разорены». Въ данномъ случаѣ расчетъ дѣтей боярскихъ оказался невѣрнымъ: они не могли угадать того, что случилось: что съ возстаніемъ всего Поморья «се не та пора стала» и «мужикъ» оказался сильнѣе пана. Общій разгромъ галицкихъ и костромскихъ дѣтей боярскихъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ ихъ шатости; но онъ не знаменовалъ собою возникновенія острой соціальной вражды на сѣверѣ. Когда пошли слухи, «будто дворянъ и дѣтей боярскихъ черные люди побиваютъ и домы ихъ разоряютъ», то поморскіе люди писали о самихъ себѣ, что они «чтутъ» служилыхъ людей и «тому рады и благодарятъ о томъ всемилостиваго Бога, что Богъ соединачилъ всѣхъ». Они грозили войною и разореніемъ только «измѣнникамъ» и «ворамъ», не различая того, къ какимъ общественнымъ слоямъ эти воры и измѣнники принадлежатъ. Шатость мѣстныхъ служилыхъ людей вела къ тому, что «мужики» привыкали въ ратномъ дѣлѣ обходиться безъ нихъ. Они или просили «надежнаго крѣпкаго воеводу» у царя Василья, или же дѣйствовали съ своими избранными «головами». Въ число этихъ головъ иногда попадалъ и сынъ боярскій, въ родѣ галичанина Втораго Черепова; чаще же головами бывали городскіе люди, излюбленные «міромъ». Въ тотемской рати головою былъ вдовый попъ Третьякъ Симакинъ. Въ числѣ солигалицкихъ руководителей были также священники церквей Солигалича, скрѣпившіе своими «руками» за весь городъ городскую отписку. Такъ изъ среды самого посадскаго и уѣзднаго населенія выходили вожаки движенія противъ Тушина за сохраненіе исконнаго порядка [146].

Итакъ, движеніе Заволжскихъ городовъ противъ Вора представляло собою явленіе большой сложности. Охвативъ громадное пространство, населенное почти исключительно тяглымъ государевымъ людомъ, это движеніе получило характеръ простонароднаго—«мужичьяго», какъ презрительно обзывали его тушинскіе воеводы. Служилые люди были въ возставшихъ массахъ сравнительно малочисленнымъ, случайнымъ и малонадежнымъ элементомъ. Единодушіе, взаимное довѣріе и согласованность дѣйствій, отличавшія въ эту пору дѣятельность сѣверныхъ городовъ, истекали не только изъ

единства народнаго чувства и политическихъ симпатій, но также изъ однородности мірской организаціи по городамъ и изъ торгово-промышленныхъ отношеній, скрѣплявшихъ взаимною связью хозяйственную жизнь различныхъ районовъ московскаго сѣвера. Привычныя сношенія сѣверныхъ городовъ съ другими городами и съ собственнымъ уѣздомъ много содѣйствовали устройству военной обороны края, собиранію ратей и соединенію ихъ въ важнѣйшихъ пунктахъ борьбы. Въ то же время и стороннее вліяніе на сѣверные областные міры содѣйствовало ихъ соединенію и вносило единство и планомѣрность въ ихъ операціи. Это стороннее вліяніе шло, во-первыхъ, изъ Новгорода отъ М. В. Скопина; онъ при первой для себя возможности послалъ на сѣверъ свои войска, а съ ними воеводъ и головъ, которые и приняли на себя руководство военными дѣйствіями. Во-вторыхъ, царь Василій изъ Москвы постоянно писалъ на сѣверъ свои грамоты, въ которыхъ заключались не одни увѣщанія и похвалы, но и практическія указанія, въ родѣ того, чтобы, въ случаѣ удачи, направлять наступленіе всѣхъ ратей къ Ярославлю. Наконецъ, въ Вологдѣ, кромѣ постояннаго ея населенія, случайно задержались на время борьбы «всѣ лучшіе люди московскіе гости» и иностранные купцы. Не принимая участія въ дѣлѣ офиціально и стоя въ сторонѣ отъ внутренней жизни мѣстныхъ міровъ, они, однако, должны были вліять на эти міры въ пользу Москвы и Шуйскаго, какъ житейски сильные люди. Въ грамотахъ на Вологду и въ Каргополь царь Василій упоминаетъ о гостяхъ и нѣмцахъ и указываетъ мѣстнымъ людямъ принимать ихъ содѣйствіе, «приговоры» и «думу».

Трудно, разумѣется, съ точностью измѣрить то значеніе, какое имѣло для устройства и успѣха дѣла на сѣверѣ указанное воздѣйствіе правительства и московскихъ людей. Но во всякомъ случаѣ ясно, что движеніе городовъ въ 1608—1609 гг. стояло въ большей связи, чѣмъ обыкновенно представляется, съ общими мѣрами правительства Шуйскаго. Будучи руководимо, главнымъ образомъ, изъ Новгорода, оно было какъ бы одною изъ тѣхъ операцій по устройству государственной обороны, которыя были возложены царемъ на Скопина. Успѣхъ этой операціи зависѣлъ, конечно, не отъ Скопина, а отъ рѣшимости городовъ всѣми силами поддержать не столько самого царя Василія, сколько тотъ правительственный и общественный порядокъ, какой царь Василій представлялъ собою въ борьбѣ съ ворами. Но Скопинъ умѣлъ воспользоваться этимъ успѣхомъ и сообразовать съ нимъ свои собственныя дѣйствія. Выйдя въ маѣ 1609 года изъ Новгорода, онъ овладѣлъ большою дорогою отъ Новгорода на Москву и дошелъ по ней до самой Волги, а въ іюлѣ 1609 года взялъ Тверь. Но изъ Твери онъ не рискнулъ прямо наступать на позиціи тушинцевъ подъ Москвою, въ Дмитровѣ и

образомъ сталъ центральнымъ мѣстомъ дѣйствій, гдѣ должна была рѣшиться ближайшая судьба всего Клязьменскаго края. Къ несчастью для себя, тушинцы не успѣли предупредить подъ Нижнимъ авангарда Шереметева: 1-го декабря онъ пришелъ въ Нижній, а 2-го декабря нижегородцы всѣмъ городомъ «приговорили» воеводѣ Андрею Алябьеву идти на воровъ. Рать Алябьева состояла изъ мѣстныхъ дѣтей боярскихъ и нижегородскихъ посадскихъ людей и изъ присланныхъ отъ Ѳ. И. Шереметева стрѣльцовъ, казаковъ и инородцевъ. Алябьевъ сперва разбилъ воровъ на Балахонской дорогѣ и взялъ Балахну, затѣмъ разбилъ «понизовыхъ людей» на Муромской дорогѣ и взялъ большія села Ворсму и Павлово. Это происходило въ первой половинѣ декабря 1608 года, а 7-го января 1609 года на той же Муромской дорогѣ произошелъ рѣшительный бой Алябьева съ Вяземскимъ, причемъ Вяземскій былъ съ прочими воровскими воеводами взятъ въ плѣнъ. Нижегородцы круто поступали съ ворами: они вѣшали ихъ вожаковъ (атамана Таскаева, князя Вяземскаго), жгли и грабили стоявшія за воровъ села; но обѣщали, что тѣмъ, кто обратится къ царю Василію, не будетъ «убійства и грабежу и никакого утѣсненья». Весь край послѣ нижегородскихъ побѣдъ началъ отпадать отъ тушинской власти и, опираясь на нижегородскую рать, возобновлялъ борьбу съ ворами. Въ Нижній мужики присылали захваченныхъ ими тушинскихъ агентовъ, «воровъ, которые смуту чинили—ко кресту за Вора приводили»; въ Нижній писали они «повинныя челобитныя» и посылали съ ними къ нижегородскимъ воеводамъ «лучшихъ людей, сколько человѣкъ пригоже» [149].

Съ середины декабря передъ нижегородцами были открыты оба пути къ главному городу Клязьменскаго края Владиміру: путь на Шую и путь на Муромъ. Но нижегородцы не сразу могли ими воспользоваться по недостатку ратныхъ людей. Войска Алябьева были необходимы для охраны самого Нижняго отъ нападеній со стороны находившагося въ бунтѣ Понизовья и потому не могли рискнуть на далекій походъ. А у мужиковъ на Лухѣ и Тезѣ не хватало силъ справиться съ тушинскими отрядами, занимавшими ихъ край. Эти мужики тотчасъ послѣ побѣдъ Алябьева во второй разъ поднялись на Вора. Въ качествѣ воеводы появился у нихъ костромской сынъ боярскій Ѳедоръ Боборыкинъ. Ему удалось разбить 11-го февраля 1609 года въ селѣ Дуниловѣ суздальскаго воеводу, тушинскаго окольничаго Ѳедора Плещеева. Но черезъ недѣлю подъ Суздалемъ Плещеевъ въ свою очередь побилъ Боборыкина, гналъ его мужиковъ до самой Волги и взялъ городокъ Плесъ. Положеніе Суздаля стало отъ того не лучше: многіе «мужики въ сборѣ» стояли «въ Холуѣ на посадѣ и въ иныхъ мѣстахъ» и угрожали ворамъ, занимавшимъ Суздаль. Плещеевъ въ началѣ марта направилъ на нихъ

присланныхъ отъ Сапѣги литовскихъ людей и казаковъ; они разорили Холуй и Кляземскій городокъ, разогнали мужиковъ и отошли къ Ярославлю. Тогда мужики собрались снова и противъ нихъ снова надобно было посылать войска. Тушинцы заняли постоянными отрядами и Шую и Лухъ, бывшіе центромъ крестьянскаго движенія. Пока тушинская конница стояла въ этихъ городкахъ, мужики не отваживались на бой. Но какъ только тушинцевъ отозвали подъ Владиміръ, мужики пошли на «достальныхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ», служившихъ Вору, выбили ихъ изъ Луха и Шуи и снова засѣли тамъ. Такъ шло дѣло до лѣта 1609 года. Если у мужиковъ не было ни умѣнья, ни средствъ сладить со врагами, то и у воровъ не хватало силъ подавить возстаніе. Лисовскій, вызванный со своими полчанами изъ Галича къ Суздалю въ февралѣ 1609 года, уже въ мартѣ былъ спѣшно направленъ къ Угличу и Ярославлю, а къ апрѣлю снова переброшенъ въ Суздаль и Владиміръ. На быстрыхъ переходахъ онъ могъ только грабить край, но не покорять его прочно. Плещеевъ же съ мелкими отрядами бросался изъ Суздаля во всѣ стороны и одинъ не могъ удержать за тушинскимъ Воромъ всѣ тѣ мѣста на сѣверѣ отъ р. Клязьмы, которыя были ввѣрены его попеченію. Воръ могъ поставить ему въ заслугу одно то, что Плещееву удалось удержаться въ Суздалѣ даже и тогда, когда Муромъ и Владиміръ отпали къ царю Василію [150].

Нижегородцы не могли поддерживать мужиковъ на лѣвыхъ берегахъ Клязьмы и Оки прежде всего по той причинѣ, что всѣ свои силы направили къ Мурому. Въ январѣ 1609 года они занимали почти всю Муромскую дорогу по правому берегу Оки; ихъ передовой отрядъ стоялъ тогда въ селѣ Яковцовѣ всего въ 20—30 верстахъ отъ Мурома. Въ мартѣ Алябьевъ придвинулся уже къ самымъ стѣнамъ Мурома. Однако штурмовать Муромъ нижегородцы не рѣшались и, вѣроятно, позаботились о томъ, чтобы вызвать возстаніе противъ Вора въ самомъ городѣ. Около 18-го марта оно вспыхнуло; литовская рота А. Крупки была выбита изъ города и Алябьевъ занялъ Муромъ. Немедленно послалъ онъ свои войска ко Владиміру, и они были уже тамъ 27-го марта. Увидя ихъ, владимірцы убили тушинскаго воеводу М. Вельяминова, отворили ворота нижегородцамъ и присягнули царю Василію. Всѣ усилія тушинцевъ возвратить Владиміръ остались безуспѣшны. Однако и Алябьевъ, задержавшійся въ Муромѣ до 11-го мая, чувствовалъ себя не вполнѣ прочно въ завоеванныхъ мѣстахъ. Онъ, сидя въ Муромѣ, не могъ послать владимірскому гарнизону никакихъ подкрѣпленій и не рѣшался самъ уйти далеко отъ Нижняго и ради Владиміра покинуть Муромъ, пока въ Нижній не придетъ понизовая рать Ѳ. И. Шереметева [151].

Такъ обстояло дѣло въ изучаемомъ теперь районѣ до той поры,

когда руководство операціями перешло въ руки самого Шереметева. Нѣтъ точныхъ свѣдѣній о томъ, съ какими войсками направлялся онъ на помощь къ Москвѣ; ясно только одно, что эти войска были не велики. Сами тушинцы, склонные вообще преувеличивать силы врага, считали у Шереметева всего «съ три тысячи» или «три тысячи пятьсотъ человѣкъ» въ то время, когда онъ къ лѣту 1609 года пришелъ изъ Чебоксара въ Нижній. Мы знаемъ, что въ 1606 году съ Шереметевымъ въ Астрахань были посланы стрѣльцы московскіе и рязанскіе, изъ Переяславля-Рязанскаго и Ряжска. Подъ Астраханью къ Шереметеву присоединились конные астраханскіе стрѣльцы; были у него и казаки. Съ этою силою онъ пошелъ изъ-подъ Астрахани въ Казань. По дорогѣ, на Волгѣ, привлекалъ онъ къ себѣ отряды татаръ, башкиръ и прочихъ инородцевъ и, вѣроятно, «вольныхъ охочихъ новоприборныхъ казаковъ». Были у него и «нѣмцы» и «литва», неизвѣстно какимъ образомъ попавшіе на Волгу. Что у царя Василія бывали на службѣ наемные европейскіе отряды, врядъ ли требуетъ доказательствъ; но затруднительно представить себѣ путь, какимъ могли бы они попасть на московскій востокъ. Всего вѣроятнѣе, что Шереметевъ захватилъ съ собою въ походъ тѣхъ «полоняниковъ», литву и нѣмцевъ, которыхъ еще со временъ Ливонской войны принудительнымъ порядкомъ селили въ Понизовыхъ городахъ и обязывали гарнизонною службою. Въ одномъ маленькомъ Лаишевѣ было поселено въ XVI вѣкѣ 150 такихъ полоняниковъ [152]. Таковъ былъ составъ разномастной рати Шереметева, когда онъ пришелъ въ Казань, осенью 1608 года. Въ это время «въ черемисѣ», по обоимъ берегамъ Волги, уже «учало оружье говорити» и запылала во всемъ разгарѣ инородческая смута, о которой мы уже вели рѣчь выше. Она грозила прекратить сообщеніе между Казанскимъ краемъ и прочими областями государства. Овладѣвъ берегами Волги, мятежники уже ловили гонцовъ Шереметева и посылали ихъ въ воровской лагерь. Они могли и вовсе закрыть путь по Волгѣ, захвативъ на ней укрѣпленные пункты. Вотъ почему Шереметевъ не остался на зимовку въ Казани, а подвинулся въ самый центръ черемисскихъ земель и сталъ въ Чебоксарскомъ городѣ. Впереди себя въ Нижній онъ послалъ «для береженья» «два приказа» стрѣльцовъ, московскихъ и астраханскихъ, казачьи станицы, инородцевъ, нѣмцевъ и литву. Этотъ авангардъ участвовалъ во всѣхъ походахъ Алябьева: онъ содѣйствовалъ тому, что послѣ пораженія подъ Нижнимъ князя С. Вяземскаго арзамасскіе дворяне перешли на сторону Шуйскаго; онъ участвовалъ во взятіи Мурома; онъ вмѣстѣ съ арзамасцами составилъ гарнизонъ Владиміра. «А сидятъ казаки и стрѣльцы во Владимірѣ астраханскіе и московскіе, которые были подъ Астраханью на Балчикѣ съ Ѳедоромъ Шереметевымъ»,

писалъ Ѳ. Плещеевъ Сапѣгѣ: «сидятъ ихъ семьсотъ человѣкъ вогненого бою». Въ это время самъ Шереметевъ сидѣлъ въ черемисѣ, билъ возставшихъ и «приводилъ ихъ къ шерти». Не сладивъ съ черемисою и не очиcтивъ волжскаго пути, онъ не могъ идти далѣе: иначе онъ рисковалъ бы отдать все «Казанское государство» во власть мятежниковъ и въ подданство Вора. Только весною 1609 года пришелъ Шереметевъ въ Нижній, а затѣмъ, отдѣливъ часть войска къ Юрьевцу и Кинешмѣ, самъ пошелъ за Алябьевымъ въ Муромъ. Отсюда ему лежалъ открытый путь на Владиміръ; но онъ почему-то нашелъ нужнымъ обратиться въ сторону и взять Касимовъ, служившій Вору, за что и получилъ выговоръ отъ царя Василія. Направившись затѣмъ во Владиміръ, Шереметевъ пытался оттуда взять Суздаль, но былъ отбитъ, отступилъ опять во Владиміръ и здѣсь ожидалъ соединенія съ войсками Скопина, которое, наконецъ, и произошло въ Александровой слободѣ [153].

Такимъ образомъ, въ Клязьменскихъ мѣстахъ еще ощутительнѣе, чѣмъ за Волгою, сказывалось въ земскомъ движеніи участіе и руководство правительственныхъ лицъ. За Волгою Скопинъ въ первомъ періодѣ движенія ограничивался увѣщаніями и указаніями и не сразу могъ прислать городамъ своихъ воеводъ и головъ. Здѣсь же, на Окѣ и Клязьмѣ, стрѣльцы и казаки Шереметева, съ его «головами» А. Микулинымъ, Б. Износковымъ и другими, съ первыхъ же шаговъ составляютъ главное ядро дѣйствующихъ силъ, къ которому примыкаютъ мѣстныя дружины, напримѣръ, арзамасскіе дворяне съ Ѳ. Левашевымъ и «поволжскихъ городовъ многіе мужики», «датошныхъ людей» семьсотъ человѣкъ съ губнымъ старостою Б. Ногавицынымъ и съ холопомъ Шуйскаго Семейкою Свистовымъ. Если на сѣверѣ взятіе отъ воровъ Галича и Костромы было дѣломъ чисто земскихъ, мѣстныхъ «мужичьихъ» ратей, то на Клязьмѣ у мужиковъ не хватало силъ не только для того, чтобы брать большіе города, но даже и для того, чтобы отсиживаться въ мелкихъ городкахъ отъ воровского натиска. Самому Шереметеву, уже послѣ соединенія всѣхъ его войскъ во Владимірѣ, не удалось овладѣть Суздалемъ, представлявшимъ собою послѣдній оплотъ тушинцевъ въ области Клязьмы: такъ мало силъ могъ почерпнуть Шереметевъ въ мѣстномъ населеніи для подкрѣпленія своей небольшой «понизовой рати». Въ разоренномъ и ослабѣвшемъ краю, подъ угрозою суздальскаго гарнизона, ему оставалось только копить средства и собирать людей въ ожиданіи прихода Скопина. Несмотря на всѣ призывы царя Василія, ни Шереметевъ, ни другіе воеводы и головы его войска не рѣшились «идти подъ Сергіевъ монастырь на воровъ, не мѣшкая». Соображая все это, врядъ ли рѣшимся повторить Шереметеву сказанный ему царемъ Василіемъ упрекъ, что онъ «идетъ мѣшкотно, государевымъ дѣломъ не радѣетъ».

борьбу. Принимая сторону московскаго государя и поднимаясь на охрану стараго порядка, она давала въ руки Шуйскаго новую побѣду, которая, казалось, упрочивала его положеніе на московскомъ престолѣ [155].

Однако эта новая побѣда царя Василія оказалась столь же мимолетною, какъ и первое его торжество надъ Болотниковымъ. Еще раньше, чѣмъ Скопинъ и Шереметевъ начали изъ Александровой слободы наступленіе на тушинцевъ подъ самою Москвою, король Сигизмундъ открылъ военныя дѣйствія подъ Смоленскомъ, и для московскаго государства стала неизбѣжна борьба съ новымъ врагомъ. Съ другой стороны, прежде чѣмъ сѣверные «мужики» успѣли осмотрѣться въ освобожденной отъ Вора Москвѣ и опредѣлить свои отношенія къ руководящимъ слоямъ московскаго населенія, ихъ вождь, котораго они знали и чтили около двухъ лѣтъ, погибъ загадочною смертью, а затѣмъ вскорѣ и самъ царь Василій сталъ жертвою общественнаго недовольства. Онъ былъ лишенъ власти тѣми общественными кругами, которые захватили въ свое распоряженіе руководство собственно московскою жизнью, хотя и не имѣли большой силы и вліянія въ прочей странѣ. Такимъ образомъ замосковной и поморской рати не удалось ни умиротворить государство, ни укрѣпить излюбленное ими правительство, ни получить, наконецъ, должное вліяніе на ходъ дѣлъ въ столицѣ и государствѣ. Придя подъ Москву для возстановленія и утвержденія государственнаго порядка, «мужики» стали невольными свидѣтелями его окончательнаго потрясенія и разрушенія. Представляя собою сильнѣйшую въ матеріальномъ отношеніи и духовно-сплоченную среду, они однако не пріобрѣли еще политическаго вѣса; оставаясь пока орудіемъ, которымъ могла овладѣть всякая умѣлая рука, они не съумѣли взять въ свое распоряженіе московскія дѣла и отношенія.

IX.

Побѣда Скопина надъ тушинцами и вторженіе короля Сигизмунда въ Московскую землю повели къ паденію обоихъ враждовавшихъ правительствъ: олигархическо-боярскаго въ Москвѣ и русско-польскаго въ Тушинѣ. Это паденіе совершилось всего въ какіе-нибудь шесть-семь мѣсяцевъ 1610-го года и доставило полное, хотя и скоропреходящее торжество королю Сигизмунду, успѣвшему добиться полнаго уничтоженія государственнаго порядка во враждебномъ ему Московскомъ царствѣ. Не вдаваясь въ мелочное изученіе фактовъ этого момента Смуты, мы должны однако прослѣдить, хотя бы въ главныхъ чертахъ, общую послѣдовательность

событій, приведшихъ къ временному паденію политической самостоятельности Москвы.

Когда Александрова слобода была занята войсками Скопина, туда пришли, кромѣ войскъ Шереметева, и войска изъ самой Москвы съ князьями Ив. Сем. Куракинымъ и Б. М. Лыковымъ. Слобода стала такимъ образомъ средоточіемъ всѣхъ силъ Шуйскаго. Подъ главнымъ начальствомъ Скопина начали воеводы очищать отъ враговъ подмосковные города и дороги и подвигаться къ самой Москвѣ. Этотъ походъ по необходимости былъ медленъ, потому что тушинцы оспаривали у Скопина каждый шагъ. Скопинъ прибѣгалъ систематически къ одному и тому же пріему на всѣхъ дорогахъ, которыми овладѣвалъ: онъ строилъ на нихъ острожки и сажалъ въ нихъ гарнизоны, которые и держали данный путь въ своемъ распоряженіи. Поляки приписывали изобрѣтеніе этой мѣры шведскимъ военачальникамъ; но это былъ чисто московскій пріемъ, нашедшій себѣ наилучшее выраженіе въ извѣстныхъ «гуляй-городахъ». Онъ примѣнялся не только на Троицкой и Стромынской дорогахъ, гдѣ дѣйствовалъ Скопинъ, но и на Коломенской дорогѣ, гдѣ царь Василій «повелѣ острожки поставити для проѣзду хлѣбу». Съ помощью такихъ острожковъ московская рать выбила тушинцевъ изъ всѣхъ ихъ позицій кругомъ Москвы, за исключеніемъ одного Суздаля, гдѣ укрѣпился Лисовскій, и достигла самой Москвы. Москва была освобождена отъ давнишней блокады [156].

Случилось это раннею весною 1610 года. Въ эту пору Тушинскій станъ уже утратилъ значеніе воровской столицы: въ началѣ января его оставилъ Воръ, а въ началѣ марта покинуло его и все войско Вора. Кромѣ военной опасности были и другого рода причины, отнимавшія у Тушина его первоначальную важность. Отъ московскихъ стѣнъ оно отстояло слишкомъ далеко для того, чтобы играть роль осадной позиціи. Между Тушиномъ и Москвою Шуйскій создалъ на Ходынскомъ полѣ постоянный лагерь—«обозъ» или «полки», по московскимъ выраженіямъ. Тушинцы потеряли возможность нечаяннаго и быстраго нападенія на московскія стѣны и считали своимъ успѣхомъ уже то, что они въ бояхъ гнали врага «до самыхъ стѣнъ города» («az pod mury»). Только измѣна московскихъ казаковъ помогла имъ однажды ночью подойти къ самой стѣнѣ такъ называемаго «деревяннаго города» или Скородума и спалить эту стѣну на пространствѣ сорока саженъ: но этимъ и окончился ночной приступъ. Такимъ образомъ изъ Тушина оказывалось трудно добыть Москву. Когда же главныя военныя операціи сосредоточились въ сѣверныхъ мѣстахъ Замосковья, станъ Сапѣги подъ Троицей и ближайшая къ нему крѣпость Дмитровъ стали главными опорными пунктами тушинцевъ, а само Тушино обратилось въ своего рода резиденцію. Но и въ такой роли Тушино не представляло

удобствъ даже для Вора. Уже весною 1609 года ходилъ слухъ, будто Воръ желалъ найти себѣ новое жилище, боясь, что въ Тушинѣ «на веснѣ смрадъ и воня войско подушитъ». Отъ большого съѣзда ратныхъ и торговыхъ людей тамъ было грязно и тѣсно и было очень мало удобствъ для постояннаго житья; «у таборѣхъ будки покрыты соломою, а (всего) двои ворота—въѣхати и выѣхати; и ужо имъ скучилося у войску, и Вору платить нечимъ»,— въ такихъ словахъ отзывались о Тушинѣ въ началѣ 1609 года литовскіе купцы. Итакъ, еще не начинался походъ Скопина, а уже можно было предчувствовать запустѣніе Тушинскаго стана. Когда же побѣды Скопина прогнали тушинцевъ съ верхней Волги, а возстаніе мужиковъ выживало ихъ изо всѣхъ Замосковныхъ областей, Тушину стала грозить прямая опасность. Стоило врагамъ занять Дмитровъ, и Тушинскій станъ оказался бы между двухъ огней, подвергаясь ударамъ отъ Москвы и съ сѣвера [157].

Опасность отъ Скопина надвинулась на Тушино особенно съ того времени, когда Скопинъ занялъ Александрову слободу, то-есть въ первой половинѣ октября 1609 года. Какъ разъ въ тѣ же самые дни пришло въ Тушино извѣстіе и о томъ, что король Сигизмундъ прибылъ подъ Смоленскъ и осадилъ его. Съ двухъ сторонъ сразу грозила бѣда. Рѣшаясь на войну съ Москвою, Сигизмундъ не намѣренъ былъ дѣлать различіе между Шуйскимъ и Воромъ, между людьми и землями того и другого. Воръ имѣлъ полное основаніе считать короля столько же своимъ врагомъ, сколько и врагомъ Шуйскаго. Онъ окончательно въ этомъ убѣдился, когда королевскіе послы, пріѣхавшіе въ его станъ къ его польско-литовскимъ «товарищамъ», отказались вступить съ нимъ въ какія-либо прямыя сношенія. Живя въ недостаткахъ и тревогѣ отъ Скопина, видя всю шаткость своего войска и «бояръ», готовыхъ его бросить въ бѣдѣ, терпя, наконецъ, оскорбленія отъ Рожинскаго, Воръ рѣшился уйти изъ Тушина въ болѣе надежное мѣсто. Такимъ мѣстомъ была Калуга: она лежала на той дорогѣ, по которой Воръ пришелъ къ Москвѣ, была въ прямомъ сообщеніи съ казацкимъ югомъ и обладала сильною крѣпостью. Вмѣстѣ съ безопасностью она сулила матеріальное изобиліе и стратегическія выгоды. Туда тушинцы еще ранѣе отправляли для береженья женъ и дѣтей своихъ; туда скрылся и самъ Воръ [158].

Удаленіе Вора въ Калугу, происшедшее около 6-го января, повело къ очень быстрой ликвидаціи отношеній въ Тушинѣ. Казачество московское, служившее Вору, оставалось ему вѣрно и стало тянуть къ Калугѣ. Между казаками и «рыцарствомъ» открылась не только «рознь», но и прямая вражда. Всего недѣлю спустя послѣ ухода Вора изъ Тушина, извѣстный намъ атаманъ Беззубцевъ, служившій Вору, разгромилъ въ Серпуховѣ поляка Млоцкаго за

то, что тотъ «направлялъ дѣло въ королевскую сторону». Мѣсяцемъ позднѣе, когда казаки всею массою рѣшили перейти изъ Тушина въ Калугу къ Вору, Рожинскій напалъ на нихъ открытою силою и, какъ говорятъ, много ихъ побилъ. Это однако не удержало казачества отъ службы Вору. За исключеніемъ немногихъ, и въ томъ числѣ Заруцкаго, всѣ казаки отстранились отъ короля и держались прежняго «царика». За то обращеніе Сигизмунда къ тушинцамъ очень повліяло на настроеніе польско-литовскихъ людей въ Тушинѣ и на тѣхъ русскихъ людей, которыхъ зовутъ «тушинскими боярами». Литовскіе люди послѣ долгихъ переговоровъ съ королемъ раздѣлились на двѣ стороны: одна желала служить королю, другая же, понимая невозможность оставаться въ Тушинѣ, не желала однако подчиниться ни королю, ни Вору, и думала выждать. Всѣмъ войскомъ вышли ратные люди изъ Тушина 6(16)-го марта и отступили къ Волоку-Ламскому, гдѣ они могли считать себя въ безопасности отъ войскъ Шуйскаго. Отсюда они положили разойтись, кому куда угодно. Лучшіе изъ нихъ готовились идти подъ Смоленскъ, другіе отправились къ Вору. Сапѣга держался въ Дмитровѣ особнякомъ, выжидалъ и не желалъ отставать отъ Вора. Польское войско тушинскаго царика, словомъ, распалось. Если приближеніе Скопина заставило его отступить изъ Тушина, то королевскія воззванія уничтожили его внутреннее единство и раздѣлили его на разрозненныя и даже взаимно враждебныя части [159].

Вмѣшательство короля въ московскія дѣла и бѣгство Вора изъ Тушина столь же рѣшительное вліяніе оказали и на русскихъ служилыхъ людей, бывшихъ въ лагерѣ Вора на его воровской службѣ. Очень трудно точно опредѣлить эту среду высшихъ слугъ Вора со стороны ея состава, общественнаго положенія и политическаго настроенія. Во главѣ русскихъ тушинцевъ большихъ чиновъ и высокой породы стоялъ митрополитъ ростовскій и ярославскій, «нареченный» патріархъ Филаретъ Никитичъ. Его взяли въ плѣнъ и доставили въ Тушино войска Вора, занявшія и разграбившія Ростовъ въ октябрѣ 1608 года. Съ тѣхъ поръ Филаретъ пребывалъ въ Тушинѣ, по однимъ извѣстіямъ, какъ плѣнникъ, а по другимъ, какъ добровольный обыватель Тушина и глава той стороны духовенства, которая признала «царя Димитрія Ивановича». Офиціальное жизнеописаніе Филарета, составленное по поводу его поставленія въ патріархи въ 1619 году, вовсе умалчивало о тушинскомъ періодѣ его жизни. Грамоты Гермогена, писанныя въ 1609 году, упоминая о Филаретѣ, называли его не измѣнникомъ, а «плѣнникомъ»: «а которые взяты въ плѣнъ, какъ и Филаретъ митрополитъ и прочіе, не своею волею, но нужею, и на христіанскій законъ не стоятъ и крови православныхъ братій своихъ не проливаютъ, на таковыхъ мы (писалъ Гермогенъ) не порицаемъ». Вполнѣ довѣряя искренно-

сти словъ Гермогена, слушатели и читатели его грамотъ могли однако соображать, что для московскаго правительства было бы совершенно невозможно отозваться о Филаретѣ иначе, какъ о плѣнникѣ Вора. Если бы оно объявило его добровольнымъ приверженцемъ «царя Димитрія», то этимъ самымъ сильно подняло бы шансы своего Тушинскаго противника. Признаніе Вора Романовыми было бы тяжкимъ ударомъ Шуйскому. Впрочемъ, заявленіямъ Гермогена русскіе люди позднѣйшаго времени охотно давали вѣру: трудно было подозрѣвать въ добровольномъ служеніи Вору того іерарха, который при первой возможности отсталъ отъ Вора, желалъ на московскій престолъ Владислава и, возвратясь въ Москву изъ Тушина весною 1610 года, сталъ затѣмъ въ рядахъ правительства, безусловно враждебнаго Вору. Авраамій Палицынъ съ увѣренностью писалъ, что Филаретъ, будучи окруженъ въ Тушинѣ знаками патріаршескаго сана, «разуменъ сый и не преклонися ни на десно, ни на лѣво, но пребысть твердо въ правой вѣрѣ». Тонко сплетенная фраза Палицына способна навести читателя на справедливую, по всей видимости, догадку, что, попавъ поневолѣ въ Тушино, Филаретъ и въ самомъ дѣлѣ не намѣренъ былъ преклониться ни предъ Воромъ, ни предъ Шуйскимъ, а терпѣливо выжидалъ. Враждебное отношеніе къ олигархіи Шуйскаго должно было сложиться у Филарета еще въ первые дни царствованія царя Василія, когда вопросъ о патріаршествѣ Филарета получилъ такое непріятное для Романовыхъ направленіе. Въ самые первые дни борьбы съ Воромъ, когда тотъ еще только подходилъ къ Москвѣ, люди Романовскаго круга, именно Иванъ Никитичъ Романовъ и князья И. М. Катыревъ и И. Ѳ. Троекуровъ, женатые на Романовыхъ, вмѣстѣ съ княземъ Юріемъ Трубецкимъ были посланы противъ Вора на рѣчку Незнань и тамъ едва не увлекли войско къ отпаденію отъ Шуйскаго, за что и были почти всѣ сосланы Шуйскимъ. Впослѣдствіи и Троекуровыхъ и Трубецкихъ видимъ въ Тушинскихъ таборахъ, куда они явились отчасти изъ ссылки, отчасти изъ Москвы. Въ разное время въ Тушино пріѣхали и другія лица, близкія по свойству къ Филарету. Тамъ видимъ кн. А. Ю. Сицкаго, кн. Д. М. Черкаскаго, Ив. Годунова—людей, связанныхъ съ Романовыми по брачнымъ отношеніямъ. Всѣми указанными обстоятельствами достаточно освѣщается отсутствіе солидарности и согласія между Шуйскими и Романовскимъ родомъ. Филарета нельзя заподозрить въ томъ, чтобы онъ когда-нибудь желалъ поддержать власть именно Шуйскаго; а при такомъ отношеніи его къ царю Василію понятно, что онъ не пожелалъ купить себѣ свободу отъ Вора цѣною такого риска, какъ тверской архіепископъ Ѳеоктистъ, который былъ ворами убитъ «на пути ко царствующему граду въ бѣгствѣ». Филаретъ не пытался бѣжать изъ Тушина и жилъ тамъ какъ

ринъ его Ив. Ив. Годуновъ не по любви къ Вору держался въ Тушинѣ. По его разсказу, онъ былъ «разоренъ до основанья» отъ Василія Шуйскаго, жилъ въ ссылкѣ «въ деревнишкѣ за приставы» и тамъ «скитался межъ дворъ съ женишкомъ и съ людишками». Когда онъ свѣдалъ, что Воръ «пришелъ подъ свою государеву отчину подъ Москву», то «прибрелъ пѣшъ въ Володимеръ и ему, государю, крестъ цѣловалъ». Годуновъ увлекъ къ отпаденію отъ царя Василья всѣхъ владимірцевъ и муромцевъ и затѣмъ былъ вызванъ Воромъ изъ Владиміра въ Тушино. Очевидно, что онъ сталъ служить Вору, еще не зная, кто взялъ на себя имя Димитрія, изъ одной вражды къ сославшему его московскому боярскому правительству. Ссора съ тѣмъ же правительствомъ заставила бѣжать въ Тушино вмѣстѣ съ другими «перелетами» и князя Романа Гагарина; но онъ скоро явился обратно въ Москву и сталъ говорить противъ Вора, потому что горько въ немъ разочаровался. Всего вѣроятнѣе, что и большинство высокородныхъ тушинцевъ цѣнило Вора лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ казался имъ удобнымъ орудіемъ для борьбы съ царемъ Василіемъ. Когда они увидали, что это орудіе стало непригодно, они легко его бросили и обратились въ польскій лагерь за Владиславомъ [162].

Рядомъ съ дворцовою знатью въ Тушинѣ былъ очень замѣтенъ и вліятеленъ кружокъ совсѣмъ не родовитыхъ людей, увлеченныхъ на службу Вору личнымъ честолюбіемъ или случайными невзгодами и опасностью гоненій и опалы въ Москвѣ. Виднѣе прочихъ въ этомъ кружкѣ извѣстный Михалка Молчановъ, который еще при Борисѣ (въ 1604—1605 гг.) заслужилъ отъ знавшихъ его кличку «государева измѣнника», былъ затѣмъ въ числѣ убійцъ семьи Годунова, находился при Самозванцѣ въ почетѣ и близости, послѣ же его смерти былъ битъ кнутомъ, бѣжалъ въ Польшу, оттуда, кажется, снова пробрался въ Москву, а въ мартѣ 1609 года прибылъ уже въ лагерь Сапѣги, отдаваясь на милость Вора. Молчановъ былъ однимъ изъ самыхъ типичныхъ авантюристовъ изучаемой эпохи; личная исторія его начинается еще съ «угличскаго дѣла» 1591 года, въ которомъ ему довелось играть маленькую роль пристава, и связана съ рядомъ дальнѣйшихъ политическихъ катастрофъ и интригъ. Въ томъ же родѣ были тушинскіе дьяки Ив. Грамотинъ, «поповичъ» Васька Юрьевъ и другіе подобные, а рядомъ съ ними знаменитый Ѳедька Андроновъ, торговый мужикъ, кожевникъ, который въ дневникѣ Я. П. Сапѣги уже въ началѣ 1609 года называется въ числѣ «думныхъ бояръ» (то-есть думныхъ дворянъ) Вора. Вся эта компанія «самыхъ худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ, молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ» при нормальномъ ходѣ дѣлъ въ государствѣ оставалась бы въ полной безвѣстности, не имѣя возможности даже мечтать о вліяніи на дѣла и правитель-

ство. Но въ Тушинѣ она была въ исключительныхъ условіяхъ. Родовитые слуги Вора бывали обыкновенно на воеводствахъ въ городахъ и войскахъ; по актамъ видно, что очень немногіе изъ нихъ жили при самомъ Ворѣ, во главѣ его центральной администраціи. Именно потому эта администрація оставалась по преимуществу въ рукахъ незнатныхъ дьяковъ, и они пріобрѣтали важное значеніе въ Тушинѣ, такъ какъ составляли въ немъ правящій дѣлами кружокъ. Можно думать, что въ дни распаденія Тушинскаго стана этотъ кружокъ цѣликомъ завязалъ сношенія съ Сигизмундомъ. По крайней мѣрѣ въ лѣтописи и въ рядѣ грамотъ члены этого кружка поименовываются въ одной и той же привычной послѣдовательности *). Одни и тѣ же лица сперва, «не попомня Бога», бьютъ челомъ королю, чтобы онъ далъ на Московское царство своего сына, затѣмъ получаютъ отъ короля грамоты на земли, наконецъ, отъ короля же получаютъ грамоты на должности въ Московскомъ государствѣ и лично появляются въ Москвѣ, чтобы ею править [163].

Вступая въ сношеніе съ Тушинскимъ станомъ, Сигизмундъ имѣлъ въ виду не одно польско-литовское войско Вора, но и московскихъ людей, служившихъ Вору. Королевская инструкція, данная коммисарамъ, посланнымъ въ Тушино, предписывала имъ склонять тушинскаго патріарха и прочихъ русскихъ тушинцевъ отдаться подъ власть короля. Король обѣщалъ московскимъ людямъ сохраненіе всѣхъ ихъ правъ и новыя льготы и пожалованія. Коммисары завязали сношенія съ Филаретомъ и тушинскими боярами и передали имъ обѣщаніе короля. По разсказамъ коммисаровъ, русскіе люди съ живѣйшею радостію приняли милости Сигизмунда и желали его власти. Но подлинный текстъ того отвѣта, который былъ данъ королевскимъ коммисарамъ отъ Филарета и бояръ, гласитъ не то: русскіе люди, благодаря короля за милостивое къ нимъ обращеніе, представляли ему однако, что при всемъ желаніи видѣть на Московскомъ государствѣ его величество съ его потомствомъ, они не могутъ рѣшить столь важнаго дѣла безъ совѣта всей земли. Прося не поставить имъ во зло, что они «такое великое дѣло скоро не постановили», Филаретъ съ прочими тушинцами въ сущности уклонились отъ изъявленія подданства Сигизмунду. Но они не затруднились скоро рѣшиться на другой, не меньшей важности политическій шагъ. Когда Воръ убѣжалъ изъ Тушина, русскіе люди немедля укрѣпились договоромъ, «вошли въ конфедерацію» между

---

*) Предлагаемъ списокъ этихъ лицъ. Кромѣ Салтыковыхъ, кн. В. М. Масальскаго, кн. Ю. Хворостинина и Л. Плещеева, сюда принадлежали: Н. Вельяминовъ, М. Молчановъ, Ив. Грамотинъ, кн. Ѳ. Мещерскій, Ив. Чичеринъ, С. Соловецкій, Ѳ. Апраксинъ, А. Царевскій, Б. Замочниковъ, Т. Грязный, Васька (или Иванъ?) Юрьевъ, К. Сазоновъ-Коробейниковъ, Ѳ. Андроповъ, Е. Витовтовъ, С. Дмитріевъ. Съ ними иногда упоминаются И. Зубаревъ (Зубатой), М. Булгаковъ, В. Яновъ, И. Безобразовъ, Г. Кологривовъ, И. Измайловъ.

собою и съ польскимъ войскомъ въ томъ, что имъ не отъѣзжать «къ Василію Шуйскому и Михаилѣ Скопину», а также Шуйскихъ и «изъ иныхъ бояръ московскихъ никого» на государство не хотѣть. А затѣмъ они завели переговоры съ Сигизмундомъ о томъ, чтобы онъ пожаловалъ на Московское государство своего сына. Отъ русскихъ тушинцевъ было отправлено къ Сигизмунду посольство, которое прибыло въ королевскій станъ подъ Смоленскомъ въ серединѣ января 1610 года и договорилось тамъ объ условіяхъ, на которыхъ могъ бы Владиславъ занять русскій престолъ. Воспользовавшись старою мыслью о династической уніи Москвы съ Рѣчью Посполитою подъ властью Владислава,—мыслью, которая высказывалась московскими княжатами еще при первомъ Самозванцѣ,—русскіе тушинцы постарались найти для этой уніи наиболѣе подходящую форму. Въ такъ называемомъ договорѣ 4-го февраля 1610 года ими была предложена первая редакція политическаго трактата, имѣвшаго цѣлью соединеніе двухъ доселѣ враждебныхъ государствъ [164].

Этотъ договоръ 4(14)-го февраля создался такимъ образомъ. Русскіе послы, пріѣхавшіе отъ тушинскаго населенія къ королю, именно М. Г. Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ, князья Юрій Хворостининъ и Василій Масальскій, Левъ Плещеевъ, дьяки и дворяне, представились королю 21(31)-го января. Прося королевича на Московское государство, оба Салтыкова въ своихъ рѣчахъ и въ грамотѣ, которую они читали отъ всего русскаго народа, ихъ пославшаго, представляли королю о необходимости сохранить въ цѣлости православіе и стародавній московскій порядокъ. Старшій Салтыковъ «съ плачемъ» повторялъ просьбу о нерушимомъ сохраненіи православной вѣры, а сынъ его выражалъ надежду на то, что король не только обезпечитъ, но и увеличитъ «права и вольности» московскаго народа. Такимъ образомъ съ самаго начала переговоровъ, русскіе люди указывали королю, какъ на основаніе предлагаемой уніи, на неприкосновенность религіи и государственнаго строя. М. Салтыковъ просилъ короля какъ можно скорѣе назначить сенаторовъ для того, чтобы обсудить условія уніи; дѣйствительно, въ теченіе двухъ недѣль обсужденіе было кончено, и король 4(14)-го февраля могъ уже дать свой «отказъ», то-есть отвѣтъ на статьи объ уніи, предложенныя ему русскими послами. Только этотъ королевскій отвѣтъ и извѣстенъ намъ, такъ какъ подлинныя статьи тушинскихъ пословъ не сохранились. Свой же «отказъ» или, по московскому выраженію, «листъ статейный» король распространилъ немедля не только въ Рѣчи Посполитой, но и въ Московскомъ государствѣ: онъ его даже въ Москву «за своею рукою и за печатью къ боярамъ прислалъ». Судя по королевскому отвѣту, основаніемъ для уніи принято было сохраненіе полной автономіи

Московскаго государства и тѣсный военный союзъ Москвы и Рѣчи Посполитой. Въ опредѣленіи тѣхъ основныхъ чертъ московскаго общественнаго и политическаго порядка, которыя король и королевичъ должны были блюсти и охранять, въ договорѣ допущены были многія любопытныя особенности. Онѣ настолько характеризуютъ людей и положеніе, что на нихъ надлежитъ нѣсколько остановиться [165].

Прежде всего надо замѣтить, что договоръ отличается вообще національно-консервативнымъ направленіемъ. Онъ стремится охранить московскую жизнь отъ всякихъ воздѣйствій со стороны польско-литовскаго правительства и общества, обязывая Владислава блюсти неизмѣнно православіе, административный порядокъ и сословный строй Москвы. Ограниченіе единоличной власти Владислава думою и судомъ бояръ и совѣтомъ «всея земли» вытекало въ договорѣ не изъ какой-либо политической теоріи, а изъ обстоятельствъ минуты, приводившихъ на московскій престолъ иноземнаго и иновѣрнаго государя. Это ограниченіе имѣло цѣлью не перестройку прежняго политическаго порядка, а, напротивъ, охрану и укрѣпленіе «звычаевъ всѣхъ давныхъ добрыхъ» отъ возможныхъ нарушеній со стороны непривычной къ московскимъ отношеніямъ власти. Договоръ опредѣляетъ «стародавный звычай» московскій довольно полно и настолько вразумительно, что мы можемъ съ увѣренностью сказать, къ какой политической партіи принадлежали его московскіе редакторы. Они, во-первыхъ, были такъ далеки отъ московскихъ княжатъ-олигарховъ, что ни разу даже словомъ не упомянули въ своемъ договорѣ о «московскихъ княженецкихъ родахъ» при опредѣленіи сословныхъ льготъ и преимуществъ. Этотъ тенденціозный пробѣлъ былъ немедленно восполненъ, когда послѣ сверженія Шуйскаго московскіе княжата приняли участіе въ призваніи на царство королевича Владислава. Тогда, въ московской редакціи договора, было высказано требованіе «московскихъ княженецкихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцы въ отечествѣ и въ чести не тѣснити и не понижати». Во-вторыхъ, составители февральскаго договора, достигшіе власти и положенія личною выслугою Вору, ставили эту выслугу рядомъ съ «отечествомъ», говоря, что Владиславъ обязанъ «великихъ становъ (stan—чинъ, званіе) невиннѣ не понижати, а меншей станъ подносити водлугъ заслугъ (то-есть, повышать сообразно съ личными заслугами)». Очевидно, что съ Сигизмундомъ договаривались враги княжеской реакціи и представители тѣхъ дворцовыхъ порядковъ второй половины XVI вѣка, при которыхъ московскіе государи въ своемъ новомъ «дворѣ» малыхъ чинили великими. Съ этихъ страницъ февральскаго договора вѣетъ духомъ опричнины и Годуновскаго режима, тѣми новшествами правительственнаго обихода, которыя сочетались съ новшествами житей-

скими. Грознаго упрекали тѣмъ, что «вся внутренняя его въ руку варваръ быша»; Бориса называли «добрымъ потаковникомъ» для тѣхъ, кто измѣнялъ старому благочестію. Подобнымъ же культурнымъ либерализмомъ отличались и составители февральскаго договора. Указывая, что Владиславъ «никого поневолѣ» не долженъ «водить» изъ Московскаго государства въ Литву и Польшу, они оговаривались при этомъ, что «для науки вольно каждому» ѣздить изъ Москвы въ другія христіанскія государства и что «купцамъ русскимъ для торговъ» будетъ открытъ путь «до чужихъ земель черезъ Польшу и Литву». Эти новшества также исчезли изъ договора, когда онъ получилъ новую боярскую редакцію подъ стѣнами Москвы. Такимъ образомъ, поскольку дѣло касалось будущаго политическаго порядка, договоръ 4-го февраля старался опредѣлить его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до воцаренія Шуйскаго съ его реакціонною программою. Въ отношеніи же общественнаго строя составители февральскаго договора стояли въ той же мѣрѣ, какъ и царь Василій, за сохраненіе и утвержденіе крѣпостного порядка въ Московскомъ государствѣ. Они обезпечивали за землевладѣльческими слоями населенія не только ихъ права на «денежные оброки и помѣстья и отчизны», но и право на ихъ «мужиковъ-крестьянъ» и «холоповъ-невольниковъ». Крестьянское «выхожденье» не допускалось; холопы должны были служить господамъ на старомъ основаніи, и предполагалось, что «вольности имъ государь его милость давать не будетъ». Сложный вопросъ объ отношеніяхъ государства къ казачеству, которое по преимуществу и полнилось крѣпостными людьми, былъ не рѣшенъ въ договорѣ, а отложенъ до обсужденія его въ думѣ. Но самая постановка этого вопроса въ договорѣ указываетъ на настроеніе людей, писавшихъ договоръ: они хотѣли разсуждать не объ устройствѣ казачества, а о томъ, нужно ли самое его существованіе на Волгѣ, Дону, Яикѣ и Терекѣ.

Таковъ характеръ февральскаго договора. Его не могли бы подписать политическіе единомышленники и сторонники Шуйскаго; не могли бы принять и сторонники казачьяго Вора. Ни родовая знать, ни протестующая казачья масса не находила въ немъ своего признанія. За то московская дворцовая знать позднѣйшей формаціи, образованная на принципѣ личнаго возвышенія и хорошо знавшая силу придворнаго вліянія, вполнѣ могла принять условія договора, выработанныя М. Г. Салтыковымъ и тушинскими дьяками. Первый человѣкъ въ средѣ этой знати, Филаретъ Никитичъ Романовъ, не только согласился вступить въ сношенія съ королемъ, но послѣ февральскаго договора собирался даже переѣхать изъ воровского стана въ королевскій. И другіе представители тушинской власти стали на почвѣ февральскаго до-

говора съ полнымъ убѣжденіемъ, начиная самимъ Салтыковымъ и кончая «самыми худыми людьми»—тушинскими дьяками, которые въ чаяніи личнаго возвышенія «пріѣхали къ королевскому величеству и почали служити прежъ всѣхъ» [166].

Итакъ, подъ ударами Скопина и королевской политики Тушино распалось. Врагъ царя Василія, томившій Москву въ теченіе полутора года, бѣжалъ отъ столицы и его рать разсѣялась по всему государству, раздѣлясь, какъ и во времена Болотникова, на тѣ сословные слои, изъ которыхъ была сложена. Воры-казаки ушли въ Калугу за своимъ воровскимъ царемъ. Тушинцы болѣе высокаго общественнаго положенія обратились къ Сигизмунду. Польско-литовскіе отряды, послѣ многихъ колебаній, въ большинствѣ пошли туда же. Отъ распаденія Тушина король выигралъ гораздо больше, чѣмъ царь Василій, которому предстояла теперь борьба съ двумя врагами вмѣсто одного.

X.

Разсказанныя событія происходили въ то время, когда царь Василій торжествовалъ освобожденіе Москвы отъ долгой и тяжелой блокады и предвкушалъ окончательную побѣду надъ ворами и литвою. Въ первые дни марта 1610 года Тушино было покинуто его разноплеменными жителями съ такою спѣшностью, что тамъ былъ «оставленъ большой запасъ муки и зерна, который и былъ отправленъ въ Москву». Въ тѣ же дни (12-го марта) совершился, наконецъ, давно желанный въѣздъ Скопина въ Москву. Москва ожила и «изъ всѣхъ городовъ къ Москвѣ всякіе люди поѣхали съ хлѣбомъ и со всякимъ харчемъ». Въ Москвѣ начались пиры и веселье [167].

Все это было рѣзкимъ контрастомъ тому, что̀ пришлось видѣть московскому населенію въ дни осады. Намъ уже извѣстно сплошное бѣгство изъ Москвы служилыхъ людей при первыхъ же неудачахъ царя Василія подъ стѣнами столицы и на Ярославской дорогѣ. Одни бѣжали къ Вору, измѣняя царю Василію; другіе, не думая ни о какой измѣнѣ, спѣшили домой къ своимъ семьямъ, и хозяйствамъ, изъ боязни, что воры ихъ захватятъ и погубятъ. Въ столицѣ оставались только чины «государева двора» да изъ южныхъ городовъ, по преимуществу Рязанскихъ, тѣ служилые люди, которые еще до прихода Вора съ семьями и людьми съѣхались въ Москву, избѣгая опасности осады отъ владѣвшихъ южными уѣздами воровъ. Однако и эти постоянные «жильцы» столицы не всегда хорошо служили Шуйскому. Царь Василій стоялъ во главѣ олигархическаго круга, которому не всѣ сочувствовали и который не всѣ уважали. Самовольный захватъ власти, самоуправство и жесто-

кости вопреки торжественнымъ обѣщаніямъ въ подкрестной царской записи, личныя слабости Шуйскаго.—все это лишало его правительство необходимой нравственной силы. По словамъ И. Тимофеева, «скоропомазаніемъ» царя Василія «вси людіе о немъ предкнушася». По отзывамъ того же Тимофеева и другихъ писателей, личная жизнь царя Василія соблазняла народъ, потому что онъ былъ «нечестивъ всяко и скотолѣпенъ», правилъ «во блудѣ и пьянствахъ и кровопролитіихъ неповинныхъ кровей»; онъ занимался ворожбою, «оставя Бога, къ бѣсомъ прибѣгая»; «во дни его всяка правда успе, и судъ истинный не бѣ, и всяко любочестіе пресякну» (слова князя И. А. Хворостинина). По мнѣнію толпы, шумѣвшей на улицахъ противъ Шуйскаго, «онъ человѣкъ глупъ и нечестивъ, пьяница и блудникъ»; онъ не достоинъ царства, потому что «его ради кровь проливается многая»; въ народѣ говорили, что «онъ государь несчастливъ»: «гладъ и мечь царева ради несчастія». Вмѣстѣ съ самимъ царемъ Василіемъ осужденію подвергались и его братья, особенно Димитрій. Именно ему молва приписывала большое вліяніе на дѣла и даже виды на престолъ: служилые люди «ненавидяху его гордости, сего ради и нелюбезенъ бяше во очію ихъ»; ему приписывались самыя незавидныя качества ума и сердца. Олигархическій кружокъ близкихъ къ Шуйскому «его бояръ» представлялся москвичамъ далеко не дружнымъ: въ немъ «другъ друга ненавидяху и другъ другу завидоваху». Шуйскій не довѣрялъ своимъ боярамъ, «двоемысленъ къ нимъ разумъ имѣя», и «первоначальствующіе державы его», въ свою очередь, были съ нимъ не прямы. Въ тяжелыхъ условіяхъ междоусобной войны Шуйскій напоминалъ Палицыну гонимаго звѣря, который «хапалъ обоюду, не вѣдая что»: безъ разбора хваталъ онъ и правыхъ и виноватыхъ, «убивая» ихъ, предавая «смертному суду», никому не довѣрясь, но вѣря доносамъ и слушая тѣхъ, кто хотѣлъ служить ему языкомъ. Боясь потерять власть, Шуйскій, однако, не умѣлъ ею владѣть и не казался ея достойнымъ. Его энергія и ловкость не могли укрѣпить его на престолѣ, потому что представлялись средствами, направленными прежде всего на достиженіе личныхъ и партійныхъ цѣлей [108].

Москва помнила, что Шуйскій былъ «самоизбраннымъ» царемъ, видѣла, что онъ «погрѣшительну жизнь царствуя преходилъ», знала, что у него нѣтъ силъ прогнать Вора, и потому Москва не почитала и не боялась своего правительства; она держалась его лишь потому, что считала тушинское правительство Вора еще болѣе плохимъ, уже прямо воровскимъ. Между двумя сомнительными властями во время тушинской блокады москвичи дошли до полнаго упадка политической дисциплины и нравственности. Давно втянутый въ смуты и интриги, высшій слой московскаго населенія—при-

дворный и служилый людъ—легко измѣнялъ царю Василію и отъѣзжалъ въ воровскіе таборы, но также легко оттуда возвращался и вновь начиналъ служить въ Москвѣ, съ тѣмъ, чтобы при случаѣ опять уйти въ Тушино. Эти всѣмъ извѣстные «перелеты» могли безнаказанно или съ малымъ рискомъ заниматься своимъ позорнымъ измѣннымъ промысломъ лишь потому, что оба соперника—и Шуйскій и Воръ—одинаково нуждались въ людяхъ и въ равной степени ими дорожили. Дешевое раскаяніе въ измѣнѣ спасало перелетовъ отъ казни, а легкая возможность уйти изъ незапертыхъ воротъ Москвы или изъ подвижныхъ становъ тушинцевъ побуждала къ новымъ переѣздамъ «въ покой тѣлесный, въ велику же работу вражію». Если служилыхъ людей влекло въ измѣну чувство ненависти къ господствовавшимъ олигархамъ или честолюбивое желаніе получить «больши прежняго почесть и дары и имѣнія», то московскіе торгаши везли «кривопутствомъ» товары въ Тушино изъ-за одного презрѣннаго барыша, желая «десять гривенъ на шти сребреницахъ приняти». Они продавали «на сребро отцовъ своихъ и братію», такъ какъ доставляли изъ Москвы въ Тушино даже порохъ на погибель своихъ же близкихъ. Въ Москвѣ, словомъ, научились пользоваться политическимъ положеніемъ для частныхъ цѣлей и не сознавали еще, какую пагубу готовили этимъ родной странѣ.

Отъѣзды въ Тушино были первымъ, и не самымъ худшимъ, видомъ общественной распущенности. Вторымъ ея видомъ была необыкновенная неустойчивость политическаго настроенія, ведшая къ постоянному двуличію, къ тайной измѣнѣ тому, кому явно служили и усердствовали. Такое «ползкое естества премѣненіе» сознавали сами современники и крѣпко осуждали «лукавствующихъ сердцемъ». Но отъ этого зло не слабѣло. Московское населеніе, одинаково во всѣхъ слояхъ, дѣлило свое сочувствіе между боровшимися сторонами: не оставляло Шуйскаго, но втайнѣ радовалось его неудачамъ; не останавливало тѣхъ, кто уѣзжалъ къ Вору или прямилъ ему, и не ихъ осуждало, но тѣхъ бранило, кто на нихъ доносилъ. Многіе жители Москвы находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ тушинцами и добывали имъ вѣсти. Не говоря о «лазучникахъ» простого происхожденія, въ родѣ попа Ивана Зубова и служилаго человѣка Кирила Иванова Хвостова, которые служили Я. П. Сапѣгѣ въ Москвѣ,—даже лица виднаго общественнаго положенія могутъ быть заподозрѣны въ предосудительныхъ отношеніяхъ съ тушинскими властями [169]. Извѣстна, напримѣръ, записка отъ князя Ѳ. И. Мстиславскаго къ его «другу и брату» Яну Петру Павловичу Сапѣгѣ съ одною лишь просьбою, чтобы Сапѣга велѣлъ къ нему «писать о своемъ здоровьѣ», и съ надеждою, что князю Мстиславскому «дастъ Богъ очи твои (то-есть Сапѣгины) въ радость

видѣти». Если даже не соглашаться съ издателями записи въ томъ, что она относится къ 8-му іюня 1609 года, если даже относить ее къ лѣту 1611 года, когда Сапѣга спѣшилъ къ Москвѣ на помощь Гонсѣвскому и боярамъ, все же дружеская записочка боярина къ гетману выдаетъ ихъ доброе знакомство, которому начало положено было, разумѣется, не этимъ письмецомъ. Не меньшій интересъ возбуждаетъ другое письмо къ Я. П. Сапѣгѣ—именно то, которое писалъ изъ Москвы, въ концѣ 1609 или началѣ 1610 года, «нищей царьской богомолецъ» архимандритъ Авраамій, «обѣщаніе живоначальные Троицы и преподобнаго отца нашего Сергія игумена постриженикъ». Нищій богомолецъ, очевидно, былъ очень вліятельный человѣкъ: черезъ своего ходока, попа Ивана Зубова, Сапѣга «царскимъ словомъ» приглашалъ «архимандрита» Авраамія пріѣхать изъ Москвы въ станъ Сапѣги подъ Троицу—«чтобъ земля умирити и кровь крестьянскую утолити». Авраамій на это отвѣчалъ, что въ Москвѣ уже всѣ въ нуждѣ, «всѣмъ щадно, всякимъ людямъ», и потому «сѣдѣнья на Москвѣ будетъ не много», «обрядъ будетъ Шуйскому скоро». Этими фразами Авраамій намекалъ на то, что уже недолго ждать умиренія земли, конечнаго торжества Вора и сверженія Шуйскаго, а стало быть ему, Авраамію, нечего было и покидать Москву. А впрочемъ онъ обѣщалъ выѣхать подъ Троицу, когда для него будетъ возможность, «когда будетъ мой доволъ». Прося посылать къ нему «бережно и неогласно» попа Ивана Зубова, «для ради царьскаго дѣла», прося также не казать никому его грамотки, «старецъ архимандритъ» смягчалъ свой осторожный отказъ ѣхать къ Сапѣгѣ цѣннымъ для тушинцевъ указаніемъ на то, когда и какими дорогами приходятъ въ Москву «станицы» отъ Скопина; въ заключеніе онъ сообщалъ Сапѣгѣ, что изъ Москвы посылаютъ къ Скопину дѣтей боярскихъ, «чтобъ онъ шелъ ранѣе, а москвичи сидѣть не хотятъ долго въ осадѣ». По актамъ того времени видно, что въ Москвѣ тогда было два архимандрита Авраамія—чудовской и андроньевскій; но оба они, насколько знаемъ, не имѣли отношенія къ Троицкому монастырю и не могли вліять на троицкую братію, чтобы она подчинилась Сапѣгѣ ради умиренія земли и утоленія христіанской крови. Мы не удивились бы, если бы въ данномъ случаѣ «старцемъ архимадритомъ» оказался знаменитый Палицынъ. Къ нему Сапѣга легко могъ обратиться послѣ неудачнаго приступа къ монастырю въ концѣ іюля 1609 года, когда, потерявъ надежду взять монастырь силою и боясь приближенія наступавшаго Скопина, тушинцы искали всякаго рода средствъ овладѣть поскорѣе монастыремъ. Присутствіе монастырскаго келаря въ лагерѣ осаждающихъ было бы для Сапѣги очень важно. Сапѣга пробовалъ склонить братію къ сдачѣ монастыря съ помощью русскихъ людей, и въ томъ числѣ М. Салтыкова и Ив. Грамотина, ко-

торые подъѣзжали къ стѣнамъ обители и убѣждали гарнизонъ признать царя Дмитрія, потому что его уже признала будто бы и сама Москва. Братія не повѣрила обманнымъ рѣчамъ тушинскихъ бояръ; но она не могла бы не повѣрить своему келарю, если бы онъ рѣшился вести такія рѣчи. Вотъ почему для Сапѣги имѣло смыслъ обращеніе къ Палицыну. Нашей догадкѣ о сношеніи Палицына съ Сапѣгою не противорѣчитъ то соображеніе, что Авраамій Палицынъ не имѣлъ сана архимандрита и не былъ постриженникомъ Сергіева монастыря. Авторъ письма зоветъ себя «старецъ архимаритъ Авраамей», какъ бы намекая на то, что онъ еще не совсѣмъ превратился изъ простого «старца» въ архимандриты. Въ Тушинѣ могли произвести его въ архимандриты, какъ произвели, напримѣръ, старца Іова въ архимандриты Суздальскаго Спасо-Евфимьева монастыря. Такого же повышенія, «въ которой монастырь ему, государю, Богъ извѣститъ», просилъ себѣ у Вора чернецъ Левкій Смагинъ, знавшій, что въ Тушинѣ не стѣснялись раздавать и церковные саны и должности. Старецъ Авраамій могъ быть въ одной іерархіи «старцемъ келаремъ», а въ другой «старцемъ архимандритомъ», совершенно такъ же, какъ Филаретъ былъ въ одной іерархіи патріархомъ, а въ другой митрополитомъ. Съ другой стороны, вопросъ о мѣстѣ и обстоятельствахъ постриженія Авраамія Палицына до сихъ поръ еще теменъ. Свидѣтельства о томъ, что «обѣщаніемъ» Авраамія были Соловки, идутъ не отъ самого старца и не изъ официальныхъ документовъ, а изъ монастырскихъ записей неизвѣстнаго времени и происхожденія. Самъ же Авраамій просилъ въ 1611 году троицкихъ властей его «покоить, какъ и прочую братію», въ Троицкой обители, покамѣста ему Богъ животъ продлитъ. Очевидно, въ то время, вспоминая о смертномъ часѣ, онъ не вспомнилъ о Соловкахъ, и это даетъ намъ право сомнѣваться, чтобы свое «обѣщаніе» безысходнаго пребыванія Палицынъ далъ именно въ Соловецкой обители. Происходя самъ изъ близкихъ къ Сергіеву монастырю мѣстъ Ростовскихъ, Дмитровскихъ или Переяславскихъ, Авраамій вмѣстѣ съ прочими своими родичами прилежалъ къ Троицкой обители: ей передавалъ свои родовыя земли; ей отдавалъ свои силы и таланты; ее же, наконецъ, славилъ въ литературныхъ писаніяхъ [170].

Переписка кн. Мстиславскаго и «старца архимарита» съ Сапѣгою могла остаться тайною для Шуйскихъ и населенія Москвы, какъ много и другихъ измѣнныхъ дѣлъ оставалось безъ обличенія и наказанія со стороны слабой московской власти. Но не могла для народа оставаться тайною общая шаткость политическаго настроенія въ знати, раздвоеніе въ средѣ боярства и высшей администраціи, вражда «бояръ царя Василія» и «иныхъ бояръ». По Москвѣ ходили разсказы о томъ, какіе бояре стоятъ за Шуйскаго,

а какіе прямятъ Вору. Въ 1609 году говорили, напримѣръ, что противъ царя Василія настроены князья Б. М. Лыковъ, И. С. Куракинъ, Голицыны и Хворостининъ. Въ 1610 году шелъ слухъ, что В. В. Голицынъ желалъ для себя царства и потому принялъ участіе въ свержени Шуйскихъ. Такого рода слухи подрывали авторитетъ царя Василія и уничтожали страхъ предъ нимъ въ московской толпѣ. Истомленная дороговизною и голодомъ, раздраженная лишеніями блокады, эта толпа не разъ поднимала шумъ и бросалась къ Кремлю. «Дѣти боярскіе и черные всякіе люди приходятъ къ Шуйскому съ крикомъ и вопомъ, а говорятъ: до чего имъ досидѣть? хлѣбъ дорогой, а промысловъ никакихъ нѣтъ и ничего взяти негдѣ и купити нечѣмъ!»—такъ описывали московскія волненія выходцы изъ Москвы въ Тушинскомъ станѣ. Такого же рода свѣдѣчія находимъ и въ лѣтописи московской и въ польскомъ дневникѣ Я. П. Сапѣги. Царь Василій, привыкшій съ первыхъ же дней своей власти считаться съ настроеніемъ уличной толпы, успокаивалъ подданныхъ надеждами на скорую помощь и освобожденіе, указывая народу даже вѣроятные сроки, когда въ Москву должны были придти войска Скопина и Ѳ. И. Шереметева. Народный шумъ возникалъ обыкновенно тогда, когда съ потерею Коломенскаго пути Москва на время попадала въ полную осаду и останавливался подвозъ хлѣба и другихъ припасовъ съ Оки. Но условія московскаго рынка были таковы, что иногда хлѣбныя цѣны въ Москвѣ поднимались искусственнымъ путемъ, вслѣдствіе знакомой уже намъ въ эпоху голодовки при царѣ Борисѣ такъ называемой «вязки» хлѣботорговцевъ. Попытки царя Василія установить таксу на хлѣбъ не имѣли никакого успѣха: житопродавцы не желали держаться таксы, хотя царь Василій въ данномъ случаѣ не задумывался наказывать ослушниковъ, «градскимъ закономъ смирити сихъ». Царское наказаніе вело лишь къ тому, что купцы сами останавливали движеніе въ Москву своего товара: «въ протчихъ градѣхъ и селѣхъ закупленная ими сташа недвижима»; на прочіе же грады и села власть царя Василія тогда уже не простиралась. Такимъ образомъ московское населеніе, недовольное Шуйскимъ за его «несчастіе» и политическую слабость, имѣло всѣ основанія быть недовольнымъ и хозяевами своего рынка. Оно «шумѣло» не только противъ властей, но и противъ толстосумовъ. Поэтому агитація тушинскаго Вора съ ея «воровскимъ» и казаческимъ характеромъ всегда имѣла нѣкоторый успѣхъ въ московской толпѣ, угрожала междоусобіемъ самой столицѣ и пугала руководящіе верхи московскаго населенія [171].

Постоянная возбужденность москвичей дѣлала возможными самыя острыя проявленія политической распущенности — открытые мятежи противъ царя Василія отдѣльныхъ, слабыхъ и незначитель-

ныхъ кружковъ служилаго люда. Они желали произвести переворотъ съ помощью уличной толпы, которую думали увлечь въ возстаніе нечаяннымъ на нее воздѣйствіемъ. Первый мятежъ такого рода умыслили московскіе дворяне князь Романъ Ивановичъ Гагаринъ и Тимоѳей Васильевичъ Грязной да рязанецъ Григорій Ѳедоровичъ Сумбуловъ «и иные многіе». Они вошли толпою въ Кремль, «въ верхъ къ бояромъ», и стали говорить, чтобъ «царя Василія перемѣнити». Бояре «отказали» имъ и разбѣжались по своимъ дворамъ. Мятежники между тѣмъ захватили въ Успенскомъ соборѣ патріарха и повели его на Красную площадь «на Лобное мѣсто и ведуще ругахуся ему всячески, біюще созади, иніи песокъ и соръ и смрадъ въ лицо и на главу ему мещуще; а иніи, за перси емлюще, трясаху злѣ его». Гермогенъ, не сочувствуя имъ, едва ушелъ отъ нихъ на свой дворъ. Только кн. В. В. Голицынъ, одинъ изъ всѣхъ бояръ, пріѣхалъ къ мятежникамъ на площадь; остальные бояре сидѣли по домамъ. Тѣ же изъ нихъ, которые были «въ полкахъ», то-есть въ подмосковномъ лагерѣ на Ходынкѣ, успѣли придти на помощь къ царю Василію «собрався», иначе говоря—съ отрядами войска. Поэтому, когда мятежники съ Красной площади пошли къ царю Василію, чтобы «перемѣнить» его, онъ уже имѣлъ возможность встрѣтить ихъ «мужественно и не убоявся отъ нихъ убивства». Потерпѣвъ въ Кремлѣ неудачу, мятежники разбѣжались, и много ихъ, «человѣкъ съ триста», уѣхало въ Тушино. Дневникъ Сапѣги отмѣтилъ это крупное московское происшествіе и отнесъ его, по новому стилю, къ 7-му марта 1609 года, то-есть къ 25-му февраля по московскому счету. Это число приходилось въ 1609 году на масляницѣ въ субботу, называемую въ тѣ времена «сырною» или «сыропустною» субботою. Именно про этотъ день толковалъ патріархъ Гермогенъ въ своихъ грамотахъ, обращенныхъ къ тушинцамъ. Онъ напоминалъ врагамъ царя Василія о неудачѣ, постигшей «въ субботу сырную» возставшихъ на царя. Въ одной изъ грамотъ патріархъ увѣщевалъ тушинскихъ мятежниковъ добить челомъ царю Василію и обѣщалъ имъ, что они будутъ прощены какъ и тѣ, «которая ваша братья въ суботу сыропустную востали на него государя». Въ другой грамотѣ, писанной вообще ко всѣмъ, которые «отъѣхали измѣнивъ» изъ Москвы, патріархъ разсказывалъ обстоятельства бунта 25-го февраля. Возставшіе объявили патріарху, что они встали на Шуйскаго за его тайныя казни: «и топере де повели многихъ, нашу братію, сажать въ воду, за то де мы стали», говорили они. «И учали (по словамъ патріарха) честь грамоту, писано ко всему міру изъ литовскихъ полковъ отъ русскихъ людей»: въ этой грамотѣ тушинцы приглашали москвичей свергнуть Шуйскаго. Такъ изъ словъ Гермогена обнаруживается важное обстоятельство, что движеніе князя Гагарина и

его друзей было не безъ вліянія тушинской агитаціи. Можно, кажется, указать на весьма вѣроятнаго заводчика этой смуты въ лицѣ извѣстнаго Михаила Молчанова, который на другой же день послѣ бунта выбѣжалъ вмѣстѣ съ княземъ Ѳедоромъ Мещерскимъ изъ Москвы въ лагерь Сапѣги подъ Троицу. Большую мягкость, съ какою Шуйскій отнесся къ мятежникамъ, можно считать указаніемъ на то, что московское правительство видѣло въ нихъ легковѣрныхъ жертвъ вражеской агитаціи. По увѣренію грамоты Гермогена, мятежники получили амнистію: царь «тѣмъ вины отдалъ»; дѣйствительно, даже князь Р. Гагаринъ, одинъ изъ главныхъ вожаковъ бунта, счелъ возможнымъ, не позднѣе мая того же 1609 года, вернуться изъ «таборовъ» въ Москву вмѣстѣ съ подобнымъ ему «перелетомъ», московскимъ служилымъ литвиномъ Матьяшемъ Мизиновымъ [172]. Не успѣлъ Шуйскій сладить съ однимъ заговоромъ, какъ созрѣлъ другой: «хотѣли Шуйского убить на вербное воскресенье», 9-го апрѣля, очевидно, въ то время, когда онъ по обычаю долженъ былъ вести «осля» подъ патріархомъ. Заговоръ открылся по доносу В. Бутурлина. Бояринъ Иванъ Ѳедоровичъ Крюкъ-Колычевъ былъ сочтенъ главою заговорщиковъ, пытанъ и казненъ на Красной площади, а сообщники его были посажены по тюрьмамъ. Однако, по слухамъ, не всѣхъ заговорщиковъ обличили: въ маѣ 1609 года въ Москвѣ шли разговоры о томъ, что «бояре и дворяне и дѣти боярскіе и торговые люди», которые «были въ заговорѣ» съ Колычевымъ и уцѣлѣли, «тѣмъ же своимъ старымъ заговоромъ умышляютъ и хотятъ его (царя Василія) убить на Вознесеньевъ день изъ самопала». Однако и въ день Вознесенія, 25-го мая, Шуйскій остался цѣлъ. Интересно, что московскіе люди всѣ предполагаемыя покушенія произвести переворотъ пріурочивали къ праздничнымъ днямъ, когда можно было ожидать скопленія народныхъ массъ въ храмахъ и церковныхъ процессіяхъ. На эти праздничныя сборища возлагали свои надежды не одни московскіе заговорщики, но, кажется, и тушинскіе главари. Зная о волненіяхъ въ Москвѣ на масляницѣ и о замыслахъ на Вербное воскресенье, они имѣли какія-то свѣдѣнія и о томъ, что въ Москвѣ будетъ «замятня» на Николинъ день, 9-го мая, потому, будто бы, что Шуйскій, тѣснимый толпою голодающихъ, «у нихъ упросилъ сроку до Николина дни». Послѣ Николина дня, принесшаго тушинцамъ разочарованіе, они стали расчитывать на Троицынъ и Духовъ дни, 4-го и 5-го іюня, и въ одинъ изъ этихъ дней рѣшились даже штурмовать «обозъ» царя Василія и московскія стѣны. Потерпѣвъ большую неудачу и потерявъ много людей убитыми и плѣнными, «послѣ того бою поляки и литва и русскіе измѣнники большими людьми не приходили на Москву»; но теперь они перенесли свои надежды на Петровъ день. Всѣ эти расчеты на возстаніе противъ Шуйскаго празднич-

ной толпы поддерживались тѣмъ обстоятельствомъ, что весною и лѣтомъ 1609 года Москва была отрѣзана отъ Коломны войсками тушинца Млоцкаго и потому голодала: многіе люди помирали голодною смертію; дровъ не было, жгли «опальные дворы»; стрѣльцамъ и пушкарямъ изъ казны не давали ни хлѣба, ни денегъ; «людіе же на Москвѣ въ тѣ поры быша въ великой шатости, многіе хотяше къ Тушинскому вору итти». Подобныя смуты, ослабѣвшія съ первыми извѣстіями объ успѣхахъ Скопина и Ѳ. И. Шереметева, возобновились въ Москвѣ въ концѣ 1609-го и началѣ 1610 года, когда тушинцы дѣлали послѣднія попытки не допустить Скопина къ Москвѣ. Они снова осадили Коломну, взяли Красное село подъ Москвою, пытались зажечь стѣны Деревяннаго города въ Москвѣ и отняли у москвичей на время всѣ дороги. Въ Москвѣ въ ту пору цѣна хлѣба дошла до семи рублей за четверть, то-есть стала въ три съ половиной раза выше обычныхъ цѣнъ осаднаго времени и въ 24 раза выше той указной цѣны «за четь по 10 алтынъ», по которой казна расчитывала служилымъ людямъ денежное жалованье за хлѣбъ. Въ нуждѣ и уныніи московскіе люди впадали «во многое невѣріе» и думали, что имъ «лгутъ будто про князь Михаила» о скоромъ его приходѣ къ Москвѣ. Всѣмъ «міромъ» снова приходили они въ Кремль къ царю Василью, «шумѣли» и начинали «мыслити опять къ Тушинскому вору». Въ эту пору, въ началѣ 1610 года, раздраженіемъ московской толпы противъ царя Василія стали пользоваться уже не воеводы Тушинскаго вора и не случайныя компаніи москвичей, «шумѣвшихъ» отъ голодовки и тайнаго сажанья въ воду, а люди большого вліянія и большой политической ловкости. Они подготовляли паденіе царя Василія въ то самое время, когда онъ свѣтлыми пирами праздновалъ свое торжество надъ Воромъ и его поляками и готовился торжествовать надъ Сигизмундомъ [173].

Переходя теперь къ самому факту низложенія Шуйскаго, припомнимъ вкратцѣ политическое положеніе первыхъ мѣсяцевъ 1610 года. Царь Василій въ это время, дождавшись полнаго освобожденія отъ блокады, ожидалъ въ Москву своихъ воеводъ изъ Александровой слободы. Его прежняя опора, ненадежная по измѣнчивости настроенія масса столичнаго населенія, теперь теряла въ его глазахъ свое значеніе, уступая первенство мужицкимъ ратямъ сѣверныхъ городовъ, ставшихъ за царя Василія. Эти рати разогнали тушинцевъ изъ-подъ Москвы и должны были содѣйствовать отогнанію поляковъ отъ Смоленскихъ стѣнъ. Имъ, казалось, принадлежала теперь рѣшающая роль, а ихъ вождь, популярный и способный князь Скопинъ, получалъ значеніе распорядителя главной силы въ царствѣ. Сломленная успѣхами Скопина, партія Тушинскаго вора распалась, и входившіе въ ея составъ московскіе люди раздѣлились.

Такъ называемые «воры», казаки и боярскіе люди, съ немногими изъ дворянъ сѣли съ Воромъ въ Калугѣ и другихъ южныхъ городахъ. Высшіе же слои Тушинскаго населенія. знать и дьяки. оставили «царика». Они прежде всего условились не служить Шуйскимъ и не выбирать на престолъ никого изъ бояръ. а затѣмъ вошли въ сношенія съ Сигизмундомъ и установили съ нимъ условія соединенія Москвы съ Рѣчью Посполитою подъ единою властью Владислава. Василію Шуйскому предстояло теперь не только ловить Вора, убѣжавшаго изъ-подъ Москвы, не только сражаться съ поляками, осадившими Смоленскъ. но и бороться съ тою стороною московскаго общества, которая предпочитала боярской олигархіи унію съ иновѣрнымъ государствомъ. Если вѣрить М. Г. Салтыкову, мысль объ уніи возникла у русскихъ тушинцевъ не безъ вѣдома враговъ Шуйскаго, жившихъ въ самой Москвѣ. Такъ обстояли дѣла, когда Филаретъ былъ захваченъ московскими войсками на пути къ королю и доставленъ въ Москву, а въ самой Москвѣ скончался, неожиданно для всѣхъ, князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. Эти два случайные факта имѣли для царя Василія роковое значеніе [174].

Скопинъ умеръ, по наиболѣе вѣроятному показанію, 23-го апрѣля 1610 года. Филаретъ прибылъ въ Москву въ серединѣ мая, тотчасъ послѣ боя подъ Іосифовымъ монастыремъ 11(21)-го мая 1610 года, когда онъ былъ плѣненъ войсками Гр. Валуева. Смертью Скопина, какъ справедливо выразился С. М. Соловьевъ, «порвана была связь русскихъ людей съ Шуйскимъ», и олигархическій кругъ властвовавшихъ бояръ въ лицѣ Скопина лишился своей нравственной опоры. Въ лицѣ же Филарета въ Москву явился вліятельный и умный врагъ Шуйскихъ. уже признавшій въ Тушинѣ власть Владислава и располагавшій въ Москвѣ цѣлымъ кругомъ родни и кліентовъ. Впослѣдствіи бояре говорили о Филаретѣ, что «онъ былъ тогда въ Москвѣ самою большою властью подъ патріархомъ, а братья его и племянники (были) бояре большіе же». Потерявъ Скопина, царь Василій утратилъ вѣрность рязанскихъ дворянъ, которые до тѣхъ поръ хорошо ему служили; въ князѣ Михаилѣ лишился онъ и посредника между его правительствомъ и сѣверными «мужиками». которыхъ собралъ и привелъ къ Москвѣ этотъ «страшный юноша». Безъ привычнаго и любимаго руководителя земскія рати теряли устойчивость своего настроенія; ихъ одушевленіе потухало, потому что гасла вѣра ихъ въ царя Василія и въ его правительство, обвиненное въ отравленіи ихъ любимца. Наоборотъ, съ пріѣздомъ Филарета получала руководителя враждебная княжатамъ и Шуйскому сторона некняжескаго боярства. Кандидатура Владислава съ ея условіями, принятая Филаретомъ и заявленная московскому населенію задолго до паденія Шуйскихъ грамотами Сигизмунда, была для враждебныхъ царю Василію бояръ своего

рода программой: она подавала надежду на замѣну олигархіи княжатъ опредѣленнымъ государственнымъ строемъ, въ которомъ для княжатъ не было оставлено мѣста, но боярамъ вообще дана была дѣятельная роль. Такимъ образомъ, съ кончиною Скопина и съ появленіемъ въ Москвѣ Филарета, Шуйскій проигрывалъ: уменьшались его шансы на поддержку тѣхъ общественныхъ силъ, которыя шли за Скопинымъ, и увеличивались силы враждебной ему боярской стороны [175].

Если бы царь Василій и его партія, близкіе къ нему княжата, умѣли истолковать себѣ роковое для нихъ значеніе происходящихъ событій, они поняли бы необходимость для себя держаться «заодинъ» противъ общихъ враговъ въ защиту благопріятнаго имъ правительственнаго порядка. Но именно согласія и не было между ними. Въ самомъ родѣ Шуйскихъ была свара, которая достигла большой огласки и, по общему мнѣнію современниковъ, свела въ могилу Скопина. Дяди Шуйскіе, по словамъ лѣтописи, держали на племянника Скопина «мнѣніе» и «рень» по такому случаю. Въ Москвѣ узнали, что Прокопій Ляпуновъ, рязанскій воевода, въ письмѣ къ Скопину бранилъ «укорными словами» В. И. Шуйскаго, а самого Скопина «здороваше на царствѣ» еще въ то время, когда тотъ былъ въ Александровой слободѣ; Скопинъ, получивъ грамоту Ляпунова, смутился и разсердился, но не донесъ о ней царю Василію. Выходка Ляпунова была лишь отраженіемъ того, что думалось и говорилось во всемъ войскѣ Скопина. Поляки имѣли извѣстія, что въ войскѣ, шедшемъ со Скопинымъ къ Москвѣ, звали князя Михаила «царемъ». Василій Шуйскій получалъ доносы «съ клятвою», что вся земля желала видѣть Скопина «скипетроносцемъ». Когда Скопинъ вступилъ въ Москву, москвичи встрѣтили его съ великою честью и благодарили за избавленіе Москвы. На В. И. Шуйскаго съ братьями горячее выраженіе народной любви къ князю Михаилу произвело впечатлѣніе не въ пользу Скопина: узнавъ, что онъ не донесъ на Ляпунова, они его подозрѣвали въ томъ, будто онъ не прочь пойти навстрѣчу народнымъ желаніямъ и принять царство. Будемъ ли мы или не будемъ вѣрить тому, что Скопина отравили завистливые родичи, все-таки мы не можемъ сомнѣваться въ существованіи крупныхъ недоразумѣній и неудовольствій между Шуйскими. Безвременная погибель князя Михаила была истолкована московскимъ обществомъ, какъ естественное послѣдствіе семейной розни. Къ бѣдѣ Шуйскихъ, рядомъ съ семейною рознью, разгоралась и партійная—въ средѣ олигархическаго кружка, между Голицыными и Шуйскими. Уже въ 1609 году В. В. Голицынъ не скрывалъ своихъ дурныхъ отношеній къ царю Василію: онъ одинъ изо всѣхъ бояръ пріѣхалъ «къ дьявольскому совѣту» заговорщиковъ, собравшихся противъ Шуйскаго на Лобномъ мѣстѣ. Есть данныя для того, чтобы

подозрѣвать этого князя, старшаго изъ Голицыныхъ, въ стремленіи стать на мѣсто царя Василія и взять въ свои руки руководство княжатами и государствомъ. Еще за полгода до сверженія Шуйскаго, въ январѣ 1610 года, шелъ опредѣленный слухъ, что въ Москвѣ существовала сильная партія среди дворянъ и тяглаго міра, желавшая воцарить Голицына вмѣсто Шуйскаго, и что эта партія воздержалась отъ дѣйствія лишь потому, что узнала о нашествіи Сигизмунда. Далѣе будетъ видно, что во дни сверженія царя Василія князь В. В. Голицынъ держался такъ, какъ будто бы желалъ престола для себя. Присутствуя при этой глухой распрѣ изъ-за власти, другіе княжата, не имѣвшіе претензіи захватить первенство себѣ, были одинаково холодны и къ Шуйскимъ и къ Голицынымъ. Они, въ лицѣ князей Мстиславскаго и И. С. Куракина, мало-по-малу склонялись къ мысли о томъ, что всего будетъ лучше имѣть государя не изъ равной себѣ братьи, а изъ иноземнаго державнаго рода [176].

Взаимное недружелюбіе и холодность въ отношеніяхъ лицъ правящаго кружка обнаружились такъ давно и для царя Василія составляли столь обычное явленіе, что, къ его несчастію, не внушали ему должныхъ опасеній и не мѣшали ему заниматься очередными дѣлами. Главнымъ изъ такихъ дѣлъ былъ походъ на короля подъ Смоленскъ. Къ нему и готовились Шуйскіе, продолжая то, чему начало положилъ покойный Скопинъ. Еще при его жизни отряды его войскъ дѣйствовали на путяхъ къ Литовской украйнѣ: около Бѣлой стоялъ кн. И. А. Хованскій, въ Можайскѣ были съ авангардомъ главной арміи князья А. В. Голицынъ и Д. Мезецкій. Послѣ кончины Скопина царь Василій передалъ высшее начальство надъ войсками своему брату Дмитрію, который и выступилъ изъ Москвы противъ короля,—«изыде со множествомъ воинъ, но со срамомъ возвратися», по выраженію Палицына. Извѣстны обстоятельства его похода. Захваченный врасплохъ гетманомъ Жолкѣвскимъ, онъ долженъ былъ принять бой тамъ, гдѣ не ожидалъ, и 24-го іюня при селѣ Клушинѣ (верстахъ въ 20-ти отъ Гжатска) былъ разбитъ наголову. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ послѣдствій Клушинскаго боя было то, что шведскія войска, находившіяся въ арміи Дм. И. Шуйскаго, оказались отрѣзанными отъ путей къ Москвѣ и частью передались полякамъ, частью же ушли къ шведскимъ рубежамъ въ Новгородскую землю. Такимъ образомъ царь Василій остался безъ союзниковъ, а собственные его служилые люди, разбѣжавшись съ бою по своимъ городамъ и деревнямъ, не явились болѣе въ Москву, хотя царь и посылалъ за ними. Рязанцы же—тѣ самые рязанцы, которые высидѣли съ Шуйскимъ всю московскую осаду,—прямо «отказаша» ему въ службѣ, то-есть подняли мятежъ и оказали открытое неповиновеніе [177].

Критическая минута для Шуйскихъ наступила. Безотрадно было время ихъ власти. Царь Василій, «сѣдя на царствѣ своемъ, многія бѣды прія, и позоръ, и лаи», отзывалась позднѣйшая лѣтопись; «его, государя, зашли многія скорби и кручины», говорили о Шуйскомъ московскіе дипломаты XVII вѣка. Дорогою цѣною купилъ Шуйскій свой рѣшительный успѣхъ надъ Воромъ въ началѣ 1610 года. Собственною энергіею и счастьемъ своего племянника, казалось, онъ упрочилъ свое положеніе во власти; но этотъ племянникъ такъ внезапно умеръ, а личная энергія «несчастливаго» государя привела Москву лишь къ Клушинскому погрому. Разоренной странѣ предстояли вновь смуты и ужасы новой войны. Послѣ Клушина въ Москвѣ не осталось годныхъ къ полевому бою войскъ; собрать же отряды изъ городовъ не было времени; а сами по себѣ городскіе люди не спѣшили идти къ Москвѣ. Зная это, Жолкѣвскій рѣшился изъ Можайска идти на столицу съ своимъ малымъ войскомъ; онъ звалъ и самого Сигизмунда къ московскимъ стѣнамъ, понимая, по его выраженію, что Богъ широко отверзаетъ королю двери своего милосердія. Съ своей стороны, и Воръ изъ Калуги нашелъ умѣстнымъ подвинуться къ Москвѣ. Черезъ Медынь и Боровскъ, кружнымъ путемъ, подошелъ онъ къ Серпухову, имѣлъ здѣсь на р. Нарѣ счастливый бой съ крымскими татарами, пришедшими на помощь Шуйскому, а отъ Серпухова пошелъ къ Москвѣ и сталъ въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ, верстахъ въ 15-ти на юго-востокъ отъ Москвы. Съ нимъ было, говорятъ, всего до 3.000 московскихъ людей и казаковъ, да войско Я. П. Сапѣги; но для испуганной столицы и это было опасною силою. Итакъ, москвичи должны были вновь готовиться къ осадѣ и ждать Жолкѣвскаго по Можайской дорогѣ, а Вора по дорогамъ Серпуховской и Коломенской. Терпѣніе московскаго населенія истощилось; москвичи возстали на царя Василія и свели его съ царства [178].

Руководство этимъ возстаніемъ исходило изъ двухъ общественныхъ центровъ. Въ одномъ главою былъ князь В. В. Голицынъ, а самымъ виднымъ дѣятелемъ Пр. П. Ляпуновъ. Въ другомъ первое мѣсто принадлежало Филарету Никитичу Романову, а дѣятельная роль—тѣмъ людямъ, которые, живя въ Москвѣ, были въ сношеніяхъ съ тушинцами, признавшими Владислава, и получали отъ нихъ письма и королевскіе листы въ пользу королевича. Среди такихъ виднѣйшимъ былъ, кажется, Иванъ Никитичъ Салтыковъ, одинъ изъ старшихъ племянниковъ М. Гл. Салтыкова, впослѣдствіи хорошо служившій Сигизмунду. Давно работая противъ Василія Шуйскаго и сходясь въ желаніи лишить его власти, люди двухъ названныхъ сторонъ преслѣдовали разныя цѣли. Голицынъ хотѣлъ власти для самого себя. Ляпуновъ на Рязани мечталъ о воцареніи Скопина; когда же Скопинъ умеръ, онъ началъ агитацію про-

изъ представителей этой силы, именно князь В. В. Голицынъ, не скрываясь, дѣйствовалъ противъ царя Василія и былъ лично въ народномъ скопищѣ 17-го іюля, то другой вліятельнѣйшій врагъ Шуйскихъ, Филаретъ, умѣлъ вести закрытую игру и, держась въ сторонѣ отъ площадной суеты, сохранялъ видъ спокойнаго наблюдателя имъ самимъ вызванныхъ событій [182].

Сверженіе московскаго государя было послѣднимъ ударомъ московскому государственному порядку. На дѣлѣ этого порядка уже не существовало; въ лицѣ же царя Василія исчезалъ и его внѣшній символъ. Страна имѣла лишь претендентовъ на власть, но не имѣла дѣйствительной власти. Западныя окраины государства были въ обладаніи иноземцевъ, югъ давно отпалъ въ «воровство»; подъ столицею стояли два вражескихъ войска, готовыхъ ее осадить. Остальныя области государства не знали, кого имъ слушать и кому служить. Съ распаденіемъ и сверженіемъ олигархическаго правительства княжатъ не оказывалось иного кружка, иной среды, къ которымъ могло бы перейти руководительство дѣлами. Голицынъ дѣйствовалъ въ личномъ интересѣ и не имѣлъ за собою опредѣленной партіи въ боярствѣ. Романовская семья, во главѣ которой стоялъ еще не осмотрѣвшійся въ Москвѣ послѣ Тушинскаго плѣна и связанный монашескимъ саномъ Филаретъ, не была готова къ дѣйствію. Прочіе тушинскіе «бояре» еще не прибыли въ Москву. Въ Москвѣ, словомъ, не было элементовъ, изъ которыхъ можно было бы скоро образовать прочное правительство. Боярская дума, къ которой переходило первенство, не могла, какъ увидимъ, стать политическою руководительницею московскаго общества, потому что, по общему строю московскихъ отношеній, сама нуждалась въ руководителѣ.

Такимъ образомъ, въ 1610 году Смута достигла еще большей сложности, чѣмъ въ 1608 году. Соціальное междоусобіе, приведшее тогда къ побѣдѣ политической реакціи и общественнаго консерватизма, въ 1610 году разрѣшилось совсѣмъ иначе: реакціонное правительство княжатъ было низвергнуто и самый кружокъ ихъ распался, а консервативно настроенные слои московскаго населенія, хотя и на этотъ разъ не были побѣждены возставшимъ на старый порядокъ казачествомъ, однако не владѣли болѣе положеніемъ дѣлъ въ странѣ. Утративъ политическую организацію, московское общество пока не находило руководящихъ силъ въ себѣ самомъ и становилось жертвою иноземныхъ побѣдителей, своевременно и удачно вмѣшавшихся въ московскія дѣла. Не свободная дѣятельность народной мысли, а гнетъ иноземной силы, казалось, долженъ былъ опредѣлить будущее политическое устройство Москвы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Третій періодъ Смуты: попытки возстановленія порядка

Москва лишилась правительства въ такую минуту, когда крѣпкая и дѣятельная власть была ей очень необходима. Враги подходили къ стѣнамъ самой Москвы, владѣли западнымъ рубежемъ государства, занимали города въ центральныхъ и южныхъ областяхъ страны. Съ этими врагами необходимо было бороться не только за цѣлость государственной территоріи, но и за независимость самаго государства, потому что успѣхи враговъ угрожали ему полнымъ завоеваніемъ. Нужно было скорѣе возстановить правительство; это была такая очевидная истина, противъ которой никто не спорилъ въ Московскомъ государствѣ. Но большое разногласіе вызывалъ вопросъ о томъ, какъ возстановить власть и кого къ ней призвать. Разные круги общества имѣли на это разные взгляды и высказывали разныя желанія. Отъ словъ они переходили къ дѣйствію и возбуждали или открытое народное движеніе, или тайную кружковую интригу. Рядъ такихъ явныхъ и скрытыхъ попытокъ овладѣть властью и создать правительство составляетъ главное содержаніе послѣдняго періода Смуты и подлежитъ теперь нашему изученію.

Среди многихъ попытокъ этого рода, три въ особенности останавливаютъ вниманіе. Въ первую минуту послѣ сверженія Шуйскаго московское населеніе думало возстановить порядокъ признаніемъ уніи съ Рѣчью Посполитою и поэтому призвало на московскій престолъ королевича Владислава. Когда власть Владислава выродилась въ военную диктатуру Сигизмунда, московскіе люди пытались создать національное правительство въ лагерѣ Ляпунова. Когда же и это правительство извратилось и, потерявъ общеземскій характеръ, стало казачьимъ — послѣдовала новая, уже третья попытка созданія земской власти въ ополченіи князя Пожарскаго. Этой земской власти удалось, наконецъ, превратиться въ дѣйствительную государственную власть и возстановить государственный порядокъ. Исторіи этихъ трехъ эпизодовъ и посвящена, главнымъ образомъ, настоящая глава. Въ ней мы будемъ избавлены отъ не-

обходимости задерживаться на подробностяхъ, какъ потому, что строй общественныхъ отношеній въ послѣдній періодъ Смуты проще и яснѣе самъ по себѣ, такъ и потому, что намъ уже извѣстны всѣ общественные элементы, принимавшіе участіе въ московской Смутѣ, и нѣтъ нужды ихъ вновь опредѣлять и характеризовать.

I.

Было показано, что при низложеніи царя Василія, 17-го іюля 1610 года, московскимъ «вѣчемъ» за Арбатскими воротами руководили люди двухъ круговъ. Съ одной стороны, дѣйствовали противъ Шуйскихъ Ляпуновы, имѣя за собою князя В. Голицына; съ другой, дѣйствовалъ Ив. Н. Салтыковъ, имѣя за собою, какъ «начальнаго человѣка», тушинскаго патріарха Филарета. Обращаясь, по естественному ходу мысли, къ вопросу о томъ, кому слѣдуетъ передать отнятую у Шуйскихъ власть, З. Ляпуновъ съ своими рязанцами стали «въ голосъ говорити, чтобъ князя Василія Голицына на господарствѣ поставити». У Салтыкова же и у прочихъ связанныхъ съ Тушиномъ русскихъ людей, до Филарета включительно, былъ иной взглядъ на дѣло. Онъ ясно былъ выраженъ въ извѣстной намъ тушинской «конфедераціи»—договорѣ, которымъ взаимно обязались русскіе тушинцы послѣ побѣга Вора изъ Тушина, въ январѣ 1610 года. Они условились жить въ мирѣ, держаться заодинъ, не приставать къ Шуйскому, «равно и бояръ его и племянника и изъ иныхъ бояръ московскихъ никого на государство не хотѣть». Оставаясь вѣрными этому принципіальному рѣшенію, Салтыковъ и вся его сторона не могли допустить воцаренія Голицына. Они уже избрали въ Тушинѣ Владислава, иноземнаго королевича, и теперь должны были противопоставить его имя имени Голицына. То же самое народное сборище, которое свергло Шуйскихъ, было вовлечено и въ сужденіе о томъ, кому наслѣдовать престолъ царя Василія. Оно слушало крики рязанцевъ въ пользу князя Василія Васильевича; оно знало, разумѣется, объ избраніи Владислава тушинскими боярами. Но оно не приняло сразу ни того, ни другого имени, а остановилось на томъ, что усвоило принципъ тушинской конфедераціи: «никого изъ Московскаго господарства на господарство не избирати».

Это среднее рѣшеніе было принято народнымъ «вѣчемъ», какъ кажется, не вполнѣ сознательно и единодушно. Одно современное извѣстіе говоритъ, что крестнымъ цѣлованіемъ утвердились на томъ, чтобы не выбирать своего, именно «лучшіе люди»—бояре и придворные дворяне. По другому извѣстію, патріархъ съ московскимъ духовенствомъ и московская толпа и послѣ рѣшенія 17-го іюля продолжали думать о «своемъ» государѣ изъ московскихъ ро-

довъ, Голицынскаго или Романовскаго. Соображая всѣ эти данныя, можно догадаться, въ чьи руки попало руководство дѣлами въ то время, когда ни Голицынъ, ни тушинская сторона не могли возобладать другъ надъ другомъ на московскомъ «вѣчѣ». Ихъ разладъ выдвинулъ впередъ третью группу лицъ, принадлежавшихъ къ высшему боярскому кругу, во главѣ которыхъ были князья Ѳ. И. Мстиславскій и И. С. Куракинъ. Именно эта группа бояръ скорѣе всѣхъ прочихъ московскихъ дѣятелей могла настоять на томъ осторожномъ рѣшеніи, чтобы принять принципъ тушинской конфедераціи, не принимая пока тушинскаго договора съ Владиславомъ 4-го февраля [183].

Настроеніе этого боярскаго круга можно опредѣлить только наугадъ, однако же безъ большого риска впасть въ грубую ошибку. Надобно помнить, что Куракинъ и Мстиславскій входили въ составъ олигархическаго правительства, съ которымъ Шуйскіе думали произвести въ государствѣ княжескій, реакціонный переворотъ. Они были ближайшими свидѣтелями постоянныхъ неудачъ Шуйскаго и тѣхъ вопіющихъ злоупотребленій властью, передъ которыми не останавливался царь Василій, обѣщавшій странѣ справедливость и законность. Лучше другихъ могли они понять, какъ слабо и неустойчиво было господство боярина, не имѣвшаго въ странѣ иной опоры, кромѣ родословныхъ притязаній; какъ мало могло оно обезпечить порядокъ и охранить интересы населенія; какъ мало, наконецъ, представляло оно гарантій для сохраненія единства и согласія въ самомъ правительствѣ. Чувство глубокаго разочарованія должны были вынести эти княжата изъ допущеннаго ими опыта боярскаго государствованія. Естественно, что они не желали его повторенія и не допустили провозглашенія царемъ князя Голицына. Они должны были признать справедливою и правильною высказанную въ Тушинѣ мысль о томъ, чтобы не избирать на царство никого изъ бояръ; эта мысль была имъ тѣмъ ближе, что сами они не искали царства,—Мстиславскій по внутреннему убѣжденію, а Куракинъ потому, что не принадлежалъ къ старшимъ вѣтвямъ своего рода. Болѣе того, московскіе княжата, получивъ отъ Сигизмунда въ его редакціи статьи договора 4-го февраля, не только знали объ избраніи Владислава, но и имѣли время обсудить эти статьи, оцѣнить какъ условія предположенной уніи съ Рѣчью Посполитою, такъ и основанія того правительственнаго порядка, какой желали создать для Москвы тушинскіе политики. Кандидатура Владислава, рѣчи о которой шли между московскими боярами уже въ 1605 году, не пугала княжатъ и они охотно склонялись въ ея сторону; по словамъ Жолкѣвскаго, князь Мстиславскій былъ даже весьма расположенъ ко Владиславу. Но статьи февральскаго договора не могли нравиться московскимъ княжа-

тамъ. Мы видѣли, что, при общемъ національно-охранительномъ характерѣ, эти статьи носили на себѣ отпечатокъ опредѣленной политической тенденціи противъ московской княжеской знати и въ пользу новой аристократіи дворца и приказа. Февральскій договоръ вовсе не помнилъ о «московскихъ княженецкихъ родахъ», но очень заботился о людяхъ «меншаго стана». Уже потому княжата не могли принять договора безъ дополненій и оговорокъ А кромѣ того, несовмѣстно было съ высокимъ положеніемъ московскихъ думныхъ людей, представлявшихъ собою правительство всей страны, принять документъ, составленный «воровскимъ» боярствомъ въ королевскомъ станѣ. Избраніе Владислава Москвою должно было совершиться внѣ всякой зависимости отъ тушинскихъ соглашеній и на условіяхъ, редактированныхъ самимъ московскимъ правительствомъ. Вотъ почему на сборищѣ за Арбатскими воротами князья-бояре, не допустивъ до власти Голицына, не провозгласили сразу и Владислава. Они лишь подготовили избраніе королевича тѣмъ, что настояли на рѣшеніи избрать государя изъ иноземныхъ родовъ. Одна интересная подробность указываетъ на то, что такое рѣшеніе было проведено очень видными и вліятельными людьми: самъ князь В. В. Голицынъ, который не прочь былъ взять царство себѣ, былъ вынужденъ «укрѣпиться крестнымъ цѣлованіемъ» съ прочими «лучшими» людьми на томъ, чтобы не выбирать на царство своихъ московскихъ людей [184].

Такова была группировка лицъ въ московскихъ руководящихъ кругахъ во время низверженія Шуйскихъ. Познакомясь съ нею, не повторимъ, вслѣдъ за С. М. Соловьевымъ, его мысли, что «тотчасъ по сверженіи Шуйскаго самою сильною стороною въ Москвѣ была та, которая не хотѣла имѣть государемъ ни польскаго королевича, ни Лжедимитрія, слѣдовательно хотѣла избрать кого-нибудь изъ своихъ знатныхъ людей». Напротивъ, сильнѣйшею была та сторона, которая желала королевича при условіи заключенія съ нимъ новаго договора. Люди этой стороны и стали во главѣ временнаго московскаго правительства, именуя себя обыкновенно общею формулою «бояре князь Ѳ. И. Мстиславской съ товарищи». Можно думать, что они немедля занялись обсужденіемъ тѣхъ основаній, на какихъ могло бы произойти признаніе Москвою Владислава; по крайней мѣрѣ, когда Жолкѣвскій началъ переговоры съ боярами подъ Москвою, бояре въ первомъ же совѣщаніи съ нимъ показали ему «большой свитокъ» (wielki zwitek) приготовленныхъ ими заранѣе «статей» объ условіяхъ избранія королевича. При обсужденіи этихъ статей въ думѣ и на соборѣ, съ княжатами стали въ единомысліи и другіе изъ старѣйшихъ московскихъ бояръ, напримѣръ, стороны Романовыхъ, и такимъ образомъ создалась та зна-

менитая «семибоярщина», составъ которой, до сихъ поръ еще не вполнѣ выясненный, намъ предстоитъ опредѣлить [185].

О томъ, какъ должно сложиться управленіе государствомъ до избранія новаго государя, у москвичей было вполнѣ ясное представленіе. Они думали, что до царскаго избранія страною будутъ править «бояре», то-есть государева дума. Боярамъ они и цѣловали крестъ, прося ихъ «за Московское государство стояти и насъ всѣхъ праведнымъ судомъ судити и государя на Московское государство выбрати съ нами, со всякими людьми, всею землею, сослався съ городы». Что эти слова «всею землею, сослався съ городы» не совсѣмъ были пустымъ звукомъ, можно убѣдиться изъ нѣкоторыхъ боярскихъ грамотъ 1610 года. Извѣщая города о переворотѣ 17-го іюля. бояре писали въ нѣкоторые города, чтобы оттуда «прислали къ Москвѣ изо всѣхъ чиновъ, выбравъ, по человѣку и къ намъ отписали». Спустя же мѣсяцъ, когда Москва, не дождавшись выборныхъ изъ городовъ, приняла въ цари Владислава, въ боярскихъ грамотахъ выражалось какъ бы сожалѣніе о томъ, что въ Москву «изъ городовъ посямѣста никакіе люди не бывали». Мысль объ общемъ земскомъ совѣтѣ, стало быть, обращалась тогда въ умахъ, и боярское правительство признавалось лишь за временную власть, экстренныя полномочія которой ограничивались только тѣмъ, чтобы созвать соборъ и устроить царское избраніе. Обстоятельства не допустили точнаго исполненія подобныхъ предположеній. Выборные люди изъ городовъ въ Москву не были собраны; земскій соборъ, хотя, повидимому, и былъ составленъ, не имѣлъ желательной полноты и тотчасъ послѣ избранія Владислава Москвою пересталъ существовать, такъ какъ его члены въ большомъ числѣ были посланы съ кн. В. В. Голицынымъ подъ Смоленскъ. Оставшаяся въ Москвѣ дума «седмочисленныхъ бояръ» долго считалась во главѣ текущаго управленія, а дѣйствительная власть перешла отъ думныхъ людей къ людямъ совершенно случайнымъ. Оглядываясь на эту темную эпоху номинальной власти бояръ и дѣйствительнаго господства «самыхъ худыхъ людей», современники иронически относились къ боярскому правительству. Одинъ изъ лучшихъ наблюдателей того времени, именно авторъ хронографа 1616—1617 года, говоритъ, что послѣ царя Василія «пріяша власть государства Русскаго седмь московскихъ бояриновъ, но ничто же имъ правльшимъ, точію два мѣсяца власти насладишася». Они умыслили отдать государство Владиславу, пустили въ Москву поляковъ, и поляки завладѣли царствомъ; «седмочисленныя же бояре Московскія державы всю власть Русскія земли предаша въ руцѣ литовскихъ воеводъ». Немного неясныя фразы хронографа выражаютъ, однако, опредѣленную мысль: послѣ Шуйскаго власть перешла къ боярской думѣ изъ семи бояръ; дума не съумѣла удер-

[illegible] положенія и уступила мѣсто
[illegible] «[illegible] мятежникамъ». Какъ это слу-
[illegible] кого онъ разумѣетъ подъ «сед-
[illegible] не говоритъ. Но онъ, во всякомъ слу-
[illegible] судьбы боярскаго правитель-
[illegible] [illegible].
[illegible] бояръ» можно возстановить. Для этого
[illegible] боярскій списокъ 1611 года, изъ ко-
[illegible] —конечно, съ извѣстною осмотритель-
[illegible] [illegible]ствовавшихъ въ тотъ моментъ въ Мо-
[illegible] сохранился и современный перечень
[illegible] подъ стѣнами Москвы въ сентябрѣ 1610
[illegible] вопросъ о введеніи въ Москву
[illegible] князья Ѳ. И. Мстиславскій, Ив. М. Во-
[illegible] Трубецкой и Ан. В. Голицынъ, далѣе Ив. Н. Ро-
[illegible] и кн. Б. М. Лыковъ. Сопоставивъ эти
[illegible] спискомъ, замѣтимъ, что они и въ спискѣ
[illegible] мѣста; только между ними въ спискѣ помѣщены
[illegible] бояръ, такъ что имя кн. Б. М. Лыкова находится
[illegible] на четырнадцатомъ мѣстѣ, имя же И. Н.
[illegible] даже на семнадцатомъ мѣстѣ. Стало быть,
[illegible] того, чтобы примирить показанія обоихъ докумен-
[illegible] почему нѣкоторые изъ первыхъ семнадцати лицъ
[illegible] не вошли въ «семибоярщину». Эти лица—князья
[illegible] Голицыны, князья Андрей и Иванъ Куракины,
[illegible] Трубецкой, кн. Ив. Н. Одоевскій, М. Г. и И. Н. Салты-
[illegible] Шеинъ и кн. М. Ѳ. Кашинъ. О нихъ есть кое-какія
[illegible] исключеніемъ одного очень стараго и ничтожнаго князя
[illegible] Куракина. О немъ не знаемъ, гдѣ онъ былъ, когда
[illegible] воеводства изъ Великаго Новгорода; всего вѣроят-
[illegible] смѣненный въ Новгородѣ княземъ Ив. Н. Одоевскимъ,
[illegible] службы, по обычаю, былъ въ своихъ вотчинахъ и еще
[illegible] въ Москву. О прочихъ боярахъ можемъ сказать слѣдую-
[illegible] В. В. Голицынъ былъ посланъ въ послахъ къ Сигизмунду.
[illegible] его, князѣ Иванѣ, сами родные въ то время не имѣли
[illegible] гдѣ онъ; заключаемъ это изъ письма князя Андрея Голи-
[illegible] брату Василью отъ 20-го сентября 1610 года. Князь И. Н.
[illegible] и М. Б. Шеинъ сидѣли на воеводствахъ въ Новгородѣ и
[illegible]. Князь Ю. Н. Трубецкой и М. Г. Салтыковъ не принад-
[illegible] къ числу московскихъ бояръ, а были изъ тѣхъ, которые, по
[illegible] В. В. Голицына, «за Москвою въ бояре ставлены», то-
[illegible] у короля и Вора. Далѣе будетъ видно, что М. Г. Салтыковъ
[illegible] Москвѣ отдѣльно отъ «седмочисленныхъ бояръ». Нако-
[illegible], что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Ив. Н.

Салтыковъ еще не былъ сказанъ въ бояре Сигизмундомъ. Остаются князья М. Ѳ. Кашинъ и И. С. Куракинъ. О первомъ изъ нихъ знаемъ, что онъ умеръ въ 1611 году и что самъ онъ не подписывалъ грамотъ, шедшихъ отъ боярской думы въ началѣ этого года. За него рукоприкладствовалъ князь Б. М. Лыковъ. Ничтожность и безвѣстность М. Ѳ. Кашина позволяютъ думать, что онъ не игралъ роли въ современныхъ боярскихъ кругахъ и по этой причинѣ не попалъ въ среду седмочисленныхъ правителей. Не то представлялъ собою талантливый и прославленный боевыми успѣхами кн. И. С. Куракинъ. Въ указанный нами современный перечень «семи» бояръ, ведшихъ переговоры съ Жолкѣвскимъ за стѣнами Москвы, Ив. С. Куракинъ не включенъ, потому что онъ, кажется, вообще не выѣзжалъ въ тѣ дни изъ города, начальствуя московскимъ гарнизономъ «для береженья» отъ Вора. Принадлежалъ ли онъ къ «седмочисленнымъ» боярамъ? Если да, то мы получимъ съ нимъ не семь, а восемь именъ, и должны будемъ кого-либо выбросить изъ указаннаго выше перечня. Но, кажется, въ этомъ нѣтъ нужды. Современники, при царѣ Михаилѣ вспоминавшіе обстоятельства Смуты, рѣзко выдѣляли кн. Ив. С. Куракина изъ прочихъ бояръ и офиціально указывали на то, что онъ «съ польскими и литовскими людьми на разореніе Московскому государству совѣтникъ былъ». Онъ по воцареніи Михаила даже «посланъ былъ на службу», иначе говоря, сосланъ въ Сибирь. Его поведеніе въ Смуту, «въ московское разоренье», почиталось впослѣдствіи гораздо худшимъ, чѣмъ поведеніе даже князя Ю. Н. Трубецкого, который открыто служилъ Вору, а потомъ и Сигизмунду. Все это заставляетъ думать, что И. С. Куракинъ послѣ сверженія Шуйскихъ сталъ рѣшительно клониться въ сторону Сигизмунда, отошелъ отъ «седмочисленныхъ бояръ», стоявшихъ на почвѣ договора съ Владиславомъ, и соединился съ «русскими мятежниками», упразднившими власть семи бояръ [187].

Если эти соображенія соотвѣтствуютъ дѣйствительности, то ясно, что въ современномъ перечнѣ семи бояръ мы имѣемъ точный составъ «семибоярщины» въ тотъ моментъ, когда ея власть уже кончалась, именно въ концѣ сентября, черезъ два мѣсяца послѣ сверженія царя Василія, предъ занятіемъ Москвы гетманскими войсками. Въ началѣ же того двухмѣсячнаго срока, въ теченіе котораго бояре, по выраженію хронографа, «наслаждались» властью, то-есть лѣтомъ 1610 года, въ составъ боярской думы входилъ, безъ сомнѣнія, и кн. В. В. Голицынъ. Былъ ли онъ восьмымъ, или же при немъ не бывалъ въ думѣ кто-либо изъ «семи» прочихъ, мы не знаемъ. Но, во всякомъ случаѣ, отъ перемѣны одного-двухъ именъ въ средѣ «седмочисленныхъ» бояръ общій характеръ этого правящаго круга въ нашихъ глазахъ не измѣнится. Онъ таковъ.

чымъ, что боярская дума обстоятельствами была приведена къ нѣкоторому самоуправству и объявила за собою такія полномочія, какихъ, пожалуй, и не имѣла. Съ нашей точки зрѣнія, она не могла дѣйствовать именемъ государства, если не собрала въ Москву выборныхъ изъ городовъ; а она сама, уже совершивъ избраніе королевича, признавалась, что «изъ городовъ посямѣста никакіе люди не бывали». Однако приложимы ли наши мѣрки къ понятіямъ того времени и можно ли обвинить бояръ, безо всякой оговорки, въ томъ, что они пошли на открытую ложь, когда говорили и писали, что королевичъ избранъ не ими одними, а «всякими людьми»? Думаемъ, что нѣтъ. Сохранились нѣкоторыя указанія на то, что бояре не были столь легкомысленны и лживы въ дѣлѣ такой исключительной важности, какъ избраніе царя. Если имъ и не удалось собрать въ столицу выборныхъ представителей земщины, они все-таки сохранили возможность прибѣгнуть къ старому порядку составленія «совѣта всея земли»—на началѣ представительства не по земскому выбору, а по правительственному избранію. Можно не сомнѣваться, что они такъ именно и поступили. Въ грамотахъ изъ Москвы, которыми объявлялось избраніе королевича, находимъ заявленіе, что бояре, князь Мстиславскій «съ товарищи», дѣйствовали «всѣмъ Московскимъ государствомъ, совѣтовавъ со святѣйшимъ съ Ермогеномъ патріархомъ всея Русіи, съ митрополиты и съ архіепископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ бояры и съ окольничими и съ дворяны и съ дьяки думными, и съ стольники и съ стряпчими и съ дьяки, и съ дворяны и съ дѣтьми боярскими, и съ гостьми и съ торговыми людьми, и съ стрѣльцы и съ козаки, и со всякими служивыми и съ жилецкими людьми всего Московскаго государства». Такой перечень московскихъ чиновъ, обычно призываемыхъ на земскіе соборы, приводится не въ одной, а во многихъ грамотахъ семибоярщины; нѣкоторыя же грамоты составлялись прямо отъ лица этихъ чиновъ, въ числѣ которыхъ были называемы не одинъ разъ и «дворяне изъ городовъ». Можно даже утверждать, на основаніи одной частной разрядной записи, что эти городскіе дворяне были изъ тѣхъ, «которые служатъ по выбору», то-есть, принадлежа къ городскому списку, служили, однако, не съ своимъ «городомъ», а съ московскими дворянами въ самой Москвѣ. Такъ обнаруживается возможность существованія въ Москвѣ совѣта всѣхъ чиновъ, своего рода земскаго собора, которому седмочисленные бояре предъявили дѣло о царскомъ избраніи и объ условіяхъ принятія королевича на московскій престолъ. Но эта возможность станетъ для насъ дѣйствительностью, если мы вдумаемся въ составъ посольства, отправленнаго въ сентябрѣ 1610 года изъ Москвы къ Сигизмунду подъ Смоленскъ по дѣлу объ избраніи Владислава. Извѣстенъ списокъ лицъ, вошедшихъ въ свиту главныхъ пословъ. Собственно по-

какъ выше мы его опредѣлили.
остатки олигархическаго круга кн
лицыны и Воротынскій, съ близким
бецкимъ) и сторона Романовыхъ (
ковъ съ близкимъ къ нимъ Ѳ. И.
явилась какъ бы компромиссомъ
ства, сошедшимися въ одномъ
даго обоимъ слоямъ иноземца.

Современникъ говоритъ, что
ною и что они должны были
воеводъ». Онъ не объясняетъ,
кій обзоръ событій за конецъ
насъ въ томъ, что седмочислен
удержаться на вершинѣ моск
пали въ позорную зависимост
«мятежниковъ».

Уже было упомянуто, чт
о созваніи въ Москву выбор
нія и что потомъ они сами
изъ городовъ въ Москву «
звать выборныхъ предста
даже велась энергичнѣе,
могла привести къ успѣху
государства давно не слу
смуты, а сѣверные город
чтобы поспѣть въ коротк
Москва же не могла ж
огней. Воръ присылалъ
салъ боярамъ о Владис
сквѣ. Бояре не могли
ровъ съ гетманомъ, т
только выборъ Влади
тому же они, очевидно
Москва по доброй во
требовало чувство
починъ въ перегово
бояре первые «посл
кѣвскаго, бояре,
первомъ же свид
чіе

условія этого
соборy, составлен-
общественныхъ элементовъ,
самой Москвѣ. Соборъ послушно

умою и утвердилъ сдѣланный ею выборъ и выработан-овія. Оставаясь дѣйствительными руководителями дѣлъ и положенія, седмочисленные бояре получили въ собор-оворѣ формально правильную санкцію своихъ дѣйствій право сказать Жолкѣвскому, что дѣйствуютъ именемъ ударства и имѣютъ полномочія «ото всѣхъ чиновъ». Это, не значило, чтобы все московское населеніе желало того же, дали его правители. Въ смутные дни государственнаго пе-ота въ Москвѣ раздавались голоса и за избраніе на престолъ ибо изъ бояръ и даже за признаніе Вора. Московское духо-во и простонародье, по свидѣтельству Жолкѣвскаго, мало со-твовали уніи съ Польско-Литовскимъ государствомъ. Однако, поры до времени сила и власть были еще на сторонѣ бояръ. Зная существованіи оппозиціонныхъ теченій въ московской массѣ, оре думали утишить ихъ скорѣйшимъ окончаніемъ дѣла съ Вла-иславомъ. Они поторопились не только заключить договоръ съ гет-маномъ, но и ввести его войска въ самую Москву.

Теперь не требуетъ особыхъ объясненій, кѣмъ именно былъ ре-дактированъ московскій договоръ объ избраніи Владислава. Это былъ боярскій договоръ, санкціонированный земскимъ соборомъ случайнаго состава. Въ текстѣ договора должно было отразиться политическое настроеніе самаго высокаго боярскаго круга, изъ пред-ставителей котораго составилась семибоярщина. Въ ней было пять княжатъ отборныхъ фамилій и два боярина изъ стариннаго бояр-скаго рода Ѳедора Кошки. Такая среда неизбѣжно должна была обработать договоръ въ духѣ строгихъ правительственныхъ тради-цій. И дѣйствительно, читая текстъ договора съ Жолкѣвскимъ, подписанный 17(27)-го августа, и наказъ, данный тогда же посламъ къ королю отъ имени земскаго собора, мы видимъ твердое желаніе охранить и обезпечить основы московскаго церковнаго, государ-ственнаго и общественнаго порядка отъ всякихъ потрясеній со сто-роны не только польско-литовскаго правительства, но и москов-скихъ новаторовъ. Всѣ подробности, внесенныя въ февральскій до-говоръ тушинскими боярами и дьяками о людяхъ «меншего стана» и о свободѣ выѣзда за московскій рубежъ, исчезли въ боярскомъ договорѣ. Взамѣнъ отвергнутыхъ новинокъ бояре дали болѣе обстоя-тельное и подробное опредѣленіе дѣйствовавшаго въ Москвѣ поряд-ка, указавъ всѣмъ «станамъ» соотвѣтствующее, съ боярской точки зрѣнія, мѣсто. Оградивъ національную московскую самобытность прежде всего требованіемъ, чтобы королевичъ принялъ православіе, бояре очень точно указали и границы правительственной власти ко-ролевича. Онъ долженъ былъ править съ боярскою думою и зем-скимъ соборомъ. «Если судъ и установленіе новыхъ податей были предоставлены боярской думѣ, то къ законодательству призывалась

слами были: отъ освященнаго собора
думы по человѣку изъ каждаго дум
Голицынъ, окольничій кн. Д. И. Мезе
Сукинъ и думный дьякъ Томило Лу
высшаго московскаго правительства
дьякомъ Сыдавнымъ Васильевымъ о
ную для переговоровъ коллегію, на
вѣрительныя грамоты къ королю и
стояли: представители московскихъ
скихъ дворянъ, всего семь человѣк
довъ», всего около 40 человѣкъ изъ
Орла и отъ Великаго Новгорода до
семь стрѣльцовъ московскихъ; нѣ
подъячихъ; одинъ гость и пять торг
цовые люди», чарочникъ и сытникъ
земскій соборъ. Если бы къ данной н
стрѣльцовъ и торговыхъ людей прис
лицъ, думныхъ и придворныхъ люде
какое обыкновенно созывалось въ XV
шія палаты на земскіе соборы, то о
ставъ тогдашняго земскаго собора.
высказать мысль, что въ 1610 году
ществовалъ организованный для цар
хотя, быть можетъ, и не такого со
боярамъ. Отъ этого собора «отъ все
Смоленскомъ кн. В. В. Голицынъ, бы
во-первыхъ, поголовно малочисленн
рыхъ, по выбору представители гр
образомъ къ королю поѣхала значит
фактъ, повтореніе котораго наблюда
шій царя Михаила соборъ переѣха
дарю и былъ съ нимъ на его «по
соборѣ 1610 года не кажется намъ
предпочтительнѣе вѣрить ей, чѣмъ
лаясь на общій «совѣтъ» и «пригов
прикрытую ложь. Такое толкованіе
жалуй, и легкомысленно [189].

Послѣ сдѣланныхъ замѣчаній
ское царство королевича
Совѣтъ бояръ,
знати,
избра
пом
ка

...ю королевскую власть, если бы боярское правитель... ...тѣло [192].

...у времени, когда распалось великое посольство въ ...танѣ, въ Москвѣ распалось и боярское правитель... ...о замѣнено совершенно новымъ правительственнымъ ...торому не подъ стать было созывать земскіе соборы и ...менемъ «всея земли». Вотъ какъ произошла эта не... ...на. Намъ уже извѣстенъ тотъ кружокъ тушинскихъ ...овъ, который прежде другихъ русскихъ людей перебѣ... ...ушина къ Сигизмунду и сталъ ему служить. «Боярами» ...ужкѣ были М. Г. Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ, про... ...изъ «сенаторскаго рода», затѣмъ князья Ю. Дм. Хво... ...и В. М. Масальскій, наконецъ, люди дворянской среды: ...миновъ, И. Безобразовъ, Л. Плещеевъ. За ними стояли ...ъ роду и племени, «самые худые люди», по позднѣйшему ...ному опредѣленію. Это были дьяки и «мужики», которымъ ...его терять, за то была надежда многое пріобрѣсти. Со... ...я служба Вору и согласный переходъ къ королю свели этихъ ...различныхъ и далекихъ другъ отъ друга людей въ одинъ ...о которомъ король Сигизмундъ постоянно выражался въ ...ахъ въ такомъ смыслѣ, что они королю «почали служити ...всѣхъ», «вѣрнѣ предъ тымъ служили королевскому величе... ...и сыну его государю королевичю и нынѣ служатъ вѣрнѣ». ...ыло ихъ отличіемъ и заслугою предъ королемъ, который благо... ...ъ къ своимъ первымъ по времени слугамъ и склоненъ былъ имъ ...рять. Когда Москва присягнула Владиславу и била о немъ че... ...королю, король не нашелъ ничего лучшаго, какъ отправить ...эту компанію въ Москву и именно ей передать управленіе дѣ... ...и въ Московскомъ государствѣ. Нѣкоторые изъ лицъ этого круга ...были подъ Москву съ Жолкѣвскимъ, напримѣръ, И. М. Салты... ...въ. Очень скоро послѣ начала переговоровъ гетмана съ москов... ...имъ боярскимъ правительствомъ, около 19-го августа, подъ Мо... ...вою оказался знаменитый думецъ Вора и слуга Сигизмунда Ѳе... ...оръ Андроновъ; его прислалъ король къ гетману съ порученіемъ приводить москвичей въ повиновеніе самому Сигизмунду, а не Владиславу. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхали въ Москву и прочіе тушинцы этого кружка. Грамотою отъ 11(21)-го сентября король свидѣтельствовалъ объ ихъ заслугахъ и, перечисляя по именамъ всѣхъ этихъ достойныхъ людей, которые «прежъ всѣхъ» пріѣхали на королевскую службу, приказывалъ боярской думѣ заняться устройствомъ ихъ дѣлъ: воротить имъ дворы въ Москвѣ и разыскать пожитки, или же устроить ихъ инымъ способомъ и обезпечить жалованьемъ изъ Четверти. Въ то же время подъ Смоленскомъ было составлено интереснѣйшее распредѣленіе должностей (rozdawanie urzędow):

людей». Такъ послы выражали понятіе о томъ правительствѣ, которое ихъ послало и частью котораго сами они были. Казалось бы, московскимъ боярамъ въ виду такихъ рѣчей легко можно было рѣшиться на то, чтобы созвать новый земскій соборъ въ Москвѣ и его именемъ приказывать «великимъ посламъ». Однако поступить такъ было немыслимо, ибо всѣ знали, что прежній соборъ, давшій санкцію избранію Владислава, не былъ распущенъ, а только раздѣлился, и часть его дѣйствовала при послахъ подъ Смоленскомъ. Тамъ, въ посольскомъ станѣ, происходили даже общія соборныя совѣщанія пословъ отъ боярской думы «съ митрополитомъ Филаретомъ и со всѣми людьми», которые были съ послами «съ Москвы ото всее земли посланы». Такимъ образомъ, ни бояре безъ пословъ, ни послы безъ бояръ не могли принимать рѣшеній за всю землю, и обѣимъ частямъ московскаго правительства оставалось только твердо держаться статей сообща ими принятаго договора 17-го августа. Поэтому всѣ старанія Сигизмунда замѣнить своею собственною кандидатурою кандидатуру его сына на московскій престолъ должны были разбиться о пассивное сопротивленіе московскихъ людей, сознававшихъ, что нѣтъ законнаго пути для удовлетворенія королевскихъ вожделѣній, пока московское правительство останется раздѣленнымъ. Это сознавали, очевидно, и дипломаты Сигизмунда. Они, какъ извѣстно, приняли мѣры къ тому, чтобы отправить обратно въ Москву сопровождавшихъ посольство «дворянъ изъ городовъ». Уже въ то время, когда Жолкѣвскій ѣхалъ изъ Москвы къ королю, то-есть, въ октябрѣ 1610 года, онъ встрѣчалъ служилыхъ людей изъ посольскаго конвоя, которые отъ безкормицы и насилій «во множествѣ ѣхали обратно въ столицу». Но это былъ пока конвой. Въ декабрѣ же Сигизмунду удалось соблазнить большинство посольской свиты и склонить къ отъѣзду въ Москву болѣе сорока человѣкъ дворянъ, стрѣльцовъ, подъячихъ, гостя и торговыхъ людей, изъ числа тѣхъ, которые были «съ послы», то-есть принадлежали къ составу земскаго собора. Съ послами остались всего до двадцати дворянъ. Смыслъ этого раздробленія посольства заключался въ томъ, что съ удаленіемъ изъ него сословныхъ представителей посольство теряло значеніе части земскаго собора и превращалось въ случайную группу политическихъ упрямцевъ, съ которыми можно было болѣе не церемониться. Отославъ въ Москву думнаго дворянина Сукина, архимандрита Евфимія, келаря Авраамія Палицына и прочихъ членовъ посольства, Сигизмундъ давалъ возможность московскимъ боярамъ собрать вокругъ себя новый совѣтъ «всея земли» и принять съ нимъ вмѣстѣ новыя условія уніи съ Рѣчью Посполитою, болѣе пріятныя для самого короля Сигизмунда. Казалось, препятствіе было устранено и Москва могла при

знать надъ собою королевскую власть, если бы боярское правительство этого захотѣло [192].

Но къ тому времени, когда распалось великое посольство въ королевскомъ станѣ, въ Москвѣ распалось и боярское правительство. Оно было замѣнено совершенно новымъ правительственнымъ кружкомъ, которому не подъ стать было созывать земскіе соборы и дѣйствовать именемъ «всея земли». Вотъ какъ произошла эта печальная смѣна. Намъ уже извѣстенъ тотъ кружокъ тушинскихъ бояръ и дьяковъ, который прежде другихъ русскихъ людей перебѣжалъ изъ Тушина къ Сигизмунду и сталъ ему служить. «Боярами» въ этомъ кружкѣ были М. Г. Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ, происходившіе изъ «сенаторскаго рода», затѣмъ князья Ю. Дм. Хворостининъ и В. М. Масальскій, наконецъ, люди дворянской среды: Н. Вельяминовъ, И. Безобразовъ, Л. Плещеевъ. За ними стояли люди безъ роду и племени, «самые худые люди», по позднѣйшему офиціальному опредѣленію. Это были дьяки и «мужики», которымъ было нечего терять, за то была надежда многое пріобрѣсти. Совмѣстная служба Вору и согласный переходъ къ королю свели этихъ совсѣмъ различныхъ и далекихъ другъ отъ друга людей въ одинъ кругъ, о которомъ король Сигизмундъ постоянно выражался въ грамотахъ въ такомъ смыслѣ, что они королю «почали служити прежъ всѣхъ», «вѣрнѣ предъ тымъ служили королевскому величеству и сыну его государю королевичю и нынѣ служатъ вѣрнѣ». Это было ихъ отличіемъ и заслугою предъ королемъ, который благоволилъ къ своимъ первымъ по времени слугамъ и склоненъ былъ имъ довѣрять. Когда Москва присягнула Владиславу и била о немъ челомъ королю, король не нашелъ ничего лучшаго, какъ отправить всю эту компанію въ Москву и именно ей передать управленіе дѣлами въ Московскомъ государствѣ. Нѣкоторые изъ лицъ этого круга прибыли подъ Москву съ Жолкѣвскимъ, напримѣръ, И. М. Салтыковъ. Очень скоро послѣ начала переговоровъ гетмана съ московскимъ боярскимъ правительствомъ, около 19-го августа, подъ Москвою оказался знаменитый думецъ Вора и слуга Сигизмунда Ѳедоръ Андроновъ; его прислалъ король къ гетману съ порученіемъ приводить москвичей въ повиновеніе самому Сигизмунду, а не Владиславу. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхали въ Москву и прочіе тушинцы этого кружка. Грамотою отъ 11(21)-го сентября король свидѣтельствовалъ объ ихъ заслугахъ и, перечисляя по именамъ всѣхъ этихъ достойныхъ людей, которые «прежъ всѣхъ» пріѣхали на королевскую службу, приказывалъ боярской думѣ заняться устройствомъ ихъ дѣлъ: воротить имъ дворы въ Москвѣ и разыскать пожитки, или же устроить ихъ инымъ способомъ и обезпечить жалованьемъ изъ Четверти. Въ то же время подъ Смоленскомъ было составлено интереснѣйшее распредѣленіе должностей (rozdawanie urzędow):

всѣ лица, принадлежащія къ данному кружку, были предназначены на виднѣйшія мѣста центральной московской администраціи, именно въ приказахъ военныхъ, финансовыхъ и полицейскихъ *). Судя по тому, что молодой Салтыковъ записанъ въ этомъ спискѣ бояриномъ Стрѣлецкаго приказа, заключаемъ, что списокъ былъ составленъ очень рано, еще до назначенія «бояриномъ въ Стрѣлецкомъ приказѣ» А. Гонсѣвскаго и до посылки И. М. Салтыкова изъ Москвы въ Новгородъ, иначе говоря, никакъ не позднѣе середины сентября 1610 года. Такимъ образомъ составъ благонадежной, съ точки зрѣнія Сигизмунда, московской администраціи былъ скоро и просто опредѣленъ: Москвою должны были управлять именемъ короля тушинскіе «воровскіе» бояре и дьяки. Легко догадаться, могли ли примириться съ этимъ «седмочисленные бояре» и московскій патріархъ [193].

Лѣтопись сохранила намъ любопытный разсказъ о томъ, какую встрѣчу приготовилъ Гермогенъ этимъ «воровскимъ» боярамъ и дьякамъ. Когда королевскіе агенты явились въ самую Москву и всѣмъ кружкомъ пришли въ Успенскій соборъ, прося патріаршаго благословенія, патріархъ сказалъ имъ слово. Онъ готовъ былъ благословить ихъ, если они «пришли правдою, а не лестію», и не мыслятъ на православную вѣру; въ противномъ случаѣ онъ грозилъ имъ проклятіемъ. М. Г. Салтыковъ спѣшилъ «съ лестію и со слезами» убѣдить Гермогена, что Владиславъ «будетъ прямой истинный государь», и тогда патріархъ смягчился и благословилъ пришедшихъ, однако не всѣхъ. Исключеніе составилъ Михалко Молчановъ, хорошо всѣмъ извѣстный «измѣнникъ». Гермогенъ закричалъ на него и велѣлъ «его изъ церкви выбить вонъ безчестнѣ». Такъ съ первыхъ шаговъ своихъ въ Москвѣ дѣльцы тушинскаго кружка были встрѣчены съ явнымъ недовѣріемъ. А ихъ исключительное положеніе при польско-литовскомъ военачальникѣ «бояринѣ» Гонсѣвскомъ и вліяніе на ходъ дѣлъ въ столицѣ очень скоро возбудили противъ нихъ не только московское боярство, но даже и самого М. Гл. Салтыкова. Сохранились интересныя письма того времени, посвященныя какъ разъ больному вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ лицъ, столкнувшихся въ Москвѣ изъ-за власти. Өедоръ

---

*) Вотъ это распредѣленіе: «Листъ на уряды: пану Ивану Мих. Салтыкову на приказъ Стрѣлецкій; кн. Юрью Дм. Хворостинину на приказъ Пушкарскій; Н. Д. Вельяминову на приказъ Ямскій; М. А. Молчанову на приказъ Панскій; И. Т. Грамотину на приказъ Посольскій; кн. Ө. Мещерскому въ Большій Приходъ; Ив. Зубареву на приказъ на Земскій Дворъ; И. Чичерину на дьяковство думное въ Помѣстный приказъ; Ст. Соловецкому на дьяковство въ Новгородской Чети; Ө. Опраксину на дьяковство въ Устюжской Чети; С. Дмитріеву на дьяковство на Земскій Дворъ старый; Аө. Царевскому на дьяковство на Земскій новый Дворъ; Б. Замочникову на дьяковство въ Таможенной Избѣ; Т. В. Грязному на приказъ Монастырскій; Ивану Иванову сыну Юрьеву да Кирилу Созонову сыну Коробейникову дано дьячество на Казенномъ Дворѣ; кн. В. М. Масальскому на дворчество; Ив. Р. Безобразову на ловчевство; Ив. В. Измайлову на оружничество».

Андроновъ, только что пріѣхавъ подъ Москву въ августѣ 1610 года, уже доносилъ Льву Сапѣгѣ, что необходимо измѣнить составъ московской администраціи: «въ приказы бъ потреба иншихъ приказныхъ людей посажать (писалъ онъ), которые бы его королевскому величеству прямили, а не Шуйского похлѣбцы». На этотъ предметъ онъ просилъ дать «полную объ всякихъ дѣлѣхъ науку», то-есть инструкцію, Гонсѣвскому, который въ то время долженъ былъ выѣхать отъ короля въ Москву. Указывая на необходимость захватить въ королевскія руки тѣхъ московскихъ дѣятелей, «которые туто были при Шуйскомъ и болши броили (то-есть, дѣлали зло), нежели самъ Шуйскій», Андроновъ докладывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что надо остановить самоуправство и другой стороны, именно слугъ Сигизмунда. Онъ доносилъ, что Салтыковъ (Иванъ Михайловичъ, бывшій при Жолкѣвскомъ) «даетъ листы на помѣстья» такъ же самоуправно, какъ даетъ ихъ гетманъ и какъ «въ столицѣ даютъ помѣстья». Старшему Салтыкову, Михаилу Глѣбовичу, пришлось оправдываться противъ такого рода обвиненій и доносовъ. Онъ, въ свою очередь, жаловался Сапѣгѣ на Гонсѣвскаго и его «временниковъ», въ родѣ Андронова, и писалъ, что въ Москвѣ дѣла идутъ неправильнымъ ходомъ. Московскихъ людей эти «измѣнники» притѣсняютъ и озлобляютъ и «гонятъ отъ короля», а Гонсѣвскій «ихъ слушаетъ и потакаетъ», «переимаетъ всякіе дѣла по ихъ приговору на себя, не розсудя московскаго обычая»; договоръ 17-го августа не соблюдается, «все стало перемѣнно, а не постоятельно» «Со Мстиславскаго съ товарыщи и съ насъ дѣла посняты», говорилъ далѣе Салтыковъ, «и на такомъ (какъ мужикъ Андроновъ) правительство и вѣра положена». Эти замѣчанія подтверждаются съ другой стороны. По воспоминаніямъ московскихъ бояръ, избранный на царство королевичъ еще въ Москвѣ не бывалъ, а у нихъ у всѣхъ честь отнялъ; прислалъ въ Москву съ Гонсѣвскимъ Московскаго государства измѣнниковъ, самыхъ худыхъ людей: торговыхъ мужиковъ, молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ, а подавалъ имъ окольничество, казначейство, думное дьячество. «Ужъ и не было въ худыхъ никого», говорили впослѣдствіи бояре панамъ, «кто бы отъ государя вашего думнымъ не звался!» О поведеніи Гонсѣвскаго въ Москвѣ въ 1610—1611 годахъ бояре говорили ему самому въ лицо: «Къ боярамъ (въ думу) ты ходилъ, челобитныя приносилъ; только, пришедши, сядешь, а возлѣ себя посадишь своихъ совѣтниковъ, Михайлу Салтыкова, князя Василья Масальскаго, Ѳедьку Андронова, Ивана Грамотина съ товарищи, а намъ и не слыхать, что̀ ты съ своими совѣтниками говоришь и переговариваешь; и что̀ велишь по которой челобитной сдѣлать, такъ и сдѣлаютъ, а подписываютъ челобитныя твои же совѣтники дьяки Иванъ Грамотинъ, Евдокимъ Витовтовъ, Иванъ Чичеринъ да изъ торго-

выхъ мужиковъ Степанка Соловецкой; а старыхъ дьяковъ всѣхъ ты отогналъ прочь» [194].

Таковы отзывы современниковъ о томъ порядкѣ или, вѣрнѣе, безпорядкѣ въ отношеніяхъ московскихъ властей, какой создался послѣ признанія Владислава. Отзывы эти очень близки къ истинѣ. Можно точно установить, что боярское правительство въ Москвѣ очень скоро послѣ договора съ Жолкѣвскимъ 17-го августа было отстранено отъ дѣлъ и замѣнено новыми людьми. Уже въ августѣ подъ Москвою и въ самой Москвѣ оказались: думный дьякъ Иванъ Грамотинъ съ званіемъ печатника или, какъ онъ самъ себя величалъ, «печатника великіе монархіи Московскія»; князь Василій Мих. Мосальскій, которому былъ данъ листъ «на дворчество»; Ѳедоръ Андроновъ, которому дана была должность казначея; отецъ и сынъ Салтыковы, оба бояре. За ними послѣдовалъ десятокъ другихъ думцевъ и дьяковъ, которые понемногу опредѣлялись къ дѣламъ, пока, наконецъ, общимъ распоряженіемъ короля 10(20)-го января 1611 года они всѣ были распредѣлены по московскимъ приказамъ согласно ранѣе составленному списку «урядовъ». Это распоряженіе было послѣднимъ ударомъ старому административному строю, въ которомъ высшія мѣста принадлежали «похлѣбцамъ» и «ушникамъ» Шуйскаго; теперь вмѣсто нихъ вездѣ сѣли агенты короля. Въ то же время, какъ шли перемѣны въ администраціи, мѣнялись отношенія и въ думѣ. Гонсѣвскій пересталъ стѣсняться въ отношеніи бояръ съ той поры, какъ возникло дѣло о сношеніяхъ бояръ съ Воромъ. Это дѣло было поднято въ серединѣ октября, если еще не ранѣе. Гонсѣвскій дознался, что какой-то попъ (его называютъ Харитономъ, Ларіономъ, Никономъ) много разъ ѣздилъ изъ Москвы отъ бояръ къ Вору въ Калугу, и обратно, и возилъ Вору письма отъ князей Голицыныхъ, Воротынскаго и Александра Ѳедоровича Жирового-Засѣкина. Попа пытали 15(25)-го октября, и онъ, выгораживая кн. А. В. Голицына, о другихъ упорно повторялъ, что они были въ тайныхъ сношеніяхъ съ Воромъ. Гонсѣвскій имѣлъ свѣдѣнія, что войска Вора должны были, по тайному соглашенію съ москвичами, напасть на Москву ночью 28—29-го октября, побить поляковъ съ ихъ друзьями и захватить Мстиславскаго. Поэтому панъ ввелъ въ Кремль нѣсколько сотъ нѣмцевъ, приготовилъ орудія на стѣнахъ и, приведя Москву въ осадное положеніе, взялъ управленіе городомъ въ свои руки, «nemine contradicente». Нельзя, конечно, распутать это дѣло и сказать, кто и въ чемъ былъ виноватъ. Поляки впослѣдствіи указывали, что это дѣло велось гласно, и попа въ Москвѣ пытали сами бояре и пытали «не тайно, но созвавъ многихъ дворянъ и гостей и старостъ и соцкихъ». Бояре же въ отвѣтъ утверждали, что это дѣло «затѣяли» и вора-попа научили на бояръ поляки. А князь

В. В. Голицынъ подъ Смоленскомъ громко протестовалъ противъ оговора попа Харитона и противъ повѣрившихъ ему «бояръ»: на нихъ онъ хотѣлъ «Богу жаловаться» и въ своемъ безчестьѣ государю бить челомъ. Ясно, однако, то, что Гонсѣвскій очень ловко воспользовался возникшимъ противъ бояръ подозрѣніемъ. Онъ заставилъ, въ виду военной опасности, московскую администрацію передать въ его руки особыя полномочія и полную власть надъ московскими крѣпостями. Онъ даже арестовалъ князей А. В. Голицына, И. М. Воротынскаго и А. Ѳ. Засѣкина. Остальные же бояре, хотя и не были «даны за приставовъ», однако чувствовали себя «все равно, что въ плѣну», и дѣлали то, что имъ приказывалъ Гонсѣвскій и его пріятели. Отъ имени бояръ составлялись грамоты; боярамъ «приказывали руки прикладывать—и они прикладывали». При боярахъ «измѣнники» распоряжались царскою казною и продавали ее, а бояре «лишь только сидѣли да смотрѣли». Новые, вовсе худые люди злорадно издѣвались надъ попавшими въ неволю боярами, а старыхъ дьяковъ они «отогнали прочь». Одинъ изъ этихъ «старыхъ» Григорій Елизаровъ убѣжалъ въ это время «отъ бѣды и нужды» въ черицы въ Троице-Сергіевъ монастырь, а потомъ въ Соловки. Другіе томились въ Москвѣ. «Богъ видитъ сердца наши», говорили впослѣдствіи бояре: «въ то время мы всѣ живы не были». За то были «живы» люди неродословные, желавшіе получить себѣ честь выше мѣры хотя бы службою Сигизмунду. Съ наивною наглостью обращались къ королю за боярствомъ такіе люди, каковы были, напримѣръ, рязанскіе дворяне Ржевскіе, служившіе съ города по «выбору». Они лгали королю, будто ихъ «родители прежъ сего бывали у великихъ государей въ боярехъ и въ окольничихъ и въ думныхъ», и просили короля пожаловать одного изъ нихъ въ бояре, а другого въ окольничіе, чтобы имъ «предъ своею братьею въ позорѣ не быть!» Вокругъ поруганнаго боярства и ниспровергнутой думы начиналась политическая вакханалія меньшей «братьи», желавшей сановъ, власти, богатства и думавшей, что ей легко будетъ завладѣть Москвою путемъ униженія и измѣннаго раболѣпства предъ иновѣрнымъ побѣдителемъ [195].

Итакъ, временное московское правительство, образованное послѣ сверженія Шуйскаго и состоящее изъ думы «седмочисленныхъ бояръ» и земскаго собора при ней, совершенно распалось къ исходу 1610 года. Думая достигнуть равноправной уніи Московскаго государства съ Рѣчью Посполитою, оно привело свою родину къ зависимости отъ чуждаго правительства Сигизмунда. Король, утверждая свою власть надъ Москвою, постарался подчинить своимъ видамъ обѣ части московскаго правительства: и ту, которая явилась подъ Смоленскъ въ его станъ просить о воцареніи королевича, и ту, которая осталась въ столицѣ править дѣлами. По-

слѣдную онъ насильственно замѣнилъ заранѣе составленнымъ кружкомъ тушинскихъ дѣльцовъ, которые и стали дѣйствовать въ Москвѣ, опираясь на вооруженную польскую силу. Великое же посольство, представлявшее собою часть земскаго собора, король лишилъ его земскаго значенія, распустивъ, за немногими исключеніями, всѣхъ представителей земщины и оставивъ при себѣ лишь главныхъ пословъ съ отдѣльными лицами ихъ свиты. Королю оставалось сдѣлать всего одинъ шагъ, чтобы объявить себя, вмѣсто сына, московскимъ царемъ: надлежало организовать въ Москвѣ новый совѣтъ «всея земли» и заставить его сдаться на королевскую волю. Такимъ образомъ, свободная унія съ Рѣчью Посполитою могла очень скоро перейти въ формальное подчиненіе ей.

Такой исходъ имѣла первая попытка создать государственную власть, разрушенную Смутою. Она вышла изъ среды московскаго боярства, получившаго въ ту пору правительственное значеніе, и завершилась полнымъ паденіемъ и униженіемъ этого самаго боярства. На смѣну разбитаго въ борьбѣ класса должны были выйти другіе общественные слои, способные продолжать борьбу за порядокъ. Но, какъ увидимъ, имъ необходимо было ранѣе организоваться; а это дѣло требовало времени и тяжелыхъ усилій.

III.

Опытъ возстановленія государственнаго порядка подъ властью инороднаго государя былъ послѣднимъ политическимъ актомъ въ исторіи московскаго боярства. Если бы дѣло удалось, седмочисленные бояре стали бы родоначальниками правящаго класса, составленнаго изъ представителей обѣихъ сторонъ московской знати, какъ родословной, такъ и дворцовой, и имѣвшаго участіе во власти на основаніи точно опредѣленнаго права. Но опытъ боярства не удался: затѣянная имъ унія съ Литовско-Польскимъ государствомъ привела бояръ въ королевскую неволю, и это послужило окончательнымъ ударомъ, навсегда погубившимъ политическое значеніе и боярскаго класса, и боярской думы. Къ началу 1611 года всѣ вожаки различныхъ группъ боярства оказались во власти Сигизмунда. Главы княжеской реакціи въ Москвѣ, князья Шуйскіе и В. В. Голицынъ, были прямо-таки въ польскомъ плѣну. Съ ними оказался и главный человѣкъ Романовскаго рода—Филаретъ. Прочіе видные княжата: И. М. Воротынскій и А. В. Голицынъ, Ѳ. И. Мстиславскій и И. С. Куракинъ терпѣли не лучшую долю. Первые два сидѣли въ Москвѣ «за приставами», а послѣдніе принуждены были, съ большею или меньшею искренностью, служить Гонсѣвскому и его русской и польской челяди Остальные члены думы, второстепенные по ихъ родовому или личному значенію, потеряли

всякое вліяніе на дѣла и общество. Населеніе Москвы и всего государства видѣло полное распаденіе думы и чувствовало, что, по слову современника, «оскудѣша премудрые старцы и изнемогоша чюдные совѣтники и отъя Господь крѣпкія земли». Общество считало однихъ бояръ страдальцами, другихъ—измѣнниками, и понимало, что отнынѣ боярская дума перестала быть руководительницею общественной жизни и правительственной дѣятельности.

Но если пало боярское правительство, если земскій совѣтъ, бывшій при боярахъ, былъ разогнанъ «измѣнниками» или милостиво распущенъ Сигизмундомъ изъ его королевскаго стана, то еще было цѣло правительство церковное и не былъ поколебленъ патріаршій авторитетъ. На патріарха и на церковную власть вообще нимало не могло повліять позорнѣйшее поведеніе подъ Смоленскомъ митрополичьей свиты, когда знаменитый Авраамій Палицынъ и «иныя черныя власти», митрополичьи попы и дьяконъ, «откупяся у канслѣра Лва Сапѣги», разъѣхалися изъ-подъ Смоленска по домамъ. Патріархъ неуклонно оставался на почвѣ договора и посольскаго наказа 17-го августа, и ни для какой иной власти не было возможности поколебать его твердость. Блюститель вѣры и благочестія, онъ не только имѣлъ право, но и былъ обязанъ настаивать на точномъ соблюденіи условій, назначенныхъ оберегать отъ постороннихъ вліяній не только существо православія, но и его исключительное господство въ государствѣ. Глава іерархіи и «церковный верхъ», патріархъ имѣлъ многообразныя средства дѣйствія и въ правительственной, и въ общественной средѣ. Въ то же время онъ не могъ, если бы и хотѣлъ, уклониться отъ дѣйствія въ такую минуту, когда не стало вовсе государственной власти. «Нынѣ, по грѣху нашему, мы стали безгосударны, а патріархъ у насъ человѣкъ начальный», говорили тогда русскіе люди, указывая на то, что московскій обычай ставилъ патріарха, какъ ранѣе митрополита, рядомъ съ царемъ—«съ великими государи по ряду». Переставало существовать боярское правительство,—тѣмъ бо́льшія обязанности и полномочія падали на патріаршую власть, тѣмъ замѣтнѣе становилась личность «начальнаго человѣка» Русской земли [196].

Какова же была эта личность?

Современная патріарху Гермогену письменность представляетъ одну замѣчательную его характеристику. Авторъ хронографа 1616—1617 года откровенно объясняетъ своему читателю какъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны личности патріарха, и притомъ объясняетъ съ тако́ю опредѣленностью, что намъ остается только перевести его языкъ на нашу рѣчь, чтобы получить цѣльный образъ человѣка, нравственное прямодушіе и благородство котораго было выше его умственныхъ качествъ. По словамъ хронографа, патріархъ былъ

свѣдущимъ богословомъ и искусно слагалъ рѣчи, хотя не владѣлъ внѣшнимъ краснорѣчіемъ: онъ былъ «негладкогласивъ» или «несладкогласенъ». Нравомъ же былъ онъ «грубъ» и упоренъ въ гнѣвѣ и опалахъ; не обладалъ проницательностью, былъ «ко злымъ и благимъ не быстро разпрозрителенъ»; поэтому былъ онъ легковѣренъ, «слуховѣрствователенъ», подпадалъ лести и обманамъ и позволялъ себя увлекать въ напрасную вражду. Такъ, навѣты «зміеобразныхъ людей» возбудили его противъ царя Василія, и патріархъ пересталъ «отчелюбно» совѣщаться съ царемъ «на супостатныя коварства», то-есть пересталъ поддерживать сторону Шуйскихъ. Это облегчило «мятежникамъ» борьбу съ Шуйскими; они сперва низложили царя Василія, а затѣмъ легко могли надругаться и надъ самимъ патріархомъ. Не предвидя послѣдствій своего разлада съ Шуйскимъ, Гермогенъ послѣ его паденія желалъ показать себя «непреборимымъ пастыремъ» и началъ обличать мятежниковъ за ихъ «христіаноборство»; но, «уже времени и часу ушедшу», не могъ ничего сдѣлать, и самъ погибъ. Писатель не считаетъ Гермогена дурнымъ человѣкомъ и жалѣетъ его, но примѣняетъ къ нему общее изреченіе, что «во всѣхъ земнородныхъ умъ человѣчь погрѣшителенъ есть и отъ добраго нрава злыми совратенъ».

Трудно, разумѣется, провѣрить эту характеристику. Высокій подвигъ патріарха, запечатлѣнный его мученичествомъ за народное дѣло, закрылъ отъ глазъ потомства всю предшествующую дѣятельность Гермогена и поставилъ его на высокій пьедесталъ, съ котораго стали незамѣтны дѣйствительныя черты его личности. Но историкъ долженъ сознаться, что тонкая характеристика писателя современника, звучащая сочувственнымъ сожалѣніемъ о судьбѣ Гермогена, не можетъ быть опровергнута другими данными о патріархѣ. Напротивъ, она какъ будто вполнѣ соотвѣтствуетъ прочимъ даннымъ. Призванный на патріаршество въ смутные дни боярско-княжескаго переворота 1606 года, Гермогенъ принялъ власть при очень сложной обстановкѣ. Кромѣ него, были на Руси два живыхъ патріарха: свергнутый Самозванцемъ Іовъ и свергнутый Шуйскимъ Игнатій. Кромѣ того, въ Москвѣ былъ еще и Филаретъ, только-что устраненный отъ патріаршаго престола, котораго онъ уже коснулся. Съ другой стороны, въ періодъ междопатріаршества, съ 17-го мая по 3-е іюля 1606 года, въ Москвѣ произошли такія торжественныя событія, въ которыхъ участіе патріарха представлялось совершенно необходимымъ. Таковы перенесеніе мощей царевича Димитрія и царское вѣнчаніе. Пріѣхавъ въ Москву изъ Казани, Гермогенъ засталъ въ столицѣ извѣстный порядокъ, политическій и церковный, установленный безо всякаго съ его стороны участія. И онъ призналъ этотъ порядокъ. Онъ шелъ рядомъ съ правительствомъ Шуйскихъ, несмотря на его односторонній характеръ.

Онъ показывалъ уваженіе къ Іову, дѣйствуя съ нимъ въ извѣстной февральской церемоніи 1607 года; онъ обнаруживалъ благоволеніе и къ Филарету, называя его въ грамотахъ 1609 года не измѣнникомъ тушинскимъ, а плѣнникомъ. Въ этомъ можно видѣть нѣкоторую гибкость и практическій тактъ; но едва ли не ближе къ правдѣ будетъ предположеніе, что здѣсь было только политическое безличіе и безсиліе. Личный авторитетъ и личное вліяніе Гермогена въ царствованіе Шуйскаго были ничтожны. Мятежный народъ не разъ бралъ патріарха «насильствомъ» изъ Кремля, даже «съ мѣста изъ соборной церкви», на свои измѣнничьи сходки. Тамъ толпа не только не повиновалась словамъ патріарха, но даже ругалась надъ нимъ, забрасывала его грязью и соромъ, хватала его за одежду, наносила ему удары сзади. Безсильный предъ толпою, патріархъ былъ столь же безсиленъ и предъ Шуйскими. Онъ не могъ остановить ни гоненій, ни казней, на которыя былъ такъ щедръ царь Василій. Хотя Гермогенъ, по словамъ хронографа, впослѣдствіи и началъ враждовать съ Шуйскими, однако же не видно, чтобы его оппозиція отразилась хотя бы въ отдѣльныхъ случаяхъ на политикѣ правительства Шуйскихъ. И при сверженіи Шуйскаго Гермогену досталась не рѣшающая роль. Шуйскій былъ не только сведенъ, но и постриженъ противъ воли патріарха. Попытка патріарха убѣдить народъ «паки возвести» царя Василія послужила даже однимъ изъ ближайшихъ поводовъ къ насильственному постриженію Шуйскаго. Словомъ, бурное теченіе московскихъ дѣлъ увлекало собою Гермогена не въ томъ направленіи, какого онъ самъ хотѣлъ держаться [197].

Патріархъ не сразу занялъ должное ему мѣсто и во временномъ московскомъ правительствѣ, образовавшемся лѣтомъ 1610 года. Онъ не скоро и не легко позволилъ себя склонить въ пользу избранія Владислава. Сверженіе Шуйскихъ разорвало связь патріарха съ реакціоннымъ правительствомъ княжатъ. Принадлежа по своему происхожденію къ тяглымъ слоямъ московскаго населенія, Гермогенъ не могъ увлекаться спеціально-княжескими идеалами и потому долженъ былъ притязаніямъ на престолъ Голицына предпочитать кандидатуру М. Ѳ. Романова [198]. Именно эту кандидатуру онъ и выдвигалъ противъ имени Владислава, не желая призывать въ Москву иновѣрца и иноземца. У Жолкѣвскаго находимъ опредѣленныя указанія на то, что Гермогенъ сопротивлялся соглашенію бояръ съ гетманомъ и что его приходилось уговаривать и утишать (uchodzić). По другимъ сообщеніямъ, между патріархомъ и боярами дѣло доходило до крупныхъ объясненій уже въ сентябрѣ 1610 года. Передъ самымъ введеніемъ въ Москву польскаго гарнизона Гермогенъ собралъ у себя большую толпу служилаго люда и обсуждалъ съ нею общее положеніе дѣлъ, а главнымъ образомъ вопросъ о занятіи Москвы поляками и литвою. Онъ посылалъ за боярами и звалъ ихъ

королевича и вступленію въ Москву польскихъ войскъ не по простому упрямству, а въ предчувствіи той бѣды. которая была еще скрыта отъ сознанія прочихъ. На Гермогена и на его личную стойкость съ надеждою начали смотрѣть всѣ патріоты, считая, что въ ту минуту именно патріархъ долженъ былъ стать первымъ борцомъ за народное дѣло. При всей серьезности своей, политическое положеніе было такъ ясно и просто, что даже самый ограниченный умъ могъ правильно оцѣнить значеніе патріарха въ Москвѣ, потерявшей не только государя, но и правильный боярскій совѣтъ [200].

Тѣмъ болѣе долженъ былъ почувствовать свое значеніе самъ Гермогенъ. Сбывались его опасенія; его подозрительность и недовѣріе къ полякамъ и тушинскимъ дьякамъ получали полное оправданіе. На его плечи ложилось тяжкое бремя заботъ о паствѣ, потерявшей своихъ правителей. Самъ онъ, несмотря на старость, готовъ былъ нести это бремя съ обычнымъ упорствомъ, съ тою «грубостью» и «косностью», которая поражала въ немъ его современниковъ, какъ поклонниковъ, такъ и враговъ его. Но въ окружающей средѣ патріархъ не находилъ никакой поддержки и оставался «единъ уединенъ»; по словамъ писателя-современника, патріарху не было помощниковъ: «иному некому пособити ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ». Другіе іерархи «славою міра сего прелестнаго прельстилися, просто рещи, подавилися и къ тѣмъ врагомъ приклонилися и творятъ ихъ волю». А бояре земледержцы, или какъ назвалъ ихъ писатель, «землесъѣдцы», давно отстали отъ патріарха и «умъ свой на послѣднее безуміе отдали»: пристали ко врагу, «къ подножію своему припали и государское свое прироженіе премѣнили въ худое рабское служеніе». Не въ освященномъ соборѣ и боярской думѣ и не въ столичномъ московскомъ населеніи долженъ былъ искать Гермогенъ своихъ помощниковъ. Москва вся была «прельщена» и «закормлена», или же запугана королевскими слугами: они, по тогдашнему выраженію, «сильно обовладѣли» столицею и «вездѣ свои слухи и доброхоты поизстановили и поизпасадили». Помощь патріарху могла идти только изъ-за московскихъ стѣнъ, оттуда, гдѣ еще было цѣло и могло дѣйствовать привычное земское устройство, не задавленное польскою властью. Служилые люди, державшіеся вокругъ городскихъ воеводъ, поставленныхъ еще при Шуйскомъ, да тяглый городской людъ съ своими выборными старостами,—вотъ тѣ общественныя силы, на которыя могъ расчитывать Гермогенъ, задумывая борьбу съ «врагами». Необходимо было сплотить эти силы, организовать ихъ въ видахъ борьбы за народную независимость и съ помощью ихъ рѣшить не разрѣшенный боярствомъ вопросъ о возстановленіи государственнаго порядка. Какъ увидимъ, Гермогенъ понялъ правильно эту задачу: но онъ не сразу получилъ возможность взяться за ея исполненіе [201].

Первые признаки смуты въ занятой поляками Москвѣ появились въ октябрѣ 1610 года, когда князья Воротынскій и А. Голицынъ были посажены на ихъ дворахъ за приставами по обвиненію въ сношеніяхъ съ Воромъ За ихъ дѣломъ возникло дѣло стольника Вас. Ив. Бутурлина, обвиненнаго въ томъ, что, по соглашенію съ Пр. П. Ляпуновымъ, онъ «въ Москвѣ нѣмцовъ тайно подговаривалъ» на избіеніе поляковъ. Эти нѣмцы, введенные Гонсѣвскимъ въ Кремль послѣ доноса на Воротынскаго и Голицыныхъ, должны были, будто бы, ночью ударить на поляковъ и побить ихъ. Неизвѣстно, основательны ли были всѣ подобныя обвиненія; но они привели къ важнымъ послѣдствіямъ. Польскій гарнизонъ счелъ ихъ достаточнымъ поводомъ для того, чтобы вмѣшаться «въ справы московскія»: захватить «ключи отъ воротъ городовыхъ», привести весь городъ на военное положеніе, запереть наглухо добрую половину городскихъ воротъ; въ остальныхъ воротахъ и на стѣнахъ поставить караулы, а по улицамъ посылать патрули. Москва приняла видъ завоеваннаго города: населенію было запрещено носить оружіе; у улицъ были уничтожены охранительныя рѣшетки; въ городъ не пускали подгородныхъ крестьянъ; ночное движеніе по городу было запрещено, такъ что даже священникамъ не давали ходить къ заутренѣ. Добровольное подчиненіе «царю Владиславу» становилось похоже на позорный плѣнъ и иноземное завоеваніе. Въ тѣ же самые дни, когда въ Москвѣ водворяли этотъ военный порядокъ, тамъ получены были первыя тайныя письма отъ великихъ пословъ, посланныя ими 30-го октября, съ предупрежденіями о планахъ Сигизмунда. Насилія въ Москвѣ такимъ образомъ связывались съ извѣстіями о насиліи подъ Смоленскомъ. 21-го ноября послѣдовалъ штурмъ Смоленска, который, однако, не удался. Извѣстіе о немъ должно было потрясти московскіе умы, не постигавшіе, какимъ образомъ могъ король продолжать военныя дѣйствія во время переговоровъ о мирномъ соединеніи государствъ; «такъ ли сыну прочити, что все наконецъ губити?» говорили москвичи о королѣ. Пролитіе крови подъ Смоленскомъ было для русскихъ людей доказательствомъ двоедушія короля и побуждало окончательно не вѣрить ни королю, ни его московскимъ слугамъ. Когда 30-го ноября М. Г. Салтыковъ явился къ патріарху съ какимъ-то разговоромъ о королѣ, желая, вѣроятно, склонить Гермогена на уступки Сигизмунду, «все на то приводя, чтобъ крестъ цѣловати королю самому», то Гермогенъ далъ волю своему негодованію и отказался отъ всякихъ уступокъ. На другой день къ патріарху пришли и другіе бояре съ Мстиславскимъ во главѣ и, по согласному показанію современниковъ, стали просить патріарха, чтобы онъ «благословилъ крестъ цѣловати королю». Гермогенъ отказался, и между нимъ и Салтыковымъ произошла бурная ссора. Салтыковъ, по

однимъ извѣстіямъ, бранилъ Гермогена площадною бранью, по другимъ же, даже не остановился на «продерзкѣ словесной», а бросался на патріарха съ ножемъ. Потомъ онъ опомнился и «прощеніе испросилъ» у патріарха, оправдываясь тѣмъ, что «шуменъ былъ и безъ памяти говорилъ»; однако для Гермогена этотъ случай имѣлъ рѣшительное значеніе. Мы не знаемъ, точно ли о крестномъ цѣлованіи на имя короля просили бояре патріарха, но Гермогенъ именно такъ истолковалъ ихъ просьбу. Онъ немедля послалъ «по сотнямъ» и собралъ московскихъ гостей и торговыхъ людей въ Успенскій соборъ. Тамъ онъ прямо объяснилъ имъ положеніе дѣлъ, запретивъ присягать королю, и по его слову московскіе люди «отказали, что имъ королю креста не цѣловать». Такъ выступилъ Гермогенъ на открытую борьбу съ королемъ Сигизмундомъ [202].

Въ первыя недѣли этой борьбы Гермогенъ не считалъ возможнымъ призывать народъ къ открытому возстанію противъ поляковъ. Два обстоятельства перемѣнили его настроеніе и вынудили его къ тому, чтобы «повелѣвати на кровь дерзнути». Первое изъ нихъ— смерть Вора (11-го декабря 1610 года); второе —распаденіе великаго посольства и отъѣздъ его членовъ въ Москву, что случилось въ началѣ того же декабря. Давно и очень хорошо выяснено С. М. Соловьевымъ то значеніе, какое имѣла гибель самозванца въ Калугѣ на ходъ событій въ Московскомъ государствѣ. У тѣхъ московскихъ людей, которые боялись торжества казачьяго «царика» надъ Москвою въ случаѣ столкновенія Москвы съ поляками, теперь развязались руки для дѣйствій противъ поляковъ. Гермогенъ принадлежалъ къ числу именно такихъ людей. По всѣмъ указаніямъ, онъ тотчасъ послѣ смерти Вора началъ думать и говорить объ открытой борьбѣ противъ иноземнаго господства въ Москвѣ. Разъѣздъ изъ-подъ Смоленска земскихъ представителей, бывшихъ при послахъ, могъ только узаконить для Гермогена призывъ къ возстанію. Въ Москвѣ на глазахъ патріарха осенью 1610 года произошелъ государственный переворотъ, состоявшій въ томъ, что правительство седмочисленныхъ бояръ было насильственно замѣнено новымъ правительственнымъ кругомъ королевскихъ агентовъ. Теперь, въ декабрѣ, этотъ переворотъ завершался упраздненіемъ земскаго совѣта при послахъ, отправленныхъ къ Владиславу и Сигизмунду. Обѣ составныя части законнаго московскаго правительства теперь были упразднены; ихъ смѣнили польскіе воеводы и чиновники да русскіе измѣнники и беззаконники, служившіе королю. Страна попала во власть иноземныхъ и иновѣрныхъ завоевателей; противъ нихъ возможно было дѣйствовать только оружіемъ [203].

Во второй половинѣ декабря 1610 года Гермогенъ, наконецъ, рѣшился на то, чтобы открыто призвать свою паству къ вооруженному возстанію на утѣснителей. Онъ началъ посылать по городамъ

свои грамоты, въ которыхъ объяснялъ королевскую измѣну, разрѣшалъ народъ отъ присяги Владиславу и просилъ городскихъ людей, чтобы они, не мѣшкая, по зимнему пути, «собрався всѣ въ зборъ со всѣми городы, шли къ Москвѣ на литовскихъ людей». Въ первый разъ Гонсѣвскому удалось перехватить такую грамоту на Святкахъ 1610 года. Затѣмъ полякамъ попали въ руки списки съ грамотъ патріарха, датированные 8-мъ и 9-мъ числами января 1611 года; эти грамоты были отправлены патріархомъ въ Нижній-Новгородъ (съ Василіемъ Чертовымъ) и къ Просовецкому въ Суздаль или Владиміръ. Главнымъ же образомъ Гермогенъ расчитывалъ на Пр. Ляпунова и подчиненныхъ ему рязанскихъ служилыхъ людей. Къ Ляпунову онъ обратился, повидимому, раньше, чѣмъ ко всѣмъ прочимъ, и Ляпуновъ поднялъ знамя возстанія уже черезъ двѣ-три недѣли послѣ смерти Вора, около 1-го января 1611 года. Объ отложеніи Рязани Сигизмундъ и Янъ Сапѣга знали уже въ серединѣ января по извѣстіямъ изъ Москвы. Такимъ образомъ обнаружилась враждебная Сигизмунду дѣятельность патріарха и его полный разладъ съ измѣннымъ московскимъ правительствомъ. Это последнее не остановилось предъ тѣмъ, чтобы немедля употребить силу противъ строптиваго пастыря. Для того, чтобы онъ не могъ ссылаться письменно съ городами, у него были «діяки и подьячіе и всякіе дворовые люди поиманы, а дворъ его весь разграбленъ». О такомъ насиліи 12-го января 1611 года уже знали въ Нижнемъ. Въ тѣ же дни пришла о томъ вѣсть и къ Пр. Ляпунову. Онъ тотчасъ же заступился за Гермогена и послалъ грамоту «къ бояромъ о патріархѣ и о мірскомъ гоненіи и о тѣснотѣ». Его грамота подѣйствовала: «съ тѣхъ мѣстъ (писалъ онъ въ исходѣ января) патріарху учало быти повольнѣе и дворовыхъ людей ему немногихъ отдали». Но это было лишь временное послабленіе: Гермогенъ до конца своихъ дней оставался подъ тяжелымъ надзоромъ и томился въ Кремлѣ, «аки птица въ заклепѣ». Одинокій, никѣмъ не поддержанный старецъ лишенъ былъ возможности дѣйствовать, какъ бы хотѣлъ, и ему оставалось только твердымъ словомъ своимъ возбуждать и ободрять народное движеніе, поднятое имъ самимъ. За то вѣрная паства патріарха очень цѣнила это твердое слово, именовала Гермогена «вторымъ Златоустомъ» и слагала ему благоговѣйную похвалу. Уже въ мартѣ 1611 года ярославцы писали о Гермогенѣ: «только бъ не отъ Бога посланъ и такого досточуднаго дѣла патріархъ не учинилъ, —и за то (народное дѣло) было кому стояти? не токмо вѣру попрати, хотя бъ на всѣхъ хохлы хотѣли (поляки) учинити, и за то бы никто слова не смѣлъ молвити!» Такъ высоко ставили русскіе люди подвигъ патріарха: онъ одинъ открылъ глаза русскимъ людямъ на иноземный обманъ и своею твердостью спасъ государство отъ окончательнаго порабощенія... «Не-

начаемое учинилось!» замѣчали современники, говоря о великомъ подвигѣ слабаго и одинокаго среди «измѣнниковъ» старика [204].

IV.

Итакъ, патріархъ, лишенный возможности дѣйствовать правильно, черезъ «освященный соборъ», «царскій синклитъ» и «совѣтъ всея земли», обратился прямо къ народной массѣ, вызывая ее стать на защиту отечества. Въ этой массѣ, потерявшей привычное для нея руководство столичной власти, скоро должны были обнаружиться свои вожаки, долженъ былъ образоваться свой руководящій кругъ излюбленныхъ авторитетныхъ людей. Естественно, что въ этомъ отношеніи наибольшее значеніе выпадало на долю тѣхъ лицъ, которыя стояли во главѣ мѣстныхъ общественныхъ организацій. Чѣмъ крупнѣе и сильнѣе была подобная организація, тѣмъ шире и дѣйствительнѣе было вліяніе ея представителей, тѣмъ виднѣе становились они сами. Простое соображеніе говоритъ намъ, что первенствующее значеніе въ народномъ движеніи должны были получить воеводы и дворяне крупнѣйшихъ городовъ и уѣздовъ и выборныя власти наиболѣе людныхъ и зажиточныхъ общинъ. Если въ податныхъ слояхъ подъемъ народнаго чувства вызывалъ готовность жертвовать имуществомъ и людьми, то въ средѣ наиболѣе виднаго провинціальнаго дворянства чувствовалась не одна необходимость жертвъ, но и обязанность взять въ свои руки предводительство народнымъ движеніемъ. Съ паденіемъ боярскаго правительства въ Москвѣ и съ разложеніемъ центральной администраціи подъ властью «измѣнниковъ», общественное первенство переходило къ наиболѣе «честнымъ» людямъ провинціальнаго служилаго класса. Когда стало извѣстно, что въ Москвѣ «владѣютъ всѣмъ» измѣнники и поляки, что «дьяки съ доклады» приходятъ къ Гонсѣвскому не только «въ верхъ», то-есть во дворецъ, но «и къ нему на дворъ», что большіе бояре посажены «за приставы», а «по приказомъ бояре и дьяки въ приказахъ не сидятъ»,—то въ уѣздахъ служилые люди «большихъ статей» поняли, что общественная вершина разрушена и что теперь они оказываются на верху московскаго общественнаго порядка. Они нерѣдко были связаны родствомъ съ столичнымъ дворянствомъ, «выборъ» изъ ихъ среды служилъ постоянно въ самой Москвѣ съ московскими дворянами; поэтому московскія событія имъ были понятны и близки. Они настолько живо чувствовали необходимость заступиться за своихъ угнетенныхъ въ Москвѣ товарищей и родныхъ и встать на защиту всей народности и церкви, что раньше прямого призыва со стороны Гермогена уже справлялись о теченіи дѣлъ въ столицѣ и обсуждали политическое положеніе [205].

Въ этомъ отношеніи особенно энергичны были рязанцы, у которыхъ, какъ уже было выше показано, образовались тѣсныя связи съ столицею за время тушинской осады. Благодаря этимъ связямъ рязанское дворянство привыкло играть дѣятельную роль въ московскихъ дѣлахъ и даже получило рѣшающее значеніе въ переворотѣ, низложившемъ Шуйскаго. Избраніе Владислава Москвою совершилось не безъ сочувствія и участія рязанцевъ. Воевода рязанскій Прокопій Ляпуновъ, по словамъ Жолкѣвскаго, «радовался (content był), услышавъ что бояре учинили съ гетманомъ договоръ о королевичѣ». Онъ послалъ къ гетману съ привѣтствіемъ своего сына Владиміра и доставлялъ польскому войску продовольствіе изъ своего Рязанскаго края. Его братъ Захаръ Ляпуновъ былъ въ числѣ земскихъ пословъ къ Сигизмунду и подъ Смоленскомъ не одинъ разъ получалъ отъ короля жалованныя грамоты на земли. Со стороны главныхъ пословъ Захаръ даже вызвалъ обвиненіе въ «воровствѣ» и измѣнѣ, такъ какъ онъ, бражничая съ «панами», смѣялся надъ Филаретомъ и Голицынымъ и обвинялъ ихъ въ самоуправствѣ. Но рязанскіе вожаки только до тѣхъ поръ дружили съ литвою и поляками, пока не увидѣли признаковъ королевскаго двуличія. Когда возникли сомнѣнія въ томъ, что королевичъ пріѣдетъ въ Москву, Прокопій Ляпуновъ сдѣлалъ запросъ объ этомъ московскимъ боярамъ и сталъ показывать непріязнь къ полякамъ и московскому правительству. Поляки позднѣе, въ 1615 году, взвели на Пр. Ляпунова обвиненіе въ томъ, что онъ самъ желалъ «сѣсть на государствѣ» и потому интригов.алъ противъ нихъ. Но ничто не подтверждаетъ такого обвиненія. Въ обнаруженныхъ московской властью тайныхъ сношеніяхъ Прокопія со стольникомъ Вас. Ив. Бутурлинымъ въ Москвѣ и съ братомъ Захаромъ подъ Смоленскомъ нѣтъ слѣдовъ личныхъ вожделѣній Прокопія. Бутурлинъ московскими боярами былъ уличенъ лишь въ томъ, что, «въ Москвѣ все вылазучивши, къ Ляпунову на Рязань отписывалъ» и уговаривался съ нимъ ночью ударить на поляковъ въ Москвѣ и побить ихъ. О Захарѣ Ляпуновѣ было дознано лишь то, что онъ «изъ-подъ Смоленска съ братомъ своимъ съ Прокоѳьемъ ссылается грамотками и людьми; а которые люди были съ нимъ, съ Захарьемъ, подъ Смоленскомъ и онъ тѣхъ людей своихъ изъ-подъ Смоленска отпущалъ на Рязань къ брату своему къ Прокоѳью,—и тѣ люди нынѣ объявилися у брата его». Всего вѣроятнѣе, что Прокопій, собирая подъ рукою свѣдѣнія о Сигизмундѣ, раньше многихъ другихъ и даже независимо отъ Гермогена узналъ объ опасности, какая грозила Московскому государству, и готовился встать на защиту его самостоятельности, не задумываясь пока о томъ, кто сядетъ впослѣдствіи на государствѣ въ Москвѣ. Положеніе Прокопія Ляпунова на Рязани давало ему особую силу и вліяніе. Во-первыхъ, онъ

былъ облеченъ властью воеводы и въ то же время принадлежалъ къ составу мѣстнаго дворянства; административныя полномочія соединялись у него съ возможностью житейскаго вліянія на среду, ему давно близкую и хорошо извѣстную. Во-вторыхъ, онъ уже нѣсколько лѣтъ въ качествѣ главнаго воеводы дѣйствовалъ въ краѣ, имѣвшемъ для столицы особенное значеніе: Рязань снабжала Москву хлѣбомъ и содержала своимъ земельнымъ фондомъ лучшіе отряды Московскаго гарнизона. Владѣя, по словамъ Жолкѣвскаго, большимъ расположеніемъ (fawor) народа, сознавая свою силу и вліяніе, понимая значеніе своего края въ ряду московскихъ областей, Пр. Ляпуновъ долженъ былъ цѣнить себя очень высоко. Именно потому онъ и считалъ за собою право и обязанность вмѣшиваться въ общегосударственныя дѣла и возвышать свой голосъ предъ членами боярской думы, къ числу которыхъ онъ и самъ принадлежалъ по чину думнаго дворянина. Именно этимъ, а не желаніемъ престола, слѣдуетъ объяснять движеніе, начатое Ляпуновымъ противъ Сигизмунда тотчасъ же, какъ патріархъ обратилъ къ Ляпунову свое воззваніе [206].

Одновременно съ движеніемъ на Рязани начиналось одинаковое движеніе и въ другихъ московскихъ областяхъ. Перечислить эти области нѣтъ возможности, потому что грамоты, относящіяся къ данному моменту Смуты, не указываютъ точно первоначальныхъ очаговъ возстанія противъ польской власти, а ограничиваются лишь глухимъ упоминаніемъ о «многихъ городахъ», которые отъ королевича «отступили». Но во всякомъ случаѣ однимъ изъ такихъ первоначальныхъ очаговъ былъ Нижній-Новгородъ. Выше не разъ указывалось то значеніе, какое имѣлъ этотъ крупный городъ для восточной части Московскаго государства. Обладая большимъ рынкомъ и сильною крѣпостью, Нижній послужилъ надежнымъ базисомъ для военныхъ дѣйствій въ Клязьменскомъ краю во время борьбы съ Тушиномъ въ 1608—1609 годахъ. Тогда онъ представилъ собою центръ для очень значительнаго района Волжскихъ и Окскихъ областей. Съ такимъ же значеніемъ центра выступилъ онъ и въ 1610—1611 годахъ, въ пору движенія противъ Владислава. Очень рано, еще въ декабрѣ 1610 года, завязались у Нижняго-Новгорода постоянныя сношенія съ Гермогеномъ, продолжавшіяся и весь 1611 годъ. Нижегородскій «міръ» въ полномъ составѣ,— отъ архимандритовъ, воеводъ и земскихъ старостъ до стрѣльцовъ, казаковъ и служилыхъ иноземцевъ,—не одинъ разъ посылалъ къ патріарху ходоковъ «безстрашныхъ людей»: сына боярскаго Романа (или Ратмана) Пахомова и посадскаго человѣка свіяженина Родіона Мосѣева. Эти люди проникали къ патріарху даже тогда, когда онъ былъ подъ арестомъ, и носили къ нему «совѣтныя челобитныя» и «отписки» отъ нижегородцевъ, а отъ него просили «подлинныхъ

вѣстей» и указаній, что̀ дѣлать. Уже 12-го января 1611 года Пахомовъ и Мосѣевъ пріѣхали въ Нижній отъ патріарха и привезли его словесныя инструкціи,—знакъ, что сношенія Гермогена съ Нижнимъ были налажены еще въ ту пору, когда только что возникала рѣшимость на открытую борьбу съ Сигизмундомъ. Полученныя вѣсти Нижній распространялъ по другимъ городамъ и такимъ образомъ бралъ на себя какъ бы руководство движеніемъ, становился въ его челѣ. Такое же руководящее значеніе получалъ и центральный городъ средняго Поволжья Ярославль. Движеніе въ немъ противъ поляковъ возникло очень рано и, по сообщенію самихъ ярославцевъ, даже прежде, чѣмъ патріархъ началъ писать къ Ляпунову свои грамоты. Въ февралѣ 1611 года ярославцы сообщали въ Вологду, что къ нимъ ранѣе «съ Москвы паны пріѣзжали» и тѣснили ихъ поборами и что въ Ярославлѣ самостоятельно, до всякихъ указаній изъ Москвы, рѣшили сопротивляться панамъ. «И какъ, господа (говорили ярославцы вологжанамъ), мы панамъ въ кормѣхъ отказали, что намъ кормовъ давать невозможно, а се мы крестъ цѣловали на томъ, что было панамъ на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ Московскаго государства не быти,—и на Москвѣ, господа, отъ литовскихъ людей... почало быть утѣсненье и насильство великое и съ Москвы, господа, святѣйшій Ермогенъ... и московскіе люди писали на Рязань» и т. д. Стало быть, Ярославль зашевелился самостоятельно, и ярославцы очень рано поднялись противъ поляковъ сами по себѣ всѣмъ городомъ. Ихъ военныя приготовленія были закончены уже въ февралѣ, и въ послѣднюю недѣлю февраля ярославскія дружины уже вышли въ походъ. Въ городѣ остались съ воеводою И. В. Волынскимъ «дворяне старые для всякого промыслу: всѣхъ выбивати (на службу) и по городомъ писати». Отъ этихъ-то стариковъ съ ярославскимъ духовенствомъ и посадскими людьми шли по городамъ (между прочимъ «въ царствующій преславный градъ Казань») прекрасно написанныя грамоты, изъ которыхъ видно, что Ярославскій «міръ» считалъ себя средоточіемъ всѣхъ сѣверныхъ областей. Онъ призывалъ къ себѣ съ сѣвера дружины для общаго похода къ Москвѣ и выборныхъ людей для совѣта и почиталъ своею обязанностью разъяснять другимъ городамъ положеніе дѣлъ въ государствѣ. «Мы вамъ не отъ одного Ярославля пишемъ», сообщали въ Казань ярославцы, «а объявляемъ вамъ,—всему міру что̀ здѣся дѣлается» [207].

Такимъ образомъ рѣчи патріарха Гермогена, обращенныя къ его паствѣ и призывавшія ее на подвигъ, пали на землѣ доброй и дали плодъ. Населеніе крупнѣйшихъ общественныхъ центровъ было уже готово встать на защиту народной самостоятельности отъ иноземнаго покушенія и по первому слову Гермогена рванулось къ Москвѣ съ такою быстротою, какая можетъ удивить наблюдателя

знакомаго съ обычною медлительностью массовыхъ московскихъ движеній. Около Рождества 1610 года началъ «второй Златоустъ» Гермогенъ свой открытый призывъ къ народу на Рязани и въ Поволжьѣ, а уже 8-го февраля началось движеніе нижегородскихъ отрядовъ къ Москвѣ; 21-го февраля ярославскій передовой отрядъ, «первая посылка», выступилъ подъ Москву; 28-го февраля пошла и вся ярославская рать съ «нарядомъ», то-есть съ орудіями; 3-го марта Ляпуновъ съ «нарядомъ» и съ гуляй-городомъ вышелъ къ Москвѣ уже изъ Коломны. Во второй же половинѣ марта къ Москвѣ подошли уже многія земскія и казачьи дружины, и у стѣнъ сожженной столицы образовалось знаменитое подмосковное ополченіе 1611 года.

Интересенъ его составъ. Сообщенная въ Казань изъ Ярославля въ мартѣ 1611 года «роспись, кто изъ котораго города пошелъ воеводъ съ ратными людьми», даетъ намъ такой перечень. Къ Москвѣ двинулись: съ Рязани съ Пр. П. Ляпуновымъ «Рязанскіе городы и Сивера»; изъ Мурома съ окольничимъ кн. Вас. Ѳед. Масальскимъ «муромцы съ окольными городы»; изъ Нижняго-Новгорода съ кн. А. А. Репнинымъ «понизовые люди»; изъ Суздаля и Владиміра съ Артемьемъ Измайловымъ и Просовецкимъ «окольные городы да казаки волжскіе и черкасы; съ Вологды съ Ѳ. Нащекинымъ Поморскихъ городовъ люди; съ Романова съ князьями В. Р. Пронскимъ и Ѳ. Козловскимъ мурзы, татаре и русскіе люди; изъ Галича П. И. Мансуровъ «съ галицкими людьми»; изъ Костромы кн. Ѳ. И. Волконскій «съ костромскими людьми». Къ этому перечню ярославцы прибавляли въ своихъ грамотахъ, что «пошли на сходъ къ тѣмъ же воеводамъ» кашинцы, бѣжечане и угличане и что у нихъ самихъ въ Ярославлѣ собраны къ походу подъ Москву: «ярославцы дворяне и дѣти боярскіе» съ воеводою И. И. Волынскимъ; «полный приказъ пятьсотъ человѣкъ» московскихъ стрѣльцовъ, удаленныхъ боярскимъ правительствомъ изъ Москвы въ Вологду, но оставшихся въ Ярославлѣ; казаки «старые» ярославскіе да служилые казаки «Тимоѳеева приказа Шарова», пришедшіе въ Ярославль изъ Великаго Новгорода, вмѣстѣ съ астраханскими стрѣльцами, послѣ службы въ рати М. В. Скопина; наконецъ, «съ монастырей и съ земли даточные люди многіе». Въ этихъ перечняхъ узнаемъ знакомыхъ намъ участниковъ движенія 1608—1610 годовъ: дворянъ «зарѣчныхъ» городовъ, клязьменскихъ и заволжскихъ мужиковъ, да остатки новгородскихъ войскъ Скопина-Шуйскаго. Первые изъ нихъ сидѣли съ Шуйскимъ въ московской осадѣ и держали за царемъ Васильемъ Рязань и Коломну; вторые прогнали тушинцевъ съ Волги и Клязьмы; третьи пришли на освобожденіе Москвы съ Волхова, Мсты и Волжскихъ верховій. Вѣрная служба московскому правительству и вражда къ Тушину соединяла ихъ въ одномъ дви-

женіи въ теченіе 1608—1610 годовъ и пріучила ихъ къ политической солидарности. Призывъ Гермогена указалъ имъ, вмѣсто побѣжденнаго Тушина, новаго врага и они, легко возобновивъ свои прежнія сношенія, скоро и согласно встали для новаго подвига на защиту исконнаго государственнаго порядка.

Но къ этимъ старымъ борцамъ за народное дѣло теперь пристали люди иныхъ общественныхъ теченій. Все, что прежде въ Замосковьѣ держалось Тушина, теперь увлеклось въ движеніе противъ польской власти. Дѣти боярскіе разныхъ городовъ, романовскіе татаре, казаки московскіе и черкасы, прежде дѣйствовавшіе во имя Вора, а послѣ его смерти застигнутые въ Замосковныхъ городахъ патріотическимъ подъемомъ народнаго сознанія, пошли теперь на «очищеніе» Москвы «въ сходъ» къ главнымъ вожакамъ земщины. Присоединеніе старыхъ враговъ не испугало московскихъ патріотовъ. Напротивъ, они радовались умноженію своихъ ратей новыми воинами и обращались ко всѣмъ русскимъ людямъ съ увѣщаніемъ «со всею землею быти въ любви и въ совѣтѣ и въ соединеньѣ и итти на земскую службу подъ Москву ко всей землѣ». Виднѣйшій организаторъ движенія противъ Сигизмунда Пр. Ляпуновъ вполнѣ сознательно искалъ союза съ тою общественною стороною, которая жаждала соціальныхъ перемѣнъ и до тѣхъ поръ возставала на московскій порядокъ съ Болотниковымъ и самозванцами. Онъ не довольствовался добровольнымъ поступленіемъ на «земскую службу» отдѣльныхъ тушинцевъ и случайныхъ казачьихъ станицъ, а желалъ всю оппозиціонную массу, казачью и крѣпостную, направить противъ общаго всѣмъ русскимъ людямъ врага. Нельзя сказать точно, думалъ ли онъ дать броженію этой массы наилучшій выходъ въ борьбѣ за общенаціональный интересъ, или же не шелъ далѣе близорукаго расчета на помощь многочисленныхъ, хотя и ненадежныхъ союзниковъ. Изъ двухъ возможныхъ здѣсь предположеній нужно выбрать, кажется, первое. Ляпунову былъ очень хорошо извѣстенъ, еще со временъ его союза съ Болотниковымъ, характеръ казачьяго движенія. Именно съ «ворами» изъ Сѣверы и съ Поля сражался Ляпуновъ во все время царствованія Шуйскаго, обороняя отъ нихъ свою Рязань. Ему, какъ представителю землевладѣльческаго класса южной окраины, казачество должно было быть извѣстнѣе и понятнѣе, чѣмъ кому-либо иному изъ замосковнаго дворянства или поморскихъ тяглецовъ. Заключая политическій союзъ съ своими соціальными врагами, ища соединенія съ казачествомъ, «изрядный ополчитель», «властель и воевода» рязанскій не могъ сразу ослѣпнуть и утратить добытый горькимъ опытомъ ясный и правильный взглядъ на свойства этихъ враговъ. Очевидно, у него былъ сознательный расчетъ, который разъяснить

поможетъ намъ обзоръ сношеній Ляпунова съ тушинскими боярами и казаками [208].

Народное ополченіе противъ поляковъ и московскихъ измѣнниковъ затѣялось и устраивалось въ такое время, когда еще не разсѣялся скопъ, окружавшій Вора въ Калугѣ и дѣйствовавшій его именемъ въ Заоцкихъ и Украинныхъ городахъ. Послѣ побѣга Вора въ началѣ 1610 года изъ Тушина число его сторонниковъ очень уменьшилось: отстали поляки; русскіе «бояре» въ большинствѣ перешли къ Сигизмунду, часть казаковъ перестала служить Вору; даже Заруцкій весною 1610 года на время передался королю. Новая убыль постигла Вора при отступленіи его отъ Москвы въ концѣ августа 1610 года: тогда отъ него отъѣхали въ Москву князья М. Туренинъ, Ѳ. Долгоруковъ, А. Сицкій и Ѳ. Засѣкинъ, дворяне А. Нагой, Гр. Сумбуловъ, Ѳ. Плещеевъ, дьякъ Петръ Третьяковъ и много другихъ «служилыхъ и неслужилыхъ людей». Изъ такъ называемыхъ «бояръ» у Вора, въ послѣднее его пребываніе въ Калугѣ, можно только указать князей Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкого и Дмитрія Мамстрюковича Черкаскаго; остальные его приверженцы были или казаки, или люди безъ «отечества». Одна ихъ часть держалась въ самой Калугѣ, «бояре, окольничіе и всякихъ чиновъ люди»; другая часть, собственно казаки, сидѣла въ Тулѣ съ «бояриномъ» Заруцкимъ, который, вскорѣ же послѣ своего пріѣзда къ королю подъ Смоленскъ, снова отсталъ отъ поляковъ и сблизился съ Воромъ. Какъ ни смущены были всѣ эти люди внезапною погибелью своего «царя Дмитрія Ивановича», они все-таки представляли собою грозную силу, съ которою необходимо было считаться и московскому правительству, и возставшимъ противъ этого правительства русскимъ людямъ. Послѣ смерти Вора изъ Москвы отъ имени Владислава посылаютъ въ Калугу князя Юрія Никитича Трубецкого склонить калужскихъ сидѣльцевъ, «чтобъ цѣловали крестъ королевичу». Но князь Юрій не могъ поладить съ своимъ двоюроднымъ братомъ, княземъ Дм. Т. Трубецкимъ, главнымъ человѣкомъ въ Калугѣ, и отъ него «убѣжалъ къ Москвѣ убѣгомъ». Одновременно съ Москвою завязала сношенія съ Калугою и Рязань. Ляпуновъ не могъ идти къ Москвѣ, имѣя у себя на лѣвомъ флангѣ и въ тылу «воровскія» войска. Вотъ почему онъ очень рано, еще въ январѣ 1611 года, завелъ сношенія съ Заруцкимъ въ Тулѣ, а въ февралѣ послалъ въ Калугу къ «боярамъ» своего племянника Ѳедора Ляпунова «съ дворяны». Миръ и союзъ съ «воровскою» ратью былъ необходимъ Ляпунову прежде всего по соображеніямъ чисто военнымъ. Надобно было перетянуть отъ короля на свою сторону ту силу, которая по смерти Вора лишилась возможности дѣйствовать самостоятельно, но не могла и оставаться нейтральною зрительницею начинав-

шейся борьбы за Москву. Ляпунову удалось столковаться съ Калугою и Тулою, и у новыхъ союзниковъ былъ выработанъ общій планъ дѣйствій—«приговоръ всей землѣ: сходиться въ дву городѣхъ, на Коломнѣ да въ Серпуховъ» Въ Коломнѣ должны были собраться особою ратью городскія дружины съ Рязани, съ нижней Оки и съ Клязьмы; а въ Серпуховѣ должны были сойтись, тоже особою ратью, старые тушинскіе отряды изъ Калуги, Тулы и Сѣверы. Прежніе враги превращались въ друзей. Тушинцы становились подъ одно знамя съ своими противниками на «земской службѣ» [209].

Разъ обстоятельства привели Ляпунова къ сближенію съ «воровскими совѣтниками» и казачествомъ, онъ долженъ былъ почувствовать и неизбѣжныя послѣдствія этого сближенія. Прежнихъ «воровъ» ему уже слѣдовало считать такими же прямыми людьми, какъ и людей изъ земскихъ дружинъ: и тѣ и другіе стояли теперь «противъ разорителей вѣры христіанскія» за національную независимость, за исконный государственный и общественный строй. И тѣ и другіе были одинаково желанными борцами «за Московское государство» и заслуживали награды за свой подвигъ. Ляпунову казалось, что лучшею наградою для зависимыхъ «боярскихъ людей», которыми тогда полнилась «воровская» казачья сила, будетъ «воля и жалованье». Вмѣстѣ съ «боярами» изъ Калуги и Тулы, вотъ что писалъ онъ въ Понизовье, послѣ того, какъ пришелъ подъ Москву: «И вамъ бы, господа, всѣмъ быти съ нами въ совѣтѣ... да и въ Астрахань и во всѣ Понизовые городы, къ воеводамъ и ко всякимъ людемъ, и на Волгу и по Запольскимъ (то-есть за Полемъ текущимъ) рѣчкамъ къ атаманомъ и казакомъ отъ себя писати, чтобъ имъ всѣмъ стать за крестьянскую вѣру общимъ совѣтомъ, и шли бъ намъ изо всѣхъ городовъ къ Москвѣ. А которые казаки съ Волги и изъ иныхъ мѣстъ придутъ къ намъ къ Москвѣ въ помощь, и имъ будетъ всѣмъ жалованье и порохъ и свинецъ. А которые боярскіе люди, и крѣпостные и старинные, и тѣ бъ шли безо всякого сумнѣнья и боязни: всѣмъ имъ воля и жалованье будетъ, какъ и инымъ казакомъ, и грамоты, имъ отъ бояръ и воеводъ и ото всей земли приговору своего дадутъ». Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ призывъ имѣлъ въ виду привлечь подъ Москву все бродившее на Полѣ казачество, направить его силы въ интересахъ земщины и, взявъ казаковъ на земское иждивеніе, сдѣлать безпокойную казачью массу безвредною для общественнаго порядка. Но, разумѣется, этотъ призывъ не провозглашалъ общаго соціальнаго переворота и не сулилъ свободы всѣмъ боярскимъ людямъ, которые оставили бы своихъ господъ для службы въ земской рати подъ Москвою. Грамота земскихъ воеводъ разумѣла лишь тѣхъ боярскихъ людей, которые съ «иными каза-

ками» уже жили на Полѣ «старо» и могли явиться подъ Москву въ составѣ казачьихъ станицъ. Только такимъ бѣглымъ людямъ обѣщали свободу и жалованье, то-есть помѣстныя и денежныя дачи и хлѣбный кормъ, «какъ и инымъ казакамъ». Однако подобное обѣщаніе было, какъ далѣе увидимъ, очень рискованнымъ: съ одной стороны, оно будило надежды на освобожденіе и у тѣхъ, кому этого не думали обѣщать; а съ другой стороны, оно способствовало собранію большихъ казачьихъ массъ въ центрѣ государства. Подъ Москву во множествѣ сходились и боярскіе люди, и вольные казаки, ждали воли и жалованья, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могли отстать и отъ «воровства», къ которому крѣпко привыкли за смутные годы [210].

Итакъ, въ составѣ ополченія 1611 года ясно различаются три слоя: во-первыхъ, старыя войска царя Василія, то-есть дворяне съ Оки, мужики съ Клязьмы и изъ Волжскихъ мѣстъ и отряды изъ рати Скопина; во-вторыхъ, «изъ Колуги бояре и воеводы и всѣ ратные люди, которые служили Колужскому» (подразумѣвается—Вору), и, въ-третьихъ, казачьи скопища: изъ Тулы «Ивашка Заруцкаго полку атаманы и казаки»; изъ Суздаля Андрея Просовецкаго «казаки волжскіе и черкасы, которые подо Псковомъ были»; наконецъ, отдѣльныя казачьи станицы, сошедшіяся по призывнымъ грамотамъ къ Москвѣ съ Поля и изъ городовъ. Каждый слой этой рати имѣлъ своего вождя: Пр. Ляпуновъ стоялъ во главѣ перваго слоя; кн. Дм. Т. Трубецкой былъ знатнѣйшимъ изъ калужскихъ воровскихъ бояръ; Заруцкій и Просовецкій были атаманами крупнѣйшихъ казачьихъ отрядовъ. Сойдясь подъ стѣнами московскаго Бѣлаго или Каменнаго города, разныя части войска стали особыми лагерями отъ устья Яузы до р. Неглинной и до Тверскихъ воротъ (западная часть Каменнаго города оставалась до времени въ обладаніи польскаго гарнизона Москвы). При этомъ, однако, случилось такъ, что казачій таборъ Трубецкого и Заруцкаго сталъ «противъ Воронцовскаго поля», между станомъ Ляпунова съ его рязанцами (у Яузскихъ воротъ) и лагерями другихъ земскихъ дружинъ (отъ Покровскихъ воротъ до Трубы и далѣе). Земскія дружины такимъ образомъ были разрознены и раздѣлены казачьими,—ошибка, которой постарались избѣжать вожди ополченія 1612 года, но которая имѣла роковое значеніе для ополченія 1611 года [211].

Военная задача подмосковнаго ополченія была не сложна, но и не легка. Польскій гарнизонъ занималъ двѣ внутреннія цитадели Москвы, Кремль и Китай-городъ, и сверхъ того удержался въ западныхъ башняхъ Каменнаго Бѣлаго города. Ополченію надобно было овладѣть этими укрѣпленіями, что при тогдашнемъ состояніи осаднаго искусства не могло быть скоро достигнуто. Не отваживаясь на общій штурмъ и не располагая хорошею артиллеріею,

воеводы стремились лишь къ тому, чтобы овладѣть сполна всею стѣною Каменнаго города и такимъ образомъ запереть поляковъ въ стѣнахъ Кремля и Китая, отрѣзавъ имъ сообщеніе съ окрестною страною. Но и этого удалось добиться только въ іюлѣ 1611 года. До тѣхъ же поръ ополченіе осуждено было на простое выжиданіе и заботилось лишь о томъ, чтобы не допустить къ осажденнымъ помощи и самимъ отстояться въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ между Яузою и Неглинною отъ польскихъ нападеній со стороны крѣпости и отъ поля, гдѣ долго стоялъ Я. П. Сапѣга [212].

Важнѣе и сложнѣе была задача государственная — организовать правительство не только для ополченія, но и для всей страны, которая создала и питала это ополченіе. Пестрота состава народныхъ дружинъ была естественною причиною внутреннихъ недоразумѣній въ рати: «бысть у нихъ подъ Москвою межъ себя рознь великая», говоритъ лѣтопись, «и дѣлу ратному спорыни (пользы и толка) не бысть межъ ими». Необходимо было устроить порядокъ. Въ первое же время московской осады, въ апрѣлѣ и маѣ 1611 года, вопросъ объ этомъ порядкѣ получилъ опредѣленную постановку. Подъ Москвою «всею ратью» московскіе люди начали разсуждать, что имъ слѣдуетъ «выбрати однихъ начальниковъ, кому ими владѣть, и имъ бы однихъ ихъ и слушати». И сошлись «всею ратью» и выбрали Д. Т. Трубецкого, Ляпунова и Заруцкаго; «они же начаша всѣми ратными людьми и всею землею владѣти». Такъ разсказываетъ лѣтопись, а грамоты подтверждаютъ справедливость ея словъ.

Въ грамотѣ отъ 11-го апрѣля 1611 года, написанной «на Москвѣ» въ первую недѣлю подмосковной стоянки, находится уже указаніе на «приговоръ», постановленный «всею землею» и касающійся не одного войска, но и земскихъ дѣлъ. По этому «приговору» Ляпуновъ посылаетъ въ Сольвычегодскъ новаго воеводу и велитъ ему «вѣдати у Соли всякія земскія дѣла и росправу чинити, совѣтовавъ съ лутчими земскими людьми о всякихъ дѣлѣхъ»; затѣмъ приказываетъ собрать съ Соли всякіе казенные денежные сборы и «тѣ деньги для земскаго дѣла ратнымъ людямъ велѣти прислати тотчасъ наскоро къ Москвѣ ко всей землѣ». Такимъ образомъ, съ первыхъ же дней подъ Москвою дѣйствуетъ совѣтъ «всея земли» вокругъ Пр. Ляпунова; составляютъ его «бояре и воеводы и думный дворянинъ П. П. Ляпуновъ и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ и всякіе служилые люди». Власть этого совѣта распространяется на дѣла не только рати, но и всего государственнаго управленія. Изъ того, что во главѣ бояръ и воеводъ грамота 11-го апрѣля не называетъ Трубецкого и Заруцкаго, можно заключить, что тогда въ ополченіи еще не совершился выборъ «однихъ» (то-есть общихъ) начальниковъ всей рати и земли и что подъ словами

«вся земля» здѣсь слѣдуетъ разумѣть только тотъ совѣтъ, который сложился постепенно во время совѣщаній сѣверныхъ и восточныхъ московскихъ городовъ, шедшихъ за Рязанью, Нижнимъ и Ярославлемъ. Точный составъ этого совѣта неизвѣстенъ, но его существованіе врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію. По городскимъ грамотамъ 1611 года можно заключить, что городскіе міры не довольствовались обмѣномъ мыслей на письмѣ, но усвоили себѣ обычай посылать «для добраго совѣта» въ другіе города своихъ представителей. Такъ, самъ Ляпуновъ съ Рязани посылалъ въ Нижній въ январѣ 1611 года «для договора» стряпчаго Ив. Ив. Биркина и дьяка Ст. Пустошкина «съ дворяны» и «всякихъ чиновъ людей»; въ Калугу, какъ уже было сказано, отъ Ляпунова ѣздилъ его племянникъ «съ дворяны» для переговоровъ съ тушинскими «боярами». Въ то же время, въ началѣ 1611 года, изъ Казани на Вятку послами ѣздили сынъ боярскій, два стрѣльца и посадскій человѣкъ, а съ этими казанцами посланъ былъ и одинъ «вятченинъ»; Пермь отправила въ Устюгъ двоихъ «посыльщиковъ»—«для совѣту о крестномъ цѣлованьѣ и о вѣстехъ»; изъ Галича на Кострому «для добраго совѣта прислали дворяне и дѣти боярскіе дворянина Захарья Перфирьева, а отъ посадскихъ людей посадскаго человѣка Поліекта»; «изъ Ярославля, ото всего города, дворянинъ Богданъ Вас. Ногинъ да посадскій человѣкъ Петръ Тарыгинъ» посланы были на Вологду; изъ Владиміра къ «войску» Просовецкаго въ Суздаль отправили «на совѣтъ Елизарья Прокудина съ товарищи, да и посадскихъ лутчихъ людей». Словомъ, оба общественные слоя, создавшіе ополченіе 1611 года,—служилые люди и тяглые горожане,—обмѣнивались вѣстями и совѣтомъ черезъ сословныхъ уполномоченныхъ. Судя по грамотѣ 11-го апрѣля, такіе уполномоченные оказались и подъ Москвою, образовавъ въ Ляпуновскомъ станѣ общій земскій совѣтъ—«всю землю». О томъ, что въ совѣтѣ были люди служилаго сословія, грамота 11-го апрѣля говоритъ прямо; о томъ же, были ли вмѣстѣ съ ними и совѣтники отъ тяглыхъ «міровъ», можно только догадываться. Какъ кажется, они въ обычномъ словоупотребленіи ратныхъ воеводъ и дьяковъ разумѣлись подъ общимъ именемъ «всякихъ служилыхъ людей», въ отличіе отъ служилыхъ людей «дворянъ и дѣтей боярскихъ». По крайней мѣрѣ, подъ общимъ земскимъ «приговоромъ» 30-го іюня 1611 года есть подписи отъ такихъ городовъ (напримѣръ, «Архангельскаго города»), гдѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ обыкновенно не бывало, а бывали стрѣльцы да тяглая посоха съ ихъ сотниками и головами. Вотъ этихъ-то головъ, предводившихъ тяглыми ратниками, прежде всего и слѣдуетъ считать въ ратномъ совѣтѣ представителями тѣхъ городовъ и волостей, которые посылали своихъ «мужиковъ» на освобожденіе Москвы. Были ли вмѣстѣ съ ними и особые тяглые выбор-

ные отъ городовъ въ ратный совѣтъ «всея земли», по документамъ совершенно не видно; во всякомъ случаѣ, у Ляпунова не было опредѣленнаго желанія собрать ихъ вокругъ себя въ видѣ постояннаго и правильнаго совѣщанія. Онъ довольствовался только ратнымъ совѣтомъ [213].

Въ маѣ 1611 года рядомъ съ Ляпуновымъ во главѣ правительства становятся и другіе воеводы, «которые ото всей земли выбраны». Уже отъ 1-го іюня имѣемъ грамоту, данную Трубецкимъ, Заруцкимъ и Ляпуновымъ «по совѣту всея земли». Въ серединѣ іюня въ далекомъ Шенкурскѣ уже знаютъ о существованіи «выбранныхъ» воеводъ «на Москвѣ» и исполняютъ ихъ распоряженія. Эти даты указываютъ, что избраніе «троеначальниковъ» совершилось гораздо раньше того приговора 30-го іюня, которымъ оно было санкціонировано. Соединеніе ратнаго «совѣта» Ляпуновскаго ополченія съ казачьимъ «кругомъ» дружинъ Заруцкаго и съ «воровскими совѣтниками», пришедшими съ Трубецкимъ, въ одинъ общій совѣтъ «всея земли» состоялось также до 30-го іюня. Приговоръ всей рати, помѣченный этимъ числомъ, не былъ первымъ опытомъ земскаго законодательства: въ немъ самомъ указывается болѣе ранній «приговоръ» 25-го или 29-го мая, постановленіе котораго смягчается и измѣняется приговоромъ 30-го іюня. Такимъ образомъ, подмосковное правительство сложилось во всемъ своемъ составѣ еще весною 1611 года: но оно не могло сразу ни достигнуть внутренняго согласія въ самой рати, ни установить прочный порядокъ на признавшей его власть государственной территоріи. Сознаніе своего безсилія справиться съ неустройствомъ и смутами повело земскую власть къ рѣшимости однимъ торжественнымъ постановленіемъ опредѣлить и собственныя полномочія и обязательный для всей рати порядокъ службы и житейскихъ отношеній. Это постановленіе было составлено 30-го іюня 1611 года и съ замѣчательною ясностью и отчетливостью отразило въ себѣ всю путаницу интересовъ, всѣ безпорядки общественной жизни, томившіе и раздражавшіе московскихъ людей. Разборъ этого постановленія всего лучше поможетъ намъ уразумѣть дальнѣйшую судьбу злополучнаго ополченія 1611 года [214].

Къ сожалѣнію, пока неизвѣстенъ подлинный текстъ, или же полный и исправный списокъ приговора 30-го іюня. Карамзину была доставлена новая, начала XIX вѣка, копія съ неизвѣстнаго оригинала, которую и теперь можно читать въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Списокъ Карамзина дословно сходенъ съ тѣмъ, тоже позднимъ, спискомъ приговора, какой имѣлъ въ своемъ распоряженіи И. Е. Забѣлинъ. Въ обѣихъ рукописяхъ не вполнѣ исправенъ текстъ, одинаково сокращены и опущены «рукоприкладства» участниковъ приговора. Можно бы было даже сомнѣваться въ под-

линности изучаемаго памятника, если бы не сохранилось въ описи 1626 года опредѣленнаго указанія на то, что въ московскомъ Разрядѣ уцѣлѣлъ отъ пожара 3-го мая 1626 года «приговоръ Московскаго государства всякихъ чиновъ людей, какъ выбрали подъ Москвою бояръ и воеводъ, князя Д. Т. Трубецкого, въ правительство къ земскому дѣлу, 119 (1611) году». Пробѣлы, допущенные въ спискахъ приговора, лишаютъ возможности точно опредѣлить дѣйствовавшій 30-го іюня составъ ратнаго «совѣта всея земли». По началу приговорнаго текста видно, что «всю землю» представляли только тѣ «всякіе служилые люди и дворовые (то-есть, дворцовые), которые стоятъ... подъ Москвою», иначе говоря, составляютъ ополченіе. Это—«Московскаго государства разныхъ земель царевичи, и бояре и окольничіе, и чашники и стольники, и дворяне и стряпчіе, и жильцы и приказные люди, и князи и мурзы, и дворяне изъ городовъ и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, и атаманы и казаки». Люди городскіе, выборные отъ тяглыхъ общинъ, не упоминаются вовсе. Если мысль посадскихъ людей и сказывалась въ ратномъ совѣтѣ 30-го іюня, то, какъ мы видѣли, она могла идти лишь отъ «служилыхъ» же людей, поставленныхъ въ подмосковную рать городскими мірами Замосковья. За дружины сѣверныхъ мужиковъ говорили на совѣтѣ, вѣроятнѣе всего, ихъ «головы», которые, какъ было раньше видно, избирались всего чаще изъ служилой среды. Такимъ образомъ, совѣтъ «всея земли» не былъ всесословнымъ и общеземскимъ: въ него вошли представители разныхъ частей рати, а не разныхъ городовъ и уѣздовъ государства. Изъ того слоя рати, который стоялъ за Ляпуновымъ, были представители дружинъ Кашина, Дмитрова, Ростова, Ярославля, Мурома, Владиміра, Нижняго-Новгорода, Пошехонья, Романова, Вологды, Галича, Архангельскаго города Переяславля-Залѣсскаго, Костромы, Юрьева-Польскаго. За «калужскими» боярами съ Д. Т. Трубецкимъ во главѣ были «совѣтники» отъ Калуги, Можайска, Лихвина, Брянска, Мещерска, Воротынска, Болхова и иныхъ южныхъ городовъ, Заоцкихъ и Украинныхъ. Атаманы, сотники и казаки «разныхъ полковъ» и «станицъ» представляли на совѣтѣ сторону «боярина Ивана Мартыновича Заруцкаго» [217].

Однако этотъ, неполный съ нашей точки зрѣнія, совѣтъ считалъ себя законнымъ выразителемъ народной мысли и полномочнымъ распорядителемъ всего государства, отрекшагося отъ измѣннаго московскаго правительства. Онъ смотрѣлъ на свою задачу очень широко и простиралъ свои заботы не на однихъ ратныхъ людей, но и на всю страну. Его занимала мысль дать всему государству новое верховное управленіе и разрѣшить насущнѣйшіе вопросы текущей общественной жизни. Поэтому приговоръ 30-го іюня получилъ очень широкое содержаніе. Въ немъ были собраны въ одно

уложеніе всѣ частныя постановленія предшествующихъ недѣль и, какъ кажется, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они возникали въ ратныхъ совѣщаніяхъ майскихъ и іюньскихъ. Сперва изложено постановленіе объ избраніи «въ правительство» Трубецкого, Заруцкаго и Ляпунова и объ ихъ земельномъ жалованьѣ; затѣмъ идутъ статьи о земельномъ обезпеченіи всей вообще подмосковной рати и прочихъ лицъ служилаго класса; за статьями же о помѣстьяхъ и вотчинахъ дворянъ и дѣтей боярскихъ слѣдуетъ опредѣленіе о казачьемъ жалованьѣ. Далѣе указанъ порядокъ управленія всѣмъ государствомъ, какъ «строить землю и всякимъ земскимъ и ратнымъ дѣломъ промышлять». Наконецъ, данъ указъ о возвращеніи бѣглыхъ людей къ ихъ законнымъ владѣльцамъ, а въ заключеніе приговора сказано, что выбранныя «въ правительство» лица могутъ быть всею землею лишены власти, если окажутся неспособными или нерадивыми. При такомъ порядкѣ изложенія въ приговорѣ допущены повторенія, одинъ предметъ обсуждается въ нѣсколькихъ статьяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ неполно, мимоходомъ. О мелочахъ въ дѣлѣ помѣстнаго верстанья говорится обстоятельнѣе, нежели, напримѣръ, объ общемъ устройствѣ центральной администраціи. Этотъ внѣшній безпорядокъ въ текстѣ приговора можетъ быть объясненъ всего легче именно тѣмъ, что приговоръ 30-го іюня былъ составленъ изъ разновременныхъ опредѣленій, сведенныхъ вмѣстѣ для окончательнаго утвержденія въ торжественномъ собраніи всего ратнаго совѣта. Для бо́льшаго удобства изученія слѣдуетъ дать свою систему постановленіямъ 30-го іюня: сначала разсмотрѣть статьи, относящіяся къ устройству «земскаго» управленія какъ верховнаго, такъ и подчиненнаго; затѣмъ статьи, относящіяся къ устройству самой подмосковной рати, и, наконецъ, опредѣленія, касающіяся казачества и крѣпостной массы.

По точному смыслу «приговора», верховная власть въ рати и всемъ царствѣ принадлежитъ «всей землѣ», олицетворяемой совѣтомъ рати. «Земскій приговоръ» этого совѣта имѣетъ силу закона. По отношенію къ нему избранные «въ правительство» бояре и воеводы суть только подчиненная власть, которой предоставлены ограниченныя административно-судебныя функціи. Въ сферѣ управленія воеводы имѣли лишь исполнительную власть; въ сферѣ суда имъ принадлежала только «расправа всякая межъ всякихъ людей», то-есть соединенное съ административною властью право суда надъ подчиненными людьми. Но это право, обычное въ то время, не распространялось на тяжкія правонарушенія, караемыя смертною казнью и ссылкою «по городомъ» (§ 19). Безъ «земскаго и всей земли приговора» такихъ дѣлъ бояре вершить не могли. Они должны были только «про то сыскивать въ правду»; наказа-

ніе же опредѣлялось уже не ими одними, а «поговоря со всей землею». «А не объявя всей землѣ, смертныя казни никому не дѣлать и по городомъ не ссылать», гласилъ приговоръ: «а кто кого убьетъ безъ земскаго приговору, и того самого казнити смертью». Страхомъ смертнаго наказанія сдерживала «вся земля» произволъ своихъ воеводъ и, сверхъ того, грозила имъ «перемѣною», то-есть отставкою, если они «о земскихъ дѣлахъ радѣти и расправы чинити не учнутъ во всемъ вправду и по сему земскому приговору всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ дѣлати не станутъ» (§ 24). Наконецъ, имущественное обезпеченіе бояръ и воеводъ было приведено къ извѣстной нормѣ: имъ предоставлялось взять себѣ «бояриву боярское, а окольничему окольническое, примѣрясь къ прежнимъ большимъ бояромъ, какъ было при прежнихъ россійскихъ прироженыхъ государяхъ». Все же лишнее изъ правительственныхъ и частныхъ земель, что «розняли бояре по себѣ безъ земскаго приговору» и другимъ людямъ «роздали они жъ бояре»,— постановлено было изъять изъ незаконнаго пользованія для передачи «въ Дворецъ» (то-есть, въ вѣдѣніе приказа Большого Дворца), съ цѣлью испомѣщенія безземельныхъ служилыхъ людей (§ 1). Такимъ образомъ, была поставлена въ ополченіи власть воеводъ; надобно признать, что въ опредѣленіи состава земскаго правительства и взаимныхъ отношеній его органовъ сказалась зрѣлая и точная политическая мысль [216].

Подъ руководствомъ «всей земли» и ея «бояръ» должна была дѣйствовать правильная центральная администрація. Въ опустѣвшихъ и бездѣйствовавшихъ московскихъ приказахъ, какъ мы знаемъ, уже съ января 1611 года «не сидѣли» бояре и дьяки, по той причинѣ, что всѣ дѣла въ Москвѣ велъ Гонсѣвскій, съ русскими «измѣнниками», на своемъ дворѣ. На смѣну этимъ столичнымъ приказамъ въ подмосковномъ ополченіи явились свои приказы. Они возникали постепенно по мѣрѣ того, какъ въ ратномъ станѣ выяснялась необходимость упорядочить ту или иную отрасль ратнаго или земскаго хозяйства. Есть, напримѣръ, отказная грамота, данная властями ополченія въ іюнѣ, безспорно ранѣе приговора 30-го іюня, и въ ней указано уже на существованіе «въ полкахъ» Помѣстнаго приказа [217]. Между тѣмъ, приговоръ 30-го іюня говоритъ объ учрежденіи этого самаго приказа, какъ о дѣлѣ еще предстоящемъ: «а въ Помѣстномъ приказѣ для помѣстныхъ дѣлъ посадити дворянина изъ большихъ дворянъ, а съ нимъ дьяковъ, выбравъ всею землею» (§ 16, 22). Очевидно, что здѣсь или повторено постановленіе, состоявшееся ранѣе, или же дѣло идетъ не объ учрежденіи, а о реорганизаціи уже существовавшаго вѣдомства. Такъ было, вѣроятно, и съ другими приказами, въ которыхъ нуждалась подмосковная рать. Они открывались «въ полкахъ» по мѣрѣ

надобности, а приговоръ 30-го іюня ихъ узаконилъ и вкратцѣ опредѣлилъ ихъ вѣдомство и ближайшія задачи. По нѣкоторымъ намекамъ текста разбираемаго памятника можно сдѣлать тотъ выводъ, что въ разныхъ «полкахъ» земскаго ополченія были первоначально особые приказы для помѣстныхъ, разрядныхъ и иныхъ дѣлъ. Эти приказы выдавали отъ себя грамоты за печатями отдѣльныхъ воеводъ: грамоты съ печатью, напримѣръ, одного Ляпунова не составляютъ рѣдкости среди актовъ, принадлежащихъ ополченію. Приговоръ же 30-го іюня образовалъ вмѣсто многихъ однородныхъ приказовъ «въ полкѣхъ» одни общія для всего войска учрежденія. Въ этомъ, главнымъ образомъ, и состояло его новшество. «Ратныя всякія большія дѣла вѣдать», гласилъ приговоръ, «въ большомъ въ одномъ Разрядѣ» (§ 21); «а помѣстныя и вотчинныя всякія дѣла вѣдати въ одномъ Помѣстномъ приказѣ, а въ иныхъ полкѣхъ помѣстныхъ дѣлъ не вѣдати и грамотъ помѣстныхъ и вотчинныхъ не давати, чтобъ въ помѣстныхъ дѣлахъ смуты не было» (§ 22); «а печать къ грамотамъ о всякихъ дѣлахъ устроить земскую и о большихъ о земскихъ дѣлахъ у грамотъ быти рукѣ боярской» (§ 20). Такимъ же порядкомъ были устроены для всей рати и всего государства одни общіе приказы Большаго Прихода и Четверти, въ которыхъ и должны были сосредоточиться всѣ податныя поступленія съ городовъ (§ 1, 20). «Меньшимъ воеводамъ» было воспрещено самовольно вмѣшиваться въ дѣло взиманія денежныхъ сборовъ, какъ и вообще въ дѣла мѣстнаго управленія (§ 20). Точно такъ же въ одномъ общемъ для всей страны «Дворцѣ» были сведены дѣла по управленію земельнымъ фондомъ, предназначеннымъ для обезпеченія служилыхъ людей, и «кормомъ» для казаковъ и стрѣльцовъ (§§ 1, 3, 6, 17). Наконецъ, для охраны внѣшняго порядка въ лагерѣ и во всемъ государствѣ,—для того, чтобы про воровъ «сыскивати всякими мѣрами и отъ всякаго воровства унимати и наказанье и смертную казнь чинити»,—были устроены приказы Разбойный и Земскій (§ 18). Такъ сложилось въ рати центральное управленіе. Послѣдніе два изъ названныхъ приказовъ вѣдали судъ и полицію; Разрядъ и Помѣстный приказъ—администрацію военную и земскую; Дворецъ, Большой Приходъ и Четверти—финансы и хозяйство. Этимъ были бы удовлетворены насущныя нужды войска и населенія при томъ, конечно, условіи, если бы новая администрація могла достигнуть дѣйствительнаго правительственнаго авторитета. Далѣе будетъ видно, что это ей не удалось.

Причины такой неудачи лежали во внутренней разладицѣ, которая подтачивала силы подмосковнаго ополченія. Постановленія 30-го іюня, относившіяся къ устройству самой законодательствовавшей рати, были направлены именно къ тому, чтобы искоренить

въѣзжали «въ села и въ деревни и въ городы на посады» и вездѣ грабили и били людей. Поэтому движеніе по дорогамъ остановилось и населеніе боялось сноситься съ подмосковнымъ лагеремъ. Ляпуновъ въ Разрядѣ «многажды говорилъ» другимъ воеводамъ, что необходимо принять мѣры противъ разбоевъ и не выпускать казаковъ изъ таборовъ, «чтобъ подъ Москву всякіе ратные люди и торговые люди ѣхали безъ опасенья, чтобъ подъ Москвою ратнымъ людямъ нужи не было». Заруцкій и Просовецкій увѣщевали казаковъ передъ Разрядомъ, и казаки торжественно обѣщали своимъ воеводамъ не воровать и изъ-подъ Москвы не ѣздить. Но они не сдержали слова. Тогда пришлось прибѣгнуть къ мѣрамъ иного порядка, и приговоръ 30-го іюня съ нѣкоторою подробностью остановился на общемъ опредѣленіи положенія казаковъ въ земскомъ ополченіи. Прежде всего, изъ всей казаковавшей массы онъ выдѣлилъ атамановъ и казаковъ, которые «служатъ старо», то-есть, которые давно и офиціально были признаваемы въ этомъ званіи и служили государству сотнями съ городовъ или станицами съ Поля. Этимъ старымъ казакамъ приговоръ предоставлялъ на выборъ: или «верстаться помѣстными и денежными оклады и служить съ городы», или же получать «хлѣбный кормъ съ Дворца, а деньги изъ Большаго Приходу и изъ Четвертей, во всѣхъ полкѣхъ равно» (§ 17). Въ первомъ случаѣ казаки стали бы «помѣстными» или «бѣломѣстными» и вошли бы особымъ чиномъ въ составъ помѣстнаго служилаго класса, слившись съ уѣздными дворянами и дѣтьми боярскими какъ по формѣ земельнаго владѣнія, такъ и по роду службы. Во второмъ случаѣ они остались бы вольными казаками на казенномъ жалованьѣ. И то, и другое поставило бы ихъ въ зависимость отъ государства и превратило бы изъ оппозиціоннаго слоя въ опору стараго политическаго и общественнаго порядка. Словомъ, предположенная относительно старыхъ казаковъ мѣра имѣла цѣлью примирить ихъ съ существовавшимъ строемъ отношеній, принявъ на иждивеніе государства. Прочіе элементы казачества даже не называются въ приговорѣ казаками: они разумѣются подъ общимъ выраженіемъ: «холопи боярскіе или какіе люди ни буди» (§ 18). Какъ они, такъ и старые казаки, подъ однимъ наименованіемъ «атамановъ и казаковъ», лишаются права назначенія на должности въ мѣстной администраціи. «А съ приставства изъ городовъ и изъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей атамановъ и казаковъ свесть», говоритъ приговоръ (§ 17): «а посылати по городомъ и въ волости для кормовъ дворянъ добрыхъ, а съ ними для розсылки дѣтей боярскихъ и казаковъ и стрѣльцовъ». Казакъ внѣ своего табора отдавался такимъ образомъ въ полное подчиненіе дворянину, выходя въ города и волости не съ своимъ атаманомъ и не въ казачьей станицѣ, а только въ составѣ дво-

рянскаго отряда. Для казачьихъ «полковъ», составлявшихъ «великое войско» Заруцкаго и Просовецкаго, это было стѣсненіемъ и обидою. Мало того, въ приговорѣ 30-го іюня было проведено, въ самой категорической формѣ, такое постановленіе, которое уничтожало самый источникъ, полнившій казачество. Оно гласило относительно вывезенныхъ и выбѣжавшихъ «боярскихъ крестьянъ и людей», что надлежитъ «по сыску крестьянъ и людей отдавать назадъ старымъ помѣщикамъ» (§ 23). Это было явное признаніе того самаго крѣпостного порядка, противъ котораго живымъ протестомъ было казачество въ его цѣломъ, во всей его массѣ, «старой» и не старой [219].

Съ той точки зрѣнія, какая была установлена выше, совсѣмъ не было противорѣчія между рѣшеніемъ «всей земли» отдавать назадъ въ неволю бѣглыхъ боярскихъ людей и, съ другой стороны, приглашеніемъ въ подмосковную рать боярскихъ же людей «крѣпостныхъ и старинныхъ», съ обѣщаніемъ дать имъ волю и жалованье. Ратные воеводы, какъ мы видѣли, грамотами созывали къ себѣ казаковъ съ Поля и въ ихъ числѣ тѣхъ боярскихъ людей, которые уже вошли въ казачью организацію. Въ приговорѣ же 30-го іюня имѣлись въ виду тѣ бѣглые крестьяне и холопы, которые ушли не въ казачество, а въ чужія деревни и на городскіе посады. Однако такое различіе не могло нравиться крѣпостнымъ людямъ, искавшимъ лучшей доли, и должно было раздражать всѣхъ недовольныхъ крѣпостнымъ порядкомъ. Кромѣ того, правило о возвращеніи бѣглыхъ не могло быть всегда одинаково приложимо. Ратные люди указывали воеводамъ въ своемъ челобитьѣ на одинъ подобный случай, когда было бы неумѣстно настаивать на такомъ возвращеніи. Они просили «про боярскихъ людей,—кои сидятъ въ Москвѣ бояре, а люди ихъ нынѣ въ казакахъ»,—чтобъ о тѣхъ людяхъ договоръ учинить. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, боярину-измѣннику, у котораго «вся земля» конфисковала помѣстья и вотчины за то, что онъ сидѣлъ съ литвою въ осадѣ, возвращать его людей, ставшихъ на защиту народнаго дѣла и пришедшихъ въ казачьи таборы подъ столицу биться «за Московское государство»? Очевидно, необходимо было въ данномъ случаѣ изъятіе изъ общаго порядка. Путаница общественныхъ отношеній, выросшая въ смутные годы, постоянно наталкивала на подобныя изъятія, а «совѣтъ всея земли» ограничился въ своемъ приговорѣ 30-го іюня только общимъ и категорическимъ подтвержденіемъ выработаннаго XVI-мъ вѣкомъ принципа крестьянской и кабальной крѣпости.

И въ отношеніи казаковъ, стало быть, приговоръ 30-го іюня обнаружилъ ту же тенденцію, какъ въ вопросахъ земельнаго устройства рати. Онъ стремился удержать и укрѣпить старый московскій порядокъ отношеній безъ всякихъ, или почти безъ всякихъ,

уступокъ вожделѣніямъ вольнаго казачества. Самое большее, что предоставлялось казакамъ, было помѣстное верстаніе; но его удостаивались лишь «старые» казаки. Казачество же во всей его массѣ ставилось въ подчиненное положеніе, попадало подъ надзоръ и контроль служилыхъ людей, «дворянъ добрыхъ». Вопросъ объ обращеніи въ прежнюю «крѣпость» боярскихъ людей, тянувшихъ къ казачьимъ таборамъ, получалъ въ приговорѣ 30-го іюня такую постановку, которая была безусловно неблагопріятна для казачьяго элемента рати. Принципъ крѣпостного права торжествовалъ въ подмосковномъ ополченіи. Какъ и въ прежніе годы, онъ послужилъ въ данную минуту главною причиною острой соціальной распри между землевладѣльческимъ служилымъ слоемъ подмосковной рати и ея низшими слоями, представлявшими собою организованную въ казачьихъ полкахъ оппозиціонную массу московскаго населенія.

Изъ анализа приговора 30-го іюня неизбѣжно слѣдуетъ выводъ, что редакція даннаго законодательнаго акта принадлежала той сторонѣ подмосковнаго ополченія, которую можно назвать консервативною и землевладѣльческою. Представителемъ ея былъ Ляпуновъ. Понимая его силу, какъ вожака торжествовавшей въ рати партіи, лѣтописецъ о приговорѣ 30-го іюня выразился такъ, какъ будто Ляпуновъ «повелѣ написати приговоръ». Неточное формально, это выраженіе, однако, вполнѣ справедливо приписываетъ починъ и руководство въ совѣтѣ 30-го іюня не тушинскимъ «боярамъ», а предводителю земскихъ дружинъ, еще недавно ведшихъ открытую борьбу съ Тушиномъ. Эти земскія дружины Поморья и Замосковья еще одинъ лишній разъ обнаружили, что онѣ сильнѣе казачьихъ полковъ. Одолѣвая казаковъ въ открытыхъ бояхъ временъ царя Василья, онѣ и теперь, въ мирныхъ отношеніяхъ, взяли верхъ надъ казачествомъ и думали подчинить его своимъ земскимъ порядкамъ, своему начальственному надзору. Приговоромъ 30-го іюня они набросили на вольную казачью массу сѣть стѣсненій и обязательствъ, скрѣпленныхъ подписями казачьихъ «атамановъ, судей, ясауловъ и сотниковъ» на подлинной приговорной грамотѣ. Казаки, разумѣется, поняли то положеніе, въ какое ихъ поставилъ земскій приговоръ, и не были склонны съ нимъ помириться. Не имѣя законныхъ средствъ повернуть дѣло по-своему и передѣлать приговоръ въ свою пользу, они пошли на открытый мятежъ противъ земской власти. Особенно раздражились казаки на того, кого считали виновникомъ приговора,—на Ляпунова,—«и съ тое же поры начаша надъ Прокофьемъ думати, како бы его убить». Поводомъ послужило дѣятельное примѣненіе постановленій 30-го іюня, направленныхъ противъ казачьихъ разбоевъ. Говорили, будто бы Ляпуновъ «велѣлъ въ городы писать грамоты: воровъ казаковъ имать и присылать подъ Москву, а иныхъ воровъ, на кого пріѣдутъ, (тому) съ

ними битися и отъ своихъ животовъ (то-есть имущества) побивать». Этимъ правомъ самообороны съ особенною ревностью воспользовался одинъ изъ Плещеевыхъ (Матвѣй) и превратилъ его въ самосудъ. Онъ «поймалъ»,—вѣроятно, на «воровствѣ»—28 казаковъ и посадилъ ихъ въ воду. Товарищи ихъ спасли и привели въ таборы подъ Москву. Въ таборахъ поднялся бунтъ: «шумяху на Прокофья» и покушались его убить. Ляпуновъ даже рѣшилъ бѣжать на Рязань, и уже ушелъ изъ своего стана. Его догнали и убѣдили остаться; дѣло затихло, хотя и не надолго. При новой вспышкѣ страстей враги Ляпунова заманили его для объясненій въ казачій «кругъ» и тамъ измѣннически убили (22-го іюля 1611 года). Насиліе было такъ возмутительно, что поразило даже «врага» Ляпунова, Ивана Никитича Ржевскаго, типичнаго «перелета» того времени, измѣнившаго и Шуйскимъ, и Вору съ Рожинскимъ, и Сигизмунду съ Владиславомъ. Онъ «казакомъ сталъ говорить: за посмѣшно де Прокоѳья убили, Прокоѳьевы де вины нѣтъ», — и былъ убитъ вмѣстѣ съ Ляпуновымъ [220].

Смерть Ляпунова послужила началомъ открытаго междоусобія въ подмосковномъ ополченіи. Казаки не скрывали своей вражды къ противной сторонѣ и грозили служилымъ людямъ боемъ и грабежомъ. Они ограбили «домъ» Ляпунова въ подмосковномъ лагерѣ и другіе сосѣдніе «станы» дворянъ. Они «лаяли и поносили служилыхъ людей» при торжественной встрѣчѣ иконы, принесенной въ полки изъ Казани. Они выбили изъ Ярополческой волости испомѣщенныхъ тамъ дворянъ. Грабежи по дорогамъ и насилія надъ крестьянами достигли невѣроятной наглости. Служилые же люди, земская часть ополченія, были, очевидно, подавлены внезапнымъ убійствомъ своего вождя и растерялись. Уже было сказано, что земскія дружины подъ Москвою стояли въ перемежку съ казачьими и, будучи раздѣлены казачьимъ таборомъ, не составляли отдѣльнаго стана. Поэтому онѣ не могли отдѣлиться отъ казаковъ и образовать свой особый лагерь, въ которомъ была бы возможность отсидѣться и отъ польскаго нападенія изъ осажденнаго Кремля, и отъ казачьяго насилія. Поставленные между двумя врагами и утратившіе единство и силу, дворяне и дѣти боярскіе ударились въ бѣгство. «Мнози разыдошася отъ царствующаго града», кратко замѣчаетъ Палицынъ о распаденіи подмосковной рати; «отоидоша вси отъ Москвы прочь», столь же кратко говоритъ лѣтописецъ. Въ разрядной же записи много точнѣе и подробнѣе выясняется происходившее подъ Москвою: «Послѣ Прокоѳьевы смерти», читаемъ здѣсь: «стольники и дворяне и дѣти боярскіе городовые изъ-подъ Москвы розъѣхались по городомъ и по домомъ своимъ, бояся отъ Заруцкаго и отъ казаковъ убойства; а иные, у Заруцкаго купя, поѣхали по городомъ, по воеводствамъ и по приказамъ; а осталися съ ними

(казаками) подъ Москвою ихъ стороны (дворянской), которые были въ воровствѣ въ Тушинѣ и въ Калугѣ». Какъ мало осталось въ таборахъ людей этой «стороны», можно видѣть изъ выписи, относящейся къ ноябрю 1611 года и перечисляющей дворянъ и дѣтей боярскихъ, бывшихъ «на земской службѣ» въ полку князя Д. Т. Трубецкого подъ Москвою. Ихъ всего насчитано 95, отъ стольниковъ до дѣтей боярскихъ и подьячихъ.

Земское ополченіе разсыпалось, побѣжденное не врагомъ, а союзникомъ, и побѣжденное въ такую минуту, когда оно законнымъ образомъ, въ «приговорѣ всея земли», опредѣлило въ свою пользу весь строй административныхъ и общественныхъ порядковъ. Замосковные и рязанскіе ратные люди пошли изъ-подъ Москвы по своимъ мѣстамъ и съ августа 1611 года подъ Кремлевскими стѣнами уже не стало земскаго стана и земскаго «совѣта всея земли». Остались только «казачьи таборы» и «воровскія» казачьи власти: рядомъ съ тушинцемъ кн. Д. Т. Трубецкимъ «бояриномъ же писался Ивашко Мартыновъ сынъ Заруцкой». Правительственная организація, созданная усиліями земщины, теперь стала служить казачеству. «А Розрядъ и Помѣстной приказъ и Печатной и иные приказы подъ Москвою были», говоритъ современникъ: «и въ Розрядѣ и въ Помѣстномъ приказѣ и въ иныхъ приказѣхъ сидѣли дьяки и подьячіе и изъ городовъ и съ волостей на казаковъ кормы сбирали и подъ Москву привозили». Такое обладаніе центральнымъ административнымъ механизмомъ обращало воровскихъ вожаковъ въ правительственную власть и открывало имъ возможность распоряжаться всею страною. Въ этомъ была большая опасность для московскаго общества. Оно теперь имѣло надъ собою два правительства: польско-литовское въ Москвѣ и подъ Смоленскомъ и казацко-воровское въ таборахъ подъ Москвою. Первое грозило ему политическимъ порабощеніемъ, второе—общественнымъ переворотомъ. Первое было страшно потому, что опиралось на военную силу; второе—потому, что овладѣло только-что созданнымъ въ рати 1611 года правительственнымъ устройствомъ. Ни тому, ни другому московское общество не могло противопоставить никакой организованной силы, никакого общеземскаго авторитета. Уѣздные дворяне и дѣти боярскіе, волостные и посадскіе мужики были разрознены и подавлены несчастнымъ ходомъ событій. А враги торжествовали: Сигизмундъ взялъ Смоленскъ, шведы покусились на Новгородъ; казаки же «воровства своего не оставили, ѣздили по дорогамъ станицами и побивали». Они теперь стали правительственнымъ войскомъ [221].

Вотъ къ чему привела вторая попытка возстановить государственный порядокъ. Она исходила изъ среднихъ слоевъ московскаго общества, принявшихъ на свои плечи бремя, не снесенное московскимъ боярствомъ. Не остерегшись отъ союза съ «ворами»

и казачествомъ, средніе московскіе люди надѣялись дисциплинировать ихъ своею властью и подчинить ихъ вновь устроенному земскому порядку. Но они сами не устояли противъ казачьяго мятежа и разошлись, оставивъ въ казачьихъ рукахъ все свое «правительство». Овладѣвъ властью подъ Москвою, казачій таборъ сталъ на время правительственнымъ средоточіемъ цѣлой страны и въ первый разъ могъ торжествовать казачью побѣду надъ представителями стараго московскаго порядка. Наступилъ самый критическій моментъ во внутренней исторіи московскаго общества.

V.

Вторая половина 1611 года была наиболѣе тяжелою, прямо безотрадною порою для московскаго общества. И служилыхъ и тяглыхъ людей одинаково угнетало сознаніе собственнаго безсилія. Двѣ попытки возстановить государственный порядокъ привели къ плачевной неудачѣ. Попытка бояръ пригласить королевича предала столицу въ иноземное обладаніе; попытка служилыхъ и посадскихъ людей создать земское правительство поставила казачество во главѣ правительственнаго порядка. Въ обоихъ случаяхъ неосторожный союзъ земскихъ силъ съ врагами земщины давалъ торжество не земщинѣ, а именно ея врагамъ, и въ концѣ концовъ московское общество оказалось въ полномъ проигрышѣ. Оно было лишено всякой общей организаціи и должно было думать не о торжествѣ надъ поляками и казаками, а о сохраненіи собственной цѣлости. Разъѣздъ служилыхъ людей изъ-подъ Москвы, превращеніе земскаго правительства въ казачье, паденіе Смоленска и плѣнъ великихъ пословъ, занятіе Новгорода шведами, сверженіе и заточеніе Гермогена, гоненіе на большихъ бояръ въ Москвѣ—все это для московскихъ людей было предвѣстьемъ близкой погибели, потрясало ихъ умы, угнетало душу. Вопросъ о томъ, что дѣлать, получалъ значеніе неотложнаго и рокового, и на этотъ вопросъ сразу ни у кого не находилось готоваго отвѣта.

Теряясь среди ужасающихъ событій, въ отчаяніи за будущую судьбу своей родины, многіе московскіе люди ждали своего избавленія только свыше и полагали свое спасеніе въ одномъ небесномъ заступничествѣ. Они призывали другъ друга молиться, чтобы Господь пощадилъ «останокъ рода христіанскаго» и оградилъ миромъ «останокъ Россійскихъ царствъ и градовъ и весей». Молитвою и покаяніемъ они думали избыть свою бѣду, которую считали безпримѣрною. Никакія книги, говорили они, «не произнесоша намъ таковаго наказанія ни на едину монархію, ниже на царства и княженія, еже случися надъ превысочайшею Россіею». Подъемъ религіознаго чувства достигалъ чрезвычайнаго напряженія и выра-

жался въ чудесныхъ видѣніяхъ, въ истинность которыхъ вѣрили не только тѣ, кому бывали видѣнія, но и всѣ тѣ, кто о нихъ слышалъ. Во Владимірѣ простая посадская женщина объявила воеводѣ, что къ ней ночью въ «свѣтѣ несотворенномъ» являлась «пречудная жена» и велѣла ей проповѣдать всему городу постъ и молитву, обѣщая, что Господь услышитъ моленіе и «дастъ земли тишину и благодѣтельное житіе». Владимірцы по слову молодой женщины постились и молились три дня, извѣстили объ этомъ другіе города и имъ «заповѣдь дали поститися и молитися Богу три дни по явленію». Осенью 1611 года, вмѣстѣ съ владимірскимъ «видѣніемъ», оглашено было и видѣніе нижегородское, отнесенное къ маю 1611 года. Въ «полкахъ» подъ Москвою появился «свитокъ, невѣдомо откуду взяся». Въ свиткѣ была изложена повѣсть о томъ, какое видѣніе нѣкто «многогрѣшный Григорій» видѣлъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ «храминѣ» этого никому незнаемаго Григорія произошло несказанное чудо: къ одру его спустились два небожителя и дали ему откровеніе о будущей судьбѣ Московскаго царства. Они такъ же, какъ «пречудная жена» во Владимірѣ, указали на необходимость трехдневнаго поста и покаянной молитвы и обѣщали очищеніе государства. Отъ нихъ Григорій узналъ, что по очищеніи Москвы надлежитъ воздвигнуть храмъ «близъ Василья Блаженнаго» и что въ этомъ храмѣ на престолѣ на «бумагѣ не писаной» будетъ чудеснымъ образомъ изображено «имя, кому владѣти Московскимъ государствомъ». Несмотря на грубоватую конструкцію «повѣсти» Григорія, она произвела сильнѣйшее впечатлѣніе въ полкахъ подъ Москвою: «отъ того же писанія и постъ зачася», говорится въ лѣтописи. Постъ притомъ былъ такъ строгъ, что «многіе младенцы помираху съ того посту». Такъ какъ Григорій съ его повѣстью не были вѣдомы въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ, то лѣтописецъ пришелъ въ смущеніе. Отмѣтивъ, что «въ Нижнемъ же того отнюдь не бяше и мужа Григорія такова не знаху и посту въ Нижнемъ не бысть», лѣтописецъ называетъ все это дѣло «тайною, невѣдомо отъ Бога ли, или отъ человѣка», и признается, что не смѣлъ положить въ забвеніе этой тайны, «видячи такую къ Богу вѣру». Его поразило то же, что поражаетъ и позднѣйшаго наблюдателя,—глубина религіознаго чувства, въ которомъ русскіе люди черпали тогда не только утѣшеніе, но и мужество для борьбы съ бѣдою. По личному признанію Кузьмы Минина, источникъ его собственной рѣшимости поднять ополченіе таился въ чудесномъ видѣніи, которое явило ему высшую волю и дало пророческія указанія. Мининъ самъ разсказалъ объ этомъ въ 1612 году троицкому архимандриту Діонисію; «отъ устъ» же Діонисія разсказъ Минина былъ записанъ извѣстнымъ Симономъ Азарьинымъ, который очень хорошо зналъ цѣну правдивому слову. Всего, стало быть, изъ вто-

рыхъ рукъ передается намъ повѣсть о томъ, какъ преподобный Сергій, явясь во снѣ Минину, велѣлъ ему «казну собирати и воинскихъ людей надѣляти и итти на очищеніе Московскаго государства», прибавляя, что «старѣйшіи въ таковое дѣло не внидутъ, наипаче юнніи начнутъ творити». Мининъ увѣровалъ въ видѣніе лишь тогда, когда оно повторилось и когда онъ былъ наказанъ болѣзнью за свое «небреженіе». Принявшись за дѣло ополченія, «глаголя предо всѣми въ земской избѣ и идѣже аще обрѣташеся», онъ убѣдился, что св. Сергій истинно предрекъ, будто «юнніи преже имутся за дѣло». Именно молодежь нижегородская увлекла отцовъ на новый подвигъ [222].

Глубокая и горячая вѣра давала утѣшеніе потрясеннымъ душамъ, укрѣпляла ихъ въ терпѣніи и, возвышая надъ мелкими побужденіями страха и корысти, готовила ихъ къ подвигу и жертвамъ. Но молитва и постъ не указывали, какой надобенъ подвигъ и какія потребны жертвы. Чтобы знать, что̀ дѣлать и какъ поступать, необходимо было знакомство съ политическимъ положеніемъ и пониманіе дѣйствительныхъ политическихъ условій и отношеній. На окраинахъ государства, вдали отъ обоихъ «правительствъ», московскаго и подмосковнаго, не легко было судить о дѣлахъ. Довольствуясь слухами или краткими сообщеніями грамотъ, присылаемыхъ изъ сосѣднихъ городовъ, провинціальные московскіе люди понимали ясно лишь одно то, что государство гибнетъ и что необходимо новое усиліе для его «очищенія» отъ враговъ. Но что надо сдѣлать для этого очищенія, они не разумѣли. Увѣщанія московскаго правительства о соблюденіи вѣрности Владиславу никто не желалъ слушать; а призывъ казачьихъ бояръ, Трубецкого и Заруцкаго, о соединеніи съ ними и о помощи имъ возбуждалъ неразрѣшимыя сомнѣнія послѣ мученической смерти Ляпунова. Страна не вѣрила ни тому, ни другому изъ враждующихъ становъ; но она не имѣла никакихъ иныхъ вождей и правителей, которые бы такъ же увѣренно, какъ въ свое время Скопинъ и Ляпуновъ, увлекли за собою народную массу, организовали ее и сами стали бы въ главѣ народныхъ ополченій. Не видя такихъ вождей и не имѣя ихъ практическаго руководства, русскіе люди тѣмъ охотнѣе и внимательнѣе прислушивались ко всякому голосу, который давалъ имъ свѣдѣнія, совѣтъ и указанія, предлагалъ нѣкоторымъ образомъ программу дѣйствій. Такихъ голосовъ было много: въ каждой городской грамотѣ давались указанія и совѣты стать заодинъ на «разорителей» государства. Но всѣ эти голоса повторяли въ сущности лишь то, что писали въ своихъ посланіяхъ заточенный поляками патріархъ Гермогенъ и освобожденная отъ тушинской осады братія Троицкаго монастыря. За недостаткомъ боевыхъ вождей, которымъ могъ бы вѣрить народъ, народнымъ движеніемъ начинали ру-

ководить духовные отцы, которымъ народъ не могъ не вѣрить. Въ патріархѣ онъ видѣлъ привычнаго ему руководителя, высокій образецъ мужества и стойкости, борца «единымъ словомъ», второго Златоуста. Братія Троицкая собственнымъ страданіемъ въ долгой осадѣ отъ «воровъ» стяжала право на общее уваженіе и вниманіе. Однако посланія патріарха и троицкой братіи не были согласны: въ нихъ предлагались такіе способы дѣйствія, которые не были совмѣстимы. Между совѣтами Гермогена и троицкихъ монаховъ надобно было выбирать, потому что въ нихъ заключались совсѣмъ различныя политическія программы.

О томъ, что говорилъ патріархъ, можно заключить по его грамотѣ, написанной въ августѣ 1611 года. Въ то время подъ Москвою только-что взяли верхъ казачьи вожделѣнія, и Заруцкій почувствовалъ себя хозяиномъ положенія. Близость его къ Маринѣ Мнишекъ, извѣстная всѣмъ, подала поводъ къ упорному слуху, что Заруцкій желаетъ «на царство проклятого паньина Маринкина сына». Этому слуху повѣрилъ и Гермогенъ. Зная истинное положеніе дѣлъ въ таборахъ и очень хорошо понимая, какія бѣды московскому обществу можетъ нанести торжество казачьей стороны подъ Москвою, онъ отнюдь не желалъ допустить образованія казачьяго правительства съ воровскимъ царемъ во главѣ. Въ тѣ дни, именно около 5-го августа, побѣда Я. Сапѣги надъ казаками освободила московскія цитадели отъ полной осады и ихъ населеніе, польское и русское, могло свободно, черезъ устье Неглинной, выходить изъ Кремля и входить въ него. Этимъ воспользовались не одни осажденные, но и ихъ враги—московскіе патріоты. Нѣкоторые изъ нихъ, «безстрашные люди», проникли въ Кремль къ своему «учителю и новому проповѣднику» патріарху Гермогену, и патріархъ получилъ возможность передать имъ, вмѣстѣ съ пастырскимъ благословеніемъ, свои взгляды и мысли. Онъ не только велъ съ ними устныя бесѣды, но и далъ одному изъ «безстрашныхъ людей» Родѣ Мосѣеву наспѣхъ составленную грамоту къ нижегородскому «міру». Родя, не разъ ходившій отъ нижегородцевъ къ патріарху, бережно донесъ пастырскую грамоту въ Нижній 25-го августа 1611 года. Гермогенъ такъ поспѣшно писалъ свое посланіе, что даже не означилъ, въ какой именно онъ городъ пишетъ: «Благословеніе архимаритомъ»,—начинаетъ онъ, перечисляя чины нижегородскаго населенія,—«и игуменомъ и протопопомъ и всему святому собору и воеводамъ... и всему міру; отъ патріарха Ермогена... миръ вамъ и прощеніе и разрѣшеніе; да писати бы вамъ изъ Нижняго»... Только по этимъ словамъ «изъ Нижняго» да по дальнѣйшимъ упоминаніямъ о Нижнемъ-Новгородѣ можно опредѣлить, кому назначалъ патріархъ свою грамоту. Цѣль этой грамоты, какъ и устныхъ рѣчей Гермогена, сводилася къ тому, чтобы показать земщинѣ въ

настоящемъ свѣтѣ поведеніе казаковъ. Указанія на «воровство» казаковъ подъ Москвою шли по городамъ и раньше патріаршей грамоты. Тотчасъ по смерти Ляпунова Казань, напримѣръ, сослалась съ Нижнимъ и съ другими городами въ Понизовьѣ о мѣрахъ осторожности противъ казачьихъ покушеній. Между ними было рѣшено жить въ согласіи; не мѣнять городской администраціи, то-есть не принимать новыхъ воеводъ отъ казачьяго правительства; не впускать въ города и казаковъ; государя избрать «всею землею Россійскія державы»: «а будетъ казаки учнутъ выбирати на Московское государство государя по своему изволенью одни, не сослався со всею землею, и намъ того государя на государство не хотѣти». Города такимъ образомъ сами остерегались совмѣстныхъ дѣйствій съ казаками, и въ этомъ отношеніи грамота патріарха не давала имъ ничего новаго. Ново въ ней было лишь то указаніе, что казаки, принимая Воренка, склонились къ возобновленію самозванщины. Патріархъ поручалъ нижегородцамъ писать въ Казань, на Вологду, на Рязань «да и во всѣ городы», чтобы оттуда послали «въ полки» подъ Москву увѣщанія, «учительныя грамоты», съ запрещеніемъ брать на царство Воренка. Гермогенъ желалъ, чтобы, сверхъ письменныхъ увѣщаній, нижегородцы послали въ полки и по городамъ со словесными рѣчами тѣхъ самыхъ «безстрашныхъ людей свіяженина Родіона Мосѣева да Ратмана Пахомова», которые не одинъ разъ прежде хаживали къ самому патріарху «съ совѣтными челобитными». Эти люди должны были патріаршимъ «словомъ» говорить въ городахъ о посылкѣ въ полки увѣщательныхъ грамотъ, а въ полкахъ «говорити безстрашно, что проклятый (Воренокъ) отнюдь ненадобѣ». Шедшая отъ патріарха новость о Воренкѣ, имѣя всѣ гарантіи достовѣрности, должна была оказать рѣшающее вліяніе на настроеніе земщины въ отношеніи казачества. Уклоняясь въ старое «воровство», призывая къ власти «Маринку» съ ея сыномъ, казаки тѣмъ самымъ обращались въ лютыхъ враговъ земщины, страшныхъ особенно потому, что они въ данную минуту обладали правительственною организаціею. Волненіе, овладѣвшее патріархомъ, и та торопливость, съ какою Гермогенъ призывалъ на борьбу съ казачьей затѣею, показывали, что онъ придаетъ очень важное значеніе внезапному отрожденію самозванщины. Должна была производить сильное впечатлѣніе и та особенность письма патріарха, что въ немъ не было ни одного слова о полякахъ и королѣ, а все вниманіе земщины призывалось на казаковъ и Воренка. Патріархъ указывалъ на нихъ какъ бы на главнаго и опаснѣйшаго врага [223].

Нижній немедленно распространилъ грамоту Гермогена по другимъ городамъ, и города, послушно принимая патріаршее слово, давали другъ другу обѣщаніе не признавать казачьяго царя и «про-

близко въ вашихъ предѣлѣхъ которые недоволы»,—пишутъ они въ города,—«Бога для отложите то на время, чтобъ о единомъ всѣмъ вамъ съ ними (то-есть съ подмосковными воинскими людьми) положити подвигъ свой... Аще совокупнымъ и единогласнымъ моленіемъ прибѣгнемъ ко всещедрому въ Троицѣ славимому Богу... и обще обѣщаемся подвигъ сотворити.., милостивъ Владыка... избавитъ насъ нашедшія лютыя смерти и вѣчного порабощенія латынского». Не нужно сомнѣваться въ искренности этихъ строкъ и думать, что троицкіе монахи или «очень мало знали» о положеніи дѣлъ, или же склонны были «мирволить» казачеству. Разумѣется, они видѣли разладицу и казачье «воровство» подъ Москвою, но они оцѣнивали его иначе, чѣмъ патріархъ. Для нихъ подмосковные «бояре» были общеземскимъ правительствомъ и, пока оно не было замѣнено другимъ болѣе законнымъ, они считали обязанностью ему повиноваться и поддерживать его. О смутахъ же въ средѣ этого правительства, пока онѣ казались преходящими, монахи должны были молчать уже изъ простого приличія и изъ боязни оглашеніемъ ихъ повредить дѣлу народнаго единенія. Настроеніе монастырской братіи, однако, измѣнилось въ 1612 году, когда она увидѣла, что въ Ярославлѣ образовалась новая власть, а подъ Москвою окончательно взяли верхъ «воровскіе заводцы». Тогда, уже не мирволя этимъ «заводцамъ», Діонисій съ братьею приглашалъ князя Пожарскаго и другихъ воеводъ «собраться во едино мѣсто» отдѣльно отъ казаковъ или идти въ самый Троицкій монастырь и дѣйствовать оттуда для освобожденія Москвы, не сливаясь въ одну рать съ воровскими заводцами [225].

Итакъ, грамоты патріарха и грамоты троицкихъ властей говорили московскимъ людямъ не одно и то же. Патріархъ призывалъ московскихъ людей сплотиться для борьбы не только съ польскою властью, но и съ казачьимъ беззаконіемъ, а троицкая братія звала города соединиться съ казачествомъ и поддержать его въ его борьбѣ съ поляками и литвою. Примирить и совмѣстить совѣты Гермогена и Діонисія было невозможно: они предполагали совершенно различныя комбинаціи политическихъ силъ и исходили изъ взаимно противоположнаго пониманія казачества. Для Гермогена казачество было противогосударственною силою, съ которою нужно было бороться, какъ съ врагомъ; это былъ старый московскій взглядъ, воспитанный наблюденіями надъ десятилѣтнею Смутою. Діонисію же и его братіи казачество, до начала 1612 года, представлялось силою, ставшею за весь народъ «для избавленія нашея истинныя христіанскія православныя вѣры»; это былъ новый взглядъ, созданный въ ополченіи Ляпунова, когда въ казакахъ стали видѣть желанныхъ союзниковъ и прямыхъ борцовъ за національное дѣло. Какой изъ этихъ взглядовъ былъ усвоенъ такъ называемымъ ниже-

городскимъ ополченіемъ, рѣшить не трудно. Смерть Ляпунова и возобновленіе самозванщины въ подмосковныхъ таборахъ показали земщинѣ, какъ опасна идеализація казаческой среды,—и всѣ Замосковные, Понизовые и Поморскіе города и волости, поднимаясь въ исходѣ 1611 года на подвигъ очищенія Москвы, усвоили себѣ то отношеніе къ казачеству, какое находимъ у Гермогена. Это необходимо помнить при обсужденіи вопроса какъ о возникновеніи народнаго движенія въ Нижнемъ-Новгородѣ, такъ и о руководящихъ его началахъ.

VI.

Большую заслугу И. Е. Забѣлина предъ русской наукою составляетъ его изслѣдованіе о началѣ нижегородскаго ополченія. Онъ вывелъ вопросъ изъ круга лѣтописныхъ преданій въ область критическаго изученія и впервые показалъ, что не случайное вліяніе монашеской грамоты, а сложная работа общественнаго самосознанія подняла нижегородскій «міръ» на его знаменитый подвигъ. Нижегородское движеніе И. Е. Забѣлинъ ведетъ отъ грамоты Гермогена о Воренкѣ и начало нижегородскихъ сборовъ относитъ ко времени этой грамоты. Послѣ всего сказаннаго выше не можетъ быть, кажется, сомнѣній въ томъ, что нижегородцы дѣйствительно стояли гораздо ближе къ патріарху, чѣмъ къ троицкой братіи. Послѣ хронологическихъ соображеній И. Е. Забѣлина можно считать доказаннымъ, что троицкая грамота отъ 6-го октября 1611 года,—та самая, которой приписывали рѣшительное вліяніе на Нижній-Новгородъ,—застала тамъ уже до нея начатое движеніе. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, что съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ нижегородскій міръ усвоилъ себѣ программу Гермогена, то-есть сталъ сбираться не только на поляковъ, но и на казаковъ. И напротивъ, нельзя найти никакого слѣда непосредственныхъ сношеній Нижняго съ Троицкимъ монастыремъ за всю вторую половину 1611 года: нижегородцы не искали совѣта и руководства у троицкихъ монаховъ.

Къ сожалѣнію, нельзя съ желаемою полнотою и точностью изучить первый моментъ движенія въ Нижнемъ; для этого не хватаетъ матеріала. Архивъ нижегородскаго ополченія, несомнѣнно существовавшій, не уцѣлѣлъ; сохранились лишь отдѣльные и разрозненные документы. Писатели же XVII вѣка мало интересовались мѣстными нижегородскими отношеніями; они начинаютъ слѣдить за нижегородскимъ ополченіемъ лишь тогда, когда оно стало общеземскимъ. Поэтому въ лѣтописныхъ показаніяхъ встрѣчаются противорѣчія и недомолвки. Извѣстенъ ихъ результатъ—разногласіе ученыхъ относительно мѣста, гдѣ началъ Мининъ свою проповѣдь,

на торгу или въ Кремлѣ, также и относительно тѣхъ вліяній, которыя внушили Минину рѣшимость «возбудити спящихъ». Не съ большею надеждою на безошибочность своихъ заключеній, чѣмъ всѣ прочіе писатели, высказываемъ мы нашъ взглядъ на это дѣло. Слѣдуя И. Е. Забѣлину, мы думаемъ, что Мининъ не ждалъ троицкой грамоты 6-го октября 1611 года и задолго до нея началъ свой подвигъ. Возбужденный вѣстями изъ-подъ Москвы о погибели Ляпунова, о распаденіи земскихъ дружинъ, о переходѣ правительственной власти въ руки казачьихъ бояръ, наконецъ, о возобновленіи самозванщины и появленіи именъ Маринки и Воренка, Мининъ и безъ монашескихъ увѣщаній могъ уразумѣть, что земское ополченіе привело къ торжеству давняго врага земщины, казачества, и что въ интересахъ общественныхъ слѣдуетъ не повиноваться казачьимъ властямъ, а противодѣйствовать имъ. Видѣніе, о которомъ онъ самъ разсказалъ въ Троицкомъ монастырѣ, внушило ему смѣлость выступить открыто на проповѣдь. По словамъ Симона Азарьина, Мининъ началъ говорить «предъ всѣми въ земской избѣ и идѣже аще обрѣташеся» о необходимости «чинить промыселъ» надъ врагами. Это указаніе на земскую избу очень важно потому, что объясняетъ намъ, въ какой средѣ говорилъ Мининъ. Принадлежа къ числу земскихъ старостъ Нижняго, управлявшихъ хозяйствомъ городской тяглой общины, Кузьма прежде всего обратилъ увѣщаніе къ своимъ выборщикамъ въ томъ пунктѣ, гдѣ тогда велись всѣ дѣла тяглаго «міра»,—въ земской избѣ, которая стояла близъ церкви Николая Чудотворца «въ торгу» (на Нижнемъ Базарѣ, недалеко отъ пароходныхъ пристаней). Въ этой же избѣ, вѣроятно, былъ написанъ и первый «приговоръ всего града за руками»; приговоромъ опредѣлялся особый сборъ «на строеніе ратныхъ людей», и произвести такой сборъ поручалось Минину. Такъ, починъ ополченія принадлежалъ безспорно нижегородской тяглой посадской общинѣ, а въ средѣ этой общины—ея земскому старостѣ Минину. Онъ первый «собою начатъ» пожертвованія на ратныхъ; за нимъ пошли «и прочіе гости и торговые люди, приносяще казну многу» [226].

Затѣянное посадскими людьми большое дѣло не могло остаться безъ огласки. По самой сути своей оно требовало широкаго оглашенія, потому что нуждалось въ общемъ сочувствіи и поддержкѣ. Оно было объявлено и другимъ чинамъ нижегородскаго населенія. Въ какой формѣ это произошло и какъ именно устроилось соединеніе съ тяглыми людьми нижегородской администраціи, духовенства и дворянъ, точно неизвѣстно. Но есть объ этомъ одно преданіе, которое, хотя и дошло до насъ въ поздней и мало искусной редакціи, даетъ, однако, цѣнные историческіе намеки. По этому преданію, въ Нижнемъ-Новгородѣ, послѣ полученія одной изъ троиц-

кихъ грамотъ (это могла быть грамота, датированная 6-мъ октября), «нижегородскія власти на воеводскомъ дворѣ совѣтъ учиниша»; на совѣтѣ же томъ были «Ѳеодосій архимандритъ Печерскаго монастыря, Савва Спасскій протопопъ, съ братіею, да иные попы, да Биркинъ да Юдинъ, и дворяне и дѣти боярскіе, и головы и старосты, отъ нихъ же и Кузьма Мининъ». Совѣтъ рѣшилъ собрать нижегородцевъ на другой день въ Спасо-Преображенскій соборъ въ Кремлѣ, прочесть тамъ троицкую грамоту и звать народъ на помощь «Московскому государству». Такъ и сдѣлали. На завтра собрали горожанъ колокольнымъ звономъ въ соборную церковь. Савва читалъ троицкую грамоту «предъ святыми вратами» и говорилъ народу рѣчь. Послѣ него говорилъ самъ Мининъ. Такъ, по разсказу рукописи Ельнина, началось въ Нижнемъ дѣло «очищенія» Москвы. Показанія этого источника заслуживаютъ вниманія въ особенности потому, что авторъ рукописи правильно указалъ на такихъ нижегородскихъ дѣятелей 1611—1612 года, которыхъ другіе писатели несправедливо оставляли въ тѣни. Прежде всего таковъ протопопъ Савва Ефимьевъ, бывшій главою соборнаго духовенства въ Нижнемъ уже въ 1606 году. Въ августѣ этого года онъ съ причтомъ Спасскаго собора получилъ отъ царя Василія Шуйскаго жалованную грамоту, въ которой опредѣлялись жалованье, владѣнія и права соборнаго духовенства. Между прочимъ, нижегородскимъ игуменамъ и «попомъ всего города» вмѣнялось въ обязанность «Спасского протопопа Саввы слушати, на соборъ по воскресеньямъ къ молебнамъ и по праздникомъ къ церквамъ приходити; ...а не учнутъ они Спасскаго протопопа слушати,... и Спасскому протопопу съ братьею... имати на тѣхъ ослушникѣхъ впервые по гривнѣ». За упорное же непослушаніе и «небреженіе» протопопъ имѣлъ право даже «сажати въ тюрьму на недѣлю» поповъ и дьяконовъ, требуя для этого приставовъ у воеводъ и дьяковъ нижегородскихъ. Такимъ образомъ, Саввѣ принадлежало первенство въ духовенствѣ всего Нижняго и рядомъ съ нимъ могъ стать лишь архимандритъ перваго нижегородскаго, именно Печерскаго, монастыря. Рукопись Ельнина это знаетъ и помѣщаетъ архимандрита Печерскаго Ѳеодосія и Савву на первомъ мѣстѣ среди совѣтниковъ, призванныхъ на воеводскій дворъ. Что за Саввою дѣйствительно признавались большія заслуги въ дѣлѣ нижегородскаго ополченія, доказывается тѣмъ, что послѣ московскаго очищенья Савва «съ дѣтьми» получилъ въ собственность въ нижегородскомъ кремлѣ у самаго собора «государево дворовое мѣсто», рядомъ съ такимъ же государевымъ дворовымъ мѣстомъ, пожалованнымъ Минину. Въ писцовой книгѣ Нижняго 20-хъ годовъ XVII столѣтія на этихъ мѣстахъ описаны уже дворы Нефеда Кузьмина сына Минина и протопопа Саввы Ефимьева. Насколько правильно Ельнинская рукопись называетъ на первыхъ

мѣстахъ Ѳеодосія и Савву, настолько вѣрно указываетъ она далѣе на Биркина и Юдина. Они не принадлежали къ составу нижегородской воеводской избы, то-есть тѣхъ властей, которыя «на воеводскомъ дворѣ совѣтъ учиниша»; но они приняли участіе въ ополченіи и были ближайшими помощниками Пожарскаго въ самомъ началѣ его дѣятельности въ Нижнемъ-Новгородѣ. Стряпчій Иванъ Ивановичъ Биркинъ происходилъ изъ рязанскаго рода Биркиныхъ и былъ въ началѣ 1611 года присланъ въ Нижній Пр. Ляпуновымъ «о всякомъ договорѣ и о добромъ совѣтѣ». Василій же Юдинъ былъ, кажется, изъ нижегородцевъ; но, если онъ и входилъ въ составъ администраціи Нижняго, то во всякомъ случаѣ не былъ воеводскимъ дьякомъ; эту должность тогда несъ дьякъ Василій Семеновъ. Такимъ образомъ, всѣ указанія Ельнинской рукописи на лицъ, участвовавшихъ въ первомъ общемъ нижегородскомъ совѣтѣ, могутъ быть признаны основательными; а потому и самое извѣстіе рукописи можетъ быть принято, какъ заслуживающее довѣрія. Основываясь на немъ, можно высказать не совсѣмъ произвольную догадку, что мысль объ ополченіи, возникшая сначала въ средѣ тяглой нижегородской общины, была объявлена всему городскому совѣту въ воеводской избѣ, а на другой день торжественно оповѣщена всему городу, причемъ народу сообщена была и троицкая грамота, подходившая своимъ патріотическимъ содержаніемъ къ настроенію нижегородцевъ. Но чтеніе этой грамоты въ соборѣ вовсе не показывало, чтобы именно она «возбудила» до той минуты спавшихъ обитателей Нижняго. Сама рукопись Ельнина опровергаетъ такое толкованіе. По ея разсказу, видѣніе св. Сергія Минину было раньше, чѣмъ Мининъ узналъ на воеводскомъ дворѣ о троицкой грамотѣ. Прося прочесть грамоту въ соборѣ, Мининъ прибавилъ слова: «а что Богъ дастъ»; въ нихъ сквозила увѣренность, что Богъ дастъ доброе начало предполагаемому ополченію. Такая увѣренность могла быть основывана лишь на знакомствѣ съ тѣмъ подъемомъ духа, какой былъ вызванъ самимъ же Мининымъ въ тяглыхъ людяхъ Нижняго-Новгорода [227].

Въ такомъ видѣ представляется намъ начало изучаемаго движенія. Въ Мининѣ нашла своего вожака тяглая масса; Савва же Ефимьевъ явился первымъ выразителемъ высшихъ слоевъ Нижегородскаго общества. За ними увлеклось все населеніе ихъ города, причемъ служилый людъ и духовенство пошли за тяглыми людьми, которымъ по праву должно принадлежать данное имъ лѣтописью названіе «Московскаго государства послѣднихъ людей». Въ ихъ лицѣ дѣйствительно п о с л ѣ д н і е люди взялись за то трудное дѣло очищенія государства и возстановленія порядка, съ какимъ не могли сладить ни московскіе бояре, ни дворяне Ляпуновскаго ополченія. Умудренные неудачею предшествующихъ попытокъ, город-

скіе мужики съ особою осмотрительностью устраивали дѣла своего ополченія.

Необходимо нѣсколько остановиться на извѣстныхъ обстоятельствахъ образованія денежнаго фонда въ нижегородской «казнѣ» и первоначальной вербовки въ Нижнемъ ратныхъ людей. Устранивъ тѣ басни, которыми обставлено это дѣло какъ въ старыхъ хронографахъ и лѣтописцахъ (въ родѣ хронографа князя М. А. Оболенскаго или сборника А. Е. Балашева), такъ и въ новѣйшихъ сочиненіяхъ о смутѣ, мы получимъ согласныя свидѣтельства современниковъ, что нижегородцы прежде всего обязались особыми приговорами жертвовать на ополченіе «по пожиткомъ и по промысломъ», а затѣмъ начали искать годныхъ къ бою ратныхъ людей. По приговорамъ въ земской и воеводской избѣ не одинъ разъ назначались чрезвычайные сборы на ополченіе, имѣвшіе характеръ то третьей или пятой деньги, то натуральныхъ сборовъ, то простого займа у частныхъ лицъ до того времени, «покамѣстъ нижегородскіе денежные доходы въ сборѣ будутъ». Въ подобныхъ приговорахъ участвовали, вмѣстѣ съ земскими старостами и цѣловальниками, «всѣ нижегородскіе посадскіе люди», а кромѣ того и нижегородская администрація: «окольничій и воевода» князь Василій Андреев. Звенигородскій, Андрей Семеновичъ Алябьевъ и дьякъ Василій Семеновъ. Дѣйствіе этихъ приговоровъ распространялось не только на нижегородскій посадъ, но и на весь уѣздъ, даже на другіе города, приставшіе къ ополченію, Балахну и Гороховецъ. Средства, добываемыя сборами, имѣли спеціальное назначеніе: они шли на жалованье и кормъ ратнымъ людямъ. Для раскладки, взиманія и храненія этихъ чрезвычайныхъ сборовъ было избрано особое лицо, «выборный человѣкъ», именно самъ Кузьма Мининъ. Принимая новую обязанность, становясь «окладчикомъ» по обычному выраженію того времени, Мининъ долженъ былъ выйти изъ числа земскихъ старостъ: того требовалъ тогдашній порядокъ служебныхъ отношеній. Въ силу своихъ полномочій по окладному дѣлу Кузьма «нижегородскихъ посадскихъ торговыхъ и всякихъ людей окладывалъ, съ кого что денегъ взять, смотря по пожиткомъ и по промысломъ, и въ городы, на Балахну и на Гороховецъ, послалъ же окладывать». Какъ лицо, облеченное властью, Мининъ дѣйствовалъ на нижегородцевъ не однимъ убѣжденіемъ, а и силою: «уже волю веземъ надъ ними по ихъ приговору, съ божіею помощью и страхъ на лѣнивыхъ налагая». Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ обыкновенному порядку мірской раскладки, по которому окладчики могли грозить нерадивымъ и строптивымъ различными мѣрами взысканія и имѣли право брать у воеводы приставовъ и стрѣльцовъ для понужденія ослушниковъ. Эта сторона дѣла ввела въ соблазнъ нѣкоторыхъ изслѣдователей: приписавъ одной личности Минина черты,

характеризующія общественный строй, они готовы были въ немъ видѣть человѣка исключительной крутости и жестокости. Создалось даже обвиненіе въ томъ, что Мининъ завелъ торговлю людьми—«пустилъ въ торгъ бѣдняковъ», чтобы вырученныя за нихъ деньги обратить на «очищеніе» государства. Нечего и говорить, какъ далекъ этотъ взглядъ отъ исторической правды. Если бы даже и было доказано, что при сборахъ на нижегородское ополченіе происходили случаи отдачи людей по житейскимъ записямъ для того, чтобы добыть денегъ на платежъ Минину, то это не доказывало бы никакой особой жестокости сбора, а было бы лишь признакомъ того, что житейская запись, хорошо знакомая серединѣ и концу XVII столѣтія, уже въ началѣ этого столѣтія была достаточно распространеннымъ видомъ личнаго найма съ уплатою за услуги впередъ. Какъ бы то ни было, опредѣленные нижегородскимъ «міромъ» чрезвычайные сборы были сразу же сосредоточены въ управленіи Минина, который и вѣдалъ ихъ сообразно съ обычаями тогдашней податной практики. Когда же князь Пожарскій пожелалъ, чтобы хозяйство его рати находилось въ опытныхъ рукахъ того же «выборнаго человѣка», то Мининъ ушелъ съ нимъ въ походъ къ Москвѣ, а сборы на ополченіе въ Нижнемъ перешли въ совмѣстное вѣдѣніе нижегородскихъ воеводъ и земскихъ старостъ, приговоры которыхъ отчасти намъ извѣстны по нижегородской приходной книгѣ 1611—1612 года и по грамотамъ того же времени [228].

Такъ были устроены хозяйственныя дѣла будущей рати. Надобно было устраивать самую рать. Число собственно нижегородскихъ служилыхъ людей по спискамъ было довольно велико. Въ 1606—1607 гг. нижегородскія десятни насчитывали болѣе трехсотъ дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ статей. Но многолѣтняя смута развѣяла служилый людъ по разнымъ станамъ и городамъ, согнала его съ вотчинъ и помѣстій, многихъ свела въ могилу. Собрать нижегородскихъ дворянъ въ Нижній и устроить изъ нихъ правильное войско было нельзя, по крайней мѣрѣ, въ скоромъ времени. Одна любопытная частность, сохраненная разрядною книгою, указываетъ намъ на то, что при началѣ движенія въ Нижнемъ, тамъ не было никого изъ мѣстныхъ дворянъ, такъ сказать, перваго разбора—ни окладчиковъ, ни «выборныхъ» и «дворовыхъ». Во главѣ посольства къ Пожарскому съ посадскими людьми послали «нижегородца дворянина д о б р о г о»; но этотъ добрый дворянинъ былъ не «изъ выбора» и не дворовый, а изъ обычныхъ «городовыхъ» дѣтей боярскихъ—Жданъ Петровъ Болтинъ. Отъ прочихъ подобныхъ онъ выдѣлялся лишь тѣмъ, что имѣлъ право на ежегодное четвертное жалованье, былъ «четвертчикомъ». Если такимъ образомъ не было возможности стянуть въ Нижній въ достаточномъ числѣ своихъ военныхъ людей, надобно было искать

ихъ на сторонѣ. Случай помогъ нижегородцамъ. Въ это время по Руси блуждали служилые люди изъ городовъ «отъ литовской украйны»: Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы. Они были прогнаны съ своихъ земель нашествіемъ Сигизмунда. Черезъ Калугу они пришли подъ Москву, а тамъ «начальники» приказали испомѣстить ихъ въ дворцовыхъ волостяхъ: смольнянъ въ Арзамасѣ, а вязьмичей и дорогобужанъ въ Ярополчѣ (нынѣ г. Вязники на р. Клязьмѣ). Однако изъ Ярополча скоро прогналъ ихъ Заруцкій, а въ Арзамасѣ смольнянъ «дворцовые мужики не послушали, дѣлить себя не дали, чтобъ имъ быть за ними въ помѣстьяхъ». Долго стояли смольняне подъ Арзамасомъ и у нихъ «бои съ мужиками были, только мужиковъ не осилили: помогали мужикамъ арзамаскіе стрѣльцы триста человѣкъ». Не успѣвъ здѣсь, смольняне отправили въ Нижній «челобитчиковъ, чтобъ ихъ приняли къ себѣ въ Нижній». О нижегородскомъ ополченіи услышали и тѣснимые казаками вязьмичи и дорогобужане: они также двинулись въ Нижній. Нижегородцы приняли тѣхъ и другихъ «честно»; изъ нихъ-то и составились первые отряды новаго войска. По приблизительному счету Азарьина, смольнянъ было около 2.000 человѣкъ, — число очень значительное по тому времени. Къ этимъ пришельцамъ примкнули затѣмъ и мѣстные ратные люди: дворяне, стрѣльцы и служилые казаки. Въ то же время нижегородскія власти начали приглашать изъ Понизовыхъ городовъ ратныхъ людей «со всею службою идти въ Нижній», а изъ Нижняго подъ Москву. Такимъ образомъ предполагалось сдѣлать Нижній сборнымъ пунктомъ многихъ городскихъ дружинъ, главнымъ образомъ, тѣхъ, которыхъ ждали съ востока, изъ Понизовья [229].

Воеводою надъ всѣми этими дружинами нижегородцы, всѣмъ городомъ, избрали стольника князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Его служба при царѣ Василіѣ была всѣмъ извѣстна. Онъ былъ въ то время однимъ изъ видныхъ боевыхъ воеводъ, пожалуй самымъ виднымъ послѣ Пр. Ляпунова и князя И. С. Куракина. По своему происхожденію онъ принадлежалъ къ знаменитому роду Стародубскихъ князей, который поникъ подъ частыми опалами московскихъ государей XVI вѣка и опустился съ вершинъ московской аристократіи въ ея средніе слои. Опричнина не лишила этотъ родъ, одинъ изъ немногихъ, его старой осѣдлости; но все-таки она не прошла безслѣдно какъ для лицъ, такъ и для земельныхъ владѣній этого рода. Въ 1566 году посадъ и городище Стародуба-Ряполовскаго вмѣстѣ съ многими селами и волостями, а въ томъ числѣ и съ волостью Пожаромъ, откуда шли князья Пожарскіе, были отданы Грознымъ князю Владиміру Андреевичу. Въ этихъ мѣстахъ къ Стародубу съ его новымъ удѣльнымъ княземъ должны были тянуть «судомъ и данью» всѣ «вотчины и купли и монастырскія и церковныя земли»; сами же вотчинники могли служить

«вольно, гдѣ кто хочетъ», или московскому государю, или своему князю Владиміру Андреевичу. Другія стародубскія вотчины были взяты прямо на государя, и въ томъ числѣ многія вотчины Пожарскихъ; ихъ перечень можно читать въ завѣщаніи Грознаго. Эти земли впослѣдствіи возвращались старымъ владѣльцамъ, но иногда не на вотчинномъ правѣ, а только въ качествѣ помѣстья. Такъ, самому Дм. Мих. Пожарскому сосѣднее съ его стариннoю Мугрѣевской вотчиною село Нижній Ландехъ дано было первоначально какъ помѣстье; другимъ же «приселкомъ» къ Мугрѣеву, именно Могучимъ или Могучевымъ, Иванъ Грозный распорядился въ завѣщаніи, какъ собственностью; а затѣмъ этотъ проселокъ снова отошелъ въ вотчину князя Д. М. Пожарскаго. Такимъ образомъ, не прогнавъ Пожарскихъ съ ихъ родины на верхнемъ теченіи Луха и Тезы, царь Иванъ однако нарушилъ цѣлость ихъ земельныхъ владѣній и подчинилъ ихъ власти,—правда, кратковременной и мимолетной,—удѣльнаго князя. Это было гоненіе и разореніе, такое же, какое переживала при Грозномъ вся вообще удѣльная аристократія. Но для семьи князя Д. М. Пожарскаго такое гоненіе соединялось еще и съ прямою опалою. «Мои, государь, родители Пожарскіе (говорилъ князь Дмитрій Михайловичъ въ концѣ 1602 года) были, государь, много лѣтъ въ государевѣ опалѣ». Родной дѣдъ князя Дмитрія, Өедоръ Ивановичъ, вскорѣ послѣ взятія Казани былъ туда сосланъ и долго оставался на Низу «въ государевыхъ опалахъ», такъ что не бывалъ на иныхъ службахъ. Опалы не окончились со смертью Грознаго: около 1599 года, уже во времена Годунова, пришла государева опала на мать князя Дмитрія, рано овдовѣвшую, и на него самого. Неизвѣстно, въ чемъ была ихъ вина, но уже въ 1602 году до нихъ «милость царская возсіяла»: они были прощены, и князь Дмитрій началъ свою службу въ чинѣ стольника, особенно выдвинувшись въ царствованіе Василія Шуйскаго, какъ вѣрный ему воевода и администраторъ [230].

Приведенныя свѣдѣнія помогутъ намъ до нѣкоторой степени опредѣлить личность избраннаго нижегородцами вождя. Соображая положеніе семьи Пожарскихъ въ общемъ ходѣ событій второй половины XVI вѣка, прежде всего замѣтимъ, что Пожарскіе были въ числѣ жертвъ опричнины и созданныхъ ею придворныхъ отношеній и порядковъ. Знатные и богатые, они теряли вотчины и были опалами выброшены изъ Москвы на должности по мѣстному управленію. Прижатые Грознымъ, они терпѣли и при Борисѣ, его политическомъ наслѣдникѣ и послѣдователѣ. Разумѣется, они не могли быть въ числѣ поклонниковъ новаго режима и должны были вспоминать старыя, лучшія для нихъ времена. Въ мѣстническихъ столкновеніяхъ своихъ съ кн. Б. М. Лыковымъ въ 1602 и 1609 годахъ кн. Д. М. Пожарскій упорно стоялъ на томъ, что, если его «дѣдъ

или которой родитель» по ихъ грѣхамъ въ государевѣ опалѣ и должны были принимать низкія должности, то это никакъ не можетъ понижать ихъ высокой родовой чести. «Кои, государь, по грѣху своему (говорилъ онъ) въ государевыхъ опалахъ наша братья всѣхъ родовъ, и какъ, государь, до нихъ милость возсіянетъ, и съ кѣмъ, государь, имъ случай будетъ въ отечествѣ,—и они, государь, бьютъ челомъ и тяжутся по своей лѣствицѣ и своими родительми;.. и язъ, государь, холопъ государевъ, по его царской милости таковъ же стольникъ, что и князь Борисъ Лыковъ». Этотъ принципъ родословности, не признававшій, что опала и отсутствіе придворнаго фавора могутъ вліять на отечество служилаго человѣка, сближаетъ его сторонника князя Дмитрія Михайловича съ княжатами-олигархами, которые возстали съ Василіемъ Шуйскимъ противъ Годуновскихъ порядковъ. Д. М. Пожарскій несомнѣнно принадлежалъ къ ихъ сторонѣ. Онъ вѣрно служилъ правительству Шуйскаго, а послѣ паденія Шуйскихъ считалъ главою княжеской среды князя В. В. Голицына. Въ этомъ смыслѣ онъ и сказалъ о немъ свои извѣстныя слова. Въ 1612 году, въ іюлѣ, бесѣдуя съ новгородскимъ посольствомъ въ Ярославлѣ, Пожарскій замѣтилъ о В. В. Голицынѣ: «Надобны были такіе люди въ нынѣшнее время! Только бъ нынѣ такой столпъ, князь Василій Васильевичъ, былъ здѣсь, и объ немъ бы всѣ держались и язъ къ такому великому дѣлу мимо его не принялся; а то нынѣ меня къ такому дѣлу бояре и вся земля сильно приневолили» [231].

Таковъ былъ, на нашъ взглядъ, князь Дм. М. Пожарскій. Это представитель опредѣленнаго общественнаго слоя, носитель старой традиціи. Съ такой точки зрѣнія о немъ нельзя говорить, какъ не разъ говорилось раньше, что онъ «тусклая личность», «ничей сторонникъ», «безпринципный» и «простой русскій человѣкъ». Съ высокимъ понятіемъ о своей родовой чести и съ консервативнымъ настроеніемъ Пожарскій, разумѣется, не могъ ни служить самозванщинѣ, ни прислуживаться Сигизмунду. Онъ и въ Тушинѣ не бывалъ, и королю ни о чемъ не билъ челомъ; напротивъ, крѣпко бился съ тушинцами и первый пришелъ подъ Москву биться съ поляками и измѣнниками. Военный талантъ Пожарскаго, несмотря на его сравнительную молодость, вполнѣ опредѣлился въ войнахъ времени Шуйскаго. Все это вмѣстѣ взятое создало Пожарскому опредѣленную репутацію и остановило на немъ выборъ нижегородцевъ. Хотя Пожарскій въ то время, когда въ Нижнемъ искали вождя, жилъ довольно далеко отъ Нижняго и не въ Нижегородскомъ, а въ Суздальскомъ уѣздѣ, въ своей Мугрѣевской вотчинѣ на р. Лухѣ, однако нижегородцы о немъ прослышали и его нашли. Во-первыхъ, Мугрѣево не было въ глуши, а лежало на большой дорогѣ изъ Суздаля на Балахну и Нижній, и

вѣсти о раненомъ подъ Москвою его хозяинѣ легко могли дойти до Нижняго. А во-вторыхъ, къ 1611 году семья Пожарскихъ въ Клязьменскомъ краю стала одною изъ наиболѣе знатныхъ и богатыхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Шуйскіе попали въ королевскій плѣнъ и вотчины ихъ кругомъ Суздаля и Шуи были расхватаны на части по грамотамъ короля и московскихъ бояръ, Пожарскіе выдвинулись въ тѣхъ мѣстахъ на первый планъ. За свою службу при царѣ Васильѣ князь Дмитрій Михайловичъ получилъ большія земли, именно села на р. Ландихѣ да слободку Холуй, и за нимъ считалось уже 1.850 четей вотчины и помѣстья. Не знать такого многоземельнаго князя въ Нижнемъ не могли [232].

Итакъ, нижегородцы, сбирая къ себѣ отовсюду ратныхъ людей, рѣшили всѣмъ городомъ просить въ начальники своей рати Пожарскаго. Къ нему было отправлено посольство, состоявшее изъ архимандрита Өеодосія, сына боярскаго Ждана Болтина и «изо всѣхъ чиновъ всякихъ лучшихъ людей». Пожарскій принялъ предложеніе и прибылъ въ Нижній одновременно съ приходомъ туда изъ Арзамаса смольнянъ. А такъ какъ время ухода послѣднихъ изъ-подъ Арзамаса извѣстно («въ осень о Дмитріевѣ дни», то-есть 26-го октября), то этимъ опредѣляется и время пріѣзда въ Нижній самого Пожарскаго. Князь Дмитрій явился туда въ концѣ октября. Съ этихъ поръ начинается въ Нижнемъ работа по устройству ополченія и по организаціи такой власти, которая могла бы собою замѣнить не признаваемыя Нижнимъ правительства московское и подмосковное. Къ сожалѣнію, подробности этой работы очень мало извѣстны. Можно, однако, сказать, что для ополченскихъ дѣлъ въ Нижнемъ былъ составленъ особый отъ городского административный штатъ. Городомъ управляли раньше и при Пожарскомъ продолжали управлять воеводы окольничій князь Вас. Андреев. Звенигородскій и дворянинъ Андрей Семен. Алябьевъ да дьякъ Василій Семеновъ. А ратными дѣлами завѣдывали воеводы стольникъ князь Д. М. Пожарскій и стряпчій Ив. Ив. Биркинъ да дьякъ Василій Юдинъ. Обѣ власти, каждая отъ себя, посылали грамоты по городамъ, дѣйствуя хотя и согласно, но въ отдѣльности одна отъ другой. Любопытно, что въ этихъ грамотахъ не называется имени «выборнаго человѣка» К. Минина, тогда какъ въ нижегородскихъ «приговорахъ» онъ упоминается послѣ дьяковъ и передъ земскими старостами. Первое время военныхъ сборовъ ушло въ Нижнемъ на разборъ и устройство наличныхъ воинскихъ силъ, главнымъ образомъ смольнянъ. Какъ безземельныхъ, ихъ «пожаловали денежнымъ жалованьемъ большимъ: первой статьѣ давали по 50 рублевъ, а другой по 45 рублевъ, третьей по 40 рублевъ, а меньше 30 рублевъ не было». Насколько велики были эти оклады, видно изъ того, что самъ Пожарскій въ 1604 году, наравнѣ съ другими ему сверст-

ными, получалъ всего 20 рублей денежнаго жалованья, при помѣстьѣ менѣе 400 четей. Вмѣстѣ съ разборомъ ратныхъ, нижегородскіе воеводы занимались и сношеніями съ другими городами и мѣстами, заботясь о томъ, чтобы вызвать въ нихъ сочувствіе и содѣйствіе. Прося у городовъ, сначала ближайшихъ къ Нижнему, «чтобъ имъ они помогали идти на очищеніе Московскаго государства», нижегородцы предлагали городамъ и волостямъ не только присылать въ Нижній деньги и ратныхъ людей, но для совѣта и выборныхъ людей. Изъ Курмыша, напримѣръ, Пожарскій требовалъ въ декабрѣ 1611 года прислать «для справки» въ Нижній «дворянъ и дѣтей боярскихъ и земскихъ лучшихъ людей, изо всѣхъ чиновъ по человѣку». Тогда же изъ Мурашкинской волости «для земскаго совѣту велѣно быть въ Нижнемъ-Новгородѣ старостамъ и цѣловальникамъ и лучшимъ людямъ; а велѣно имъ во всемъ слушати нижегородскаго указу, а на Курмышъ денежныхъ и всякихъ доходовъ не давати, а платити всякіе денежные доходы въ Нижнемъ, для московскаго походу, ратнымъ людемъ на жалованье»[233].

Чѣмъ больше собиралось въ Нижнемъ средствъ и народа, тѣмъ большій авторитетъ пріобрѣтали нижегородскіе воеводы и бывшій при нихъ «земскій совѣтъ». Не только въ Нижегородскій уѣздъ они посылали своихъ агентовъ съ порученіями и приказами, но и въ другіе города отправляли отъ себя воеводъ и правителей. Такъ, въ Курмышъ, «по совѣту всей земли», былъ посланъ воеводою нижегородскій дворянинъ «изъ выбору» Дмитрій Савинъ Жедринскій на мѣсто Смирного Васильева Елагина. Еще раньше, въ декабрѣ 1611 года, по челобитью «Нижняго-Новгорода всякихъ людей» товарищъ Пожарскаго Ив. Ив. Биркинъ отправился «въ Казань для ратныхъ людей». Съ нимъ же поѣхали въ Казань нижегородскіе духовные и дворяне для совѣщанія. Эта посылка имѣла для дѣла особенное значеніе. Въ Казани съ іюля 1611 года не было воеводы, а сидѣлъ одинъ дьякъ Никаноръ Шульгинъ; воевода же бояринъ Вас. Петр. Морозовъ ушелъ подъ Москву къ Ляпунову, собравъ всю воинскую силу изъ Казани, Свіяжска и «казанскихъ пригородовъ». Подъ Москвою казанцы уже не застали Ляпунова, но остались тамъ съ казаками и вмѣстѣ съ ними взяли приступомъ Новодѣвичій монастырь. Можно было опасаться, что, поладивъ съ казачьимъ правительствомъ, они и въ Казань передадутъ свое настроеніе въ пользу таборовъ. Тогда въ тылу у нижегородцевъ оказались бы не друзья и союзники, а враги. Поэтому изъ Нижняго въ Казань посылаютъ цѣлое посольство, а при немъ и своего воеводу, чтобы не только привлечь къ себѣ Казань, но и посадить тамъ свою власть. Власть эта и осталась въ Казани. Хотя уже съ самаго начала въ Нижнемъ были дурныя вѣсти о поведеніи Шульгина, который, будто бы, увлекъ и Биркина въ «воровство», однако Казань

не отказалась отъ соединенія съ Нижнимъ и, какъ видно изъ грамотъ Шульгина, писанныхъ въ февралѣ 1612 года, не только сама собиралась въ помощь Нижнему, но и другихъ побуждала къ тому же. Раздоры казанцевъ между собою и съ нижегородцами начались позднѣе, когда уже средоточіемъ движенія сталъ Ярославль [234].

Такимъ образомъ, городское движеніе Нижняго-Новгорода очень быстро выросло въ областное, Низовское, и нижегородскіе воеводы стали руководить значительнымъ райономъ. Едва устроясь у себя въ Поволжьѣ, Пожарскій отъ лица всего Нижняго уже спѣшилъ обратиться съ торжественною грамотою къ Поморскимъ и «верховымъ» городамъ, прежде всего къ Вологдѣ и Ярославлю. Призывая ихъ на подвигъ «очищенія» Москвы, онъ объявлялъ имъ о происходящемъ въ Понизовьѣ движеніи и излагалъ его программу. Особенно много говорилъ онъ о казачьемъ «воровствѣ» и о желаніи казаковъ начать «новую кровь», то-есть междоусобіе, провозглашеніемъ Марины и ея сына. Отрекаясь отъ Воренка и отъ псковскаго самозванца и отъ «литовскаго короля», Пожарскій желалъ всею землею выбрать новаго государя, «кого намъ Богъ дастъ»; а до тѣхъ поръ настаивалъ на единеніи всѣхъ земскихъ людей «въ одномъ совѣтѣ», чтобы «на польскихъ и литовскихъ людей идти вмѣстѣ» и «чтобы казаки по-прежнему низовой рати своимъ воровствомъ, грабежи и иными воровскими заводы и Маринкинымъ сыномъ не розгонили». Надѣясь на силу объединенной земщины, онъ увѣренно говорилъ о казакахъ: «мы дурна никакого имъ учинить не дадимъ», «дурна никакого воромъ дѣлати не дадимъ». Къ сожалѣнію, эта первая грамота Пожарскаго не имѣетъ точной даты, и, стало быть, нельзя сказать, когда именно «вся земля» услышала бодрый призывъ нижегородцевъ. Во всякомъ случаѣ, это было не позднѣе начала февраля 1612 года. Пожарскій сообщаетъ въ грамотѣ о выступленіи изъ Казани въ Нижній «передовыхъ людей» и стрѣльцовъ, которыхъ онъ и ждалъ къ себѣ «вскорѣ»; по словамъ же одной казанской грамоты можно заключить, что стрѣльцы съ служилыми инородцами пошли изъ Казани около 9-го февраля. Мѣсяцъ февраль, такимъ образомъ, былъ временемъ, когда нижегородское движеніе стало общеземскимъ [235].

Грамота Пожарскаго, распространяясь по городамъ, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе. Тѣ, кто желалъ возстановленія порядка не съ казачьимъ правительствомъ, устремились въ Нижній: «пондоша изо всѣхъ городовъ», говоритъ лѣтопись: «первое пріидоша коломничи, потомъ рязанцы, потомъ же изъ Украинскихъ городовъ многіе люди и казаки и стрѣльцы, кои сидѣли на Москвѣ при царѣ Васильѣ». Лѣтописецъ не напрасно охватилъ здѣсь такой широкій кругъ лицъ и мѣстъ. Нижегородское движеніе, начатое посадскими людьми, поддержанное провинціальнымъ служилымъ людомъ, руко-

водимое княземъ высокой породы, имѣвшее, наконецъ, опредѣленную національно-охранительную программу, могло вызывать къ себѣ сочувствіе очень разнообразныхъ слоевъ общества, утомленныхъ Смутою и господствомъ чужой иноземной и воровской казачьей власти. Но въ то же время, представляя собою опытъ объединенія консервативной части московскаго общества, нижегородское ополченіе было организаціею, направленною противъ всего, что отошло отъ стараго московскаго порядка. Его должны были бояться и поляки съ московскими «измѣнниками», и подмосковные «воры» казаки. Если первымъ предстояло, голодая въ кремлевской осадѣ, терпѣливо ждать развязки неизбѣжнаго столкновенія между нижегородскимъ ополченіемъ и казаками, то казачьи вожди должны были немедля опредѣлить свое отношеніе къ происходящему на сѣверѣ движенію. Первыя же грамоты Пожарскаго заставили ихъ дѣйствовать. Заруцкій и Просовецкій изъ-подъ Москвы задумали овладѣть Ярославлемъ и Заволжскими городами, чтобы прервать сообщенія Нижняго съ Поморьемъ и изолировать ихъ другъ отъ друга. Хорошо задуманное дѣло, однако, не удалось. Ярославцы дали знать въ Нижній о появленіи въ Ярославлѣ «многихъ казаковъ» и о походѣ на Ярославль всей рати Просовецкаго. Пожарскій понялъ, что медлить нельзя, и въ виду опасности измѣнилъ первоначальный планъ своихъ военныхъ дѣйствій. Сначала онъ думалъ идти изъ Нижняго прямо къ Москвѣ на Суздаль, о чемъ и писалъ въ первой грамотѣ въ такихъ выраженіяхъ: «а мы,.. собрався со многими ратными людьми, прося у Бога милости, идемъ на польскихъ и литовскихъ людей, которые нынѣ стоятъ подъ Суздалемъ». Онъ тогда еще не опредѣлялъ точно сборнаго мѣста всѣхъ земскихъ ратей и просилъ, напримѣръ, вологжанъ подумать, «гдѣ вамъ съ нами сходиться». Получивъ же вѣсть о Просовецкомъ, онъ оставилъ мысль о Суздалѣ и «наскоро» послалъ свой авангардъ въ Ярославль, чтобъ захватить этотъ важнѣйшій узелъ сѣверныхъ путей раньше, чѣмъ туда явятся большія казачьи силы. Война съ казаками, стало быть, открылась прежде войны съ поляками. Начальникъ нижегородскаго авангарда, князь Д. П. Лопата-Пожарскій, занялъ Ярославль раньше Просовецкаго и, переловивъ бывшихъ тамъ казаковъ, бросилъ ихъ въ тюрьму. За передовыми войсками къ Ярославлю двинулись и главныя силы нижегородскаго ополченія, пользуясь еще зимнимъ путемъ. Онѣ шли на Балахну, Юрьевецъ, Кинешму и Кострому по правому берегу Волги. Уже изъ Костромы Пожарскій послалъ отрядъ на Суздаль и успѣшно занялъ этотъ крѣпкій городъ, важный для нижегородцевъ тѣмъ, что онъ прикрывалъ подступы отъ Москвы къ Нижегородскимъ мѣстамъ и былъ ключемъ всего края, лежавшаго на лѣвыхъ притокахъ Клязьмы. Самъ же Пожарскій продолжалъ движеніе на Ярославль и пришелъ

туда около 1-го апрѣля, усиленный отрядами изъ многихъ Поволжскихъ городовъ [236].

Этимъ закончился первый періодъ дѣятельности нижегородскихъ воеводъ. Въ Нижнемъ они были мѣстною властью, въ Ярославлѣ имъ было суждено стать общегосударственною. «Общій совѣтъ» нижегородскій въ Ярославлѣ долженъ былъ превратиться въ совѣтъ «всея земли» и былъ пополненъ новыми элементами. Дѣятельность воеводъ и этого совѣта въ Нижнемъ была военно-административною, а въ Ярославлѣ получила характеръ политическій. Словомъ, въ Ярославлѣ нижегородская власть преобразовалась въ новое правительство всей Русской земли.

VII.

Покушеніе казаковъ на Ярославль послужило началомъ открытой борьбы двухъ ополченій, подмосковнаго и нижегородскаго. Оно показало нижегородцамъ, что казаки считаютъ ихъ какъ бы мятежнымъ скопомъ противъ подмосковнаго правительства и стараются ограничить ихъ мятежное движеніе однимъ Понизовьемъ. Примиреніе и соединеніе обѣихъ сторонъ въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ оказывалось невозможнымъ, и Пожарскому по одной этой причинѣ не было расчета спѣшить подъ Москву. Разъ казаки не желали отставать отъ воровства, то-есть подчиниться вновь возникающей земской власти, эта власть могла подъ Москвой стать жертвою новаго междоусобія, уже разъ сгубившаго народное дѣло. Она должна была поэтому искать себѣ особаго центра, къ которому тянули бы всѣ подчиненныя ей области. Ярославль могъ скорѣе всего быть такимъ центромъ, какъ крупнѣйшій городъ во всемъ Замосковьѣ и Поморьѣ. Здѣсь-то и образовалась временная резиденція новаго земскаго правительства. Пожарскій оставался въ Ярославлѣ съ начала апрѣля до августа 1612 года.

Прежде историки, вѣрившіе писаніямъ А. Палицына, упрекали Пожарскаго за его медлительность и за безполезный простой въ Ярославлѣ. Въ этомъ обличалъ Пожарскаго тотъ самый троицкій келарь, который въ свое время умѣлъ не медлить и поторопился уѣхать къ Москвѣ изъ-подъ Смоленска, не стерпѣвъ бездѣйствія въ посольскомъ станѣ. Больше никто не обличалъ Пожарскаго; напротивъ, лѣтопись умѣла даже точно указать причины, по которымъ его «походъ замѣшкался». И дѣйствительно, если мы вникнемъ въ обстоятельства того времени, то поймемъ, что нижегородское ополченіе неизбѣжно должно было задержаться въ Ярославлѣ. На это были двоякія причины. Во-первыхъ, ополченіе должно было докончить работу не только надъ своимъ собственнымъ устройствомъ, но и надъ объединеніемъ тѣхъ частей государства, кото-

рыя присоединились къ нижегородскому движенію. Во-вторыхъ, оно должно было опредѣлить свои отношенія къ другимъ силамъ и авторитетамъ, которые притязали на власть и вліяніе въ странѣ. Если поляки были главнымъ и безусловнымъ врагомъ, если казачество въ значительной своей части оказывалось столь же враждебнымъ ополченію, какъ и поляки, то были еще шаткіе и колеблющіеся элементы въ подмосковномъ станѣ, которыхъ можно было перетянуть на свою сторону; оставались еще и шведскія власти въ Великомъ Новгородѣ, гдѣ онѣ устроили нѣчто въ родѣ особаго Новгородскаго государства, къ которому надѣялись привлечь и всю Русскую землю. Какую форму примутъ отношенія ярославскихъ властей къ новгородскимъ властямъ и къ подмосковнымъ, могло показать только время. Въ Ярославлѣ же были расположены выжидать. Собираясь для общаго «очищенія» государства, тамъ не были намѣрены во что бы то ни стало спѣшить подъ Москву: «не въ самомъ же дѣлѣ (говоритъ И. Е. Забѣлинъ) они шли только на Хоткѣвича, только пособлять казацкимъ воеводамъ!» Это казалось нужнымъ одному Палицыну; въ Ярославлѣ же, какъ сейчасъ увидимъ, понимали свои цѣли иначе. Самъ Пожарскій позднѣе писалъ о себѣ, что онъ изъ Ярославля хотѣлъ было идти со всѣми людьми подъ Москву, но, «видя злое начинаніе Ивана Заруцкаго и атамановъ и казаковъ, подъ Москву не пошли, а послали по городомъ воеводъ съ ратными людьми». Причины такой перемѣны въ своихъ военныхъ планахъ нижегородскіе воеводы объяснили всей землѣ съ полною обстоятельностью и откровенностью [237].

Тотчасъ по приходѣ въ Ярославль, 7-го апрѣля, власти земскаго ополченія, «бояре и окольничіе и Дмитрій Пожарскій», съ прочими «всякими служивыми и жилецкими людьми», разослали по городамъ грамоты съ извѣщеніемъ о своемъ ополченіи и съ призывомъ къ общему соединенію. Послѣ столкновенія съ казаками изъ-за Ярославля, власти ополченія уже не стѣснялись въ отзывахъ о Заруцкомъ и казакахъ. Они говорили, что, убивъ Ляпунова, эти «старые заводчики великому злу, атаманы и казаки, которые служили въ Тушинѣ лжеименитому царю», желали всѣмъ въ государствѣ «по своему воровскому обычаю владѣти»; что, захвативъ власть, казаки и «начальникъ ихъ» Заруцкій грабили, насильничали и разогнали изъ-подъ Москвы служилыхъ людей; что, наконецъ, казаки снова стали служить самозванцамъ, Маринкину сыну и псковскому вору (которому въ таборахъ присягнули всѣмъ войскомъ 2-го марта 1612 года). Этимъ самымъ казаки вернулись къ «своему первому злому совѣту: бояръ и дворянъ и всякихъ чиновъ людей и земскихъ и уѣздныхъ лучшихъ людей побити и животы розграбити и владѣти бы имъ по своему воровскому казацкому обычаю». Указывая на казачій «первый совѣтъ», то-есть

на давнее казачье стремленіе къ общественному перевороту, ярославскія власти призывали всю земщину сойтися на свой земскій «общій совѣтъ» и выбрать «по совѣту всего государства» государя, чтобы стоять съ нимъ вмѣстѣ «противъ общихъ враговъ, польскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ, которые новую кровь въ государствѣ всчинаютъ». Для этой цѣли общаго соединенья и царскаго избранія, ярославская грамота приглашала города поскорѣе прислать въ Ярославль «изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два и съ ними совѣтъ свой отписати за своими руками». Наконецъ города призывались къ участію въ жертвахъ на земское ополченіе. Подписана ярославская грамота не однимъ Пожарскимъ, а боярами В. П. Морозовымъ и кн. В. Т. Долгоруковымъ, окольничимъ С. В. Головинымъ, нѣсколькими стольниками, дворянами и дьяками, гостемъ Гришею Никитниковымъ и, наконецъ, тяглыми людьми (всего до 50 подписей) [238].

Смыслъ этой грамоты 7-го апрѣля 1612 года совершенно ясенъ. Пожарскій и тѣ пятьдесятъ человѣкъ, которые при немъ составляли тогда «общій совѣтъ» (пока еще не «всей земли»), объявляютъ всей землѣ, что они желаютъ устроить въ Ярославлѣ общеземское правительство и въ Ярославлѣ же выбрать законнаго государя. Царское избраніе они ставятъ необходимымъ условіемъ дальнѣйшей борьбы съ врагами. О походѣ своемъ подъ Москву они не говорятъ вовсе; просятъ только города отписать отъ себя «подъ Москву въ полки», чтобы тамъ отстали отъ воровства и «подъ Москвою стояли безотступно». Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ Ярославлѣ «очищеніе» государства не отожествляли съ освобожденіемъ самой Москвы и, не спѣша идти подъ московскія стѣны, считали болѣе важнымъ образованіе законной и прочной власти, подъ управленіемъ которой могло бы сплотиться и окрѣпнуть утомленное Смутою общество. Московскую же осаду пока предоставлялось вести казакамъ: для земщины было даже выгодно, что ея враги должны были тратить свои силы во взаимной борьбѣ подъ Москвою.

Какъ извѣстно, царское избраніе въ Ярославлѣ не состоялось. Но прочное временное правительство тамъ было образовано. Составъ его, къ сожалѣнію, можетъ быть опредѣленъ лишь приблизительно. Въ совокупности своей оно представляло собою земскій соборъ обычной московской конструкціи; иначе говоря, оно слагалось изъ духовнаго совѣта, замѣнявшаго патріаршій «освященный соборъ», боярскаго совѣта, замѣнявшаго московскую государеву думу, и земскихъ выборныхъ служилыхъ и тяглыхъ чиновъ. Во главѣ освященнаго собора или «властей», по терминологіи лѣтописи, былъ поставленъ жившій на покоѣ въ Троицкомъ монастырѣ бывшій ростовскій и ярославскій митрополитъ Кириллъ, тотъ самый, который былъ въ Ростовѣ передъ назначеніемъ туда Фила-

рета. Можно, кажется, угадать, почему выборъ ярославскихъ воеводъ остановился на Кириллѣ, и онъ былъ вызванъ отъ Троицы «на прежній свой престолъ», сначала въ Ростовъ, а оттуда и въ Ярославль. Въ Ярославлѣ желали имѣть такого іерарха, который могъ бы почитаться главою всего московскаго духовенства и могъ бы своимъ присутствіемъ утвердить законность ярославскаго правительства. Такъ какъ патріархъ Гермогенъ умеръ въ началѣ 1612 года, то его надлежало замѣнить временнымъ замѣстителемъ. Такимъ, по обычаю, долженъ былъ бы считаться новгородскій митрополитъ, первый среди русскихъ митрополитовъ «мѣстомъ и святительскимъ сѣданіемъ»; но новгородскій митрополитъ Исидоръ былъ въ шведскомъ порабощеніи и со всѣмъ Новгородомъ сталъ «особно» отъ Московскаго государства, служить шведскому королевичу. За нимъ по старшинству слѣдовалъ казанскій митрополитъ Ефремъ; но онъ былъ необходимъ въ Казани, гдѣ не было воеводъ и сидѣлъ ненадежный дьякъ Шульгинъ. Поэтому ярославскіе воеводы, чествуя Ефрема, «яко нѣкое великое свѣтило», въ то же время не звали его къ рати въ Ярославль. За казанскимъ митрополитомъ слѣдующее мѣсто принадлежало ростовскому митрополиту, котораго мѣстопребываніе было всего ближе къ Ярославлю. Такъ какъ Филаретъ ростовскій былъ въ польскомъ плѣну, то вспомнили о его предшественникѣ и потому поставили Кирилла во главѣ духовныхъ властей въ Ярославлѣ. А въ то же время обращались по важнѣйшимъ дѣламъ и въ Казань, къ первенствовавшему въ іерархіи Ефрему. Такъ образовано было временное церковное управленіе. Подъ главенствомъ Кирилла мало-по-малу сложился въ Ярославлѣ такой церковный совѣтъ, который почелъ себя въ правѣ именоваться «освященнымъ соборомъ»; вмѣстѣ съ земскою ратью перешелъ онъ потомъ подъ Москву и участвовалъ въ царскомъ избраніи [239]. Рядомъ съ освященнымъ соборомъ образовался въ рати своего рода «синклитъ». Лѣтописецъ систематически зоветъ его словомъ «начальники», различая дѣятельность этихъ начальниковъ и полнаго состава земскаго собора—«всеѣ земли». По изображенію лѣтописи, ратью управляли начальники, «докладывая» о нѣкоторыхъ дѣлахъ митрополиту Кириллу, а о другихъ «думая» со «всею землею», со «всею ратью», или съ «Московскаго государства народомъ». Грамоты, выходившія изъ земской рати, разумѣли этихъ начальниковъ подъ обычными выраженіями: «бояре и воеводы», «бояре и окольничіе». Къ этому прибавлялось всегда особое упоминаніе о Пожарскомъ, который былъ, по своему положенію главнаго земскаго воеводы, членомъ боярскаго синклита, хотя и не носилъ думнаго чина. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это упоминаніе отличалось торжественностью и вычурностью: «бояре и воеводы и по избранью всѣхъ чиновъ людей Россійскаго государства въ нынѣш-

*

нее настоящее время того великого государства многочисленнаго войска у ратныхъ и у земскихъ дѣлъ стольникъ и воевода Дмитрей Пожарскій съ товарищи». Такимъ образомъ, ратный синклитъ состоялъ изъ двухъ слоевъ: собственно думныхъ чиновъ и ратныхъ начальниковъ. Это не была нормальная боярская дума, потому что ея уже совсѣмъ тогда не существовало, какъ не существовало и правильнаго патріаршаго совѣта. Но ратный синклитъ усвоилъ себѣ всѣ функціи боярской думы, а вмѣстѣ съ тѣмъ пользовался и ея обычнымъ названіемъ, именуя себя «боярами». Личный составъ этого синклита не вполнѣ извѣстенъ; по грамотамъ можно указать лишь нѣсколько бояръ и окольничьихъ, стольниковъ и дворянъ, въ него входившихъ. Наиболѣе подробный ихъ перечень находится въ грамотѣ 7-го апрѣля 1612 года, о которой шла рѣчь выше. Если не ошибаемся, до самаго соединенія ярославской рати съ таборомъ боярина князя Д. Т. Трубецкого подъ Москвою, у Пожарскаго было только два боярина: Вас. Петр. Морозовъ и князь Вл. Т. Долгорукій. Первый пришелъ изъ Казани, гдѣ былъ воеводою, подъ Москву въ іюлѣ 1611 года и оттуда перешелъ въ Ярославль; второй, счастливо избѣжавъ московскаго плѣна, пріѣхалъ въ Ярославль, кажется, изъ Новгородскихъ мѣстъ [240]. Наконецъ, что касается до уполномоченныхъ земскихъ людей, служилыхъ и тяглыхъ, то присутствіе ихъ при Пожарскомъ въ роли «совѣта всея земли» уже давно не подвергается сомнѣнію. Было выше указано, что еще въ апрѣлѣ 1612 года Пожарскій съ товарищами просилъ города о присылкѣ къ нему для совѣта «изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два» съ письменными наказами. Съ такою просьбою Пожарскій обратился даже въ Великій Новгородъ, предлагая новгородцамъ вмѣстѣ съ уполномоченными прислать ему точныя свѣдѣнія объ условіяхъ договора Новгорода со шведами. Насколько можно судить по лѣтописи и прочимъ документамъ, земскіе представители собрались въ Ярославль и принимали тамъ участіе въ веденіи дѣлъ военныхъ, судебныхъ и даже дипломатическихъ. Когда Пожарскій послалъ въ Новгородъ съ С. Татищевымъ посольство, то въ него вошли «ото всѣхъ городовъ по человѣку», «дворяне разныхъ городовъ». Когда новгородское посольство пріѣхало въ Ярославль, то при его пріемѣ присутствовали не одни «начальники»: Пожарскій писалъ въ Новгородъ, что «нынѣ изо всѣхъ городовъ при вашихъ посланникахъ были многіе всякихъ чиновъ люди и то слово по вашему письму слышали». Отвѣтъ на новгородскія предложенія обсудили тоже не одни начальники, а весь «народъ: митрополитъ Кириллъ и начальники и всѣ ратные люди», то-есть, весь ратный совѣтъ. Когда на жизнь Пожарскаго было сдѣлано покушеніе, виновныхъ допрашивали «всею ратью, и посадскіе люди» и наказаніе имъ назначили «землею жъ». Точно также «всѣ ратные люди» приго-

ворили дать «жалованье, денегъ и суконъ», служилымъ людямъ, присланнымъ въ Ярославль изъ-подъ Москвы въ послахъ отъ своихъ товарищей, «украинскихъ людей». Нельзя опредѣлить точно составъ этой «всей рати» и «всей земли» и изучить дѣйствительныя отношенія ратнаго совѣта къ руководителямъ рати, ея «начальникамъ»; но, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и иностранцамъ, и русскимъ современникамъ ратный совѣтъ казался правильнымъ и полномочнымъ народнымъ собраніемъ. Именно такъ оцѣниваетъ Петрей «московскія сословія» или «русскія сословія» въ Ярославлѣ (die Musscowitischen Stände, die zu Jarosslaw versamleten Reussischen Stände). Въ русскихъ же актахъ приговоры ратнаго совѣта въ Ярославлѣ и подъ Москвою въ 1612—1613 гг. прямо называются «совѣтомъ всея земли» и признаются за распоряженія верховнаго правительства. На этотъ совѣтъ неизмѣнно опираются во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ «бояре и воеводы»; его именемъ дѣйствуетъ и вся ярославская администрація, образованная по привычному московскому шаблону, въ видѣ «приказовъ» и различныхъ «избъ», какъ въ самомъ Ярославлѣ, такъ и во всѣхъ прочихъ городахъ, подчинившихся ярославской юрисдикціи [241].

Такой видъ приняло временное земское правительство. Оно слагалось постепенно: сложность дѣла и расшатанность общественнаго строя не позволяли достигнуть скораго и опредѣленнаго успѣха ни въ правительственной организаціи, ни въ воинскомъ устройствѣ. Современники разныхъ направленій—и сторонникъ ярославскаго правительства, авторъ Новаго Лѣтописца, и недоброжелатель ярославцевъ Палицынъ,—одинаково говорятъ о различныхъ распряхъ, розни и нестроеніяхъ въ ратномъ управленіи. Однако оба они удостовѣряютъ, что ярославская рать была въ концѣ концовъ приведена къ большому благоустройству: по выраженію Палицына, въ ней «вси, иже отъ воинскаго чина, и нищіи обогатишася и быша конны и вооружены», а по казачьему выраженію, земскіе полки къ Москвѣ «богати пришли изъ Ярославля». Въ концѣ стоянки въ Ярославлѣ ополченіе и его власти представляются наблюдателю уже вполнѣ организованною силою, которой подчинено все Поморье, Понизовье и Замосковныя мѣста на сѣверѣ отъ самой Москвы. Созданіемъ этой правительственной силы достигалось рѣшеніе ближайшей и важнѣйшей задачи нижегородскаго движенія. Была образована прочная народная власть, ставшая политическимъ центромъ и руководительницею для консервативныхъ слоевъ московскаго общества, то-есть, для служилыхъ людей и «мужиковъ» Замосковья и Поморья. Этой власти недоставало только «государя», котораго думали избирать въ Ярославлѣ. Но царское избраніе надобно было отложить ради иныхъ неотложныхъ дѣлъ [242].

Новой власти надлежало опредѣлить свое отношеніе къ руд-

ждаться пріѣзда королевича въ самый Новгородъ. На этомъ и стало дѣло между Ярославлемъ и Новгородомъ. Обѣ стороны рѣшили мирно ждать [244].

Нельзя сказать, чтобы ярославскіе «начальники» успѣли въ Ярославлѣ достичь всего того, что было намѣчено ими въ апрѣльской грамотѣ. Они хотѣли тамъ избрать государя, чтобы съ нимъ вмѣстѣ стоять «противъ общихъ враговъ». Но вѣсть о приближеніи къ Москвѣ гетмана Хоткѣвича съ войскомъ и запасами для польскаго гарнизона Москвы заставила Пожарскаго двинуться подъ Москву. Лѣтопись прекрасно передаетъ то смятеніе, какое овладѣло казачьимъ таборомъ при полученіи тамъ вѣстей о гетманѣ. Трубецкой и Заруцкій, несмотря на открытую вражду съ Ярославлемъ, даютъ туда знать объ опасности. Пожарскій немедля посылаетъ два отряда своихъ войскъ подъ Москву съ приказомъ стать у сѣверныхъ воротъ Каменнаго города (Петровскихъ и Тверскихъ) и не входить въ казачьи таборы, которые были расположены подъ восточной стѣною Китая-города, между рѣками Яузою и Неглинной. Появленіе земскихъ ратныхъ людей подъ Москвою произвело тамъ смуту. Часть подмосковнаго ополченія, именно «Украинскихъ городовъ ратные люди», между прочимъ, калужане, стоявшіе отдѣльно отъ казаковъ у Никитскихъ воротъ, обрадовались приходу земской рати и даже послали въ Ярославль пословъ торопить самого Пожарскаго идти къ Москвѣ, «чтобы имъ и досталь отъ казаковъ не погибнути». Казаки же, оцѣнившіе, разумѣется, должнымъ образомъ обособленіе отъ нихъ земскихъ людей въ укрѣпленныхъ «острожкахъ», пришли въ большое безпокойство. Они со своимъ Заруцкимъ хотѣли «побити» украинскихъ служилыхъ людей и разогнали ихъ изъ ихъ Никитскаго острожка, а затѣмъ и сами раздѣлились. Одни съ Заруцкимъ отошли въ Коломну и оттуда ушли далѣе на Рязань. Другіе же послали посольство къ земской рати «для развѣданія, нѣтъ ли какого умышленія надъ ними» со стороны ярославскаго правительства. Это было начало казачьяго подчиненія земской власти, заря земской побѣды. «Атаманы и казаки ото всего войска» нашли Пожарскаго уже въ Ростовѣ, были приняты хорошо и пожалованы «деньгами и сукномъ». Однако Пожарскій все еще не довѣрялъ казакамъ и нарочно замедлилъ свой походъ, остановившись около Троицкаго монастыря, съ цѣлью здѣсь выработать точное соглашеніе съ казаками—«укрѣпитися съ казаками, чтобы другъ на друга никакого бы зла не умышляли». Хоткѣвичъ помѣшалъ этому соглашенію: вѣсть, что гетманъ скоро будетъ подъ Москву, заставила Пожарскаго спѣшить. Ему, по словамъ лѣтописи, «не до уговору бысть съ казаками», и онъ двинулся отъ Троицы. На Яузѣ, вѣроятно, въ селѣ Ростокинѣ, онъ сталъ лагеремъ и послалъ искать мѣста, «гдѣ бы стати» подъ Мо-

сквою. Трубецкой много разъ звалъ его «къ себѣ стояти въ таборы», но всегда получалъ отказъ. До уговора съ казаками Пожарскій и «вся рать» рѣшили «отнюдь вмѣстѣ съ казаками не стаивать». Они помѣстились особо у Арбатскихъ воротъ, сдѣлали здѣсь острогъ и «едва укрѣпитися успѣша до гетманского приходу» [245].

Такимъ образомъ, одно приближеніе земской рати къ Москвѣ повело уже къ распаденію сильнаго казачьяго центра—«таборовъ». По нѣкоторымъ указаніямъ, въ таборахъ въ то время сидѣло однихъ казаковъ до 5.000 человѣкъ, не считая воинскаго люда другихъ чиновъ и наименованій; а кромѣ того, «подъ Москвою же во всѣхъ полкахъ жили москвичи, торговые и промышленные и всякіе черные люди, кормилися и держали всякіе съѣстные харчи». Гнѣздо это теперь пришло въ полное разстройство. Заруцкій увелъ изъ него «мало не половину войска», болѣе 2.000 человѣкъ; остальные не знали что дѣлать и какъ вести себя въ отношеніи земской рати, которая не шла на соединеніе и примиреніе. Биться съ этою ратью уже не было силъ; оставалось ждать и «нелюбовь держати» на земскихъ людей за то, что «къ нимъ въ таборы не пошли». Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи было казачье войско, когда 21-го августа подъ Москвою появился Хоткѣвичъ. Во время боя съ нимъ казаки не разъ мѣняли настроеніе, пока не стали рѣшительно противъ поляковъ и вмѣстѣ съ Пожарскимъ не отбили врага отъ Москвы. Однако и это не повело къ прекращенію распри и недоразумѣній. Хоткѣвичъ отступилъ отъ Москвы 25-го августа, а уже 9-го сентября Пожарскій разсылалъ по городамъ грамоты съ разсказомъ о воровскихъ замыслахъ казаковъ. Въ таборахъ Трубецкого находились люди, которые поднимали казаковъ на новую борьбу съ земскою ратью и подавали имъ мысль занять города въ тылу Пожарскаго и «всѣхъ ратныхъ людей переграбить и отъ Москвы отженуть». Пожарскій приписывалъ эту мысль старымъ тушинцамъ Ивану да Петру Шереметевымъ, князьямъ Григорію Шаховскому да Ивану Засѣкину и Ивану Плещееву. Впрочемъ, подобные смутьяны не могли долго мѣшать тому, что неизбѣжно должно было совершиться, то-есть, подчиненію таборовъ ярославскому правительству. Въ концѣ сентября или въ началѣ октября 1612 года въ таборахъ совсѣмъ оставили мысль о борьбѣ съ земскимъ войскомъ, и бояринъ Трубецкой уступилъ стольнику Пожарскому и «выборному человѣку» Кузьмѣ Минину. Сначала онъ настаивалъ на томъ, чтобы для рѣшенія общихъ дѣлъ ярославскіе «начальники» ѣздили къ нему, какъ къ старшему, въ его таборы. Они же вовсе уклонялись отъ всякихъ дѣловыхъ съ нимъ сношеній. Наконецъ, соглашеніе было достигнуто: «приговориша всею ратью съѣзжатися на Неглиннѣ», на нейтральномъ мѣстѣ между двухъ лагерей, и устроили тамъ общія учрежденія. Пожарскій и Трубецкой писали объ этомъ,

что они «по челобитью и по приговору всѣхъ чиновъ людей стали во единачествѣ и укрѣпилясь, что намъ да выборному человѣку Кузьмѣ Минину Московскаго государства доступать и Російскому государству во всемъ добра хотѣть безо всякіе хитрости; и Розрядъ и всякіе приказы поставили на Неглимнѣ, на Трубѣ, и снесли въ одно мѣсто и всякіе дѣла дѣлаемъ заодно». Хотя въ грамотахъ первое мѣсто всегда принадлежало имени Трубецкого, однако на дѣлѣ Пожарскій и Мининъ были сильнѣе и вліятельнѣе родовитаго тушинскаго боярина, такъ же какъ ими устроенное земское ополченіе было сильнѣе казачьяго табора, на половину опустѣвшаго. Въ новомъ Разрядѣ на Трубѣ совершилось уже полное подчиненіе подмосковнаго казачества условіямъ московской службы, и казаки Трубецкого стали служилыми казаками. О борьбѣ съ государствомъ мечтала только та часть казачества, которая съ Заруцкимъ ушла на верховья Дона [246].

VIII.

Объединенное ополченіе 22-го октября 1612 года взяло штурмомъ Китай-городъ. Тотчасъ же открылись переговоры о сдачѣ и Кремля, и 26-го октября онъ перешелъ въ русскія руки. Торжество этой давно желанной побѣды было не разъ омрачаемо казачьими безпорядками, которые доводили русскую рать почти до открытаго междоусобія. «Едва у нихъ безъ бою проиде», «едва безъ крови проиде», говоритъ лѣтопись о первыхъ дняхъ московскаго очищенія. Однако же «начальникамъ» удалось и на этотъ разъ справиться съ инстинктами долго голодавшей массы, которая желала послѣ побѣды не только пищи, но и добычи. Водворивъ нѣкоторый порядокъ въ Москвѣ, «начальники» поставили на очередь вопросъ о царскомъ избраніи. Съ этимъ дѣломъ теперь надобно было еще больше спѣшить, чѣмъ въ Ярославлѣ. Царское избраніе должно было завершить земскій подвигъ, давъ временной московской власти характеръ постояннаго и законнаго правительства [247].

Въ первыя же недѣли послѣ очищенія Москвы, съ начала ноября, изъ Москвы идутъ уже грамоты по городамъ «о обиранье государьскомъ». Московское правительство приглашаетъ въ Москву городскихъ выборныхъ, «по десяти человѣкъ отъ городовъ, для государственныхъ и земскихъ дѣлъ». Изъ этихъ выборныхъ долженъ былъ собраться въ Москвѣ новый совѣтъ «всея земли» на смѣну тому, который работалъ съ Пожарскимъ въ Ярославлѣ, вмѣстѣ съ нимъ былъ подъ Москвою и по взятіи Москвы устраивалъ въ ней первыя основанія новаго порядка. Когда окончилась дѣятельность ярославскаго собора въ Москвѣ и когда съѣхались въ Москву выборные на новый соборъ, неизвѣстно. Слѣдовъ соборной практики

отъ 1612—1613 гг. осталось такъ мало, что даже о важнѣйшихъ моментахъ соборной дѣятельности нельзя составить точнаго и полнаго представленія. Во всякомъ случаѣ, въ январѣ 1613 года новый земскій совѣтъ уже существовалъ и думалъ о томъ, «кому быть на Московскомъ государствѣ».

Составъ этого совѣта можно возстановить лишь отчасти, по подписямъ на избирательной грамотѣ 1613 года. Хотя эта грамота и помѣчена маемъ мѣсяцемъ 1613 года, однако члены собора подписывали ее, очевидно, позже. Князь Д. М. Пожарскій, князь И. Б. Черкаскій, князь И. Н. Одоевскій и Б. М. Салтыковъ на ней подписались въ боярскомъ санѣ, а между тѣмъ они были пожалованы боярствомъ не въ маѣ, а позже: первые два 11-го іюля, а два вторые даже 6-го декабря 1613 года. Такимъ образомъ, у насъ не можетъ быть увѣренности, что въ рукоприкладствахъ участвовала дѣйствительно та среда, которая выбирала царя въ февралѣ 1613 года. Но если даже и допустимъ, что къ подписи призывались только тѣ лица, которыя лично были на февральскихъ соборахъ, то всетаки мы не сможемъ, на основаніи 277 подписей подъ грамотою, узнать общее число и всѣ имена избирателей. При подписаніи допускалось замѣстительство: одно лицо подписывалось за нѣсколькихъ, не перечисляя ихъ поименно, а только означая общимъ именемъ «тулянъ», «серпьянъ», «чебоксарцевъ» и т. д. Поэтому возможно до нѣкоторой степени заключать о территоріальной полнотѣ представительства. На грамотѣ находятся подписи представителей 50-ти городовъ и уѣздовъ отъ сѣвернаго Подвинья до Оскола и Рыльска и отъ Осташкова до Казани и Вятки. Принимая эту цифру, какъ минимальную, можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть увѣренными, что она не точна. Дальше будетъ видно, напримѣръ, что на соборѣ были выборные отъ Торопца, подписей которыхъ подъ грамотою, однако, нѣтъ. Что же касается до сословнаго состава и общей численности земскаго собора, то въ этомъ отношеніи подписи не даютъ никакого матеріала для точныхъ выводовъ. Всѣ группы населенія, отъ бояръ до «уѣздныхъ людей», то-есть сѣверныхъ крестьянъ или мелкихъ служилыхъ людей «приборной» службы, имѣютъ за себя подписи на грамотѣ. Есть подписи и за казаковъ; нѣтъ ихъ только за боярскихъ людей, то-есть владѣльческихъ крестьянъ и холопей. Такимъ образомъ можно сказать, что соборъ по сословному составу былъ сравнительно полонъ. Но въ какомъ численномъ отношеніи другъ къ другу стояли различныя группы населенія на земскомъ совѣтѣ, мы не знаемъ. Если судить по числу подписей, то преобладали высшіе служилые чины, а казаковъ было мало, даже очень мало. Между тѣмъ есть преданія, что атаманы и казаки играли видную роль въ избирательной суетѣ. Поляки же прямо говорили московскимъ посламъ послѣ избранія Михаила Ѳеодоровича «непри-

гожія» и несправедливыя рѣчи, что его «выбирали одни казаки». Шведскіе дипломаты также были убѣждены, что казачество преобладаетъ въ Москвѣ: Э. Горнъ въ самомъ началѣ 1614 года писалъ новгородцамъ, что «казаки въ московскихъ столпѣхъ сильнѣйшія». Такимъ образомъ есть поводъ подозрѣвать, что количествомъ подписей на грамотѣ нельзя измѣрять ни дѣйствительной численности, ни значенія той или другой сословной группы. Наконецъ, число подписей очень мало сходится съ настоящимъ числомъ избирателей, бывшихъ на соборѣ. Разительный тому примѣръ представляетъ отношеніе подписей за Нижній-Новгородъ (которыхъ на грамотѣ всего четыре) къ числу нижегородскихъ выборныхъ. Мы только случайно узнаемъ, что Нижній послалъ на земскій соборъ трехъ поповъ, тринадцать посадскихъ, двухъ стрѣльцовъ и одного дьяка, всего 19 человѣкъ, кромѣ выборныхъ отъ дворянъ, о которыхъ нѣтъ извѣстій. О другихъ городахъ пока не существуетъ подобныхъ свѣдѣній, но если допустить, что всѣ пятьдесятъ городовъ послали для царскаго избранія такое количество выборныхъ, какое просило прислать московское правительство, то-есть по десяти человѣкъ, то число однихъ провинціальныхъ представителей на соборѣ должно полагать въ пятьсотъ, а весь составъ собора съ московскими столичными чинами—въ семьсотъ человѣкъ. Какъ ни гадательны всѣ подобныя соображенія, они все-таки ведутъ къ тому вѣроятному, даже безспорному общему заключенію, что соборъ 1613 года былъ люденъ и сравнительно съ другими соборами полонъ, какъ по числу представленныхъ мѣстностей, такъ и по разнообразію вошедшихъ въ него сословныхъ группъ. Можно сказать, что не одни казаки, какъ говорили въ Литвѣ, а всѣ слои свободнаго населенія участвовали въ великомъ государственномъ и земскомъ дѣлѣ царскаго «обиранья» [248].

Очень извѣстенъ тотъ небольшой запасъ фактическаго матеріала, какимъ можетъ располагать историкъ для изученія избирательной дѣятельности собора 1613 года. Здѣсь нѣтъ необходимости его пересказывать и послѣ многихъ и обстоятельныхъ изслѣдованій вновь подвергать критическому разбору. Достаточно указать лишь въ главнѣйшихъ чертахъ ходъ избирательной мысли. Первымъ общимъ рѣшеніемъ собора было рѣшеніе не избирать на престолъ иностранца. Отвергнуты были и нареченный царь московскій Владиславъ и шведскій королевичъ — «за ихъ многія неправды». На очередь стали «великіе роды» московскаго корня, и «бысть по многіе дни собраніе людемъ, дѣла же толикія вещи утвердити не возмогутъ», по осторожному выраженію князя Катырева. Дѣйствительно, трудно было рѣшить, который изъ «великихъ родовъ» могъ бы превратиться въ династію. Мы помнимъ группировку боярскихъ семей и ихъ судьбу. Сторона «княжатъ», какъ мы ихъ называли,

была вовсе разбита Смутою. Ея руководители, Шуйскіе и В. В. Голицынъ, были за предѣлами государства, въ плѣну у короля. Мстиславскій и И. С. Куракинъ были скомпрометированы близостью къ полякамъ. Одинъ Воротынскій могъ считаться страдальцемъ за народное дѣло, потому что, сидя въ осажденной Москвѣ, подвергался гоненію отъ польской власти и измѣнниковъ. Но онъ не былъ на виду въ средѣ главенствовавшихъ княжатъ, уступая первенство, служебное и родословное, Мстиславскому и Шуйскимъ. Остальные княжата уступали и Воротынскому; изъ нихъ былъ замѣтенъ только младшій Голицынъ, Иванъ Васильевичъ, котораго нельзя было, конечно, возвести на престолъ мимо старшаго брата, бывшаго въ Литвѣ. Послѣ польскаго господства въ Москвѣ сторона княжатъ такимъ образомъ лишилась своихъ «столповъ» и потеряла положеніе у власти. Не въ лучшемъ положеніи была и другая сторона боярства. Не говоря уже о Годуновскомъ родѣ, который совершенно упалъ послѣ гибели Бориса, и о Шереметевыхъ, которые разбрелись по всѣмъ лагерямъ и партіямъ, даже Романовы переживали тяжелую пору. Глава ихъ Филаретъ былъ съ Голицынымъ въ плѣну; его братъ Иванъ сидѣлъ съ поляками въ Москвѣ; а сынъ, выпущенный изъ Кремлевской осады, укрылся съ матерью и съ ея роднею, Салтыковыми старшаго колѣна, въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Вся семья Романовыхъ имѣла видъ гонимой и угнетенной, а ихъ родственный кругъ, князья Черкаскіе, Сицкіе, Лыковъ, разбились по разнымъ станамъ, какъ и княжата. Романовскій кругъ потерялъ своего главу и свое единство. Изъ среды боярства поэтому нельзя было ждать никакой попытки овладѣть настроеніемъ земскаго собора или захватить въ свои руки политическую инициативу. Боярство, «князь Ѳ. И. Мстиславскій съ товарыщи», даже не было на первыхъ засѣданіяхъ собора. За то на смѣну ему жизнь создала новые авторитеты. Пожарскій, Трубецкой и другіе «начальники» земскихъ и казачьихъ полковъ замѣнили собою старыхъ «бояръ» въ опустошенномъ Кремлѣ. На мѣсто «думы» тамъ сталъ ратный совѣтъ. Естественною въ то время была мысль, что кандидатами на царство могутъ быть не только старые думцы, но и новые «начальники». Есть свидѣтельства, что такая мысль была тогда въ ходу. Неизвѣстно, думали ли такъ сами «начальники»; но не подлежитъ сомнѣнію, что главные изъ нихъ, особенно же Пожарскій, принадлежали къ сторонѣ княжатъ и не могли искать кандидатовъ на царство за предѣлами Рюрикова или Гедиминова рода. Ихъ вліяніе на соборъ должно было дѣйствовать именно въ такомъ направленіи [249].

Итакъ, хотя кругъ кандидатовъ на царство былъ довольно широкъ, однако отыскать въ немъ подходящее лицо было трудно. Виднѣйшіе люди были далеко, а тѣ, которые были подъ руками, не

женіемъ того двусторонняго кризиса, который переживало Московское государство въ XVI вѣкѣ. Политическая сторона этого кризиса имѣла видъ борьбы между верховною властью и родовой аристократіею. Борьба привела еще до Смуты къ полному разгрому княжескаго боярства и къ образованію дворцовой знати. Въ первомъ періодѣ Смуты новая дворцовая знать сама истощила свои силы въ борьбѣ за престолъ и стала жертвою внутренняго междоусобія. Паденіе виднѣйшихъ семей дворцоваго круга дало возможность остаткамъ родовой знати съ Шуйскими во главѣ снова стать у власти съ явною реакціонною программою. Но несочувствіе общества и рядъ возстаній ниспровергли олигархическое правительство княжатъ. Тогда, въ видѣ компромисса между родовою знатью и знатью позднѣйшей формаціи, создавъ былъ проектъ уніи съ Рѣчью Посполитою, по которому власть должна была принадлежать думѣ подъ главенствомъ государя изъ дома Вазы. Но этотъ проектъ повелъ къ полному паденію боярскаго правительственнаго класса. Раздавленное Сигизмундомъ и его «вѣрниками», боярство больше не поднималось, и новая династія XVII вѣка по своему усмотрѣнію, искусственно и безъ внѣшнихъ стѣсненій, могла образовать свой собственный правительственный классъ на почвѣ бюрократической выслуги и дворцоваго фаворитизма. Это было одно изъ видныхъ послѣдствій Смуты.

Другая сторона кризиса XVI вѣка представляла собою очень сложный процессъ борьбы за землю и рабочія руки. Правительственная практика и житейскія отношенія связывали право землевладѣнія съ правомъ на крѣпостной трудъ. Недовольство закрѣпощаемой трудовой массы выразилось, въ центрѣ и на окраинахъ государства, усиленнымъ выходомъ крѣпостныхъ на новыя земли и въ казачество. Выселеніе повело за собою попытки, со стороны власти и землевладѣльцевъ, регулировать выходъ и задерживать населеніе за владѣльцами. Но эти попытки только ссорили между собою представителей мелкаго и крупнаго, тарханнаго, землевладѣнія и обостряли вражду крѣпостного люда къ угнетавшему его общественному порядку. Выходя на Поле и сбираясь въ казачьи станицы, или же снова попадая на новой осѣдлости въ постылую зависимость, «боярскіе люди» готовы были силою дѣйствовать противъ государства. Они воспользовались движеніемъ перваго Самозванца и поддержали его, а затѣмъ вторично пошли за Болотниковымъ на Москву уже съ открытымъ желаніемъ общественнаго переворота. Оказавшись слабѣе того порядка, на который возстали, «воры» казаки и холопи понесли пораженіе отъ Шуйскаго; но немедля снова пришли подъ Москву съ Тушинскимъ Воромъ. Новая неудача заставила ихъ стать подъ одни знамена съ земскими людьми для борьбы съ иноземнымъ игомъ. Въ общемъ станѣ подъ Москвою

имъ впервые удалось одолѣть служилыхъ людей, овладѣть правительственнымъ положенiемъ и стать властью въ странѣ. Но это самое торжество «воровъ» вызвало дружный отпоръ земщины, начавшей немедля прямую войну съ казаками и побѣдившей ихъ. Стѣсненные Пожарскимъ, подмосковные казаки раздѣлились: часть ихъ вступила на земскую службу въ прямое подчиненiе земской власти, а часть ушла изъ государства. Ея предводитель Заруцкiй мечталъ объ основанiи своего государства на Каспiѣ, завелъ сношенiя съ кочевниками и съ Персiей, думалъ организовать казачество на Полѣ, на казачьихъ рѣкахъ. Но десятилѣтняя борьба казачества съ государствомъ уже всѣмъ показала, что казакамъ съ нимъ не сладить. Хорошiй наблюдатель событiй, знакомый намъ И. Масса, въ августѣ 1614 года писалъ на родину о Заруцкомъ: «я твердо увѣренъ, что ранѣе двухъ мѣсяцевъ будетъ ему конецъ». Побѣду М. Ѳ. Романова надъ казаками Масса называлъ «одною изъ главнѣйшихъ побѣдъ царя». Такъ думали всѣ. Донское казачество не пристало къ Заруцкому; оно предпочло мирныя сношенiя съ Москвою новымъ рискованнымъ предпрiятiямъ противъ Москвы, и у государства съ казачествомъ понемногу установился своеобразный порядокъ отношенiй, не то прямого подданства, не то политическаго протектората. Въ этомъ заключалось важное послѣдствiе земскихъ побѣдъ 1612 года [252].

Итакъ, въ Смутѣ уничтожилось старое боярство и было поражено казачество. Верхъ и низъ московскаго общества проиграли игру, а выиграли ее среднiе общественные слои. Ихъ ополченiе овладѣло Москвою; ихъ «начальники» правили страною до царскаго избранiя; ими же, наконецъ, былъ избранъ царь Михаилъ. Передъ Смутою и въ ея началѣ еще жива была память о боярахъ «государяхъ» Русской земли, которые шли отъ «великихъ и удѣльныхъ князей» и посужались только «великимъ государемъ» московскимъ. Они были господствующимъ классомъ въ обществѣ и сообщали обществу аристократическiй оттѣнокъ. Съ ними боролся Грозный. Онъ разгромилъ ихъ, но не могъ истребить ихъ памяти, и новая, созданная Грознымъ знать тянулась подражать во всемъ, кромѣ политическихъ тенденцiй, тѣмъ же «государямъ». Она усвоивала формы ихъ княжескаго землевладѣльческаго быта и готова была унаслѣдовать ихъ гордость и заботливость объ «отечествѣ» и «чести». Смута смела всѣ эти аристократическiе пережитки и выдвинула впередъ простого дворянина и «лучшаго» посадскаго человѣка. Они стали дѣйствительною силою въ обществѣ на мѣсто разбитаго боярства. Произошла, словомъ, смѣна господствующаго класса, и исчезли послѣднiе остатки стараго соцiальнаго режима.

Такъ опредѣляется основной фактъ нашей общественной исторiи начала XVII вѣка. Въ немъ находитъ свое объясненiе внутрен-

няя политика новой династіи въ первое время послѣ Смуты. Созданная средними слоями населенія на ихъ земскомъ соборѣ и даже въ отсутствіи бояръ седмочисленной думы, новая династія была тѣсно связана съ избравшею ее средою и дѣйствовала съ ея постоянною поддержкой. Царь и земскій соборъ составляли единое и вполнѣ согласное правительство, главною заботой котораго было поддержать и укрѣпить возстановленный государственный порядокъ. Обѣ силы дорожили одна другою: соборъ былъ единственною опорою власти, дѣйствовавшей въ разстроенномъ государствѣ, а царь былъ внѣшнимъ символомъ народной независимости и порядка. Не соборъ стремился раздѣлить съ властью ея прерогативы, а царь желалъ раздѣлить съ соборомъ тяжелое бремя управленія и отвѣтственность за возможныя неудачи [253]. Къ полной солидарности власть и ея совѣтъ приводились сознаніемъ общей пользы и взаимной зависимости. Поэтому политика правительства царя Михаила совпадала съ стремленіями земскаго собора, служившаго органомъ господствовавшихъ въ странѣ классовъ. Она была холодна къ интересамъ старой родословной знати. Даже Пожарскій, клонившій свои симпатіи къ этой знати, не былъ, несмотря на свои исключительныя заслуги, хорошо поставленъ въ Кремлевскомъ дворцѣ: его выдали головою Борису Салтыкову всего черезъ годъ послѣ освобожденія имъ Москвы. А перворазрядныя княжескія фамиліи изъ уцѣлѣвшихъ послѣ Смуты, напримѣръ, Голицыны и Куракины, до конца XVII вѣка сошли съ перваго плана придворной жизни. Гораздо внимательнѣе относилась новая династія къ простому служилому классу. Его землевладѣніе было одною изъ самыхъ большихъ заботъ правительства. Уже 5-го іюня 1613 года новый царь слушалъ указы Ивана Грознаго объ ограниченіи права распоряженія вотчинами и возстановилъ ихъ силу: «впередъ боярамъ и дьякомъ Помѣстнаго приказу велѣлъ о княженецкихъ и о монастырскихъ вотчинахъ дѣлати по прежнему указу царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русіи» [254]. Такимъ образомъ на земельныя операціи тарханныхъ владѣльцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, правительство по-прежнему налагало свою руку. Простымъ же служилымъ людямъ въ ихъ хозяйственной нуждѣ правительство шло навстрѣчу. Оно устраивало ихъ на помѣстьяхъ и, по ихъ челобитьямъ, крѣпило за ними крестьянъ, обѣщая полную отмѣну знаменитыхъ «урочныхъ лѣтъ». Крѣпостной трудъ, безъ котораго не умѣли жить землевладѣльцы, правительство признавало, какъ и они, непремѣннымъ условіемъ земельнаго хозяйства служилаго человѣка. Въ жертву потребностямъ этого хозяйства и приносилась гражданская независимость сельскаго работника. За то въ другихъ своихъ слояхъ, на земляхъ черныхъ и дворцовыхъ, тяглое сословіе «торговыхъ», «посадскихъ» и «уѣздныхъ» людей

пользовалось большимъ правительственнымъ вниманіемъ. Правительство не разъ высказывало свое пожеланіе, чтобы всѣ эти люди отъ бѣдъ и скорбей своихъ «поразживались». Всѣми подобными мѣропріятіями, взглядами, пожеланіями правительство въ сущности давало отвѣтъ на то, что говорили ему его избиратели въ своихъ челобитьяхъ и въ рѣчахъ на земскихъ соборахъ.

Но были и такія послѣдствія Смуты, которыя осложняли положеніе новаго правительства и мѣшали ему работать согласно съ желаніями его подданныхъ. Это—политическія отношенія Московскаго государства къ его сосѣдямъ, образованныя неудачами Смутнаго времени. Нельзя было оставлять за шведами Новгородъ, за Сигизмундомъ Смоленскъ, за Владиславомъ титулъ государя московскаго. Неизбѣжныя войны требовали большой траты силъ и денегъ. Служба ложилась тяжело на служилыхъ людей и они роптали на ея напряженность и неравномѣрное распредѣленіе служебныхъ тяготъ между отдѣльными служилыми людьми. Платежи истощали послѣднія средства тяглыхъ міровъ, и тяглые люди роптали на тяжесть тягла, на неравномѣрное распредѣленіе податнаго бремени, наконецъ, на угнетающую конкуренцію иностранныхъ капиталовъ, допущенныхъ на московскіе рынки правительствомъ. Выходило такъ, что, будучи вѣрно серединнымъ слоямъ населенія, которые его избрали и поддерживали, московское правительство все-таки не удовлетворяло ихъ и вызывало откровенныя жалобы на тягость жизни и на его собственную дѣятельность. Когда при царѣ Алексѣ отъ жалобъ народная масса перешла кое-гдѣ къ открытому ропоту и волненіямъ, правительство поставило земскому собору 1648 года общій вопросъ объ улучшеніи житейскихъ условій путемъ упорядоченія законодательства. На земскомъ соборѣ и сказалось еще разъ, кому въ то время въ государствѣ принадлежало преобладаніе силы и вліянія. Не казачество и «боярскіе люди», не старая знать, не тарханные землевладѣльцы изъ духовенства и высшаго чиновничества, а опять-таки средніе слои общества, сильные соборною организаціею, дали направленіе общественнымъ реформамъ Уложенія 1648—1649 гг. Насколько это Уложеніе вышло за предѣлы простой кодификаціи, настолько оно было работою земскихъ представителей служилаго и тяглаго класса. Служилые люди добились уничтоженія урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ, запрещенія духовенству пріобрѣтать вотчины, уничтоженія судебныхъ льготъ духовенства. Тяглые люди достигли закрытія посадовъ, возвращенія въ тягло закладчиковъ, конфискаціи частновладѣльческихъ слободъ на городскихъ земляхъ, уничтоженія иностраннаго торга внутри страны. Право челобитій сослужило добрую службу тѣмъ, кто умѣлъ имъ во-время воспользоваться.

Въ 1648—1649 годахъ, стало быть, мы видимъ такое же торжество середины московскаго общества надъ его верхомъ и низомъ, какъ и въ 1613 году. Но времена за 35 лѣтъ перемѣнились. Если низшіе слои населенія по-прежнему не могли, даже и позже, въ Разинское время, низвергнуть крѣпостной порядокъ, то въ высшихъ слояхъ общества къ серединѣ XVII вѣка успѣла окрѣпнуть новая сила—знать дворца и приказа. Она оцѣнила значеніе событій, совершившихся на земскомъ соборѣ 1648 года и настоящій характеръ реформъ Уложенія. Организація общественной середины на земскихъ соборахъ ей казалась опасною для правительственнаго авторитета, и она постаралась упразднить эту организацію. Не даромъ Никонъ, соединявшій въ себѣ авторитетъ пастыря съ вліяніемъ временщика, писалъ о соборѣ 1648 года, что онъ «былъ не по воли, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей». Со вступленіемъ Никона въ соправительство съ царемъ, земскіе соборы исчезли изъ Московскаго обихода. Напрасно московскіе горожане въ 1662—1663 годахъ, когда отъ нихъ требовалось мнѣніе объ общемъ земскомъ дѣлѣ, просили о созваніи земскаго собора и говорили такія рѣчи: «о томъ у великого государя милости просимъ, чтобъ пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изъ всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по пяти человѣкъ; а безъ нихъ намъ однимъ того великого дѣла на мѣрѣ поставить не возможно». Государь на это ничего не указалъ [255].

Опиравшаяся до тѣхъ поръ на средніе классы общества и ими даже созданная власть искала для себя иной опоры. Но это—уже другая тема.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1 (къ стр. 8). П. Н. Милюковъ, «Государств. хозяйство Россіи и реформа Петра В.». Спб. 1892 г., § 22.—В. О. Ключевскій, «Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ» (изъ Московскихъ Университетскихъ Извѣстій, № 7, 1867 г.), стр. 6—7, 34 и др. — А. Я. Ефименко, «Изслѣдованія народной жизни», I. М. 1884, стр. 267.—Досиѳей, «Описаніе Соловецкаго монастыря». М. 1836, I, стр. 81 и слѣд.; III, стр. 25 и слѣд.—А. А. Э., I, №№ 268, 299, 300, 309, 310, 312, 323, 347, 351, 352, 353, 355, 359; II, № 30.—А. И., I, № 141. Д. къ А. И., I, №№ 58, 134, 140, 223.—Сборникъ грамотъ Соловецкаго монастыря въ библіотекѣ Казанской Дух. Академіи, № 18, грамоты №№ 48, 49, 52, 61, 64, 66, 72, 94, 113, 115, 120.—Неволинъ, «О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ». Спб. 1853, приложеніе VI, стр. 166—169.—«Русская церковь въ сѣверномъ Поморьѣ» въ Правосл. Собесѣдникѣ 1860 г. (двѣ статьи, особенно вторая).—Е. К. Огородниковъ, «Очеркъ исторіи города Архангельска». Спб. 1890, глава II.—Его же, «Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей съ ихъ притоками по книгѣ Большого Чертежа». Спб. 1875 (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, т. VII). — Его же, «Мурманскій и Терскій берегъ по книгѣ Большого Чертежа». Спб. 1869 (тѣ же Записки, т. II).

2 (къ стр. 10). Д. къ А. И., I, № 154 (А. А. Э., I, № 93 и № 94, III).—А. И., II, № 72.—А. А. Э., I, № 204.—Гамель, «Англичане въ Россіи въ XVI и XVII ст.». Спб. 1869, стр. 39—40, 190—197.—Костомаровъ, «Очеркъ торговли Московск. государства». Спб. 1889, стр. 71, 88.—А. И., II, № 30.—Ефименко, о. с., стр. 203.—Гамель, стр. 211, 218.—Д. къ А. И., III, № 19.—Е. Е. Замысловскій, «Герберштейнъ». Спб. 1884, стр. 149.—В. О. Ключевскій, «Сказанія иностранцевъ о Моск. государствѣ». М. 1866, стр. 241.—Костомаровъ, о. с., стр. 71—72.—Огородниковъ, о. с., главы IV—VI.—Чтенія М. О. И. и Др. 1884, IV, «Извѣстія англичанъ», стр. 92.—А. А. Э., I, № 338.

3 (къ стр. 12). «Исторія г. Соли Вычегодской», сочиненная А. Соскинымъ въ 1789 г. (изъ Вологодск. Епарх. Вѣд.). Вологда, 1881—1882, стр. 32—33 и 50—52.—Дмитріевъ, Пермская Старина, I, стр. 41.—Русск. Ист. Библ., II,

стр. 116, 119, 120.—Доп. А. И., IV, № 127.—«Устюгъ Великій. Матеріалы для исторіи города». М. 1883, стр. 2, 10, 19 и слѣд.—Кильбургеръ, «Краткое извѣстіе о русской торговлѣ». Спб. 1820, стр. 33, 36, 39, 58.—Костомаровъ, «Очеркъ торговли», стр. 8—9, 212, 250, 257, 273, 288.—А. А. Э., I, №№ 233, 234, 361; II, № 25; III, № 112.—Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1853, октябрь, Смѣсь, стр. 32—34.—А. Ю., № 209, IX—XII.—Доп. А. И., III, № 27.—Чтенія М. Общ. Ист. и Др., 1884, IV, «Извѣстія англичанъ», стр. 30, и Костомаровъ, о. с., стр. 211, 259, 316.—П. И. Савваитовъ, «Описаніе Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря». Спб. 1850, стр. 6, 39, 51—52.

4 (къ стр. 13). Гамель, «Англичане въ Россіи», стр. 109.—А. Ильинскій, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1876, іюнь, стр. 261—265. — Костомаровъ, «Очеркъ торговли», стр. 113.—Собр. Г. Г. и Д., II, № 69.—А. И., I, №№ 141, 152.—Н. Д. Чечулинъ, «Города Моск. государства». Спб. 1889, стр. 42, 49, 51.—А. Ильинскій, о. с., стр. 250—253, 262.—Никитскій, «Очерки экономич. быта Великаго Новгорода», стр. 90.—Неволинъ, «О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ», стр. 228—229 и приложеніе VI.—Доп. А. И., т. III, № 64, стр. 230—231; т. VIII, стр. 135.—Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 181, стр. 116 (перечень Лопскихъ погостовъ въ примѣч. 2-мъ), и Русск. Ист. Библ., II, № 119 и № 120.

5 (къ стр. 16). «Вятка. Матеріалы для исторіи города». М. 1887, стр. 6—7.—Древніе акты, относящіеся до исторіи Вятскаго края. Вятка. 1881.—Доп. А. И., VIII, стр. 133; XII, № 14.—Русск. Ист. Библ., II, стр. 127, и А. Э., II, № 101.—А. А. Спицынъ. Статьи о Вятскомъ краѣ, извлеченныя изъ мѣстныхъ изданій: а) Вятская Старина, 1885; б) «Земля и люди на Вяткѣ въ XVII ст.», 1886; в) «Подати, сборы и повинности на Вяткѣ въ XVII ст.», 1887; г) I. «Мѣстное и областное управленіе на Вяткѣ до XVIII в.». II. «Къ исторіи Вятскихъ инородцевъ», 1888; д) «Оброчныя земли на Вяткѣ въ XVII в.», 1892.—И. Н. Смирновъ, «Вотяки». Казань, 1890.—А. Э., II, № 124. — Доп. А. И., I, № 117—.120 — А. Дмитріевъ, Пермская Старина, I—IV.—С. А. Адріановъ. Рецензія на трудъ г. Дмитріева (изъ «Отчета о 37-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ), съ цѣнными картами Пермскаго края. Спб. 1896. — Устряловъ, «Именитые люди Строгановы». Спб. 1842. — И. Н. Смирновъ, «Пермяки». Казань, 1891. — Шишонко, «Пермская лѣтопись», I. Пермь, 1881. — Записки Имп. Русск. Арх. Общества, т. VIII, вып. 1 и 2, стр. 59.

6 (къ стр. 22). «Книга Большому Чертежу», изд. Языкова, стр. 207—208. — А. Э., I, № 167. — Е. Е. Замысловскій, «Герберштейнъ», стр. 465 и 466. — Спицынъ, «Подати, сборы и повинности на Вяткѣ», стр. 6. — Русск.

Ист. Библ., XIII, стр. 254—255.—И. Масса (въ изд. Археограф. Коммиссіи), стр. 256. — В. О. Ключевскій, «Сказанія иностранцевъ о Моск. государствѣ», стр. 240.—Чтенія М. О. Ист. и Др., 1884, IV, «Извѣстія англичанъ», стр. 93. — А. Е. Мерцаловъ, Вологодская Старина. Спб. 1889, стр. 37 — 39, 56—59 (сравн. Доп. А. И., VIII, стр. 134).—Слич. Доп. А. И., VIII, стр. 128; Описаніе док. и бумагъ арх. Мин. Юст., IV, Обозрѣніе ист.-геогр. матеріаловъ Н. Н. Оглоблина, стр. 405 и 488; Соловьевъ, «Ист. Россіи», т. XIII, прилож. 1, § 12, и т. IX, изд. 1893 г., стр. 1136—1337.—Сборникъ кн. Хилкова, стр. 15, 20.—Костомаровъ, «Очеркъ торговли», стр. 90—91 и др.

7 (къ стр. 24). Соловьевъ, «Ист. Россіи», т. I, гл. 1, и т. IV, гл. 3.— «Книга Больш. Чертежу», изд. Языкова, стр. 140.—Флетчеръ, глава IV; «Сэра Т. Смита Путешествіе». Спб. 1893, стр. 24 и 25; «Чтенія», 1884 г., IV, стр. 2.— Устряловъ, «Сказанія о Д. Самозванцѣ», II (изд. 3-е), стр. 180.—Н. Н. Оглоблинъ, о. с., стр. 213—214 и 405.—Доп. А. И., IX, стр. 223.—Костомаровъ, «Очеркъ торговли», стр. 10, 221, 232, 250, 253, 311, 314 и др.—«Ростовъ. Матеріалы для исторіи города». М. 1884, стр. 36, 1 — 5, 19 — 38; также: Дозорныя и переписныя книги древняго города Ростова, изд. А. А. Титова. М. 1880, и Приложеніе къ XI тому Русск. Ист. Библіотеки. Спб. 1889.— Доп. А. И., IX, стр. 223 и № 12. — «Переяславль-Залѣсскій. Матеріалы для исторіи города». М. 1884, стр. 4.—Доп. А. И., III, стр. 520; т. IX, стр. 222; слич. А. Э., I, №№ 143 и 261.

8 (къ стр. 27). А. Э., I, № 324; III, № 170.—Городскія поселенія Росс. Имперіи, V, стр. 471.—Сборникъ кн. Хилкова, стр. 40.—А. Э., I, № 262, № 263.—Н. Д. Чечулинъ, «Города Моск. государства», стр. 68—78.—Карамзинъ, IV, прим. 323.—М. Н. Бережковъ, «Старый Холопій городокъ на Мологѣ и его ярмарка» въ Трудахъ VII Археол. Съѣзда, т. I, стр. 40—48 и 53.— Е. Е. Замысловскій, «Герберштейнъ», стр. 464.—А. Э., III, № 314.—А. И., I, № 174, IV.—А. Э., II, № 206; сравн. Доп. А. И., XI, стр. 286—287.—А. Э., I, №№ 134, 230. — Доп. А. И., XI, № 23, стр. 77 и 281; III, № 89; VIII, № 97. — Доп. А. И., VIII, стр. 128; XI, стр. 287. — Русск. Ист. Библ., II, № 40.—А. И., I, № 163; III, № 61 и др.—А. Э., II, № 22.—Доп. А. И., I, № 229.—А. Э., II, № 91; А. И., II, № 177.—Оглоблинъ, о. с., стр. 405.— Самаряновъ, «Городъ Галичъ Костр. губ. въ началѣ XVII в.» (сравн. Описаніе докум. и бумагъ Арх. М. Юст., I, стр. 39 — 40, № 392). — Владимірскія Губ. Вѣдом. 1851 г., № 42. — Доп. А. И., VIII, стр. 136; IX, стр. 225.— А. И., II, стр. 205.

9 (къ стр. 31). Крживоблоцкій, «Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Костромская губ.». Спб. 1861, стр. 578.—Доп. А. И., VIII, стр. 128

(сравн. у Оглоблина, о. с., стр. 405). — Доп. А. И., III, стр. 474—475. — Костомаровъ, «Очеркъ торговли», стр. 22, 72, 75, 91, 93, 113, 186.—А. Э., I, № 262.—Доп. А. И., VIII, стр. 126.—Писцовая и переписная книги XVII вѣка по Нижнему-Новгороду, изд. Археогр. Коммиссіи. Спб. 1896, стр. 193, 187—196, 281—284.—Костомаровъ, о. с., стр. 113—118 и др.—Тихомировъ К., Владимірскій Сборникъ. М. 1857, стр. 27.—Списки насел. мѣстъ Владимірской губ., стр. LL—L.—Чтенія Имп. Общ. Ист. и Др. 1896, III, Смѣсь, стр. 10.—А. Лаппо-Данилевскій, «Организація прямого обложенія», стр. 165—166.—Оглоблинъ, о. с., стр. 488.—Владимірск. Губ. Вѣд., 1843, №№ 25 и 26; 1857 г., №№ 12—19; 1854 г., №№ 35—37; 1845 г., № 25. — Доп. А. И., III, стр. 520 — 521; VIII, стр. 136. — Борисовъ, «Описаніе г. Шуи». М. 1851, стр. 343—344. — «Книга Больш. Чертежу», стр. 133. — Владимірскій Сборникъ, стр. 58—59, 108, 179.—Списки насел. мѣстъ Влад. губ., стр. XXXVIII.

10 (къ стр. 33). Е. Е. Замысловскій, «Герберштейнъ», стр. 192—193.—Сотная Дмитрова во Временникѣ М. О. Ист. и Др., XXIV. — Костомаровъ, «Очеркъ торговли», стр. 5, 6, 111. — «Герберштейнъ», въ переводѣ И. Н. Анонимова, стр. 117—118.—А. Э., I, стр. 309, 138; III, стр. 162.—Никон. Лѣтопись, VII, стр. 202—203.—«Сказанія кн. Курбскаго», изд. 3-е, стр. 37, 41.—Доп. А. И., IX, стр. 225; X, стр. 123.—Оглоблинъ, о. с., стр. 488.—Труды Ярославской губ. архивн. коммиссіи, I. М. 1890, стр. 98, 124—126; стр. 64 и слѣд.—«Городъ Угличъ въ XVII в.», изд. проф. Липинскаго, стр. 144; слич. «Угличъ. Матеріалы для исторіи города». М. 1887. — Доп. А. И., III, стр. 518 и 520; VIII, стр. 136. — Городскія поселенія въ Росс. имперіи, т. V, ч. 1, стр. 91—92 (сравн. Попова, «Замѣтки о Бѣжецкомъ Верхѣ» въ Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1881, III, стр. 27—28).—В. Н. Сторожевъ, «Дозорная книга г. Твери 1616 г.». Тверь. 1890. — Доп. А. И., VIII, стр. 128; IX, стр. 311 и 312.—Оглоблинъ, о. с., стр. 488.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 594—595.

11 (къ стр. 38). Русск. Ист. Библіотека, I, стр. 151.—А. И., II, стр. 299.—П. П. Семеновъ, «Геогр.-статист. словарь», т. II, Кашира.—Н. Д. Чечулинъ, «Города Моск. государства», стр. 261—262. — Писцовыя книги, изд. Калачова, II, 1305.—Полн. Собр. Лѣт., VII, стр. 222. —Никон. Лѣт., VII, стр. 231.—П. Симсонъ, «Исторія Серпухова». М. 1880, стр. 95—96, 328, 334.—Н. Д. Чечулинъ, о. с., стр. 173, 162, 189, 157—159, 179—180. — Писцовыя книги Калачова, I, 612. — Можайскіе акты. 1506—1775. Спб. 1892, стр. 5.—Е. Е. Замысловскій, «Герберштейнъ», стр. 474—475, прим. 43.—«Боровскъ. Матеріалы для исторіи города». М. 1888, стр. 2, 10.—«Малоярославецъ. Матеріалы для исторіи города». М. 1884, стр. 1, 2.—Русск. Ист.

Библ., I, стр. 199, 538. — Акты Моск. Гос., I, №№ 642, 643, 671. — Доп. А. И., VIII, стр. 127, 135; IX, стр. 228—229.—Н. П. Загоскинъ, «Архивъ кн. Баюшева», предисловіе.—«Сказанія кн. Курбскаго», изд. 3-е, стр. 14.— Никон. Лѣт., VII, 144. — Царств. книга, 252—253. — Москвитянинъ, 1852, № 22—23, отд. VII, статья Терещенка, стр. 65.—Акты Юр., № 229, стр. 248, 251.—К. Тихонравовъ, Владимірскій Сборникъ, стр. 144—150.

12 (къ стр. 45). Н. Д. Чечулинъ, «Города Моск. государства», стр. 326, 317.—Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 269, стр. 150—153.—В. О. Ключевскій, «Боярская дума», изд. 2-е, стр. 288.—С. В. Рождественскій. Статьи въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 299, стр. 70—83, и въ Запискахъ Имп. Археол. Общества, т. VIII, вып. 1 и 2, стр. 1—17. — В. Н. Сторожевъ, «Указная книга Помѣстнаго приказа». М. 1889, стр. 76, 77, 188—189.—Акты Моск. Гос., I, № 26.—Н. П. Лихачевъ, «Боярскій списокъ 1611 года» (Сборникъ Археолог. Института, VI).—Чтенія Имп. Общ. Ист. и Др., 1895 г. I, «Докладная выписка о помѣстьяхъ и вотчинахъ 1613 года». — Описаніе документовъ и бумагъ Архива М. Юстиціи, кн. VII. «Опись десятенъ», стр. 116—118.— А. Лаппо-Данилевскій, «Организація прямого обложенія», стр. 92.—С. В. Рождественскій, «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ въ XVI в.». Спб. 1897, главы I и II.

13 (къ стр. 50). Ильинскій. Статья въ Журн. М. Н. Пр. 1876, іюнь, стр. 267 и др. — Русск. Ист. Библ., II, стр. 796—797. — «Сборникъ матеріаловъ по русск. исторіи начала XVII в.», И. М. Болдакова. Спб. 1896, стр. 35—39.—Ильинскій, о. с., стр. 271; Никитскій, «Ист. экон. быта Вел. Новгорода», стр. 92, 106, 107; М. Н. Бережковъ, «О торговлѣ Новгорода съ Ганзою», стр. 155. Русск. Ист. Сборникъ Погодина, т. I, статья Ходаковскаго, § 33, стр. 33. — Бѣляевъ, «Разсказы изъ русской исторіи», т. II, стр. 27.—А. Э., I, № 205; Н. Д. Чечулинъ, о. с., стр. 50—52; Ильинскій, о. с., стр 215; его же статья въ Историч. Обозрѣніи, IX, стр. 139—145, 238—242. Новгородскія лѣтописи. Спб. 1879, стр. 351. — Гейденштейна Записки. изд. 1889 г., стр. 171—172. — Ильинскій, о. с., сличи стр. 216—217, 231—232, 243—244.—Доп. А. И., III, стр. 517; VIII, стр. 135; IX, стр. 313.— Никитскій, о. с., стр. 208.

14 (къ стр. 52). Adelung, «Uebersicht der Reisenden in Russland», I, S. 376.—Флетчеръ, глава III, § 8. — Г. В. Форстенъ, «Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII ст.» (Спб. 1893), т. I, стр. 522—524.—А. Э., I, № 282, стр. 322. — Полн. Собр. Р. Лѣт., IV, стр. 282. — Н. Д. Чечулинъ, о. с., стр. 127—137.—Костомаровъ, «Ист. монографіи и изсл.», VIII, изд. 1886 г.,

стр. 74—78.—Н. Д. Чечулинъ, о. с., стр. 107—108, 123, 114.—Гейденштейна Записки, изд. 1889 г., стр. 171.

15 (къ стр. 58). Гейденштейнъ, стр. 146—147, 180, 259.—«Зап. Имп. Русск. Археол. Общ.», т. IX, вып. 1 и 2, стр. 311.—«Герберштейнъ», въ переводѣ Анонимова, стр. 111.—Никон. Лѣт., VIII, стр. 100. — Е. Ф. Шмурло, «Извѣстія Дж. Тедальди». Спб. 1891, стр. 13.—С. П. Писаревъ, «Смоленскъ и его исторія», 1894, стр. 94—95.—Гейденштейнъ, стр. 124. Доп. А. И., V, № 15.—В. Г. Васильевскій, «Польская и нѣмецкая печать о войнахъ Баторія съ Іоанномъ IV» въ Журналѣ М. Н. Пр., 1889, февраль, стр. 360—362, и отдѣльно, стр. 51—53.—Гейденштейнъ, стр. LXXXII—LXXXIV, 62, 116, 118, 122.—П. Собр. Р. Лѣт., IV, 300—301; VI, 297, 300; VIII, 291.—Ник. Лѣт., VII, 10—11.—А. Э., I, № 289, стр. 340; № 365.—Соловецкій сборникъ грамотъ въ библіотекѣ Казанской Дух. Акад., № 18, актъ № 89.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 30—31, 45, 163.—Карамзинъ, IX, прим. 353, и ркп. Имп. Публ. Библ. F. IV. 597, л. 431—432.—В. О. Ключевскій, «Сказанія иностранцевъ», стр. 209—210.—Таннеръ въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др., 1891, III, стр. 31—32, 117.—Дѣла Польскія въ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, № 15, лл. 830—835 (также Чтенія М. О. Ист. и Др., 1861 г., I, статья Бантыша-Каменскаго «Переписка между Россіей и Польшею», стр. 9.—Костомаровъ, «Очеркъ торговли», стр. 248, 250, 259, 288, 318.—Гейденштейнъ, стр. 107, 141 (также Гіуланъ въ названной статьѣ В. Г. Васильевскаго въ Ж. М. Н. Пр., 1889, I, стр. 160, въ оттискѣ стр. 34). — Чтенія М. О. И и Др., 1895, III, Лѣтописецъ, стр. 169—172. — Русск. Ист. Библ., III, стр. 171—172. — Ник. Лѣт., VIII, стр. 145. — Городскія поселенія Росс. Имп., IV, стр. 283, 587—589. — Книги Разр., I, 1243.—Доп. А. И., VIII, стр. 128.—Гейденштейнъ, стр. 112, 146, 150, 119.—Археографическій Сборникъ, т. VII, Вильна, 1870, стр. 74.— О. Щукинъ, «Ист.-статист. очеркъ г. Торопца». Спб. 1892.—Н. Д. Чечулинъ, «Города Моск. гос.», стр. 60, 66—67.—Библіографъ, 1890, отд. I, стр. 103 (№ 9—10).—Устряловъ, «Сказанія современниковъ о Дим. Самозванцѣ», изд. 3-е, т. II, стр. 138 и 35. — Тектандеръ въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др., 1896, II, стр. 13.—Гейденштейнъ, стр. 106—107.—Писцовыя книги, изд. Калачовымъ, II, стр. 550—566.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 168, 176.

16 (къ стр. 61). М. К. Любавскій, «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Лит.-Русск. государства». М. 1892, стр. 47—56.—«Сказанія Массы и Геркмана», стр. 235, 243.—Доп. А. И., V, стр. 223—225.—Буссовъ въ «Сказаніяхъ современниковъ о Д. Самозванцѣ», I, стр. 83. — Рукопись Жолкѣвскаго, изд. 2-е, стр. 91.—С. Середонинъ, «Наказъ кн. М. И. Воротынскому и роспись полкамъ 1572 года» въ Запискахъ Имп. Р. Археол. Общ., т. VIII,

вып. 1 и 2, стр. 54—58. — Карамзинъ, VI, прим. 233. — «Книга Большому Чертежу», изд. Языкова, стр. 88—90, 121. — Извѣтъ старца Варлаама (въ любомъ изданіи): «наняли подводы до Болхова, а изъ Болхова до Карачева, изъ Карачева до Новагородка Сиверскаго».—Приправочная книга 124 года во Временникѣ М. О. И. и Др., XIII, стр. 1—3. — А. И., II, стр. 299. — Русск. Ист. Библ., I, стр. 151.—Иловайскій, Сочиненія. М. 1884, стр. 199.

17 (къ стр. 67). Ник. Лѣт., VIII, стр. 26. — «Книга Больш. Чертежу», изд. Языкова, стр. 4, 43, 108. — Акты Моск. Гос., стр. 9 и 24; 12 и 22; 11.—«Книга Большому Чертежу», стр. 83, 113; 87, 108.—Бѣляевъ, «О сторож., станичн. и полевой службѣ», стр. 60, § 6.—Д. И. Багалѣй, «Матеріалы», II, стр. 10; сравн. I, стр. 136.—Акты Моск. Гос., I, стр. 11 и 27; сравн. № 38.— Акты Моск. Гос., № 28, № 31; также см. стр. 9, 10, 24, 25.—«Городъ Ливны и Ливенскій уѣздъ», А. Артемьева. Спб. 1860 (изъ Ж. М. Вн. Д., ч. XL).— Д. Багалѣй, «Матеріалы», I, № 1 и 2; II, № 1.—Спеціальная карта Европ. Россіи (10 верстъ въ дюймѣ), изд. Военно-Топографич. Отдѣла Главнаго Штаба.— Костомаровъ, «Очеркъ торговли», стр. 138, 318. — Оглоблинъ, «Обозрѣніе ист.-географич. матеріаловъ», стр. 392—393.

18 (къ стр. 78). И. Н. Миклашевскій, «Къ исторіи хозяйственнаго быта Моск. государства». М. 1894, стр. 102, 107—108, 116—117, 208 и вообще три первыя главы (стр. 21—64, 64—101, 101—140).—Д. Багалѣй, Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. государства». М. 1887, стр. 108—135.—Его же, Разборъ труда И. Н. Миклашевскаго въ «Отчетѣ о 37-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова» (Спб., 1897, стр. 190—194, 208—221 и др.).—Маржеретъ въ «Сказ. современниковъ о Дим. Самозванцѣ», I, стр. 251.— Городскія поселенія Росс. имперіи, т. II, стр. 344. — Извѣстія Калужск. Архив. Коммиссіи, 1894, № 3, стр. 35—36.—Доп. А. И., III, стр. 513, 519 и № 27. «Тула. Матеріалы для исторіи города». М. 1884, стр. 1—2, 14—15.— Н. Д. Чечулинъ, «Города М. гос.», стр. 258—260, 265, 280 (сравн. 304), 288, 305.—В. Сторожевъ, Писцовыя книги Рязанскаго края, I. М. 1898, стр. 1—8, 42, 92—93, 157—159, 255—262, 371—373. — «Рязань. Матеріалы для исторіи города». М. 1884, стр. 1—5.—Н. Чечулинъ, о. с., стр. 289, 265.—«Зарайскъ. Матеріалы для исторіи города». М. 1883, стр. 1—2. Н. Чечулинъ, о. с., стр. 263—266.—И. Миклашевскій, о. с., стр. 95—96.—«Бѣлевъ. Матеріалы для исторіи города». М. 1885, стр. 3.—Писцовыя книги, изд. Калачова, II, стр. 1541, 1588—1595. — Н. Чечулинъ, о. с., стр. 260—263. — Доп. А. И., VIII, стр. 127, 135, 136; IX, стр. 247.—Статья И. И. Дитятина въ Русск. Мысли, 1883 г., XII, стр. 95, и Латкина «Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ». Спб. 1884, стр. 93, 106, 113.—Писцовыя книги Кала-

чова, II, стр. 1261 и слѣд., 1588 и слѣд.—Акты Моск. Гос., I, № 23, стр. 36.—С. В. Рождественскій, «Служилое землевладѣніе», стр. 214—215.—Писц. книги Калачова, II, 1260, и Указатель, стр. XXXII—XXXV.—И. Н. Миклашевскій, о. с., стр. 217—222, 266—272, и Д. Багалѣй, «Разборъ труда г. Миклашевскаго», стр. 188 (о десятинной пашнѣ).—Пискаревъ, «Древніе грамоты и акты Рязанскаго края». Спб. 1854, № 23.—Временникъ М. О. И. и Др., XIII, Приправочная Рязанская книга 124 года, стр. 1 и слѣд.—В. Н. Сторожевъ, «Десятни». М. 1891, стр. 248, 307, 312, 316, 317, 346, 355, 357, 358 (сравн. у И. Н. Миклашевскаго, стр. 78).— А. Палицынъ, въ изд. 1822 г., стр. 14, и Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 482.—А. И., I, № 154, стр. 271.

19 (къ стр. 86). «Сказанія кн. Курбскаго, изд. 3-е, стр. 34. — «Книга Больш. Чертежу», стр. 130, и Акты Моск. Гос., I, стр. 575 (о Наровчатомъ городищѣ). — Г. И. Перетятковичъ, «Поволжье», т. I, стр. 236 и слѣд. — В. О. Ключевскій, «Боярская дума», приложеніе II.—Ник. Лѣт., VII, стр. 286.—И. Н. Смирнова: а) «Мордва», стр. 66—94; б) «Черемисы», стр. 29—47, 63 и слѣд.; в) «Вотяки», стр. 53—62.—Н. Д. Чечулинъ, о. с., стр. 213, и Списокъ съ писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ. Казань. 1877, стр. 49—50.—Н. Д. Чечулинъ, о. с., стр. 200—254.—Костомаровъ, «Очеркъ торговли», стр. 116, 142.—А. Э., I, № 328. — Перетятковичъ, о. с., I, стр. 253; сравн. Списокъ съ писц. книгъ по г. Казани, стр. 63, 81; также Н. Д. Чечулинъ, о. с., стр. 208, 234. — А. А. Спицына: а) «Подати, сборы и повинности на Вяткѣ въ XVII ст.» (Вятка. 1887), стр. 7; б) «Къ исторіи вятскихъ инородцевъ» (Вятка. 1888), стр. 59 (см. выше, примѣчаніе 5).—С. А. Бѣлокуровъ, «Сношенія Россіи съ Кавказомъ», вып. I. М. 1889, стр. LVIII, LXII, LXXXXIV, XCVI, CV, CX и др.—«Путешествіе Какаша и Тектандера» въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др., 1896, II, стр. 39—41.—Костомаровъ, «Очеркъ торговли», стр. 48—60 и др.

20 (къ стр. 91). «Историческое описаніе Земли Войска Донскаго», т. I, 1869, стр. 4; 11 и 55; 14 и 30; 53; 71—84. — Соловьевъ, «Ист. Россіи», компактн. изд., II, стр. 314, 315, 532. — Карамзинъ, т. IX, прим. 245. — Русск. Ист. Библ., XV, Кабальныя книги 7108 г., стр. 22, 52, 59.—А. Э., II, № 81.—П. Собр. Лѣт., VI, стр. 188. — Записки Имп. Русск. Арх. Об-ва, т. VIII, вып. 1 и 2, статья С. М. Середонина, стр. 58, 61; также «Ист. описаніе Земли В. Донскаго», I, стр. 58—59.—А. И., I, № 230, стр. 443—445.—Писцовыя книги Калачова, II, стр. 1594.—Симсонъ въ Извѣстіяхъ Калужской Арх. Коммиссіи за 1894 г., стр. 186. — А. И., I, № 228. — В. Сторожевъ, «Десятни», стр. 428, и «Описаніе Земли В. Донскаго», I, стр. 78, 88.—В. Г. Дружининъ, «Расколъ на Дону». Спб. 1889, стр. 16. — Акты А. И. Юшкова (въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др., 1898, III), №№ 231, 238, 240, 241, 242, 243 и др.

21 (къ стр. 94). В. О. Ключевскій, «Боярская дума», стр. 300—301.— «Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ» въ изданіи гг. Дружинина и Дьяконова (Спб. 1889), стр. 9 (и варіантъ 22), стр. 16.— Статья А. С. Павлова въ Правосл. Собесѣдникѣ за 1863 г., I, стр. 301, 306—307.— «Сказанія кн. Курбскаго», изд. 3-е, стр. 216—217.—С. Г. Г. и Д., I, № 202.

22 (къ стр. 97). Сборникъ Имп. Историческаго Общества, т. 35, стр. 460.— «Сказанія кн. Курбскаго», стр. 156, 170, 137.— Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 454—461.— И. Н. Ждановъ, «Русскій былевой эпосъ». Спб. 1895, стр. 114.

23 (къ стр. 102). Предлагаемыя замѣчанія о московскомъ боярствѣ слѣдуютъ главамъ IX—XII труда В. О. Ключевскаго «Боярская дума древней Руси», за исключеніемъ нѣкоторыхъ фактическихъ указаній, которыя мы старались приводить, въ дополненіе къ разработанному В. О. Ключевскимъ матеріалу, изъ позднѣйшихъ публикацій; на нихъ и ссылаемся ниже.—Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI в.», стр. 463.— Чтенія М. О. И. и Др., 1895, III, Лѣтописецъ Русскій, стр. 14—15.— М. А. Дьяконовъ, «Власть моск. государей», стр. 212.—С. В. Рождественскій, «Служилое землевладѣніе въ М. государствѣ», стр. 166, 168.— А. П. Барсуковъ, «Свѣдѣнія объ Юхотской волости». Спб. 1894, стр. 6—7.— Н. П. Лихачевъ, Сборникъ актовъ. Спб. 1895, стр. 206 (названный здѣсь «сыномъ боярскимъ» князя Мстиславскаго, Иванъ Толочановъ на стр. 207 называется «княжъ Ивановъ человѣкъ Мстиславскаго Ивашко Толочановъ»).—Сборникъ Муханова, стр. 568.—Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, 697, и А. А. Титова «Нагая слобода», 1887, стр. 8—9.—Сборникъ Библіотеки Тр.-Сергіевы Лавры, № 530, л. 46—47, и Ник. Лѣт., VIII, стр. 42.—Сборникъ Ист. Общ., т. 71, стр. 303.— Неволинъ, П. Собр. Соч., IV, §§ 271 и 272.

24 (къ стр. 105). «Сказанія кн. Курбскаго», стр. 163—164 (сравн. А. Э., I, № 227), стр. 169, 162, 167—168.— В. И. Сергѣевичъ, «Русск. юрид. древности», т. II, вып. 2-й, стр. 366—369.—Соловьевъ, «Ист. Россіи», кн. II (компактн. изд.), стр. 150—151.

25 (къ стр. 106). Русск. Истор. Библіотека, III, 255.—С. М. Соловьевъ, «Ист. Россіи» (компактное изданіе), II, 166—167.—К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, «Русск. Исторія», II, стр. 261—262.—Е. А. Бѣловъ, «Объ историч. значеніи русск. боярства». Спб. 1886, стр. 107 и слѣд. (также въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1886 годъ).—С. М. Середонинъ, «Сочиненіе Джильса Флетчера». Спб. 1891, стр. 91.—В. О. Ключевскій, «Боярская дума». М. 1882, стр. 348—349.

26 (къ стр. 108). А. А. Э., I, № 289, стр. 349.— Доп. А. И., I, стр. 380—381.—Грам. Колл. Экономіи, Бѣлозерск. уѣздъ, № 118—819 (о Чарондѣ);

за сообщеніе этой и нѣкоторыхъ другихъ грамотъ того же собранія искренно благодарю М. А. Дьяконова.—Доп. А. И., I, № 118.—Новгородскія Лѣтописи. Спб. 1879, стр. 105.—Русск. Ист. Библ., III, стр. 255—256.—А. И., I, № 178.—Доп. А. И., I, № 225. — Журн. Мин. Нар. Просв., 1892, май, стр. 170.—Кромѣ волостей, помянутыхъ въ текстѣ, взяты были въ опричнину, по лѣтописи, еще слѣдующія: Олешня (Можайскаго уѣзда; см. Описаніе док. и бумагъ Арх. Мин. Юстиціи, I, № 1263; Доп. А. И., I, стр. 387), Муромское («Володиміръ съ Муромскимъ сельцомъ». Доп. А. И., I, стр. 379; Опис. док. и бум. Арх. М. Юст., I, № 206), Кругъ Клинскій, Веслунь, Прибужь (послѣднихъ, навѣрняка, не пріурочиваемъ).—О переходѣ Ярославля, Переяславля и Дмитрова въ опричнину ясно говорятъ акты князей Засѣкиныхъ (А. Э., I, № 290; С. В. Рождественскій, «Служилое землевладѣніе въ Моск. государствѣ XVI в.», стр. 169—170); см. также Сборникъ актовъ Н. П. Лихачева. Спб. 1895, стр. 58, 63 (о Переяславлѣ), и Акты г. Юшкова (въ Чтеніяхъ М. О. Ист. и Др., 1898, III), № 205.

27 (къ стр. 113). Русск. Ист. Библ., III, 287.—И. Е. Забѣлинъ, «Домашній бытъ русскихъ царей», I, изд. 3-е, стр. 49—50 (также Археолог. Извѣстія и Замѣтки», 1893, № 11). — О земскихъ улицахъ и опричнинѣ въ Москвѣ, см. Сборникъ Ист. Общ., т. 71, стр. 612, 638, 651.—А. Э., I, № 225; Временникъ М. О. Ист. и Др., XX, стр. 41.—Грам. Колл. Экон., Костром. уѣздъ, № 144—5111.—А. И., I, № 154, стр. 268 и 270.—С. В. Рождественскій, «Служилое землевладѣніе въ Моск. государствѣ XVI вѣка», стр. 200—202, 210—215.—В. Н. Сторожевъ, Писцовыя книги Рязанскаго края, I, стр. 196—197 (о кн. Засѣкиныхъ).—«Сказанія кн. Курбскаго», изд. 3-е, стр. 87.—Доп. А. И., I, стр. 389.—С. М. Середонинъ, «Сочиненіе Дж. Флетчера», стр. 86, 89—93.—И. И. Лаппо, «Тверской уѣздъ въ XVI в.». М. 1894, стр. 74, 228.—С. М. Соловьевъ, «Ист. Россіи» (компактн. изд.), II, 180; также Записки Отд. Слав. и Русск. Археологіи Имп. Русск. Археол. Общества, II, стр. 371 (въ изданіи Ламанскаго текстъ менѣе исправенъ).

28 (къ стр. 115). Грамота Колл. Экон., Владимірскій уѣздъ, № 46—1823.—А. Э., I, № 282 (сравн. № 312), и Новгородскія Лѣтописи. Спб. 1879, стр. 100—102, 105.—Гамель, «Англичане въ Россіи», стр. 89—90.—Доп. А. И., I, № 118.—А. Э., I, № 290.—С. В. Рождественскій, о. с., стр. 169—170.—Разрядная книга (Башмаковская) Имп. Русск. Археологич. Общества, лл. 410 и 420 (7080 годъ: «бояря изъ опришнины»; 7081 годъ: «дворовые воеводы» и далѣе такъ же).

29 (къ стр. 119). С. М. Соловьевъ, II, 167; В. О. Ключевскій, «Боярск. дума», 1882, стр. 349, 368. — А. Н. Ясинскій, «Сочиненія кн. Курбскаго».

К. 1889, стр. 180 и слѣд.—«Сказанія кн. Курбскаго», изд. 3-е, глава VII-я «Исторіи Іоанна» (и стр. 192).—Разрядная книга (Башмаковская), лл. 529, 410, 420.—А. Э., I, № 312 и № 318; Доп. А. И., I, № 225.—Арх. Досиѳей, «Описаніе Соловецкаго монастыря», III, стр. 33. — Журн. Мин. Нар. Просв., 1894, апрѣль, стр. 195 (статья М. А. Дьяконова). — Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI в.», стр. 467—475.—Русск. Ист. Библ., III, 257.—Сборникъ Ист. Общ., т. 71, стр. 665—666 и 716.—Др. Росс. Вивл., XIII, стр. 400, и Башмаковск. разр. книга, л. 403 об., 476. — Новгородскія Лѣтописи, стр. 101.—Не умѣемъ истолковать, что значитъ возвратъ въ земщину и старымъ владѣльцамъ нѣкоторыхъ земель, взятыхъ въ опричнину. Напримѣръ, городъ Шуя въ 1565 году взятъ въ опричнину, а въ 1576-мъ вѣдается земскимъ великимъ княземъ Симеономъ (Русск. Ист. Библ., III, 255; А. И., I, № 195). Симоновскія села, Кувезино, Дятлово, Демьяново, были взяты отъ монастыря въ опричнину, а въ концѣ столѣтія опять стали монастырскими (Рождественскій, о. с., стр. 179—180; грам. Колл. Экон., Галицкій уѣздъ, № 35—3365; А. И., II, №№ 336, 339, 343). Вотчина братьевъ Зубатыхъ въ Костромскомъ уѣздѣ вмѣстѣ съ Костромою въ 1567 г. была взята на государя, а черезъ десять лѣтъ имъ возвращена (Рождественскій, о. с., стр. 269).

30 (къ стр. 119). Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 272.—Башмаковская разрядная, лл. 455, 458, 477.—С. М. Середонинъ, о. с., стр. 80.—Русск. Ист. Сборникъ, изд. Погодинымъ, V, стр. 20 и 22.—Чтенія въ Имп. О. И. и Др., 1876, III, Дан. Принцъ изъ Бухова, стр. 29, 53—56.—Ю. Толстой, «Россія и Англія», стр. 174—188.—Н. Лилеевъ, «Симеонъ Бекбулатовичъ ханъ Касимовскій». Тверь. 1891, стр. 22 и слѣд., 52 и слѣд.—Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др., 1898, III, Акты г. Юшкова, № 206 (грамота князя Ивана Московскаго).

31 (къ стр. 121). П. Н. Милюковъ, «Очерки по исторіи р. культуры», I, изд. 2-е, стр. 168—169.—Разрядная книга (Башмаковск.), л. 401—402, 408, 410. — С. В. Рождественскій, о. с., стр. 188—194.—Писцовыя книги Калачова, II, стр. 540—566.

32 (къ стр. 123). Н. Д. Чечулинъ, «Города Моск. государства», стр. 42—44, 125 — 126. — Рецензіи на эту книгу: В. О. Ключевскаго, въ «Отчетѣ о 33-мъ присужд. наградъ гр. Уварова» (стр. 300 — 310) и С. Платонова въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1890 годъ (май, стр. 148 — 150). — Карамзинъ, т. VI, прим. 201.—О татарахъ въ Касимовѣ и Елатьмѣ у В. В. Вельяминова-Зернова, «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», и у Шишкина «Исторія города Касимова», изд. 2-е; О татарахъ въ Романовѣ—въ Сборникѣ князя Хилкова, стр. 40, 41, 53, 54. — В. Н. Сторожевъ, «Десятни», стр. 89—92.—Акты Моск. Гос., I, № 40.

33 (къ стр. 125). П. Н. Милюковъ, «Спорные вопросы финансовой исторіи Моск. государства», стр. 29—34.—Б. Н. Чичеринъ, «Опыты по ист. р. права», стр. 204—208.—Писцовыя книги Калачова, II, 540 и слѣд.—М. А. Дьяконовъ, Акты, вып. II, №№ 21, 24, 25, 31.—Его же, «Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія». Спб. 1893, стр. 37—39 (эта статья М. А. Дьяконова введена въ его «Очерки по исторіи сельскаго населенія Московскаго государства» въ коренной переработкѣ).—А. И., I, № 195.

34 (къ стр. 126). М. А. Дьяконовъ, «Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія». Спб. 1893, стр. 27—34.—Его же, «Очерки по исторіи сельскаго населенія Московскаго государства». Спб. 1898, стр. 31—32 и др.—П. Н. Милюковъ, «Крестьяне въ Россіи», въ Словарѣ Брокгауза и Эфрона, XXXII, стр. 579.—М. А. Дьяконовъ, Акты, II, № 24.

35 (къ стр. 127). Вопросу о перемѣщеніи земледѣльческаго населенія въ XVI вѣкѣ посвящена XV-я глава «Боярской думы» В. О. Ключевскаго.—Данныя объ опустѣніи городовъ у Н. Д. Чечулина, «Города Моск. гос.», стр. 173—175.—Изъ писцовыхъ книгъ извѣстій о запустѣніи земель съ указаніемъ на ту или иную причину «пустоты» можно привести любое количество.—Одно изъ раннихъ лѣтописныхъ о томъ же свидѣтельствъ (отъ 7069—1561 года) читаемъ въ «Лѣтописцѣ Русскомъ», А. Лебедева: «... былъ гладъ (напечатано: градъ) великъ въ Можайскѣ, да на Волокѣ и въ иныхъ во многихъ городѣхъ; много множество разыдеся людей изъ Можайска и изъ Волока на Рязань и въ Мещеру и въ Понизовые городы, въ Нижней Новгородъ» (Чтенія О. Ист. и Др., 1895, III, стр. 146).—См. также П. Н. Милюкова, «Очерки по исторіи р. культуры», I, 192—194.

36 (къ стр. 133). В. О. Ключевскій, въ помянутомъ выше Отчетѣ о 33-мъ присужд. наградъ гр. Уварова, стр. 296—297.—А. И., I, стр. 270.—С. Г. Гр. и Д., I, №№ 200 и 202.—Писц. книги Калачова, I, стр. 19, 395, 462 и др.—Н. П. Лихачевъ, Сборникъ актовъ, стр. 249 (сравн. А. Ю., № 24).—Акты М. А. Дьяконова, вып. I, № 1.—Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. № 113, стр. 1289—1290.—Б. Н. Чичеринъ, «Опыты по ист. р. права», стр. 196—197.—В. О. Ключевскій, «Происхожденіе крѣпостнаго права» (Р. Мысль, 1885, X), стр. 16 и слѣд.; стр. 8—9.—И. И. Лаппо, «Тверской уѣздъ XVI в.», стр. 47, 204—205.

37 (къ стр. 135). Н. П. Павловъ-Сильванскій, «Люди кабальные и докладные», въ Журн. М. Нар. Просв., 1895, I, стр. 214—218.—М. Ф. Владимірскій-Будановъ, «Христоматія», III, стр. 93—94 (сравн. Судебникъ, 1550 г., статья 78).—Башмаковск. разрядная, л. 694, об. подъ 1 іюля 1586 года:

«почали кабалы имать на людей и въ книги записывать». — Н. П. Павловъ-Сильванскій, «Закладничество-патронатъ», въ Зап. Имп. Русск. Археол. Общ., т. IX, вып. 1 и 2, стр. 22—25, § 8.—Мы считали себя въ правѣ не вдаваться здѣсь въ подробное разъясненіе вопроса о способахъ и времени прикрѣпленія крестьянъ. Читатель легко усмотритъ изъ немногаго сказаннаго здѣсь, что авторъ въ данномъ вопросѣ принадлежитъ къ тому направленію, которое представляется названными выше трудами гг. Ключевскаго, Дьяконова и Милюкова.

38 (къ стр. 141). Карамзинъ, т. IX, прим. 352. — В. О. Ключевскій, «Боярская дума». М. 1882, стр. 370 и 381. — С. В. Рождественскій, о. с., стр. 78—104.—Н. П. Лихачевъ, Сборникъ актовъ, стр. 213. — «Сказаніе Палицына», глава III.

39 (къ стр. 148). Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, 535.—Др. Р. Вивл., XX, стр. 59 и слѣд. — Сборн. Русск. Ист. Общ., т. 38-й, стр. 103 — 104, 127 (перечни думныхъ людей).—Башмаковск. разрядная, passim.

40 (къ стр. 148). Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 316—317.—Сборн. Русск. Ист. Общ., т. 71-й, стр. 605.—Н. П. Лихачевъ, «Библіотека и архивъ моск. государей. (Спб. 1894), прилож., стр. 57.

41 (къ стр. 149). Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, 535.—К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, «Обзоръ событій» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1887, августъ), стр. 50 — 51. — С. Платоновъ, статья въ томъ же журналѣ, 1883, октябрь, стр. 367—368. — Арцыбышевъ, «Пов. о Россіи», кн. IV, стр. 81 и примѣч. 621.—Карамзинъ, «Ист. Гос. Рос.», т. X, прим. 366; т. XI, прим. 146, 151.—Башмаковск. разрядн., лл. 601—602.—Д. В. Цвѣтаевъ, «Царь В. Шуйскій въ Польшѣ», стр. 3—4.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 317.

42 (къ стр. 151). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, «Обзоръ событій» и пр., стр. 51.—Башмаковская разрядная, л. 662.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 95, 317 — 318. — Др. Росс. Вивл., III, стр. 107. — Доп. А. И., I, стр. 191.— Очень интересно сообщеніе Льва Сапѣги отъ 26-го (16-го) апрѣля 1584 года изъ Москвы (гдѣ онъ тогда былъ), будто бы 12-го апрѣля (н. с.) Б. Бѣльскій, опираясь на стрѣльцовъ, пробовалъ убить (pobić) князей Мстиславскаго и Шуйскаго и Н. Р. Юрьева, а на царя подѣйствовать въ томъ смыслѣ, чтобы онъ не отмѣнялъ «двора» и «опричнины» Ивана Грознаго («aby dwór i Opritczynę chował tak, jako ociec jego»). Однако Мстиславскому и Юрьеву удалось, опираясь на народную толпу, справиться съ Бѣльскимъ, и онъ былъ высланъ изъ Москвы (Scriptores rerum Polonicarum, VIII, 1885, p. 174 — 175). Тѣмъ не менѣе, какъ потомъ увидимъ, мысль Бѣльскаго въ той или иной формѣ была осуществлена Годуновымъ (см. выше, стр. 218—220).

43 (къ стр. 152). С. М. Середонинъ, «Сочиненіе Дж. Флетчера», стр. 103.—Флетчеръ, глава IX. — А. И. Маркевичъ, «О мѣстничествѣ», стр. 328; «Ист. мѣстничества», стр. 297.—Горсей (ed Bond), стр. 219.—Башмак. разр., лл. 662 об., 681, 685, 686 об., 690.—Др. Росс. Вивл., XIV, разряды 1584 – 1585 гг.—Толстой, «Россія и Англія», № 52.—Ѳ. М. Троекуровъ состоялъ въ свойствѣ съ Романовыми, а его сынъ, Иванъ, былъ уже прямо близкимъ къ Романовскому роду человѣкомъ. Съ нимъ мы не разъ встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи (см. Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя М. Ѳ. Романова, часть II. Спб. 1898, стр. 88—89).

44 (къ стр. 153). С. Платоновъ, въ Отчетѣ о 34-мъ присужд. наградъ гр. Уварова, стр. 67—68.—С. Платоновъ, «Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени», стр. 218, 276.—Авр. Палицынъ, изд. 1822 г., стр. 8.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 478, 567.—Доп. А. И., II, № 76.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 715, 352—354; сравн. 343.—С. Платоновъ, «Древнерусск. сказанія», стр. 150.—«Сказанія Массы и Геркмана», стр. 55.—Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, стр. 293.

45 (къ стр. 154). Ник. Лѣт., VIII, стр. 7. — Кормовая книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ Запискахъ Русск. Отд. Русск. Археол. Общ., I. стр. 67.—Доп. А. И., I, стр. 195.—Др. Росс. Вивл., XX, стр. 56, 59, 61.—Флетчеръ и Горсей въ изданіи Bond'a, стр. 35, 218—219.—Др. Росс. Вивл., XIV, 447.—Карамзинъ, «Ист. Гос. Росс.», X прим. 65, 66, 67.—Др. Росс. Вивл., XIV, 483, и Башмак. разрядная, л. 677 об.—Др. Росс. Вивл., XX, 31.—Кн. И. М. Воротынскій былъ сосланъ одновременно съ И. Ѳ. Мстиславскимъ (Ник. Лѣт., VIII, стр. 8), а возвращенъ только послѣ смерти царя Бориса («Сказаніе Массы и Геркмана», стр. 140; срвн. стр. 53).

46 (къ стр. 155). Башмак. разрядная, лл. 697, 698, 710, 711 об.—Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, 543. — Карамзинъ, X, прим. 148. — Сборникъ Ист. Общ., т. 71, стр. 585, 665, 666.—О главной роли И. П. и А. И. Шуйскихъ въ движеніи 1587 срвн. Соловьева, II, 542 — 543, Никон. Лѣт., VIII, стр. 8—9, и Русск. Ист. Библ., XIII, 716. — А. П. Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», II, стр. 8, 14—15, 21, 26.

47 (къ стр. 156). «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 187.—Гамель, «Англичане въ Россіи», стр. 114—115.—Горсей въ изд. Bond'a, стр. 215.—Толстой, «Россія и Англія», № 59. — Сборн. Р. Ист. Общ., т. 38, стр. 175. — Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 4, и Ник. Лѣт., VIII, стр. 8; также Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, 542—543, и Карамзинъ, X, прим. 148 (извлечено изъ Дѣлъ Польскихъ, № 18—іюнь 1587 года).

48 (къ стр. 157). Памятн. Дипл. Сношеній, I, 1169.—Др. Росс. Вивл., XX, 61—63.—О Клешнинѣ Карамзинъ, т. X (по Указателю въ «Ключѣ» Строева), и Башмаковск. разр., лл. 696, 696 об., 709 об.—О Щелкаловыхъ Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки», глава II, и «Библіотека и архивъ моск. государей», стр. 110 и слѣд.; также А. Э., I, № 280, и А. И., I, № 180.—О Глинскомъ Н. П. Лихачевъ, Сборникъ актовъ, стр. 63—67, и Флетчеръ, гл. IX.

49 (къ стр. 158). Карамзинъ, X, стр. 14. — Сб. Ист. Общ., т. 38, стр. 173—174. — Горсей въ изд. Bond'a, стр. 274 и др. (С. М. Середонинъ, «Сочиненіе Дж. Флетчера», стр. 25).—Гамель, «Англичане въ Россіи», стр. 123.—Hakluyt's «Collection», т. I (L. 1809), p. 573—574. — Карамзинъ, X, прим. 82 и 431. — Пам. Дипл. Снош., I, 934. — Н. И. Веселовскій, «Памятники сношеній Моск. Руси съ Персіей» (въ Трудахъ Восточн. Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX и слѣд.), I, стр. 245, 263. — Не останавливаемся на разсказахъ, подобныхъ разсказу Буссова и Петрея («Rerum Rossicarum Scriptores Exteri», I, pp. 3, 149), о торжественномъ провозглашеніи Бориса правителемъ («Gubernator des Reussischen Monarchiae»): въ нихъ благоразумно усумнился уже Карамзинъ (X, прим. 27).

50 (къ стр. 159). Карамзинъ, X, прим. 27.—Н. И. Веселовскій, «Памятники», т. I, стр. 48, 63, 117, 159, 296; также 365; также 245 и 263.—Пам. Дипл. Снош., II, 614.

51 (къ стр. 160). Пам. Дипл. Снош., I, 1174—1175. — Дѣла Крымскія въ Моск. Архивѣ М. И. Д., книга № 18, л. 13 об.—Книги сношеній Бориса тамъ же; напримѣръ, въ Дѣлахъ Польскихъ, № 19.

52 (къ стр. 161). Пам. Дипл. Снош., т. I, 1266; также 1168 и слѣд.; т. II, 92, 486, 556; также 319, 336, 363; также 123 и слѣд., 510 и слѣд.; также 125, 126, 132. — Сборн. Ист. Общ., т. 38, стр. 184 (срвн. Пам. Дипл. Снош., II, 131, 383, 514). — Н. И. Веселовскій, «Памятники», I, 131—134, 183, 348—349 (срвн. Пам. Дипл. Снош., II, 510 — 511).—У Варкоча («Sammlung kleiner Schriften» etc. von B. von Wichmann, 1820, p. 189) упоминается дворецкій (Hoffmaister) Бориса Michael Kosof; но Михайло Косовъ (а не «Козовъ», какъ передано въ Чтеніяхъ М. О. Ист. и Др., 1874, IV, стр. 31) былъ простой «дворянинъ Бориса Ѳедоровича» (Пам. Дипл. Снош., II, 518, 621).

53 (къ стр. 162). Н. И. Веселовскій, «Памятники», I, стр. 187: слова Борису персидскаго посла: «какъ ты рукою великаго государя своего крестьянскаго государя землю правишь, такъ бы еси держалъ другою рукою государя нашего, шахово величество».—Русск. Истор. Библ., т. XIII, стр. 330.

54 (къ стр. 163). «Сказанія Массы и Геркмана», стр. 39.—С. Платоновъ, «Древнерусск. сказанія и повѣсти о Смутн. времени», стр. 346—348.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 315. —Къ числу панигиристовъ Бориса въ послѣднее время прибавился еще одинъ — епископъ елассонскій («галасунскій») Арсеній (см. Труды Кіевской Дух. Академіи, 1898, мартъ, стр. 369—370 и др.).

55 (къ стр. 165). «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 188—189 (сравн. Ник. Лѣт., VII, стр. 327).—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 475, 477—486.—Палицынъ въ изд. 1822 г., стр. 3—6, 10 (сравн. Русск. Ист. Библ., XIII, 479).—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 531—535; 563—565 и 620—621.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 36.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 341.—До сихъ поръ не обращала на себя вниманія та особенность въ изложеніи нѣкоторыхъ нашихъ писателей XVII вѣка, что они «властолюбіе» Бориса обличаютъ по отношенію къ Романовымъ, а къ углицкому дѣлу относятся холодно и осторожно. Это, конечно, не можетъ служить къ укрѣпленію легенды объ убійствѣ царевича именно Борисомъ, показывая, что эта легенда не пользовалась безусловнымъ кредитомъ уже въ то время. Послѣ того, что мы писали въ нашей книгѣ о древнерусскихъ сказаніяхъ и повѣстяхъ, относящихся къ Смутному времени, мы считаемъ лишнимъ распространяться о малой исторической цѣнности «житій» и прочихъ сказаній о убіеніи царевича и считаемъ себя въ правѣ устранить совсѣмъ Углицкій эпизодъ 1591 года изъ нашей рѣчи о возвышеніи Бориса. Для наблюдателя, освободившагося отъ привычныхъ, хотя и мало обоснованныхъ взглядовъ на московскія дѣла тѣхъ лѣтъ, совершенно ясно, что въ исторіи Годунова до его воцаренія Углицкія происшествія играли очень малую роль. Смерть царевича, законность котораго была спорной, не ведетъ Бориса къ какимъ-либо замѣтнымъ шагамъ, не мѣняетъ его позиціи, какъ ранѣе существованіе этого государева брата съ его роднею не мѣшало Борису добиваться исключительнаго положенія у власти. Напротивъ, кончина дочери Θеодора, царевны Θеодосіи, оказала, какъ мы ниже увидимъ, замѣтное вліяніе на придворныя отношенія и на поведеніе самого Бориса. Пока не пущенъ былъ слухъ о томъ, что царевичъ Димитрій избѣжалъ смерти, кончина его мало кому была памятна (Соловьевъ, II, 755). Въ свое время посудили о ней, даже заподозрили въ ней руку Бориса (Ник. Лѣт., VIII, стр. 23), но и предали дѣло забвенію.

56 (къ стр. 166). Карамзинъ, X, прим. 196. — Буссовъ въ «Rerum Rossic. Scriptores Exteri», I, стр. 16: «... Grif mit den Fingern an seinen perlen Hals-Band und sprach: solten wir auch denselben mit euch theilen» (сравн. у Аделунга, «Uebersicht», II, стр. 61).—Варкочъ у Fr. v. Adelung, «Uebersicht» etc., I, стр. 412: «...aber ihm mit Geld und Schätzen zu helfen, wäre er jederzeit bereit, «biss aufm Rockh, vom Rockh auf's hemmet, und von dannen biss auf die gorgl».—Русск. Ист. Библ., XIII, 477.—Палицынъ въ изд. 1822 г., стр. 7—8.

57 (къ стр. 167). Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 340.—С. М. Середонинъ, «Сочиненіе Дж. Флетчера», стр. 99, 209 и слѣд.—Карамзинъ, X, прим. 196; XI, прим. 27, 28.—С. Г. Г. и Д., II, № 74, и Русск. Ист. Библ., II, № 46.—Пам. Дипл. Сн., II, стр. 666. — «Сказанія Массы и Геркмана», стр. 39 и прим. 69.—«Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 186, 188—189.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 477, 562—563.—Выраженіе: «всѣ сохи въ тарханѣхъ учинилъ, во льготѣ; даней никакихъ не емлютъ, ни посохъ ни къ какому дѣлу а городовыя дѣла всякія дѣлаютъ изъ казны наймомъ»,—конечно, несправедливо, если понимать подъ нимъ общее уничтоженіе тягла. По писцовымъ книгамъ и инымъ документамъ тѣхъ лѣтъ видно, что и дани и оброки взимались обычнымъ способомъ, и городовое дѣло дѣлалось не только наймомъ (А. Э., I, № 365, и Ник. Лѣт., VIII, 30—31), и посоха бывала своимъ порядкомъ. Въ Угличѣ какъ разъ въ 1591 году (въ томъ году, къ которому относится приведенное выраженіе) именно изъ-за посохи произошла послѣдняя ссора съ Битяговскимъ Нагихъ, «что велѣлъ государь съ нихъ взять посохи 50 человѣкъ подъ городъ подъ Гуляй» (С. Г. Г. и Д., II, стр. 122). Такимъ образомъ, слова о тарханахъ и льготахъ надо или отвергнуть, какъ ложь, или истолковать. Предпочитаемъ послѣднее и выскажемъ догадку, что тарханы и льготы были не вновь пожалованы всей землѣ, а лишь возстановлены тамъ, гдѣ существовали до отмѣны соборами 1580 и 1584 годовъ. Борисъ только прекратилъ дѣйствіе временной мѣры, принятой этими соборами. Въ этомъ и надобно, по нашему мнѣнію, искать разгадки того, когда и какъ потеряли свою силу ограниченія 1584 года. Правительственная практика времени правленія Бориса уже ими не руководится, какъ это видно изъ грамотъ соотвѣтствующихъ лѣтъ въ А. А. Э., А. И. и въ Д. къ А. И.

58 (къ стр. 167). Нижеслѣдующія страницы касаются тѣхъ же вопросовъ, которые уже разсматривались, въ иномъ порядкѣ и съ иною цѣлью, во второй главѣ нашего труда. Авторъ предполагаетъ, что читатель сравнитъ краткій очеркъ внутренней политики Бориса, предлагаемый здѣсь, съ заключительными страницами второй главы.

59 (къ стр. 169). «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 189.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 356 (сравн. 316) и 487.—Палицынъ въ изд. 1822 г., стр. 20.—Сборникъ кн. Оболенскаго, X, стр. 46, и Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, p. 425.—Масса, стр. 54.—Флетчеръ въ изд. Bond'a, стр. 35.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 355—358. — Русск. Ист. Сборникъ Погодина, II, стр. 244.—О томъ, что послѣ смерти Грознаго въ Москвѣ былъ поднятъ вопросъ относительно «двора» и «опричнины», см. письмо Льва Сапѣги отъ 26 (16)-го апрѣля 1584 г. въ «Scriptores Rerum Polonicarum», VIII, стр. 175 (и здѣсь, наше примѣчаніе 42). По словамъ Сапѣги выходитъ такъ, что

Б. Бѣльскій мечталъ удержать опричнинскіе порядки и при Θеодорѣ, а старшіе «земскіе» бояре, кн. Мстиславскій и Н. Р. Юрьевъ, настаивали на ихъ отмѣнѣ. Борисъ Годуновъ, овладѣвъ положеніемъ послѣ Н. Р. Юрьева, вернулъ политику московскаго двора къ принципамъ Грознаго; отсюда получаетъ освѣщеніе его дружеское отношеніе къ Богдану Бѣльскому.

60 (къ стр. 170). С. М. Соловьевъ, «Обзоръ событій» въ Современникѣ 1848 года, т. VII, стр. 72 и слѣд., и въ «Исторіи Россіи», книга II, 645 и слѣд.—А. Э., II, №№ 20, 23 и 24.—М. А. Дьяконовъ, «Очерки по исторіи сельскаго населенія», стр. 31.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 482—484.—В. Г. Дружининъ, «Расколъ на Дону», стр. 41.—Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, 814.—С. В. Рождественскій, «Изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ» (въ Журн. М. Нар. Просв., 1895, май) и «Служилое землевладѣніе», стр. 104—120.

61 (къ стр. 172). Царевну Θеодосію поминали 25-го января въ Кирилловомъ монастырѣ (см. Кормовыя книги монастыря въ Запискахъ Слав. и Русск. Археологіи Имп. Русск. Археол. Общества, I, стр. 68, и въ рукописи Спб. Дух. Академіи, изъ Кирилловскихъ № 68 — 1307, л. 12). Дата 25-го января находитъ косвенное подтвержденіе въ другихъ документахъ (см. Н. И. Веселовскій, «Памятники», I, стр. 209—210; сравн. Памятн. Дипл. Сн., II, стр. 91—92, 315, и Ник. Лѣт., VIII, стр. 26).—Варкочъ въ «Sammlung kleiner Schriften», von B. von Wichmann, S. 190, и въ русскомъ переводѣ (Чтенія М. О. И. и Др. 1874, IV), стр. 31—Historisk Tidskrift, 1883, Häftet 3, статья H. Hjärne, стр. 261—262. — Сообщенія Варкоча о московскихъ дѣлахъ, приводимыя Г. Θ. Штендманомъ въ Отчетѣ о 21-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова (стр. 101—102), хотя и очень любопытны, но не согласуются съ тѣмъ, что намъ извѣстно помимо Варкоча изъ другихъ рукъ.— О кандидатурѣ Максимиліана, кромѣ статьи Ерне, см. Г. В. Форстена, «Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII ст.», II, стр. 56, и его же, Акты и письма къ исторіи Балт. вопроса», I, № 97; также «Archiv. domus Sapiehanae», I, № 214, стр. 178.—О времени опалы А. Щелкалова см. Н. П. Лихачева, Библіотека и архивъ Моск. государей въ XVI ст., стр. 127; сравн. Карамзина, т. X, пр. 344.

62 (къ стр. 173). Ник. Лѣт., VII, стр. 352—355; также Др. Росс. Вивл., XX, стр. 66—67 (иначе въ Ник. Лѣт., VIII, стр. 34).—Карамзинъ, X, прим. 386.—Мих. Шиля, «Донесеніе» въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др., 1875, II, стр. 11 и слѣд.—«Archiv. domus Sapiehanae», I, стр. 179 (многія мѣста переписки, относящіяся до московскихъ дѣлъ, переведены въ рецензіи Ст. Л. Пташицкаго въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1893, январь, стр. 208 и слѣд.).

63 (къ стр. 174). «Донесеніе» М. Шиля, стр. 11.—«Archiv. d. Sapieh.», I, стр. 176—180, сравн. 215.—Чтенія М. О. И. и Др., 1893, I, «Датскій Архивъ», стр. 298—300. — Смоленская крѣпость, начатая при Θеодорѣ, была окончена уже послѣ его смерти при царѣ Борисѣ (Ник. Лѣт., VIII, стр. 30—31, 45).

64 (къ стр. 177). Русская Мысль, 1892, I, статья В. О. Ключевскаго, стр. 146. — Ник. Лѣт., VIII, стр. 36. — «Archiv. d. Sapieh.», I, стр. 176 и 180, 178. — «Сказанія Массы и Геркмана», стр. 54, 69, 109. — Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 389 (здѣсь извѣстіе Тимоѳеева о томъ, какъ М. Татищевъ, угождая царю Борису, досаждалъ В. Шуйскому «даже и до рукобіенія»).— Маржеретъ (въ изд. Устрялова, стр. 292) говоритъ о постоянномъ подозрѣніи, въ какомъ находились Шуйскіе, даже и тогда, когда Борисъ ихъ жаловалъ. Мы избѣгаемъ пересказывать много разъ уже изложенную въ печати исторію земскаго собора, избравшаго Бориса. Составъ собора изслѣдованъ и объясненъ въ указанной нами статьѣ В. О. Ключевскаго, а о ходѣ соборныхъ засѣданій мы не знаемъ ничего такого, что дозволяло бы исправить или отвергнуть такъ называемую «избирательную грамоту» (А. Э., II, № 7, и Др. Росс. Вивл., VII). Къ старымъ разсказамъ о томъ, какъ молили Бориса, а онъ отказывался, въ послѣднее десятилѣтіе прибавились нѣсколько фразъ въ сказаніяхъ Ив. Тимоѳеева и Авр. Палицына; оба эти сказанія изданы нами въ XIII томѣ Русск. Ист. Библіотеки.—Официіальные разсказы о избраніи Бориса помѣщены въ «Памятникахъ» Н. И. Веселовскаго (II, 38—40) и въ Памятникахъ Дипл. Снош., II, 663 и слѣд.

65 (къ стр. 179). Др. Росс. Вивл., XX, стр. 62—63.—«Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 188. — «Сказанія Массы и Геркмана», стр. 56 и прим. 105. — «Archiv. d. Sapieh.», I, стр. 177—179, и Г. В. Форстена, «Акты и письма», I, № 97.—К. Н. Бестужева-Рюмина, «Обзоръ событій» и т. д. въ Журн. М. Нар. Пр., 1887, іюль, стр. 51, 92, и «Archiv. d. Sapieh.», I, стр. 176. — Ник. Лѣт., VIII, стр. 6, и Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 275—276. — А. И. Маркевича, «О мѣстничествѣ», стр. 328, и «Исторія мѣстничества», стр. 297.

66 (къ стр. 182). «Archiv. d. Sapieh.», I, стр. 176—180. — Чтенія М. О. И. и Д., 1893, I, «Датскій архивъ», стр. 298—300. — «Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ», изд. Устрялова, I, стр. 14—15.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 12—15, 325, 355.—Карамзинъ, X, прим. 386.—Любопытно, что назначенные изъ Москвы въ Смоленскъ кн. Т. Р. Трубецкой и во Псковъ кн. А. Голицынъ были встрѣчены тамъ непріязненно: старые воеводы не желали съ ними дѣлать дѣлъ, впрочемъ, изъ мѣстническихъ соображеній. Скрывались ли здѣсь иные мотивы, сказать трудно. — Объ игуменѣ Іоакимѣ срвн. А. Э., II, № 7, стр. 42 и стр. 47.—Въ изложеніи письма А. Сапѣги 5 (15) февраля о

царевичѣ Димитріѣ («Archiv. d. Sapieh.», I, № 214) слѣдуемъ переводу С. Л. Пташицкаго, лишь восполняя пропущенное имъ (Журн. М. Н. Пр., 1893, январь, стр. 210). — О названіи «Пятигорки» см. К. Н. Бестужева-Рюмина «Русск. Ист.», II, стр. 264, примѣч.

67 (къ стр. 183). А. Э., II, № 10.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 30.—Соловьевъ, «Обзоръ событій» и т. д. въ Современникѣ, 1848, томъ VII, 38—40. — Бестужевъ-Рюминъ, «Обзоръ событій» и т. д. въ Журн. М. Н. Просв., 1887, іюль, стр. 85.—О времени похода къ Серпухову—Русск. Ист. Библ., II, № 45 и 46.—«Archiv. d. Sapieh.», I, стр. 187—188.—Неизвѣстно точно, когда приносили первую присягу Борису, но во всякомъ случаѣ вскорѣ по избраніи его, до 9-го марта (А. Э., II, № 7, стр. 27, 37 и 39). Такимъ образомъ, дата «15 сентября» на подкрестной записи (въ А. Э., II, № 10) указываетъ на вторичную присягу. И нѣкоторыя частности разсказа Ив. Тимоѳеева (срвн. Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 333, 329, 344—350) ведутъ къ тому же заключенію, что присяга была повторена: авторъ относитъ то крестное цѣлованье Борису, о которомъ подробно разсказываетъ, ко времени его «воцаренія», а это слово у Тимоѳеева значитъ «вѣнчаніе на царство».

68 (къ стр. 185). С. Г. Г. и Д., II, № 82, стр. 181.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 930; срвн. С. Платоновъ, «Древнерусск. сказанія и повѣсти» и т. д., стр. 280. — В. О. Ключевскій въ Русской Мысли, 1892, январь, стр. 146.—А. Э., II, стр. 16 и 61.—С. Платоновъ, о. с., стр. 148—149.—Требуя знаковъ вѣрности отъ своихъ новыхъ подданныхъ, царь Борисъ, кажется, и съ своей стороны далъ имъ нѣкоторыя обѣщанія. Въ XVII вѣкѣ жили неопредѣленныя объ этомъ воспоминанія, которыхъ пока нельзя ни отвергнуть, ни разъяснить. Одинъ изъ Пушкиныхъ въ 1651 году говорилъ, что «какъ де и Бориса выбирали на Московское государство, и онъ де въ тѣ поры передъ всѣмъ народомъ клялся, что ему другу не дружить, а недругу не мстить» (А. И. Маркевичъ, «О мѣстничествѣ», стр. 506; срвн. Котошихина, изд. 3-е, стр. 141).

69 (къ стр. 188). Костомаровъ, «Смутное время», изд. 1883 г., I, стр. 49—50.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 46—47.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 316—319.—Буссовъ, въ изд. Устрялова, стр. 28—29.—А. И., II, № 38, стр. 39, 41, 51 и др.—Въ 1615 году польскіе дипломаты вспоминали «дѣло Романовыхъ» при Борисѣ и обвиняли Романовыхъ въ томъ, что они хотѣли «господарства на себе». (Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 475). — Ник. Лѣт., VIII, стр. 41—45.—Сборникъ Тр.-Серг. Лавры, № 530, л. 46—47, и Писцовыя книги, изд. Калачова, I, стр. 63, 106 (о Бартеневыхъ).—О верстаніи холоповъ землею «за доводы» см. Ник. Лѣт., VIII, стр. 41, и В. Н. Сторожева, «Десятни»

(въ Матеріалахъ для ист. русск. дворянства. I. М. 1891), стр. 89 и 91.— Н. П. Лихачевъ, «Библіотека и архивъ моск. государей», стр. 137.—Объ одновременной съ дѣломъ Романовыхъ опалѣ на Шереметевыхъ у А. П. Барсукова, «Родъ Шереметевыхъ», т. II, глава IV.

70 (къ стр. 190). А. Э., II, № 28, стр. 78.—С. Г. Г. и Д., II, № 152, стр. 322, и Бантышъ-Каменскій въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др., 1861, I, стр. 44.—«Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи» И. М. Болдакова, изд. графа С. Д. Шереметева. Спб. 1896, стр. 63 (здѣсь любопытны офиціальныя показанія объ Отрепьевѣ отъ конца 1604 года).—«Сказаніе, еже содѣяся» и пр. въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др., 1846—1847, IX, стр. 3—4. — Щербатовъ, «Ист. Росс.», XIII, стр. 211, и Костомаровъ, «Кто былъ первый Лжедимитрій», стр. 41 и 48.—Русск. Ист. Библ., VIII, № 8.—Маржеретъ (въ изд. Устрялова, стр. 309) намекаетъ, что и Романовы могли спасти царевича отъ покушеній.— О раннемъ появленіи самозванца см. у Маржерета (стр. 292), Массы (стр. 75) и въ нѣмецкой запискѣ (издана въ X-мъ выпускѣ Лѣтописи Занятій Археогр. Комм., стр. 46—47); этой запискѣ послѣ бесѣды о ней съ о. Пирлингомъ я придаю важное значеніе (о ней правильно замѣтилъ г. Peregrinus въ Новомъ Времени № 8308, отъ 14-го апрѣля 1899 года, что эта записка «не по достоинству оцѣнивалась»). Срвн. Костомарова, о. с., стр. 20, и В. С. Иконникова, «Новыя изслѣдованія по исторіи Смутнаго времени». К. 1889, стр. 72.—Н. Бицынъ (Н. М. Павловъ), «Правда о Лжедимитріѣ» (въ Русск. Архивѣ, 1886, II), стр. 532.

71 (къ стр. 194). Костомаровъ, «Смутное время», I, (изд. 1883 г.), стр. 144.—Карамзинъ, XI, прим. 225. — Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 308, 269, 274. — О Свирскомъ и казакахъ — Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 269, 272, и Доп. А. И., I, № 151, стр. 255, 258 (срвн. С. Г. Г. и Д., II, стр. 196); Le P. Pierling, «Rome et Démétrius» (P. 1878), стр. 161—162, 201—203; Паэрле (изд. Устрялова), стр. 156. — Pierling, о. с., стр. 40, 43.—Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 295, 310. — По вновь обнародованному письму изъ лагеря Самозванца въ Черниговѣ отъ 12 (2-го) ноября 1604 года можно заключить, что къ Самозванцу уже въ Черниговѣ пришло 9.000 казаковъ съ Поля, «konnicy, czyli kozaków dońskich». Безъ нихъ численность войскъ Самозванца, при переходѣ черезъ московскую границу, равнялась 3.000 человѣкъ и еще столько же пристало къ нему уже на походѣ до 10-го ноября. (См. Kraj, 1898, № 47, стр. 17; Кіевская Старина, 1899, январь, отд. II, стр. 11—12; A. Hirschberg, «Dymitr Samozwaniec», 1898, стр. 75).—Трудъ г. Гиршберга, статья Е. Н. Щепкина «Wer war Pseudodemetrius I? (въ «Archiv für Slavische Philologie», Ягича, XX), а въ особенности изданіе о. Пирлинга «Lettre de Dmitri dit le Faux à Clément VIII» (Paris. 1898), показываютъ, что вопросъ о лич-

ности и дѣятельности перваго Самозванца можетъ получить дальнѣйшее разъясненіе путемъ дѣйствительно научнаго разысканія и изслѣдованія историческаго матеріала, безъ помощи произвольныхъ домысловъ и гадательныхъ построеній. Послѣ изданія о. Пирлинга врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что Самозванецъ былъ московскаго происхожденія. Въ брошюрѣ Ст. Л. Пташицкаго «Письмо перваго Самозванца къ папѣ Клименту VIII» (Спб. 1899; изъ тома IV, кн. 2-й, Извѣстій Отд. Р. яз. и Слов. Акад. Наукъ) читатель найдетъ сводъ мнѣній и заключеній по данному вопросу.

72 (къ стр. 197). Le P. Pierling, o. c., стр. 203: «arces confinibus vicinas per deditionem nos occupaturos speramus».—О десятинной пашнѣ см. у. И. Н. Миклашевскаго, «Къ исторіи хозяйств. быта Московскаго государства», I, стр. 217—222; 266—272, и у Д. И. Багалѣя въ рецензіи на этотъ трудъ въ Отчетѣ о 37-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 188.—Указъ 1601 г. о хлѣбной спекуляціи въ Сборникѣ кн. Хилкова, № 62, и въ Ист.-юридич. актахъ XVI и XVII вв. М. И. Семевскаго. Спб. 1892, стр. 55—60 (Лѣтопись Занятій Археогр. Коммиссіи, вып. IX).—Буссовъ (въ изд. Устрялова), стр. 34—36.—«Сказанія Массы и Геркмана», стр. 77—82.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 53—54.—Авр. Палицынъ въ изд. 1822 г., стр. 16—17, и Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 484.—Сборн. Ист. Общ., т. 38, стр. 437, 439, 441.

73 (къ стр. 200). Le P. Pierling, «Rome et Démétrius», стр. 53, 202.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 26.—О мѣстѣ и времени переправы черезъ Днѣпръ срвн. С. Г. Г. и Д., II, № 80; Сборникъ лѣтописей, отн. къ исторіи Южн. и Зап. Россіи. К. 1888, стр. 78, и «Записки Божка Балыки» (изъ Кіевск. Старины 1882 г.), стр. 4; также Kraj, 1898, № 47, стр. 17.—Свѣдѣнія о путяхъ здѣсь приводятся на основаніи данныхъ, изложенныхъ выше, во второй главѣ.—Данныя о походѣ беремъ преимущественно изъ дневника Борши (Русск. Ист. Библ., I), сочиненій Паерле и Маржерета и документовъ, обнародованныхъ о. Пирлингомъ.—Составъ Новгородъ-Сѣверскаго гарнизона указанъ въ Актахъ Моск. Гос., I, № 42; срвн. Паерле (въ изд. Устрялова), стр. 157.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 60—61.—Акты Зап. Росс. IV, стр. 280—281.—Карамзинъ, XI, прим. 242, 251; Башмак. разрядн., л. 754 об.: «посылалъ государь по вѣстямъ, какъ шелъ Рострига, въ Черниговъ бояръ князя Дмитрія да князя Никиту Романовичевъ Трубецкихъ да околничего П. Ѳ. Басманова..... и они въ Черниговъ не поспѣли» и т. д.—С. Г. Г. и Д., II, стр. 170.—О составѣ гарнизонныхъ войскъ въ другихъ городахъ за то же время можемъ судить лишь по случайнымъ даннымъ: о Черниговскихъ, Рыльскихъ, Путивльскихъ воинскихъ людяхъ есть, напримѣръ, данныя въ Акт. Моск. Гос., I, стр. 18, 34, и въ Актахъ А. И. Юшкова (Чтенія Моск. О. Ист. и Др., 1898 г., III), №№ 241, 258. См. также письмо упомянутое выше, въ примѣч. 71-мъ (Kraj, 1898, № 47, стр. 17; Кіевская Старина, 1899, январь, отд. II, стр. 9—13).

74 (къ стр. 203). Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 28.—О первыхъ признавшихъ Самозванца городахъ см. С. Г. Г. и Д., II, стр. 170. — Карамзинъ, XI, прим. 242 и 244.—С. Г. Г. и Д., II, стр. 175.—О резервномъ корпусѣ Шереметева свѣдѣнія неполнѣ ясны: Ник. Лѣт., VIII, стр. 63; Карамзинъ, XI, стр. 98 и прим. 330; Маржеретъ (въ изд. Устрялова), стр. 294. — Въ Башмак. разряной, л. 755 об.: «а подъ Кромы послалъ государь воеводу Ѳ. И. Шереметева; а какъ бояре и воеводы кн. Ѳ. И. Мстиславской съ товарищи пришли подъ Кромы, и Ѳ. Шереметеву велѣно быть на Орлѣ». — Объ одновременномъ приходѣ запорожцевъ и уходѣ поляковъ точнѣе всего С. Г. Г. и Д., II, стр. 171—172, и Паерле, стр. 162—163; Борша (стр. 383), кажется, перепуталъ послѣдовательность событій. См. также Акты Зап. Росс.; IV, стр. 277, 284, и Русск. Ист. Библ., I, стр. 398.—Мѣсто битвы 20 января пріурочиваютъ и къ Добрыничамъ (Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 32, 725) и къ Чемлигу (тамъ же, 573, и «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 325); о Чемлижскомъ станѣ см. Акты М. Госуд., I, стр. 314, 323.—Русск. Ист. Библ., I, стр. 15, 38.

75 (къ стр. 205). «Pierling, «Rome et Démétrius», стр. 204—205, 208 (на стр. 204 «Pelec et Lepina» читаемъ «Елецъ и Ливны»). — Паерле (въ изд. Устрялова), стр. 166.—Борша (Русск. Ист. Библ., I), стр. 393.—Костомаровъ, «Смутное время», I (изд. 1883 г.), стр. 178.—Маржеретъ (въ изданіи Устрялова), стр. 295, и Ник. Лѣт., VIII, стр. 63.—Акт. Зап. Росс., IV, стр. 280—281.

76 (къ стр. 207). Объ укрѣпленіяхъ и осадѣ Кромъ см. «Книгу Б. Чертежу» (изд. Языкова), стр. 107; «Сказанія И. Массы и Геркмана», стр. 126 и слѣд., P. Pierling, o. c., стр. 70; Русск. Ист. Библ., I, стр. 392—393; XIII, стр. 36; Ник. Лѣт., VIII, стр. 64. — О численности гарнизона въ Кромахъ срвн. И. Н. Миклашевскаго «Къ исторіи хозяйств. быта Моск. госуд.», I, стр. 159 (столб. Арх. М. Юст., Бѣлгородск. стола, № 3.931, лл. 281—286), и Акт. Моск. Гос., I, стр. 76—77.—Объ экстренныхъ мѣрахъ по собранію ополченія противъ Гришки есть любопытный документъ въ С. Г. Г. и Д., II, № 78; но дата 12 іюня 7112 года и особенности языка внушаютъ опасеніе, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ подлогомъ. Объ этой грамотѣ, полнѣе напечатанной въ Судебникѣ Татищева (изд. 1768 года, стр. 130—134), намъ придется упомянуть и ниже (примѣчаніе 115).

77 (къ стр. 208). Древн. Росс. Вивл., XX, стр. 56.—«Сказанія Массы и Геркмана», стр. 138.—О вкладахъ Д. И. Годунова въ монастыри см., напримѣръ, «Переписныя книги Костромского Ипатьевскаго монастыря» М. Соколова (въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др. за 1890 годъ, стр. 1, 3 и другія) и брошюру іером. Павла (Крылова) «Троицкій Колязинъ монастырь» (Калязинъ. 1897), стр. 79.—Карамзинъ, XI, стр. 59, и Масса, стр. 132—133.—Объ

Ив. Ив. Годуновѣ у Карамзина по «Ключу» Строева.—О болѣзни Бориса С. Г. Г. и Д., II, стр. 176; Жолкѣвскій (изд. 2-е), стр. 6.—Мнѣніе покойнаго К. Н. Бестужева-Рюмина (Ж. М. Н. Пр., 1887, іюль, стр. 101), что Басмановъ не выскочка, а принадлежитъ къ старому московскому боярству, справедливо, если имѣть въ виду вопросъ исключительно о происхожденіи Басманова.—Очень любопытны свѣдѣнія о дѣтствѣ братьевъ Петра и Ивана Басмановыхъ въ Актахъ Ѳедотова-Чеховскаго, I, стр. 266.

78 (къ стр. 210). Башмак. разрядная, л. 743 об., и Симбирскій Сборникъ, Разрядная книга, стр. 140.—Русск. Ист. Библ., I, стр. 17.—Жолкѣвскій (изд. 2-е), стр. 6.—Доп. А. И., I, стр. 261.—С. Г. Г. и Д., II, № 141, и А. Э., II, стр. 102.—Др. Росс. Вивл., XX, стр. 61, 64, 72.—Флетчеръ, глава IX (ed. Bond, p. 36).—Маржеретъ (въ изд. Устрялова), стр. 292.—«Arch. dom. Sapieh.», I, стр. 178, и Карамзинъ, X, прим. 386; XI, прим. 61.—Зап. Имп. Русск. Археолог. Общества, т. X, вып. 1 и 2, статья г. Тыжнова, стр. 157.

79 (къ стр. 212). «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 324—327.—Карамзинъ, XI, прим. 242, 272; также Башмак. разрядн., л. 754 и слѣд.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 30, 39—42, 576—577, 725—728.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 65.—Буссовъ (въ изд. Устрялова), стр. 33, 39.—Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, 746—747.—В. С. Иконниковъ, «Новыя изслѣдованія по исторіи Смутнаго времени» (К. 1889), стр. 71—72.—О Безобразовѣ и Толочановѣ см. Жолкѣвскій (изд. 2-е), стр. 9—10; Акт. Зап. Росс., IV, стр. 473—474; «Сказанія современниковъ о Д. Самозванцѣ» Устрялова, т. II (изд. 3-е), стр. 135, 180, и Соловьевъ, II, стр. 1075—1076 (здѣсь важенъ разговоръ Д. Шуйскаго съ Гонсѣвскимъ). См. также Виленскій Археографическій Сборникъ, I, № 79. Сопоставленіе указанныхъ мѣстъ ведетъ къ убѣжденію, что сношенія бояръ съ Сигизмундомъ были серьезны.—А. И., II, № 54.—О поведеніи В. И. Шуйскаго по смерти Бориса обстоятельно у Костомарова, «Смутное время», I (изд. 1883 г.), стр. 225—226, 232; см. также Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 282; Паерле (въ изд. Устрялова), стр. 173—174; Петрей въ «Rerum Rossicarum Scriptores Exteri», I, стр. 173 (также у Устрялова, I, стр. 376, и у Карамзина, XI, прим. 336). Толкуемъ указаніе Петрея въ томъ смыслѣ, что къ Шуйскому явились частнымъ образомъ, въ его дому, и что говорилъ онъ не на площади.

80 (къ стр. 214). Ник. Лѣт., VIII, стр. 69, и Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 578.—Акты Зап. Россіи, IV, стр. 280—281.—P. Pierling, «Rome et Démétrius», стр. 210.—«Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 328, и Карамзинъ, XI, прим. 318.—«Сказанія Массы и Геркмана», стр. 128—142 (особенно 141).—

Объ участіи «городовъ» въ измѣнѣ подъ Кромами Ник. Лѣт., VIII, стр. 65—66; «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 328, и Карамзинъ, XI, прим. 321; Башмак. разрядная, л. 756 об.; Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 40, 728; Акты Зап. Россіи, IV, стр. 293.

81 (къ стр. 215). Писцовыя книги Рязанскаго края, изд. В. Н. Сторожевымъ, I (Рязань, 1898), стр. 29, 32, 36, 49, 59, 86, 95, 123, 179, 227, 239, 240, 248, 263, 264, 266, 286, 310, 317, 318, 376, 377, 391—393, 395, 399, 400, 406—409.—Акты Моск. Гос., I, № 255.—Соловьевъ, II, 756, 814.—Симбирскій Сборникъ, Разрядн., стр. 152; бумаги Кикиныхъ, стр. 4.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 6—7.—Масса, стр. 156—157.—Акты г. Юшкова въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др., 1898, III, №№ 220 и 264; сравн. Акт. Юр., № 24, и Н. П. Лихачева, Сборникъ актовъ (Спб. 1895), стр. 245—271.—См. также Н. П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI вѣка», стр. 466.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 69.

82 (къ стр. 216). В. Н. Сторожевъ, «Десятни», стр. 368, 393.—«Сказанія Массы и Геркмана», стр. 143—146.—Повѣствованіе о подвигахъ капитана Запорскаго, приводимое съ его словъ, напримѣръ, у Борши и Паерле, намъ не внушаетъ довѣрія.—О распущеніи войска есть различіе въ подробностяхъ у Борши (Русск. Ист. Библ., I, 396), Массы (стр. 146) и Маржерета (стр. 297); сравн. Акт. Зап. Росс., IV, стр. 282.—О Б. Лыковѣ Башмак. разрядн., л. 756 об.; Масса, стр. 146; Сборникъ Муханова, стр. 159; также Карамзинъ, XI, прим. 330.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 66.

83 (къ стр. 219). «Сказанія Массы и Геркмана», стр. 146.—С. Г. Г. и Д. II, № 87.—Акт. Зап. Росс., IV, стр. 281—282, и «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 329.—Русск. Ист. Библ., I, стр. 397; XIII, стр. 332—333.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 69 (и стр. 61); срвн. Карамзинъ, XI, прим. 342.—О дѣлахъ въ Москвѣ между 13 апрѣля и 10 іюня излагаемъ согласно замѣчаніямъ очевидца Массы (стр. 139—152).—О Красномъ селѣ см. отзывъ Геркмана (стр. 233) и Буссова (изд. Устрялова, стр. 43).—О гонцахъ самозванца Ник. Лѣт., VIII, стр. 66—67, и Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 47, 577, 729.—Буссовъ подстрекателемъ черни называетъ Б. Я. Бѣльскаго (изд. Устрялова, стр. 45).

84 (къ стр. 121). Буссовъ (въ изд. Устрялова), стр. 56, 76.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 67—68.—P. Pierling, «Rome et Démétrius», стр. 85; срвн. «Сказанія Массы и Геркмана», стр. 163.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 71.

85 (къ стр. 221). Срвн. Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 492, 734; А. И., I, стр. 438; «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 187; Карамзинъ, т. X, прим. 137.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 72.—Масса, стр. 162, 165; 159 и 162.—С. Г. Г. и Д., II, стр. 262—263.

86 (къ стр. 223). Др. Росс. Вивл., XX, стр. 76—80. — А. Юр., № 365, I.—С. Г. Г. и Д., II, № 115 и № 93. — Масса, стр. 170, 172. — Ник. Лѣт., VIII, стр. 74. — С. Г. Г. и Д., II, стр. 261, и Русск. Ист. Библ., I, стр. 399. — Масса, стр. 170, и Маржеретъ (въ изд. Устрялова), стр. 300. — Въ текстѣ нами сказано, что Филаретъ Никитичъ сталъ ростовскимъ митрополитомъ съ весны 1606 года. Насколько мы знаемъ, точно не установлено время нареченія и посвященія его въ Ростовъ. Но изъ документовъ Кириллова монастыря (Акт. Юр., № 221, III и IV) видно, что еще 11 апрѣля 7114 (1606) года на Ростовской каѳедрѣ былъ митрополитъ Кириллъ. Стало быть, если смѣна его Филаретомъ произошла не во время майскаго переворота, а еще при власти Самозванца, то въ самыя послѣднія недѣли его царствованія. Филаретъ, вѣроятно, и не былъ въ Ростовѣ до тѣхъ поръ, пока его не отправилъ туда царь Василій Шуйскій.

87 (къ стр. 224). Буссовъ (въ изд. Устрялова), стр. 52, и Палицынъ (изд. 1822 г.), стр. 224.—С. Платоновъ, «Древнерусскія сказанія и повѣсти» (по Указателю о патр. Гермогенѣ, арх. Ѳеодосіѣ, Т. Осиповѣ.—Палицынъ (изд. 1822 г.), стр. 29.—О прозвищѣ «шубникъ» см. Буссова (въ изд. Устрялова), стр. 80, и Геркмана (изд. Археограф. Коммиссіи), стр. 292. — С. В. Рождественскій, «Служилое землевладѣніе» и пр., стр. 183—184. — Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1855, Смѣсь, стр. 1—16. — «Сказанія современниковъ и Дим. Самозванцѣ», изд. Устрялова, II, стр. 160, 161.—Масса, стр. 180, 193, 202.—Карамзинъ, XI, прим. 524 (въ изданіи «Сказанія Бодянскаго» это мѣсто, на стр. 23, испорчено).—Карамзинъ, XI, стр. 165 и прим. 528.

88 (къ стр. 225). С. Г. Г. и Д., II, № 121, стр. 263. — Масса, стр. 174—175. — Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 78, и Ник. Лѣт., VIII, стр. 74; также Масса, стр. 175—176. — А. Э., II, № 41. — Паерле, стр. 193, и Масса, стр. 196. — Масса, стр. 192—193. — «Сказанія современниковъ о Дим. Самозванцѣ», изд. Устрялова, I, стр. 58—59; 302—303; II, стр. 160, 235—236; Русск. Ист. Библ., I, стр. 419 — 420. — Записки Жолкѣвскаго, изд. 2-е, стр. 170—171. — Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 498.

89 (къ стр. 226). Русск. Ист. Библ., I, стр. 421—422. — «Сказанія современниковъ о Дим. Самозванцѣ», I, стр. 192; II, стр. 237. — Объ участіи стрѣльцовъ въ нападеніяхъ на поляковъ есть указаніе ibid., II, стр. 162. — Перечень бояръ ibid., II, стр. 163—164; 244—245; «Arch. d. Sapieh.», I, стр. 500.—Сообщеніе Степенной Книги Латухина (Карамзинъ, XI, прим. 524) объ участіи кн. Ивана Семеновича Куракина въ переворотѣ врядъ ли можетъ быть принято: кн. И. С. Куракинъ былъ тогда воеводою въ Смоленскѣ (Акт. Зап. Росс., IV, стр. 291, 302). Впрочемъ, въ его сочувствіи перевороту можно не сомнѣваться, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія. — «Сказанія современниковъ о Дим. Самозванцѣ», II, стр. 169, 242—243.

90 (къ стр. 229). Ник. Лѣт., VIII, стр. 76. — Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 389—390.—Сравн. Карамзинъ, XI, прим. 524, 568; XII, прим. 6; Латух. Степ. Книга въ рукописи Имп. Публ. Библ., F. IV. 597, л. 469 об.; Страленбергъ, «Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia», 1730, S. 200—202; Голиковъ, «Дѣянія Петра В.», изд. 2-е. XII, стр. 203.—А. Э., II, стр. 110 и № 44; Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 69—70.

91 (къ стр. 231). В. О. Ключевскій, «Боярская дума», гл. XVIII.—Письма царя Алексѣя Михайловича, изд. П. Бартенева, стр. 225 и 232; сравн. А. Ѳ. Бычкова, «Описаніе рукоп. сборниковъ Имп. Публ. Библ.», I, стр. 404—405. Источникомъ, откуда царь Алексѣй черпалъ на этотъ разъ свои мысли о царскомъ служеніи, былъ, вѣроятно чинъ царскаго вѣнчанія (см. Е. В. Барсова, «Древнерусскіе памятники свящ. вѣнчанія царей на царство», стр. 57, 82), или же непосредственно глава 9-я Книги Премудрости Соломона.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 76.— Существованіе ограничительной записи готовъ отрицать и А. И. Маркевичъ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1891, октябрь, стр. 393—395). — Новое, недавно опубликованное извѣстіе о вѣнчаніи царя Василія, принадлежащее Арсенію, елассонскому архіепископу, говоритъ (и невѣрно), что Шуйскій былъ коронованъ 26-го мая (слѣдуетъ: 1-го іюня) и что архіереи взяли съ В. Шуйскаго клятву «въ присутствіи всѣхъ и предъ св. крестомъ», что онъ будетъ править по закону, «а не такъ, какъ прежде (было), во времена царя Бориса, который за одного преступника наказывалъ многихъ» (Труды Кіевской Дух. Академіи, 1898, май, стр. 88—89). Трудно повѣрить тому, чтобы починъ царской клятвы могъ исходить отъ «архіереевъ»; но заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Арсеній толкуетъ «клятву», какъ обѣщаніе измѣнить старый способъ управленія.

92 (къ стр. 233). Др. Росс. Вивл., XX, стр. 77, 79—81.—Маржеретъ (въ изд. Устрялова), стр. 307.—«Сказанія современниковъ о Дим. Самозванцѣ», Устрялова, II, стр. 244, 250 (здѣсь называется кн. Василій Трубецкой вмѣсто кн. Андрея Васильевича).—«Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 332.—Карамзинъ, XII, стр. 5.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 77.

93 (къ стр. 236). А. Э., II, стр. 110.—«Сказанія современниковъ о Дим. Самозванцѣ», Устрялова, II, стр. 254.—Акты Зап. Россіи, IV, стр. 287; сравн. «Supplementum ad Hist. Russiae Monumenta», стр. 430.—«Historica Russiae Monumenta», II, № 107. Напрасно въ заглавіи этого документа редакторъ поставилъ имя Игнатія: Игнатій въ то время былъ въ заточеніи въ Москвѣ и получилъ свободу лишь годомъ позже (см. Макарій, «Ист. р. церкви», X, стр. 157; Ник. Лѣт., VIII, стр. 160; срвн. Мархоцкаго «Historya Wojny Moskiewskiéj», стр. 82; Русск. Ист. Библ., I, стр. 592, и Ник. Лѣт., VIII, стр. 131).—Вре-

менникъ М. О. Ист. и Др., XXIII, Смѣсь, стр. 3—4.—О времени поставленія въ патріархи Гермогена Макарій, «Ист. р. церкви», X, стр. 130.—С. Платоновъ, «Древнерусскія сказанія и повѣсти», стр. 257, примѣчаніе.—Упоминаніе, что царь Василій учинился на царствѣ по моленію патріарха и всего государства, находится въ грамотахъ, которыя заключали подробное изложеніе переворота 17—19 мая и были разсылаемы въ теченіе второй половины мая и первой іюня. Срвн. С. Г. Гр. и Д., II, стр. 310; А. Э., II, стр. 110; Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 82; Ник. Лѣт., VIII, стр. 76, 78.

94 (къ стр. 238). Маржеретъ (въ изд. Устрялова стр. 307—308; во французскомъ Chevreul'я, 1855 года, стр. 89—91).—А. П. Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», II, стр. 114—115, 119—120.—Паерле (въ изд. Устрялова), стр. 201.—А. Э., II, № 45.—А. Ѳ. Бычковъ, «Описаніе рукописн. сборниковъ Имп. Публичн. Библ.», I, стр. 38.—Чтенія М. О. И. и Др., 1893, I, «Датскій архивъ», стр. 178, 300—301.—Древн. Росс. Вивл., XIX, стр. 385; XX, стр. 82 и 78.—С. Платоновъ, «Древнерусскія сказанія и повѣсти», стр. 184.

95 (къ стр. 239). «Сказанія современниковъ о Дим. Самозванцѣ», изд. Устрялова, II, стр. 170, 177.—А. Э., II, № 47.—Макарій, «Исторія р. церкви», X, стр. 130.—Маржеретъ (въ изд. Устрялова), стр. 307—308.—Нѣсколько иначе, чѣмъ здѣсь, объясняются отношенія царя Василія къ боярамъ въ статьѣ С. В. Рождественскаго «Царь В. И. Шуйскій и боярство» (Историческое Обозрѣніе, т. V).

96 (къ стр. 241). Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 38.—Паерле (въ изд. Устрялова), стр. 201.—Масса (изд. Арх. Комм.), стр. 212 и слѣд.—С. Платоновъ, «Древнерусскія сказанія и повѣсти», стр. 46.—«Сказанія совр. о Дим. Самозванцѣ» Устрялова, II, стр. 176—178; срвн. I, 306 (о подметныхъ письмахъ).—Записки Жолкѣвскаго, Прилож., стр. 187—188.

97 (къ стр. 242). Соловьевъ, «Ист. Россія», II, стр. 807—808.—Масса (изд. Арх. Комм.), стр. 154, и Чтенія М. О. И. и Др., 1861, I, Бантышъ-Каменскій, стр. 60.—Грамоты Шуйскаго за май—іюнь 1606 г. многократно издавались; см., напримѣръ, въ С. Г. Г. Д., II, и А. Э., II (ранняя грамота въ С. Г. Г. и Д., II, № 147: она, одна изъ подобныхъ ей, датирована 2 іюня).—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 95, и Ник. Лѣт., VIII, стр. 79.—О Голицыныхъ въ Повѣсти 1606 года—см. Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 39—41.—«Сказаніе о перенесеніи мощей цар. Димитрія» и «Извѣтъ Варлаама» см. тамъ же, 884—898 и 18—25; срвн. С. Платоновъ, «Древнерусск. сказ. и повѣсти», стр. 9—11, 40—45; В. С. Иконниковъ, «Новыя изслѣдованія по исторіи Смутнаго времени» (К. 1889), стр. 6—9.—Объ авторѣ Повѣсти 1606 года см. С. Платоновъ, о. с., стр. 6—8, 179—180.

98 (къ стр. 244). Не повторяемъ извѣстныхъ разсказовъ о томъ, какъ появился, кѣмъ былъ распространяемъ и какой успѣхъ имѣлъ въ лѣтніе мѣсяцы 1606 года слухъ о спасеніи царя Димитрія отъ покушенія Шуйскаго; объ этомъ можно читать въ общихъ трудахъ по исторіи Смуты, гдѣ оказано, по нашему мнѣнію, даже излишнее вниманіе разсказамъ объ этомъ дѣлѣ иностранцевъ, въ особенности Буссова (см. изд. Устрялова, I, стр. 78—80).— Паерле (тамъ же, I, стр. 215) сообщаетъ цѣнныя свѣдѣнія о томъ, какъ въ Москвѣ толковали возстаніе Сѣверы (срвн. «Сказанія Массы и Геркмана», стр. 219).

99 (къ стр. 245). Буссовъ (въ изданіи Археографической Коммиссіи), стр. 71: «wurde Polutnick zum bolschoi Wojwoden (das ist zum obersten Feld-Herrn) gemacht».—О первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ 1606 года см. «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 332; «Сказанія Массы и Геркмана», стр. 178, 219, 221—222; Ник. Лѣт., VIII, стр. 79—80; также С. Г. Г. и Д., II, № 149.—О Ельцѣ есть интересныя свѣдѣнія въ статьѣ Н. Н. Оглоблина въ Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др., 1890, II, стр. 7—8.

100 (къ стр. 247). А. Э., II, стр. 132 и 129; Карамзинъ, XII, прим. 77 и 78.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 80.

101 (къ стр. 249). В. Н. Сторожевъ, «Десятни XVI вѣка», стр. 146—148 и др.; 419, 424—425; 418, 420, 424; 316.—Объ общемъ верстаньѣ дворянъ при самозванцѣ—«Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 329, А. Юр., № 365, I, и В. Н. Сторожевъ, «Десятни», стр. 130—134; 90 и 87, примѣч. 2-е; также Акт. Моск. Гос., I, № 44.—Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, 815.—«Память» въ Акт. Юр., № 365, I, можетъ служить любопытнымъ и цѣннымъ основаніемъ для соображеній о томъ, когда и въ какой обстановкѣ создалось въ Москвѣ выборное представительство; объ этомъ см. въ «Поправкѣ» В. О. Ключевскаго: Русская Мысль, 1892, февраль, стр. 221—222.

102 (къ стр. 250). «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 332.—О Ляпуновыхъ см. выше, въ главѣ третьей.—О Пашковѣ см. Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 372, и В. Н. Сторожевъ, «Десятни», стр. 124, 131—132 (срвн. стр. 92 и 132).— А. Э., II, № 59, и С. Г. Г. и Д., II, № 150 и 151; также Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 109 и 114 (здѣсь Пашковъ прямо называется казачьимъ атаманомъ).

103 (къ стр. 251). «Сказанія Массы и Геркмана», стр. 224, 232.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 83.—О времени прихода мятежниковъ къ Москвѣ см. Бестужевъ-Рюминъ, «Обзоръ» (Ж. М. Н. Просв., 1887, августъ), стр. 251; срв. Паерле (въ изд. Устрялова стр. 216), который страннымъ образомъ ошибается почти на мѣсяцъ.—Дату 2-го декабря беремъ изъ С. Г. Г. и Д., II, № 150 и № 151.—О началѣ открытой войны съ мятежниками см. Устрялова, «Сказ.

соврем. о Дим. Самозв.», II, стр. 178, 181.—Названія возставшихъ городовъ въ А. Э., II, стр. 132, 133, 138.—Свидѣтельство Гонсѣвскаго въ Акт. Зап. Росс., IV, стр. 293.

104 (къ стр. 251). «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 333—334.—А. Э., II, № 61 и стр. 137.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 82.—Бортниковъ относимъ къ инородцамъ на основаніи Витебской Старины А. П. Сапунова, IV, стр. 37, и Др. Росс. Вивл., XIV, стр. 351 (инородцамъ ведется особый счетъ).—Дѣйствія Нижегородской Архивной Коммиссіи, вып. IX, стр. 399.—П. И. Мельниковъ, «Нижній-Новгородъ и Нижегородцы въ Смутное Время» (Отечеств. Записки, 1843, т. XXIX), стр. 8—9.

105 (къ стр. 253). А. Э., II, № 81.—А. И., I, № 230 (стр. 441).—Бутурлинъ, «Ист. Смутнаго времени», т. II, Приложеніе № VII; срвн. Русск. Ист. Библ., т. XIII, стр. 228, и т. I, стр. 122. Къ числу такихъ мелкихъ самозванцевъ принадлежитъ и Недвядко (Niedzwiadko), котораго смѣшивали иногда съ Илейкой; см. Бодянскаго «О поискахъ въ Познанской Публ. Библ.» въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др. 1846, I.—Маржеретъ (изд. Устрялова), стр. 301.—«Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 330—331, 335.—С. Платоновъ, «Сказ. и пов. о Смутн. времени», стр. 183 и слѣд.—Р. Ист. Библ., II, стр. 170, 199.—А. Э., II, № 60, и С. Г. Г. и Д., II, № 151.

106 (къ стр. 255). «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 332.—А. Э., II, №№ 57 и 58.—Паерле (въ изд. Устрялова), стр. 217.

107 (къ стр. 256). «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 331: «въ 115 году въ осени» отмѣчены сношенія Рязанскихъ городовъ съ Путивлемъ.—А. Э., II, № 58, стр. 133.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 82.

108 (къ стр. 257). Ник. Лѣт., VIII, стр. 80—81.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 177—184; срвн. 101—106, и С. Платоновъ, «Сказанія и повѣсти о Смутномъ времени», стр. 56—60 (о повѣсти протопопа Терентія).—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 96—114, и С. Платоновъ, о. с., стр. 48—51.—О панѣ Севастьянѣ Кобельскомъ срвн. Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 106—107; Акты Юр., № 215, I, и Досиѳея «Описаніе Соловецкаго монастыря», I, стр. 90.

109 (къ стр. 259). «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 332.—А. Э., II, стр. 133—134.—«Сказанія Массы и Геркмана», стр. 233, прим. 335.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 109.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 83.—О «взятіи» И. Пашкова срвн. Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 114; А. Э., II, № 59; С. Г. Г. и Д., II, №№ 150—151.—Акты г. Юшкова (въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др., 1898, III), № 268.

110 (къ стр. 260). Война Шуйскаго съ ворами много разъ излагалась въ трудахъ Карамзина, Соловьева, Костомарова и др. Нѣкоторыя частности военныхъ операцій остаются, впрочемъ, не разъясненными и между ними на первомъ мѣстѣ сообщеніе Массы (стр. 240) и русскаго автора (Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 112; срвн. Карамзинъ, XII, прим. 125) объ измѣнѣ Шуйскому цѣлаго войска съ двумя воеводами. Былъ бы очень интересенъ пересмотръ всѣхъ военныхъ событій этой войны съ точки зрѣнія спеціально-военной.—Объ «атаманахъ» Пашковѣ и Беззубцовѣ см. А. Э., II, 59, и С. Г. Г. и Д., II, №№ 150 и 151 (Дальнѣйшая исторія Беззубцева неясна: по видимости, онъ измѣнилъ Шуйскому очень скоро: срвн. ниже наше примѣч. 118; см. также Масса, стр. 245, и Буссовъ, въ изд. Устрялова, стр. 92). — «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 332.—О военныхъ приготовленіяхъ Шуйскаго: А. И., II, № 78; А. Э., II, №№ 70, 72, 77; А. Ю., №№ 336, 337; Акты г. Юшкова (въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др. 1898. III), № 269; Масса, стр. 242.—О ходѣ военныхъ дѣйствій: Ник. Лѣт., VIII, стр. 81—84, и Карамзинъ, XII, прим. 105; «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 333 и слѣд.; Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 110—114; Акты г. Юшкова, № 268.

111 (къ стр. 262). А. Э., II, № 77; Масса, стр. 247; «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 336—337.—«Рукопись Филарета», стр. 13 (въ Сборникѣ Муханова стр. 275), и Масса, стр. 247.—«Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 334—336, и А. Э., II, № 74.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 89; А. Э., II. № 76; Акты г. Юшкова (въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др. 1898, III), №№ 271, 272.—«Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 337; Масса, стр. 241, и Акты г. Юшкова, № 270.—О жестокостяхъ: Ник. Лѣт., VIII, стр. 83, 85, 88; «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 335—336; Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 110; Масса, стр. 242, 249—250; П. С. Р. Лѣт., IV, стр. 323.

112 (къ стр. 262). Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 484, и «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 337.—Шуйскаго воеводы пришли подъ Тулу «въ десятую пятницу по Велицѣ дни», то-есть 12 іюня («Изборникъ», 336; Карамзинъ, XII, прим. 133); самъ же Шуйскій пришелъ 30 іюня («Рукоп. Филарета», стр. 13; въ Сборникѣ Муханова стр. 275). — О Кровковѣ, котораго звали Иваномъ, см. «Изборникъ», стр. 337—338, и сводъ прочихъ извѣстій у Карамзина, XII, прим. 152.—Кровковы, Сума Васильевъ съ сыновьями Меньшикомъ, Иваномъ и Осипкомъ, записаны въ Муромскихъ десятняхъ 1597 и 1605 года; въ 1605 году Сума Кровковъ былъ окладчикомъ; сынъ же его Иванъ въ десятнѣ 1597 года записанъ въ числѣ неслужилыхъ новиковъ, только что принятыхъ въ службу на средній окладъ 200 четей и 5 рублей (См. В. Н. Сторожева, «Десятни», стр. 68 и примѣч. на стр. 65-й; стр. 72, 77, 86). Интересно, что редакторъ «Рукописи Филарета» (стр. 13; въ Сборникѣ Муханова стр. 275)

въ отмѣткѣ между строкъ назвалъ Ивана Кровкова «Мѣшокъ»: онъ или замѣнилъ прозвище «Сума» синонимомъ «Мѣшокъ» и перенесъ его съ отца на сына; или же сообщилъ намъ прозвище самого Ивана, полученное оттого, что онъ, когда строилъ плотину, «повелѣ со всей рати со всякаго человѣка привести по мѣшку съ землею» (Ник. Лѣт., VIII, стр. 91).—О сдачѣ Тулы А. Э., II, № 81, и Паерле (въ изд. Устрялова, I), стр. 221; срвн. Арцыбышева, «Повѣствованіе о Россіи», III, прим. 922, и «Рукопись Филарета», стр. 14 (въ Сборникѣ Муханова, стр. 276).

113 (къ стр. 264). Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 115.—«Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 196, 338.—«Сказанія Массы и Геркмана», стр. 249—250.—А. И., II, № 85, стр. 115, и М. Ф. Владимірскаго-Буданова «Христоматія», III, стр. 108.—Г. В. Форстенъ, «Политика Швеціи въ Смутное время» въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, февраль, стр. 330 и слѣд.—Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, стр. 849—850.

114 (къ стр. 267). А. Э., II, № 67.—«Христоматія» М. Ф. Владимірскаго-Буданова, III, стр. 106, прим. 31; сравн. стр. 97—98; 111—113; 107.—В. О. Ключевскій, въ Русской Мысли, 1885 г., августъ, стр. 26 и слѣд.—В. И. Сергѣевичъ, «Юридич. Древности», I, стр. 186.—Н. П. Павловъ-Сильванскій, «Закладничество-патронатъ», стр. 32 и слѣд.—Мы ставимъ приговоръ 12-го сентября 1609 года въ прямую связь съ обѣщаніемъ царя Василія «говорить съ бояры», даннымъ весною того же года. Такъ какъ боярскій приговоръ состоялся, очевидно, по царскому почину и совершенно не противорѣчилъ личному настроенію царя, поскольку оно выразилось въ указѣ 21-го мая, то и нѣтъ основанія видѣть здѣсь какое-либо проявленіе ограничительныхъ условій, подчинявшихъ будто-бы царскую власть авторитету бояръ. Срвн. по данному вопросу М. Ф. Владимірскаго-Буданова, «Обзоръ исторіи русск. права», I, 1886, стр. 139—140, и В. И. Сергѣевича, «Юрид. Древности», II, стр. 466—467).

115 (къ стр. 268). В. Н. Сторожевъ, «Указная книга Помѣстнаго приказа», М. 1889, стр. 5—6. — Судебникъ Татищева въ изд. 1768 года, стр. 127, 134—138; также Бутурлинъ, «Исторія Смутнаго времени», II, приложенія, стр. 42—45. — В. О. Ключевскій, въ Русской Мысли, 1885, октябрь, стр. 14—15. — Вопросъ о подлинности указа 9-го марта 1607 года, заподозрѣннаго Карамзинымъ, Погодинымъ, Бѣляевымъ и др., разрѣшается не такъ легко, какъ представляется съ перваго взгляда. Врядъ ли можно заподозрить самого ищева въ поддѣлкѣ или порчѣ текста «уложенія» 9-го марта. Онъ полу-, этотъ документъ отъ кн. С. Д. Голицына вмѣстѣ съ двумя другими, а чо: 1) съ письмомъ Грознаго къ архіепископу Гурію Казанскому и 2) съ мъ приговоромъ 7112 (1604) года, 12-го іюня, о призывѣ ратныхъ съ церковныхъ земель для борьбы съ Гришкою Отрепьевымъ. Всѣ три

документа Татищевъ приложилъ къ своему Судебнику (стр. 127 и слѣд.), какъ любопытные памятники старины, и всѣ три документа, рѣзко отличаясь отъ предшествующихъ статей Татищевскаго изданія, оказываются или подложными, или испорченными. Очевидно, Татищевъ, не испортившій текста Судебника, не имѣлъ особыхъ побужденій портить приложенія къ нему. Онъ только не уразумѣлъ, что ему сообщили сомнительные документы. Виновникомъ же въ данномъ случаѣ было другое лицо, которое очень трудно обнаружить. Предположеніе, что кн. С. Д. Голицынъ, какъ «писатель» (см. о немъ въ трудахъ кн. Н. Н. Голицына: «Родъ князей Голицыныхъ» и «Матеріалы для полной родословной росписи кн. Голицыныхъ»), могъ сочинить самъ эти памятники, не имѣетъ основаній. Письмо Грознаго къ архіеп. Гурію было напечатано послѣ Татищева въ Продолженіи Др. Росс. Вивліоѳики, V, стр. 241—244, въ редакціи, совершенно сходной съ Татищевской, но безъ ссылки на Судебникъ Татищева. Кромѣ того, объ этомъ письмѣ есть свѣдѣнія, что его подлинникъ хранился въ Казани до пожара 1815 года въ каѳедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ (Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды П. М. Строева», стр. 259—260). Стало быть, письмо это зналъ не одинъ кн. С. Д. Голицынъ и не онъ его сочинилъ (Другія указанія на это письмо собраны у В. С. Иконникова, «Опытъ р. исторіографіи», I, 111). Второй памятникъ, сообщенный Татищеву кн. Голицынымъ, заключаетъ въ себѣ въ высшей степени сомнительный по слогу и невѣрной датѣ приговоръ по поводу войны съ Самозванцемъ. И этотъ документъ извѣстенъ не въ одномъ спискѣ кн. Голицына: его сокращенная редакція (безъ конца) была напечатана въ Собр. Гос. Гр. и Дог., II, № 78. Такимъ образомъ, и не Голицынъ былъ виновенъ въ порчѣ интересовавшихъ его памятниковъ. Предстоитъ еще сыскать, откуда пошли всѣ эти испорченные тексты и на какой достовѣрной основѣ выросли литературныя подновленія и фантастическія даты и подробности. Въ томъ, что достовѣрная основа здѣсь существовала, врядъ ли, по нашему мнѣнію, возможно сомнѣваться.

116 (къ стр. 270). Русск. Ист. Библ., I, стр. 123—124. — Н. И. Весселовскій, «Памятники», III, стр. 200—201.—Бутурлинъ, «Ист. Смутн. врем.», II, прилож., стр. 68, 69.

117 (къ стр. 271). Записки Жолкѣвскаго, изд. 2-е, стр. 194 Приложеній и стр. 20 текста. — Карамзинъ, XII, прим. 172, и Бестужевъ-Рюминъ, «Обзоръ» въ Ж. Мин. Нар. Просв., 1887, августъ, стр. 254.—K. Kognowicki, «Życia Sapiehow», II, 155—157.—M. Marchocki, «Historya wojny Moskiewskiéj», стр. 11.—Русск. Ист. Библ., I, стр. 124—130, 136—137.

118 (къ стр. 272). Ник. Лѣт., VIII, стр. 90—91. — Русск. Ист. Библ., I, стр. 126—127. — О Заруцкомъ и Беззубцевѣ Буссовъ (въ изд. Устрялова,

стр. 87—89, 92; срвн. Rerum Rossic. Script. Exteri, I, p. 80); Русск. Ист. Библ., I, стр. 136, 151, 164 (срвн. выше наше примѣчаніе 110). — О казакахъ: Русск. Ист. Библ., I, стр. 125, 127, 137; Мархоцкій, стр. 8; Ник. Лѣт., VIII, стр. 92—93.

119 (къ стр. 273). Русск. Ист. Библ., I, стр. 126. — Мархоцкій, стр. 17—19. — Ник. Лѣт., VIII, стр. 96, 91 и 112; также Дневникъ Я. Сапѣги подъ 11 іюня 1609 г. — В. С. Иконниковъ, «Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій» (въ Чтеніяхъ въ Ист. Общ. Нестора Лѣт., I), стр. 115.

120 (къ стр. 274). Мархоцкій, стр. 8—9.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 90—92, и Акты г. Юшкова (въ Чтеніяхъ М. О. Ист. и Др., 1898, III), № 271. Изъ грамоты, напечатанной г. Юшковымъ, видно, что Шуйскій совершенно правильно оцѣнивалъ военное значеніе Брянска и торопился занять его своими войсками раньше Вора, что ему и удалось.—Русск. Ист. Библ., I, стр. 125—128.— Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, стр. 826, и Костомаровъ, «Смутн. время», II, стр. 116. — Лабушово или Лубашево по р. Нерусѣ немного ниже извѣстнаго намъ Радогоща (Списокъ насел. мѣстъ Орловск. губ., № 3740).

121 (къ стр. 275). Мархоцкій, стр. 10.—Русск. Ист. Библ., I, стр. 128—130.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 92—95.—Войска Лисовскаго состояли, безъ всякаго сомнѣнія, изъ русскихъ людей и преимущественно казаковъ съ Поля и Дона. Объ этомъ одинаково говорятъ и польскіе, и русскіе источники: Русск. Ист. Библ., I, стр. 137, 141; Дневникъ Сапѣги (у Когновицкаго, II, стр. 186, 189, 212, 213, 222; въ русскомъ переводѣ стр. 35, 36—37, 43, 44, 49); Мархоцкій, стр. 42; Палицынъ, въ изд. 1822 г., стр. 98—99, 127, 179.— О Заруцкомъ, кромѣ указаннаго выше въ примѣч. 118-мъ, см. Дневникъ Сапѣги, стр. 243 (польск.) и 53 (русск.); А. И., II, стр. 203.

122 (къ стр. 276). О сборѣ войска подъ Болховъ см. грамоту царя Василія въ Актахъ г. Юшкова (Чтенія М. О. И. и Др., 1898, III), № 274, также «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 338—339.—Время битвы подъ Болховомъ опредѣляется датою дневника Будилы (10—11 мая по новому стилю) и указаніемъ лѣтописи, что битва началась въ «субботный день», который приходился дѣйствительно на 30 апрѣля стараго и 10 мая новаго стиля.— Путь Вора отъ Болхова къ Москвѣ указанъ у Мархоцкаго (стр. 26—27) и въ лѣтописи (Ник Лѣт., VIII, стр. 96), въ которой слова: «близко Луги» слѣдуетъ читать «близъ Колуги». Путь Сапѣги указанъ въ началѣ его извѣстнаго дневника.—О приходѣ Вора подъ Москву «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 340; Русск. Ист. Библ., I, стр. 134, и Мархоцкій, стр. 27 и слѣд.; срвн. «Сказанія Массы и Геркмана», стр. 251, примѣч. 364.—Объ измѣнѣ на р. Незнани Ник. Лѣт., VIII, стр. 97. Рѣка Незнань, Незнанка, Незнайка, Незванка (при-

токъ Десны, текущей въ Пахру) пересѣкаетъ старую Калужскую дорогу, отъ Москвы на Боровскъ, въ 1-мъ станѣ Подольскаго уѣзда (Списокъ насел. мѣстъ Моск. губ., стр. 180—181).

123 (къ стр. 277). Русск. Ист. Библ., I, стр. 137.—Акты г. Юшкова, № 275 и № 272.—«Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 340, и Карамзинъ, XII, прим. 185.—«Изборникъ», стр. 340, 342, и Ник. Лѣт., VIII, стр. 98—99.—Число 30.000 собравшихся у Лисовскаго «воровъ» можно считать не преувеличеннымъ, если сравнить показаніе Мархоцкаго о численности казаковъ въ Тушинѣ въ октябрѣ 1608 года (см. стр. 39—40).

124 (къ стр. 278). «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 341, 342.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 97.—Русск. Ист. Библ., I, стр. 134—136.—Мархоцкій, стр. 29—35.

125 (къ стр. 279). Русск. Ист. Библ., I, стр. 140—141, и Мархоцкій, стр. 36—37.—О движеніи Сапѣги съ Лисовскимъ и Хмѣлевскаго Русск. Ист. Библ., I, стр. 141, и Ник. Лѣт., VIII, стр. 105 (срвн. Лѣт. о многихъ мятежахъ, стр. 142).—О битвѣ у Рахманцева: Дневникъ Сапѣги подъ 2 октября 1608 года; Ник. Лѣт., VIII, стр. 100—101, и «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 341.—О сообщеніи Сапѣги съ Тушиномъ черезъ Дмитровъ въ Дневникѣ подъ 24 и 25 декабря 1608 г. и 5 февраля 1609 г.—Объ успѣхахъ Вора во Владиміро-Суздальскомъ краѣ: Ник. Лѣт., VIII, стр. 102, 103, 105; Сборникъ кн. Хилкова, стр. 15—16; А. И., II, №№ 99 и 350; Дневникъ Сапѣги подъ 24 октября 1608 г.—О покушеніяхъ на Коломну: Сборникъ Хилкова, стр. 16; Ник. Лѣт., VIII, стр. 105—106, 112, 121—122, 124—125; Русск. Ист. Библ., I, стр. 150—151; А. Э., II, № 132 (также Берха, «Древнія грамоты, собр. въ Пермской губ.», № 8, стр. 38); А. И., II, № 252.

126 (къ стр. 280). О недѣйствительности Московской блокады см. Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 254—255; Сборникъ кн. Хилкова, стр. 50; А. И., II, № 156, и много иныхъ указаній въ актахъ 1608—1609 годовъ. Любопытны маршруты, сообщаемые въ польской запискѣ конца 1608 или начала 1609 года, изданной Мухановымъ («Памятники XVII вѣка», стр. 265—266). Здѣсь названы мѣста, которыми изъ Троицкаго монастыря изъ осады проходили къ Москвѣ, выходя на «Хомутовку» или «Стромынку» (черезъ села Лукьянцово и Душенево), или же на «Дмитровку» (черезъ с. Шарапово, Борково, Ѳедоровское, мимо села Рахманова на Веденскую волость, теперь Нагорново на р. Вязи). Всѣ названныя мѣста приискиваются въ Спискѣ насел. мѣстъ Московской губ. и на картахъ.

127 (къ стр. 281). Ник. Лѣт., VIII, стр. 96; С. Платоновъ, «Древнерусск. сказанія и повѣсти», стр. 211; Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя М. Ѳ. Романова, часть I. Спб. 1898, по Указателю.—«Изборникъ» А. Н. Попова, стр 341; срвн. Карамзинъ, XII, прим. 222.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 101—102, и «Изборникъ», стр. 141 –142.

128 (къ стр. 282). Акты г. Юшкова, № 275; №№ 278 и 286; №№ 273 и 279; №№ 277 и 282.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 121—122.—О дѣйствіяхъ рязанцевъ Сумбуловыхъ и Ляпуновыхъ на Москвѣ см. Ник. Лѣт., VIII, стр. 111, 123—124, 133.—Захаръ Ляпуновъ просидѣлъ въ Москвѣ всю осаду—«жилъ на Москвѣ полтретья годы и въ осадѣ былъ» (А. И., II, № 286).

129 (къ стр. 283). Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 254—255. — «Dzieła» Józefa Szujskiego, V, стр. 294 (die 25 augusti).—А. Э., II, № 93 и № 90.—Бантышъ-Каменскій, «Переписка между Россіею и Польшею» (въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др. 1861, I), стр. 87—90.—Бутурлинъ, «Ист. Смутн. вр.», II, Приложеніе № 8.—Карамзинъ, XII, прим. 172.—Чтенія М. О. И. и Др., 1847—1848 (годъ третій), II, стр. 9—10; Востоковъ, «Опис. Рум. Музеума», № 390; Карамзинъ, XII, прим. 207, и Русск. Ист. Библ., II, № 93.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 100.

130 (къ стр. 284). Ник. Лѣт., VIII, стр. 103—104, и А. Э., II, № 88.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 102—103, 105; 109—110. — Сборникъ кн. Хилкова, № 12 passim.

131 (къ стр. 288). Псковскія смуты излагаемъ на основаніи извѣстныхъ о нихъ сказаній въ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. IV, стр. 322—328; т. V, стр. 66—73; см. также Ник. Лѣт., VIII, стр. 107, 118. — Общее состояніе Псковскаго края передъ Смутою характеризовано выше, въ первой части книги, стр. 65—68.

132 (къ стр. 289). «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 333—334.—А. Э., II, № 100; № 104, II, № 114, II. — А. И., II, № 145, II. — Сборникъ кн. Хилкова, стр. 45.

133 (къ стр. 290). А. И., II, № 150.—Объ отличіяхъ Замосковныхъ городовъ южныхъ и сѣверныхъ шла рѣчь выше, въ первой части книги, стр. 50—54; см. также стр. 24—25.

134 (къ стр. 292). А. Э., II, № 89. — Сборникъ кн. Хилкова, стр. 20, 15 и 19. — А. И., II, № 137; А. Э., II, № 88; Мархоцкій, стр. 43—45. — О самоуправствахъ и насиліяхъ тушинцевъ достаточно говорится у С. М. Соловьева, II, стр. 861 и слѣд.; у Н. И. Костомарова, «Смутн. время», II,

стр. 214 и сл.; у М. О. Кояловича, «Три подъема» и пр., стр. 17 и слѣд.— Жалобы на пановъ и загонщиковъ, напримѣръ, въ А. И., II, стр. 145, 147, 148, 150, 151, 154, 191—192, 247 и т. д.

135 (къ стр. 293). Важное «сказаніе» объ Устюжнѣ въ Русск. Ист. Библ., II, № 187.—А. Э., II, № 89 и др. (о костромичахъ и галичанахъ).—Ник. Лѣт., VIII, стр. 110, и Лѣт. о мятежахъ, изд. 2-е, стр. 148—149. Здѣсь мы принимаемъ чтеніе Ник. Лѣт.: «въ Городцѣ» вмѣсто сомнительнаго чтенія Лѣт. о мят.: «въ Гороховцѣ». Ногавицынъ, поднявшій Городецъ на Волгѣ, вѣроятно, близокъ тому Бѣляю Ногавицыну, который на Волгѣ же былъ въ губныхъ старостахъ, бился съ ворами и попалъ къ нимъ въ плѣнъ (Акт. отн. до Юр. Быта, II, стр. 675—676, и Сборникъ Хилкова, стр. 75).

136 (къ стр. 294). Г. В. Форстенъ, «Политика Швеціи въ Смутное время» въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, февраль, стр. 328 и слѣд., 239, 241.— А. Э., II, № 96, и С. Г. Гр. и Д., II, № 168.—Документы, относящіеся къ московско-шведскому союзу, въ А. И., II, № 158 и др. (по оглавленію).— О времени прибытія шведскихъ войскъ въ Московское государство А. Э., II, № 115 и № 122, и В. С. Иконниковъ, «Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій» (въ Чтеніяхъ въ Ист. Общ. Нестора Лѣт., I), стр. 125.

137 (къ стр. 298). Исторію бѣгства Скопина изъ Новгорода и погибели Татищева излагаемъ на основаніи «Временника» Ивана Тимоѳеева (Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 418—428 и 392—395) и Ник. Лѣт., VIII, стр. 107—108. Прочій матеріалъ сведенъ В. С. Иконниковымъ въ указанной выше монографіи о Скопинѣ (стр. 117 и слѣд.).— Составъ новгородской администраціи для 1608 года указанъ въ Д. А. И., I, № 155. Князь Куракинъ (о которомъ Др. Росс. Вивл., XX, стр. 61) остался въ Новгородѣ и послѣ ухода Скопина къ Москвѣ: по новгородской грамотѣ 4-го августа 1609 года тамъ были «Ондрей Куракинъ, Иванъ Головинъ, Михайло Боборыкинъ, Ефимъ Телепневъ, Иванъ Тимоѳеевъ» (Соловецкій сборникъ № 18 Казанской Дух. Академіи, грамота № 127, л. 201).—О приходѣ подъ Новгородъ Кернозицкаго: Ник. Лѣт., VIII, стр. 108, и (съ цѣнными хронологическими показаніями) Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 435—437.

138 (къ стр. 299). О сношеніяхъ Скопина съ Поморскими и Замосковными городами: А. Э., II, №№ 95, 99, 111, 112, 115, 121, 134—137; А. И., II, №№ 150, 176; Досиѳея, «Описаніе Соловецкаго монастыря», III, стр. 87—88, и Соловецкій Сборникъ № 18 Казанской Духовной Академіи, грамота № 127, л. 201; также Русск. Ист. Библ., II, стр. 799—800. — О военныхъ силахъ М. В. Скопина: А. Э., II, №№ 112 и 115, III; А. И., I, № 150; Ник. Лѣт.,

VIII, стр. 109; Временникъ М. Общ. Ист. и Др., т. VIII, «Опись имущества Татищева», стр. 23; 14—16, 30 и 31. — О числѣ русскихъ войскъ у Скопина срвн. Дневникъ Сапѣги подъ 5 мая 1609 года (въ польскомъ текстѣ, стр. 244: «wszelkich służywych ludzi 1.200»; въ русскомъ, стр. 45: «всякаго рода служащихъ людей 12.000») и статью о Скопинѣ г. Иконникова, стр. 128.

139 (къ стр. 300). А. Э., II, № 94, стр. 190; № 89, стр. 182; № 94, I.— А. И., II, № 150; срвн. А. Э., II, № 113.—А. И., II, № 157; срвн. А. Э., II, № 106.—А. Э., II, № 107 и С. Г. Г. и Д., II, № 175.

140 (къ стр. 301). О Вологдѣ см. выше, въ главѣ первой, стр. 27—28.— Сборникъ кн. Хилкова, стр. 14—15, 20.—«Сказанія Массы и Геркмана», стр. 254, 256.—А. Э., II, № 107.—Остережемся приводить разсказы Буссова объ Эйловѣ и Шмитѣ, которымъ онъ готовъ приписать главное значеніе въ городскомъ движеніи 1608 года (въ изд. Устрялова, стр. 100—101).

141 (къ стр. 302). Объ Устюгѣ см. выше, въ первой главѣ, стр. 13—14; о Костромѣ и Галичѣ стр. 34—35. — А. Э., II, № 91, I.—Дневникъ Сапѣги подъ 14—29 декабря 1608 г. (русскій текстъ стр. 36—37, польскій стр. 189—190). — А. Э., II, № 94, II, и Ник. Лѣт., VIII, стр. 111. — А. Э., II, № 103, II. — А. Э., II, № 97; № 103, II; А. И., II, № 177; Сборникъ Хилкова, стр. 50—51.

142 (къ стр. 303). А. Э., II, №№ 97, 98, 103, 111, 112. — Сборникъ Хилкова, стр. 48. — П. Д. Голохвастовъ, Земское дѣло въ Смутное время въ «Руси» 1883 года, № 6, стр. 34 (несмотря на своеобразіе структуры и изложенія, статьи г. Голохвастова представляютъ, на нашъ взглядъ, первостепенное пособіе для ознакомленія со многими сторонами земскаго движенія 1608—1609 г.); срвн. А. И., II, № 204, II.—А. И., II, № 206; А. Э., II, стр. 232, 239; А. И., II, № 177.

143 (къ стр. 303). А. Э., II, № 113, № 115, III.—А. И., II, № 172.— А. Э., II, № 118, № 123, I; А. И., II, № 239.—А. Э., II, № 119 и № 120.

144 (къ стр. 304). О сборахъ съ сохъ и сошекъ: въ Устюгѣ А. Э., II, № 91, № 102; А. И., II, № 214; въ Галичѣ А. Э., II, № 91; А. И., II, № 177; на Вычегдѣ А. Э., II, № 94, № 102; А. И., II, № 109; въ Тотьмѣ А. Э., II, № 103. Срвн. П. Д. Голохвастова, Земское дѣло и т. д. въ «Руси» 1883 года, № 2.—Любопытны также документы, помѣщенные въ Сборникѣ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина, V часть, стр. 75—79, 81—82: они даютъ нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣній о земскихъ вооруженіяхъ 1608—1610 гг.— Масса, стр. 126.—А. И., II, № 214; А. Э., II, № 123, II.—А. И., II, № 177.

145 (къ стр. 305). О Перми Великой см. выше, въ первой главѣ, стр. 18—21.— А. Э., II, № 124.—Русск. Ист. Библ., II, № 98; А. Э., II, №№ 133, 146.— А. И., II; №№ 180, 204, 247.— Вопросъ объ отношеніи Перми къ земскому движенію обстоятельно разсмотрѣнъ у г. Дмитріева въ VI-мъ выпускѣ его Пермской Старины (стр. 70 и слѣд.).—Любопытно, что устюжане съ упрекомъ напоминали пермичамъ, что при Грозномъ «въ походѣхъ и на берегу было съ васъ по тысячѣ человѣкъ» (А. Э., II, стр. 251); здѣсь, очевидно, разумѣлась извѣстная намъ тысяча Строгоновскихъ казаковъ (см. выше, въ первой главѣ стр. 21 и 119), отнесенная ошибочно на счетъ Перми.

146 (къ стр. 306). А. И., II, № 177; А. Э., II, № 103, II.— А. И., II, № 172, № 177.—Сказаніе Палицына, стр. 176.—А И., II, № 150; А. Э., II, № 103; А. И., II, № 177.

147 (къ стр. 308). А. Э., II, № 107; А. И., II, № 157.—О походѣ Скопина къ Москвѣ см. В. С. Иконникова, «Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій» (въ Чтеніяхъ въ Общ. Нестора Лѣт., I), стр. 127—131, и К. Н. Бестужева-Рюмина, «Обзоръ» (въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1887, августъ), стр. 266—269.— Ив. Тимоѳеевъ въ Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 437—439.—А. Э., II, №№ 132, 134, 136, 147.—А. И., II, № 248, № 249.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 120—123.

148 (къ стр. 309). О городахъ въ области Клязьмы см. выше, въ первой главѣ, стр. 38—40.—О вотчинахъ Шуйскихъ см. выше, въ главѣ третьей, стр. 293; также С. В. Рождественскаго, «Служилое землевладѣніе» и пр., стр. 181—184.—Тушинцы занимали извѣстное село кн. Шуйскихъ Лопатничи (А. И., II, № 111, № 351); владѣли они и вотчиною М. В. Скопина, селомъ Кохмою (Сб. Хилкова, стр. 43).—А. И., II, №№ 110, 195.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 110. Время боя у Дунилова трудно опредѣлить; даже возможно, что здѣсь было двѣ битвы (срвн. А. И., II, № 153).—А. И., II, № 107.

149 (къ стр. 310). Ник. Лѣт., VIII, стр. 110.—А. Э., II, № 104; А. И., II, № 107, № 113; Сборникъ Хилкова, стр. 34—36.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 109—110; А. И., II, №№ 131 и 136.—А. И., II, №№ 110 и 351; №№ 113 и 151.

150 (къ стр. 311). А. Э., II, № 104, стр. 204—205.—О Суздалѣ: А. И., II, №№ 153, 154, 166; Сборникъ Хилкова, стр. 49.—А. И., II, № 170 (срвн. № 171); № 235.—О Лисовскомъ: Сборникъ Хилкова, стр. 48, 61—63; А. И., II, №№ 154, 165, 171.

151 (къ стр. 311). Сборникъ кн. Хилкова, стр. 44—45, 55.—А. И., II, №№ 136, 139, 224, 225.—Сборникъ Хилкова, стр. 63; Ник. Лѣт., VIII, стр. 114.—А. И., II, № 235.

152 (къ стр. 312). Сборникъ кн. Хилкова, стр. 75; А. И., II, № 235, стр. 278.—«Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 330; Сборникъ Хилкова, стр. 100—101; А. И., II, № 113; А. Э., II, № 104.—О служилыхъ нѣмцахъ и литвѣ см., напримѣръ, Русск. Ист. Библ., I, стр. 132. Не разъ шла и будетъ идти рѣчь о служилыхъ «панѣ «Севастьянѣ» и ротмистрѣ Матьяшѣ Мизиновѣ.—О полоняникахъ Лаишевскихъ см. выше, въ первой главѣ, стр. 112.

153 (къ стр. 313). Сборникъ кн. Хилкова, стр. 35—36, 100—101.—«Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 345—346.—О Владимірскомъ гарнизонѣ срвн. Сборникъ Хилкова, стр. 104—106, и А. И., II, № 195, стр. 226.—А. Э., II, № 100; А. И., II, № 145, II.—О дѣйствіяхъ Ѳ. И. Шереметева «въ черемисѣ» краснорѣчиво говоритъ его наказная память ратнымъ головамъ, посланнымъ 1 января 1609 года воевать измѣнниковъ (Акты отн. до Юр. Быта, II, стр. 672—673).—Ник. Лѣт., VIII, стр. 116, 122; Акт. Юр. Быт., II, стр. 674—677.

154 (къ стр. 314). Сборникъ кн. Хилкова, стр. 75; А. И., II, № 195, стр. 226; А. Юр. Быт., II, стр. 675.—А. И., II, №№ 221—227, и Сборникъ Хилкова, № 32.—Данныя, относящіяся къ походу Ѳ. И. Шереметева въ 1606—1609 годахъ, собраны у А. П. Барсукова, «Родъ Шереметевыхъ», т. II.

155 (къ стр. 315). Грамота въ А. Ю., № 364, II, Важскаго головы Второго Порошина изъ Твери, прекрасно показываетъ условія ратной службы поморскихъ людей въ рати Скопина.—О дѣтяхъ боярскихъ см. А. И., II, №№ 177 и 248.

156 (къ стр. 316).—Ник. Лѣт., VIII, стр. 124.—Объ острожкахъ: А. Э., II, № 147; Записки Жолкѣвскаго, изд. 2-е, стр. 36, 54; Русск. Ист. Библ., I, стр. 163, 164, 191, 494; Ник. Лѣт., VIII, стр. 125.—О гуляй-городахъ: Мархоцкій, стр. 49 и слѣд.; Русск. Ист. Библ., I, стр. 156—157, 231—232.—О Суздалѣ см. Ник. Лѣт., VIII, стр. 127.

157 (къ стр. 317). Русск. Ист. Библ., I, стр. 522 и 184; стр. 150 и 156.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 125—126.—А. И., II, № 174, стр. 201, 202.

158 (къ стр. 317). Дневникъ Я. П. Сапѣги, стр. 49—50 (русск.) и 223 (польск.); Русск. Ист. Библ., I, срвн. стр. 161 и 441—446. Даты здѣсь по новому стилю.—Костомаровъ, «Смутное время», II, стр. 327 и слѣд.; Р. Ист. Библ., I, стр. 499, 500 и слѣд.—Мархоцкій, стр. 62.

159 (къ стр. 318). Р. Ист. Библ., I, стр. 184, 522.—Р. Ист. Библ., I, стр. 163 и 530; срвн. 545; Ник. Лѣт., VIII, стр. 126—127.—Мархоцкій,

стр. 63—64; Р. Ист. Библ., I, стр. 542—543, 546; Авр. Палицынъ, глава 62; Костомаровъ, «См. время», II, стр. 355—356.—Р. Ист. Библ., I, стр. 184—187.

160 (къ стр. 320). Дневникъ Я. П. Сапѣги, стр. 35—36 (русск.) и 187—188 (польск.); Ник. Лѣт., VIII, стр. 103—105.—Доп. къ А. И., II, стр. 196—197; С. Платоновъ, «Древнерусск. сказанія и повѣсти», стр. 275.—Грамоты Гермогена въ А. Э., II, № 169, стр. 288; основанія, по которымъ мы относимъ грамоты къ 1609 году, указаны ниже, въ примѣч. 172.—Авр. Палицынъ въ Р. Ист. Библ., XIII, стр. 513; въ изданіи 1822 года стр. 50—51.—О заговорѣ на Незнани см. выше, стр. 361, и С. Платоновъ, о. с., стр. 211.—О пріѣздахъ въ Тушино см. Дневникъ Сапѣги подъ 5 ноября и 11 декабря 1608 и 20 января 1609 года; «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 341; Сборникъ кн. Хилкова, стр. 37, 25—26; А. И., II, № 350.—Родословною Романовыхъ пользуемся въ изд. Костромской Архивной Коммиссіи (Спб. 1898).—О смерти арх. Θеоктиста см. у Палицына (Р. Ист. Библ., XIII, стр. 513; изд. 1822 г., стр. 51).—О насиліяхъ надъ Филаретомъ тамъ же.—О пребываніи Филарета въ Тушинѣ много упоминаній; см. между прочимъ Буссова (въ изд. Устрялова, I, стр. 100) и Дневникъ Сапѣги подъ 29 ноября 1608 года.—Грамоты патріарха Филарета: А. И., II, № 106, и Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др., I, Смѣсь, стр. 35—40.—Объ отпаденіи Филарета отъ Вора см. Костомаровъ, «Смутное время», II, стр. 338—341; Kobierzicki, «Historia Vladislai», p. 148.

161 (къ стр. 321). О Гр. Шаховскомъ: А. И., II, №№ 123, 270; Сборникъ кн. Хилкова, стр. 64; Дневникъ Сапѣги подъ 19 ноября 1608 года. О другихъ Шаховскихъ: Сборникъ Хилкова, стр. 80; Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 321—322; С. Платоновъ, «Древнерусск. сказанія и повѣсти», стр. 233.—О кн. Трубецкихъ: А. И., II, № 103; А. Э., II, № 91; «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 341; «Сказанія о родѣ кн. Трубецкихъ» (М. 1891), стр. 93 и слѣд.—О Салтыковѣ: Дневникъ Сапѣги подъ 7 февраля 1609 г.; Акт. Зап. Росс., IV, стр. 325; Р. Ист. Библ., I, стр. 531.—О Засѣкинѣ и Борятинскомъ: «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 341; Сборникъ Хилкова, стр. 64; А. И., II, № 164.—О Заруцкомъ: Сборникъ Хилкова, стр. 77—79; А. И., II, № 174, стр. 203.—О Наумовыхъ: А. И. Маркевичъ, «О мѣстничествѣ», стр. 442; Сборникъ Хилкова, стр. 50, 74; А. И., II, № 248.—О Плещеевыхъ много указаній; между прочимъ: Сборникъ Хилкова, стр. 66, 70, 72, 79; А. И., II, №№ 167, 248 и др.;—Акты Θедотова-Чеховскаго, I, стр. 267.—О кн. Звенигородскомъ: А. Э., I, № 91; А. И. Маркевичъ, «Исторія мѣстничества», стр. 424.—Объ окольничихъ тушинскихъ: Сборникъ Хилкова, стр. 43; «Изборникъ» Попова, стр. 345; Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 324; Акт. И., II, № 164.—

О думныхъ дьякахъ: Сборникъ Хилкова, стр. 71; А. Э., II, № 91; А. И., II, № 165 (о Сафоновѣ); Сборникъ Хилкова, стр. 29, 72; А. И., II, № 120; Акт. Зап. Росс., IV, стр. 323 (о прочихъ).—О воровскихъ воеводахъ и придворныхъ чинахъ много указаній; см., напримѣръ: «Изборникъ» Попова, стр. 341 и слѣд.; Сборникъ Хилкова, № 12; А. И., II, №№ 175, 131, 124, 125, 103, 187 и проч.

162 (къ стр. 322). Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 513.—Сборникъ Хилкова, стр. 37, 25—26; А. И., II, № 350.—Карамзинъ, XII, прим. 475, и Лат. Степ. книга (Имп. Публ. Библ., F. IV, 597), л. 463 об.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 112—113.

163 (къ стр. 323). О Мих. Молчановѣ см. С. Г. Гр. и Д., II, стр. 123; Р. Ист. Библ., II, № 217; «Донесеніе» Шиля (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. И. и Др., 1875, II), стр. 2 (Michael Bassilowiz Molzanof); Ник. Лѣт., VIII, стр. 69; «Сказанія Массы и Геркмана», стр. 172 и 208; Карамзинъ, XIII, прим. 49; Дневникъ Сапѣги подъ 8 марта 1609 года (срвн. Ник. Лѣт., VIII, стр. 142).—Объ Андроновѣ: Дневникъ Сапѣги подъ 7 и 9 февраля 1609 года; Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, 1077, 1088.—Списокъ тушинскихъ вожаковъ составляется на основаніи Ник. Лѣт., VIII, стр. 128; С. Г. Гр. и Д., II, стр. 451 и 486; А. И., II, № 314; Акт. Зап. Росс., IV, стр. 323 и слѣд., 402—403; Ник. Лѣт., VIII, стр. 141—142; Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, 1076—1077.

164 (къ стр. 324). Костомаровъ, «Смутное время», II, стр. 331, 338—342, и Р. Ист. Библ., I, стр. 525.—Временникъ М. Общ. Ист. и Др., I, Смѣсь, стр. 38—39, 40.—Р. Ист. Библ., I, стр. 529.—См. выше, примѣчаніе 79, и Акты Зап. Россіи, IV, стр. 473—474.

165 (къ стр. 325). Ник. Лѣт., VIII, стр. 128.—Р. Ист. Библ., I, стр. 530—534; срвн. Бутурлина «Ист. См. времени», III, Приложенія, стр. 173.—Костомаровъ, «Смутное время», II, стр. 344—346, 347—353; здѣсь безъ оговорки время опредѣляется по новому стилю.—Договоръ 4 (14)-го февраля напечатанъ въ Сборникѣ Муханова, № 104, въ Запискахъ Жолкѣвскаго, Приложеніе № 20 и № 26; въ Акт. Зап. Россіи, IV, № 180; у Голикова, «Дѣян. Петра В.», изд. 2-е, т. XII, стр. 274—278.—О присылкѣ договора въ Москву см. Н. И. Веселовскаго, «Памятники дипломат. и торгов. сношеній Московской Руси съ Персіею», т. III, стр. 203, 327; также Др. Р. Вивл., V, стр. 56 (срвн. А. И., II, № 306, стр. 361), и Труды Кіевской Дух. Академіи, 1898, май, стр. 94 (свидѣтельство Арсенія елассонскаго).

166 (къ стр. 327). Костомаровъ («Смутное время», II, стр. 350—351) указываетъ на упорство, съ какимъ тушинскіе послы отстаивали свое жела-

ніе, чтобы Владиславъ принялъ православіе и чтобы православная вѣра была соблюдена въ строжайшей неприкосновенности (срвн. Р. Ист. Библ., I, стр. 532—533).—Вставка о княженецкихъ родахъ въ С. Г. Г. и Д., II, стр. 402.—О склонности Грознаго и Бориса къ иноземному Р. Ист. Библ., XIII, стр. 272, 487.—Объ отношеніи Филарета къ кандидатурѣ Владислава въ періодъ его тушинскаго патріаршества можно судить по грамотамъ во Временникѣ (т. I, Смѣсь, стр. 38—40), по отзывамъ о немъ поляковъ (напримѣръ, Р. Ист. Библ., I, стр. 525) и по письму Симонетты (см. выше, глава IV, стр. 306—307).—С. Г. Г. и Д., II, стр. 451.

167 (къ стр. 327). Чтенія въ М. О. И. в Др., 1898, IV, Смѣсь, стр. 20.—Карамзинъ, XII, прим. 513 (срвн. «Изборникъ» Попова, стр. 344, гдѣ сказано, что Скопинъ пришелъ «къ Москвѣ» въ великій мясоѣдъ, стало быть, до середины февраля).—«Изборникъ», стр. 343, и В. С. Иконниковъ, «Кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій», стр. 137.

168 (къ стр. 328). Р. Ист. Библ., XIII, 400, 390; стр. 90, срвн. стр. 622; стр. 542—545; стр. 120.—«Изборникъ» Попова, стр. 346; Палицынъ въ изд. 1822 г., стр. 215. — «Dzieła» Joz. Szujskiego, Serya II, t. V, стр. 278 — 279, 280; Палицынъ въ изд. 1822 г., стр. 232; Карамзинъ, XII, примѣч. 520.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 132; Р. Ист. Библ., XIII, стр. 507 (въ изд. 1822 года, стр. 43, иначе).

169 (къ стр. 329). Авр. Палицынъ въ Русск. Ист. Библіотекѣ, XIII, стр. 505—507; въ изд. 1822 г., стр. 40 — 43.—А. И., II, № 212 (изъ актовъ этихъ видно, что перебѣжчиковъ тушинскія власти сажали на житье, между прочимъ, въ деревнѣ Ивантѣевѣ; издатели же, не поставивъ гдѣ слѣдуетъ точки, желаніе перелета жить въ Ивантѣевѣ обратили въ намѣреніе самого царя Василія).—Р. Ист. Библ., XIII, стр. 263, 507.—О К. Хвостовѣ и Ив. Зубовѣ: А. И., II, №№ 156 и 212; Сборникъ кн. Хилкова, стр. 50.—Костомаровъ, «Смутное время», II, стр. 348.

170 (къ стр. 331). Сборникъ кн. Хилкова, стр. 71; срвн. Дневникъ Я. П. Сапѣги, за іюнь и іюль 1611 года (Другое письмо кн. Мстиславскаго ко Льву Сапѣгѣ указываетъ на добрыя отношенія боярина также и съ канцлеромъ. А. И., II, № 291). — Письмо архимандрита Авраамія въ Сборникѣ Хилкова, стр. 49—50.—Объ Авраамiѣ Чудовскомъ и Авраамiѣ Андроньевскомъ С. Г. Г. и Д., I, стр. 311, 616; А. Э., II, стр. 110; III, стр. 7.—О штурмѣ Троицкаго монастыря въ іюлѣ 1609 года: «Сказаніе Палицына», изд. 1822 г., глава 48-я, и Дневникъ Сапѣги подъ 7 августа 1609 года. — О переговорахъ Салтыкова и Грамотина съ гарнизономъ монастыря «Сказаніе Палицына», стр.

О Петровѣ днѣ Дневникъ Сапѣги подъ 11 іюня 1609 г.—О дѣйствіяхъ подъ Коломною см. выше, стр. 365 — 366 и прим. 125; также Ник. Лѣт., VIII, стр. 112, 121 — 122. — О хлѣбныхъ цѣнахъ: А. И., II, № 212; Ник. Лѣт., VIII, стр. 123; «Изборникъ» Попова, стр. 344; Палицынъ, глава 59-я; В. О. Ключевскій, «Русскій рубль», стр. 34 — 35.

174 (къ стр. 336). Рѣчь М. Г. Салтыкова въ королевскомъ станѣ, передаваемая Костомаровымъ («Смутн. время», II, стр. 247 — 349), очень любопытна указаніемъ на ту постепенность, съ какою выростала въ московскихъ кругахъ мысль объ уніи съ Рѣчью Посполитою. Салтыковъ даже вольныя рѣчи «Тимоѳея» (разумѣется, Грязного) связывалъ съ этою мыслью объ уніи. Свой же проектъ избранія Владислава онъ прямо представлялъ дѣломъ не только Тушинскихъ, но и Московскихъ, враждебныхъ Шуйскимъ бояръ. Далѣе мы увидимъ, что такъ думалъ не онъ одинъ: друзьями Владислава считали въ ту пору, напримѣръ, Мстиславскаго и Куракина (Зап. Жолкѣвскаго, стр. 70; А. И. Маркевичъ, «О мѣстничествѣ», стр. 473 — 474).

175 (къ стр. 337). О смерти Скопина см. В. С. Иконникова, «Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій», стр. 146 — 148. — О времени пріѣзда въ Москву Филарета: Р. Ист. Библ., I, 190—191; 591—592; Мархоцкій, стр. 82 — 84. Рукопись Филарета (въ Сборникѣ Муханова стр. 289, въ отдѣльн. изд. стр. 27) даетъ невѣрную дату «марта въ 14 день», вѣроятно, вмѣсто «маія въ 14 день». — С. М. Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, стр. 916 и 1087. — О посылкѣ договора 4-го февраля въ Москву см. Н. И. Веселовскій, «Памятники» и пр., III, стр. 203, 327, и Др. Росс. Вивл., V, стр. 56.

176 (къ стр. 338). Ник. Лѣт., VIII, стр. 123 — 124, 131 — 132. — Р. Ист. Библ., I, стр. 512. — Авр. Палицынъ, въ изд. 1822 г., стр. 230. — О причинахъ смерти Скопина В. С. Иконниковъ, «Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій», стр. 148 и слѣд. — О князѣ В. В. Голицынѣ срвн. Ник. Лѣт., VIII стр. 111; Русск. Истор. Библ., I, стр. 512; Зап. Жолкѣвскаго, стр. 70. — О князѣ И. С. Куракинѣ: А. И. Маркевичъ, «О мѣстничествѣ», стр. 473—474.

177 (къ стр. 338). Ник. Лѣт., VIII, стр. 130, 134—135. — Жолкѣвскій. стр. 39 — 40, 60 — 61. — Палицынъ, стр. 232. — Не распространяемся о подробностяхъ несчастнаго похода Д. И. Шуйскаго: онѣ много разъ пересказывались историками Смуты. — Бѣгство служилыхъ людей по своимъ городамъ, упоминаемое лѣтописью, подтверждается и документами. Любопытно, между прочимъ, что всѣ новгородскіе воеводы, дѣйствовавшіе съ Скопинымъ, оказываются къ 1611 году опять въ Новгородѣ. Тамъ подъ шведской властью дѣйствуютъ знакомые намъ Никита Вас. Вышеславцевъ и Евсей Рязановъ

(Доп. А. И., II, стр. 5—6). Тамъ же геройски погибаетъ въ бою со шведами атаманъ Тимоѳей Шаровъ (Ник. Лѣт., VIII, стр. 169).

178 (къ стр. 339). Ник. Лѣт., VIII, стр. 139; Н. И. Веселовскій, «Памятники» и пр., III, стр. 213. — О недостаткѣ боевыхъ силъ въ Москвѣ интересны указанія Палицына (стр. 233); онъ говоритъ, что «воинствующихъ чинъ конечно изнеможе всяческими нужды, злѣйши же всего — безконны сташа». По этой причинѣ и тѣ 8.000 стрѣльцовъ, о которыхъ упоминаетъ Жолкѣвскій (стр. 71), не годились въ бой, особенно въ полѣ за городскою стѣною. Срвн. Ник. Лѣт., VIII, стр. 135. — О движеніи на Москву Жолкѣвскаго и Вора см. Записки Жолкѣвскаго, стр. 65 — 66 и приложеніе № 31; также Ник. Лѣт., VIII, стр. 135 — 137, и Дневникъ Сапѣги, іюль и августъ 1610 года.

179 (къ стр. 340). «Изборникъ» Попова, стр. 346. — Голиковъ, «Дѣянія Петра В.», изд. 2-е, XII, стр. 392, 395.—Ник. Лѣт., VIII, 133, 134, 135, 139. — Акт. Зап. Росс., IV, стр. 475 (здѣсь прямо говорится, что 17 іюля «дворяне съ Рязани, Захарей Ляпуновъ съ товарыщи, учали въ люди вмѣщати и сами о томъ въ голосъ говорити, штобъ князя Василія Голицына на господарствѣ поставити»).

180 (къ стр. 341). См. выше, примѣчанія 165 и 174, о договорѣ 4-го февраля. — Жолкѣвскій, стр. 64, 67 и Приложеніе № 31; тамъ же, №№ 29 и 30; срвн. Ник. Лѣт., VIII, стр. 140. — Объ Ив. Н. Салтыковѣ и другихъ боярахъ стороны Владислава см. Жолкѣвскій, стр. 70; «Изборникъ» Попова, стр. 346, и А. И. Маркевичъ, «О мѣстничествѣ», стр. 473 — 474. — Любопытно указаніе на то, что старшій Салтыковъ, именно Михайло Глѣбовичъ, распоряжался «племянникомъ своимъ» Иваномъ Никитичемъ и обѣщалъ его «прислать» къ королю и «о всякихъ мѣрахъ съ нимъ приказать» (въ А. И., II, стр. 362). Такой тонъ М. Г. Салтыкова можетъ свидѣтельствовать о связи между Салтыковыми, бывшими у короля, и Ив. Н. Салтыковымъ, дѣйствовавшимъ въ Москвѣ.

181 (къ стр. 341). О сношеніи москвичей съ ворами—Палицынъ, стр. 234; Ник. Лѣт., VIII, стр. 139; «Изборникъ» Попова, стр. 346. — О переворотѣ 17 іюля 1610 года: Ник. Лѣт., VIII, стр. 139; Жолкѣвскій, стр. 69—70.— Мы думаемъ, что сношенія москвичей съ ворами происходили за Серпуховскими воротами у Данилова монастыря, а загородное «вѣче», свергнувшее Шуйскаго, было за Арбатскими воротами у стѣнъ «Деревяннаго» города. Слѣдуемъ въ данномъ случаѣ Столярову хронографу («Изборникъ» Попова, стр. 346; срвн. Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 475, «за Деревянной городъ») и думаемъ, что въ Ник.

Лѣт. (VIII, стр. 139) Серпуховскія ворота помянуты ошибкою (срвн. Авр. Палицынъ, стр. 234). Нельзя было москвичамъ рѣшать всѣмъ городомъ свои дѣла за Москвою-рѣкою, у Серпуховскихъ воротъ, на полѣ, совершенно открытымъ для нападенія воровъ отъ Коломенскаго. Напротивъ, поле за Арбатскими воротами къ Дѣвичьему монастырю, между стѣною Деревяннаго города и берегомъ Москвы-рѣки, было очень хорошо прикрыто отъ всякаго врага излучиною рѣки.

182 (къ стр. 342). Палицынъ, стр. 234—235.—Жолкѣвскій, стр. 70—71.— О постриженіи Шуйскаго срвн. «Изборникъ» Попова, стр. 346 — 347; Ник. Лѣт., VIII, стр. 140; Палицынъ, стр. 235; Жолкѣвскій, стр. 71. — Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 475.

183 (къ стр. 345). Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 475. — Временникъ М. О. И. и Др., I, Смѣсь, стр. 40 (срвн. выше, наше примѣчаніе 164).—Жолкѣвскій, стр. 74—75.—См. выше, наше примѣчаніе 180.

184 (къ стр. 346). Акты Зап. Россіи, IV, стр. 473 — 474, 475. — Жолкѣвскій, стр. 70.

185 (къ стр. 347). С. М. Соловьевъ, II, стр. 928.—Жолкѣвскій, стр. 74 (въ первомъ изданіи стр. 125).

186 (къ стр. 348). А. И., II, № 287; С. Г. Гр. и Д., II, № 198.—С. Г. Гр. и Д., II, № 197; А. Э., II, № 162.—А. Э., II, № 164; С. Г. Гр. и Д., II, № 202.—Р. Ист. Библ., XIII, стр. 123—124, и «Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 200.—Вопросъ о призывѣ выборныхъ изъ городовъ въ Москву въ 1610 г. для царскаго избранія нѣсколько теменъ. Грамота бояръ въ Пермь отъ 20-го іюля, извѣщая о сведеніи Шуйскаго съ царства, заключается простымъ пожеланіемъ избрать государя «всѣмъ заодинъ всею землею, сослався со всѣми городы» (А. Э., II, № 162). Взамѣнъ этихъ словъ въ совершенно подобной грамотѣ въ Сургутъ отъ 24-го іюля находится прямое и точное приглашеніе прислать выборныхъ въ столицу (С. Г. Гр. и Д., II, № 197). Является мысль, что боярское правительство по какимъ-то соображеніямъ отъ однихъ городовъ требовало, а отъ другихъ не требовало выборныхъ. Но на этомъ нельзя остановиться по той причинѣ, что бояре мѣсяцемъ позднѣе, 19-го августа, писали въ ту же Пермь, отъ которой выборныхъ не требовали, такія слова: «писали есмя къ вамъ преже сего..... а вамъ велѣно всѣхъ чиновъ людемъ ѣхати къ Москвѣ, чтобъ выбрати государя на Московское государство» (А. Э., II, № 164). Очевидно, бояре ранѣе не имѣли умысла исключить Пермь изъ числа городовъ, привлеченныхъ къ дѣлу царскаго избранія; а позже они забыли, что 20 іюля Перми не было «велѣно» присылать къ Москвѣ людей. Такая растерянность, лучше всего характеризующая поведеніе бояръ, объясняется исключительными

обстоятельствами тревожной политической минуты. Съ другой стороны, начало выборнаго представительства было новостью въ московской практикѣ (см. выше, стр. 324 и примѣчаніе 101) и врядъ ли восходило ранѣе 1605—1606 годовъ. Организовать новое дѣло было вообще не легко, а тѣмъ болѣе на-спѣхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что выборныхъ не удалось собрать и пришлось ограничиться случайнымъ представительствомъ жившихъ въ Москвѣ «всякихъ людей».

187 (къ стр. 349). Сборникъ Археол. Института, книга VI (Спб. 1898), стр. 92 и слѣд. — Акт. З. Росс., IV, стр. 476. — О кн. А. П. Куракинѣ см. Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, I, стр. 357; Др. Р. Вивл., XX, стр. 61; С. Платоновъ, «Древн. сказанія и повѣсти», стр. 130, примѣчаніе (О пребываніи этого Куракина въ Новгородѣ шла рѣчь выше, въ IV-й главѣ, стр. 387—388).— Объ Ив. Голицынѣ: А. И., II, № 294.—О М. Ѳ. Кашинѣ: Др. Р. Вивл., XX, стр. 85; А. И., II, стр. 379, 383. — Объ Ив. Н. Салтыковѣ: Акт. З. Россіи, IV, стр. 347—348 и 403.—О кн. Ив. С. Куракинѣ: Р. Ист. Библ., I, стр. 661 (срвн. Жолкѣвскій, стр. 81); А. И. Маркевичъ, «О мѣстничествѣ», стр. 470—474. Пожалованія Сигизмунда И. С. Куракину начались съ середины октября 1610 года (А. Зап. Р., IV, стр. 364, 396, 403); Московское правительство впослѣдствіи располагало какими то грамотами Сигизмунда къ кн. И. С. Куракину; эти грамоты были такого рода, что позволяли ставить имя Куракина рядомъ съ измѣнничьими именами М. Салтыкова и Ѳ. Андронова (Соловьевъ, II, стр. 1078). — О мѣрахъ по оборонѣ Москвы отъ внезапнаго нападенія Вора, лѣтомъ 1610 года, нѣкоторое понятіе даютъ документы, относящіеся къ службѣ кн. И. Д. Болховскаго (въ рукописи Имп. Публ. Библіотеки, Погодинск. № 1623; см. А. Ѳ. Бычкова, «Описаніе рукописн. сборниковъ Имп. П. Библ.», I, стр. 398—399); эти мѣры исходили, вѣроятно, отъ кн. И. С. Куракина.

188 (къ стр. 350). Ник. Лѣт., VIII, стр. 141.—Жолкѣвскій, стр. 73—74 (въ первомъ изданіи стр. 124—125).

189 (къ стр. 352). С. Г. Гр. и Д., II, № 202; А. Э., II, № 164.—С. Г. Гр. и Д., II, № 204; А. Э., II, № 165.—О дворянахъ «по выбору» см. «Изборникъ» Попова, стр. 347—348; Маржеретъ (въ изданіи Устрялова стр. 276; въ изданіи Chevreul'я стр. 42: «Unibourne Deuorens»); В. О. Ключевскій, «Составъ представительства» и пр., въ Русской Мысли, 1891, январь, стр. 139.— Составъ посольства въ Акт. З. Россіи, IV, № 182. — «Вѣрющія» грамоты пословъ въ С. Г. Гр. и Д., II, №№ 205 и 206.— О соборѣ 1613 года см. С. Платоновъ, «Др. сказанія и повѣсти, стр. 185—186, примѣчаніе.

190 (къ стр. 354). С. Г. Гр. и Д., II, №№ 199, 200 и 201. — Записки Жолкѣвскаго, Прилож. № 26.—Б. Н. Чичеринъ, «О народномъ представительствѣ», изд. 1899 г., стр. 544.

191 (къ стр. 355). Жолкѣвскій, стр. 81.—О разсылкѣ людей изъ Москвы: Ник. Лѣт., VIII, стр. 145; Р. И. Библ., I, стр. 684—685; Акт. Зап. Россіи, IV, № 182 и стр. 477—478.—Объ отъѣздахъ къ Вору: Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 476.—О переговорахъ касательно вступленія польскаго гарнизона въ столицу: Ник. Лѣт., VIII, стр. 144 (срвн. Р. И. Библ., I, стр. 683); Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 477; Р. Ист. Библ., I, стр. 680—684; Жолкѣвскій, стр 89.—С. М Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, стр. 1079.

192 (къ стр. 357). Голиковъ, «Дѣянія Петра В.», изд. 2-е, XII, стр., 378 и слѣд. Замѣтимъ, что рѣчь пословъ, на стр. 382—383, касается лишь патріарха, а не всего земскаго совѣта, по той причинѣ, что она составляетъ отвѣтъ на замѣчаніе пановъ о патріархѣ. — О совѣщаніяхъ пословъ съ тѣми людьми, которые съ ними были посланы «ото всее земли»: С. Г. Гр. и Д., II, стр. 474—475, и Голиковъ, XII, стр. 354—355, 374 и особенно стр. 386.—О разъѣздѣ посольской свиты изъ-подъ Смоленска—Жолкѣвскій, стр. 106; Голиковъ, XII, стр. 362—368 (срвн. Акт. Зап. Россіи, IV, № 182).

193 (къ стр. 358). Имена тушинцевъ, служившихъ Сигизмунду, приведены выше, на стр. 423, на основаніи источниковъ, указанныхъ въ примѣчаніи 163-мъ. Похвалы короля этимъ людямъ см. С. Г. Гр. и Д., II, стр. 451; А. И., II, № 314.—Распредѣленіе должностей въ Москвѣ указано въ Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 402—403 (срвн. А. И., II, № 314). Оно относится къ самымъ первымъ днямъ власти короля надъ Москвою, поэтому намъ кажется не совсѣмъ понятною дата «1611 января въ 20 день», поставленная въ С. Г. Гр. и Д., II, № 216. Смѣна И. Салтыкова Гонсѣвскимъ въ Стрѣлецкомъ приказѣ произошла въ самомъ началѣ сентября: уже 7-го сентября Салтыковъ отправился изъ Москвы въ Новгородъ (С. Г. Гр. и Д., II, стр. 453); между тѣмъ въ распредѣленіи «урядовъ» Салтыковъ еще считается въ Стрѣлецкомъ приказѣ. Что дата 20 января не можетъ относиться ко всѣмъ назначеніямъ, ясно видно изъ записей въ С. Г. Гр. и Д., II, № 218, и въ А. И., II, № 314. Здѣсь видимъ постепенность и перемѣны въ назначеніяхъ.

194 (къ стр. 360) Ник. Лѣт., VIII, стр. 141—142.—А. И., II, № 299.—А. И., II, № 306, стр. 363 и 361.—С. М. Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, стр. 1077 (срвн. 1088), 1078—1079.—Превосходное подтвержденіе справедливости боярскихъ словъ находимъ въ помѣтѣ Гонсѣвскаго на одной изъ челобитныхъ о помѣстьѣ (17 августа 1611 г.): прочтя челобитную, поданную на имя Сигизмунда нѣкимъ Г. Н. Орловымъ о пожалованіи ему помѣстья, Гонсѣвскій на оборотѣ челобитной написалъ дьяку Грамотину: «Милостивый пане Иванъ Тарасьевичь. Доложа бояръ князя Ѳедора Ивановича (Мстиславскаго) съ товарищми и извѣстивъ мой совѣтъ, прикгожо, по ихъ прикговору, дать грамоту

асударскую жаловалную. Александро. Корвинъ Кгосевский челомъ бьетъ» (С. Г. Г. Д., II, стр. 566). Дѣло рѣшено по «совѣту» Гонсѣвскаго, но оно докладывается боярамъ, чтобы грамота на землю была дана по ихъ «приговору».

195 (къ стр. 361). А. И., II, № 300; Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 403; С. Г. Гр. и Д., II, №№ 218 и 219.—Дѣло кн. Голицыныхъ, Воротынскаго и А. Жировово-Засѣкина (въ польскомъ текстѣ «A. Zyworko» обстоятельнѣе всего изложено въ Р. Ист. Библ., I, стр. 690—693; см. также Акт. Зап. Россіи, стр. 481; С. М. Соловьевъ, II, стр. 1078, 1081; А. И., II, стр. 362—363; Голиковъ, XII, стр. 381—382, 389; Мархоцкій, стр. 112.—О притѣсненіи бояръ: Ник. Лѣт., VIII, стр. 133—134; Соловьевъ, II, стр. 1080.—О Гр. Елизаровѣ: Житіе преп. Діонисія, изд. 1824 года, стр. 50; С. Г Гр. и Д., II, стр. 482; Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 392; А. И., II, стр. 366.—О Ржевскихъ: А. И., II, № 311, VI; А. Э., II, стр. 44; Писц. книги Рязанскаго края, I, стр. 43, 179, 187, 263.—О столкновеніи кн. А. В. Голицына съ Гонсѣвскимъ изъ-за этихъ Ржевскихъ говоритъ Мархоцкій (стр. 111—112); по его словамъ, Голицынъ отозвался о Ржевскихъ, какъ о людяхъ «małéj kondycyi».—Сигизмундъ далъ Ивану Ржевскому, старшему, окольничество, Григорію Ржевскому—думное дворянство, а ихъ дѣтямъ—стольничество (Акт. З. Россіи, IV, стр. 350). Сверхъ того Ржевскимъ Сигизмундъ жаловалъ много земель (Акт. З. Росс., IV, стр. 349—351, 356; срвн. стр. 418, 425). О смерти Ивана Ржевскаго королевская грамота отзывается такъ, что «Иванъ убитъ въ измѣнѣ подъ Москвою» (Акт. З. Росс., IV, стр. 425). Это—тотъ Ржевскій, котораго убили казаки вмѣстѣ съ Пр. Ляпуновымъ.

196 (къ стр. 363).—Р. Ист. Библ., XIII, стр. 123—124.—«Изборникъ» Попова, стр. 348.—Голиковъ, XII, стр. 366—367, 382—383.

197 (къ стр. 365). Характеристику Гермогена см. въ Р. Ист. Библ., XIII, стр. 124—125, и въ «Изборникѣ» Попова, стр. 200—201.—Объ отношеніи Гермогена къ Іову и Филарету: А. Э., II, № 67, и въ этой нашей книгѣ стр. 347—348, 417, и примѣч. 172.—О насиліяхъ надъ Гермогеномъ см. Ник. Лѣт., VIII, стр. 111, 139, и Житіе преп. Діонисія, изд. 1824 г., стр. 11.—Участіе Гермогена въ сведеніи Шуйскихъ, Ник. Лѣт., VIII, стр. 139—140.

198 (къ стр. 365). О происхожденіи Гермогена нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Гонсѣвскому въ Москвѣ въ 1610—1611 гг. доставили какія-то свѣдѣнія изъ частныхъ рукъ и «з Дворца Казанскаго» о томъ, какъ Гермогенъ «въ козакахъ донскихъ и послѣ попомъ въ Казани бывалъ» (Акт. З. Россіи, IV, стр. 481—482). Что патріархъ не былъ высокаго рода, въ этомъ можно не сомнѣваться. Если бы онъ былъ изъ служилаго класса, то, по тогдашнему обычаю,

съ иноческимъ именемъ писалъ бы свою мірскую фамилію; но мы ея ни разу не встрѣчаемъ въ памятникахъ, относящихся къ Гермогену. Напротивъ, имѣемъ основаніе причислять Гермогена къ тяглому городскому классу: сохранилась запись на одной изъ иконъ въ Вяткѣ о томъ, что патріархъ Гермогенъ въ 1607 году благословилъ иконою «зятя своего Корнилія Рязанцева», посадскаго человѣка на Вяткѣ («Исторія рода Рязанцевыхъ». Составилъ А. С. Вятка. 1884, стр. 6). Какъ ни шатки эти указанія, они однако даютъ право не вѣрить слуху, пущенному П. И. Бартеневымъ, о происхожденіи Гермогена изъ рода князей Голицыныхъ (Русск. Архивъ, 1892, № 3. стр. 15; 1898, № 11). Указаніе г. Бартенева, что Гермогенъ былъ князь Ермолай Голицынъ, не принято ни кн. Н. Н. Голицынымъ (въ его книгѣ «Родъ князей Голицыныхъ», Спб., 1892, стр. 410—413), ни Н. П. Лихачевымъ (въ его рецензіи на эту книгу въ журналѣ Библіографъ 1893 г. и отдѣльно: «Новое родословіе князей Голицыныхъ», стр. 4).

199 (къ стр. 366). Отношеніе Гермогена къ уніи съ Рѣчью Посполитою хорошо опредѣляется Жолкѣвскимъ (изд. 2-е, стр. 74—75, 86—87, 89, 94). См. также Р. Ист. Библ., I, стр. 680—683; Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 477; А. П. Барсукова, «Родъ Шереметевыхъ», II, стр. 220—223.

200 (къ стр. 368). О письмахъ изъ посольскаго стана см. Голиковъ, XII, стр. 342 (срвн. стр. 360); Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 482—483; Жолкѣвскій, стр. 114—115.—Патріотическія грамоты «смольнянъ» и москвичей изданы въ А. Э., II, № 176, и С. Г. Г. и Д., II, № 226; № 229. О нихъ замѣтка С. Платонова въ «Commentationes Philologicae». Сборникъ статей въ честь И. В. Помяловскаго (Спб. 1897), стр. 137 и слѣд.—«Новая повѣсть» напечатана въ Р. Ист. Библ., XIII, стр. 187—218. Въ своемъ разборѣ этой повѣсти (Журналъ М. Н. Просв., 1886, январь; 1887, ноябрь; см. также «Древнерусскія сказанія и повѣсти», стр. 88—89) мы приписали повѣсть перу приказнаго дьяка. Рецензентъ Русской Мысли (мартъ 1888 года, Библіографич. отдѣла стр. 161), не соглашаясь съ нами, говорилъ, что повѣсть составлена въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ,—по тому признаку, что въ повѣсти встрѣчаются два раза (стр. 188 и 218) слова: «великихъ чюдотворцевъ иже у насъ въ Троицѣ преименитыхъ». На то же указывалъ и Д. Скворцовъ въ своей книгѣ «Діонисій Зобниновскій» (Тверь. 1890, стр. 70—71). Полагаемъ, возможно высказать догадку, что авторомъ повѣсти былъ дьякъ Новгородской чети Григорій Елизаровъ, ушедшій изъ Москвы отъ поляковъ въ Троицкій монастырь (о немъ см. выше, примѣч. 195): на немъ сойдутся всѣ признаки, по какимъ строились до сихъ поръ заключенія объ авторѣ повѣсти.—О раннемъ посланіи Ляпунова къ московскимъ боярамъ см. Жолкѣвскій, стр. 114—115.

асударскую жаловалную. Александро. Корвинъ Кгосевский челомъ бьетъ» (С. Г. Г. Д., II, стр. 566). Дѣло рѣшено по «совѣту» Гонсѣвскаго, но оно докладывается боярамъ, чтобы грамота на землю была дана по ихъ «приговору».

195 (къ стр. 361). А. И., II, № 300; Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 403; С. Г. Гр. и Д., II, №№ 218 и 219.—Дѣло кн. Голицыныхъ, Воротынскаго и А. Жирового-Засѣкина (въ польскомъ текстѣ «A. Zyworko» обстоятельнѣе всего изложено въ Р. Ист. Библ., I, стр. 690—693; см. также Акт. Зап. Россіи, стр. 481; С. М. Соловьевъ, II, стр. 1078, 1081; А. И., II, стр. 362—363; Голиковъ, XII, стр. 381—382, 389; Мархоцкій, стр. 112.—О притѣсненіи бояръ: Ник. Лѣт., VIII, стр. 133—134; Соловьевъ, II, стр. 1080.—О Гр. Елизаровѣ: Житіе преп. Діонисія, изд. 1824 года, стр. 50; С. Г Гр. и Д., II, стр. 482; Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 392; А. И., II, стр. 366.—О Ржевскихъ: А. И., II, № 311, VI; А. Э., II, стр. 44; Писц. книги Рязанскаго края, I, стр. 43, 179, 187, 263.—О столкновеніи кн. А. В. Голицына съ Гонсѣвскимъ изъ-за этихъ Ржевскихъ говоритъ Мархоцкій (стр. 111—112); по его словамъ, Голицынъ отозвался о Ржевскихъ, какъ о людяхъ «małéj kondycyi».—Сигизмундъ далъ Ивану Ржевскому, старшему, окольничество, Григорію Ржевскому—думное дворянство, а ихъ дѣтямъ—стольничество (Акт. З. Россіи, IV, стр. 350). Сверхъ того Ржевскимъ Сигизмундъ жаловалъ много земель (Акт. З. Росс., IV, стр. 349—351, 356; срвн. стр. 418, 425). О смерти Ивана Ржевскаго королевская грамота отзывается такъ, что «Иванъ убитъ въ измѣнѣ подъ Москвою» (Акт. З. Росс., IV, стр. 425). Это—тотъ Ржевскій, котораго убили казаки вмѣстѣ съ Пр. Ляпуновымъ.

196 (къ стр. 363).—Р. Ист. Библ., XIII, стр. 123—124.—«Изборникъ» Попова, стр. 348.—Голиковъ, XII, стр. 366—367, 382—383.

197 (къ стр. 365). Характеристику Гермогена см. въ Р. Ист. Библ., XIII, стр. 124—125, и въ «Изборникѣ» Попова, стр. 200—201.—Объ отношеніи Гермогена къ Іову и Филарету: А. Э., II, № 67, и въ этой нашей книгѣ стр. 347—348, 417, и примѣч. 172.—О насиліяхъ надъ Гермогеномъ см. Ник. Лѣт., VIII, стр. 111, 139, и Житіе преп. Діонисія, изд. 1824 г., стр. 11.—Участіе Гермогена въ сведеніи Шуйскихъ, Ник. Лѣт., VIII, стр. 139—140.

198 (къ стр. 365). О происхожденіи Гермогена нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Гонсѣвскому въ Москвѣ въ 1610—1611 гг. доставили какія-то свѣдѣнія изъ частныхъ рукъ и «з Дворца Казанскаго» о томъ, какъ Гермогенъ «въ козакахъ донскихъ и послѣ попомъ въ Казани бывалъ» (Акт. З. Россіи, IV, стр. 481—482). Что патріархъ не былъ высокаго рода, въ этомъ можно не сомнѣваться. Если бы онъ былъ изъ служилаго класса, то, по тогдашнему обычаю,

201 (къ стр. 368). О преклонномъ возрастѣ Гермогена свидѣтельствуетъ Жолкѣвскій (1-е изд., стр. 159; 2-е изд., стр. 94).—О его изолированномъ положеніи всего лучше говоритъ «Новая повѣсть»: Р. Ист. Библ., XIII, стр. 208; стр. 196, 209.

202 (къ стр. 370). О дѣлѣ князей Воротынскаго и Голицыныхъ см. выше, стр. 471—472, и примѣч. 195.—Дѣло Бутурлина разсказано въ Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 480.—О мѣрахъ польскаго гарнизона въ Москвѣ: Ник. Лѣт., VIII, стр. 151; С. М. Соловьевъ, II, стр. 1076.—О письмахъ пословъ: Голиковъ, XII, стр. 342.—О Смоленскомъ штурмѣ: Голиковъ, XII, стр. 358—359; С. Г. Г. и Д., II, стр. 477. — Время столкновенія М. Салтыкова съ патріархомъ (30 ноября—1 декабря) опредѣляется указаніемъ грамотъ: «предъ Николинымъ днемъ» въ пятницу и субботу (А. Э., II, стр. 292; С. Г. Г. и Д., II, стр. 491; срвн. С. Платоновъ, «Древнерусскія сказанія и повѣсти», стр. 90, и Журн. Мин. Нар. Просв., 1886, январь, стр. 57—58, 62). Описаніе столкновенія въ Ник. Лѣт., VIII, стр. 152—153, и въ Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 203—206. Предметъ бесѣды патріарха съ «измѣнникомъ» Салтыковымъ точно опредѣлить нельзя: въ лѣтописи и повѣсти онъ передается слишкомъ общими чертами. Всего лучше о немъ можно заключить изъ грамоты пословъ въ С. Г. Г. и Д., II, № 215, и указаній Голикова, XII, стр. 355—361, 370.

203 (къ стр. 370). А. И., II, № 307.—Соловьевъ, II, стр. 969.—О началѣ открытыхъ дѣйствій патріарха противъ поляковъ: Рукопись Филарета, стр. 42—43 (въ Сборникѣ Муханова стр. 304—305); Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 606; Акт. Зап. Россіи, IV, стр. 482, 493; Маскѣвичъ (въ изд. Устрялова, т. II), стр. 48—49.—Очень любопытно указаніе Арсенія елассонскаго, что Гермогенъ самъ отрицалъ (αὐτὸς γὰρ ἠρνεῖτο), будто «возстаніе городовъ и народа произошло по совѣту патріарха» (Труды Кіевской Дух. Академіи, 1898, май, стр. 95—96). Народъ же прямо говорилъ о себѣ, что дѣйствуетъ «по благословенію патріарха» (А. Э., II, № 181; Карамзинъ, XII, примѣч. 684; срвн. «Commentationes Philologicae». Сборникъ статей въ честь И. В. Помяловскаго, стр. 140—141).

204 (къ стр. 372). Въ «Изборникѣ» А. Н. Попова, стр. 349, есть перечень городовъ, въ которые писалъ Гермогенъ. Здѣсь указаны тѣ города, въ какихъ стало «собираться» ополченіе 1611 года. Едва ли авторъ хронографа отъ послѣдняго факта не заключилъ къ первому: онъ сообщаетъ, будто патріархъ писалъ и къ Просовецкому въ Суздаль, но обращеніе патріарха къ «воровскому» отряду Просовецкаго мало вѣроятно.—О грамотахъ патріарха см. предыдущее примѣчаніе; также у Жолкѣвскаго, стр. 117.—О времени возстанія Ляпунова: С. Платоновъ, «Древн. сказанія и повѣсти», стр. 92, прим. 5.—

О притѣсненіи патріарха: А. Э., II, № 176, стр. 301; С. Г. Г. Д., II, № 228; Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 125; Голиковъ, XII, стр. 419; Н. И. Веселовскій, «Памятники», III, стр. 206; А. Э., II, № 185 (и стр. 321).

205 (къ стр. 372). О той «доброй расправѣ», какую устроила въ Москвѣ польская власть, есть любопытныя указанія съ ея стороны въ Акт. Зап. Росс., IV, стр. 478—480); о томъ же, во что выродилась эта расправа, говорятъ русскія грамоты (въ А. Э., II, № 170; С. Г. Г. Д., II, № 224). См. также выше, примѣч. 194.

206 (къ стр. 374). Жолкѣвскій, стр. 114—115 (стараго изданія стр. 193—194). — Акт. Зап. Росс., IV, стр. 318, 360, 384, 400. — Тамъ же, стр. 480 (о Бутурлинѣ).—С. Г. Г. Д., II, № 223.

207 (къ стр. 375). О Нижнемъ-Новгородѣ: А. Э., II, № 176, III; № 194, II; С. Г. Г. Д., II, №№ 228, 268.—О нижегородскихъ иноземцахъ любопытны свѣдѣнія у Н. И. Веселовскаго, «Памятники», III, стр. 91—92.—О Ярославлѣ: А. Э., II, №№ 179 и 188, II; С. Г. Г. Д., II, №№ 239 и 241.

208 (къ стр. 378). Наиболѣе раннія свѣдѣнія о ратныхъ движеніяхъ: А. Э., II, № 177, № 188, II, стр. 322—323. Срвн. Костомаровъ, «См. время», III, стр. 117—133.—«Роспись» воеводъ въ А. Э., II, стр. 323 (срвн. стр. 313); также «Изборникъ» Попова, стр. 350, и А. Палицынъ, стр. 251—252. — О Просовецкомъ: А. Э., II, № 178, II; С. Г. Г. Д., II, № 230; П. Собр. Р. Лѣтописей, IV, стр. 328—329.—Объ угличанахъ: А. Э., II, стр. 313. — О Романовскихъ татарахъ: Сборникъ Хилкова, стр. 40—42, и А. Э., II, стр. 323.

209 (къ стр. 379). О Заруцкомъ и другихъ отставшихъ отъ Вора: Жолкѣвскій, стр. 116—117, и Р. И. Библ., I, стр. 586—587; А. Э., II, стр. 281, и С. Г. Г. Д., II, стр. 441.—О Трубецкихъ и Черкаскомъ: А. Э., II, № 182, стр. 310—311; С. Г. Г. Д., II, № 237; Зап. Жолкѣвскаго, изд. 2-е, Прилож. № 41 (А. И., II, № 318); Ник. Лѣт., VIII, стр. 151.—О сношеніяхъ Ляпунова съ Тулою и Калугою: А. Э., II, стр. 302, 312; С. Г. Г. Д., II, стр. 498 и 510 (срвн. А. И., II, № 318).

210 (къ стр. 380). А. Э., II, № 188, стр. 326—327; С. Г. Г. Д., II, № 251. Это не единственное обращеніе Ляпунова къ «вольнымъ казакамъ». Еще будучи на Рязани, въ февралѣ 1611 года, Ляпуновъ звалъ къ себѣ «въ сходъ» изъ всѣхъ городовъ всякихъ людей и между прочимъ вольныхъ казаковъ (А. Э., II, стр. 312; С. Г. Г. Д., II, стр. 510).

стр. 104.—А. Э., II, № 197; С. Г. Г. Д., II, № 269; А. И., II, № 333.— Гермогенъ въ грамотѣ обращалъ особое вниманіе нижегородцевъ на Казань потому, что въ іюлѣ 1611 года казанская рать только что пришла подъ Москву, и было важно ее уберечь отъ «воровства» («Изборникъ» Попова, стр. 352; Ник. Лѣт., VIII, стр. 167—168).

224 (къ стр. 401). А. Э., II, № 194.—С. Кедровъ, «Авраамій Палицынъ», М., 1880, стр. 21—25.—Житіе преп. Діонисія, изд. 1824 г., стр. 43 и слѣд.— Д. Скворцовъ, «Діонисій Зобниновскій» (Тверь, 1890), стр. 96—102.—А. Э., II, № 192.—А. Палицынъ, въ изд. 1822 г., стр. 257—258.

225 (къ стр. 402). Троицкія грамоты въ А. Э., II, № 190 и № 202; С. Г. Г. Д., II, № 275; Житіе преп. Діонисія, стр. 98—104 и 49—52 (см. также у Д. Скворцова «Діонисій Зобниновскій», стр. 31, прим. 1).—Мѣста, куда грамоты направлялись, указаны въ Житіи пр. Діонисія, стр. 50, и А. Э., II, стр. 240 (№ 190).—И. Е. Забѣлинъ, «Мининъ и Пожарскій», изд. 3-е (М., 1896), стр. 72—74.

226 (къ стр. 404). И. Е. Забѣлинъ, «Мининъ и Пожарскій», изд. 3-е, стр. 246—248 (Мы не считаемъ удачными возраженій, предъявленныхъ въ послѣднее время г. Забѣлину; см. Д. Скворцова, «Діонисій Зобниновскій», стр. 103 и слѣд.).—Хронологическія соображенія, изложенныя г. Забѣлинымъ, относительно времени доставленія въ Нижній троицкой грамоты и пріѣзда туда Пожарскаго, совершенно основательны. Они неопровержимо доказываютъ, что свое дѣло въ Нижнемъ Мининъ началъ до полученія тамъ октябрьской троицкой грамоты (И. Е. Забѣлинъ опирается на «Изборникъ» Попова, стр. 353, и Ник. Лѣт., VIII, стр. 175—176). О томъ, что Мининъ началъ свои рѣчи въ земской избѣ, говоритъ Азарьинъ (Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 34).— Мѣсто, гдѣ находилась эта земская изба, опредѣляется въ Нижегородской писцовой книгѣ (Русск. Ист. Библ., т. XVII, стр. 216—217; 37—39; 91—92; сравн. А. С. Гацискаго «Нижегородскій Лѣтописецъ», стр. 31, 64). Дворъ самого Минина находился близъ другой Никольской церкви («Николы Шухобольскаго»); см. «Дѣйствія Нижегородской Архивной Коммиссіи». I, стр. 275, 532, и Русск. Ист. Библ., XVII, стр. 31.—О томъ, что починъ движенія принадлежалъ посадскимъ людямъ, указывалъ самъ Пожарскій, говоря въ грамотахъ, что «въ Нижнемъ Новѣгородѣ гости и посадскіе люди и выборный человѣкъ Косма Мининъ... учали ратныхъ людей сподоблять денежнымъ жалованьемъ и присылали по меня» (С. Г. Г. Д., II, стр. 594).—О томъ, что Мининъ «собою начатъ» сборъ на ратныхъ, у С. Азарьина, стр. 35.

227 (къ стр. 406). Ельнинская рукопись описана и цитирована П. И. Мельниковымъ въ его статьѣ «Нижній-Новгородъ и нижегородцы въ Смутное

время» (Отечественныя Записки за 1843 г., т. XXIX, отд. II, стр. 31—32 и 23. Срвн. С. Платоновъ, «Др. сказанія и повѣсти», стр. 304—306).—Грамота нижегородскому собору въ А. И., II, № 69.—Савва упоминается въ писцовой книгѣ Нижняго не одинъ разъ (Русск. Ист. Библ., XVII, стр. 45, 82 116).—О Биркиныхъ много указаній въ Писцовыхъ книгахъ Рязанскаго края, I (Рязань, 1898), стр. 14, 72, 94, 121, 160, 176, 179, 183, 227, 346); также въ актахъ (Чтенія М. О. Ист. и Др., 1863 г., IV, Смѣсь, стр. 9) и десятняхъ (Десятни и Тысячная книга XVI вѣка В. Н. Сторожева, стр. 314, 316, 324, 344—346).—Намекъ на связи Биркиныхъ съ Ляпуновыми въ Сборникѣ актовъ Н. П. Лихачева (Спб. 1895), стр. 250.—О присылкѣ И. И. Биркина отъ Ляпунова въ Нижній: А. Э., II, стр. 301—302.—О Вас. Юдинѣ есть упоминаніе въ писцовой книгѣ Нижняго (Русск. Ист. Библ., XVII, стр. 11, 61, 305—311). Въ Муромской десятнѣ 1605 г. упоминается «нижегородскій подъячій» Василій Юдинъ Башмаковъ («Десятни» В. Н. Сторожева, стр. 82, примѣч.). Въ Курмышскихъ актахъ (Лѣтопись занятій Археографич. Коммиссіи, I, Матеріалы, стр. 8—27) помѣщено нѣсколько грамотъ нижегородскихъ воеводъ; изъ нихъ ясно, что Юдинъ состоялъ при Пожарскомъ, а при кн. Звенигородскомъ былъ дьякъ Василій Семеновъ (см., напримѣръ, стр. 8—9, 11).—Мы обходимъ мелкій эпизодъ съ Биркинымъ, о которомъ было много толковъ. По словамъ рукописи Ельнина, Биркинъ, выслушавъ рѣчь Минина на воеводскомъ дворѣ, чему-то «сумняшеся». По нашему мнѣнію, это сомнѣніе относилось не къ искренности Минина, а къ успѣху предположеннаго на слѣдующій день въ нижегородскомъ соборѣ народнаго собранія. Биркинъ думалъ, что изъ него не выйдетъ прока.

228 (къ стр. 408). Ник. Лѣт., VIII, стр. 177.—Образцы баснословія изъ хронографа кн. Оболенскаго приведены въ Архивѣ ист.-юрид. свѣдѣній Калачова, I, отд. VI, стр. 34—35 (срвн. С. Платоновъ, «Др. сказанія и повѣсти», стр. 325—328). О рукописи Балашева въ Нижегородскомъ Лѣтописцѣ Гацискаго, стр. 45—46.—О нижегородскихъ сборахъ любопытныя указанія въ «Выпискѣ изъ приходной книги» Нижняго (Временникъ М. О. Ист. и Др., XVII, стр. 1—2). Многихъ изъ упомянутыхъ здѣсь лицъ, съ которыхъ были взяты деньги на ратныхъ, можно опредѣлить по писцовой книгѣ Нижняго (Русск. Ист. Библ., XVII, по Указателю).—О нижегородскихъ приговорахъ и объ обложеніи въ силу этихъ приговоровъ см. ту же «Выписку» и «Изборникъ» Попова, стр. 353.—О мірскихъ окладчикахъ свѣдѣнія у А. С. Лаппо-Данилевскаго, «Организація прямого обложенія» и т. д., стр. 298, 310—312.—По поводу принудительности земскихъ сборовъ см. указаніе С. Азарьина (стр. 35) и мнѣнія Костомарова (Историч. монографіи, XIII, стр. 377—380) и И. Е. Забѣлина («Мининъ и Пожарскій», стр. 34—39).—Мы говоримъ въ текстѣ о

житейскихъ записяхъ, а не о служилыхъ кабалахъ, потому что въ послѣднихъ нельзя для того времени видѣть денежную сдѣлку: заемъ, упоминаемый въ служилыхъ кабалахъ, бывалъ обыкновенно фиктивнымъ (В. О. Ключевскій, статьи въ Русской Мысли, 1885 г., августъ, стр. 30—34; срвн. въ этой нашей книгѣ стр. 349—350).—Крупные размѣры взносовъ на ратныхъ людей удостовѣряются «Выпискою изъ приходной книги» (стр. 2). Со Строгановыхъ взято, напримѣръ, 4.116 р.

229 (къ стр. 409). Нижегородскія десятни въ «Дѣйствіяхъ Нижегородск. Архивн. Коммиссіи», I, стр. 399—400.—О Жд. Болтинѣ см. тамъ же, стр. 399, и «Изборникъ» Попова, стр. 353.—О смольнянахъ: Ник. Лѣт., VIII, стр. 168, 175—176; «Изборникъ» Попова, стр. 353; С. Азарьинъ, «Книга о чудесахъ преп. Сергія», стр. 36 (здѣсь указаніе, что смольняне бродили у Арзамаса, «не вредяще ничѣмъ православныхъ христіанъ»).

230 (къ стр. 410). О Пожарскихъ и Пожарѣ: С. В. Рождественскій, «Служилое землевладѣніе въ Моск. государствѣ», стр. 176, 180; С. Г. Г. Д., II, № 188, стр. 530, 531; Доп. А. И., I, стр. 380.—О Ландихѣ и Мугрѣевѣ: С. Г. Г. Д., II, № 267; Погодинъ, «О мѣстѣ погребенія князя Д. М. Пожарскаго» (Москвитянинъ, 1852, V, Науки), стр. 66.—Мѣстническія дѣла Пожарскаго въ Сборникѣ Муханова, стр. 160—163, 165, и въ Историческомъ Сборникѣ Погодина, II, стр. 306—309, 309—310, 375.

231 (къ стр. 411). Сборникъ Муханова, стр. 161—162; Историческій Сборникъ Погодина, II, стр. 309.—О Пожарскомъ см. замѣчанія В. О. Ключевскаго въ его статьѣ «Смѣна» (Русск. Мысль, 1899, январь), стр. 206—207.—А. Э., II, № 210, стр. 370.

232 (къ стр. 412). О Пожарскомъ отзывы Костомарова (Историч. монографіи, XIII, стр. 360); Бестужева-Рюмина (статья въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1887, августъ, стр. 274, и «Письма о Смутномъ времени», стр. 9, 37) и Ив. Е. Забѣлина («632 Мининъ и Пожарскій», стр. 48—60). Въ записной книгѣ королевскихъ пожалованій (Акты Зап. Россіи, IV, № 183) имени Пожарскаго не встрѣчается.—Вопросъ о мѣстѣ, гдѣ жилъ Пожарскій предъ пріѣздомъ въ Нижній, искусственно запутанъ. Источники говорятъ ясно, что Пожарскій тогда «былъ въ вотчинѣ своей въ Суздальскомъ уѣздѣ» («Изборникъ» Попова, стр. 353) и что эта вотчина отстояла «отъ Нижняго 120 поприщъ» (Ник. Лѣт., VIII, стр. 175). Подъ эти признаки подходитъ только родовая Мугрѣевская вотчина (Погодинъ, «О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго», стр. 62—67; особенно стр. 65—66); на Мугрѣево и указываетъ И. Е. Забѣлинъ («Мининъ и Пожарскій», стр. 306—308). Близкое къ Мугрѣеву село Нижній

Ландихъ было «помѣстейцо» Пожарскаго, а не вотчина; оно было сдѣлано его вотчиною лишь въ концѣ царствованія Шуйскаго, о чемъ мало кому было извѣстно, даже въ самой Москвѣ, еще и въ 1611 году (срвн. Погодина, о. с., стр. 62, и С. Г. Г. Д., II, № 267). Что же касается до Пуреха, на который указываютъ мѣстные историки, П. И. Мельниковъ и А. С. Гацискій (см. Нижегородскій Лѣтописецъ, 1886, стр. 46, и Нижегородскій Сборникъ, т. X, 1890, стр. 35—80), то Пурехъ вовсе даже не былъ тогда въ числѣ владѣній Пожарскаго и находился притомъ въ Стародубѣ не Ряполовскомъ, а «Вотцкомъ». Онъ принадлежалъ князю Ив. Ив. Шуйскому, а послѣ него былъ пущенъ Сигизмундомъ въ раздачу по мелкимъ частямъ (Акты Зап. Россіи, IV, стр. 396).—Общее количество земли, принадлежавшей кн. Д. М. Пожарскому, опредѣляется офиціальнымъ документомъ 1613 года (Чтенія М. О. И. и Др., 1895, I, стр. 5; срвн. Погодинъ, о. с., стр. 62—67).

233 (къ стр. 413). Ник. Лѣт., VIII, стр. 174—176; «Изборникъ» Попова, стр. 353.—И. Е. Забѣлинъ полагаетъ («Мининъ и Пожарскій», стр. 246—247), что Пожарскій пріѣхалъ въ Нижній «не позднѣе 30 числа» октября. Отъ Нижняго до Арзамаса считается всего 112 верстъ; выйдя 26-го изъ Арзамаса, смольняне могли быть въ Нижнемъ 28-го. Около этого дня пріѣхалъ туда и Пожарскій.—О нижегородскихъ воеводахъ см. Временникъ М. О. И. и Др., XVII, Смѣсь, стр. 1—2; Курмышскіе акты (въ Лѣтописи занятій Археограф. Коммиссіи, I, отдѣл. II), стр. 9—11; срвн. Сборникъ Археолог. Института, VI, стр. 94, 105.—Объ окладахъ жалованья: «Изборникъ» Попова, стр. 353; объ окладѣ Пожарскаго—у Малиновскаго, «Біографич. свѣдѣнія о кн. Д. М. Пожарскомъ», М. 1817, стр. 6, и В. О. Ключевскаго, «Смѣна», стр. 206—207.—Первыя нижегородскія воззванія, къ сожалѣнію, неизвѣстны; о нихъ см. Ник. лѣт., VIII, стр. 176; Курмышскіе акты, стр. 14, 12 и 16.

234 (къ стр. 414). Курмышскіе акты, стр. 9 и 11 (о сборщикѣ Аѳ. Гурьевѣ).—Тамъ же, стр. 24—25, и «Дѣйствія Нижегородской Архивной Коммиссіи», I, стр. 399 (о Жедринскомъ).—Курмышскіе акты, стр. 9, 14; «Изборникъ» Попова, стр. 354; Ник. Лѣт., VIII, стр. 176—177 (о Ив. Ив. Биркинѣ).—О Казанскихъ воеводахъ и дьякахъ: Ник. Лѣт., VIII, стр. 167—168; «Изборникъ» Попова, стр. 352; Курмышскіе акты, стр. 20—23.

235 (къ стр. 414). А. Э., II, № 201.—Курмышскіе акты, стр. 22. Здѣсь находимъ, въ Казанской грамотѣ, доставленной въ Курмышъ 9-го февраля, извѣщеніе о томъ, что казанскіе ратные люди идутъ въ Нижній «на земскую службу тотчасъ». Стало быть, призывная грамота изъ Нижняго пошла не позже этого времени, въ ту минуту, когда въ Нижнемъ уже знали о скоромъ прибытіи туда казанцевъ, но самихъ казанцевъ еще въ Нижнемъ не было.

Съ другой стороны, врядъ ли она вышла изъ Нижняго многимъ ранѣе этого срока: московскія грамоты отъ «бояръ» отъ 25-го января еще ничего не знаютъ о нижегородскомъ движеніи (С. Г. Г. Д., II, № 276, № 277).

236 (къ стр. 416). Ник. Лѣт., VIII. стр. 176—180.—А. Э., II, № 201, стр. 350.—«Изборникъ» Попова, стр. 354.

237 (къ стр. 417). Ник. Лѣт., VIII, стр. 180—181.—И. Е. Забѣлинъ. «Мининъ и Пожарскій», стр. 78.—С. Г. Г. Д., II, стр. 595; Др. Росс. Вивл., XV, стр. 186.

238 (къ стр. 418). А. Э., II, № 203, стр. 256 (срвн. № 202, гдѣ указана дата: 2-го марта 1612 года).—Составъ подписавшаго грамоту ратнаго совѣта нѣсколько уясняется сравненіемъ подписей подъ грамотою съ указателемъ къ нижегородской писцовой книгѣ (Руск. Ист. Библ., XVII) и съ боярскимъ спискомъ 1611 года (Сборникъ Археолог. Института, VI).

239 (къ стр. 419). О Кириллѣ и его совѣтѣ: Ник. Лѣт., VIII, стр. 183—184; Горскій, «Ист. Описаніе Св. Троицкой Сергіевой Лавры», стр. 89—90.—Макарій, «Ист. русск. церкви», X, стр. 60.—Древн. Росс. Вивл., XV, стр. 177—180.—Макарій, о. с., X, стр. 166—169, и Дворц. Разряды, I, 1083, 1045, 1047 и т. д.

240 (къ стр. 420). Ник. Лѣт., VIII, стр. 182—184, 184—186.—А. Э., II, №№ 203, 204, 205 и др.; Дворц. Разряды, I, стр. 1045 и сл.—Доп. А. И., I, № 164, и А. Э., II, стр. 365.—А. Э., II, № 164.—Сравнивая боярскій списокъ 1611 года съ документами ополченія 1612 года, нельзя точно сказать, какіе бояре, кромѣ двухъ, названныхъ нами въ текстѣ, были въ ополченіи Пожарскаго.—О В. П. Морозовѣ см. «Изборникъ» Попова, стр. 352; о Долгорукомъ: П. Собр. Р. Лѣт., V, стр. 69; А. И., II, стр. 379, 383; также «Сказаніе о родѣ князей Долгорукихъ», 1840 г., стр. 11 и слѣд.

241 (къ стр. 421). Нѣкоторыя соображенія о существованіи въ ополченіи Пожарскаго земскихъ представителей были предложены нами еще въ 1883 году (Журн. Мин. Н. Просв., 1883, мартъ, стр. 4—7). А. Э., II, № 203; № 208, I.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 180; А. Э., II, № 208 (о С. Татищевѣ).—Доп. А. И., I, стр. 288; Ник. Лѣт., VIII, стр. 184 (о новгородскихъ послахъ).—Ник. Лѣт., VIII, стр. 186, 187.—Rerum Rossic. Scriptores Exteri, I, стр. 250 и слѣд.—Упоминанія о «совѣтѣ всея земли» въ Дв. Разрядахъ, I, 1083; Актахъ Юр., № 339, VII (срвн. № 373 и Сборникъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ г. Щукина, V, стр. 88—89, 146; также въ грамотахъ «бояръ» 1611 года (ихъ напечатано довольно много въ различныхъ сборникахъ актовъ).—О существо-

ваніи въ Ярославлѣ приказовъ, напротивъ, мало упоминаній; см., напримѣръ, Акт. отн. до Юр. Быта, II, стр. 682 (Монастырскій приказъ); Ник. Лѣт., VIII, стр. 185, и А. Э., № 214 (Разрядъ).

242 (къ стр. 421). Ник. Лѣт., VIII, стр. 182, 183—184; 176 и 192.— Палицынъ, въ изд. 1822 г., стр. 263—264; 267; 260, 273.

243 (къ стр. 422). Ник. Лѣт., VIII, стр. 180; 180—181; 183; 184; 183 и 186; 188.—Приговоръ 3-го іюня 1611 года у И. Е. Забѣлина («Мининъ и Пожарскій», стр. 275, § 17).

244 (къ стр. 424). Ник. Лѣт., VIII, стр. 181.—Доп. А. И., II, стр. 57, 58.—«Утверженныя грамоты» въ С. Г. Г. Д., II, № 264; Доп. А. И., II, стр. 58—59; упоминаются въ А. Э., II, № 208. –Политическіе взгляды новгородскихъ властей выражены всего полнѣе въ Доп. А. И., II, № 32.—Составъ правительства новгородскаго указанъ въ Доп. А. И., I, № 162 (около 70 именъ); II, № 5 (около 50 именъ) и № 21 (всего 25 именъ). О документахъ этихъ см. Доп. А. И., II, примѣчаніе 1-е, и Протоколы Археограф. Коммиссіи, II, стр. 7—8.—Отзывъ Ив. Тимоѳеева въ Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 445 и др.—О С. Татищевѣ А. Э., II, № 208, и Ник. Лѣт., VIII, стр. 181.—Отзывы ярославскихъ властей въ А. Э., II, № 210; Ник. Лѣт., VIII, стр. 184—185; Доп. А. И., I, № 164.

245 (къ стр. 425). Ник. Лѣт., VIII, стр. 186–191.—А. Э., II, № 213.— Послы отъ «украинскихъ людей» въ Ростовъ, Ив. Кондыревъ и Ив. Бегичевъ (Ник. Лѣт., VIII, стр. 187), подписали избирательную грамоту царя Михаила Ѳедоровича, причемъ Бегичевъ отмѣтилъ о себѣ «изъ Колуги» (С. Г. Г. Д., I, стр. 640).

246 (къ стр. 426). О числѣ казаковъ, бывшихъ въ таборахъ, можно заключать изъ сопоставленія цифръ, относящихся къ началу 1613 года, въ Дворц. Разрядахъ, I, стр. 1052; 1109—1110; 1115.—Что Заруцкій увелъ изъ-подъ Москвы «мало не половину войска», говоритъ Ник. Лѣт., VIII, стр. 188.— О разнородномъ населеніи таборовъ см. «Изборникъ» Попова, стр. 352.—О бояхъ съ Ходкѣвичемъ обстоятельный разсказъ у И. Е. Забѣлина, «Мининъ и Пожарскій», стр. 98—110; время прихода Ходкѣвича указано въ А. Э., II, № 213; Русск. Ист. Библ., I, стр. 317—325.—Грамота 9-го сентября въ Акт. отн. до Юр. Быта, II, № 191 (въ годѣ 7120 опечатка: надобно 7121).—О заводчикахъ смуты, упоминаемыхъ въ грамотѣ, см. А. П. Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», II, стр. 195, 215–216; «Изборникъ» Попова, стр. 341 и 354.—О соединеніи правительствъ Пожарскаго и Трубецкого см. А. Э., II,

№ 214; Ник. Лѣт., VIII, стр. 195. О времени этого соединенія можно заключать вотъ почему: въ грамотѣ А. Э., II, № 214, извѣщающей о соединеніи воеводъ, упоминается, какъ современное событіе, постройка батареи на Пушечномъ дворѣ; это было по новому стилю 2-го октября, по старому 22-го сентября (Р. Ист. Библ., I, стр. 347). Въ грамотѣ упоминается, далѣе, людоѣдство среди осажденныхъ; оно началось «около святой Покровы», то-есть около 1-го октября (Р. Ист. Библ., I, стр. 348—349; «Записки Божка Балыки», оттискъ изъ Кіевской Старины 1882 г., стр. 7—8). Къ этимъ терминамъ и должно отнести соглашеніе воеводъ. Наши соображенія подтверждаются сравненіемъ грамотъ № 311 и № 312 изъ Актовъ г. Юшкова (Чтенія М. О. И. и Др., 1898, III): первая дана 20-го сентября 1612 г. отъ одного Трубецкого, вторая 6-го октября уже отъ обоихъ воеводъ.

247 (къ стр. 426). Доп. А. И., I, № 166 (здѣсь наиболѣе цѣнныя хронологическія указанія; но однажды по простой опискѣ поставленъ сентябрь вмѣсто октября).—Не останавливаемся на подробностяхъ Кремлевской осады, много разъ описанной. О ней, между прочимъ, появилась монографія г. Даровскаго (Adam Darowski, «Czkice Historyczne», III, Спб., 1897). См. также акты московской военной конфедераціи въ Виленскомъ Археографическомъ Сборникѣ, т. IV, №№ 78—108.—О казакахъ обстоятельно говоритъ Ник. Лѣт., VIII, стр. 196—197.

248 (къ стр. 428). Доп. А. И., I, № 166.—Дворц. Разряды, I, стр. 1083—1084.—Подписи соборныхъ участниковъ въ С. Г. Г. Д., I, № 203, стр. 636 и слѣд. — О пожалованіи въ бояре 11-го іюля и 6-го декабря 1613 года см. Дворц. Разр., I, стр. 96 и 120. — О роли казачества въ пору царскаго избранія: И. Е. Забѣлинъ, «Мининъ и Пожарскій», стр. 299—300, и Палицынъ, стр. 291. Отзывъ поляковъ у Соловьева, II, стр. 1084; отзывъ шведовъ въ Доп. А. И., II, стр. 30.—О нижегородскихъ представителяхъ: Дворц. Разр., I, стр. 1085—1086; срвн. С. Платоновъ, «Замѣтки по исторіи моск. земскихъ соборовъ» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1883, мартъ), стр. 10—11.

249 (къ стр. 429). Дворц. Разр., I, стр. 13; П. Собр. Р. Лѣт., V, стр. 63.—Сношенія Пожарскаго съ цесаремъ не имѣли въ виду приглашенія на московскій престолъ германскихъ кандидатовъ (Памятн. Дипл. Снош., II, стр. 1403—1432).—Обстоятельное изложеніе извѣстій, касающихся избранія Мих. Ѳеод. Романова, сдѣлано А. И. Маркевичемъ въ статьѣ «Избраніе на царство М. Ѳ. Романова» (Ж. Мин. Нар. Просв., 1891, сентябрь и октябрь), къ которой и отсылаемъ желающихъ изучить вопросъ.

250 (къ стр. 430). С. Г. Г. Д., I. № 203, стр. 613.—О гостѣ Смирномъ у Палицына, стр. 293, и въ С. Г. Г. Д., I, стр. 640. — О торопецкихъ по-

слахъ срвн. Костомарова, «Смутное время». III, стр. 317—318, и Виленскій Археографическій Сборникъ, т. VII, № 48. По небрежности Костомарова, письмо Гонсѣвскаго о торопецкихъ выборныхъ возбуждало напрасныя недоразумѣнія (см. статью А. И. Маркевича въ Ж. М. Нар. Пр., 1891, сентябрь, стр. 185). Костомаровъ читалъ письмо Гонсѣвскаго такъ: «electia znowu miała być pro 23 Marca»,—и не было понятно, откуда явилось это число 23 марта, которое нельзя было примирить съ другими хронологическими данными. Правильное же чтеніе таково: «electia znowu miała być pro d. 3 Martii». Дата «pro die 3 Martii», разумѣется, дана по новому стилю; по старому же это будетъ какъ разъ 21-го февраля.—О томъ, что избраніе царя совершилось въ большомъ дворцѣ, а не въ Успенскомъ соборѣ, говоритъ Арсеній елассонскій (Труды Кіевск. Дух. Академіи, 1898, май, стр. 123).

251 (къ стр. 431). Петръ Третьяковъ,—одинъ изъ тѣхъ, кто рано сталъ служить Вору и поздно его покинулъ (см. въ этой книгѣ стр. 367 и 495),—игралъ при царѣ Михаилѣ очень видную роль, какъ и многіе другіе тушинцы. Онъ скрѣпилъ избирательную грамоту 1613 года (С. Г. Г. и Д., I, стр. 643) и даже вліялъ на ходъ дипломатическихъ дѣлъ (Соловьевъ, II, стр. 1090).—Изъ служилой литвы интересенъ Хмѣлевскій, о которомъ см. Adam Darowski, «Szkice Historyczne», II, стр. 87—118.

252 (къ стр. 433). О Заруцкомъ см. между прочимъ въ А. Э., II, № 201, Дворц. Разряды, I, стр. 1094—1127 и слѣд.; Н. И. Веселовскій, «Памятники», т. II, стр. 222—235, 309—367; т. III, стр. 1, 59—93 и др. (здѣсь интереснѣйшія свѣдѣнія о сношеніяхъ Марины и Заруцкаго съ шахомъ).—Отзывъ Массы въ Вѣстникѣ Европы, 1868, I, стр. 236.—О Донскихъ казакахъ интересна отмѣтка въ Донскихъ Дѣлахъ 22 декабря 1613 года (Русск. Ист. Библ. XVIII, стр. 25), что «они де во всемъ царскому величеству послушны и на всякихъ государевыхъ недруговъ стоять готовы».

253 (къ стр. 434). Въ боярское ограниченіе М. Ѳ. Романова намъ нѣтъ возможности вѣрить послѣ тѣхъ соображеній, какія нами высказаны о печальной судьбѣ седмочисленной думы. Въ историческихъ преданіяхъ, которыя обращались въ русскомъ обществѣ около 1730 года и касались ограниченій 1613 года, мы видимъ лишь извращенное воспоминаніе о дѣйствительномъ фактѣ соправительства съ царемъ Михаиломъ земскаго собора. Это воспоминаніе отлилось въ извѣстныя формы подъ вліяніемъ представленій о современныхъ политическихъ отношеніяхъ, занимавшихъ русскихъ людей второй четверти XVIII вѣка (См. А. И. Маркевича, «Избраніе на царство М. Ѳ. Романова» въ Журн. М. Нар. Просв., 1891, октябрь). Смущать насъ можетъ лишь извѣстіе Котошихина, еще не вполнѣ объясненное научною критикою (А. И. Маркевичъ, «Г. К. Котошихинъ

*

